

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Х. А. Амирханов

**ПЕРВОБЫТНЫЕ ДРЕВНОСТИ
ЗАПАДНОЙ ЕВРАЗИИ**

СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Москва
2020

УДК 902/904
ББК 63.4
А62

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

Ответственный редактор
академик Н. А. Макаров

Составители
к. и. н. К. Н. Гаврилов, к. и. н. Д. В. Ожерельев, Д. И. Стулова

Рецензенты
к. и. н. С. Ю. Лев, к. и. н. Е. В. Леонова

Амирханов Х. А.
А62 Первобытные древности Западной Евразии: статьи разных лет. – М.: Институт археологии РАН, 2020. 432 с.

ISBN 978-5-94375-312-1

Книга подготовлена к 70-летию юбилею Х. А. Амирханова и содержит некоторые статьи, опубликованные им в последние 30 лет в различных изданиях. Отбор статей для переиздания осуществлен с учетом того, чтобы отразить разнообразные научные интересы юбиляра, а также значимость отобранных работ для соответствующих направлений и тематики, к которым они относятся.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-312-1
DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-312-1

© Х. А. Амирханов и соавторы статей, 2020
© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2020

Оглавление

От составителей	5
-----------------------	---

Каменный век Южной Аравии

<i>Amirkhanov H. A., Lukashov A. A., Spiridonova E. A.</i> Early Pleistocene cave site of Al-Guza (layers K–N): the oldest paleolithic site on the Arabian peninsula	7
<i>Амирханов Х. А.</i> Местонахождения олдована на острове Сокотра	25
<i>Amirkhanov H. A.</i> The Middle Acheulian site Meshhed III in Wadi Douan (Republic of Yemen)	35

Исследования стоянок типа раковинных куч на южноаравийском побережье

<i>Amirkhanov Kh. A., Vogt B., Sedov A. V., Buffa V.</i> Excavations of a settlement of prehistoric fishermen and mollusk gatherers in the Khor Umayra lagoon, Gulf of Aden, Republic of Yemen	49
<i>Амирханов Х. А., Фогт Б.</i> Аль-Набва 2 – поселение древних рыболовов и собирателей моллюсков на побережье Аденского залива (Республика Йемен)	65
<i>Амирханов Х. А.</i> Кана' – поселение древних рыболовов на побережье Аденского залива	81

Каменный век Кавказа

<i>Амирханов Х. А.</i> Орудия-гигантолиты в индустрии олдована Дагестана	91
<i>Амирханов Х. А.</i> Археологические материалы Центрального Дагестана в контексте проблемы первоначального расселения человека	100
<i>Amirkhanov H. A., Ozherelyev D. V., Gribchenko Yu. N., Sablin M. V., Trubikhin V., Semenov V. V.</i> Early Humans at the eastern gate of Europe: The discovery and investigation of Oldovan sites in northern Caucasus	108
<i>Amirkhanov H. A., Ozherelyev D. V., Sablin M. V., Agadzhanlyan A. K.</i> Faunal remains from the Oldowan site of Muhkai II in the North Caucasus: Potential for dating and palaeolandscape reconstruction	120
<i>Амирханов Х. А., Таймазов А. И.</i> Раннеплейстоценовая крупнотщеповая индустрия Северо-Восточного Кавказа: стадийный статус	133
<i>Амирханов Х. А.</i> Палеолитическая культура Кавказа конца эоплейстоцена: олдован, ранний ашель, переходная стадия?	148
<i>Амирханов Х. А., Ожерельев Д. В., Успенская О. И.</i> Стоянка Мухкай IIa: экстраординарные находки эпохи олдована	164
<i>Амирханов Х. А.</i> Обзор исследований и состояние изученности среднего палеолита на Северо-Восточном Кавказе	176
<i>Амирханов Х. А., Аутлев П. У.</i> Из исследований верхнепалеолитических индустрий Прикубанья	188
<i>Амирханов Х. А., Таймазов А. И.</i> Палеолитические находки у с. Хадаги (Республика Дагестан)	200

<i>Амирханов Х. А.</i> К проблеме эволюции и периодизации верхнего палеолита Западного Кавказа	206
<i>Амирханов Х. А.</i> Хунзахская стоянка – памятник верхнего палеолита в Центральном Дагестане	221
<i>Амирханов Х. А.</i> Адаптация и некоторые аспекты культурогенеза (на примере раннеголоценовых памятников Кавказа)	234
<i>Амирханов Х. А.</i> Начало земледелия в Дагестане	241
<i>Vasilyev S., Amirkhanov H.</i> Palaeolithic Caucasus: Paleoanthropological Panorama	248
Верхний палеолит Восточной Европы	
<i>Амирханов Х. А.</i> «Восточный граветт» или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы?	265
<i>Амирханов Х. А.</i> Восточнограветтские элементы в культурном субстрате Волго-Окского мезолита	286
<i>Амирханов Х. А.</i> К методике исследования палеолита: уроки Зарайска и Авдеево (по поводу одной рецензии)	300
<i>Амирханов Х. А., Лев С. Ю.</i> Новые произведения палеолитического искусства с Зарайской стоянки	312
<i>Амирханов Х. А., Лев С. Ю.</i> Сравнительная характеристика и стилистический анализ статуэтки бизона с Зарайской стоянки	328
<i>Амирханов Х. А., Лев С. Ю.</i> Статуэтка бизона с Зарайской стоянки: археологический и знаково-символический аспекты изучения	341
Лингвистика: аваро-андийские языки	
<i>Амирханов Х. А.</i> Группа «дин» и группа «ден». Некоторые диалектологические и археолингвистические данные к этнической истории андийцев	359
<i>Амирханов Х. А.</i> Названия лошади и осла в аваро-андийских языках	368
<i>Амирханов Х. А.</i> Проблема дивергенции аварского и андийских языков в свете археолингвистического рассмотрения	375
<i>Амирханов Х. А.</i> Названия андийских сел: этимологический и семантический аспекты	383
Этноархеология	
<i>Амирханов Х. А.</i> Структура традиционного стойбища бедуинов Махры: архаизм элементов жилищно-хозяйственного комплекса	389
<i>Амирханов Х. А.</i> Языковая специфика на территории Южной Аравии в свете археологии позднего каменного века. (К постановке проблемы)	397
<i>Амирханов Х. А.</i> Ойконимы и этнонимы в Дагестане	399
Памяти учителя и друзей	
Слово о патриархе	409
Памяти В. П. Алексеева	412
Миша Аникович: картинки живой памяти о друге	416
Памяти Мамайхана Агларовича Агларова	428

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Идея составления данного сборника статей возникла у сотрудников Отдела археологии каменного века Института археологии РАН в связи с 70-летием со дня рождения Хизри Амирхановича Амирханова, который по совпадению именно к этому рубежу его биографии был избран действительным членом Российской академии наук.

Научная деятельность Х. А. Амирханова многогранна в тематическом отношении и весьма широка по своей хронологии и географическому охвату. Она затрагивает практически все эпохи каменного века таких разных регионов, как Кавказ, Восточная Европа и Аравийской полуостров. Общее количество научных трудов юбиляра, посвященных проблематике этих регионов, приближается к тремстам. Они публиковались на многих языках (русском, английском, французском, испанском, китайском, арабском), в разных странах и изданиях с различной степенью доступности для читателей. Многие исследования хорошо известны специалистам, а некоторые другие, не уступающие им по значимости и не потерявшие своей актуальности, имеются далеко не в каждой, даже специализированной библиотеке.

Вместить результаты сорока лет научных исследований Х. А. Амирханова в один том опубликованных статей, конечно, невозможно. Составители ограничивали свою задачу отбором наиболее значимых, с нашей точки зрения, работ, которые, хотя бы пунктирно, намечали основные научные направления и предмет интересов юбиляра. В соответствии с этим составлена и рубрикация материалов. Она включает в себя такие разделы, как: палеолит, неолит и постнеолит Южной Аравии; исследование памятников типа раковинных куч на побережье Аденского залива; каменный век Кавказа; верхний палеолит Русской равнины; этноархеология бедуинского стойбища и лингвоархеология, представленная статьями по сравнительно-историческому языкознанию (аваро-андийские языки). Этот список завершают очерки, посвященные учителю В. П. Любину и друзьям, с которыми жизнь связывала автора долгие годы и, которые, к сожалению, уже ушли из жизни.

В представленных в сборнике статьях отражено практически все разнообразие научных интересов Х. А. Амирханова и осуществленных им крупных разработок. Последние включают в себя: изучение материальной культуры на стадии ее возникновения и становления; первоначальное расселение и начало освоения человеком Евразии; культура каменного века различных регионов в контексте изменений в природной среде; адаптация к традиционному хозяйственно-бытовому укладу и формирование культурных стереотипов материального мира в относительно замкнутых социумах; становление производящего хозяйства на Кавказе; некоторые аспекты этносоциальной и историко-лингвистической характеристики древнего общества на Северо-Восточном Кавказе.

Составители исходили из того, что значимость данного издания не ограничится обозначением признания коллегами неординарных научных достижений Хизри Амирхановича. Оно, несомненно, принесет пользу, как свод статей, собранный воедино из разных источников и востребованный актуальной исследовательской практикой.

К. Н. Гаврилов,
Д. В. Ожерельев, Д. И. Стулова

КАМЕННЫЙ ВЕК ЮЖНОЙ АРАВИИ

**Stone Age
of South Arabia**

EARLY PLEISTOCENE CAVE SITE OF AL-GUZA (LAYERS K–N): THE OLDEST PALEOLITHIC SITE ON THE ARABIAN PENINSULA¹

Abstract. The paper deals with the materials obtained from the lower layers of the multilayered cave site of Al-Guza in South Arabia. The analysis of the available evidence makes it possible to date the stone industry to the Early Pleistocene and to define it as belonging to the Oldowan. Thus, for the time being Al-Guza provides the most reliable evidence of the initial settlement of this region by an early species of *Homo* associated with the Oldowan tool complex.

Keywords: South Arabia, Oldowan, industry.

INTRODUCTION

Quite a number of synthetic works on the Paleolithic of Arabia either state that no Early Pleistocene sites are known in the region or assess the reality of their existence very cautiously (Caton-Thompson, 1953; Van Beek et al., 1964; Report..., 1965; Kapel, 1979; Jaeger, 1983; Whalen and Pease, 1990; Whalen and Schatte, 1997; Petraglia, 2003; Rose, 2006; Crassard, 2008; Marks, 2009; Rose and Petraglia, 2009; Groucutt and Petraglia, 2012). However, most of these reviews fail to take into consideration the results of works of the Soviet-Yemen Expedition, which started its long-term field explorations in the early 1980s. Unfortunately, inasmuch as the materials obtained in the course of these works have not yet been published in languages other than Russian, they remain inaccessible for most Anglophone and Francophone colleagues. Meanwhile, the existing Russian publications contain both archaeological and natural science data shedding light on the question of the Early Pleistocene settlement of South Arabia (Amirkhanov, 2006). This applies particularly to the results of excavations at the cave of Al-Guza. The materials from this cave can give a valuable insight into both the character of the Early Pleistocene culture of the region and the character of environments humans had to cope with. The chronology of the phenomena presented herewith is based on solid evidence.

It is important to emphasize that the cave site of Al-Guza is not the only Paleolithic locality known in the area. The Al-Guza gorge and its environs (Western Hadramaut) revealed a fairly dense concentration of archaeological sites ranging from Oldowan to Late Stone Age. The overwhelming majority of these sites, however, are surface occurrences. The stratified Early Pleistocene sites concentrated in the Al-Guza gorge are a real gem among them.

Al-Guza is an offshoot in the system of small wadis draining into Wadi Dauan. Wadi Dauan is the biggest tributary in the western part of the main South Arabian valley – Wadi Hadramaut (Fig. 1). The gorge of Al-Guza attracts the attention of archaeologists due to the presence of numerous and well developed ancient karst formations. Depending on their state of preservation, the caves of this area are subdivided into three groups: intact (Bezmyannaya [Innominate] cave; Fig. 2A), with completely destroyed cave vaults (Sharkhabil cave; Fig. 2C), and with partly destroyed vaults (Al-Guza cave; Fig. 3 A–C). All of them are of karstic origin. In addition, there are some collapsed overhangs of mixed karstic and rockslide character (Fig. 2B).

Layers with Paleolithic material were discovered by us in two of the above-mentioned caves (Al-Guza and Sharkhabil) and in an overhang (Al-Amira). As to the intact cave (Bezmyannaya), its shallow deposits are consolidated as a solid breccia and defy excavation. However, it should be noted that these cemented deposits contain some flint objects. As there are no natural sources of flint in this wadi, it is highly probable that those objects are artifacts.

In the destroyed cave of Sharkhabil, as well as in the overhang of Al-Amira, our field investigations were limited to test pits having (of 2×2 m and a depth of 3 m) and the rock bottom was not reached. The deposits containing artifacts were not studied at all their depth.

¹ Amirkhanov H.A., Lukashov A.A., Spiridonova E.A. Early Pleistocene cave site of Al-Guza (layers K–N): the oldest paleolithic site on the Arabian peninsula // *Eurasian Prehistory*, 14 (1–2); 23–40.

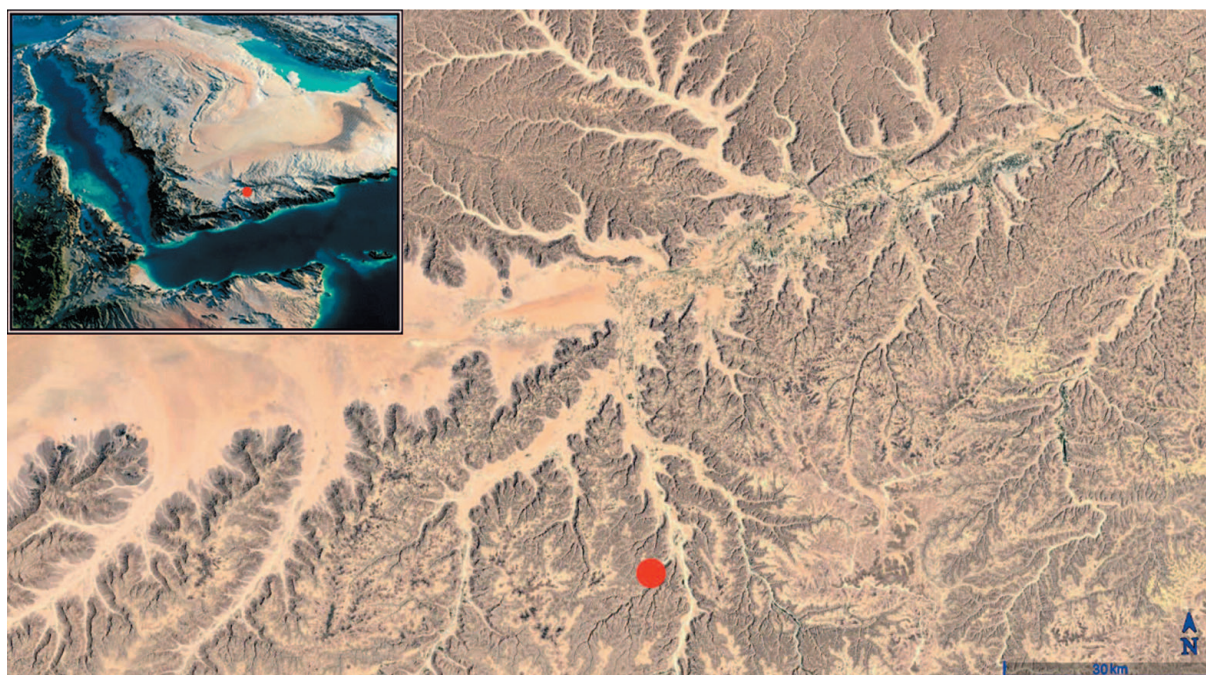

Fig. 1. Map showing the location of the cave site of Al-Guza

Our main efforts were focused on the excavations of the partly destroyed cave of Al-Guza. The excavations were carried out during three field seasons. The deposits of the cave were studied from the top to the base rock. The purpose of the present paper is to describe and interpret the materials obtained from the lowermost part of this sequence, namely from layers K–N. These layers contained rich paleobotanical materials (pollen and spores), and materials from layer N were used to establish a chronological framework through paleomagnetic and U-Th dating. In addition, a possibility exists to correlate the beginning of the formation of the cave deposits (layer N) with the geological history of Wadi Al-Guza itself, which sheds additional light on the geological age of the site.

GENERAL BACKGROUND TO THE SITE

The Al-Guza cave was discovered in 1984 and studied in 1984–1986. As has already been noted, it is situated in Western Hadramaut, some 500 m from the Al-Guza gorge's mouth, at the base of its steep left slope. It is only the rear part of the cave (3–4 m long) that is intact. The outlines of the remaining parts of the cave coupled with the evidence obtained in the course of excavations make it possible to reconstruct (more or less faithfully) the original volume and shape of the cave, which initially represented a horizontal karstic gallery (Fig. 4A). The height at the entrance must have been about 20 m, and the width no less than 2025 m. The total depth was about 50 m, with the inner (corridor) part constituting about a half of this distance.

The formation of the cave was connected with two vertical tectonic fractures clearly visible in the remaining part of the cave roof. These fractures are situated 6 m apart from each other. They have an east-west orientation and their horizontal direction roughly coincides with the longitudinal axis of the cave. The preserved part of the cavity is filled with loose deposits almost up to its roof (Fig. 3A–C). The thickness of these deposits in the preserved part of the cave reaches 5.6 m. The maximum width of the cave in this part is 10 m. The visible height from the top of the infill to the roof of the cave is 1.6 m. The portal of the cave is oriented south-west-west.

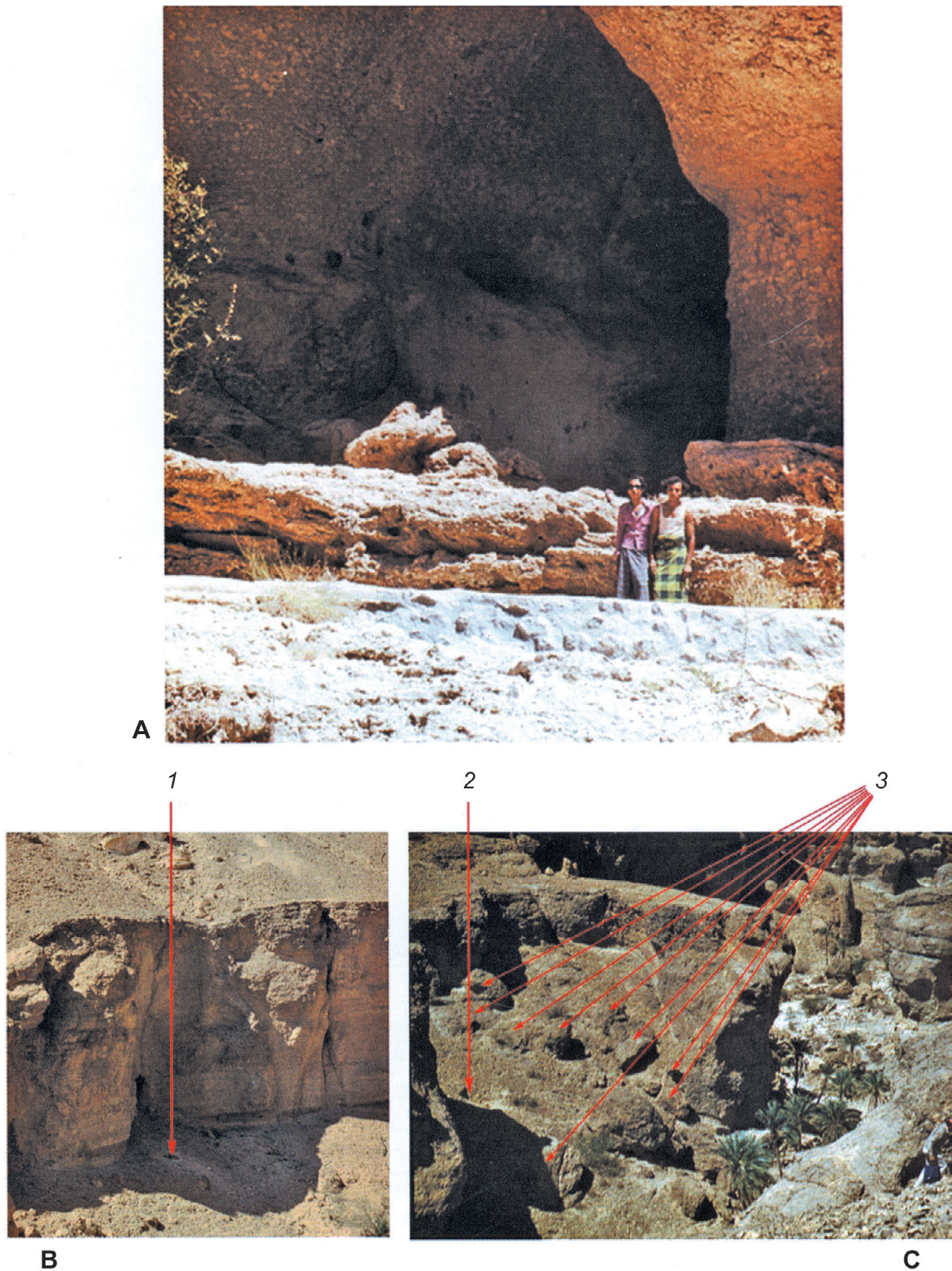

Fig. 2. Preserved Bezymyannaya cave (A), destroyed Sharkhabil cave (C) and destroyed rockshelter Al-Amira, (B) in the estuary of Al-Guza gorge. Arrows indicate 1–2 – test pits; 3 – stone blocks which fell from the roof and walls of the Sharkhabil cave

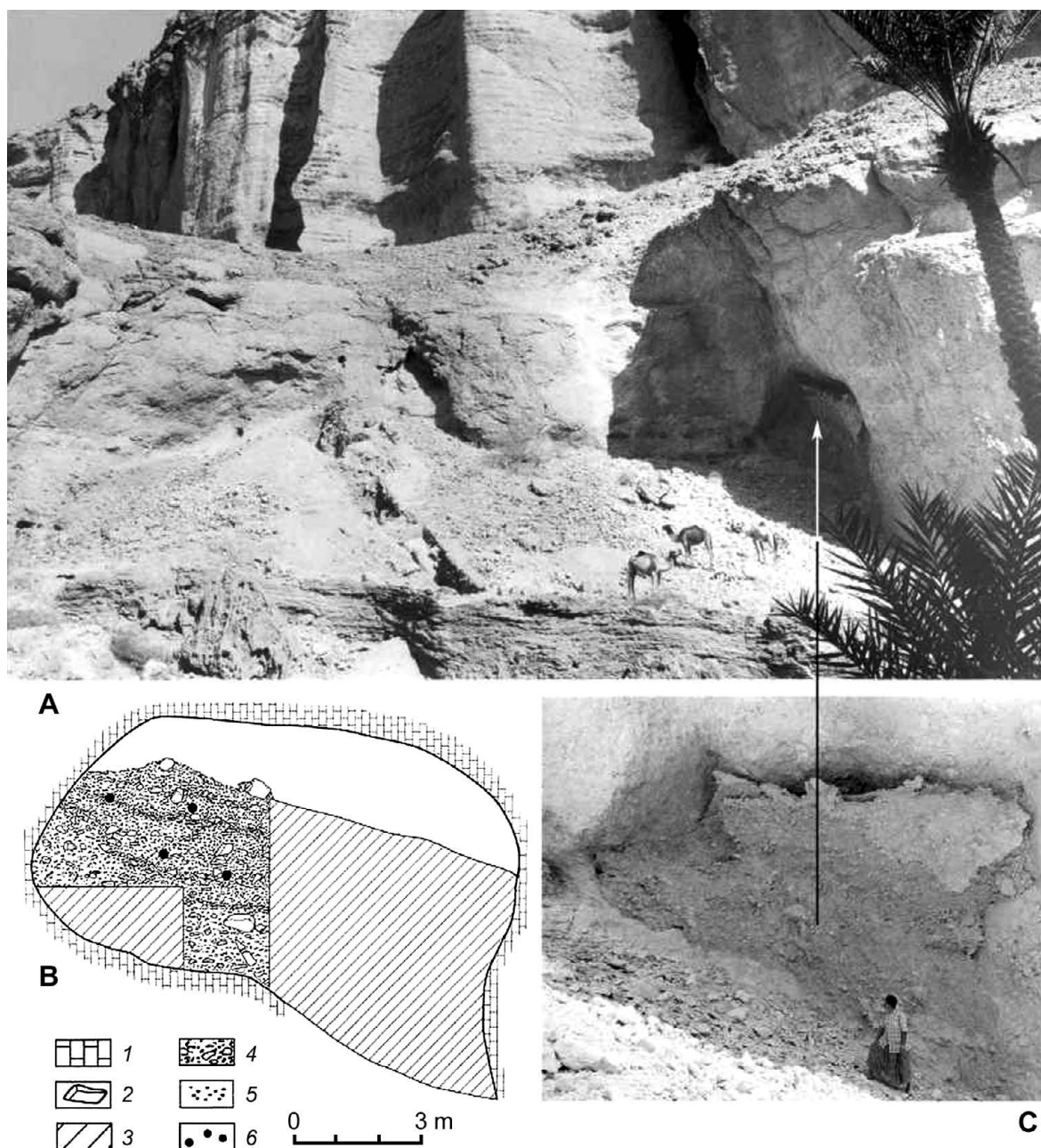

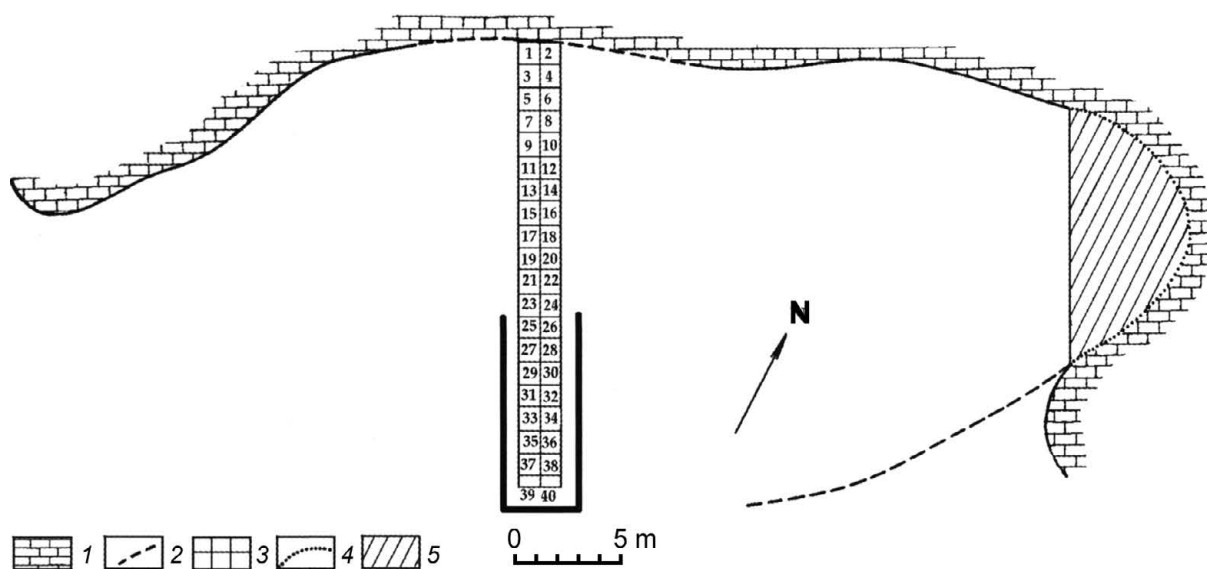
Fig. 3. Cave Al-Guza: A – general view; B – natural exposure of sediments in the preserved part of the cave; C – General view of a well-preserved part of the cave

1 – basal limestone; 2 – fragments of limestone; 3 – not drawn part of the natural section; 4 – rubble; 5 – gravel; 6 – stone artifacts in situ

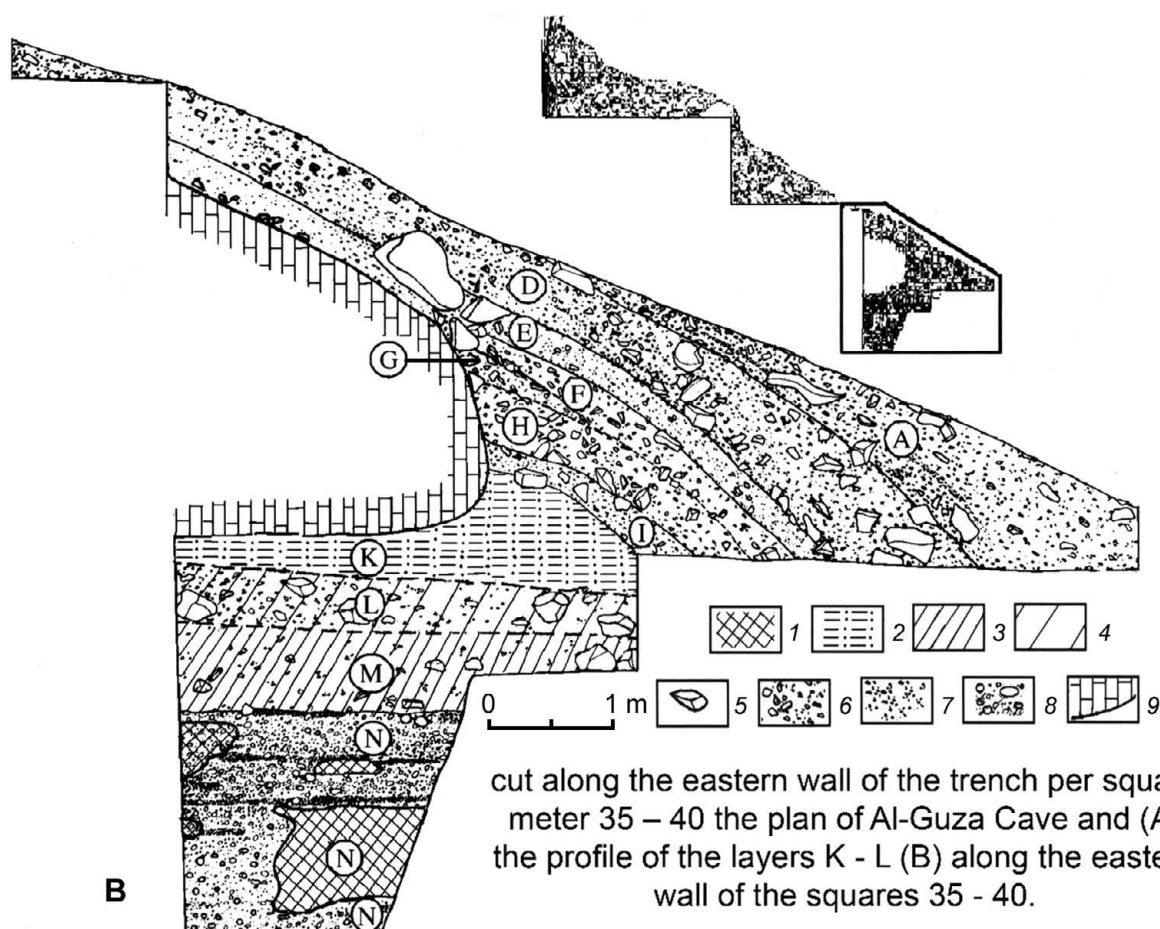
METHODS

A 2 m wide and 19.5 m long trench was excavated strictly at right angles to the supposed longitudinal axis of the cave, in the area with the greatest thickness of cultural deposits. This area is situated 24 m west (outward) from the preserved part of the cave and about 20 m east (inward) from the edge of the conjectured entrance of the cave (Fig. 5).

The trench uncovered an area of 39 square meters. Because of the inclination of the slope, the trench was dug in steps (three steps all in all), and therefore the size of the exposed area was not the same for different layers. At the level of layers K–M the trench noticeably

A

B

cut along the eastern wall of the trench per square meter 35 – 40 the plan of Al-Guza Cave and (A) the profile of the layers K - L (B) along the eastern wall of the squares 35 - 40.

Fig. 4. Cave Al-Guza: a plan showing the excavation trench (A) and a cross-section (B) of the lower part of the sediments (layers D–N) along the eastern wall of the excavation trench 1 – travertine; 2–4 – varieties of loam material; 5 – fragments of limestone; 6 – crushed stone; 7 – gravel; 8 – pebbles; 9 – a large limestone block of destroyed plafond of the cave

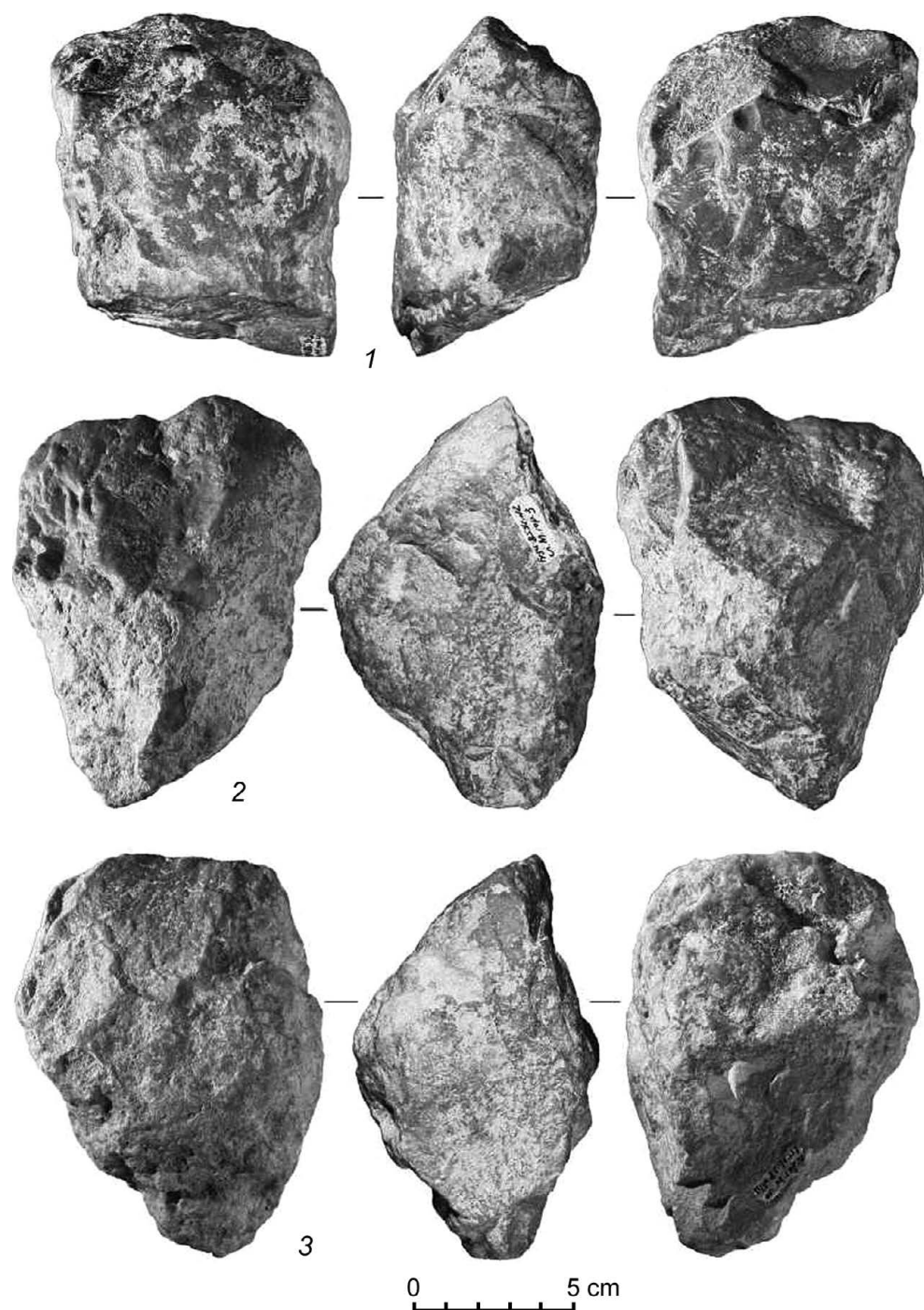

Fig. 5. Cave Al-Guza: layer M

1–3 – choppers

narrowed, and at the level of layer N it turned into a test pit. Thus, layers K and L were exposed over an area of 5 sq. m, layer M over 4 sq. m, and layer N over 1.5 sq. m.

The chipped stone inventory collected in the course of excavations was subject to careful typological and technological analyses. In addition, a part of the collection was studied for use-wear traces by V.E. Shchelinsky, the head of the Experimental-Traceological Laboratory at the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences.

The geological study of the site (lithological analysis, stratigraphic descriptions, geomorphological observations) was carried out by Prof. A.A. Lukashov (Moscow State University)

and Prof. A.L. Chepalyga (Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences); paleomagnetic research was done by Prof. V.A. Bolshakov (Moscow State University). Dr. E.A. Spiridonova (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences) conducted palynological analyses of several tens of pollen samples selected from the cave deposits (Spiridonova, 2006). The U-Th analysis of travertine samples from layer N was done at the Institute of Oceanology of the Russian Academy of Sciences.

LITHOLOGY AND STRATIGRAPHY OF CAVE SEDIMENTS

The excavations demonstrated that cave sediments with anthropogenic deposits are present not only in the preserved part of the cave but also beyond it. They occupy a considerable area, which had once been a part of a spacious karstic cavity. Of course, these layers did not preserve in the destroyed part of the cave, as they were partly truncated by the slope processes that took place after the destruction of the roof.

The total thickness of the deposits exposed at Al-Guza is 14.5 m. The generalized cross section includes 13 lithological layers, 12 of which contain archaeological materials. Layers with archaeological finds overlie one another with no sterile strata in between. The thickness of the deposits with cultural remains is 12.8 m. The main lithological and geological characteristics of the deposits are described in Table 1, following the stratigraphy of the eastern wall of the excavation trench.

The study of this section allows to conclude that the main part of the sediments in question are of spelean genesis, and the strata which make up this series had formed prior to the destruction of the cave vault. In particular, this is evidenced by the flat bedding of the layers. With the exception of modern layer A, the only other exclusion is layers D–I, which accumulated (in the area exposed by the trench) after the roof of the cave had partly collapsed. The gentle dip of the other strata is in sharp contrast to the present day surface with the slope angle of -25° towards the bottom of the gorge. The lowermost layers K–N lie horizontally, as do also the layers adjacent to the well preserved northern wall of the cave (layers B–C). Moreover, in this area layer B dips at a low angle in the direction opposite to that of the present slope.

The angularity of clastic products, the predominance of small fractions, the primarily horizontal orientation of limestone fragments – all these characteristics are usual for material which accumulated as a result of wall and vault desquamation. The spelean genesis of the deposits is also evidenced by the extreme compactness and even cementation of certain areas, as well as quantitative and qualitative differences between different layers in the content of clastic materials.

Worthy of special note is the presence in the destroyed part of the cave of an area with cultural layers which, due to special circumstances, appear to have preserved *in situ* without any post-depositional changes. These are layers K–N (Fig. 4B). They proved to be partly overlain here with a large limestone block of many tons in weight, which had fallen from the roof of the cave in the process of its collapse. Thanks to the peculiarity of taphonomic characteristics of these layers, their materials serve as a primary source of information for multidisciplinary studies.

CHIPPED STONE INVENTORY

Archaeological material in the form of chipped stone artifacts is present in all the twelve Pleistocene layers of the cave (layers B–N). Yet, the only representative collection from the lower layers K–N, which are considered in this work, is the collection of layer M. The overwhelming majority of the chipped stone artifacts found at Al-Guza are made of crystalline limestone (Table 2). In layer M, for example, 98.2% of all objects are made of this rock. While this raw material is of low quality, it was easily accessible in direct proximity to the cave in the form of concretions which fell out of the limestone rock mass due to weathering and other destructive processes.

Table 1. Stratigraphy of the eastern wall of the excavation trench

Layer	Description	Thickness, cm
A	This layer is present in sq. 31–40. It consists of loose brown-gray loam moderately saturated with clastic materials in the form of large fragments and limestone debris of different fractions. The position of the clastic material is chaotic; its orientation follows the longitudinal axis of the slope. The layer represents a deluvial-colluvial mantle covering ancient cave deposits. It yielded remains of a fire and a relatively fresh bone fragment. No Paleolithic artifacts were found.	Up to 105
B	Brownish, very compact, sandy loam heavily saturated with large (up to 45 cm in diameter) fragments, angular debris of different fractions and scree in the areas adjacent to the rock wall, as well as in the middle and lower parts of the layer. It is characterized by flat bedding. Large clastic fragments in the upper part of the layer have a pronounced dip towards the rock. An arched depression seen at the base of the layer in its northern part looks like the fill of a broad rill channel in the roof of the underlying layer. The presence of krotovinas was detected. The boundary with the underlying layer is distinct due to the difference in color, compactness, quantitative and qualitative composition of clastic materials. At a distance of 3 m to the north-west wall (see Fig. 4 A) the layer comes onto the surface. Archaeological remains are represented by worked chipped stone. The layer is present in sq. 1–8 and partly in sq. 9–10.	Up to 290
C	Brown at the moment of excavation and gray in dry conditions, extremely compact, partly cemented loam heavily saturated with large limestone fragments and, to a lesser degree than in layer A, angular small and middle-sized rock debris. Pieces of clastic material are often coated with light-gray salt film having a crystalline structure (gypsification). The layer contains archaeological finds in the form of chipped stones and remains of a fire. It is present in sq. 1–12 and partially in sq. 13–14.	Up to 250
D	Compact brownish loam saturated with big limestone fragments and limestone debris of small and middle fractions. The debris is unrounded, heavily weathered (sometimes almost decomposed), angular and platy, making up to 40–50% of the infill volume. Middle-sized (20 cm) and big (100 cm) blocks of limestone make about 20% of the infill volume, and earthly matter (loam) makes about 20–30%. Surfaces of clastic products may be gypsified. The latter is especially characteristic of the upper part of the layer, which acquires a whitish color. The roof of the layer lies horizontally, while its base is inclined towards the bottom of the gorge. Contacts are clear. Archaeological finds consist of worked chipped stone. The layer is present in sq. 15–36 and partially in sq. 13–14 and 37–38.	Up to 352
E	Very compact, partly cemented with gypsum (?), yellowish-gray loam saturated with small angular rock debris and scree and containing also isolated limestone fragments. It dips to the south, but does not repeat the inclination of the present surface of the slope. Archaeological finds consist of chipped stones and remains of a fire. The layer is present in sq. 25–34.	30
F	Brownish, very compact light loam heavily saturated with big limestone fragments and, to a lesser degree, with angular debris, mostly big-sized. The layer is dipping. The upper contact is visible, the lower one is clear. Some archaeological remains were found. The layer is present in sq. 25–30 and partially in sq. 31–32.	Up to 40

G	Very compact whitish marl loam saturated with scree and small rock debris and containing also isolated limestone fragments. The latter are angular and bear signs of chemical weathering. The layer is dipping and wedges out towards the southern part of the profile. The upper and lower contacts are clear. Some archaeological remains were found. The layer is present in sq. 25–32.	Up to 30
H	Analogous to layer F. Some archaeological remains were found. The layer is present in sq. 25–32.	Up to 40
I	Analogous to layer G. Some archaeological remains were found. Contacts are clear. The layer is present in sq. 25–30.	Up to 33
K	Very compact lumpy brownish loam with a low content of clastic materials in the form of flat platy fragments and small and middle-sized flaky rock debris. The layer contains archaeological remains in the form of worked chipped stone. It is present in sq. 25–30 and partially in sq. 31–32.	Up to 90
L	Brownish compact loam saturated with large limestone fragments and rock debris of small and middle fractions. The clastic materials occur chaotically and show no patterned orientation. The layer dips gently towards the bottom of the wadi (south). Contacts are identifiable. Archaeological remains are represented by worked chipped stone. The layer is present in sq. 25–30 and partially in sq. 21–32.	85
M	Pale, very compact, light loam saturated with rock debris of middle and small fractions and containing small inclusions of limestone fragments. Unrounded clastic materials occur chaotically, with no patterned orientation. The layer dips gently towards the bottom of the wadi. The upper contact is identifiable, the lower one is clear. Archaeological remains are represented by worked chipped stone. The layer is present in sq. 25–30 and partially in sq. 31–32.	70
N	Pebble-travertine layer, formed as a result of synchronous accumulation of pebbles and travertines. Pebble beds are formed by heavily rounded (up to the 3rd class) limestone fragments varying in size from pebbles to boulders. The filling matter (scree) changes from porous to porous-basal. There are some lenses of pure scree and, vice versa, pebbly areas with bright rust-colored traces of ferrugination where all the infill was washed away. Travertines mainly occur as continuous homogeneous tuff-like compact masses lacking any extraneous inclusions. The travertine tongues can penetrate into the pebble beds, sometimes in the form of lenses. In their horizontal distribution pebble beds gravitate towards the bottom side and travertines towards the opposite (cave) side. Localized areas of tuff compaction in the form of a thin (1 cm or less) horizontal calcite crust are noted in the upper part of the layer. The parts of the pebble bed and scree that are not covered with travertine are cemented with calcite solution (conglomerate). The upper horizon (25 cm thick) has a pale shade and includes cemented sandy loam as a filling matter. This horizon yielded archaeological finds in the form of worked chipped stone. The layer was excavated to the level of + 1.5 m from the bottom of the gorge. It is present in sq. 25–28.	Excavated to a depth of 170 cm

Table 2. Distribution of stone artifacts by the type of raw material

Raw material	Layers			
	K	L	M	N
Crystalline limestone	14	60	163	2
Quartz limestone	1	-	-	-
Silicified limestone	1	-	2	-
Flint	-	-	1	-
Pebble raw material	-	-	-	8
Altogether:	16	60	166	10

The prevalent use of raw material which was readily available near the cave can be detected starting with the lowermost layer N. The formation of this layer occurred synchronously with the accumulation of sediments in the limestone bed of the wadi. These sediments consisted of limestone and siltstone pebbles, some of which were washed into the cave. Correspondingly, the raw materials which were used by the first inhabitants of the cave are dominated by pebbles. By the time the above lying strata began to form, the accumulation of pebbles had ceased and the pebble bed became inaccessible because it was fully cemented by travertines and calcite salts. It was since that time, *i. e.* from the level of layer M, that crystalline limestone became the principal raw material for the inhabitants of the cave. Other types of rocks, such as silicified limestone and flint, are represented by single items. The very presence of these materials testifies that the inhabitants of the cave were aware of their properties and, probably, of the places of their occurrence. However, the search for and transportation of high quality raw material were not a priority for them.

The composition of the stone artifacts found in layers K–N is rather diverse and informative (Table 3). All the layers contain blanks for tools, finished tools and waste products. We see here a picture characteristic of base camps.

Worthy of attention is the absence of cores; although they are fairly numerous in the overlying deposits. However, while this deficiency is disadvantageous for the analysis of primary flaking technology, it is compensated by the presence of big numbers of flakes, including those with complete striking platform.

Table 4 clearly shows that the overwhelming majority of flakes from layer M have either plain or natural butts. Typological characteristics of these flakes indicate that they were removed from single platform unidirectional cores by means of hard percussion. That they were removed

Table 3. Categories of stone artifacts from layers K–N

№	Categories of artifacts	Layers			
		K	L	M	N
1	Choppers	–	5	15	6
2	Polyhedron	–	–	1	–
3	Side-scrapers on fragments	1	1	4	–
4	Side-scrapers on flakes	–	–	4	–
5	Notched tools on fragments	–	–	3	–
6	Notched tools on flakes	–	–	–	–
7	Beak-like tools	–	–	1	–
8	Large flakes	–	6	16	–
9	Middle-sized and small flakes	6	16	55	1
10	Fragments with single removals	5	14	36	3
11	Chips	–	10	13	–
12	Fragments of nodules	4	8	18	–
13	Total	16	60	166	10

Table 4. Types of striking platforms observed on flakes from layer M

Platform type	Layer M
Natural (with cortex)	14 (28,6%)
Plain	27 (55,1%)
Punctiform	8 (16,3%)
Total number of flakes with identifiable platforms	49 (100%)

from cores is evident, in particular, by the fact that the number of primary flakes is as low as 28%. On the other hand, this testifies that primary flaking itself took place directly on site. This is confirmed also by the presence of numerous waste products associated with tool manufacture.

The morphological peculiarities of the flakes described herein include a weak or very weak development of the bulb, as well as non-conical relief of the point of percussion (Girya, 2010). These characteristics can be accounted for by the character of the raw material. They are conspicuous enough to raise doubts as to the intentional production of some artifacts, especially if one considers them outside the general context of the collection.

Considering the dimensions of the complete flakes from layer M it is possible to divide them into big (over 10 cm) and small (less than 10 cm). The first group accounts for 8,2% of all flakes. The group of small flakes consists of approximately equal numbers of items up to 5 cm long and 5–10 cm long.

It is important to note that both the collection of layer M and collections of the other layers are extremely poor in small retouched flakes with thin profiles. Apparently, this can be due to the properties of raw materials.

From the typological standpoint, the most accomplished tools in layers L–N are choppers (Figs 5, 6). They can be divided into two big groups – with unifacial and bifacial flaking of the edge. The overwhelming majority of choppers belong to the second group, which consists of 13 items, while choppers with unifacially flaked working edges are represented by just two items. They can be further subdivided into several varieties according to the shape and width of their working edges. There are choppers with straight, wide and narrow edges, formed by bifacial flaking. The working edge can be arched or oblique, yet the most numerous are choppers with wide straight working edges. There are 8 such tools, while the whole category consists of 15 objects.

The choppers can be divided into two size groups – big and small. The former are on average 11 cm long, 9 cm wide and 7 cm thick, and the latter are 7 cm long, 6 cm wide and 5 cm thick.

Another distinctive category of stone tools are side-scrapers (Fig. 7.4–5). Layer M yielded a small series of these tools, while in the other layers they are represented by single items. About half of them are on flakes and the other half is on fragments. The category is dominated by longitudinal side-scrapers, while the group of transverse tools consists of only one item. Side-scrapers made on flakes are approximately of the same size as those made on fragments. The former are 8.5×7.2×2.8 cm, and the latter 8.5×6.7×2.9 cm. The maximum length of the retouched edge is 8.5 cm. The retouch itself is usually continuous, of middle and small size.

The collection of layer M includes three notched tools (Fig. 7.1–2). There is also one polyhedron and one beak-like tool (Fig. 7.3). All these objects are made on small natural pieces. The polyhedron is somewhat more massive than the rest of them.

Based on these data, one can conclude that both the technical and typological characteristics of the chipped stone assemblages from layers K–N fall within the range of traits observed in the Oldowan industry. We believe that this cultural-chronological stage is homogenous in as regards both the technological and typological aspects and should not be subdivided into Pre-Oldowan and Oldowan (for a discussion of this issue see Roche, 1989; Piperno, 1989; Roche *et al.*, 1999; Semaw, 2000; Semaw *et al.*, 1997; de Lumley *et al.*, 2004, 2005). One more important conclusion is that the materials from the uppermost layers B–I do not differ from the industry of layers K–N described herewith (Amirkhanov, 2006, 2008).

USE-WEAR STUDY

A specific characteristic of the artifacts from layer N is that some of them were found in a travertine mass. These objects are remarkable for their excellent preservation. After being freed of the travertine crust, the surfaces and edges of the worked areas look very fresh. Judging by these objects, it seems that a part of the tools was deposited into still unconsolidated travertine mass, which enveloped and conserved this material. These artifacts have been preserved almost in their original condition, without any noticeable changes.

The traceological study of the objects that were extracted from the travertine proved to be successful in one case. Clear use-wear traces were identified on the working edge of a big chopper (Fig. 8). The worked part of the edge bears negatives of three successive removals, one of which is big and the other two are small and overlap with the big one. The ridges of the negatives are clear, unrounded. The edge of the working part shows some traces of battering. The size of this chopper is 15.5×11.7×6.4 cm.

The remaining and biggest part of the tool had not been affected by any mechanical damage and looks fresh. However, both parts are equally coated with travertine. This fact unambiguously speaks for the edge of the tool being «rejuvenated», which, in turn, means that this object was in use for a long time.

The microscopic examination of the tool in question has revealed the presence of well-expressed traces of utilization on the part of the edge which was not affected by the «rejuvenation». Even a relatively small (50×) order of magnification is enough to see clear and systematic furrowed striations directed from the edge to the base of the chopper (Fig. 8). According to V.E. Shchelinsky, who is an authority in the field of use-wear and functional studies, such traces are characteristic of tools that were used for chopping dry wood.

DATING

The excavations have not yielded any materials of volcanic origins that could be used for dating. The only possibility to obtain absolute dates was to date travertine samples from layer N with the use of the U-Th method. The analysis carried out in the Institute of Oceanology of the Russian Academy of Sciences has shown that the age of the samples is beyond the reach of this method, and is therefore admittedly older than 400 ka. This result was used to interpret the data obtained in the course of a paleomagnetic analysis carried out for the lowermost layers of the cave. This analysis indicated a transition from reversed to normal polarity on the level of layer N. The combination of these two methods gives grounds to conclude that layer N cannot be younger than the Brunhes-Matuyama boundary (at ca. 800 ka, according to current views).

Geological evidence was also used to assess the age of the cave deposits. This became possible due to the fact that the lowermost layer N is stratigraphically linked with the cemented sediments that form the bottom of the wadi. The latter, in turn, can be correlated with the conglomerate beds occurring at the base of the sediments filling the valleys of the Western Hadramaut system and dating from the Lower Pleistocene. The accumulation of these conglomerates started immediately after the phase of the valley down cutting, when erosional processes were replaced by depositional ones. In the geology time sequence of the Arabian peninsula this event is correlated with the Late Pliocene-Early Pleistocene and dated to about 3-1,3/1, 1 Ma (Al-Sayari and Zotl, 1978). It is somewhere within this chronological interval that the lowermost (at least) layer of Al-Guza had formed. We do not have any direct evidence to determine the age of this layer more precisely, but there are two proxy indicators which permit to narrow down the above mentioned time interval. First of them is the fact that about 1.4 Ma in the regions surrounding Arabia, namely in East Africa (Leakey, 1972) and the Near East (Bar-Yosef, 1984), the Oldowan is replaced with the Acheulian industries. It is difficult to suppose that the development of culture in the Arabian Peninsula was radically different from what we see in the neighboring areas. Secondly, if the Oldowan spread into the Arabian Peninsula through the Strait of Bab-el-Mandeb, this event must have been coeval with a major sea regression which had

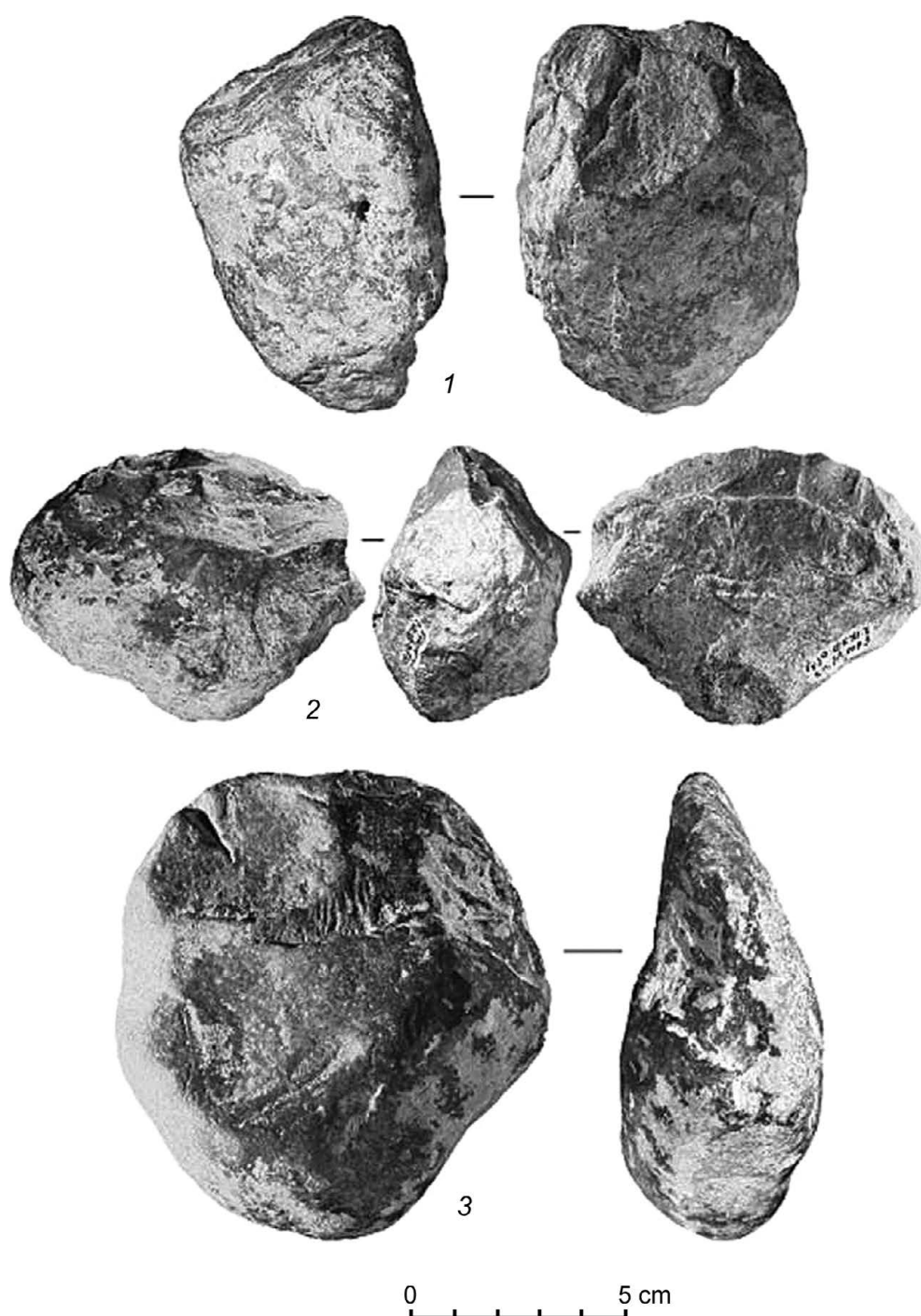

Fig. 6. Cave Al-Guza

1–3 – choppers: 1 – layer L; 2 – layer M; 3 – layer N

taken place earlier than 1.4 Ma. Assuming that sea regressions correlate with global glacial events, the regression in question should be correlated with the Danube (Danau) glaciation. It was probably in the beginning of this paleoclimatic event that the deposits of the Al-Guza cave were being formed. This suggestion agrees well with the fact that paleomagnetic samples from layer N show a reverse to normal polarity. Proceeding from the above, this transition can be correlated with the beginning of the Olduvai or Gilsa subchron. In this case the age of the cave deposits is about 1.8 Ma.

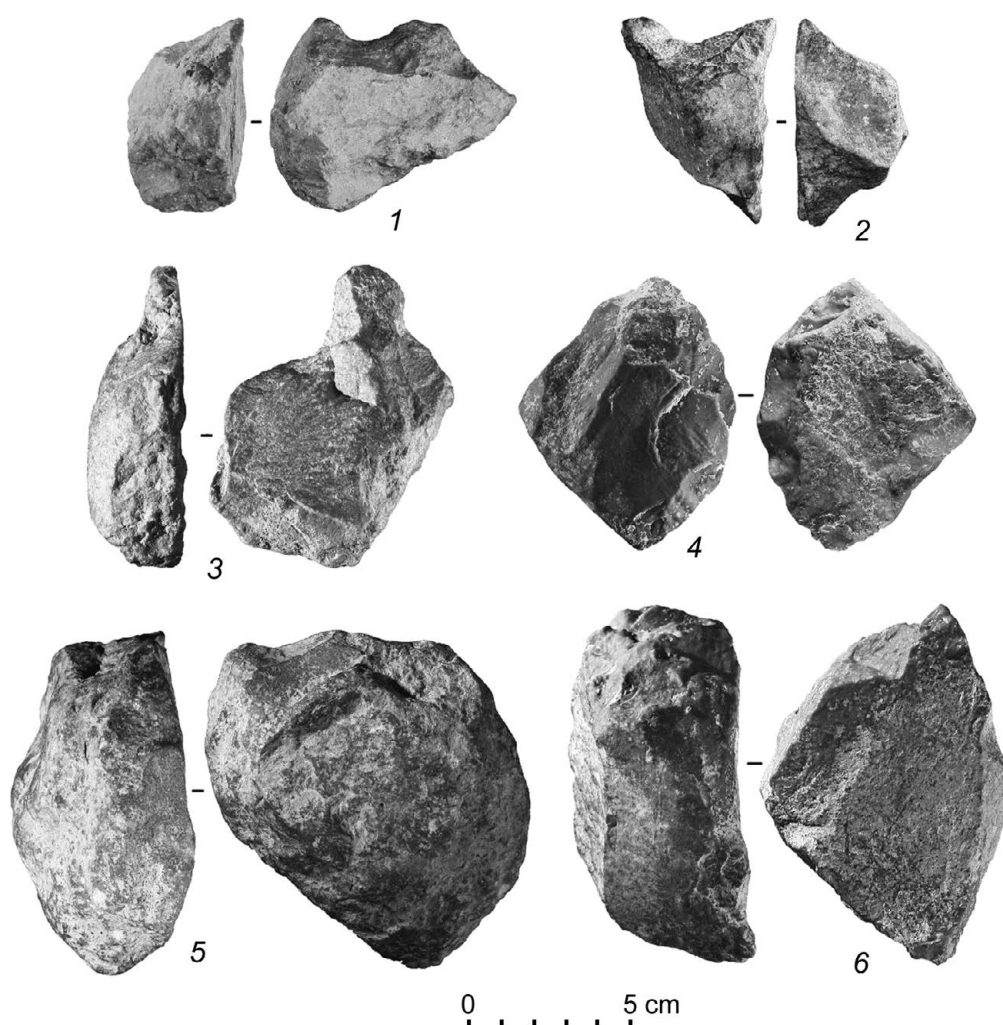

Fig. 7. Cave Al-Guza

1 – notched tools; 3 – beak-like tool; 4 – side scraper; 5 – transversal side scraper; 6 – scraper rabot.
1–5 – layer M; 6 – layer L

PALEOENVIRONMENTAL SETTING

The palynological analysis involved the study of 56 samples representing the entire cross-section of the excavation trench. The amount of pollen grains in most samples proved to be sufficient to build a pollen diagram.

Based on the qualitative and quantitative composition of the pollen spectra, the cross-section of Al-Guza can be subdivided into 6 pollen complexes. They do not include the lowermost layer (layer N), which yielded no pollen.

Layers M, L, K are united in a single palyno-complex (Fig. 9). The composition of pollen spectra from these layers points to a mosaic alternation of herbaceous, shrubby and arboreal vegetation typical of the tropical zone with wet summers and precipitation ranging from 200 to 500 mm. Dry thickets of arboraceous shrubs belonging to different species of *Burceraceae* and *Commiphora+Boswellia* dominated the landscape. Grass cover was mainly formed by wormwood-gramineous vegetation. Gallery forests with participation of *Ficus*, *Ceratonia siliqua* L. and, presumably, *Pistacea* were present within the limits of the wadi, near water pools or in places with a high level of ground water. No pollen of *Ceratonia siliqua* L., *Moraceae* Complex, *Acacia* and *Olea* was found in the lower part of the sediments, though it is present in some of the above-lying layers. The available evidence seems to indicate that palm *Chamaetrops humilis* grew on the slopes of the wadi when people first settled the cave.

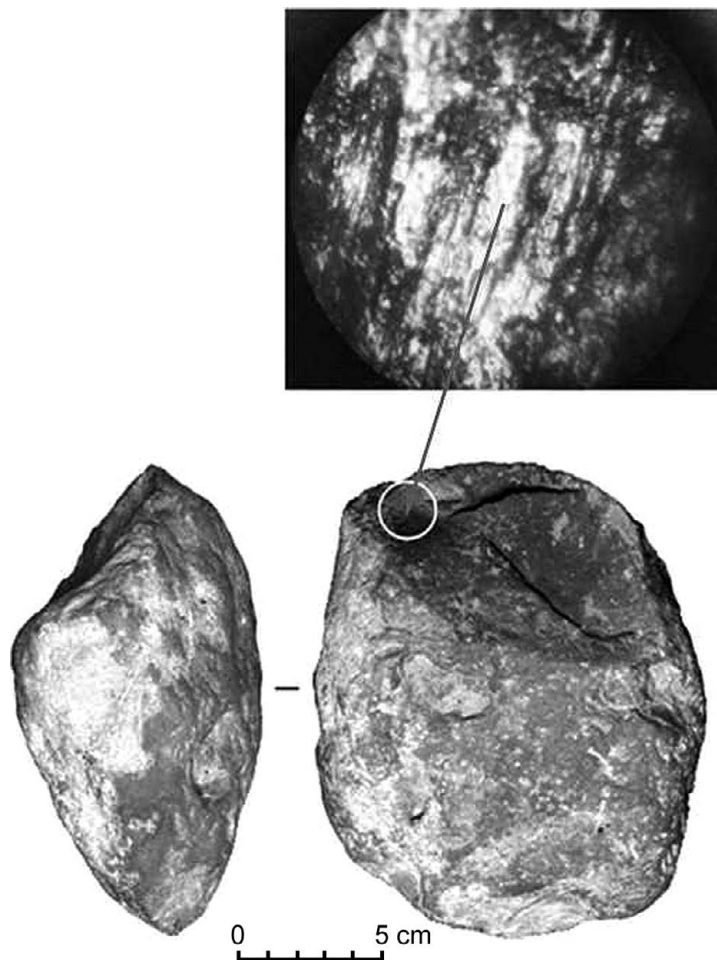

Fig. 8. Cave Al-Guza: layer N: chopper with traces of utilization on the working part of the tool (indicated by an arrow)

For comparative evaluation of the Early Pleistocene climatic conditions the Al-Guza inhabitants had to cope with, let us consider palynological data obtained for the locality of Meshkhed IV (Spiridonova, 2006). This site is situated in Wadi Dauan, at a distance of about 6 km from the Al-Guza cave. The thickness of loose deposits here is 12.7 m and they are dated to the Middle and Late Pleistocene. Altogether 42 samples were studied. The content of pollen in these samples proved to be low in comparison with Al-Guza. Due to the scarcity of data, it is difficult to characterize the landscape of Meshkhed IV but only in general terms. The available evidence allows to conclude that the predominance of *Commiphora+Boswellia* or *Acacia*, as well as the predominance of gramineous plants among the grasses, is characteristic of this sequence, too. A substantial difference from Al-Guza is the absence of some Mediterranean species, such as *Moraceae Complex* (figus), *Pistaceae*, *Olea*, *Juglans*.

Taken together, the results of these palynological studies are indicative of climatic conditions which were very different from those existing in the region of Al-Guza today. Now South Arabia is a part of the Afro-Arabian arid tropical belt, while in the period under consideration local vegetation was characterized by the presence of a well-pronounced Mediterranean component (Doe, 1971). The general characteristics of the climate are similar to the tropical ones. The modern average annual precipitation in the central part of South Arabia, which includes Hadramaut, is just 50 mm, while during the period under consideration it ranged, as has already been said, from 200 to 500 mm (Hötl and Zötl, 1978). The data from Meshkhed IV implies that during the subsequent periods, in the Middle and Late Pleistocene, humidity never reached this level again.

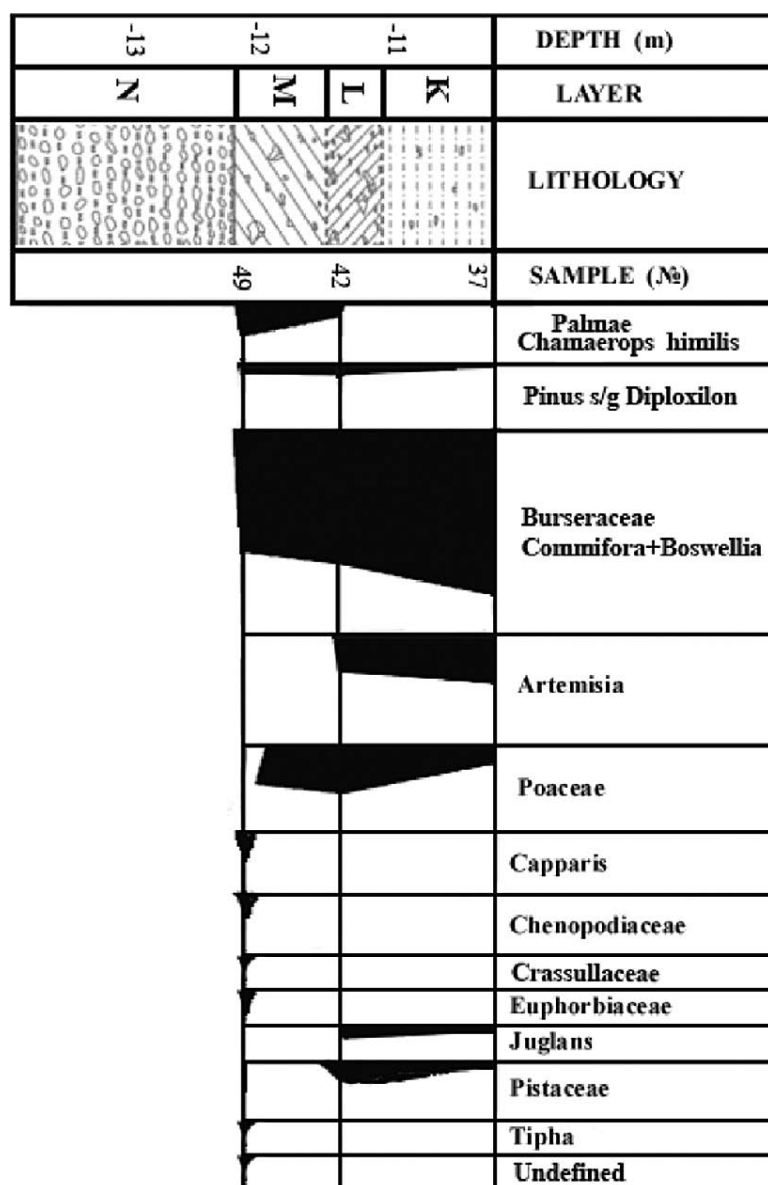

Fig. 9. Cave Al-Guza: pollen diagram for the layers K, L, M

CONCLUSION

The data considered above give answers to the main questions associated with the problem under consideration. First of all, they clearly demonstrate the presence in Arabia of stratified multilayered archaeological sites of Early Pleistocene age. Interestingly, the studied are cave sites, which were relatively uncommon in that period. The chronology of the lower layers (layers K–N) of the Al-Guza cave is based on a combination of geological, paleomagnetic and palynological evidence supplemented with an infinite U-Th date. The latter shows that the age of these layers is beyond the scope of the U-Th method. Considered in the context of cultural stratification of the African and Near Eastern Early Paleolithic, the available evidence provides a sufficient basis to date the lower layers of the cave to *ca.* 1.8 Ma. While this date is somewhat approximate, the Early Pleistocene age of the site remains undisputed.

As to the purely archaeological aspects of the study it is clear that bifacial technology is not present at Al-Guza and the tool set is dominated by choppers, while handaxes and cleavers are totally absent. This allows to define the assemblage of the site as belonging to the Oldowan industrial complex.

The study of the Al-Guza cave gives a unique possibility to consider the Early Pleistocene climates of Arabia on the basis of pollen evidence obtained from an archaeological context. According to this evidence, the lower cultural layers of the site were formed under climatic conditions that were close to the subtropical ones.

REFERENCES

- AL-SAYARI S., ZÖTL J. G. 1978. *Quaternary Period in Saudi Arabia*. Springer Verlag, Wien–New York.
- (AMIRKHANOV H.A.) АМИРХАНОВ Х.А. 2006. *Каменный век Южной Аравии*. “Nauka”, Moskva. [The Stone Age of South Arabia].
- AMIRKHANOV H.A. 2008. *Cave Al-Guza: The multilayer site of Oldowan in South Arabia*. Taus Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow.
- BAR-YOSEF O. 1984. Near East. In: O. Bar-Yosef (ed.) *Neue Forschungen zur Itsteinzeit*. C.H. Beck, Munchen, 232–298.
- CATON-THOMPSON G. 1953. Some Palaeoliths from South Arabia. *Proceedings of the Prehistoric Society* 19, 189–218.
- CRASSARD R. 2008. *La Préhistoire du Yemen: diffusions et diversités locales a travers de letude indusrties lithiques du Hadramawt*. British Archaeological Record nr 1842, Archeopress, Oxford.
- DOE D.B. 1971. *Southern Arabia*. Thames & Hudson, London.
- GROUCUTT H.S., PETRAGLIA M.D. 2012. The Prehistory of the Arabian Peninsula: Deserts, Dispersals, and Demography. *Evolutionary Anthropology* 21, 113–125.
- (GIRYA E.YU.) ГИРЯ Е.Ю. 2010. Открытия олдована на юге России в свете экспериментально-трассологического метода. In: О.М. Давудов (ed.) *Исследования первобытной археологии Евразии: Сб. ст. в честь 60-летия чл.-корр. РАН, профессора Х.А. Амирханова*. Наука ДНЦ РАН, Махачкала, 88–113.
- HÖTZL H., ZÖTL I. G. 1978. Climatic Changes During the Quaternary period. In: S. Al-Sayari, J. G. Zötl (eds) *Quaternary Period in Saudi Arabia*. Springer Verlag, Wien–New York, 301–311.
- JAEGER J.J. 1983. Le gisement d’Ubeidiya, importance et âge. *Paléorient* 9(1), 89–90.
- KAPEL H. 1979. *Atlas of Stone Age Cultures of Qatar*. Jutland Archaeological Society vol. VI. Aarhus University Press, Aarhus.
- LEAKEY M.D. 1972. *Olduvai Gorge, vol. 3: excavations in bed I and II, 1960–1963*. Cambridge University Press, Cambridge.
- LUMLEY H. de, BEYENE Y., BARSKY D., BYRNE L., CAMARA A., CAUSHE L., CELIBERTI V., FOURNIER A., PLEURDEAU D. 2004. L’industrie lithique preoldowayenne du site de Fejej FJ-1. In: H. de Lumley, Y. Beyene (eds) *Les sites préhistoriques de la région de Fejej, Sud Omo, Étiopie, dans le context stratigraphique et paléontologique*. Association pour la diffusion de la pensee frangaise (ADPF), Édition Recherche sur les civilisations, Ministère des Affaires Etrangères, Paris, 391–564.
- LUMLEY H. de, NIORADZE M., BARSKY D., CAUCHE D., CELIBERTI V., NIORADZE G., NOTTER O., ZVANIA D., LORDKIPANIDZE D. 2005. Les industries lithiques préoldowayennes du début du Pléistocene inferior du site de Dmanissi en Georgie. *L’anthropologie* 109, 1–182.
- MARKS A. 2009. The Paleolithic of Arabia in an Interregional Context. In: M.D. Petraglia, J.I. Rose (eds) *The Evolution of Human Populations in Arabia*. Springer Science+Buisness Media B.V., Netherlands, 295–308. DOI 10.1007/978-90-481-2719-120
- PETRAGLIA M.D. 2003. The Lower Paleolithic of the Arabian Peninsula: occupations, adaptation, and dispersal. *Journal World Prehistory* 17, 141–179.
- PIPERNO M. 1989. Chronosnratigraphic and cultural framework of the Homo habilis sites. In: G. Giacobini (ed.) *Hominidae: Proceedings of the 2-nd International Congress of Human Paleontology, Turin, September 28-October 3, 1987*. Jaca Book, Milan, 189–195.
- REPORT... 1965. Report on an Acheulian Hand-Axe from Jabel-Tala, South Arabia. *Antiquites, Report for the Year 1964–1965 and Bulletin* 7. Aden, 18–24.
- ROCHE H. 1989. Technological evolution in Early hominids. *Ossa* 14, 97–98.
- ROCHE H., DELAGNES A., BRUGAL G.P., FEIBEL C., KIBUNJA M., MOURRE V., TEXIER P.-J. 1999. Early hominid stone tool production and technical skill 2,34 Myr ago in West Turkana, Kenya. *Nature* 399, 57–60.
- ROSE J.I. 2006. *Among Arabian Sands: Defining the Palaeolithic of Southern Arabia*. Unpublished Ph.D. thesis. Southern Methodist University, Dallas.

- ROSE J. I., PETRAGLIA M. D. 2009. Tracking the Origin and Evolution of Human Populations in Arabia. The Evolution of Human Populations in Arabia. In: M. D. Petraglia, J. I. Rose (eds) *The Evolution of Human Populations in Arabia*. Springer Science+Buisness Media B. V., Netherlands, 1–12.
- SEMAW S. 2000. The World's Oldest Stone Artefacts from Gona, Ethiopia: Their Implications for Understanding Stone Technology and Patterns of Human Evolution Between 2.6–1.5 Million Years Ago. *Journal of Archaeological Science* 27, 1197–1214.
- SEMAW S., RENNE P., HARRIS J. W. K., FEIBEL C. S., BERNOR R. L., FESSEHA N., MOWBRAY K. 1997. 2.5 million-year-old stone tools from Gona, Ethiopia. *Nature* 385, 333–336.
- (SPIRIDONOVA E. A.) СПИРИДОНОВА Е. А. 2006. Палинологическое изучение культурных отложений пещеры Аль-Гуза. In: Х. А. Амирханов (ed.) *Каменный век Южной Аравии*. "Nauka", Moskva, 677–681.
- VAN BEEK G. W., COLE G. H., JAMMEA. W. F. 1964. An Archaeological Reconnaissance in Hadhramaut, South Arabia – a Preliminary report. *Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution, The Smithsonian Report for 1963, Publication 4587*, Washington, 521–555.
- WHALEN N., PEASE D. 1990. Archaeological survey in southwest Yemen. *Paléorient* 17, 127–131.
- WHALEN N., SCHATTE K. E. 1997. Pleistocene sites in southern Yemen. *Arabian Archaeology and Epigraphy* 8, 1–10.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ОЛДОВАНА НА ОСТРОВЕ СОКОТРА¹

Abstract. In the paper the Stone Age materials obtained by the Russian archaeological expedition in Yemen in 2009 are published. Technical-typological analysis of the stone inventory within the context of development of Palaeolithic in East Africa and Southwestern Asia suggests attribution of the discussed collections to the Oldovan epoch. Thus one of the directions of initial human settling is ascertained, in this particular case a deadlock one.

Ключевые слова: остров Сокотра, палеолит, индустрия, олдован, человечество, расселение.

Остров Сокотра расположен в северо-западной части Индийского океана (рис. 2) и принадлежит Республике Йемен. В историкогеологическом отношении он является самым крупным островом одноименного архипелага, являющегося продолжением оконечности Африканского рога. Помимо самой Сокотры в этот архипелаг входят острова Абд эль-Кури, Самха и Дарса, а также еще два безводных скальных выступа. Протяженность Сокотры в длину составляет 125 км; в ширину – 42 км; площадь – 3650 км². Расстояние до самого западного в этом архипелаге острова Абд эль-Кури от ближайшей к нему точки на африканском континенте – мыса Гвардафуй – 80 км. Расстояние от острова Сокотра до мыса Рас Фартак на аравийском побережье – 380 км (Miller, Morris, 2002; 2004).

В климатическом отношении архипелаг относится к зоне жарких и сухих тропиков. С точки зрения ботанического районирования архипелаг является частью Северо-Восточно-Африканской нагорной и степной провинции Палеотропического флористического царства. На Сокотре распространены элементы растительности, характерные для Афарско-Сомалийского региона Африки. Они сильно «разбавлены» изобилием эндемичных видов древесной, кустарниковой и травянистой растительности.

В зоогеографическом отношении остров относится к Восточноафриканской подобласти Эфиопской фаунистической области. В диком виде представители крупных млекопитающих здесь отсутствуют. Если не считать летучих мышей и землероек, то местные, коренные для острова виды млекопитающих не известны. Характерную для острова бедность состава фауны объясняют вымиранием многих исходных видов зверей и сложностью естественного проникновения сюда новых обитателей животного мира. В отличие от наземной богатством отличается морская фауна прибрежной зоны Сокотры. Здесь водятся в изобилии тунец, королевская макрель, скумбрия и другие виды промысловых рыб. Многочисленны ракообразные: крабы, лангусты, креветки, а также моллюски.

Геологическая история Сокотры является частью процессов, сопровождавших разделение единых прежде территорий Южной Аравии и Африканского рога. Примерно 20 млн. л. н. в районе Сокотры морской режим сменяется континентальным. В ботанико- и биогеографическом отношении Сокотра в это время являлась частью неразрывной территории юга Аравии и северо-востока Африки. Раскрытие Аденского залива и сопровождающее его опускание крупных блоков суши около 15 млн. л. н. приводит к удалению архипелага Сокотра от материковых пространств. А в плиоцене, около 6–8 млн. л. н., происходит разделение островов самого архипелага и обретение ими современных очертаний. С этого же времени начинается закладка на острове современной сети основных долин и формирование денудационно-тектонических впадин (Beydun, Bichon, 1970; Лукашов, 1988).

В плейстоцене геологические процессы и природные колебания на острове не отличались масштабностью своих проявлений. Наиболее существенными для этого времени можно считать колебания уровня моря, вызванные глобальными природно-климатическими изменениями. Трансгрессии межледниковых эпох с размахом до 10–15 м выше современного уровня моря зафиксированы на Сокотре для среднего и позднего плейстоцена. Последняя из плейстоценовых трансгрессий, относящаяся ко времени около 30 тыс. л. н., в прибрежном рельефе сформировала морскую террасу высотой 5–7 м (Свиточ, 1982). Наиболее

¹ Амирханов Х. А. Местонахождения олдована на острове Сокотра // КСИА. Вып. 227. М., 2012. С. 8–17.

высокие уровни морских террасовых галечно-валунных отложений с обильным включением кораллов и раковин моллюсков достигают примерно 30–35 м над уровнем моря.

Во время регрессий происходило существенное увеличение площади островов. В эти стадии Сокотра сливалась с другими островами архипелага (за исключением острова Абд эль-Кури) в единую сушу. Образовывался ли в такие отрезки непрерывный сухопутный мост между оконечностью Африканского Рога и Сокотрой – вопрос до конца не ясный. Но известно, что размах крупных регрессий достигал значений выше ста метров глубины относительно современного уровня моря. И, даже если в такие моменты не образовывалась сплошная перемычка между континентом и островом, на поверхность воды в пределах архипелага должно было выступать множество мелких островов и скальных гряд, разделенных друг от друга мелководьем.

С точки зрения общей геоморфологии остров Сокотра подразделяется на три основных геоморфологических района: прибрежная равнина, окаймляющая остров преимущественно на юге полосой до 8 км ширины, платообразная возвышенность с высотами, в среднем, 300–900 м и горы Хагьер (максимальная высота – 1525 м), протянувшиеся через восточную часть острова в субширотном направлении.

Четвертичные отложения на Сокотре распространены ограниченно. В виде слабого чехла красноцветных почв они покрывают прибрежную полосу острова, а также некоторые районы плато. На северном побережье, особенно в центральной его части в районе от г. Хадибо до мыса Рас Хаулаф, рыхлые отложения обширной приморской равнины представляют собой указанные выше галечно-валунные отложения, полого опускающиеся от скального подножия плато к берегу. Сколько-нибудь заметную террасовую лестницу они не образуют. О максимальной высоте этих отложений над уровнем моря уже говорилось. Уровень же линии перегиба практически лишенных рыхлых отложений подножий плато к приморской равнине составляет около 40–45 м над уровнем моря.

На указанном отрезке побережья отмеченные отложения на всю их мощность прорезают относительно крупные вадии: Хажря (к востоку от с. Сук), Динагхен (к западу от с. Сук) и вадии на восточной окраине г. Хадибо – административного центра острова. В естественных обнажениях этих вадии максимальная мощность сцементированных четвертичных галечно-валунных отложений не превышает 4 м. Днище верховий и средних частей вадии центральной части острова на всю ширину заполнено валунно-галечным материалом.

История Сокотры известна очень отрывочно. Это особенно относится ко времени, предшествующему позднему Средневековью. Сейчас на острове выявлено более полусотни археологических памятников. Если основываться на тех из данных, достоверность которых не может быть оспорена, то прочное заселение острова надо относить к первым векам нашей эры. Однако довольно активно обсуждается вопрос и о возможности заселения данной территории уже во второй половине I тыс. до н.э. (Седов, 1988). Это не кажется невозможным, учитывая то, что сам остров в античное время был известен – он упоминается в сочинениях древних авторов.

Что касается обитаемости острова в каменном веке, то этот вопрос специально никогда не ставился. Правда, высказывалось предположение, что некоторые находки кремневых изделий, обнаруженные в горной части острова, могут относиться к пережиточным проявлениям заключительных этапов каменного века, проявляемых в «историческое время» (Наумкин, 1988. С. 83). Но сколько-нибудь доказательные основания для этого (в том числе и технико-типологические) отсутствовали.

Если бы даже теоретически можно было бы допустить случайное попадание сюда людей вплавь на примитивных судах в неолите, т.е. 5–8 тыс. л. н., то о подобном заселении острова в более раннее время говорить невозможно. Тем интереснее обнаружение здесь культуры наиболее ранней стадии древнекаменного века.

Особый интерес с рассматриваемой точки зрения вызвали многочисленные находки каменных орудий, сделанные в октябре 2008 г. участником российской археологической экспедиции в Йемене В. А. Жуковым. Предметы были найдены на северном побережье острова в нескольких пунктах к востоку и западу от г. Хадибо. Для выяснения вопросов,

возникающих в связи с этими находками, в феврале 2009 г. автором и В.В. Наумкиным была осуществлена небольшая специальная экспедиция на Сокотру. В виду ограниченности времени и средств, полевые работы решено было сосредоточить на хадибской приморской равнине северного побережья. Были совершены также рекогносцировочные поездки к городу Калансия на западной оконечности острова, на плато и в вади Дирх'о в центральной части острова к югу от гор Хагьер.

Основным результатом работ в части поиска материалов явилось установление того, что преимущественно в устьевых частях трех вади названной равнины (вади Хажря, Динагхен, Хадибо) сосредоточены остатки десятков, а скорее, сотен стоянок. Эти остатки стоянок выглядят как «пятна» скоплений каменных орудий на современной поверхности с повторяющимся и строго определенным типологическим составом, в котором господствуют чопперы – рубящие галечные орудия в сочетании с пиками. В отдельных случаях эти скопления совпадают с круговыми выкладками из крупных камней. Выкладки имеют разную степень сохранности. Отмечаются две их разновидности – с диаметром примерно 3 м и в виде небольшой круговой очажной выкладки. Связь данных структур со скоплениями каменных изделий невозможно доказать стратиграфическим методом, но исключать контекстуальную и планиграфическую связь между этими двумя категориями находок нельзя.

Чрезвычайно много каменных артефактов сосредоточено на пространстве между вади Хажря и вади Динагхен. При этом на наиболее древних из известных на острове до настоящего времени археологических памятниках (раннесредневековые селища), находящихся в 1 и 2 км от исследованного нами участка, полностью отсутствуют каменные орудия, подобные тем, о которых идет речь. Не обнаружены они нами и в каком бы то ни было ином контексте в других районах острова.

Бессистемный, выборочный сбор только выигрышных вещей на данном комплексе памятников, конечно, не допустим. Он только разрушит контекст объектов. Поэтому решено было сосредоточиться на наблюдениях (без изъятия артефактов) над характером материала и его распространением на площади нескольких гектаров в сочетании с максимально подробным изучением одного более или менее типичного скопления.

В геоморфологическом отношении избранный для исследования район представлял собой линию плавного перегиба предгорной равнины к береговой полосе. Абсолютный уровень высоты здесь составляет примерно 30 м. Маломощные рыхлые отложения сформированы красноцветным суглинком, обильно насыщенным валунами и галькой. В составе обломочного материала достаточно много обломков кораллов. Встречаются раковины морских моллюсков плохой сохранности. Отсюда и на несколько километров на восток, т.е. в сторону административной столицы острова – Хадибо, на абсолютной высоте около 30 м и на расстоянии примерно 2 км от берега моря на поверхности обнаруживаются выразительные археологические остатки в виде каменных артефактов архаичного облика. На некоторых участках отмечаются пятна с существенно более плотным скоплением материала. Типичным в этом смысле является пункт вади Хажря 1.

Помимо сборов материала в пункте вади Хажря 1, в качестве образцов нами было взято ограниченное количество артефактов, показательных по исходному сырью и технико-типологическим характеристикам, еще с двух участков: в 200 м к востоку от данного пункта (вади Хажря 2) и в 200 м к западу от него же (вади Хажря 3).

Столь плотное сосредоточение памятников в изученном нами районе, конечно, не является случайным. Трудно найти какое-либо другое место на острове, где сочетались бы вместе столько факторов благоприятных для жизнеобеспечения. Тут встречается в изобилии хорошее сырье для каменных орудий (кремнистый сланец), водоносные русла с высоким стоянием грунтовых вод, сочетание морских и сухопутных пищевых ресурсов и сближенность друг к другу различных ландшафтных поясов.

Местонахождение, обозначенное как вади Хажря 1, расположено на левом берегу приустьевых участков одноименного вади, примерно в 1 км к югу от с. Сук и приурочено к линии перегиба предгорной равнины в сторону моря. Оно входит в указанную выше

широкую зону распространения каменных артефактов, идущую вдоль берега (на расстоянии 1–2 км от прибрежной линии) в виде полосы длиной в несколько километров.

Площадь сбора материала представляла собой прямоугольник размерами 6×12 м. Она охватила собой практически целиком «пятно» скопления находок. В данном пункте нами был заложен разведочный шурф размерами 2×2 м и осуществлены сплошные сборы археологического материала с современной поверхности на указанной выше площади.

Мощность рыхлых отложений в шурфе составила всего 35 см. Это значение показательно для большей части территории, примыкающей к описываемому шурфу. На указанной глубине выступает цоколь в виде сильно корродированного известняка. Литологический состав вскрытых рыхлых отложений однородный на всю глубину – красноватый суглинок, обильно насыщенный галькой разной величины и валунами. Объемы мелкозема и крупнообломочного материала примерно равновеликие. В виде включений здесь отмечаются блоки сильноцементированного конгломерата. По-видимому, это частично переотложенные фрагменты древних морских отложений.

Археологические находки в шурфе встречены только на глубину до 10 см от современной дневной поверхности. Не исключено, что каменные изделия проникли на небольшую глубину рыхлых отложений в результате каких-то естественных причин, например, гравитационных процессов.

Состав находок из шурфа представлен следующими артефактами:

1.	Скребло зубчатое на массивном отщепе	1
2.	Отщепы массивные	2
3.	Отщепы средние	2
4.	Обломки галек	2
5.	Чешуйка оббивки (галечная)	1
Всего: 8		

Сырьем для подавляющего большинства предметов послужил окремнелый сланец (7 экз.). Один предмет (массивный отщеп) определяется как гранит. Видимые признаки окатанности или механических повреждений на изделиях не отмечаются. Из этого можно заключить, что предметы не подвергались сколько-нибудь заметному естественному перемещению.

Из орудий описываемой группы внимания заслуживает предмет, определенный как скребло зубчатое. При ином взгляде его можно определить и как чоппер односторонний на массивном обломке гальки. Однако характер лезвия, а именно его незначительная массивность, говорит в пользу отнесения его к категории массивных скребел.

Примечательно также наличие в составе находок галечной чешуйки оббивки. Это можно рассматривать как показатель изготовления или использования в данном пункте галечного орудия.

Рассмотренные артефакты, как следует из приведенных выше замечаний, можно рассматривать как нечто целое с находками, обнаруживаемыми на современной поверхности (рис. 3, 1, 4; 4, 1). Последняя же группа находок составляет 25 предметов. Типологически они распределяются следующим образом:

1.	Нуклеус-многогранник	1
2.	Массивный обломок гальки	1
3.	Обломок гальки со сколами	1
4.	Чопперы односторонние	2
5.	Чоперы двулезвийные	2
6.	Чоппер с долотовидным лезвием	1
7.	Пик	1
8.	Отщепы крупные	7
9.	Отщепы средние	4
10.	Отщепы мелкие	4
11.	Отбойник	1
Всего: 25		

Соотношение изделий по составу сырья в описываемой группе такое же, как и у предметов из шурфа – один предмет из гранита; остальные – из окремнелого сланца. Предметы имеют в большинстве случаев слабую выветрелость. Грани негативов сколов слегка заглажены.

Типологический состав находок не оставляет сомнений в том, что полный цикл производства орудий происходил здесь же на месте. Памятник можно квалифицировать как стоянку-мастерскую, или базовую стоянку. Следовательно, заключения о технико-типологических характеристиках индустрии, основанные на данной коллекции, могут претендовать на то, чтобы считаться полноценными.

Примерно в 200 м к востоку от описанного пункта, как указано выше, нами осмотрено другое местонахождение, обозначенное, как вади Хажря 2. Сплошной сбор материала не производился. С площади 50×50 м отобрано 15 предметов, дающих адекватное представление о характере инвентаря данного местонахождения. По своим основным характеристикам (плотность залегания находок, типологический и категориальный состав, технология изготовления орудий, исходное сырье, степень сохранности) инвентарь данного памятника ничем не отличается от описанного выше соседнего памятника. Нижняя плоскость предметов (плоскость, на которой они залегали на поверхности красноцветного мелкозема) имеет красноватую окрашенность. Это является, как нетрудно догадаться, свидетельством того, что первоначальная экспозиция археологического материала не подвергалась существенному изменению и что в данном положении предметы залегали достаточно долгое время.

Сырьем для изделий послужил окремнелый сланец. Лишь в одном случае массивный чоппер изготовлен из красного гранита.

Собранная нами на этом местонахождении коллекция из следующих предметов (рис. 3, 2, 5; 4, 3):

1.	Чопперы односторонние	3
2.	Чопперы двусторонние	3
3.	Чоппер двулезвийный	1
4.	Пик	1
5.	Дискоид	1
6.	Скребло-чоппер	1
7.	Отщепы средние	4
8.	Отщепы мелкие	1

Всего: 15

Аналогичным рассмотренному является местонахождение вади Хажря 3, наблюдаемое в виде скопления каменных изделий в 200 м к западу от пункта вади Хажря 1 (соответственно, примерно 400 м на восток от вади Хажря 2). Исходное сырье и внешние характеристики материала (рис. 3, 3, 6) здесь такие же, как и на соседних местонахождениях. В качестве образцов нами взято из данного скопления 5 предметов:

1.	Чопперы односторонние	3
2.	Чопперы двулезвийные	1
3.	Отщеп крупный	1

Если коснуться в общем виде техники первичной обработки материалов рассматриваемых коллекций, то следует отметить малочисленность в них изделий, которые можно квалифицировать в качестве предметов, предназначенных для производства заготовок, тем более не приходится говорить о стандартных формах ядрищ, соответственно и ударные площадки отщепов имеют в большинстве случаев галечное покрытие. Другой вариант характера площадки – широкая гладкая плоскость без каких-либо признаков предварительной подготовки.

Среди отщепов преобладают предметы крупных (более 8 см) и средних (от 4 до 8 см) размеров. Отсюда следует, что в составе всей обнаруживаемой совокупности отщепов существует достаточно представительная группа таких, которые получены не в результате изготовления других орудий (например, чопперов), а рассматривавшаяся изготовителем как имеющая самостоятельную значимость. То есть намеренное скалывание отщепов все-таки осуществлялось.

Заслуживает внимания отсутствие в коллекциях изделий, оформленных ретушью на отщепах. Как видно из приведенных выше типологических списков, в коллекциях имеются единичные предметы, определяемые как массивные скребла. Но это не орудия на отщепах в прямом смысле слова, и обработка их осуществлена не ретушью, а крупной оббивкой.

Наиболее выразительное орудие в рассматриваемых коллекциях – чоппер (рис. 3; 4). Оно представлено многочисленными и совершенными экземплярами различных модификаций. Изготавливалось оно преимущественно на гальках, но, кроме того, обломках, массивных отщепах и желваках. Для оформления орудия обычно подбирались галька с предпочтительными параметрами. Но если заготовка была чересчур крупной, то излишняя массивность удалялась ударным сечением («обрубом»). В необходимых случаях этот способ использовался для регулирования ширины лезвия, усечения краев орудия и оформления обушковой части.

Типологически в категории чопперов представлено практически все разнообразие типов, характерное для олдована: односторонние и двусторонние, одинарные и двойные, с широким и долотовидным лезвием, с линейным и стрелчатым лезвием. Заслуживает особого внимания сочетание здесь чопперов с великолепными образцами массивных трехгранных пиков (рис. 1).

Таким образом, мы имеем коллекции каменных орудий, которые в типологическом отношении могут быть отнесены только к олдованскому технокомплексу. Разнотечения могут быть только в вопросе о том, представлен здесь типичный олдован или же его ранняя стадия, называемая часто «преолдованом». В пользу первого говорит наличие в рассматриваемых материалах пика, а отсутствие ретушированных орудий на отщепах склоняет ко второму.

Рассмотренные выше данные являются достаточными для общей культурно-хронологической атрибуции рассматриваемых памятников. При попытке определения возраста памятника с залеганием материала на современной поверхности существует стандартное замечание о невозможности датировки подобных материалов с опорой на одни только археологические данные. Как правило, этот скепсис бывает обоснованным. Но в таких случаях, как рассматриваемый здесь, он не оправдан. Даже независимо от характера каменного инвентаря, в нашем случае хотя бы можно сказать, когда заселение острова могло произойти в принципе и когда это было исключено. Если заселение было многократным, то и в этом случае каждый из гипотетических эпизодов мог бы быть зафиксирован. Любые предполагаемые инфильтрации населения на остров могли иметь место только в периоды крупных морских регрессий. Поэтому диапазон временных рамок этих событий вполне может поддаваться более или менее приблизительному расчету. Направление же миграции по естественно-географическим причинам не могло иметь никакого другого направления, кроме как со стороны Северо-Восточной Африки.

Вопрос, связанный с задачей датировки рассматриваемых здесь археологических материалов, приобретает четкую постановку, предполагающую вполне определенный ответ, он формулируется следующим образом: мог ли технокомплекс олдована распространиться на остров Сокотра из Северо-Восточной Африки позже того времени, когда на исходной территории перестала существовать культура олдована? Понятно, что положительный ответ на вопрос был бы абсурдным.

Характер рассматриваемых материалов приводит к заключению, что процесс заселения острова в палеолите в историческом масштабе был одноразовым, эпизодическим

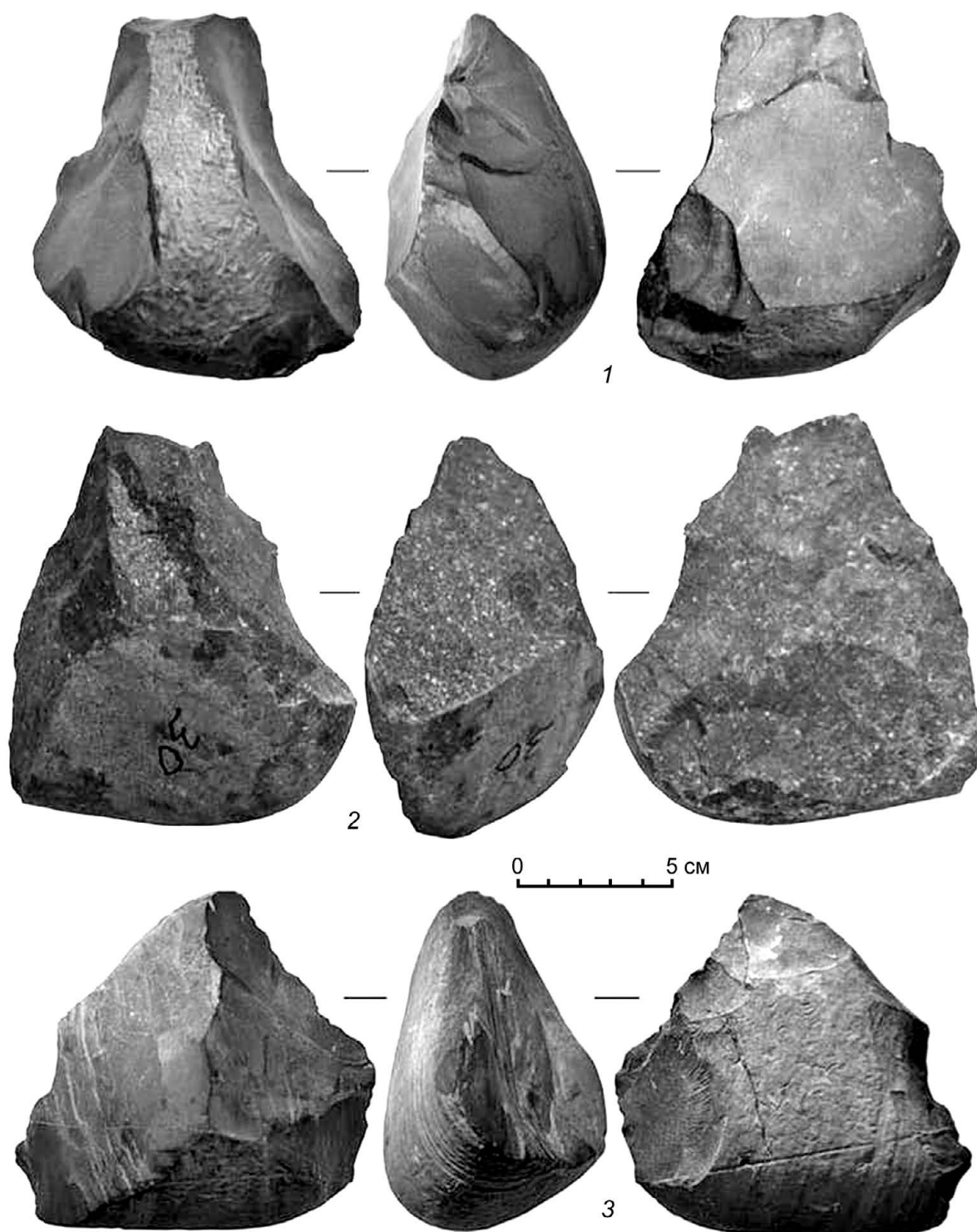

Рис. 1. Пику

1 – местонахождение вадии Хажра 1; 2 – находка в вадии Динагхен; 3 – местонахождение вадии Хажра 2

моментом. В самом деле, если бы миграции с африканского континента на остров были сколь-нибудь периодическими, то культура, проникающая на Сокотру, каждый раз отражала бы особенности конкретного культурного комплекса, существующего в пункте исхода в момент очередной миграции, однако на острове мы не видим каких бы то ни было индустрий каменного века с иным, чем олдованский, набором технико-типологических

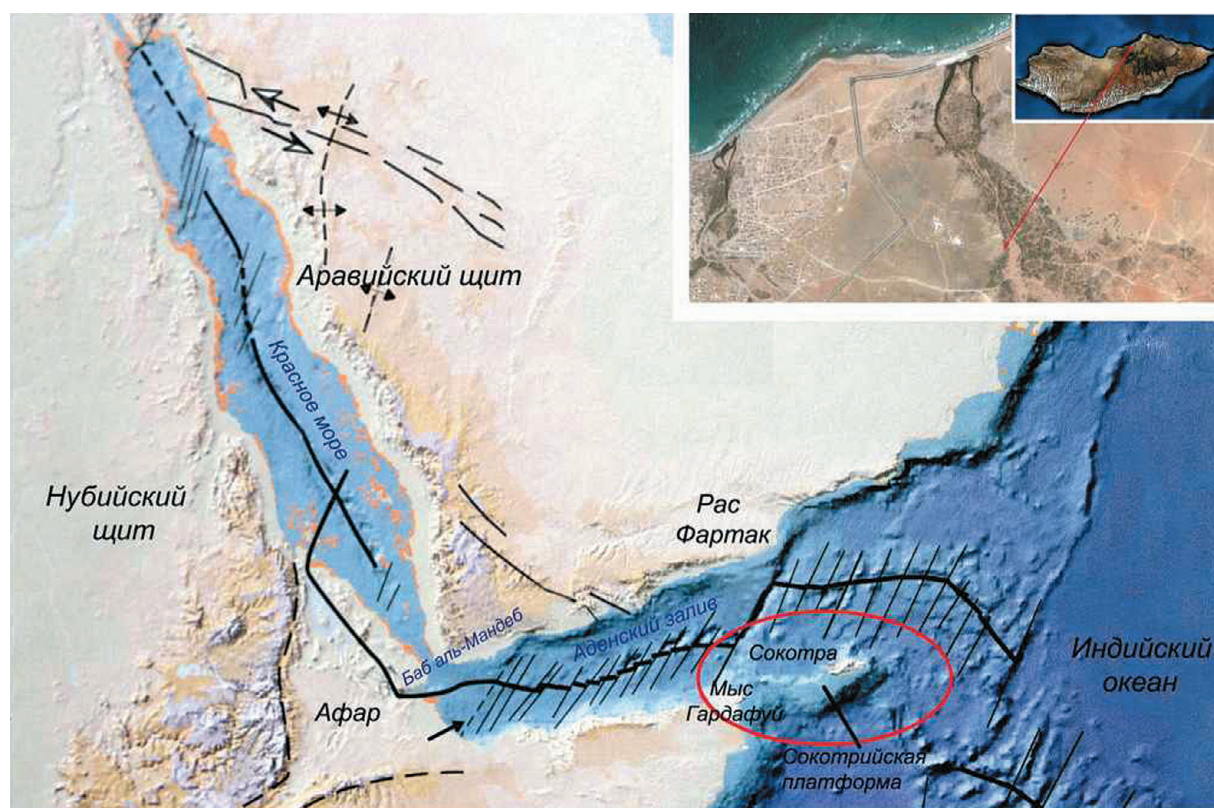

Рис. 2. Остров Сокотра на карте и местоположение пунктов палеолитических находок в устье вади Хажря на космоснимке

признаков. Не отмечается здесь и хорошо известная из практической археологии картина, когда на местонахождениях палеолита, расположенных непосредственно вблизи исходного сырья для орудий, практически всегда обнаруживаются изделия различных эпох каменного века. Это проверено на десятках осмотренных нами на острове пунктах скопления на поверхности каменных артефактов.

Проблема датировки палеолитических материалов Сокотры решается указанным выше образом именно потому, что невозможно допустить наличие направленных сюда первоначальных культурных импульсов ниоткуда, кроме как из Северо-Восточной Африки. Если бы были возможны иные варианты заселения острова, например, с полуострова Индостан, то, разумеется, приведенные выше заключения можно было бы обоснованно оспорить.

Выразить в абсолютном значении время первоначального заселения острова Сокотра с желательной определенностью, разумеется, в настоящее время невозможно. Ориентиром для этого может служить факт смены в Северо-Восточной Африке олдована эпохой ашеля не позднее около 1,5 млн. л. н. Соответственно и сокоотрийские материалы датируются не позднее этого времени.

Открытым пока остается вопрос, как долго просуществовала на острове культура олдована? Какие ресурсы для первых обитателей острова были решающими для их жизнеобеспечения – морские или добываемые на суше? Насколько долго могло хватить на относительно маленьком острове «сухопутных» пищевых ресурсов и как долго популяция людей могла обходиться продуктами, предоставляемыми морем и добываемыми в нем? Пытаясь ответить на эти вопросы, можно только строить предположения. Но все они будут сводиться к тому, что ресурсы острова не могли обеспечивать жизнь сколько-нибудь значимого количества людей в течение десятков и тем более сотен тысяч лет. Поступательное и непрерывное развитие культуры на таких замкнутых

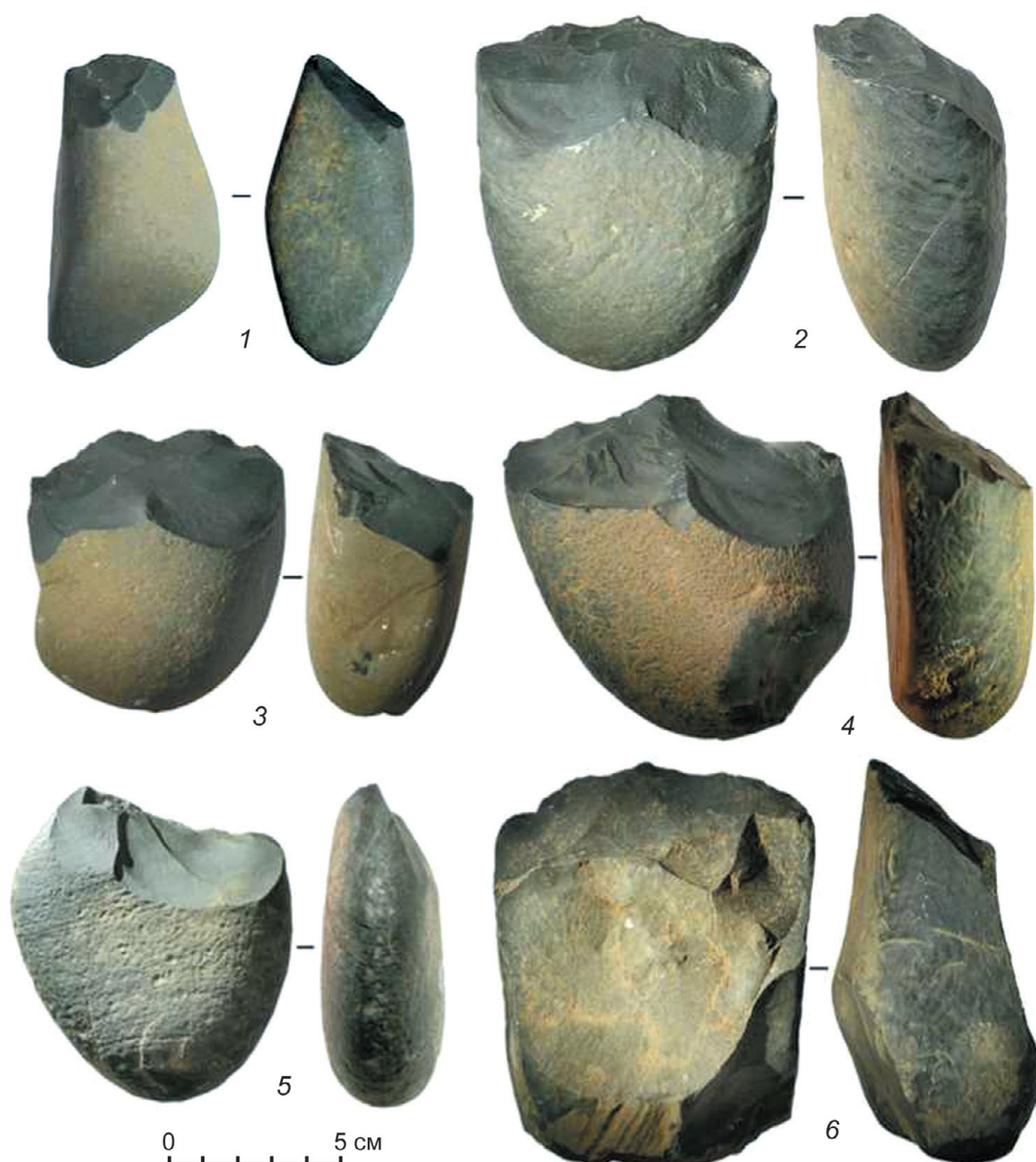

Рис. 3. Чопперы односторонние

1, 4 – местонахождение вадж Хажря 1; 2, 5 – местонахождение вадж Хажря 2;
3, 6 – местонахождение вадж Хажря 3

пространствах маленьких островов, как Сокотра, на протяжении столь продолжительных, как в палеолите, археологических эпох не может не быть проблематичным из-за периодических голодовок и эпидемий, имевших в первобытности опустошительный характер.

Таким образом, с общеисторической точки зрения значение палеолитических находок с острова Сокотра состоит в том, что они представляют собой выразительный пример существования на пути первоначального расселения человечества из его прародины – Восточной Африки – не только перспективных, но и тупиковых направлений.

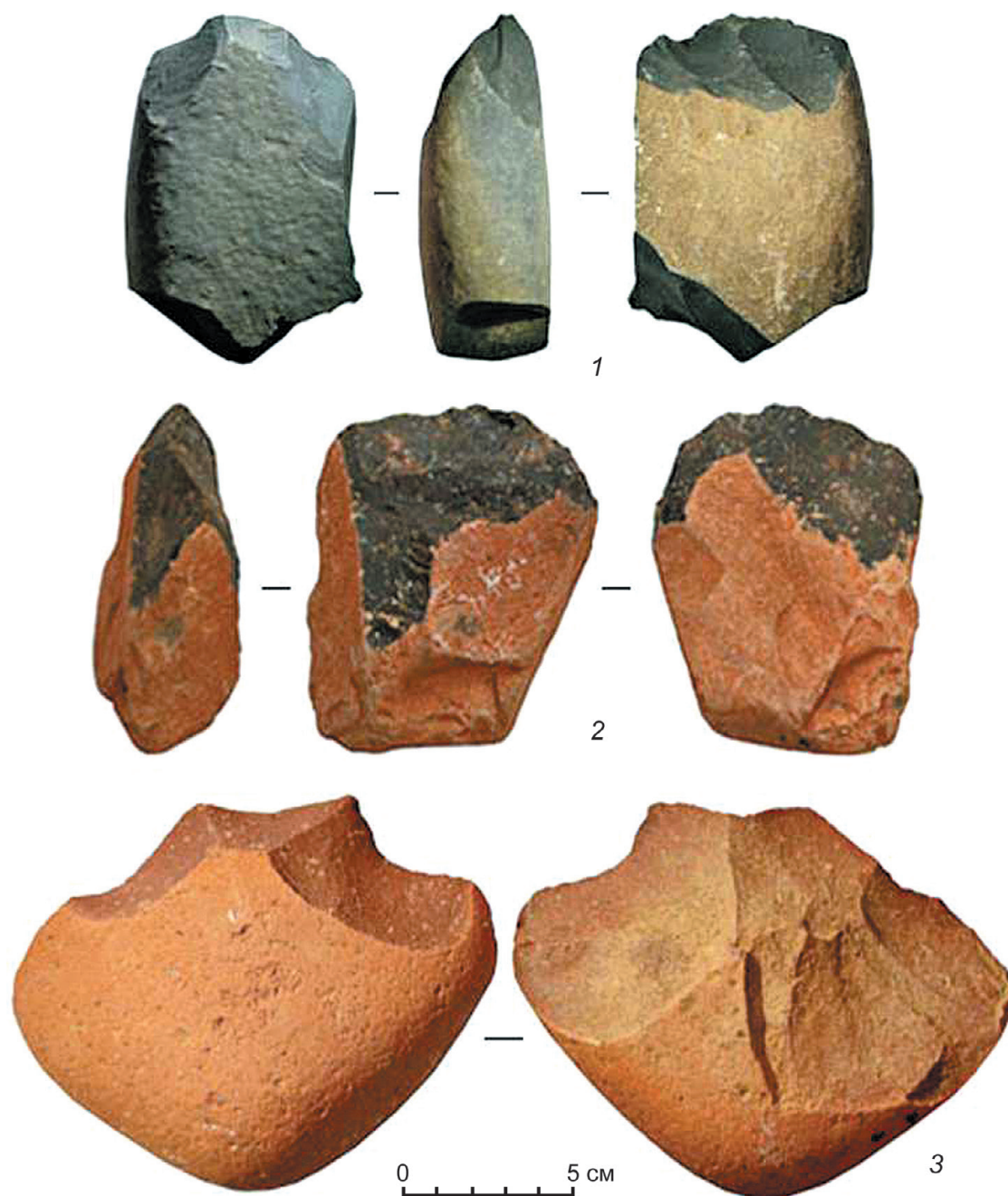

Рис. 4. Чопперы двусторонние

1 – местонахождение вади Хажря 1; 2 – находка западнее вади Хадибо;
3 – местонахождение вади Хажря 2

ЛИТЕРАТУРА

- Лукашов А. А., 1988. Природа Сокотры и Абд эль-Кури // Наумкин В. В. Сокотрийцы. М.
Наумкин В. В., 1988. Сокотрийцы. М.
Свиточ А. А., 1982. Острова западной части Индийского океана. Под ред. Л. Г. Никифорова. М.
Седов А. В., 1988. Археологические памятники // Наумкин В. В. Сокотрийцы. М.
Beydun Z. R., Bichon H. R., 1970. Geology of Socotra Island, Gulf of Aden // *Quart. J. Geological Society*. Vol. 125 (3). № 499. L.
Miller A. G., Morris M., 2002. Conservation and Sustainable Use of the Biodiversity of Soqatra Archipelago. Royal Botanic Garden. Edinburgh.
Miller A. G., Morris M., 2004. Ethnoflora of the Soqatra Archipelago. Royal Botanic Garden. Edinburgh.

THE MIDDLE ACHEULIAN SITE MESHHEH III IN WADI DOUAN (REPUBLIC OF YEMEN)¹

Abstract. The paper presents the materials from the Middle Acheulian site Meshhed III in Wadi Douait (Republic of Yemen). The site was discovered in 1986, but up to date the information on the site has been published only in Russian. Meanwhile, Meshhed III is the only Acheulean site in the south of the Arabian Peninsula where the archaeological materials are deposited in a clear geological context and have absolute age determination. The latter provides an opportunity to compare the Middle Acheulean segment of the Paleolithic cultural sequence of this region with the contemporaneous cultural layers of the adjacent regions.

Résumé. L'article présente le mobilier du site de l'Acheuléen moyen Meshhed III, au Wadi Douan (République du Yémen). Le site a été découvert en 1986 mais jusqu'à présent les informations qui le concernaient ont été publiées seulement en langue russe. Par ailleurs, c'est le seul site acheuléen du Sud de la péninsule Arabique où le mobilier archéologique a été déposé dans un contexte géologique clair avec une détermination chronologique absolue. Il donne l'occasion de comparer cette phase de l'Acheuléen moyen de la séquence culturelle du Paléolithique de la région avec les occupations contemporaines des régions voisines.

Keywords: Early Paleolithic; Middle Acheulian; Wadi Douan; Meshhed III.

Mots-clés: Paléolithique inférieur; Acheuléen moyen; Wadi Douan; Meshhed III.

INTRODUCTION

The site of Meshhed III is of interest from several points of view. Firstly, it has a geological context. Here the finds are deposited in situ in weakly cemented deposits and the cultural layer is stratigraphically associated with the general geological history of the formation of the deposits, which fill the bed of Wadi Douan. Secondly, the materials from Meshhed III are valuable due to the fact that the deposits, containing cultural remains, have thermoluminescent dates. Besides, the significance of the site lies in the fact that, despite the limitations of the excavations carried out, rather a representative collection of stone objects was found here. For three decades since the discovery of the site, the range of Acheulian sources of Africa and the Middle East has substantially expanded, and the concept of the content and nature of the development of this cultural and chronological phenomenon has changed. In this regard, it is of great interest to review the materials and determine their place in the structure of the Acheulian as the researchers see it at the present time.

The site of Meshhed III was discovered and studied in 1986 (Amirkhanov 1991 and 2006). These materials are still unpublished in European languages. However, they have not lost their significance, if only because no stratified Acheulian site has been investigated in this area for 30 years since Meshhed III was discovered. Therefore, a full-scale introduction of the materials from the site for wide scientific use will be useful in the context of the increased interest in the development of the problem of the Early Paleolithic of Arabia. In this paper, we do not consider the materials from unstratified sites, it does not mean denying their value for consideration of the typological aspects of Acheulian in Arabia. In the 1980s, we discovered and investigated couple dozen sites of this type in the Lahedj, Aden, Shabwa and Hadramaut provinces in the south of the Republic of Yemen (Amirkhanov 2006). The problem with these sites is the absence of a geological context, i.e. they are not stratified, as well as relatively small size of their collections. However, their materials are quite suitable for general technical and typological characteristics of the Acheulian industry of the region, and we take into account while estimating the composition of stone tools from Meshhed III.

¹ Amirkhanov H.A. The Middle Acheulian site Meshhed III in Wadi Douan (Republic of Yemen) // *Paléorient*, vol. 44.1, p. 7–17. CNRS EDITIONS 2018.

HISTORY OF THE STUDY OF ACHEULIAN SITES IN THE SOUTH OF THE ARABIAN PENINSULA

The first study on the Paleolithic of South Arabia is known to go back to the 1930s and to be associated with the activity of the British researcher G. Caton-Thompson. She started large-scale archaeological research in Western Hadhramaut. The main purpose of the research was to study the sites of ancient civilization of South Arabia. By that time she had already gained extensive experience in study of the Paleolithic of desert areas, especially of the great center of the Stone Age culture – the Kharga Oasis in the Libyan Desert. Therefore, in this new region the problem of the Stone Age was also topical. And on the whole, the beginning of the study of the Paleolithic of the Arabian Peninsula dates back to that time.

G. Caton-Thompson based her general evaluation of the Paleolithic of South Arabia mainly on the materials, which she had revealed; these materials had been redeposited but they had a geological context. Stratification of the materials could hardly be instrumental in dating of the complexes, taking into account the fact that Quaternary geology of Arabia had not been investigated. Therefore, only technical and typological characteristics could be used as the basis for determining the chronological framework of the site. However, their use was risky and Caton-Thompson realized it. This resulted in the conclusion that the culture of South Arabia was close to the Soan of North Hindustan. In temporal relation the similarity was confirmed by the sites of Late Soan A – Late Soan B, which were nearly contemporaneous with the Middle Paleolithic of Europe (Caton-Thompson 1954: 217). The problem of Acheulian sites of this area was not considered as no sites had been discovered here.

The mentioned Stone Age studies of South Arabia were followed by a long break, which lasted till the winter of 1961–1962, when the group of American scientists, including the specialist in ancient history of Arabia G.W. Van Beek, the geologist H. Cole, and the epigraphist A. Jamme, visited Hadhramaut (Van Beek 1969). They conducted archaeological survey mainly on the slopes of the valley and on the surface of the Hadhramaut plateau. The work lasted for three and a half months and resulted in recording 110 Stone Age occurrences with destroyed cultural layers. These sites were located within 130 km along Wadi Hadhramaut. The presence of some bifaces among the revealed materials gave grounds for the hypothesis about the possible existence of the Acheulian sites there. In this respect, it was stated that during the Acheulian period Hadhramaut was sparsely populated, if it was populated at all (Van Beek et al. 1964: 530). As we know, the artefacts, on which these and other conclusions were based, remained unpublished.

Despite the fact that the mentioned studies consisted in survey, they were noted for appreciable progress. In terms of the search for sites, their valuable innovation, as compared with Caton-Thompson's work, was expansion of the active reconnaissance zone on account of the sections on the plateau surface. With regard to the assessments, they made an important, though very cautious, assumption that the Acheulian sites with handaxes might have existed in Hadhramaut, and they actually denied cultural similarity of the local materials with the Soan ones, as Caton-Thompson had supposed.

The French researcher M.-L. Inizan (Inizan et Ortlieb 1987), on the basis of the study of the small collection of materials, which she herself had revealed in 1983, came to the conclusions similar to those mentioned above. She discovered several asynchronical occurrences (including an Acheulian one) with destroyed cultural layers in the Shabwa province, which adjoins Hadhramaut in the west.

In the early 1960s, beyond Hadhramaut it became known about the Acheulian occurrence at the foot of the mountain Djebel-Tala in Lahedj – one of the western provinces of South Yemen –, thanks to the work of B. Doe, the researcher in antiquity of South Yemen (Antiquities Report 1965; Doe 1971). It was the first reliable evidence of the Early Paleolithic culture of South Arabia. The collection, including rather representative material with abundance of handaxes, was transferred to the British Museum. Later, S. S. Shirinskiy² collected materials

² Shirinskiy S. S., "Report of scientific secretary of the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) on archaeological investigations in PDRY carried in 1972", Aden, 1975 (in Arabian).

from the Djebel-Tala occurrence. However, no detailed information on the materials from this site has been published up to date.

In the early 1980s, the joint Soviet-Yemen complex expedition began the large-scale work in South Yemen (People's Democratic Republic of Yemen). After the collapse of the Soviet Union, it conducted the research in United Yemen as the Russian expedition. For more than twenty years, the author of this article studied within the expedition sites of the Stone Age (predominantly Paleolithic sites). The results of the research were published in a number of publications in Russian (Amirkhanov 1994; 2006 and 2008; Amirkhanov *et al.* 2001).

The Acheulian materials occupy a prominent place in the discovered and studied occurrences of the Stone Age. They come from 21 sites belonging to different geomorphological zones of several Yemen provinces. In the wake of B. Doe and S. Shirinskiy, new collections materials were made in the area of Djebel-Tala in the west of South Arabia (Lahedj province). The most effective were the investigations in the mid-valley of the river Hajar (the south wing of the Hadhramaut plateau), on the surface of the Hadhramaut plateau and in Wadi Douan – one of the main right branches of Wadi Hadhramaut. The distance between the extreme revealed sites in latitudinal direction is ca 700 km.

According to the way of occurrence of the archaeological material the sites are divided into open sites with destroyed cultural layers (18 sites), sites with the finds *in situ* (1 site), and sites where isolated stone objects were found within the geological context, but in more or less re-deposited state (3 sites). Stratified sites were discovered only in one limited area of the middle part of Wadi Douan in West Hadhramaut.

In the 1990s, there were reports about archaeological survey by American researchers in the south-west of Yemen (Whalen and Pease 1991; Whalen and Schatte 1997). Their work resulted in the discovery of 37 sites of the Stone Age with the materials deposited on the modern surface. Some of these materials were identified as industries related to Mode 1 and Mode 2. Unfortunately, the 'multicomponent' nature of the materials with the signs of explicit palimpsest makes it difficult to single out 'pure' complexes at the sites under study and to get clear typological definitions based on these materials. After the 1990s, researchers, mostly from European countries, have intensified the study of the Stone Age of the Arabian Peninsula (Petraglia 2003). However, no noticeable progress has been made in the investigation of the Acheulian sites up to date. And revealing the Acheulian sites, especially stratified ones, in this area is still a crucial task.

STRATIGRAPHY OF DEPOSITS OF WADI DOUAN IN THE AREA OF MESHHEDED III. GEOLOGICAL AND TL DATA FOR DATING

At Meshhed III, the formation of the layer containing the Paleolithic cultural remains is associated with the general geological history of the formation of loose deposits of Wadi Douan (fig. 1). For geological dating of the layer we are interested in, it is important to establish its stratigraphic relationship with the corresponding level of the geologic sequence of strata, which form the filling of the wadi. The fact that the stratigraphy and geological history of the area, where the site under study is located, were thoroughly studied in the 1980s by the expedition of the Moscow Institute «Kazgiprovdokhoz», which carried out hydrogeological investigations in the Hadhramaut province (PDRY), helps to clarify it. The main result of the studies was that the history of formation, geological sequence and lithological characteristics of the loose deposits of Wadi Hadhramaut and its large branches (including Wadi Douan) do not differ considerably from the general Pliocene-Pleistocene stratigraphy typical of the central and southern parts of the Arabian Peninsula.

The geological drilling carried out in the area revealed the following stratigraphy of the filling of Wadi Douan in the area of location of the site Meshhed III (fig. 2). The lower layer of deposits up to 70 m thick is pebble conglomerate (fig. 2). It is covered with a layer of gravels and pebbles with admixed clay loam and sandy loam (ca 25–30 m thick; fig. 2). The layer is

overlain by that of clay loam and sandy loam, which does not contain large rock fragments (up to 14 m thick in the area of Meshhed III; fig. 2). In accordance with the current concepts of geological history of South Arabia, the conglomerates belong to the period defined as Late Pliocene – Early Pleistocene (3 to 1 million years ago) (Hötl et al. 1978; Said and Faure 1981).

The second layer (gravel and pebble with admixed clay loam and sandy loam) correlates with the Middle Pleistocene. This was the period of transition from wet (Early Pleistocene) to relatively arid environmental conditions. In the palynological spectrum peculiar to this layer, impoverishment of tree vegetation is observed as compared with the previous period due to the disappearance of such Mediterranean species as Moraceae complex, Pistaceae, Olea, Juglans (Spiridonova 2006).

The base of the third mentioned layer (clay loam and sandy loam; fig. 2) consists of loose rubble horizons, which rest erosively on slightly cemented gravels and pebbles (the second bench). In these rubble horizons, at the side of Wadi Douan opposite to Meshhed III, flint artifacts of the Upper Paleolithic type were found (site Meshhed IV). The stratigraphic analogue of the horizon with the mentioned finds in the outcrop of Wadi Douan (within 500–600 m to the west of Meshhed III) were dated to 31 ± 2 thousand years ago (ka) (TL dating laboratory of Moscow State University, Head – N. N. Shlyukov). A sample for TL dating was selected by the laboratory officer V. A. Bolshakov. The sample for dating was taken from the natural outcrop at a depth of ca 8 m from the modern surface in place of homogeneous clay loam and sandy loam. The distance from the sampling point to the place of contact of this layer with the others exceeded 1 m. A metal cylinder with a diameter of 5 cm and a length of 25 cm was used for sampling. At the sampling point, a radiation background was measured by a field mass spectrometer to determine the corrections required for dating after laboratory treatment of the sample by heating up to the temperature >500 °C.

Another TL date directly related to Meshhed III was obtained for the Middle Pleistocene layer of Wadi Douan, ca 40 m from the site up the Wadi Douan. The material for dating was also a sample of clay loam and sandy loam. The sample was selected from the natural outcrop at a depth of about 1 m from the modern surface. The date was obtained in 1986 in the same laboratory by the same method as previously noted and it is 450 ± 110 ka.

GENERAL DESCRIPTION OF MESHHEH III

The site Meshhed III is located in the middle of Wadi Douan – one of the main side branches of the western part of the Wadi Hadhramaut (fig. 1). The eastern bed of Wadi Douan, where flood and mud flows occasionally occur, approaches directly to the base of the right side of the wadi here. The site is located at a distance of ca 2 km from the village of Meshhed upstream the wadi, and is associated with more or less leveled ground at the foot of the right slope of Wadi Douan. Here loose deposits are featured by a weakly cemented light reddishbrown loam layer, rich in rubble and limestone blocks.

It should be noted that the layer containing the archaeological material does not consist of alluvial gravel and pebble wadi deposits, but of slope deposits formed at the base of the lateral side of the wadi. Accordingly, the archaeological material found here did not result from its further transportation during the accumulation of the wadi alluvium. Moreover, it was not even subjected to any noticeable transposition. In natural outcrops, no flint artifacts similar to those typical of the site Meshhed III were found either up the wadi from the site nor down it for many hundreds of meters.

The deposits containing the archaeological material stratigraphically correspond to the Middle Pleistocene layer of Wadi Douan filling (fig. 2). The modern wadi channel in the area of the site goes 2 m deep into these deposits.

The total area of the site is ca 300 m². It has been determined due to the concentration of finds on the eroded surface of the Middle Pleistocene deposits. The deposits are weakly cemented beginning from the modern surface. Consequently, the flint objects, exposed on the

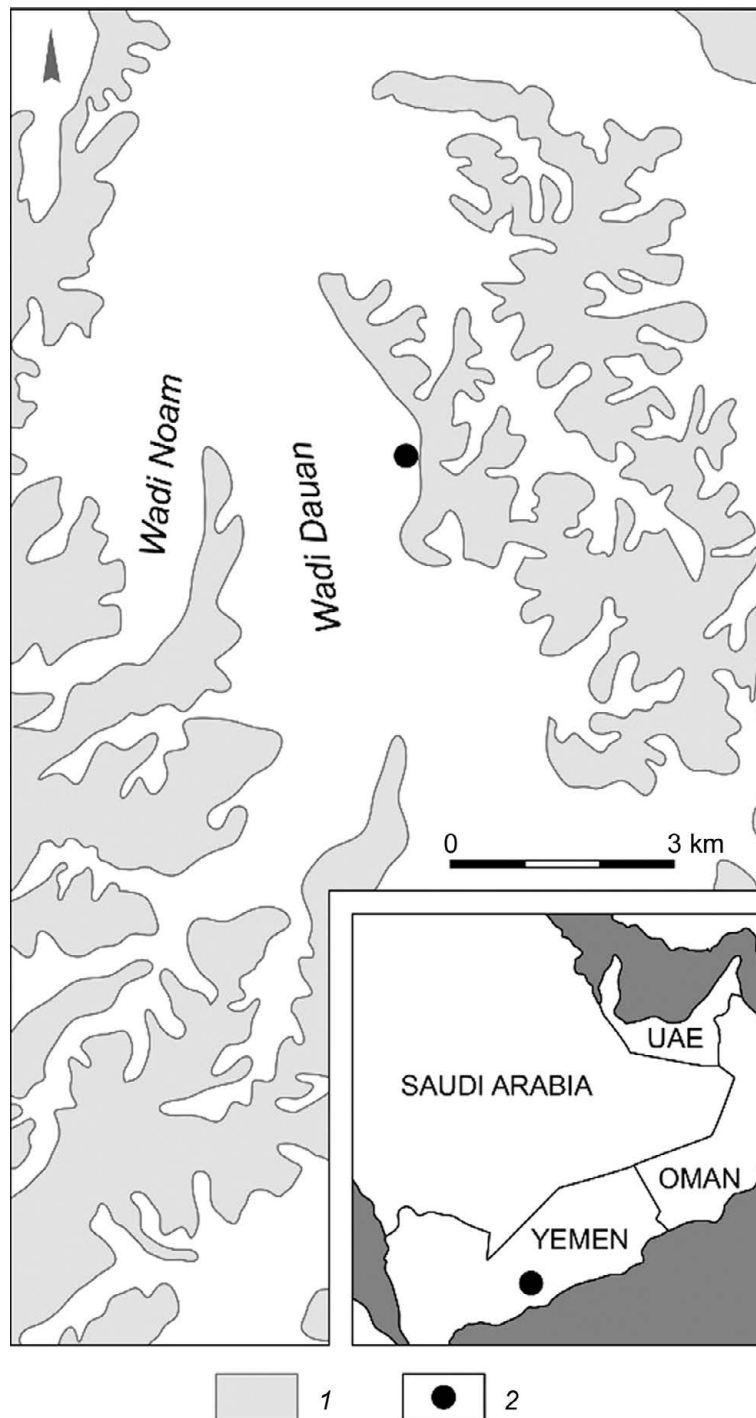

Fig. 1. Location of the site Meshhed III

1) Hadhramaut Plateau in the Research Area; 2) Meshhed III

surface, in fact are 'associated' with the layer. Most of them are buried in the layer and firmly embedded in the rubble and block deposits, which are the edge facies of the gravel and pebble deposits in the central part of the valley. Depth of incision of the modern streambed into the Middle Pleistocene rock mass is ca 2 m. Flint artifacts were also found in the vertical exposure of the Middle Pleistocene deposits, formed by this incision.

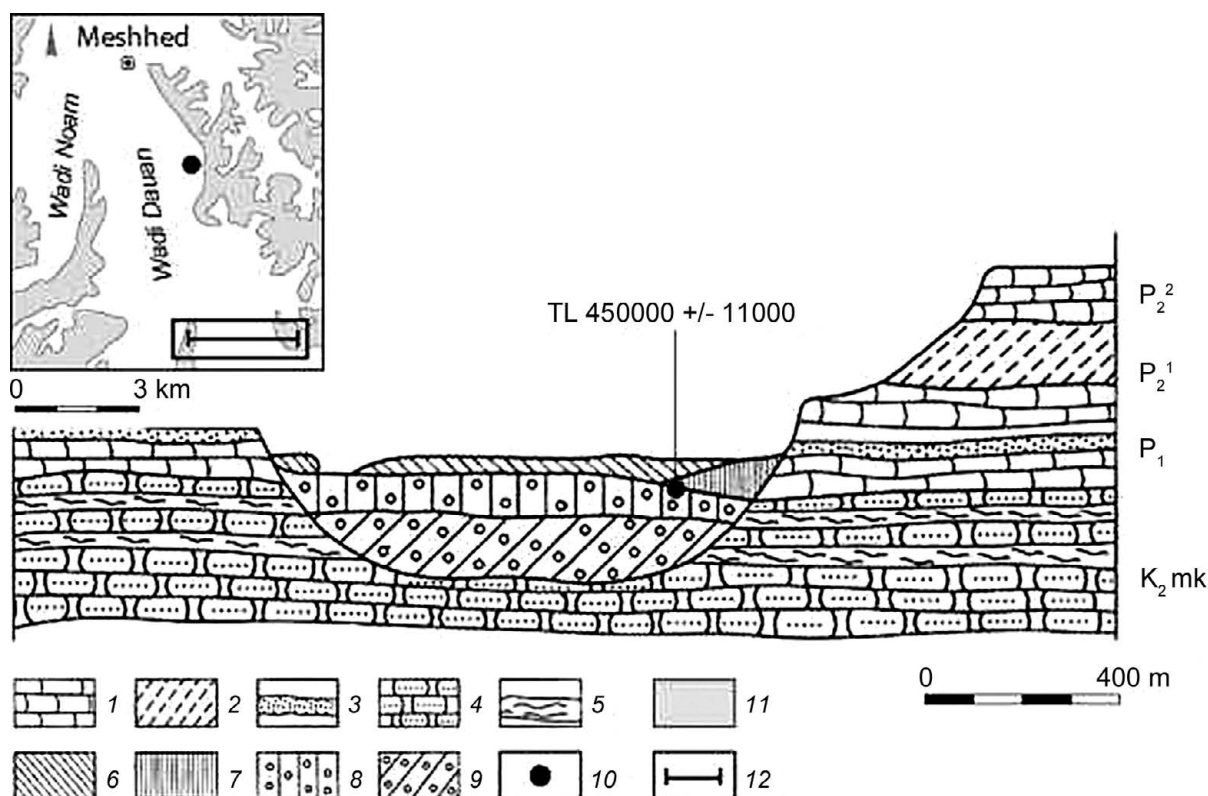

Fig. 2. Schematic cross-section of Wadi Douan near the site Meshhed III. 1) Paleogene limestones; 2) gypseous Eocene lower strata; 3) slate; 4) sandstones of the Upper Cretaceous; 5) clays of the Upper Cretaceous; 6) loess loams; 7) slope deposits; 8) gravel and pebble deposits containing clay loam and sand loam; 9) limestone conglomerates (after Lukashov 2006)

THE CONTENT OF THE FIELD STUDIES

The objective of the exploratory investigation was to collect artifacts from the area, which is the richest in finds, both from the modern surface and directly from the deposits. For this purpose, the area of 10×10 m was marked out. The goal of the field work was to collect the finds outcropping on the surface, as well as to lay a probing to find out the depth of dispersal of the finds.

The flint artefacts visible on the modern surface were assigned to horizon 1 (fig. 3). The test excavations began from the most elevated part of the area (squares A – 2–4). Deepening was made by conditional horizons of 10 cm thick. At the base, the probing area was 1.8 m², and its depth was 0.7 m from the modern surface. The finds occurred continuously throughout the depth. Deepening displayed that the excavated stratum lithologically did not undergo any changes. It was a slightly cemented layer of clay loam and sandy loam, rich in angular rocks of various fractions. According to the genesis type it belongs to slope deposits.

The number of archaeological finds from horizon 1 is not comparable with the collections from other horizons due to the great difference in the size of the areas where they were investigated. The materials of horizon 1 come from an area of 100 m², while the excavated area of horizons 2–7 does not exceed 1.8 m². Therefore, for the present, the finds from horizons 2–7 cannot be used for assessment of the abundance of archaeological materials in the cultural deposits of the site and for determination of the depth of their dispersal. They can only serve as the guide for future studies. Meanwhile, in this respect it can be noted that according to our test pit, the abundance of the finds increases from the modern surface to the depth of 0.5 m. Lower in the excavated area, the number of finds decreases. In the upper horizon the number of artifacts per square meter is less than one, in horizons 2–5 it ranges from 3 to 4, and in horizon 7 the number does not exceed two objects per square meter.

DESCRIPTION OF THE STONE TOOLS

HORIZON 1

The total area of horizon 1 is 100 m² and 66 stone tools were found here (fig. 3). The density of finds is not more than one object per square meter. The raw material for the stone tools was nodular flint of various qualities. Occasionally chert was used for making tools.

Preservation of the objects is satisfactory. Chemical weathering is manifested in milk-white deep all-over patina. Clear signs of rounding are not observed. The great majority of the artifacts were cemented and embedded in the crushed stone layer at the base of the wadi slope. The objects have a visible film of loamy coat of the same brownish-red color, which is characteristic of the cultural layer. This film coats both chipped and unprocessed parts of the stone tools. The presence of loamy coat on the surface prevented the flint objects from destruction. The finds from the cultural layer below the horizon were not covered with such a film.

Nine objects of the total number of finds from horizon 1 are complete tools. Here we will present the general typological structure of this collection:

Single platform cores were made on very large flint nodules. The latter were prepared for cores by cross truncation of one end to obtain a wide smooth platform extended over the entire thickness of the blank. There was no additional fine treatment of the striking platform. The working area is confined to the narrowed butt parts of the flattened nodules. One core has two negatives of sub-parallel elongated chips, and another – only one negative. Thus, both cores are on the initial stage of knapping. There are no traces of any processing of other parts of the primary blank. These cores have this size: height, 17 cm; width, 11 cm, thickness, 9 cm. Maximum width of the striking platform coincides with the thickness of the object. The dimensions of the chip negatives on this core are 6.5×4.5 cm and 5.5×5 cm. Another core is slightly larger: 17×11×11 cm; the size of its chip negative is 12×4.7 cm.

A bidirectional core with opposing striking platforms (fig. 4: 6) was made on a large nodule. The object presents the intermediate stage of processing. The core is elongate-oval in the outline. The edges are convex. Each striking platform was produced by one wide chip and is slightly inclined from the working area to the back side. The core has several negatives of counter longitudinal sub-parallel removals. Judging by the negatives, the core was first knapped only in one direction, and then – in the opposite one. The size of the core is 16×12.6×8 cm.

Large flakes (17 pieces; fig. 4: 3, 5) quantitatively prevail over small flakes and according to their dimensions they correspond to the cores described above. This group of objects is characterized by elongated outlines. The edges are sub-parallel or divergent to the upper end. Cross-section of the objects is triangular or trapezoidal.

The number of negatives of sub-parallel chips on their backs ranges from one to three. Thirteen objects have preserved striking platforms. In twelve cases they are smooth, straight or slightly inclined towards the ventral side. One flake has a platform with a natural cortex. Striking bumps are large and occupy up to the half of the tool length. The size of the largest flake is 11×8.6×4 cm.

Small flakes (12 pieces; fig. 4: 1–2) show less uniform morphological characteristics. Nine objects have preserved striking platforms. In four cases they are point, in two cases they are natural, and in three cases smooth and straight. The backs of the flakes, as a rule, do not have any unified cut, which would let us definitely judge what type of the core they were split from. Two objects of the total number of small flakes are primary.

An ovate handaxe (fig. 5: 5) was made on a large flint nodule. The handaxe has an oval form, the working end is rounded, the edges are zigzag-shaped, the base (heel) is massive and processed, the cross section is double convex (lens-shaped). The object was processed in the following sequence. First the contours of the tool were formed by large chippings from the periphery to the center on one side of the tool, and then the tool was given the final form mainly by small chippings on its second side. Both sides of the handaxe were almost

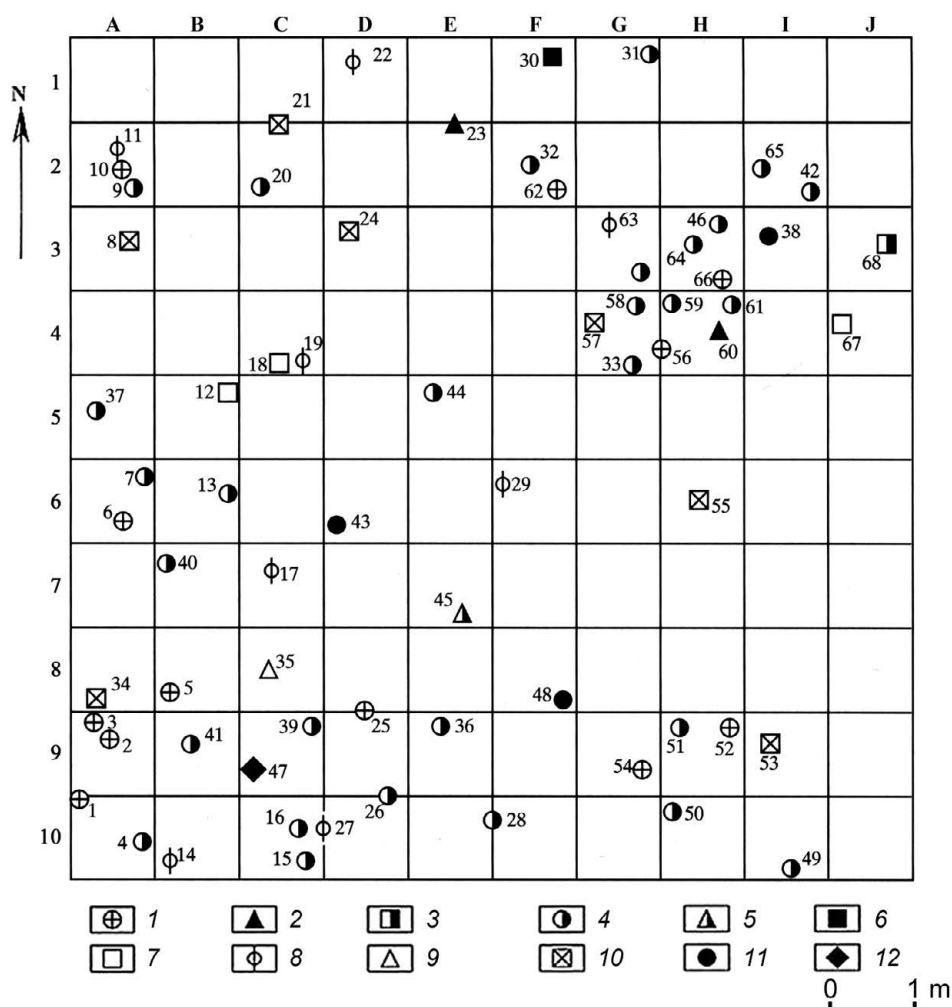

Fig. 3. Meshhed III, horizon 1. Spatial distribution of finds:

1) debris; 2) large knife; 3) core fragment; 4) flake; 5) tsaldi; 6) chopper; 7) core; 8) fragment; 9) side scraper; 10) fragment of nodule; 11) biface; 12) triheral pick

completely processed. An exception is a small area in the central part of one of the faces. Size of the handaxe: length, 13.7 cm; width, 12.5 cm; thickness, 7 cm.

An atypical lanceolate biface (fig. 5: 1) has an elongated form, a pointed end, slightly winding edges converging from the base to the top, and a diamond cross section. Here the heel is a plane of transverse fracture. The form of the handaxe was achieved by all-over bilateral knapping of large chips. The size is 12×7.7×5 cm.

A small biface (fig. 5: 3) resembles micro oval handaxes in the shape and processing. A massive flake served as a blank. One of its planes was processed completely, and on the other side only the narrowed top was knapped. The size of the tool is 7×5.8×2 cm.

A chopper (fig. 5: 4) belongs to the bilateral type with a wide convex blade. The working area of the tool was formed by one large wide removal from one side and was touched up by small short chips on the other side. One of the edges of the chopper was partially processed. The rest surface of the object is covered with nodular cortex. The most massive part of the object is the base. Size of the tool: length, 13 cm; width, 13.3 cm; thickness, 7 cm.

A triheral pick (fig. 5: 2) has a limited number of features to form a type and it is conditionally singled out as a tool. It can be described as a massive tool with triheral section, a rounded base, covered with nodular cortex, and a pointed tip. On one facet there are negatives of few small chips. There are no other features of secondary processing. Size of the tool: height, 9.8 cm; width, 7.2 cm; thickness, 5.6 cm.

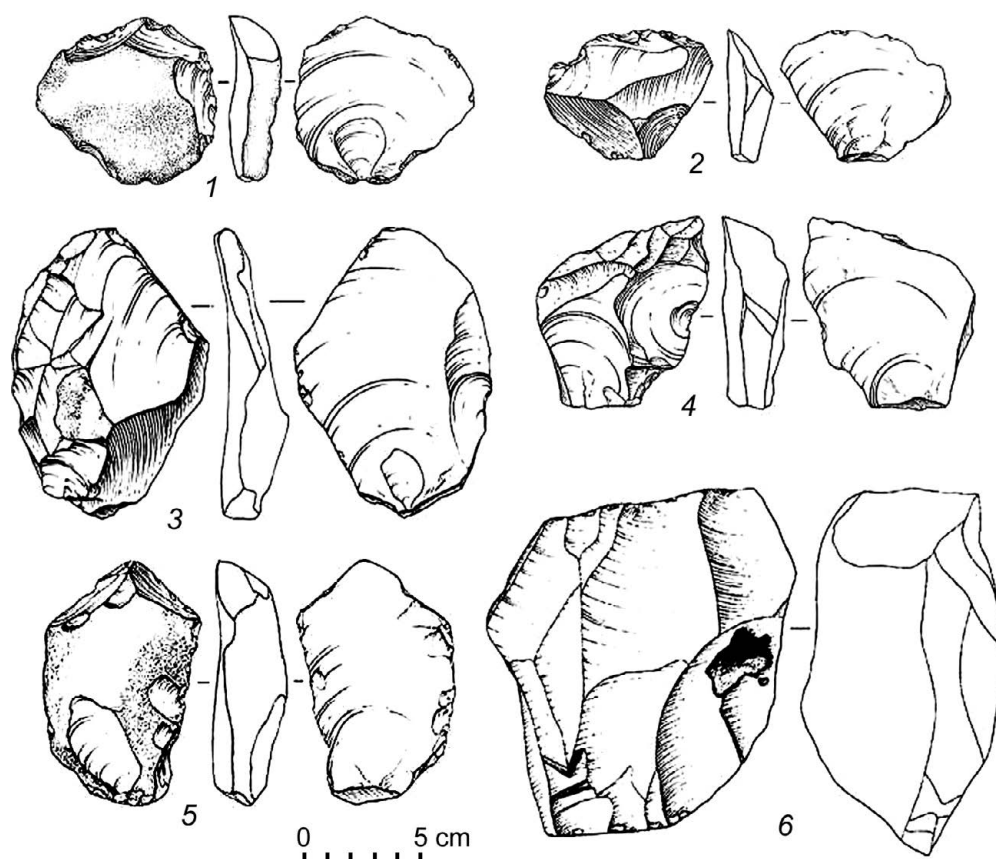

Fig. 4. Meshhed III, horizon 1. The samples of the stone implements. 1–2, 4) small flakes; 3, 5) large flakes; 6) core

The large knives (2 pieces; fig. 6: 1–2) are identical both by the nature of the blank and by technical and typological characteristics. From the point of view of formal typology, these objects could be attributed to massive scrapers. Here they are assigned to the category of knives due to such characteristics as presence of a thin blade processed by sharpening retouch.

For one of the knives under consideration the blank was a block in the shape of a segment of a large flint nodule. The accommodative part falls on the most massive section covered with nodular cortex. The opposite edge is a straight pointed blade, partially processed by retouch. Few small negatives of chips on the blade part of the object may present the result of utilization. The side edges of the tool are vertical and one of them is completely knapped, the other one partially. Size of the tool: height, 10.3 cm; width, 14.8 cm; thickness, 7.3 cm; blade width 13 cm.

The other object is smaller (10×9×4.3 cm). The working element of this tool is one of its edges. It is processed by bilateral variously faceted sharpening retouch. On one side of the blade edge, knapping is large and single-row, and on the other side, double-row. The blade may have been processed additionally during its utilization. The edge opposite to the blade is covered with nodular cortex and can be regarded as a massive back edge.

The tsaldi (fig. 6: 3) is a massive elongated bifacial chopping tool with a longitudinal blade and a handle part. The name of this type of object was established (Lioubine and Beliaeva 2004) during the study of the Acheulian materials of the Caucasus. In the collection from Meshhed III one morphologically distinctive object belongs to this category of tools. The blank for it was a massive elongated platy block of chert. One of the longitudinal edges of the blank was processed by intensive unilateral large knapping along the whole length. The chips from knapping are wide, double-row in places; besides, along the edge of the blade there are distinctive traces of battering or crushing, probably, the results of utilization. The outlines of the blade are low arched and grooved in plan view, and slightly winding and symmetric in profile. The

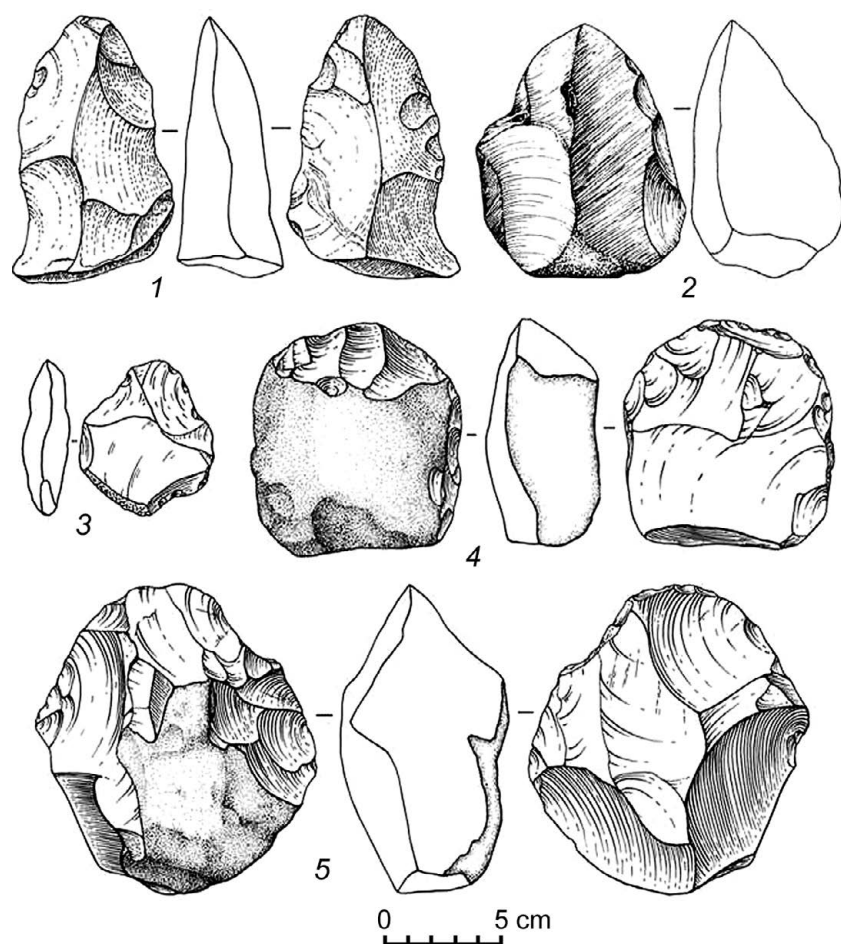

Fig. 5. Meshhed III, horizon 1. The samples of the stone implements.

1) lanceolate biface; 2) trihedral pick; 3) small biface; 4) chopper; 5) ovate handaxe

opposite edge is massive and rounded throughout the length. Size of the tool: length, 28.7 cm; width, 11.1 cm; thickness, 6.8 cm.

Fragments (7 pieces) are flint objects with no signs that would allow differentiating their back and ventral sides. The average size of the fragments is 6 cm.

Debris (11 pieces) are morphologically similar to the fragments and differ from them only in much smaller size (not more than 1 cm across).

Fragments of nodules (7 pieces) are fragments of large flint nodules of predominantly flattened shape. The average size is 6–7 cm across, but some objects are much larger.

HORIZONS 2–7

As previously noted, the probing revealed dispersal of the archaeological finds ca 70 cm deep into the deposits of the site. A total of 20 flint objects were found. Half of them are large and small flakes. The rest objects are mainly flint debris. Typologically marked objects with secondary processing were not identified.

Some of the flint objects from horizons 2–7 have taphonomic features distinguishing them from the archaeological materials from horizon 1. The point is that the former were affected by chemical weathering more than the objects from horizon 1. The surface of many flint objects destroyed almost to the state of chalk. The intensity of this destruction appears to depend on the quality (chemical homogeneity) of the flint presented here. The higher the quality of flint is, the more it is affected to chemical weathering. The thin argillaceous-calcareous film, which covered the surface of these objects, protected them. The chert objects were less subjected to chemical destruction here.

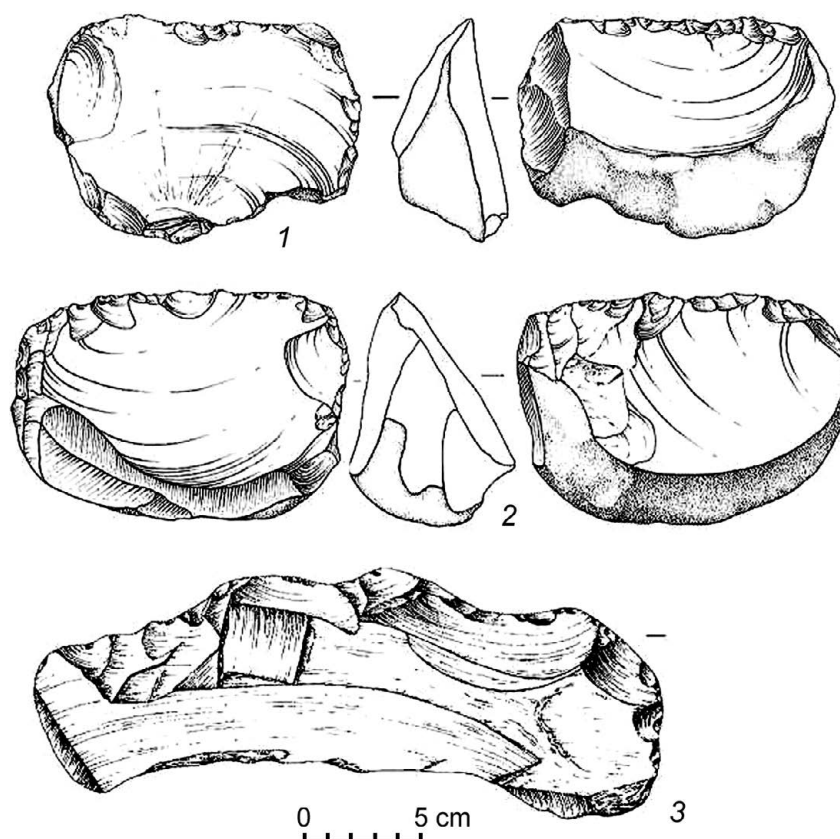

Fig. 6. Meshhed III, horizon 1. The samples of the stone implements. 1–2) large knives; 3) tsaldi

CULTURAL AND CHRONOLOGICAL ATTRIBUTION

The ground for dating the collection of finds from Meshhed III is their association with the cultural layer, which stratigraphically corresponds to the Middle Pleistocene part of deposits filling Wadi Douan. Besides, as previously noted, there is TL date for this layer. Thus, the site under consideration refers to the Acheulian, specifically to the Middle Acheulian.

The most essential typological characteristic of the industry under study is combination of such forms as handaxes, choppers and picks, while there are no cleavers. It is essential that the investigated Acheulian sites of South Arabia with destroyed cultural layers present collections of these categories of tools. Typologically these materials are similar to the first wave of Acheulian tools from East Africa to the Middle East (Bar-Yosef and Gorin-Inbar 1993) and North Africa (Raynal et al. 2009). At first glance, they differ from the later Acheulian tools from the Middle East sites (Goren-Inbar et al. 2000) belonging to the Large Flake Acheulian (LFA) type of industry. However, in the case of Meshhed III, the situation may be not so univocal, particularly, taking into account the fact that the available materials are not enough to draw the final conclusions. For example, the biface from this collection refers to the variety (oval), which is more typical of the Acheulian industries of Asia that do not include the cleaver. But will the picture be the same after the collection of stone artifacts from Meshhed III significantly increases?

According to the data related to the Levant, it is known that at that time, *i. e.* 500 ka, the cultural phenomenon known as Large Flake Acheulian (Sharon 2010) declined in the Middle East. We do not fix its distinct manifestations in the materials from Meshhed III. Nevertheless, some reminiscence of this culture can be seen here. At least two of seven signs of LFA (Sharon 2010), namely, the presence of such important components of LFA, as a significant number of large flakes and tools on them, and the system of regular chipping of large flakes from the cores, took place at the site under study. There are no cleavers here. But in the literature it is

noted that cleavers are usually found in the industries based on the varieties of coarsegrained raw materials (andesite, basalt, dolerite, quartzite, etc.). And on the contrary, they are rare at the sites where fine-grained materials, such as flint and obsidian, were used (*Ibid.*). As noted above, at Meshhed III the primary raw material was flint.

Evaluating the materials from the site under consideration, the existence of the Acheulian sites with the LFA industries in Central (Dawadmi complex of sites; Zarins *et al.* 1982; Murad 1980) and North Arabia (Shipton *et al.* 2014), and at the Red Sea coast in Wadi Fatimah (Whalen *et al.* 1988) cannot be disregarded. Typological characteristics of these materials indicate that they belong to the LFA type. And this raises the question of whether the differences between them and the materials from Meshhed III are due to the differences in the raw materials that were used? In view of the above stated considerations, this cannot be excluded. Unfortunately, the Acheulian sites of Central and North Arabia do not have absolute dates. If they existed and trended to be older than Meshhed III, we could ascribe these differences not only to the peculiarities of the raw materials that were used, but also to the chronological factor. In this case, it would be natural to talk about including of the whole Arabian Peninsula into the zone where the emergence, development and disappearance of the LFA tradition were implemented according to the variant similar to that of the Levant. We hope that further work and an increase in materials will allow throwing to shed light on this problem.

BIBLIOGRAPHY

- Amirkhanov H.A. 1991. *The Palaeolithic of South Arabia*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Amirkhanov H.A. 1994. Research on the Palaeolithic and Neolithic of Hadramaut and Mahra. *Arabian Archaeology and Epigraphy* 5: 217–228.
- Amirkhanov H.A. 2006. *Stone Age of South Arabia*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Amirkhanov H.A. 2008. *Cave Al-Guza: The multilayer site of Oldowan in South Arabia*. Moscow: TAUS.
- Amirkhanov H.A., Buffa V., Sedov A.V. and Vogt B. 2001. Excavations of a settlement of prehistoric fishermen and mollusk gatherers in the Khor Umayra lagoon, Gulf of Aden. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia* 4,8: 2–12.
- Antiquities Report 1965. Report on an Acheulean Hand-Axe from Jabal Tala, South Arabia. *Antiquities Report for the Year 1964–1965 and Bulletin* 7: 18–19. Aden: Department of Antiquities.
- Bar-Yosef O. and Goren-Inbar N. 1993 *The Lithic Assemblages of Ubeidiya. A Lower Palaeolithic site in the Jordan Valley*. Jerusalem: Institute of Archaeology, the Hebrew University of Jerusalem (Qedem 34).
- Caton-Thompson G. 1954 Some Palaeoliths from South Arabia. *Proceedings of the Prehistoric Society* 19,2: 189–218.
- Caton-Thompson G. and Gardner E.W. 1939 Climate, Irrigation, and Early Man in the Hadhramaut. *Geographical Journal* 93,1: 18–38.
- Doe B. 1971. *Southern Arabia*. London: Thames and Hudson.
- Goren-Inbar N., Feibel C.S., Verosub K.L., Melamed Y., Kislev M.E., Tchernov E., Saragusti I. 2000. Pleistocene milestones on the out-of-Africa corridor at Gesher Benot Ya'aqov, Israel. *Science* 289,5481: 944–947.
- Hötl H., Zötl J.G. 1978. Climatic Changes During the Quaternary Period. In: Al-Sayari S.S., Zötl J.G. (eds.), *Quaternary Period in Saudi Arabia I*: 301–311. Vienna, New York: Springer.
- Inizan M.-L. et Ortlieb L. 1987. Préhistoire dans la région de Shabwa au Yémen du Sud (R.D.P. Yémen). *Paléorient* 13,1: 5–22.
- Lioubine V.P., Beliaeva E.V. 2004. *A Homo Erectus site in the cave Kudaro 1 (Central Caucasus)*. Saint-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie (in Russian).
- Lukashov A.A. 2006. Geological. Geo-morphological and lithological Features of the Gorge Al-Guza (Hadramaut, Republic of Yemen). In: Amirkhanov H.A., *The Palaeolithic of South Arabia*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Murad A.S. 1980. Prehistoru in the Arabian Peninsula. *Paléorient* 6: 237–240.
- Petraglia M.D. 2003. The Lower Paleolithic of the Arabian Peninsula: Occupations, Adaptations, and Dispersals. *Journal of World Prehistory* 17,2: 141–179.
- Raynal J.-P., Sbini-Alaoui F.-Z., Mohib A., Geraads D. 2009. Préhistoire ancienne au Maroc Atlantique: bilan et perspectives régionales. *Bulletin d'Archéologie Marocaine* 21: 9–53.

- Sharon G. 2010. Large Flake Acheulian. *Quaternary International* 223–224: 226–233.
- Said R. and Faure H. 1981 Chronological Framework African Pluvial and Glacial Epochs. *In*: Ki-Zerbo J. (ed.), *General History of Africa – Methodology and African Prehistory I*. Paris: UNESCO; London: Heinemann.
- Shipton C., Parton A., Breeze P., Jennings R., Groucutt H.S., White T.S., Drake N., Crassard R., Alshareh A., and Petraglia M.D. 2014. Large Flake Acheulean in the Nefud Desert of Northern Arabia. *PaleoAnthropology* 2014: 446–462.
- Spiridonova E.A. 2006. Palynological study of cultural deposits of cave Al-Guza. *In*: Amirkhanov H.A., *Stone Age of South Arabia*: 677–682. Moscow: Nauka (in Russian).
- Van Beek G.W. 1969. The Rise and Fall in Arabia Felix. *Scientific American* 221,6: 36–46.
- Van Beek G.W., Cole Glen H. and Jamme W.F. 1964. *An Archaeological Reconnaissance in Hadhramaut, South Arabia. A Preliminary Report*. Washington, DC: Smithsonian Institution. *Annual Report of the Smithsonian Institution*: 521–545.
- Whalen N.M. and Pease D.W. 1990. Archaeological Survey in Southwest Yemen, 1990. *Paléorient* 17,2: 127–131.
- Whalen N.M. and Schatte K.E. 1997. Pleistocene sites in southern Yemen. *Arabian Archaeology and Epigraphy* 8: 1–10.
- Whalen N.M., Siraj-Ali J., Sindi H., Pease D., Badein M.A. 1988. A complex of sites in the Jeddah–Wadi Fatimah area. *Atlat. The Journal of Saudi Arabian Archaeology* 11: 77–85.
- Zarins J., Rahbini A., Kamal M. 1982. Preliminary Report on the Archaeological Survey of the Riyadh Area. *Atlat* 6: 25–38.

ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНОК ТИПА РАКОВИННЫХ КУЧ НА ЮЖНОАРАВИЙСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ

**The investigation of shell midden type sites
on South Arabian coast**

**EXCAVATIONS OF A SETTLEMENT OF PREHISTORIC FISHERMEN
AND MOLLUSK GATHERERS IN THE KHOR UMayRA LAGOON, GULF OF ADEN,
REPUBLIC OF YEMEN¹**

The study of coastal sites containing shells of edible mollusks and fish bones is an important and relatively recent area of research in Arabian archaeology. From the mid-1970s to the present a large number of them have been discovered in areas adjoining the Persian (Arabian) Gulf in Qatar (Inizan, 1980; 1988), Bahrain, Saudi Arabia, the United Arab Emirates (Glover, 1995, 1998; Ghisotti, 1986; IsMEO Activities, 1983; Potts, 1993; Prieur, 1991), and Oman (Biagi, 1984, 1985; Durant, Tosi, 1980). Also, they have been found on the Red Sea coast near Tihama (Tosi, 1986). So far, most of them have not been excavated on a large scale. Nor have the finds been analyzed or published in detail. A number of collections still remain unpublished. Some researchers tend to propose historical reconstructions and discuss economic and environmental issues before they have published detailed descriptions of the finds, geological sections, or results of analyses. Specific materials are mostly used for speculations regarding the «coastal adaptation theory» and general lifestyles of the prehistoric inhabitants of the Persian Gulf coast.

Some years ago, the study of sites on the Gulf of Aden coast was started under a joint Russian and German project. By now, several of them have been discovered and subjected to pilot excavations. They date from various epochs ranging from the Neolithic to the Late Classic Period.

In Autumn 2000, expeditions from Moscow and the German Archaeological Institute conducted excavations at the site of Gihayu, on the Gulf of Aden coast in Yemen. In terms of size, depth of cultural deposits, and richness of finds, it is unique among all the sites on the Arabian coast.

The site was discovered in 1999 during a survey undertaken by a joint German and Russian party including B. Vogt, A. V. Sedov, and V. Buffa. It is situated in the Khor-Umayra lagoon on the Gulf of Aden coast, about 150 km west of Aden (Fig. 1), near the wadi Markha mouth. Apart from the site in question, other sites dating from the Bronze Age, the Proto-urban Southern Arabian civilization, and the Middle Ages were found nearby.

The right bank of wadi Markha, consisting of alluvial conglomerate, forms a small terrace 4–5 m high. In the place where the wadi joins the lagoon, the same alluvium forms one of the coastal terrace levels. Approximately 2 km north of the wadi, the al-Kharza mountain range approaches the coast quite closely and delimits the wadi Markha mouth. The site is situated ca 1.6 km south of the wadi and ca 2 km west of the modern bank of the lagoon. The minimal distance from Gihayu to the sea (in the eastern direction) is approximately 1 km.

The site is separated from the sea line by a smooth stretch of coast, the surface of which gradually rises from east to west. Two geomorphological levels are of key importance from the archaeological standpoint. The first one, 1.2–1.3 m high, contains sites dating from the Late Bronze Age and the Proto-urban period. The second one, which is higher (ca 4 m), stretches parallel to the lagoon coast directly behind the site. The site itself is situated on a hill, the base of which is 2–3 m above sea level.

The traditional idea of a shell midden (a name currently used with regard to similar sites) is that of an unstructured or loosely structured agglomeration of shells, basically kitchen waste. Gihayu, however, like other similar sites on the Gulf of Aden coast, has a distinct layout with areas differing according to function, utilitarian or industrial. Most of its cultural deposits are anything but a homogeneous accumulation of shells. In short, Gihayu is in no way a shell midden. Its external features, as well as the structure of its deposits, suggest that it is a tell.

Externally, the site is a high hill which, in plan, is elongated along the latitudinal axis (in an east-to-west direction, parallel to the lagoon coast). It has rather steep slopes and three tops

¹ Amirkhanov Kh. A., Vogt B., Sedov A. V., Buffa V. Excavations of a settlement of prehistoric fishermen and mollusk gatherers in the Khor Umayra lagoon, Gulf of Aden, Republic of Yemen // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. Number 4 (8) 2001, pp. 2-12.

The study is part of a joint Russian, German, and French archaeological project (INTAS N 97-20237) *The Coast of Yemen in Prehistory: Environment, Adaptation, Human Activities, and Cultural Contacts* (Head, Prof. J.-F. Salles).

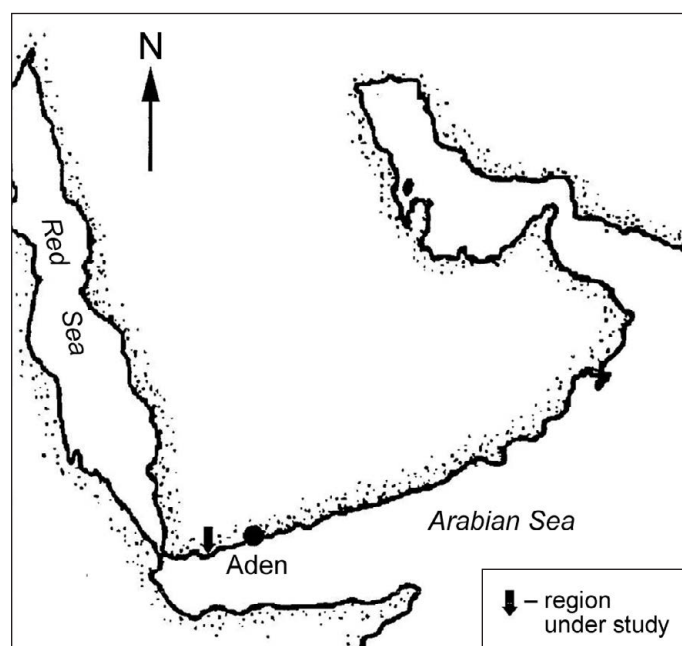

Fig. 1. Map of the site area

regularly arranged along the long axis of the hill and separated from one another by hollows nearly 1 m deep (Fig. 2, 3). This suggests that the foci of human activity were stable during the final stage of the deposition. The tops are rather smooth. The length of the hill is 215 m in the basal part and 110 m at the top, its width 135 m and 30 m, respectively, and its height, 13.5 m. This is the largest hill in that part of the lagoon. The reconstructed depth of cultural deposits in the central part from the top down is at least 7 m. The earliest deposits were apparently formed on a rather long but low (ca 5 m high) natural hill. In geomorphological terms, it might have been either a large dune or a remnant left over by one of the Holocene sea transgressions. In the latter case, the hill might have actually been an islet separated from the coast by a shallow strip of water several dozen meters wide. Materials from a probe trench dug at the base of the eastern slope of the hill suggest that the sand is sea-derived even at a depth of

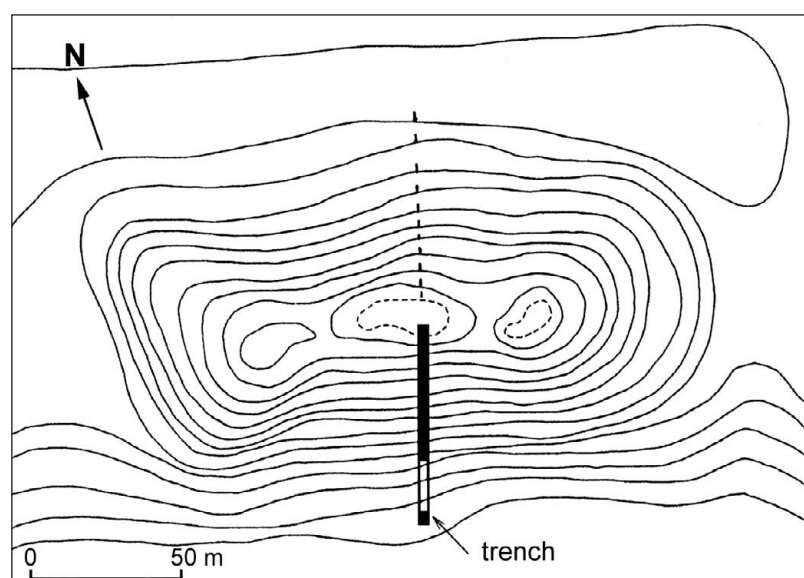

Fig. 2. Gihayu. Plan of the tell. Sections of the horizontals are separated by 1 m

Fig. 3. *Gihayu. General view from the coast*

1 m. Consequently, the minimal range of the transgression that would have turned the hill into an islet would have been 2.5–3 m above modern sea level. Had the water risen above 4–5 m, the hill would have been totally submerged and washed away. Another fact favoring the idea that the functioning site was situated right on the shore is that its inhabitants were fishermen.

Approximately 50 m east of Gihayu is another sandy hill, about 1.5 m high. On its surface, many charred shells were found together with stone tools generally resembling those from Gihayu. We did no excavations on this hill.

SURFACE FINDS

As noted above, the artifacts are distributed all over the deposits from the modern surface down. Stone, obsidian, and pebble tools, both used and unused, are more or less regularly scattered across the entire surface of the tell. Apart from the above, about a dozen tiny potsherds were found, including those dating from the Bronze Age, Saba Period, the Middle Ages, as well as modern times. Other modern objects were found as well. It is understandable that the tell was occasionally visited during various periods since, as noted above, this is the most elevated point in the entire coastal area. Also, remnants of the village were rich in diverse and high-quality stone that was used as raw material. Both tools and blanks were reworked and re-used, as evidenced by artifacts in the cultural deposits of the Bronze Age settlement Al-Uraysh. Judging by their types and by the primary patina, they belonged to the Gihayu assemblage.

The surface finds from Gihayu were first collected by Vogt and Sedov in 1999 during a brief survey. Together with surface finds collected in 2000, the entire sample consists of 420 stone tools, apart from numerous obsidian scales and unworked pebbles. Among these, 127 pieces are finished and typologically definable tools made of knapped stone.

Typologically, the cores and tools fall into the following classes:

1. Prismatic unidirectional cores – 10
2. Bifacial points – 2
3. Limaces (pseudo-trihedrons) – 4
4. Longitudinal single straight side-scrapers – 19
5. Longitudinal single convex side-scrapers – 14
6. Longitudinal denticulate side-scrapers – 13
7. Longitudinal double straight side-scrapers – 13
8. Transverse straight side-scrapers – 2
9. Transverse convex side-scrapers – 5
10. Canted scrapers – 6
11. Simple end-scrapers – 9

12. Nosed end-scrapers – 2
13. Crescent-shaped knives with retouched backs – 5
14. Natural-backed knives – 10
15. Notched axes – 1
16. Nosed tools – 2
17. Notched tools – 10

Tools made of unknapped flint that were found on the surface are mostly pebbles with small depressions on the flat sides, small grinders, and hammerstones. Also, several large grinders, a large transverse fragment of a trough-shaped stone vessel, and a small mortar were found.

The raw materials of which stone tools were made are very diverse including flint, various types of limestone (siliceous, shingly, or quartzitic), quartzite, obsidian, volcanic tufa, and sandstone. Apparently no single rich source of raw material suitable for knapping was available to the inhabitants of the settlement. Raw material, then, had to be collected over a wide area among the shingle from wadi Markha deposits. All stone material, both on the surface and in the deposits, was brought to the site and mostly consisted of limestone pebbles and rocks. While it is difficult to evaluate the total mass of manuport on the site so far, it must have weighed tons. The mass of pebbles in our trench alone (see below) was over 800 kg.

The principal type of pre-form is a flake, massive or bladed. Cores are represented by a single type, unidirectional parallel. Some blades are present, but they, too, are massive.

Clearly, the surface finds are heterogeneous and their informative potential is limited. Associated not only with the top but with the sides of the hill as well, they don't belong to the upper level alone. Overall, though, their composition broadly agrees with that of the collection excavated from the stratified deposits.

GENERAL CHARACTERISTICS OF CULTURAL DEPOSITS

ARTIFACTS FOUND *IN SITU*

The probe trench was made according to the standard technique used on the tells. The trench area, 48 m long and 3 m wide, began in the uppermost part of the middle hilltop and passed across the long axis of the hill in the central part of its southern slope. On a line continuing its long axis, another trench, 4 m by 3 m, was made near the base of the southern slope. The total length of the excavated area, then, was 52 m. The area between the two trenches has not been excavated because it is a sterile part of a natural hill on which the earliest deposits were formed.

Because the deposits are sandy, we had to make a step-trench the depth of which could not exceed 1 m (Fig. 4). At present, the total depth of the cultural deposits in the central part of the hill can only be estimated. As noted above, it is close to 7 m. Measured from the hill top down to the lowest point of the deposits on the slope where the trench passes, the estimated depth is 8.6 m. Regarding the horizontal distribution of stratified archaeological materials, the basal part of the deposits in the southern part of the tell is 45 m long, counting from the top. Given that the deposits in the longitudinal transect of the trench are symmetric, their total length in the initial occupation zone can be estimated at 90 m in the transverse direction. Estimating their length in the longitudinal direction would require much extra work.

The lithological filling of the deposits at all levels consists of wind-blown sand. Its color at various levels is basically the only geological criterion of stratigraphy. The cultural sequence looks like a succession of alternating dark and light horizons. The depth of the darker horizon is 15–20 cm on average, and the lighter ones are somewhat deeper. The dark color is due to charcoal and ash. Occasionally thin lenses of ash can be traced within the lighter layers. In terms of shade, 21 horizons can be separated in the main trench.

One of the features of the excavated part of the site is that the cultural sequence is uninterrupted. No sterile layers have been noticed so far. The richness of archaeological materials, though, differs across the horizons. Darker layers are richer in finds. It would be premature to

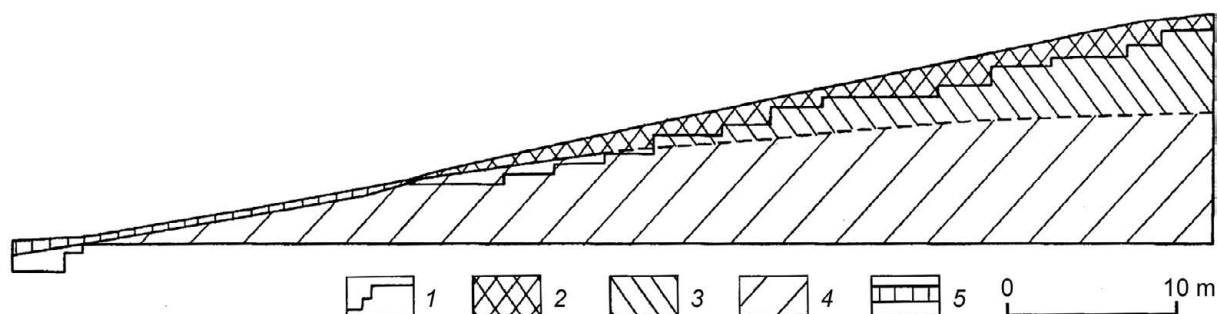

Fig. 4. Schematic profile of the tell along the trench line

1 – excavation steps; 2 – excavated part of cultural deposits; 3 – unexcavated part;
4 – natural deposits of the sand dune; 5 – redeposited cultural remains

extrapolate this observation on unexcavated areas. Also, it would be incorrect to extrapolate the characteristics of the sequence observed in the southern part of the tell, complete as it appears, on other parts of the site. What is available so far is just a reasonable approximation of one of the two general transects.

Apart from geological criteria, the stratigraphic subdivision of the cultural sequence may in some cases be based on archaeological indicators. This happens when hearths or hearth groups, pits, pavements, or concentrations of finds attest to various levels of habitat. Ten such levels have been traced in the deposits within the excavation area. The general stratigraphy of the site, however, can hardly be reconstructed using these data alone. First, for some occupation levels, only the lower borders can be traced with sufficient accuracy, and secondly, as noted above, the pattern outside the excavation area is unclear. However, the very possibility of tracing such levels in sites usually referred to as shell middens is noteworthy. Their presence is unambiguous proof of the structured nature of such sites (the structure is vertical in our case, but it may be otherwise), a feature typical of any stratified prehistoric site regardless of its economic specialization.

Hearths, both single and arranged in groups, were found in all dark horizons and in two light ones. They fall into two types: those paved with large shells (Fig. 5), and those surrounded by a kerb made of pebbles. The vast majority of hearths are of the former type. Their remains are dark round spots of charred ground neatly paved with shells. The diameter of such hearths mostly ranges from 60 to 70 cm. Hearths of the second type were found in levels 9 and 14 and are partly destroyed. They are roundish, and their inner diameter is 75–80 cm. They are surrounded with pebbles, and the kerb surrounding the hearth found in level 14 at a depth of 630 cm from the hill top, contains several large gastropod shells. No special depressions were made for hearths of either type.

Another feature attesting to occupation levels and evidencing the way in which the habitation and utility areas were improved are pavements. These, too, were made of pebbles (horizon 18, depth 660 cm) or shells (Fig. 6) (horizons 7 and 8, depth 415 cm and 425 cm). Two such pavements were found virtually one above another. Their width is 2–2.5 m, and their length is difficult to estimate, for they continue into the trench walls in both directions.

Marked concentrations of finds and pits, too, evidence various levels of habitat. One such concentration of heavily charred pebbles was found in layer 1 at a depth of 60 cm. It partly continues into the trench wall. Within the excavated area, it consists of 12 pebbles irregularly arranged and not suggestive of any structure. In the same layer, the trench partly cuts through a refuse pit containing many heavily charred pebbles.

Virtually all the artifacts from the cultural deposits of Gihayu (see *Table*) are stone tools. Apart from them, as noted above, a small potsherd was found in horizon 1. Judging by the firing, color, and fabric, it dates from the Bronze Age. It almost certainly has nothing to do with

Fig. 5. *Hearths paved with shells in the process of clearing. Horizon 2*

the principal inventory of the site. This is evidenced by the uniqueness of this find and by the fact that it was situated in one of the upper levels, near the modern surface.

Stone items fall into four groups: (a) cores, preforms, and debris; (b) tools made of knapped stone; (c) tools on pebbles; and (d) unworked pebbles and rocks, some of them charred to a various degree. The last group is the most numerous. Its representation in various horizons is proportional to the total number of tools made of knapped stone. The large number of pebbles and rocks, which must have been brought to the site from a place no nearer than 2 km away, attests to the importance of stone as a raw source. Finds from the excavated area suggest that pebbles and rocks were mostly used for constructing hearths of the first type and for paving rather large areas. Clearly, they provided a material for manufacturing tools, some of which were made directly on pebbles whereas others were made of knapped stone.

With regard to the functions of these tools, it is noteworthy that virtually each cultural horizon contains numerous pebbles of various sizes with remnants of small marine organisms (shells and crustaceans) stuck to their surface. This would be easy to understand if the ancient beach had consisted of shingle, which was not the case. Also, only a few pebbles have these features. Presumably, they must have somehow been submerged in the water, possibly more than once, and were then taken out and brought to the site. Given the economic specialization of the site, it may be suggested that they were used as weights for nets. If so, this was the simplest type of weights, and there must have been a special way of attaching them to the nets. Normally, prehistoric fishers of the Arabian coast used weights with side notches resulting from percussion or with furrows made by means of the piquetage technique. Such weights occur on the Arabian coast from the Bronze Age onward. They are quite numerous at Al-Uraysh, a Bronze Age site situated near Gihayu. Weights with furrows used by modern fishermen in the Al-Umayra lagoon are absolutely identical to their Bronze Age counterparts in terms of both material and typology.

Tools made of knapped stone are rather few. This is a common feature of fishermen and mollusk gatherers' settlements on the Arabian coast. With regard to Gihayu, this cannot be

Fig. 6. *Pavement made of shells. Horizon 7*

explained by the scarcity of surface finds since these are quite numerous. However, the area in which they have been collected is large.

Importantly, despite the considerable depth of the cultural sequence and the presence of numerous occupation levels, no appreciable differences between these have been noticed in terms of typology, technology or raw materials. The same applies to deposited finds as compared to the surface finds, except for the late objects (those dating from the Bronze Age onward).

The predominant, if not the only, type of cores in all the horizons of Gihayu is the unidirectional parallel core. Most pre-cores were specially selected elongated pebbles in which at least one point had a flattened surface suitable for use as a striking platform. If the pebble met this condition, no further preparation for knapping was necessary. It comes as no surprise, then, that over half of the flakes found *in situ* have a natural striking platform with a cortex.

A typical pre-form in all the horizons is an elongated and often massive flake, similar to, but not identical with, the «slice of lemon» flake. On the striking platform and on one of the edges of such a flake, the cortex is preserved. The distinctive feature of these pre-forms is that the edge with the cortex is not normally convex, and the point of the flake is either linear-elongated or feather-shaped. To our knowledge, such a marked specialization of pre-forms and the accordingly high standardization of flaking techniques are not characteristic of Bronze Age stone industries of the fishermen that inhabited the Gulf of Aden and the Persian Gulf coasts.

Finished tools made of knapped stone are few but diverse. They fall into nine categories, apart from partly retouched flakes. This attests to considerable diversity, given the economic specialization of sites like Gihayu.

Points are represented by two limaces (pseudo-trihedrons) (Fig. 7, 1–3), from horizons 1 and 10, apart from those found on the surface. They differ from typical Southern Arabian Neolithic trihedrons by the fact that just two sides corresponding to the back, rather than all three, are retouched, and, unlike the trihedrons, they have no sharply marked rib on the dorsal side; the back is more or less rounded.

Distribution of stone tools from stratified deposits of Gihayu according to archaeological horizons

Tools	Horizons																			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17, 18	19	20	21
Cores, pre-forms, and debris of knapped flint																				
Unidirectional parallel cores	3	1	2		1		1	1	2					1	1	1	3	4	1	2
Radial cores with discontinuous working surface																				
Discoid cores	1		1											2						1
Core-shaped debris	1						1							2			1	1		1
Blades																				
Flakes	20	11		2	3	8	9	9	8	13	3	2		20	5	7	23	13	11	16
Debris	1						1		2	1				1			1	1		
Fragments	1				1	2	1		1	1				1	2	1	1	2	1	1
Flakes from trimming the striking platform of the core																				
Tools made of knapped stone																				
Limaces (pseudo-trihedrons) End-scrapers	1									1				1			1			
Carinate end-scrapers	1												1				1			
End-scraper forms																				
Longitudinal single convex side-scrapers	1							1					1	2						1
Longitudinal double side-scrapers	1							1						1	1		1			
Convergent side-scrapers																				
Knives with “backs on the sides”								1						1						1
Natural-backed knives																				
Tranchets														1			1		1	
Notched tools														1						
Blades with side retouch																			1	
Flakes with denticulate retouch	1						1												3	
Flakes with partial side retouch	2		2							1	1				1	1	2			1

Tools	Horizons																			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17, 18	19	20	21
Tools on pebbles and rocks																				
Hammerstones	7	1			1	4		1	1	1	1	1		2	1	1	1	6	4	1
Anvil-hammerstones	2																1	3	3	
Anvils	1					1			4					2		1	8	2		
Grinders with flat surfaces	9	1	3		1			2	3	2	4			7	2	8			4	7
Elongated slightly concave grinders	4	1					1		2	1										
Trough-shaped grinders									1							2				
Pebbles with a single depression	6	1			1	1	2		1	1	1	1	1	3			2	2		1
Pebbles with two depressions on opposite sides	9		1		1			2	1			1		4	2	3	3			
Pebbles with two depressions on the same side	1				1								1							
Pebbles with depressions on two adjoining sides	1													1						
Pebbles with depressions on three adjoining sides																				
Pebbles with four depressions on the same side	1													1				1		1
Pestles																				
Mortars																				
Unworked and charred pebbles	796	130	124	68	87	158	185	196	174	185	65	48	11	478	146	212	570	415	266	247
Total	872	146	131	70	96	174	202	214	200	206	75	53	14	532	153	237	620	450	295	281

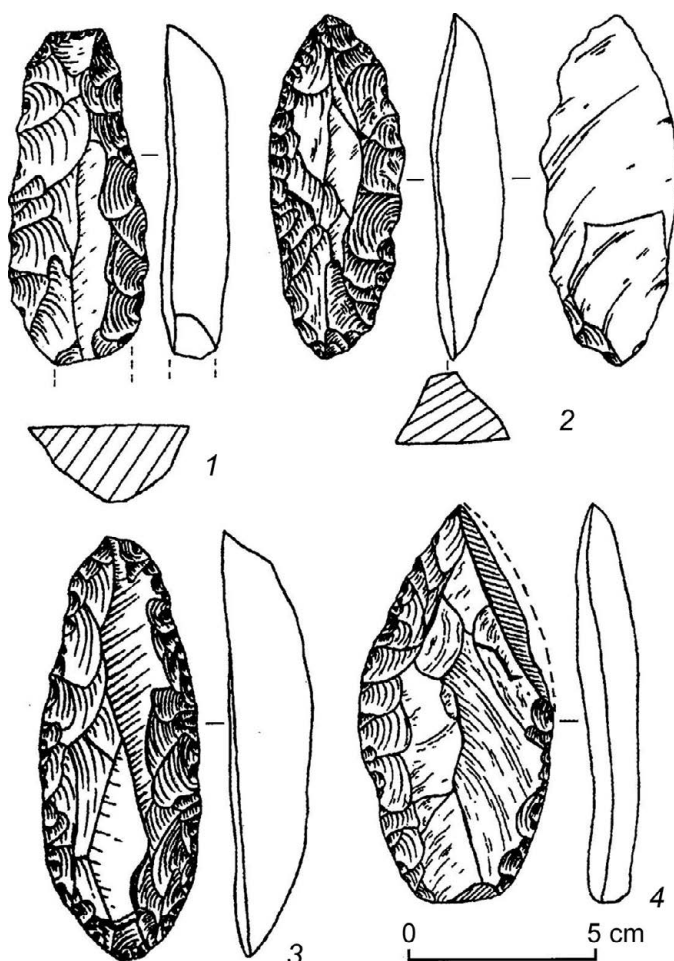

Fig. 7. *Limaces (1–3) and a foliate point (4)*

1 – horizon 1; 2–4 – surface finds

Points of the second type are large foliaces (Fig. 7, 4) and are only represented among the surface finds (two specimens).

If we regard the inventory of the site as a whole, one of its features is that end-scrapers, mostly made on large bladed flakes, are rather well represented (Fig. 8). However, they are uncommon in stratified levels (horizons 1, 14 and 17). Especially expressive are nosed end-scrapers.

Side-scrapers are the most abundant and diverse category of tools. In terms of quantity, diversity of forms, and morphological stability, this category sharply distinguishes Gihayu from other prehistoric Arabian sites. Seven varieties of side-scrapers can be separated, including four among the tools from the cultural deposits (horizons 1, 8, 14, 15, 17 and 21). Importantly, they are true side-scrapers, in contrast to other Neolithic artifacts often loosely attributed to this category. In terms of pre-form, morphology, and technology, Gihayu side-scrapers resemble Mousterian tools. This mostly applies to canted (Fig. 9, 1, 2), transverse (Fig. 9, 4), and convergent side-scrapers (Fig. 9, 6).

Especially noteworthy in terms of technology and shape are crescent-shaped knives with retouched backs. (Fig. 10, 3). They have only been found on the surface. In the cultural deposits, knives of two other varieties are present: natural-backed (horizon 14) (Fig. 10, 2) and those with a «back on the side» (horizon 8) (Fig. 10, 1). Knives of all the three varieties have blades formed with a regular sharpening retouch.

Among other categories, chopping tools with a transverse blade (tranchets) should be mentioned (horizon 14), as well as notched tools (horizons 18 and 20).

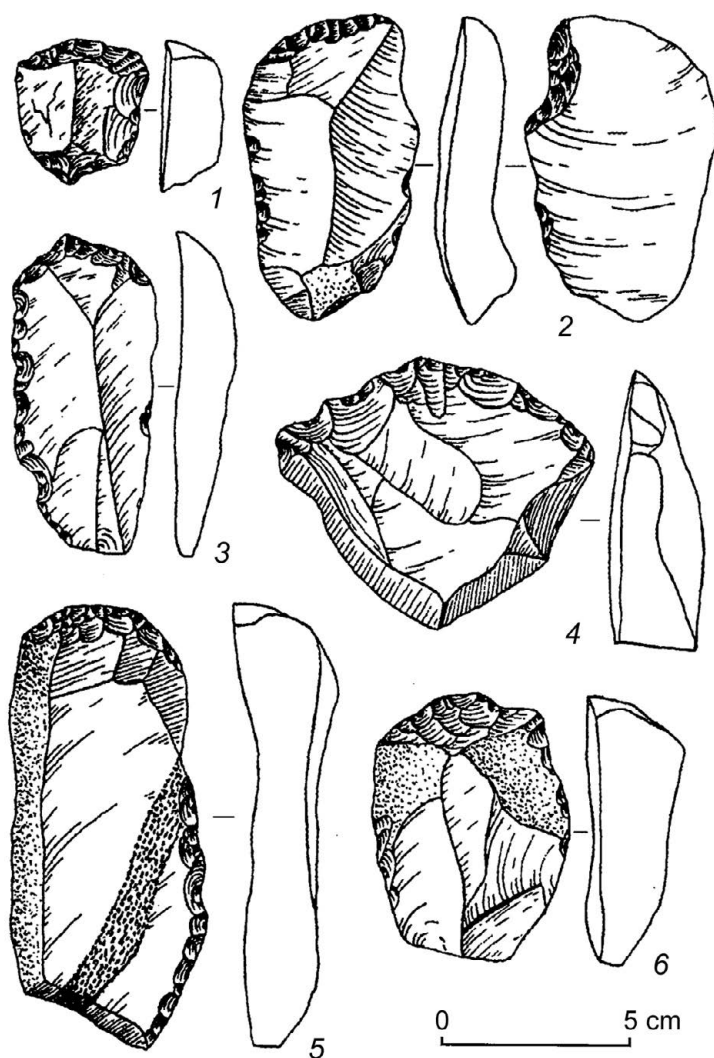

Fig. 8. Side-scrapers (1–3, 5–6) and a transverse convex scraper (4)
1, 3–6 – surface finds; 2 – horizon 12

The composition of the inventory indicates that the entire manufacturing cycle took place at the site. This provides one more argument in favor of the idea that the lifestyle of the people who lived here was sedentary virtually throughout all the periods documented by the occupation levels seen in the trench.

Tools on pebbles and rocks found in the trench are by far more numerous than those made on flakes. Most of them are hammerstones, grinders of various types and size, and pebbles with small depressions on the flat surfaces (Fig. 11). Also, each of the following is represented by one specimen: large mortar (horizon 21) (Fig. 12), pestle (horizon 19), and retoucher (horizon 20).

This tool kit is rather typical of fishermen and mollusk gatherers' settlements. The function of most of these tools is well understood, the only exception being pebbles with depressions. Because some of them have two or even four such depressions merged together, it may be assumed that the depressions themselves were functional; possibly they served for crushing some substance. This is evidenced by occasional traces of red mineral paint inside the depressions. Similar traces are seen on two grinders with flat surfaces. It is not clear whether the above function was the principal or the only one. And if it was, were substances other than paint crushed as well?

Some of the grinders are rather large and boat-shaped, that is, having concave surfaces resulting from heavy wear. Such artifacts are normally referred to as querns or milling

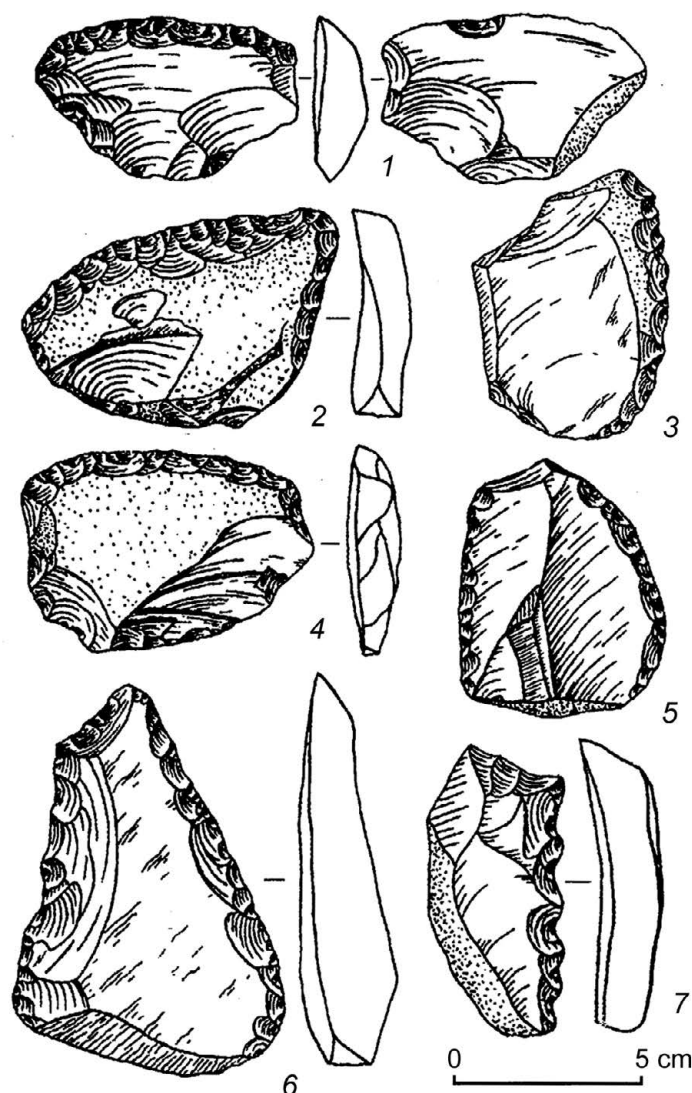

Fig. 9. Stone tools

1, 2 – transversal side-scrapers; 3, 5 – longitudinal side-scrapers; 4 – side-scraper *dejétée*; 6 – convergent side-scraper; 7 – longitudinal denticulate side-scraper
1, 2, 4, 5 – surface finds; 6 – horizon 1; 7 – horizon 8; 3 – horizon 14

stones. No direct data, however, suggest that people living here practiced any forms of agriculture. Grinders of this type are rather common in sites of fishermen, both in Arabia and elsewhere.

Large mortars, as evidenced by the single specimen found in the bottom horizon, may have had the same function. It is made of a very large egg-shaped limestone rock that was brought to the site. It weighed about 40 kg. The height of the mortar is 38 cm, the depth of the hollow, 22 cm, and the inner diameter, 23 cm. The hollow is nearly cone-shaped with a rounded bottom. Two similar objects and several very large grinders were found on the modern surface. The latter are made of volcanic tufa.

Faunal remains Remains of animals (fish, mammals, and amphibians) were found in all the horizons. Both numerically and in terms of weight, mollusk shells are the predominant category. Their total weight is 780 kg. The second largest category is remains of fish and sea turtles. In seven horizons, more than 20 determinable bones of ungulates were found.

So far, only mollusk remains have been studied. The list includes 39 species of bivalves and 19 species of gastropods. By far the most common species of Pectinidae, making up

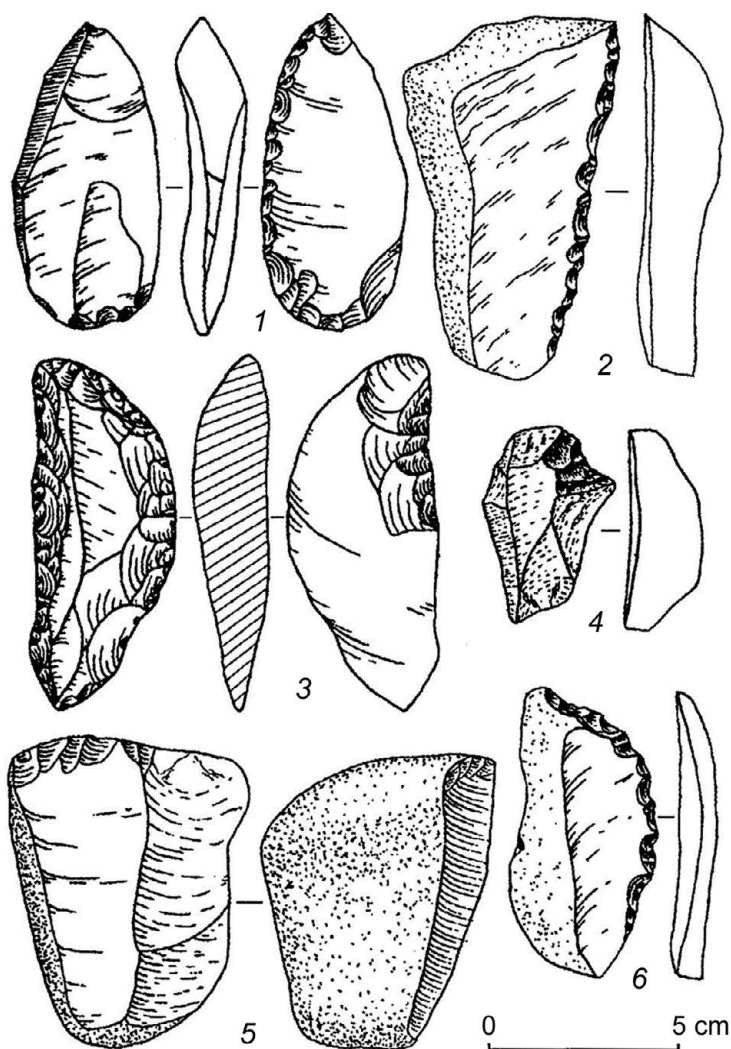

Fig. 10. Stone tools

1 – knife with back «on the side»; 2 – natural-backed knife; 3 – «crescent-shaped» knife with a retouched back; 4 – notched tool; 5 – core; 6 – flake with denticulate retouch.
1–3 – surface finds; 4 – horizon 14; 5, 6 – horizon 7

70–97% of shells (its proportion is below 70% in just two horizons) is *Chlamys towsendi*. Another species is *Chlamys senatoria* (0.15–7.7%). In the bottom levels, representatives of the genus *Chlamys* are more common than in the overlying ones.

According to S. V. Popov, who studied the shells *in situ*, most mollusks were procured from the stony sea bottom, consisting of rocks or shingle, on the ebb tide and in the water. Fewer of them were collected from the sandy bottom at the same depth.

There are few if any indications that mollusks were obtained in the lagoon. Neither do the proportions of various mollusk species differ across the occupation levels.

Remains of terrestrial animals and turtles are being studied at present.

CONCLUSIONS

So far, the excavations at Gihayu may be classified as pilot studies. Yet even these suffice to assess the site as highly relevant for the maritime adaptations of Arabian sedentary coastal dwellers. The available facts make it possible to draw certain conclusions with regard to dating, cultural affinities, lifestyle, and economic specialization.

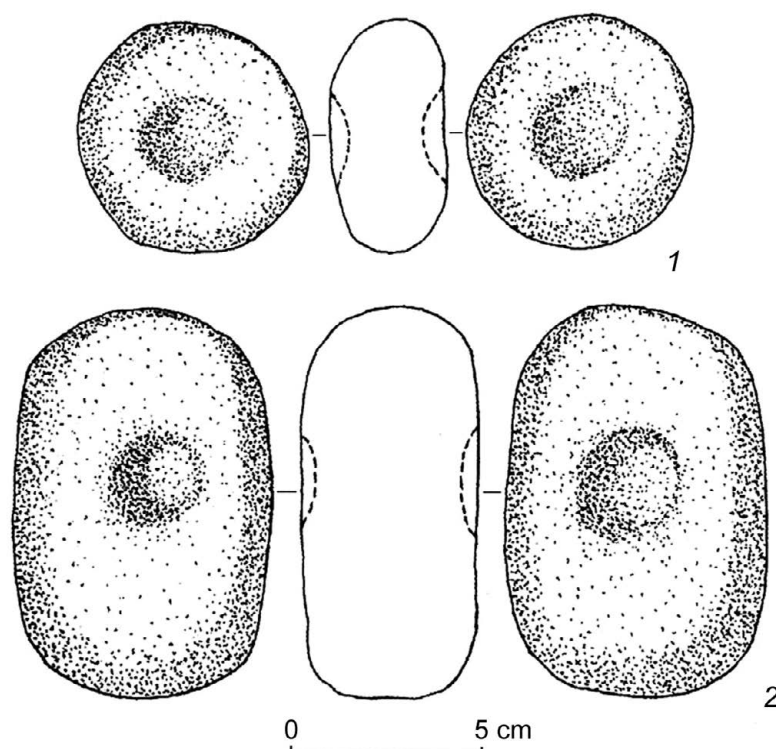

Fig. 11. Pebbles with depressions

1 – horizon 18; 2 – horizon 3

The date of the site may be estimated using archaeological criteria together with certain indirect data related to geomorphology of the sea and paleoclimatology.

Archaeologically, the date of Gihayu may be estimated on the basis of its comparison with the Bronze Age site of Al-Uraysh, situated in the same lagoon. The differences between the two sites are striking. The principal characteristics of Al-Uraysh are as follows:

- (a) stone tools are by far less common than they are in Gihayu;
- (b) the knapping techniques are unstandardized, and there are no definite types of either cores or pre-forms;
- (c) there are no definite types of tools made on flakes; the most distinct of them resemble simple end-scrapers and notched tools;
- (d) types common in Gihayu, such as limaces (pseudo-trihedrons), asymmetrical knives with retouched backs, canted and transverse side-scrapers, etc., are absent altogether.

In turn, the Gihayu collection, unlike that from Al-Uraysh, contains no pottery or morphologically distinct pebble weights for nets, either with furrows or with side notches. All these differences, in our opinion, are of a chronological nature, suggesting that Gihayu predates the Bronze Age. Its lower chronological boundary is estimated on geomorphological criteria, indicating that the site is no earlier than Early Holocene. Technological characteristics of the stone tools suggest that the likely date is Late Neolithic, or, in absolute terms, any time between 4000 and 3000 BC. Results of certain studies on the Persian Gulf coast indicate that a small sea transgression occurred during that time span (Gehin, 1988; Perthuisot, 1980: 24). As noted above, Gihayu functioned during this transgression, when the sea level was ca 2–2.5 m above the present one. The outline of the coast, too, was likely quite different from the one seen now. The lagoon itself was much less in size, as evidenced by the remains of mollusks, mostly characteristic of the open sea. There are no lagoon species such as those present (although in a small number) at the Bronze Age site of Al-Uraysh.

The cultural sequence at Gihayu, long as it is, should hardly have taken long to accumulate. More likely, the accumulation process was rapid due to the small surface area of the site, the large mass of stone manuport, the abundance of kitchen waste (shells), and heavy winds that

Fig. 12. Mortars and grinders. The first mortar on the left was found in the bottom horizon (21), others are surface finds

have blown much coastal sand into the site. It should come as no surprise, then, that stone tools from various occupation levels do not display appreciable technological or typological differences.

Concerning cultural attribution, the stone inventory of Gihayu is very different from that of other Neolithic sites, in either inland or coastal Arabia. Typologically, its distinctness is evidenced by forms such as canted and transverse side-scrapers, limaces (pseude-trihedrons), and asymmetrical knives with retouched backs. None of these, let alone the inventory as a whole, is paralleled among any materials from Arabia.

It appears unlikely that such a distinct cultural tradition was peculiar to a single community such as that living at Gihayu. Pilot studies at certain sites near the Khor Umayra lagoon have revealed tools displaying some resemblance to those from Gihayu. There are reasons to expect that stratified sites similar to Gihayu will be discovered in the future. When they have been found, it will be possible to speak of a distinct archaeological culture.

The economy of the people living at Gihayu was based on fishing and mollusk gathering. Hunting and possibly plant gathering may have provided additional sources of subsistence. It is difficult to say whether or not any elements of a production economy were practiced. The study of vegetable remains from cultural deposits might shed some light on this question. The tool kit, the stratigraphy, and the economic specialization (combination of fishing with hunting and possible gathering of plants) imply sedentism and stability. Sedentism and the emphasis on seafood appear to be the key factors in the formation of a specific cultural tradition, as evidenced by the archaeological artifacts, primarily stone tools.

REFERENCES

Biagi P. 1984

The prehistoric fishermen settlements of RH 5 and RH 6 at Qurum, Sultanat of Oman. In *Proceedings of the Twentieth Seminar for Arabian Studies*. London: n.p., pp. 15–19.

Biagi P. 1985

Excavation of the aceramic shell midden of RH 6, Qurum, Muscat. *East and West*, vol. 35: 410–415.

Durant S., Tosi M. 1980

The aceramic shell middens of Ra's al-Hamra: A preliminary note. *JOS*, vol. 20: 137–162.

Gehin P. 1988

Hypothèses relatives à l'évolution géomorphologique et au bilan géopédologique du Quaternaire récent de la péninsule de Qatar. In *Inizan M.-L. Préhistoire à Qatar: Mission archéologique française à Qatar*. Paris: Editions recherché sur les civilisations, pp. 167–184.

Ghisotti F. 1986

Shell finds in the course of the archaeological excavations at Ras al-Hamra. *East and West*, vol. 36: 471–472.

Glover E. 1995

Molluscan evidence for diet and environment at Saar in the early second millennium BC. *Arabian Archaeology and Epigraphy*, N 6: 157–179.

Glover E. 1998

Mangroves, mollusks, and man: Archaeological evidence for biogeographical changes in mangrove around the Arabian Peninsula. In *Arabia and its Neighbors: Essays on Prehistorical and Historical Developments*, C. S. Philips, D. T. Potts, S. Searight (eds.). N.p.: Brepols, pp. 63–78.

Inizan M.-L. 1980

Premiers résultats des fouilles préhistoriques de la région de Khor. In *Mission archéologique Française à Qatar*, t. 1. Doha: n.p., pp. 51–98.

Inizan M.-L. 1988

Préhistoire à Qatar: Mission archéologique Française à Qatar. Paris: Editions recherché sur les civilisations.

IsMEO Activities. 1983

East and West, vol. 33, N 1 – 4 (December): 330–337.

Perthuisot J.-P. 1980

Le Quaternaire de la Péninsule de Qatar, données préliminaires et hypothèses. In *Mission archéologique Française à Qatar*, t. 1. Doha: n.p., pp. 11–27.

Potts D. 1993

The late prehistoric, protohistoric and early historic periods in Eastern Arabia (ca. 5000–1200 BC). *Journal of World Prehistory*, N 7 (2): 163–212.

Prieur A. 1991

Découvert d'un site préhistorique d'abattage de dugongs à Umm al-Qaiwain (Emirates Arabes Unies). *Arabian Archaeology and Epigraphy*, N 2: 72–83.

Tosi M. 1986

Survey and Excavations on the Coastal Plain (Tihama). *East and West*, vol. 36: 400–414.

АЛЬ-НАБВА 2 – ПОСЕЛЕНИЕ ДРЕВНИХ РЫБОЛОВОВ И СОБИРАТЕЛЕЙ МОЛЛЮСКОВ НА ПОБЕРЕЖЬЕ АДЕНСКОГО ЗАЛИВА (РЕСПУБЛИКА ЙЕМЕН)¹

В последние десятилетия в аравийской археологии возникло направление исследований, определяемое как «прибрежная археология». Изучение археологических материалов показывает, что памятники прибрежных районов отличаются ярко выраженной спецификой инвентаря, связанной с преимущественной или существенной ориентацией древнего населения на эксплуатацию морских ресурсов.

Примерно с середины 70-х годов XX в. и до настоящего времени памятники этого рода выявлены в районах, примыкающих к Персидскому (Аравийскому) заливу на территориях Катара, Бахрейна, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов и Омана. Имеются данные о таких памятниках и на побережье Красного моря в районе Тихамы. Исследованность большинства указанных памятников с точки зрения масштабов раскопок и глубины собственно археологического анализа остается, к сожалению, все еще достаточно скромной. Обобщения историко-реконструктивного, палеоэкономического и палеоэкологического характера зачастую предшествуют публикациям и подробным описаниям инвентаря стоянок, геологических разрезов и лабораторно-аналитических данных. Конкретные материалы рассматриваются очень бегло и используются, главным образом, для теоретического обоснования чрезмерно обобщенной и иногда абсолютизируемой концепции «прибрежной адаптации».

Что касается побережья Аденоского залива, имеющего протяженность около тысячи километров, то первые целенаправленные исследования подобных памятников были начаты лишь несколько лет назад совместными усилиями российской экспедиции в Йемене и экспедицией Германского археологического института. В течение последних трех лет в ходе полевых работ выявлен целый ряд разновременных памятников, относящихся по традиционному наименованию к разновидности «раковинных куч» и датируемых от неолита до раннего Средневековья. Одним из выразительных объектов этого рода является многослойное поселение Аль-Набва 2.

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ И ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПАМЯТНИКА

Урочище Аль-Набва, где в 1998 г. проводились совместные археологические работы российской и германской экспедиций, расположено на западной окраине г. Адена. Оно представляет собой террасовидный уступ с более или менее горизонтальной поверхностью, протянувшийся в направлении север–юг в виде полосы шириной, варьирующей от 100 до 200 м, и длиной около 1 км (рис. 1, 2). С запада этот уступ ограничивает понижение сухой в настоящее время древней морской лагуны. С востока он упирается в склон горы вулканического происхождения. Высота уступа над современной поверхностью сухой лагуны – 11–12 м. Расстояние от северной оконечности террасовидного уступа до берега моря – около 250 м. Изучаемый участок производит, на первый взгляд, впечатление древней морской террасы, сформировавшейся единовременно. По данным наших шурфов видно, однако, что эта поверхность образована отложениями песков различного генезиса и разного возраста. Это заключение основывается на данных как основного раскопа, так и четырех шурфов (площадь каждого – 2×3 м; глубина – до 3 м), заложенных вдоль кромки террасовидного уступа (рис. 1). Расстояние между крайними шурфами составляет 450 м. Эти шурфы позволили выявить еще один стратифицированный памятник (Аль-Набва 4) с обилием обожженных раковин в культурных отложениях. Наконец, третий памятник подобного типа, но с разрушенным культурным слоем (Аль-Набва 3) обнаружен у основания скалы в северной оконечности исследуемого урочища.

¹ Амирханов Х. А., Фогт Б. Аль-Набва 2 – поселение древних рыбаков и собирателей моллюсков на побережье Аденоского залива (Республика Йемен) // «Российская археология» № 2, М., 2002. С. 30–43.

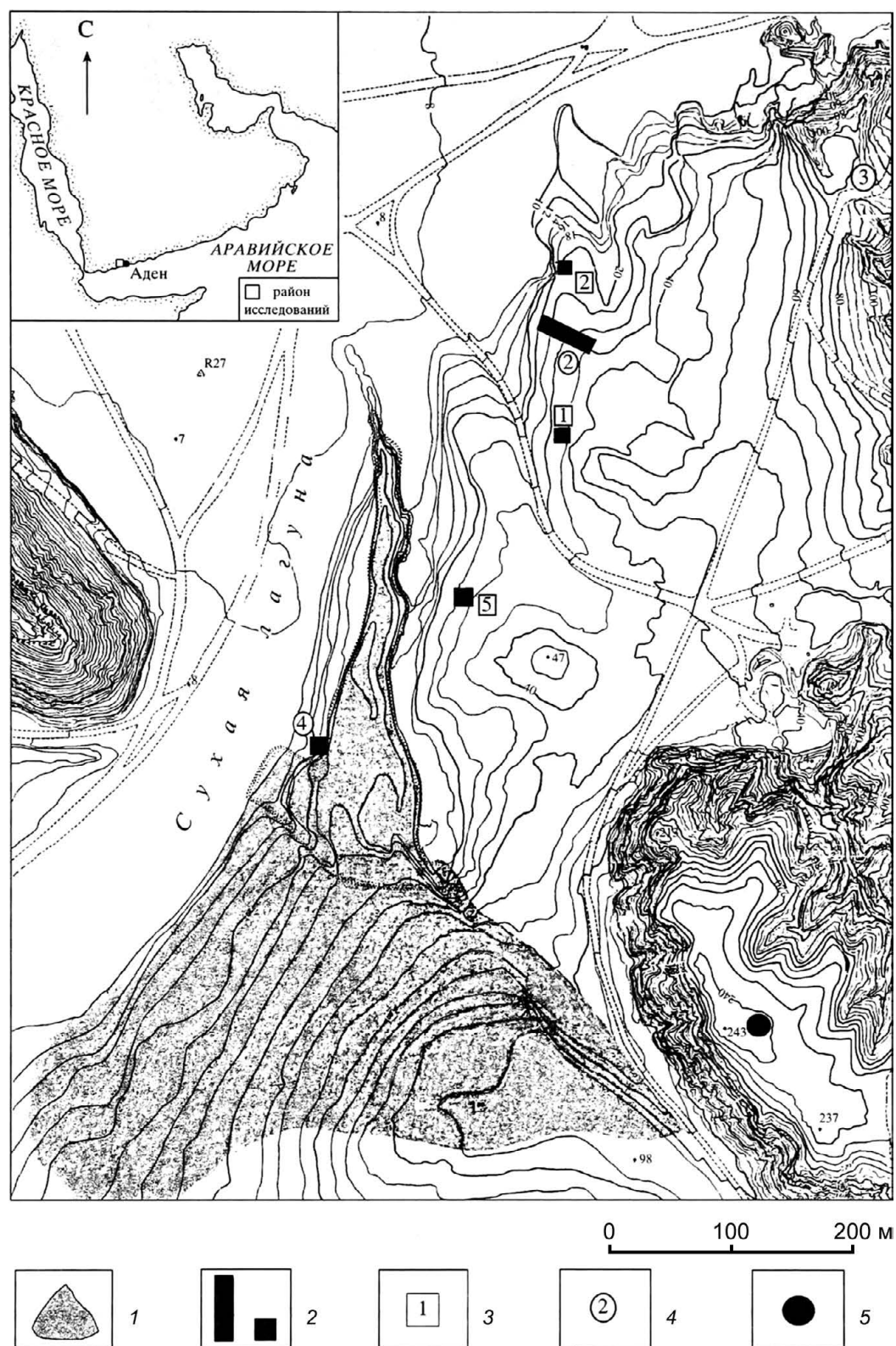

Рис. 1. План урочища Аль-Набва с местоположением поселения Аль-Набва 2 и соседних с ним памятников

1 – современная песчаная дюна; 2 – раскоп и шурфы; 3 – нумерация шурфов; 4 – нумерация памятников (Аль-Набва 1, 2, 3, 4); местоположение могильника бронзового (?) века. Сечение горизонталей – через 1.524 м (5 футов). План и врезка ориентированы по сторонам света единообразно

Рис. 2. Вид на лагуну и террасовый уступ в урочище Аль-Набва.
Звездочкой обозначено местоположение поселения Аль-Набва 2 (вид с Ю–В)

Отдельные участки таких же скоплений раковин отмечены также на поверхности южной части террасовидного уступа.

Описываемая территория охвачена в настоящее время активным хозяйственным освоением. Здесь проводятся дорожные работы, делаются разрытия под фундаменты домов и частично нивелируется поверхность.

Отчасти благодаря этому, а частично из-за естественной эрозии на современную поверхность выносятся археологические остатки. Они представлены предметами, датирующимися от эпохи бронзы и Средневековья до наших дней. Находки состоят из раковин моллюсков (скоплениями и в рассеянном виде) со следами обожженности в южной и северной частях террасовидного уступа, а также каменных изделий и фрагментов керамики преимущественно в средней части исследуемой площади. Каменные орудия представлены отбойником из кварцита, грузилами для сетей и абразивами из известняковой гальки. Помимо этих орудий, а также фрагментов керамики здесь обнаружено одно украшение в виде кольца, вырезанного из примакущечной части раковины крупной гастроподы (рис. 3, 1).

СТРАТИГРАФИЯ И ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КУЛЬТУРНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ

Описываемое поселение Аль-Набва 2 расположено в средней части описанного выше террасовидного уступа. Культурные отложения исследованы разведочной траншеей 3×20 м² (рис. 1), ориентированной поперек линии перегиба террасовидного уступа. Глубина раскопа на площади 6 м² составила 4.5 м; на остальной части – до 2 м.

Стратиграфия отложений памятника выглядит следующим образом (рис. 4, 5).

Особая значимость памятника состоит в его многослойности и хорошей стратифицированности культурных отложений. В разрезе поселения выделяется 13 литологических горизонтов, из которых 7 (слои 2, 4, 5, 6, 8, 10, 12) содержат археологический материал. Следует отметить, что возможности археологического изучения отложений памятника вглубь далеко не исчерпаны. На достигнутом уровне глубины нам пришлось остановиться из-за угрозы обвала стенок и дефицита времени для расширения площади

Слой	Характеристика	Мощность (см)
1	Песок желтовато-серый рыхлый золотого происхождения. Содержит незначительное до 40 количество обломочного материала в виде щебня, а также раковины моллюсков со следами обожженности. В верхней части слоя так же, как и на его поверхности, встречается разновременный археологический материал в виде фрагментов керамики, костей животных, битого стекла и т.п.	До 40
2	Песок серый, рыхлый золотого накопления. Включает линзы желтоватого песка (2а, 2с) до 43 и мелкощебнистого материала (2б). Содержит незначительное количество раковин.	До 43
3	Песок сероватый, рыхлый. Представлен преимущественно заполнением обширной древней до 80 промоины или выдува (3а). Отмечается выраженная мелкослоистость, повторяющая вогнутые очертания основания слоя. Содержит незначительное количество переотложенных и большей частью фрагментированных раковин.	До 80
4	Песок серый, менее рыхлый, местами окрашенный улистыми включениями. Содержит до 45 небольшие углисто-золистые линзы. Обогащен раковинами, залегающими как разрозненно, так и в виде незначительных по мощности, но достаточно протяженных линз. Археологические находки представлены фрагментами керамики и каменными изделиями.	До 45
5	Песок среднеплотный, неравномерно окрашенный от коричневатого в основании до коричневатого-серого в верхней части. Содержит переслаивающиеся протяженные углистые линзы с плотным сосредоточением в них раковин и археологических находок и объектов в виде фрагментов керамики, каменных орудий и очагов.	До 80
6	Песок коричневатый с регулярными тонкими углистыми горизонтами, к которым приурочены раковины. Археологические находки встречаются в виде фрагментов керамики и каменных изделий.	42
7	Песок светло-серый, менее плотный с содержанием единичных раковин. Керамика и каменные изделия не обнаружены.	22
8	Песок сероватый с включением двух тонких углистых горизонтов. Содержит небольшое количество раковин. Керамика и каменные орудия не обнаружены.	44
9	Песок светло-серый менее плотный с включением единичных раковин.	10
10	Раковинная масса с поровым заполнителем в виде сероватого песка. Сосредоточение раковин в слое – антропогенного характера. Другие археологические находки на вскрытой площади не обнаружены.	40
11	Песок сероватый с включением единичных раковин. Археологические остатки не обнаружены.	70
12	Песок сероватый с обильным включением раковин антропогенного накопления. Других археологических находок на раскопанной площади не обнаружено.	20
13	Аналогичен слою 11. Археологические остатки не обнаружены. Прослежен на глубину до	20

углубления. Верхний слой разреза, представленный современным золотым песком, также не лишен находок. Но ввиду их разновременности (включая современность), а также рассеянного и переотложенного залегания, этот литологический горизонт не выделен нами в качестве самостоятельного культурного слоя. Основанием для стратиграфического членения разреза являются такие показатели, как окраска слоя, его плотность, размеры фракции песка, наличие или отсутствие примеси к песку в виде суглинка и степень антропогенного воздействия.

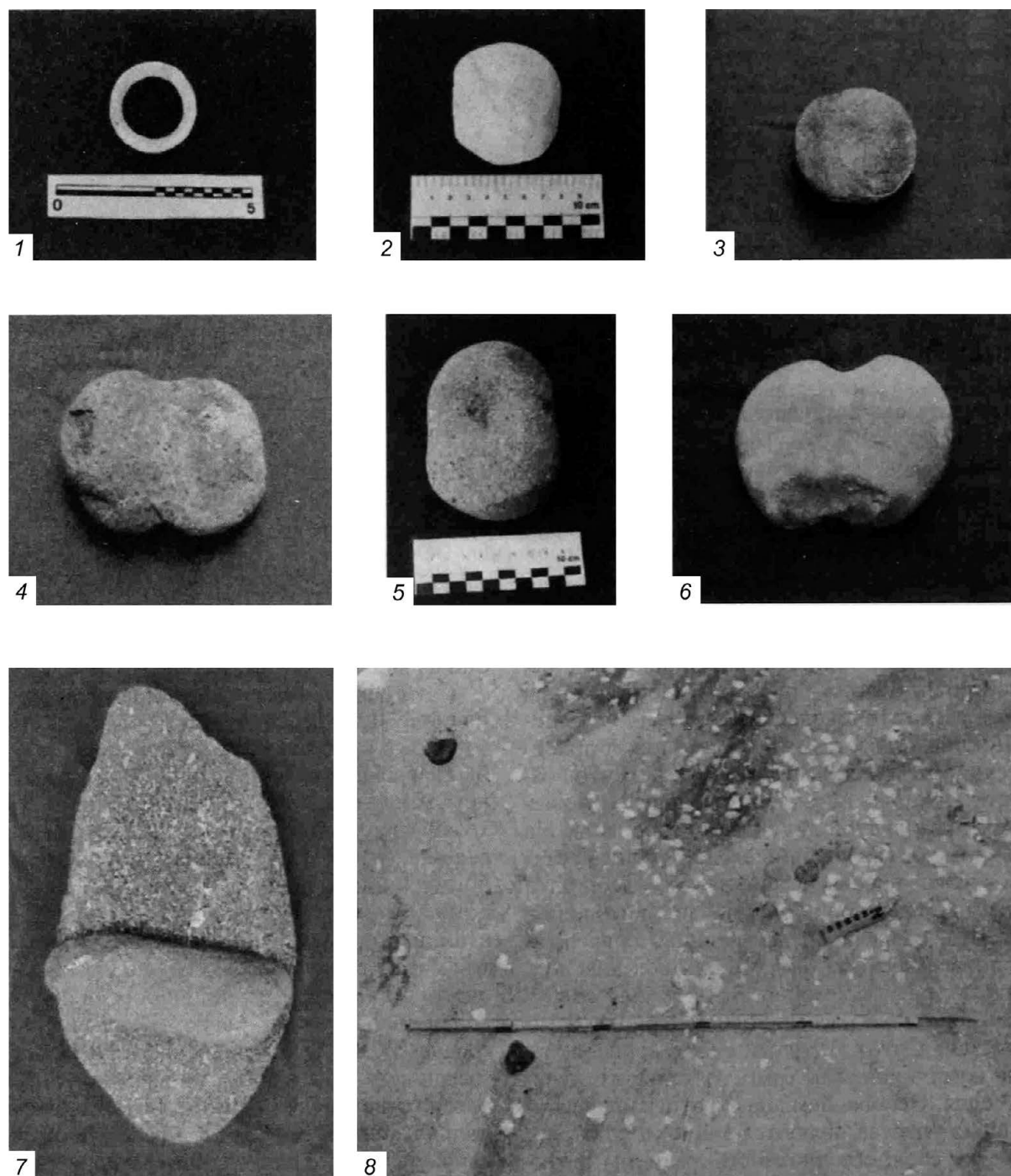

Рис. 3. Аль-Набва 2. Находки с современной поверхности и из культурных отложений

1 – кольцо из раковины гастроподы; 2 – кварцитовый отбойник; 3 – галька с лункой; 4, 6 – грузила для сети; 5 – галька-терочник с лункой; 7 – «зернотерка» и верхний терочный камень; 8 – скопление грузил в культурном слое (1–2 – с современной поверхности; 3–8 – слой 5)

С археологической точки зрения культурные слои объединяет наличие во всех них (в различной концентрации) раковин морских моллюсков со следами обожженности. Отличия касаются контекста культурных остатков, с которыми связаны эти погребенные скопления раковин. Если в верхних слоях (слои 2, 4, 5, 6, 8) последние встречаются совместно с находками фрагментов керамики бронзового века и многочисленными каменными орудиями, основу которых составляют грузила для сетей, а также остатками

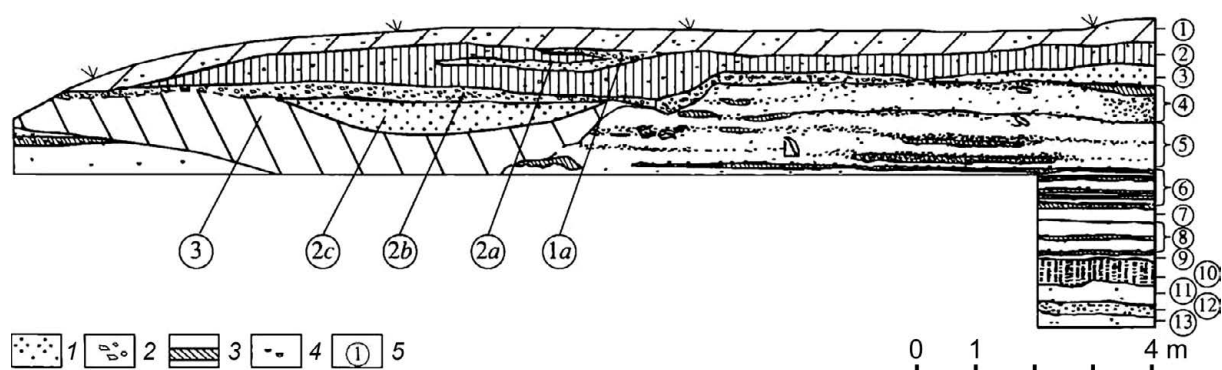

Рис. 4. Аль-Набва 2. Стратиграфия отложений по северной стенке стратиграфической траншеи

1 – песок; 2 – известняковый щебень; 3 – углистые прослой; 4 – раковины моллюсков;
5 – номера слоев и горизонтов

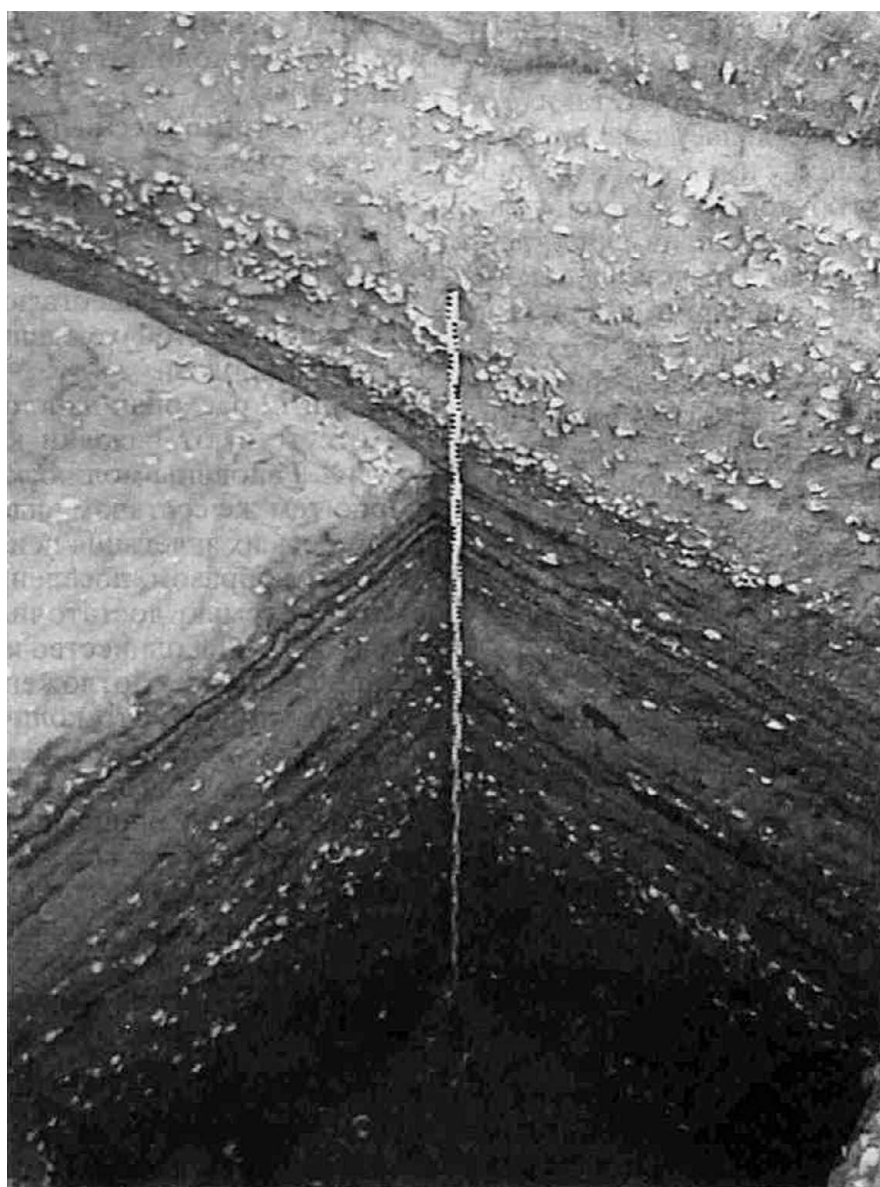

Рис. 5. Аль-Набва 2. Разрез отложений по северной и западной стенкам начальной части раскопочной траншеи и шурфа в пределах этой траншеи (вид с Ю–В)

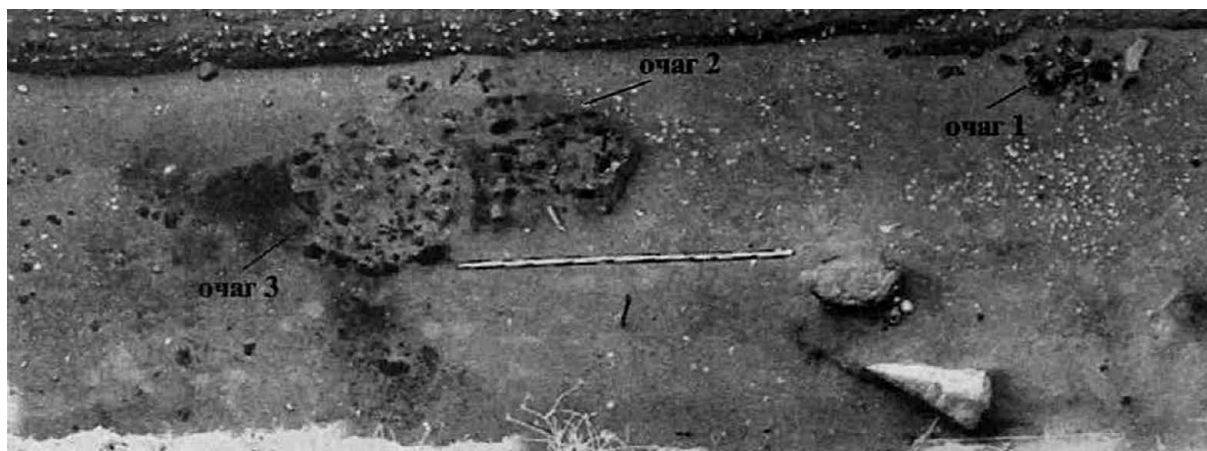

Рис. 6. Аль-Набва 2. Слой 5. Очаги с каменной выкладкой дна (вид с С).
Длина масштабной рейки – 2,5 м

ихтио- и териофауны, то в двух нижних слоях (слои 10, 12) они выявляются без такого сопровождения.

С точки зрения насыщенности информацией наиболее интересны слои 4, 5, 6, 10.

Слой 5 раскопан на площади около 30 м². В нем были расчищены, в частности, три однотипных неуглубленных очага, являвшихся элементами хозяйственно-бытового комплекса древнего поселения (рис. 6). Каждый из них представляет собой сплошную круглую выкладку из некрупных камней, лежащих компактно в один ряд и очерчивающих площадь концентрации углисто-золистой массы толщиной 3–4 см. Два из описываемых очагов, вероятно, функционировали одновременно. Форма очагов в плане округлая. Диаметр в среднем 80 см. Один из них частично перекрывает соседний очаг, который, по-видимому, несколько предшествовал двум другим. Рядом с очагами небольшими скоплениями и в рассеянном виде обнаруживаются фрагменты керамики (рис. 7). Из слоев 4 и 5 происходит довольно много разнообразных каменных изделий. Наибольшее их количество приходится на грузила для сетей из галек (рис. 8, 3; 9, 2, 3). Встречаются также абразивы, гальки с лунками (гальки с симметричными чашечковидными круглыми углублениями в средней части плоских поверхностей), единичные отщепы (рис. 8, 1) и по одному отбойнику, ретушеру и рубящему орудию (слой 5). Особенно примечательными находками слоя 5 являются небольшая каменная чаша, изготовленная из известняка и крупная «зернотерка», имеющая в профиль ладьевидную форму (рис. 3, 7). Неподалеку от последней найден также, по всей вероятности, относящийся к ней верхний терочный камень удлиненной формы с овальным поперечным сечением.

Происходящие из слоя фаунистические остатки представлены в подавляющем большинстве раковинами моллюсков. С раскопанного участка данного слоя собрано 482 кг раковин. По определениям принимавшего участие в полевых работах специалиста по малакофауне С. В. Попова выделяется 34 вида моллюсков. Из них 89,9% принадлежит виду *ападага uroigimelana*, что, в частности, указывает на чрезвычайно высокую степень специализации сбора моллюсков древними обитателями поселения. В заполнении очагов и непосредственно рядом с ними найдено множество мелких обугленных костей рыбы и единичные обожженные кости мелких копытных. Из фаунистических остатков следует отметить также многочисленные находки фрагментов (преимущественно обожженных) панциря морской черепахи.

Слой 6 исследован на площади 6 м² в стратиграфическом шурфе, заложенном в пределах основного раскопа с уровня основания слоя 5. Особенность данного слоя – наличие в нем регулярной горизонтальной слоистости горизонтов, окрашенных углисто-золистой примесью. Всего таких горизонтов 5. Толщина их составляет от 4 до 6 см. Примерно

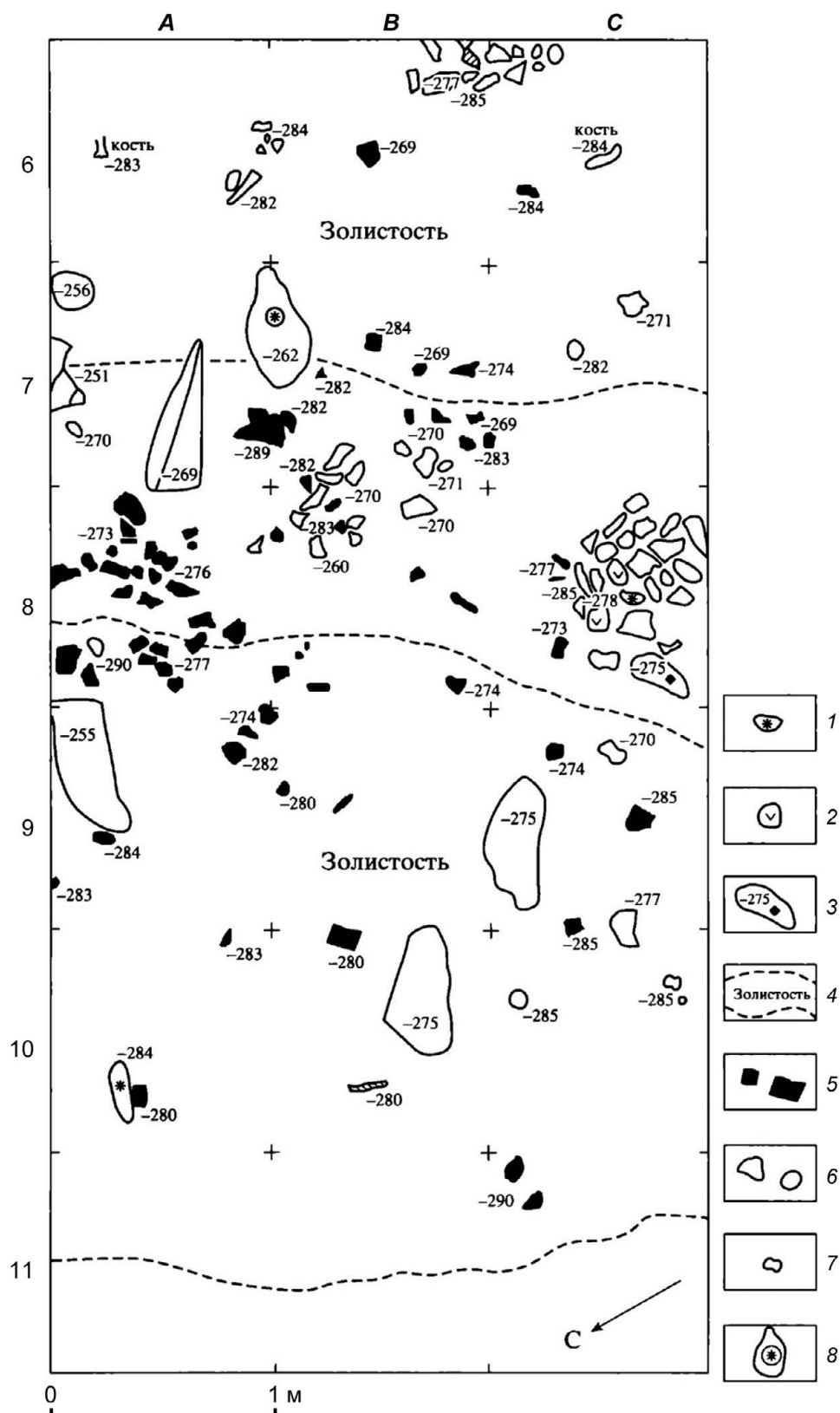

Рис. 7. Аль-Набва 2. Слой 5. План находок на уровне от -275 до -285 от условной нулевой горизонтали

1 – терочный камень; 2 – отбойник-грузило-наковальня; 3 – рубящее орудие;
4 – граница распространения золистости; 5 – фрагменты керамики; 6 – камни, гальки;
7 – грузила; 8 – «зернотерка»

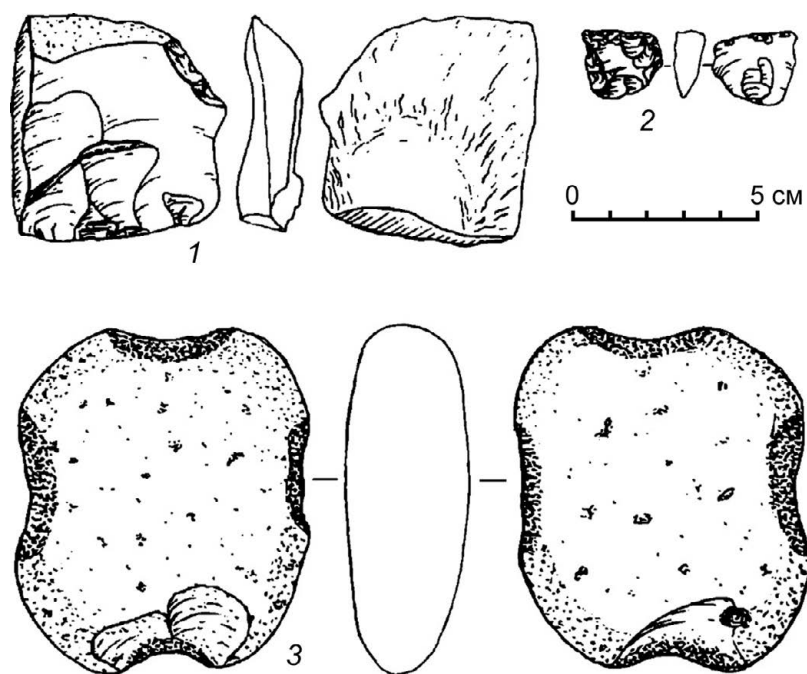

Рис. 8. Аль-Набва 2. Слой 4. Каменные изделия

1 – отщеп; 2 – мелкое изделие типа *pièce esaiée*; 3 – грузило для сети

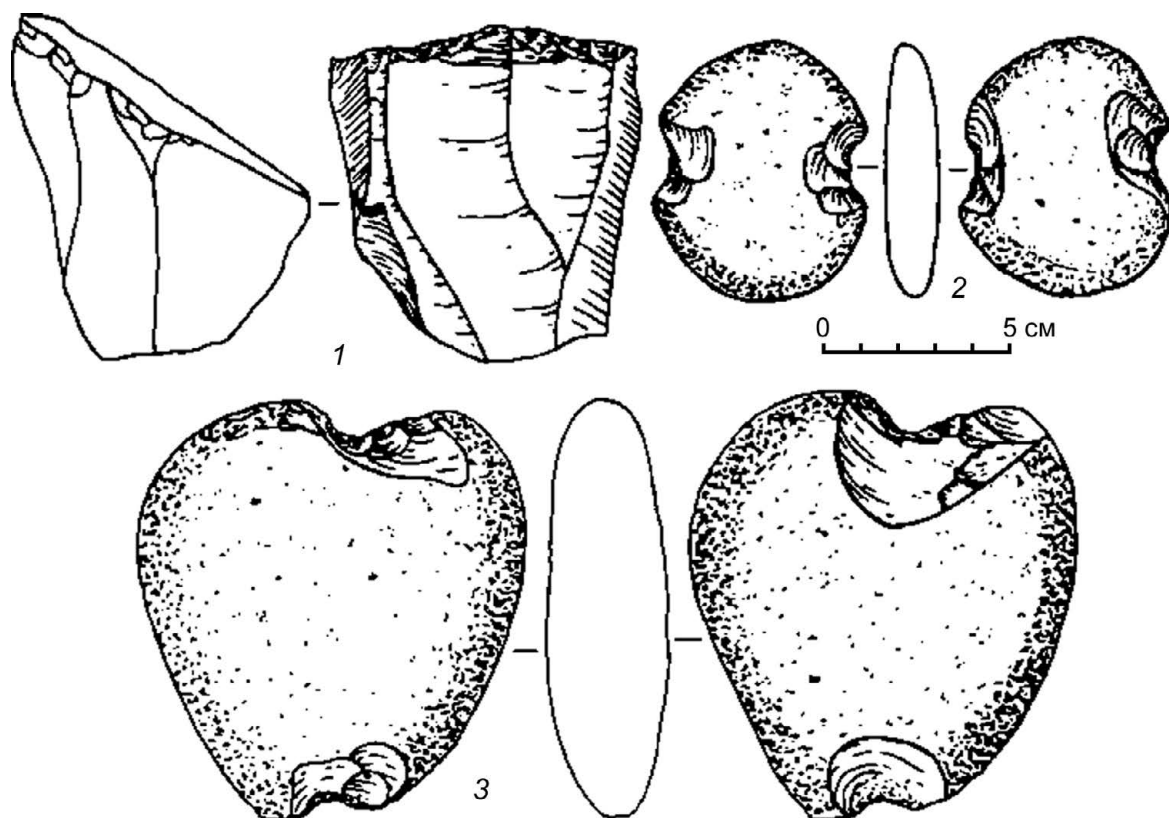

Рис. 9. Аль-Набва 2. Слой 5. Каменные изделия

1 – нуклеус; 2, 3 – грузила для сети

такую же толщину имеют и разделяющие их неокрашенные горизонты. Археологические остатки приурочены здесь преимущественно к окрашенным горизонтам. Представлены они фрагментами керамики и каменными изделиями, аналогичными тем, которые найдены в слое 5. В темноокрашенных горизонтах слоя фиксируются овальной (110×140 см) формы пятна с интенсивной углистостью. В пределах этих пятен отмечается сильная обожженность включенной в заполнитель слоя мелкой известняковой дресвы. Воздействие огня было настолько сильным, что структура отдельностей дресвы видоизменена до состояния мела. Данный показатель может свидетельствовать о том, что углистые пятна, о которых идет речь, являются разрушенными остатками кострищ, скорее всего, многоразовых.

Фаунистические остатки состоят из раковин моллюсков со следами обожженности, а также обожженных костей рыбы. Отсюда получено 23.2 кг раковин моллюсков, относящихся к 44 видам. Подавляющее большинство находок (75.6%) принадлежит виду *anadara uporigemelana*.

Слой 10 в определенном смысле особенный для стратиграфии поселения. Его археологические материалы могут быть охарактеризованы как типичная раковинная куча, сохранившаяся до наших дней в погребенном состоянии. Слой целиком состоит из практически сплошного скопления раковин, имеющих различную степень обожженности. Здесь нами собрано 170 кг раковин. Кости рыбы на исследованном участке не отмечены. Примечательно, что разнообразие моллюсков здесь весьма незначительное – всего 15 видов. Почти вся масса раковин (93.6%) относится к тому же виду анадары, который господствует в вышележащих слоях. Большая, чем здесь, специализация в собирательстве моллюсков не отмечается во всей колонке культурных напластований Аль-Набвы 2.

Отсутствие в рассматриваемом слое керамики, а также грузил, составляющих многочисленную и основную категорию каменных орудий в вышележащих слоях, представляется неслучайным. Не исключено, что слой 10 относится к хронологическому отрезку, предшествующему времени заселения данного местонахождения носителями культуры эпохи бронзы.

Слой 12 раскопан на площади 4 м². Здесь также отсутствуют находки керамики и каменных орудий. Раковины моллюсков представлены примерно тем же составом видов, что и в слое 10, но плотность их залегания неизмеримо меньшая.

Таким образом, поселение Аль-Набва 2 представлено семью достаточно мощными культурными слоями. Количество же уровней обитания в толще культурных отложений значительно больше. Понятно, что это количество будет варьировать на разных участках памятника и для его точного установления необходимы исследования на гораздо большей площади, чем та, которая вскрыта в настоящее время. Для слоев 4–12 предварительно можно говорить о наличии не менее 16 таких уровней. Из них на слой 4 приходится два, на слой 5 – не менее четырех, на слой 6 – не менее пяти и на слой 8 – не менее двух.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ КОЛЛЕКЦИИ НАХОДОК

Из изложенного уже ясно, что археологические находки в различных слоях памятника варьируют по своему составу и количеству. При этом в слоях 4, 5 и 6 они представлены не только отдельными находками, но и, как отмечалось выше, объектами в виде очагов с каменной выкладкой по дну. В одном случае на уровне углистого горизонта слоя 5 обнаружено несколько крупных обломков камня, тяготеющих к пространству с очагами. Такое совмещение указанных находок в сочетании с приуроченностью скоплений керамики к очагам может свидетельствовать о возможности установления в слое 5 более или менее сложных жилищно-хозяйственных структур при исследовании культурных отложений на большей площади. В связи с данным вопросом интересно также отметить, что скопления грузил, в отличие от скоплений керамики, располагаются в стороне от очагов.

Таблица 1. Количественное и качественное распределение археологических остатков в культурных слоях поселения Аль-Набва 2 на площади раскопочной траншеи.

Наименование изделий	Подъемный материал	Слои			
		4	5	6	8
Нуклеусы, заготовки и отходы расщепленного камня					
Нуклеусы торцового скалывания	1		1		
Отщепы галечные			1		
Отщепы обсидиановые			1		
Обломки обсидиановые			2		
Осколки обсидиановые			4		
Орудия из расщепленного камня					
Рубящие орудия			1		
Pièce écaillée мелкие обсидиановые		2			
Изделия из галек					
Каменный сосуд в виде чаши	2		1		
Грузила с двумя краевыми выемками		7	20	3	
Грузила с двумя краевыми выемками и желобком на плоской стороне			1		
Грузила с четырьмя краевыми выемками		1			
Грузила с четырьмя краевыми выемками и желобками на плоских поверхностях			1		
Грузило-абразив-отбойник		1	4	1	
Гальки с лунками		2	4		
Мелкие терочные камни с плоской поверхностью		2	6		
Терочные камни удлиненные («зернотерки»)			2		
Верхние камни «зернотерок»			1		
Отбойники кварцевые и кварцитовые	1		1		
Отбойники галечные			4		1
Ретушер				1	
Гальки без следов обработки		3	7		
Керамика					
Фрагменты венчика	9	9	31	8	
Фрагменты тулова с ручкой	4	1	6	1	
Фрагменты тулова	6		341	18	
Фрагменты тулова толстостенных (11–13 см) сосудов		2			
Фрагменты тулова со средней толщиной (7–9 см)		11			
Фрагменты тулова тонкостенных (5–7 см) сосудов		35		1	
Ножка глиняного столика			1		
Фрагмент глиняного столика				1	
Изделия из раковин					
Кольцо	1				
Всего	25	74	437	34	1

Требующим своего объяснения остается вопрос, связанный с отсутствием находок в слоях 10 и 12, при наличии несомненных свидетельств деятельности человека в виде скоплений раковин моллюсков с характерной обожженностью. Не исключено, что наш шурф затронул периферийные участки поселений, функционировавших на уровне указанных слоев. Доказательством этого для слоя 10 является малочисленность обожженных раковин, а для слоя 12 – неструктурированность культурного слоя и залегание раковин практически сплошной массой, что может указывать на место свалки пищевых отходов.

Вещевой археологический материал культурных слоев 4, 5 и 6 весьма разнообразен. Он включает в себя изделия из расщепленного камня, галечные орудия, керамику. Сюда входят также фаунистические и ботанические остатки, которые будут рассмотрены отдельно. Послойный состав инвентаря памятника демонстрирует таблица 1.

Характеризуя инвентарь поселения, следует прежде всего отметить, что морфологически наиболее выработанными и ведущими в количественном отношении формами каменных орудий всех слоев, за исключением, как уже указывалось, лишенных или почти лишенных находок слоев 8 и 10, являются разнообразные грузила для сетей. Исходным сырьем для них служила галька, которая приносилась сюда из отложений вади, расположенного в нескольких километрах отсюда. В петрографическом отношении сырье весьма разнообразно, что соответствует характеру отложений вади данного района. Здесь представлены: известняк, песчаник, сланец, вулканическая порода.

Обращает на себя внимание крайняя малочисленность изделий из расщепленного камня. Что касается галечных орудий, то наиболее типичной формой слоя 5 является грузило с двумя краевыми выемками. Форма – вытянутоовальная; очертания – уплощенные; размеры – 7×5 см, вес, в среднем, – 100–150 г. Выемки по краям получены как техникой пикетажа, так и оббивкой. Свообразием отличаются грузила, краевые выемки которых переходят в желоба, пролегающие на плоских поверхностях изделий. Описываемые изделия обнаруживаются в культурном слое обычно в рассеянном виде, но встречаются и в виде скоплений, концентрирующихся на площади в 1–2 м². В одном из таких скоплений было 16 предметов, в другом – 7.

На втором месте по количеству стоят разнообразные терочные камни, включая «зернотерки», что в целом характерно для древних поселений рыболовов изучаемого региона.

Орудия из расщепленного камня единичны. Заслуживает внимания то, что при этом представлены такие довольно показательные предметы – мелкие *pièce écaillée* («долотовидные», «стамескообразные» орудия). Эти орудия встречаются довольно часто в материалах памятников древнеюжноаравийской цивилизации, а также поселений бронзового века.

ФАУНИСТИЧЕСКИЕ И БОТАНИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ

Фаунистические материалы содержатся во всех культурных слоях. При господстве ихтиофауны и амфибий (морские черепахи) в слоях 4, 5 и 6 они включают в себя также остатки наземной фауны в виде обгоревших костей мелких копытных (козы/овцы? газели?). В слое 8, исследованном лишь шурфом, остатки териофауны не обнаружены, а в слоях 10 и 12, раскопанных на той же площади, не зафиксированы также и кости рыбы.

Если говорить о ботанических остатках, то примечательно обнаружение в слое 5 финиковых косточек. В этом же слое обнаруживаются и мелкие кусочки обгоревшей древесины. Видовое определение этих находок пока не осуществлено.

Таким образом, основное количество остатков фауны приходится на рыбу и моллюсков. Детальные определения костей рыбы еще не сделаны. В настоящее время можно сказать лишь, что обитатели поселения отлавливали как мелкую, так и крупную рыбу. Применительно к слоям 4, 5, 6 можно утверждать, что для отлова рыбы использовались сети, крючки не обнаружены. Не зафиксированы также каменные наконечники метательных орудий, которые могли бы быть использованы для добычи рыбы. То же самое можно сказать и по поводу изделий, относящихся к охотничьему снаряжению.

Специальные и исчерпывающие определения даны к настоящему времени применительно к малакофауне. Послойный видовой список, сделанный С. В. Поповым, отражен в табл. 2. Как видно из таблицы, собирательство моллюсков во всех слоях носит в высшей степени специализированный характер. При столь большом общем видовом разнообразии от 72 до 94% раковин моллюсков приходится на один вид *Anadara uorigimelana* (B.S.V.). Характерно, что основная масса этих раковин представлена во всех слоях более или менее единообразными размерами, которые приближаются к максимальным для данного вида. Размеры заметно мельчают в слое 4, что может указывать на изменение в этот отрезок времени экологических условий и биологической

Таблица 2. Послойный видовой состав моллюсков из поселения Аль-Набва 2

	Вес в кг проценты	Слои					
		4	5	6	8	10	12
		161	272	31	6.8	182	
Моллюски		100%	100%	100%	100%	100%	
Anadara uropigimelana (B.S.V)	130	252.0	23.2	4.9	170.0		+
	85%	92.5%	76%	72%	94%		
Strombus tricomis Light.	8.0	9.0	3.7	0.4	7.0		
	5.2%	3.3%	12.0%	5.9%	3.8%		
Pleuroploca trapezium (L)	5.5	5.1	1.5	0.3	2.1		+
	3.6%	1.85%	4.9%	4.4%	1.16%		
Chicoreus ramosus (L)	4.5	7.0	0.5	+	1.7		+
	2.9%	2.6%	1.6%		0.9%		
Amiantis sp.	0.7	0.8	1.0	0.2	+		+
	0.5%	0.3%	3.3%	2.9%			
Pinctada margaritifera (L)	0.9	0.8	0.35	0.2	0.5		+
	0.6%	0.3%	0.14%	2.9%	0.28%		
Pema picta (Bom)	0.8	1.0	0.3	+	+		+
	0.5%	0.37%	1.0%				
Area avellana Lmk	+						
Area symphenacis Ol.&Ches.		+					
Area plicata (Dillwyn)							
Barbatia decussata (Sow.)	0.6	+					
	0.4%						
Barbatia obliquata (Wood)	+						
Barbatia sp.							
Anadara cf. ehrenbergi (Dunker)	0.2	0.2			+		+
	0.1%	0.07%					
Anadara erythraeonensis (Phil.)	0.3	0.2					+
	0.2%	0.07%					
Scapharca indica (Reeve)							
Glycymeris pectunculus (L)	+	0.2					
		0.07%					
Isognomon legumen (Gm.)	+						
Pinna cf. bicolor Gm.			+				
Saccostrea cucullata (Bom)	+	+					+
Ostrea sp.	+	+			+		
?Hyotissa hyotis (L)							
Plicatula aff. australis Lmk							
Chlamys senatoria (Gm.)	+	+					
Chlamidinae gen.?		+					
Anomia achaeus Grey		+					
Diplodonta subrotundata Issel							
Beguina gubemaculum (Reeve)							
Megacardita bicolor (Lmk)	0.15	0.4			+		
	0.1%	0.15%					
Chama asperella Lmk	+	+					
Chama reflexa Reeve		+					
Acrosterigma assimile (Reeve)	+	+					
Acrosterigma flava	+	+					
Acanthocardia pseudolima (Lmk)		+					
Fulvia australe (Sow.)							
Atactodea glabrata (Gm.)							
Caecella horsfieldi Grey							
Caecella sp.							
Mactra lilacea Lmk	+						
Lutraria australis Desh.							
Asaphis violascens (Fors.)	+	+			+		

Таблица 2. Окончание

	Вес в кг проценты	Слои					
		4	5	6	8	10	12
		161	272	31	6.8	182	
Моллюски		100%	100%	100%	100%	100%	
Periglypta puerpera (L)		+			+		
Circe rugifera (Lmk)		+	+				
Circenita callipyga (Bom)		+	+			+	+
Gafrarium aff. pectinatum (L)		0.45 0.3%	0.3 0.1%	0.15 0.5%	+	+	
Callista florida (Lmk)			+				
Callista sp.							+
Dosinia ceylonica Dunker							
Dosinia alta (Dunker)							
Marcia opima (Gm.)		+	+				+
Marcia flammea (Gm.)							+
Marcia marmorata (Lmk)							
Paphia undulata (Bom)							
Protapes cor (Sow.)			+				
Tapes deshaysesi (Sow.)							
Tapes sulcarius (Lmk)							+
Donax veneriformis Lmk			+				
Corbula taitensis Lmk							
Cryptomya sp.							
Tectus dentatus (Fors.)		+	+				
Lunella coronata (Gm.)		0.15 0.1%	+		+		
?Monodonta nebulosa (Fors.)							
Nerita longii Recluz		+	+				
Nerita albicilla L		+	+				
Nerita debilis Dufo		+					
Nerita adenensis Mienis							
?Littoralia glabrata (Phil.)							
Terebralia palustris (L)							
Turritella aff. maculata Reeve							
Strombus gibbemius L			0.6 0.22%				+
Tibia insulaechorab curta (Sow.)		+					
Cyprea grayana Schil.						+	
Cyprea turdus winckworthi Schil.							
Cyprea sp.							
Polinices mammilla (L)		+	+			+	
Murex scolopax Dillw.		+					
Rapana rapiformis (Bom)							
Nassarius arcularia (Melvill)							
Nassarius albescens (Desh.)							
Bullia semiplicata Gray							
Volema paradisiaca nodosa (Lmk)		+	+				
Oliva bulbosa (Rod.)			+				
Conus quercinus Light.		+					
Conus sp.			+				
Conus betulinus L					0.75 11.1%		
Conus vexillum sumatrensis Hwass		cf.	+				
Conus textile L			cf.				
Bulla ampulla L							
Chiton sp.		0.15 0.1%	+				

продуктивности прибрежной морской зоны данного района. Следствием этого, по-видимому, был «переотлов» моллюсков. Видимо, не случайно после слоя 4 жизнь на поселении прерывается. В настоящее время, по нашим наблюдениям, анадара в районе исследования отсутствует, хотя местные рыбаки утверждают, что мелкие экземпляры этого моллюска здесь изредка встречаются.

ДАТИРОВКИ И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Для датировки культурных слоев Аль-Набвы 2 мы располагаем пока лишь возможностями собственно археологического метода. Наиболее существенным основанием здесь является то, что характеристики керамики, обнаруживаемой в слоях 4, 5, 6, по предварительным оценкам диагностичны для культурных отложений земледельческого поселения Малейба. Этот памятник, относящийся к ранней стадии (этап Малейба) выделенной относительно недавно прибрежной земледельческой культуры Сабир, расположен примерно в 40 км от урочища Аль-Набва. По радиоуглеродным данным он датируется первой половиной II тыс. до н.э., что соответствует средней поре бронзового века Южной Аравии.

Та же керамика позволяет высказать обоснованное предположение о том, что между сравниваемыми комплексами существуют не только хронологические соответствия, но и культурная близость. На это указывают следующие признаки керамики: плоские венчики с наклоном в наружную сторону, небольшие сплошные вертикальные ручки, технологические особенности теста, обжига, а также характер обработки поверхностей сосудов. Несколько фрагментов керамики с точечным рельефным орнаментом и шишковидными налечами, обнаруженные в слое 5, также подчеркивают сходство сравниваемых комплексов.

Учитывая вышеотмеченное, более ранние слои 10, 12 и, возможно, 8 должны быть отнесены ко времени не позднее конца III тыс. до н.э. и, скорее всего, предшествуют появлению в этом районе раннего этапа культуры Сабир. Эти предварительные заключения, вероятно, будут скорректированы после получения радиоуглеродных дат.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культура поселения Аль-Набва 2 на этапе формирования слоев 2, 4, 5, 6 представляет собой специфический прибрежный вариант адаптации носителей раннего этапа культуры Сабир. Этот вариант предполагает реализацию стратегии жизнеобеспечения, ориентированной преимущественно на эксплуатацию морских пищевых ресурсов. В своей хозяйственной деятельности обитатели поселения поддерживали связи с земледельческим населением приморской равнины.

Материалы слоев 2, 4, 5, 6 демонстрируют сочетание рыболовства с собирательством моллюсков. Находки единичных костей мелких копытных в слое 5 свидетельствуют также о занятиях или охотой, или скотоводством, или одновременно и тем, и другим. Находки в слое 5 косточек фиников и наличие изделий, которые называются обычно зернотерками, допускает возможность знакомства обитателей поселения на уровне слоя 5 с земледелием. Конечно, одного только наличия этих предметов для такого заключения недостаточно. Данное допущение оправдано лишь близостью практически всех компонентов рассматриваемого инвентаря ранним проявлениям культуры Сабир, являющейся заведомо земледельческой. Но даже при этом, по-видимому, правильнее исходить из того, что для Аль-Набвы 2 характерны переработка и использование продуктов земледелия, а не их производство.

Что касается слоев 10 и 12, то здесь фиксируются более специализированные хозяйственные занятия, основывающиеся почти исключительно на собирательстве моллюсков. Требуется, правда, проверки вопрос о зависимости наблюдаемой картины от ограниченности исследованной площади рассматриваемых слоев.

Судя по составу малакофауны, природные условия во время формирования культурных слоев Аль-Набвы 2 не отличались от современных сколько-нибудь радикально. Господствующая в слоях разновидность раковин – анадара – является видом, обитающим в прибрежных песках береговой зоны открытого моря. Виды, характерные для опресненных лагунных вод и представленные в материалах других памятников, более ранних, чем слои 5 и 6 Аль-Набва 2, здесь практически отсутствуют. Отсюда следует, что лагуна, которую с юга ограничивает террасовидный уступ урочища Аль-Набва, в рассматриваемое время, скорее всего, была полностью или в значительной степени осушена.

Работы велись на средства грантов РФФИ (№ 01-06-80022а) и INTAS (№ 97-20237).

Al-Nabva 2 - A Settlement of Ancient Fishers and Clam-gatherers on the Aden Gulf Coast (Yemen Republic)

Kh. A. Amirkhanov, B. Vogt

Summary

Joint excavations of the Russian expedition in Yemen and the expedition of German archaeological Institute were carried out in 1999 at the stratified settlement of Al-Nabva 2 in the outskirts of city of Aden on the Aden gulf coast. The site consisted of six layers of cultural deposit. The upper four layers archaeologically date back to the Bronze Age. Cultural remains include numerous potsherds, stone artefacts of different function (cores, hammer-stones, flakes, net-weights, grindstones, and other), and a number of objects (hearths, coloured spots of large size) with pronounced structure, as far as their composition and spatial distribution is concerned. The period of the upper cultural layers' accumulation is represented by a specific variant of coastal adaptation that probably should be attributed to the bearers of early Sabir culture (Maleiba stage). Its chronology falls within the first half of the 2nd mill. BC determinations. As for the earlier layers, they should be dated to the period not later than the late 3rd mill. BC and most probably precede formation of the early stage of Sabir culture in the region.

КАНА' – ПОСЕЛЕНИЕ ДРЕВНИХ РЫБОЛОВОВ НА ПОБЕРЕЖЬЕ АДЕНСКОГО ЗАЛИВА¹

Благодаря раскопкам Советско-Йеменской, а позднее – Российской комплексной экспедиции в Республике Йемен, проводившимся в 80–90-х годах прошлого века, рассматриваемый археологический памятник стал довольно хорошо известен специалистам в области классической археологии. Он представляет собой погребенные руины города римского времени, известного по древним письменным источникам как древнехадрамаутский порт Кана'. Через него осуществлялась морская торговая связь внутренних районов Юга Аравии с внешним миром (Sedov 1992, р. 110–137; 1996, р. 11–36; 1997, р. 365–384).

Памятник расположен примерно в средней части прибрежной линии Аденского залива на берегу бухты напротив современного селения Бир 'Али. Это место примечательно еще тем, что над полосой прибрежной равнины на правом берегу непосредственно в устье бухты возвышается огромная столообразная скала вулканического происхождения, известная как Хусн ал-Гураб («Воронья крепость») (рис. 1). Высота ее составляет примерно 150 м над уровнем моря. Склоны большей частью отвесные, и только на стороне, обращенной к суше, они менее крутые. Именно здесь имеется единственная возможность подняться на вершину. Поверхность вершины относительно выровненная. Здесь находятся остатки каменных построек, относящиеся ко времени существования порта Кана', но основные руины города расположены у подножия скалы.

СТРАТИГРАФИЯ

Уже в начале систематических раскопок городища российскими исследователями было установлено, что на значительной глубине под полом одной из древних городских построек залегает углистый слой, богатый костями рыбы и некоторым количеством раковин морских моллюсков. По стратиграфическим показателям он должен был относиться ко времени гораздо более раннему, чем само городище. Однако специальные

Рис. 1. Скала Хусн ал-Гураб, у подножия которой расположено древнее городище Кана' (вид с юго-запада)

¹ Амирханов Х. А. Кана' – поселение древних рыбаков на побережье Аденского залива // Scripta Yemenica, Исследования по Южной Аравии. Сборник научных статей в честь 60-летия М. Б. Пиотровского. С. 84–95.

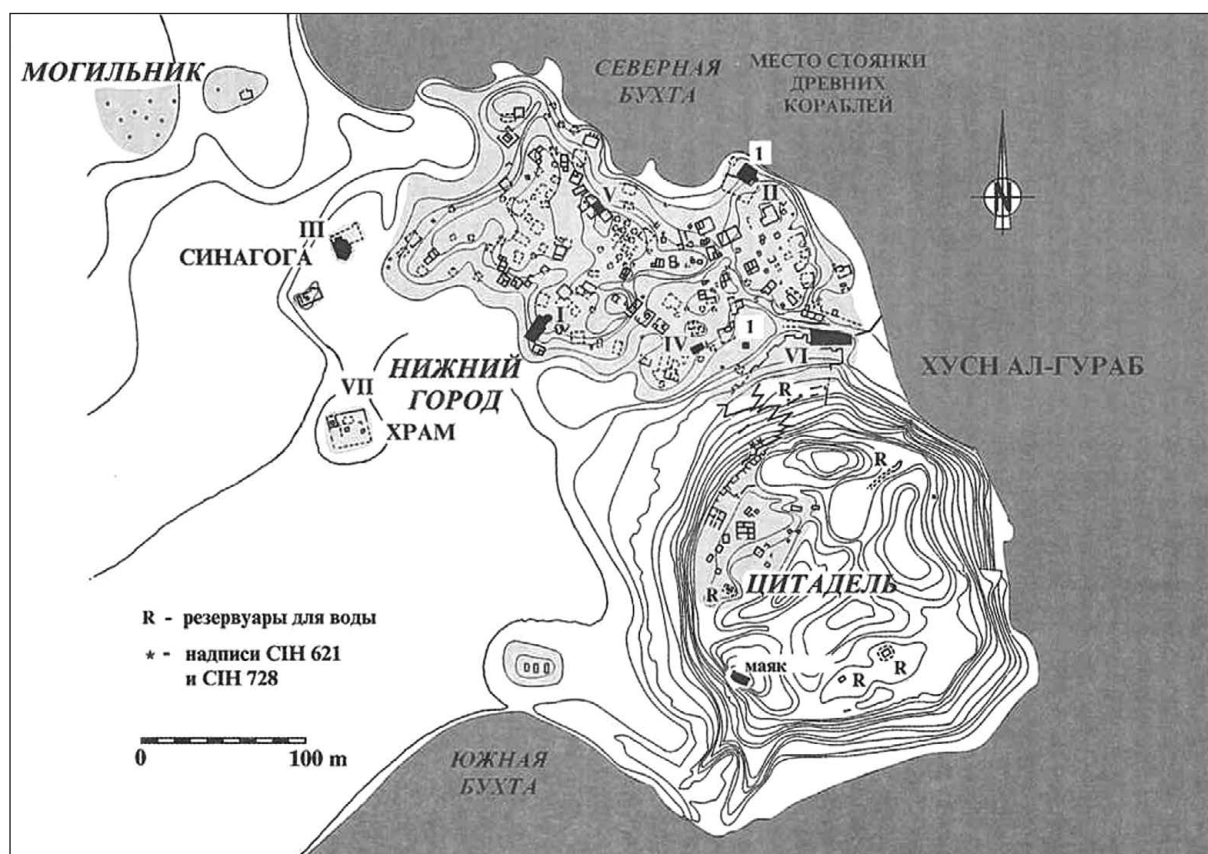

Рис. 2. Древнее городище Кана', план-схема (сечение горизонталей – 1 м)
1 – шурфы

исследования в этом направлении тогда не проводились. Характер материальной культуры, связанной с этим слоем, тип памятника и возраст самого слоя оставались неизвестными. Эта задача частично была решена в 2001 г. в ходе разведочных работ, проводившихся на городище Российской комплексной экспедицией.

Изучение нижних слоев городища осуществлено пока на площади двух шурфов (рис. 2). Один из них, размерами 4×4 м, был приурочен к подошве северного склона скалы Хусн ал-Гураб примерно в 200 м от берега. Второй шурф был заложен внутри той самой постройки II–V вв. н.э. (помещение 1 здания на Участке II), под полом которой в 1986–1987 гг. был зафиксирован углистый слой. Заполнение, относящееся к самому помещению, здесь уже было полностью выбрано ранее, и поэтому углубление производилось с уровня пола, занесенного золовым песком за 15 лет, прошедших после предыдущих раскопок. Площадь данного шурфа ограничивалась с одной стороны размерами помещения, а с другой – пространством, оставшимся после прежнего глубокого зондажа. Эта полезная для нас площадь составила 1,7×2,8 м (или 4,8 кв. м).

Выбор места для шурфа у основания скалы определялся тремя причинами. Во-первых, предполагалось выяснить степень распространенности самых нижних культурных отложений на городище вдали от непосредственно береговой линии и тем самым установить участки, наиболее насыщенные археологическими остатками. Во-вторых, на избранном участке не было видимых строительных остатков, относящихся ко времени существования древнего города-порта. И в-третьих, здесь на современной поверхности было отмечено скопление раковин морских моллюсков с явными признаками обожженности. Однако исследования на упомянутом выше участке с точки зрения целей наших работ не оказались продуктивными: на глубине всего 140 см от современной поверхности здесь было достигнуто скальное основание.

Наиболее насыщенным находками оказался нижний из выделенных в шурфе пяти литологических горизонтов, и находки эти, преимущественно в виде фрагментов керамики, целиком относились ко времени существования древнехадрамаутского города-порта, т. е. к I–V вв. н. э. Соответственно, можно предполагать, что скопление раковин, залежавших в самом верхнем слое эолового песка, не только не является доисторическим, но и относится ко времени гораздо более позднему, чем собственно городские слои. Скорее всего, оно отражает какой-то разовый эпизод пребывания здесь людей после того, как древний город уже давно покоился в руинах. Скопление, о котором идет речь, содержало около 200 раковин моллюсков, представленных почти исключительно устрицами.

Иную картину дал шурф у берега в помещении 1 здания на Участке II. Глубина его от уровня, с которого он был заложен, до «материка», т. е. до древних пляжных отложений, составила 190 см. Если учесть, что верхние слои отложений шурфа, как уже отмечалось, были удалены при выборке заполнения помещения, то общая глубина данного шурфа с уровня современной поверхности составляет около 330 см.

Описываемый шурф вскрыл следующую последовательность напластований (разрез сделан по западной стене шурфа с уровня глубины, достигнутого раскопками 1986–1987 гг. с учетом новых эоловых наносов) (рис. 3):

Слой 1. Песок желтоватый, рыхлый, мелкозернистый – эоловый нанос, образовавшийся с 1987 г. Находок не содержит. Мощность – до 20 см.

Слой 2. Желтовато-серая супесь с включением отдельных мелких обломков небольшого количества рассеянного щебня вулканической породы. В верхней части содержит две маломощные плотные глинистые прослойки желтоватобелесого оттенка с пятнами обожженности на поверхностях (обмазки «ранних» полов помещения?). Археологические остатки представлены фрагментами керамики, мелкими фрагментами бронзовых изделий, костями животных. Мощность – до 46 см.

Слой 3. Супесь интенсивно темноокрашенная, плотная, с включением большого количества сильно обожженных раковин (створки с перламутровой внутренней поверхностью). Слой средне насыщен обломками и щебнем вулканической породы; в нижней части содержит две углистые линзы, расположенные на разных уровнях. Археологический материал представлен керамикой, каменными орудиями, мелкими фрагментами бронзовых изделий, костными остатками крупных и мелких копытных и морской черепахи. Мощность – до 78 см.

Слой 4. Супесь сероватая, плотная, с включением угольков. Содержит линзы сплошной углистой массы, разложившихся костей рыбы, пережженной раковинной массы. Находки представлены каменными орудиями. Залегание слоя с размывом. Мощность – до 20 см.

Слой 5. Сероватый крупнозернистый (морской?) песок с включением малочисленных обожженных раковин и угольков. Археологические находки представлены линзой сплошной массы разложившихся рыбьих костей и каменными орудиями. Залегание слоя с размывом. Мощность – до 18 см.

Слой 6. Мелкофрагментированная коралловая масса. Залегает с размывом. Культурные остатки отсутствуют. Мощность – до 10 см.

Слой 7. Сероватая супесь с включением большого количества обломков вулканической породы по верхней границе слоя и со слабой насыщенностью щебнем. Археологические находки представлены каменными орудиями, остатками очагов, мелких (толщиной до 1,5 см) линз разложившихся рыбьих костей, редких обожженных раковин морских моллюсков, обломков трубчатых костей мелких копытных, а также фрагментами панциря морской черепахи. Мощность – до 25 см.

Слой 8. Масса мелкофрагментированных кораллов и раковин – отложения древнего пляжа. Включает крупные, сильно окатанные глыбы базальта и вулканического туфа. Археологические остатки отсутствуют. Прослежен на глубину до 25 см.

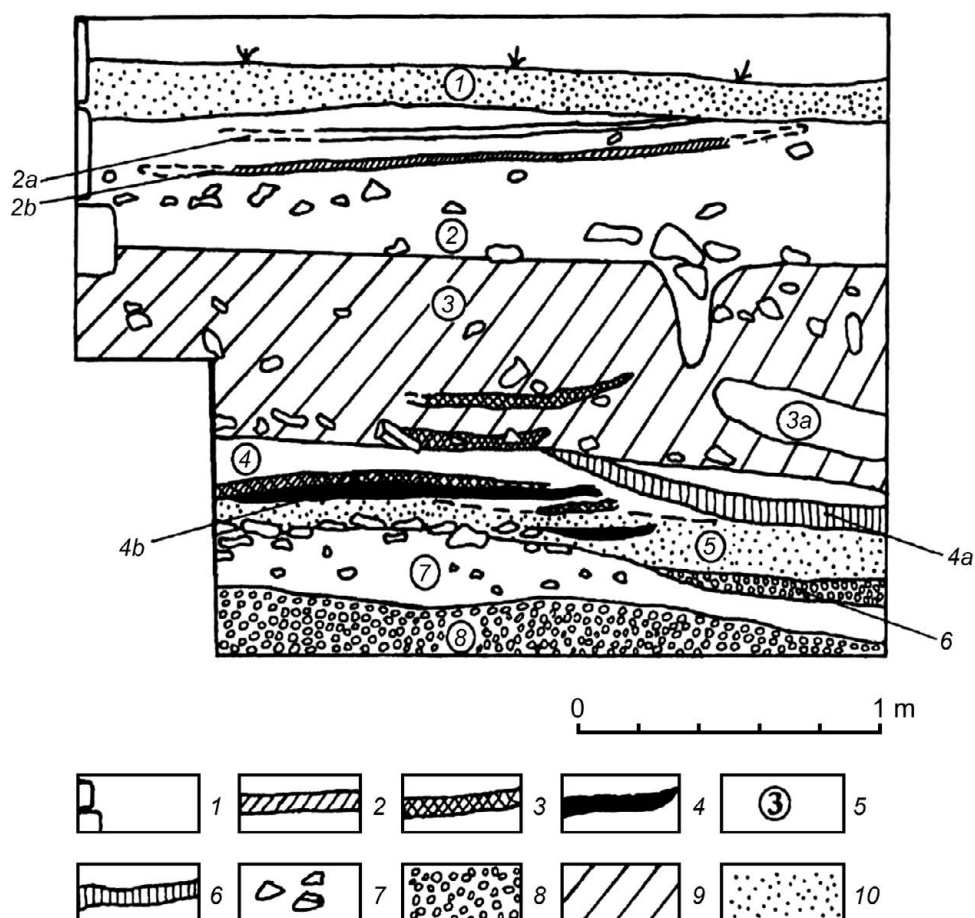

Рис. 3. Древнее городище Кана', разрез западной стенки второго шурфа

1 – блоки фундамента здания на Участке II; 2 – глинистая прослойка; 3 – линзовидное залегание пережженной массы костей рыбы и раковин моллюсков; 4 – линза углистой массы; 5 – номера слоев; 6 – горизонт песка без культурных остатков; 7 – камни; 8 – мелкофрагментированная коралловая масса; 9 – темноокрашенная супесь; 10 – песок с включениями угольков и слабо насыщенный обожженными раковинами моллюсков

Общий наклон слоев – в сторону современного берега, причем в нижних слоях разреза этот наклон выражен в большей степени. Другая общая особенность состоит в том, что слои, начиная с четвертого, залегают с размывом.

В рассматриваемом разрезе культурные остатки встречены в пяти слоях (слои 2, 3, 4, 5, 7). Исходя из отличий в составе находок разных слоев, можно утверждать, что мы имеем здесь дело с двумя разнородными группами культурных напластований. Первая (слои 2 и 3) по характеру находок, прежде всего керамики, относится ко времени существования древнего города-порта Кана', при этом по крайней мере один из отмеченных слоев (слой 3) должен предшествовать времени строительства помещения 1, т.е. II в.н.э. Очевидные отличия второй группы напластований выражены и в природной, и в антропогенной составляющей входящих в нее слоев (слои 4, 5 и 7). Эти слои имеют иной характер залегания и накопления, иную мощность и иной литологический состав. В них полностью отсутствует керамика и кости крупных животных, а морфологически устойчивые каменные орудия имеют иную типологическую выраженность.

Судя по разрезу, исследуемый участок памятника первоначально был заселен практически сразу же после того, как понизился уровень моря и оказался осушенным данный отрезок прибрежной полосы. До конца накопления слоя 7 сюда еще достигала прибойная волна. Красноречивым свидетельством этому является наличие слоя 6, который в виде

«языка» частично прерывает морскими отложениями (мелкофрагментированные кораллы и раковины) уже накопившийся слой 7. Поверхность выявленного шурфом древнего пляжа возвышается в настоящее время на 2 м над уровнем моря. Следовательно, размах трансгрессии моря, предшествовавшей отступлению воды и заселению данного участка человеком, был равен именно этому значению. Этот геоморфологический показатель является хорошим основанием для приблизительной датировки нижних слоев данного памятника.

ФАУНИСТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ

Ввиду сложности вывоза материала для изучения в Россию специальные археологические исследования материала, происходящего из описываемого шурфа, не проводились. Мы можем привести лишь его общие описания, исходя из наших собственных наблюдений на месте. Речь при этом будет идти о данных из отложений (слои 4, 5 и 7), предшествующих городским слоям древнехадрамаутского поселения Кана'.

Палеофаунистические характеристики рассматриваемых слоев в основных чертах едины как в тафономическом плане, так и с точки зрения общего качественного и количественного состава. Во всех трех слоях мы обнаруживаем рассеянные в слое обожженные раковины моллюсков. На исследованном участке они нигде не составляют скоплений, позволяющих их расценивать как типичную «раковинную кучу». Исключением является горизонт 4а, где обнаружена почти сплошная раковинная масса. Однако она представлена в весьма специфичном виде – раковины мелкофрагментированы и пережжены почти до полного разрушения. Такое состояние сохранности раковин затруднительно объяснить приготовлением моллюсков для приема в пищу. При этом нельзя сказать, что здесь имеет место вторичная обожженность раковин.

Наибольшее количество целых раковин обнаружено в слое 7 (32 экземпляра). Двустворчатые моллюски представлены здесь 12 раковинами, относящимися к четырем разным видам. Остальные 20 раковин приходятся на не менее чем десять видов крупных гастропод. Судя по составу этих остатков, говорить о массовом и специализированном сборе моллюсков не приходится. Следует также отметить отсутствие здесь такого диагностического для морских лагун с мангровой растительностью вида, как теребралии. Все раковины имеют выраженные в различной степени признаки обожженности, что свидетельствует о приготовлении их в пищу на огне.

Кости рыбы в определимом виде и фрагменты панциря морской черепахи немногочисленны. С другой стороны, во всех трех культурных слоях (слои 4, 5 и 7) имеются тонкие линзы, образованные сплошной массой истлевших или полуразрушившихся костей рыбы.

Единственное существенное отличие в составе фаунистических остатков рассматриваемых слоев состоит в наличии в слое 7 единичных костей мелких копытных. Впрочем, это отличие связано, скорее всего, с особенностями раскопанных участков культурных слоев. В целом же состав фаунистических находок не оставляет сомнений в том, что главным хозяйственным занятием первых обитателей доисторического поселения Кана' являлось рыболовство.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ

Культурные остатки во всех трех рассматриваемых слоях представлены каменными орудиями, сплошными углистыми линзами и линзами разложившихся рыбьих костей, а также разрушенным очагом в слое 7. Следы разрушенного очага обнаружены в юго-восточном углу шурфа. Здесь выявлено узколокализованное скопление из 24 обожженных галек и небольших валунов (до 15 см в поперечнике) вулканической породы. Среди них отмечаются два обломка терочных камней с плоской поверхностью. Сам слой на участке

Таблица. Стоянка Кана'. Типологический состав каменных изделий.

Наименование изделий	Слой 4	Слой 5	Слой 7
Грузила для сетей с подработкой поверхности	1	1	
Галька с одной лункой	1		
Галька с двумя симметрично противопоставленными лунками		1	
Терочные камни с плоской поверхностью (целые и обломки)	1		6
Отбойники	1		
Отбойники-терочники		1	1
Куранты (обломки)	1		1
Наковаленки			1
Рубящее орудие «с носиком»	1		
Обожженная галька	4	9	24

этого скопления был интенсивно окрашен в черный цвет. Характер камней указанного скопления и особенности окружающего его заполнения позволяют рассматривать данный объект как остатки очага с каменной наброской.

Послойный количественный и качественный состав орудий выглядит следующим образом (см. табл.).

В количественном отношении рассматриваемая коллекция находок невелика, и это неудивительно, учитывая, что она происходит из относительно небольшого шурфа. К тому же практика показывает, что инвентарь памятников, подобных нижним слоям Кана', как правило, не бывает многочисленным. Однако по качественному составу материал выглядит достаточно показательным. Как общий набор каменных орудий, так и наличие здесь таких диагностических форм, как грузила для сетей (рис. 4, 1–3), галька с лунками (рис. 4, 4), рубящее орудие «с носиком», комбинированные орудия и куранты, придают данному инвентарю вид, типичный для поселения рыбаков и собирателей моллюсков Южной Аравии неолитического времени и бронзового века.

С типологической точки зрения наиболее интересная форма здесь представлена грузилами для сетей. Особенностью их является то, что функцию краевых выемок для перевязки здесь выполняют участки простой забитости в средней части края гальки (рис. 4, 1) или легкой пикетажной обработки наиболее выступающих поверхностей по контуру поперечной оси симметрии заготовки (рис. 4, 5). Этот тип грузил до настоящего времени не встречен в материалах других сравнимых памятников побережья Аденского залива, и он, несомненно, является специфичным для Кана'.

Другим заслуживающим внимания моментом, связанным с грузилами, является то, что в действительности к этой категории находок здесь можно было бы отнести и гальку без следов обработки поверхностей. Сама возможность использования в древности в таком качестве необработанной гальки, как нам кажется, убедительно продемонстрирована на материалах прибрежного поселения Гихейю, относящегося к IV тысячелетию до н.э. (Амирханов и др. 2001, с. 2–12). В пользу этого говорит и то, что подобные предметы (рис. 5) имеются в широком обиходе и у современных рыбаков, обитающих как поблизости от Кана', так и в других районах Аденского залива.

Для решения вопроса о том, насколько интенсивной была жизнь на поселении Кана' в доисторическое время, важны данные археологической стратиграфии и наблюдения над характером исходного сырья для каменных орудий. Как видно из разреза памятника, материалы, относящиеся к рыболовству, залегают здесь в трех последовательных литологических слоях. При этом в каждом из этих слоев отмечается переслаивание углистых линз, указывающих или на непрерывное и долговременное накопление культурных отложений, или на периодическое возобновление жизни на исследованном участке. По данным одного шурфа невозможно выяснить, какой из этих вариантов здесь

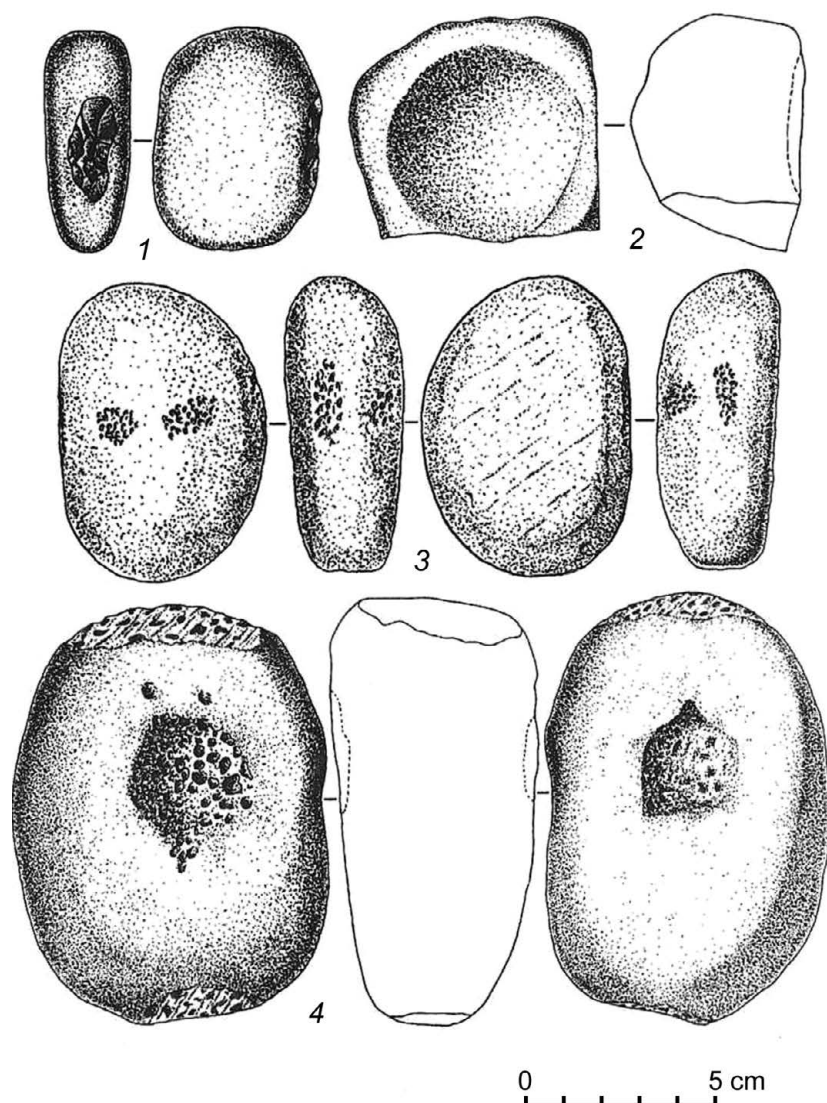

Рис. 4. Древнее городище Кана', каменные орудия из шурфа

1 – грузило для сети с частичной оббивкой боковых участков; 2 – терочник чашевидный;
3 – грузило для сети с прерывистой круговой обработкой пикетажем в средней части гальки; 4 – комбинированное орудие – отбойник-терочник-камень – с лунками

реализовывался, но ясно, что в обоих случаях речь идет не об эпизодическом освоении людьми данного места обитания. В пользу этого заключения свидетельствует и тот факт, что грузила для сетей, отбойник и отбойники-терочники (рис. 4, 4) по характеру сырья имеют не местное происхождение. Это преимущественно мелкая (в среднем размера-ми 3×5×7 см) уплощенная галька, принесенная сюда древними обитателями поселения из ближайшего вади за много километров от Кана'.

ДАТИРОВКА И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАМЯТНИКА

При отсутствии радиоуглеродных дат для датировки нижних слоев шурфа мы можем лишь опираться на собственно археологические и геоморфологические основания. С типологической точки зрения показательными для относительной датировки являются прежде всего грузила сетей. Последние здесь представлены ранней формой (в смысле эволюции данной категории изделий). В развитии последних канский тип занимает

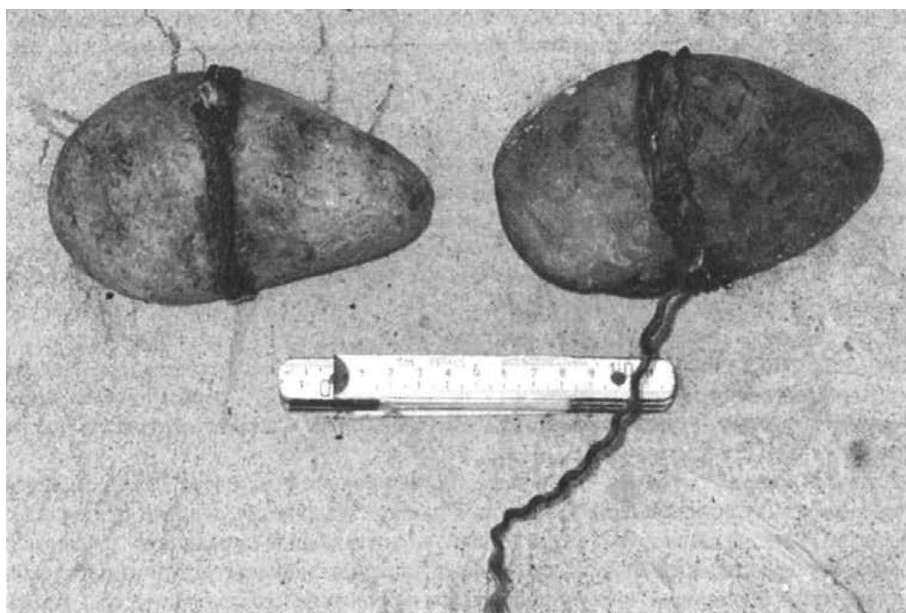

Рис. 5. Грузила для сетей без специальной обработки, используемые местными рыбаками в наши дни

промежуточное место между галькой с необработанной поверхностью, использовавшейся в качестве грузил, и грузилами выработанных форм с краевыми выемками. Правоту именно такого видения эволюции грузил подтверждают, в частности, и собственные канские материалы. Укажем в этой связи на то, что в относящемся ко времени древнеюжно-аравийской цивилизации слое 3 раскопанного нами шурфа встречается гораздо более развитый тип рассматриваемой категории предметов – он относится к грузилам с симметричными глубокими краевыми выемками. Указанная выше типологическая эволюция грузил прослеживается и в материалах прибрежных памятников лагуны Хор Умейра, примерно в 150 км восточнее г. Адена, где имеется возможность сравнения разновозрастных материалов. Данные этих памятников, а также типологически аналогичные предметы с поселений древних рыбаков в урочище Аль-Набва на окраине Адена показывают, что грузила с глубокими краевыми выемками, оформленными оббивкой, получают широкое распространение начиная только со II тысячелетия до н. э. (Амирханов, Фогт 2002, с. 30–43). Если основываться на этих заключениях, то слои 4, 5 и 7 шурфа в Кана' должны быть отнесены к более раннему времени.

Применительно к датировке рассматриваемых слоев шурфа плодотворным представляется привлечение и геоморфологических данных. Как уже отмечалось выше, первое заселение исследованного нами участка произошло непосредственно после завершения трансгрессивной фазы, имевшей в момент своего пика размах примерно два метра. Последнюю голоценовую трансгрессию такого масштаба применительно к аравийским побережьям относят к IV тысячелетию до н. э. Соответственно, накопление самого нижнего слоя нашего разреза (слой 7) с большой вероятностью можно отнести к III тысячелетию до н. э.

Другая важная проблема, связанная с изучением древних слоев Кана', касается определения культурной принадлежности данного памятника. Однако решение ее в плане установления узких культурных идентификаций ограничено скудостью имеющегося материала. Ясность существует лишь в отношении того, что поселение относится к обширному кругу прибрежных памятников со специфическим типом хозяйствования и отражающими эту специфику особенностями инвентаря. Что же касается наличия или отсутствия здесь локального своеобразия культуры, то этот вопрос остается открытым.

Наш общий подход к данной проблеме, основывающийся на знакомстве с обширными материалами из смежных районов и более отдаленных регионов, склоняет к признанию существования здесь локальной специфики. На принципиальную возможность этого указывают, например, неповторимые по своему культурному облику материалы многослойного поселения Гихейю или синхронные с ними коллекции прибрежных памятников Персидского залива (Амирханов и др. 2001, с. 2–12; Амирханов, Фогт 2002, с. 30–43). Однако для твердого типологического обоснования этого предположения применительно к Кана' недостаточно наличия здесь одного своеобразного типа грузил, хотя не помнить об этом также нельзя.

Если говорить в общем, то рассмотренные выше материалы дают достаточно оснований для определения данного памятника как относительно долговременного многослойного поселения, однотипного в целом с другими поселениями прибрежного неолита-постнеолита Южной Аравии. Собственно, археологические показатели, выраженные в каменном инвентаре, и происходящие из слоев фаунистические остатки не оставляют сомнений в том, что основной формой хозяйственной деятельности обитателей поселения было рыболовство. Оно сочеталось с неспециализированным сбором моллюсков. Наличие в слое 7 костей мелких копытных по аналогии с другими одновременными памятниками может свидетельствовать о дополнении указанного типа хозяйствования скорее охотой, чем скотоводством.

Вопросы, касающиеся размеров и структуры поселения, характера жилых и хозяйственных сооружений, сейчас затруднительно рассматривать из-за ограниченности исследованной площади. Их решение, а также более полная характеристика инвентаря станут возможными после раскопок памятника на широкой площади.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов, Фогт 2002 – Амирханов Х. А., Фогт Б. «Аль-Набва 2 – поселение древних рыболовов и собирателей моллюсков на побережье Аденского залива (Республика Йемен)». *Российская археология*, № 2, с. 30–43.
- Амирханов и др. 2001 – Амирханов Х. А., Фогт Б., Седов А. В., Буффа В. «Раскопки поселения рыболовов и собирателей моллюсков в лагуне Хор Умейра на побережье Аденского залива (Республика Йемен)». *Археология, этнография и антропология Евразии*, № 4 (8), с. 2–12.
- Sedov 1992 – Sedov A. V. "New Archaeological and Epigraphical Material from Qana (South Arabia)". *Arabian Archaeology and Epigraphy*, vol. 3, no. 2, p. 110–137.
- Sedov 1996 – Sedov A. V. "Qana' (Yemen) and the Indian Ocean: the Archaeological Evidence". In: *Tradition and Archaeology. Early Maritime Contacts in the Indian Ocean. Proceedings of the International Seminar. Techno-Archaeological Perspectives of Seafaring in the Indian Ocean 4th cent. B. C. – 15th cent. A. D. New Delhi, February 28 – March 4, 1994*. Ed. by H. P. Ray and J.-F. Salles. New Delhi/Lyon, p. 11–36.
- Sedov 1997 – Sedov A. V. "Sea-trade of the Hadramawt Kingdom from the 1st to the 6th Centuries A. D." In: *Profumi d'Arabia. Atti del convegno*. A cura di A. Avanzini. Roma, p. 365–384.

КАМЕННЫЙ ВЕК КАВКАЗА

The Stone Age of the Caucasus

ОРУДИЯ-ГИГАНТОЛИТЫ В ИНДУСТРИИ ОЛДОВАНА ДАГЕСТАНА¹

Ключевые слова: олдован, каменные орудия, типология, Дагестан, Айникаб I, Мухкай I, II, орудия-гигантолиты.

Abstract. The article gives a characteristic of an uncommon category of Oldowan tools from Central Dagestan. Materials from the multilayer sites of Ainikab I and Mukhkai I and II are used to illustrate the occurrence of especially large bifacial tools in Oldowan base camp inventory on the territory in question. Typologically the tools are of the same shape as Oldowan choppers and picks.

При работе с материалами памятников олдована Центрального Дагестана исследователь не может не обратить внимания на очень интересную группу каменных орудий, отличающуюся чрезвычайной массивностью. По габаритам и особенно своему весу они во много раз (до 8–10 раз) превосходят экземпляры орудий аналогичных типов обычных размеров. В типологическом отношении указанные изделия представлены двумя формами: чоппером и пиком. Подобные орудия-гигантолиты обнаружены в слоях трех раскапываемых в настоящее время многослойных памятников олдована Дагестана: Айникаб I, Мухкай I и Мухкай II.

Специального описания и анализа олдованских предметов рассматриваемого здесь вида, насколько известно автору, не существует. Тем большую значимость имеют приводимые сведения, учитывая особенно то, что они происходят из первоклассных многослойных стратифицированных и надежно датированных памятников.

В целом по своей массивности орудия на желваках, гальках и обломках памятников олдована Центрального Дагестана можно разделить на три разновидности: ординарные (орудия обычных размеров) (рис. 1, 1), макроорудия (крупные орудия) (рис. 1, 2) и гигантолиты (сверхкрупные орудия) (рис. 1, 3). Кроме того, существует класс орудий на отщепах, который в настоящей работе не рассматривается. Необходимо отметить лишь, что в этой части инвентаря регулярно присутствуют микроорудия, орудия на крупных отщепах практически не встречаются, а основной заготовкой выступает отщеп мелких (до 3 см в длину) и средних (до 7 см в длину) размеров. Набор орудий на отщепах, в целом, не многочислен и состоит из скребков, скребел, ножей, орудий с выемкой, шиповидных острий.

К орудиям-гигантолитам отнесены предметы, использование которых с точки зрения возможностей современного человека усилиями одной руки невозможно. Это, несомненно, двуручные орудия. Примечательно то, что при этом они изготовлены по модели, которая характерна для орудий обычных, т.е. рассчитанных для использования одной рукой.

Форма рассматриваемых изделий получена более или менее интенсивной оббивкой. Естественные участки или изломы краев заготовки целенаправленной обработкой приспособляются к задуманным очертаниям орудия. В отдельных случаях обработка носит частичный характер. Орудия-гигантолиты не образуют каких-либо специфических морфологических (можно сказать и функциональных) групп, не известных в типологическом составе обычных орудий изучаемых памятников.

Средние весовые параметры орудий-гигантолитов по той выборке, которой располагаем, составляют 4–6 кг. Имеются экземпляры, значительно превышающие эти рамки. В слое 13 стоянки Айникаб I найден, например, экземпляр пика-нуклеуса весом 8 кг.

Группа крупных орудий по рассматриваемому показателю укладывается в рамки от 2 до 4 кг. Это предельное значение веса орудия, пригодного (применительно

¹ Амирханов Х. А. Орудия-гигантолиты в индустрии олдована Дагестана // Российская археология. 2013. № 3. С. 5–12.

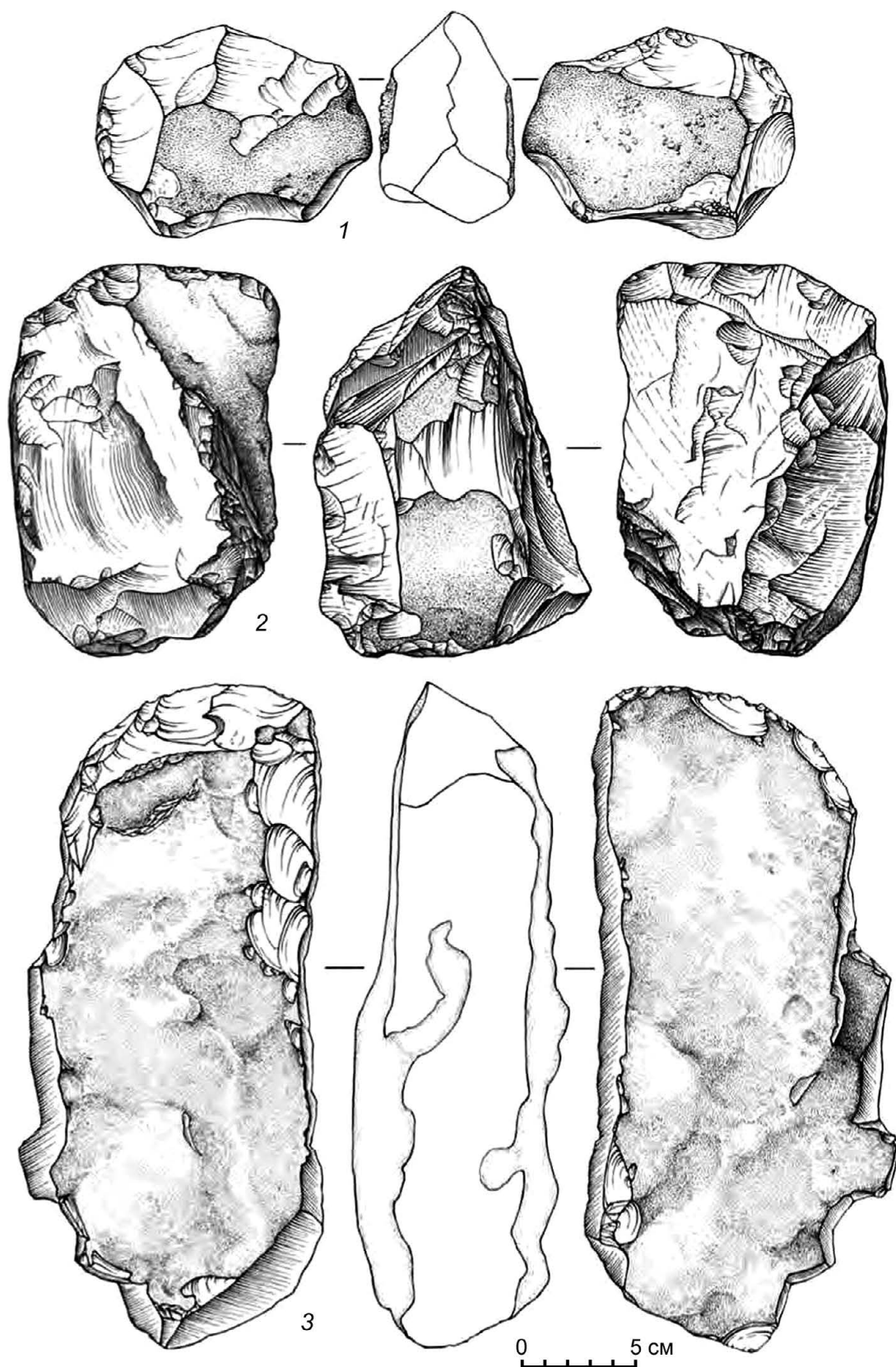

Рис. 1. Сравнительное соотношение чопперов олдована Центрального Дагестана по размерам
1 – чоппер обычных размеров (стоянка Айникаб I, слой 10); 2 – крупный чоппер (стоянка Мухкай I, слой 7); 3 – чоппер-гигантолит (стоянка Мухкай II, слой 106)

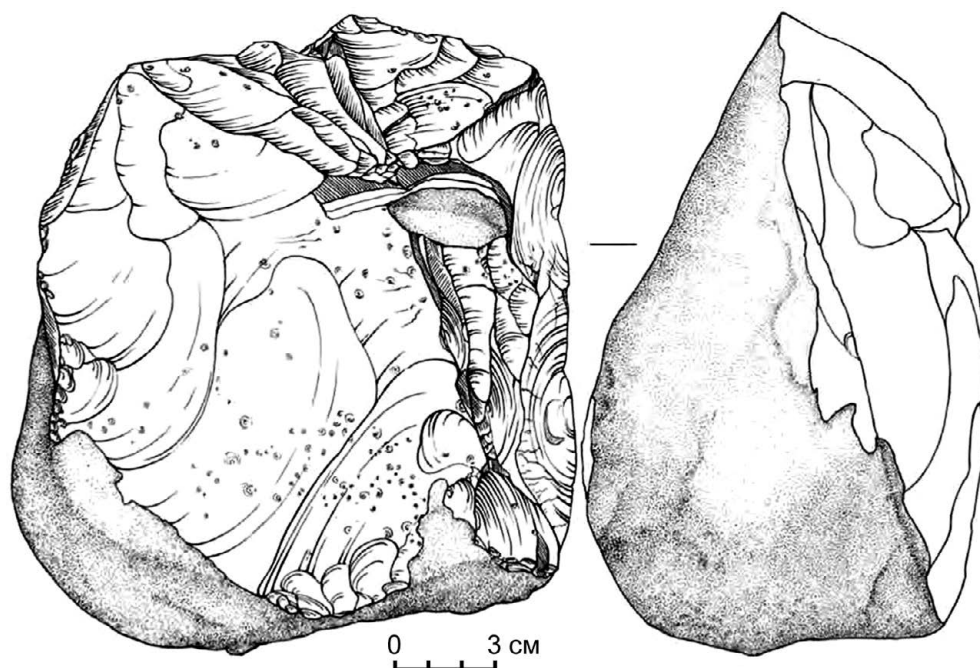

Рис. 2. Чоппер-гигантолит (стоянка Мухкай I, слой 32)

к возможностям обычного современного человека) для эффективного использования усилиями одной руки.

Что касается орудий обычных размеров в виде чопперов на желваках и обломках, то в коллекциях стоянок Центрального Дагестана их вес составляет в среднем 0.5–0.8 кг. С незначительными вариациями это относится и к аналогичной категории орудий из синхронных памятников других регионов.

В количественном отношении группа орудий-гигантолитов не была массовой. Определение их конкретной доли в той или иной коллекции будет возможно после раскопок стоянок на широкой площади. На данный момент можно сказать определенно, что в коллекциях базовых стоянок изделия этого рода не были случайными.

По сумме палеонтологических, палинологических, геоморфологических данных, а также результатам палеомагнитного анализа слои, в которых обнаружены рассматриваемые находки, датируются в диапазоне от 1.25 до приблизительно 1.8 млн. л. н.

Приведем описание нескольких изделий, о которых идет речь, происходящих из трех упомянутых выше памятников: Айникаб I, Мухкай I и Мухкай II. Материал хранится в Институте истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра (г. Махачкала).

Чопперы-гигантолиты односторонние. Один из предметов (рис. 2) этого типа происходит из стоянки Мухкай I (шифр: Мхк.-I/2012; сл. 32; № 91). Орудие изготовлено на крупной кремневой конкреции. У изделия хорошо выражены основные элементы: рабочая часть, противопоставленная ей чрезвычайно массивная пятка, а также края, один из которых обработан крупными продольными сколами. Последние срезают часть конкреции-заготовки и оформляют край изделия. Направление сколов, которые образуют этот край, – продольное встречное, т.е. удары наносились как со стороны пятки в сторону лезвийной части, так и обратно. Побочным результатом такой обработки должны были быть удлиненные отщепы. Они вполне могли использоваться в качестве заготовок для легких орудий.

Рабочий конец описываемого орудия представляет собой лезвие, оформленное односторонней обивкой. Кромка лезвия имеет интенсивную забитость, указывающую на активную утилизацию данного орудия в грубой, скорее всего, рубяще-дробящей функции.

Одна из плоских поверхностей изделия, а также один край и пятка покрыты сплошной желвачной коркой. Вторая плоская поверхность представляет собой плоскость крупного

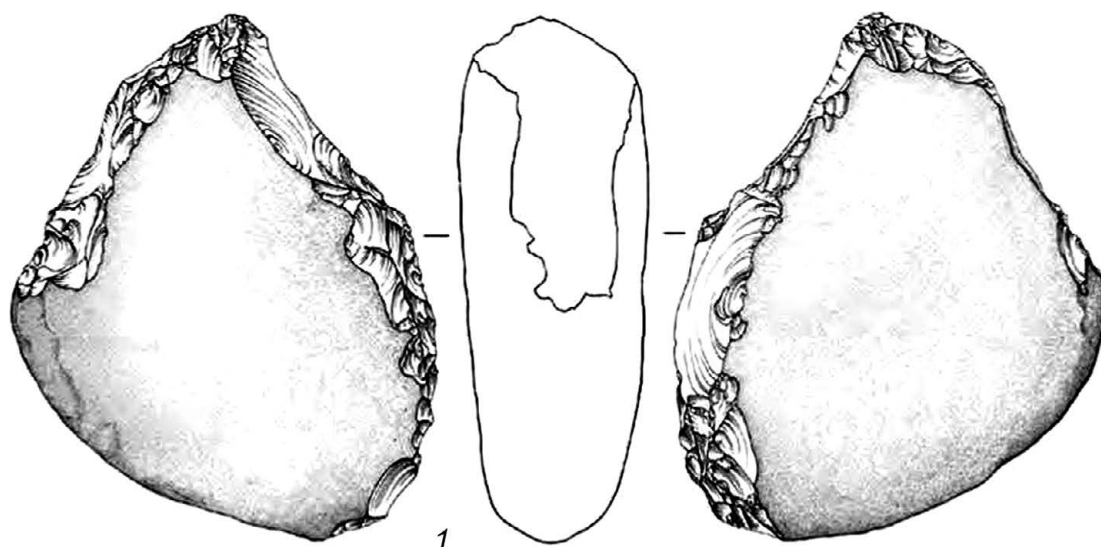

Рис. 3. Плоские пики-гигантолиты

1 – стоянка Айникаб I, слой 13; 2 – стоянка Мухкай I, слой 23. Вес: 1 – 5.42 кг; 2 – 6.36

скола, возможно, естественного характера. На этой поверхности, а также на негативах сколов того края, который искусственно модифицирован, отчетливо видно множество ударных конусов, которые могли образовываться как при непосредственном ударе, так и при ударном усилии, передаваемом в ходе обработки с упором на данную поверхность другим предметом, т. е. собственно обрабатываемым изделием.

Размеры орудия: длина – 18.5 см; ширина – 16.4; толщина – 11.6. Вес – 4.525 кг.

Второе изделие рассматриваемой разновидности чопперов (рис. 1, 3) обнаружено на стоянке Мухкай II на глубине более 40 м от современной поверхности (шифр: Мхк.-II/2011; тр. 3; сл. 106; № 86). Изготовлен он на плоской кремневой плитчатой основе. Рабочая часть получена в целом односторонней обивкой. Лезвие слабоизвилистое с небольшим наклоном к одному из краев. Кромка лезвия имеет небольшую «замятость», которая образовалась, по-видимому, в результате утилизации орудия. Непосредственно вдоль кромки лезвия отмечается ряд субпараллельных негативов мелкой ретушной обивки. Этот тип обработки обычно связан с дополнительной мелкой подработкой рабочего участка. В данном случае вероятно отнесение его к приему подживления лезвия.

Вертикальные, параллельные друг другу края получены встречным обрубающим поперечным скалыванием по всей длине и на всю их толщину. Пятка представлена широкими поверхностями двух поперечных сколов.

Как лицевая, так и тыльная поверхности орудия покрыты желвачной коркой. На них отсутствуют следы скалывания, за исключением участка оформления лезвия с одной стороны и трех небольших негативов мелких сколов на противоположной стороне рабочего участка орудия. Отмечается также несколько тонких, горизонтальных коротких снятий, подправляющих краевую часть, примыкающую к лезвию чоппера.

Характер и интенсивность обработки, а также завершенность его формы, выражающаяся в целенаправленной и специальной отделке каждого из элементов орудия (лезвие, пятка, края) свидетельствуют о том, что основные параметры предмета, включая и его необычно большой вес, изготовителем планировались заранее.

Размеры орудия: длина – 29.3 см; ширина – 13.2; толщина – 8.2. Вес – 3.85 кг.

Плоские пики-гигантолиты с очень сходными параметрами происходят из двух разных памятников: Айникаб I и Мухкай I. Первый (шифр: Айникаб I/08; сл. 13; кв. 3–7; № 299) имеет в качестве исходной заготовки крупный уплощенный кремневый желвак, который в естественном виде был, по-видимому, близок к линзовидной форме (рис. 3, 1).

Данное орудие демонстрирует случай переоформления гигантского чоппера в гигантский же пик. Первоначально изделие представляло собой односторонний продольный (краевой) чоппер. Судя по всему, в процессе использования лезвие этого орудия наполовину откололось. Свидетельством того, что орудие активно использовалось в качестве чоппера, говорит интенсивная забитость и выкрошенность кромки сохранившейся части лезвия. Участок в месте излома лезвия трансформировался в вертикальную плоскость, и использование предмета в его первоначальном назначении стало невозможным. Тогда рабочая часть была перенесена на торцевую часть удлиненной массивной заготовки. В результате оббивки она приобрела характер остроконечного выступа, приходящегося на линию продольной оси симметрии изделия. Для оформления этого выступа второй, не затронутый обработкой край заготовки (который был ранее частью обушка чоппера), подвергся тщательной вертикальной оббивке. В результате был получен рабочий конец в виде тяжелого, массивного зубца, ориентированного функционально на «пробойную» функцию и типологически примыкающего к изделиям типа плоских пиков, в данном случае – плоским пикам-гигантолитам. Рабочая часть описываемого орудия имеет интенсивную забитость и «замятость» кромки. Эти признаки трудно определить иначе, как макроследы утилизации орудия. Пятка данного орудия, как и обе его плоские стороны, покрыта сплошной желвачной коркой.

Существенно отметить, что на негативах широких сколов по обоим краям изделий фиксируются ударные конусы в виде кольцевых глазков. Они аналогичны тем же глазкам, которые были отмечены выше при характеристике одного из чопперов. При этом на плоских поверхностях орудия, покрытых желвачной коркой, какие-либо выбоины, мелкие трещины или глубокие царапины не заметны. Такая избирательность в расположении глазков указывает, по-видимому, на эпизодическое использование данного предмета в функции наковальни или, другими словами, пассивного элемента раскалывания.

Размеры описанного выше орудия: длина – 25.2 см; ширина – 19.4, толщина – 9. Вес – 5.42 кг.

Второй (рис. 3, 2) из плоских пиков-гигантолитов этого типа (шифр: Мхк.-I/2011; сл. 23; № 137) по форме и массивности заготовки, а также по характеру обработки очень похож на описанное выше орудие из стоянки Айникаб I. Если и есть отличие, то оно относится к большей близости рабочего элемента данного предмета к типичным формам пиков с трехгранным сечением.

При изготовлении этого орудия активной обработке подверглись края заготовки. Оббивка направлена на оформление заостренного конца и придание орудию заданной формы. Последнее предполагало выделение, прежде всего, двух основных частей изделия: рабочей и аккомодационной. Эта задача достигнута способом, обычным при изготовлении орудий такого рода: крутой оббивкой краев заготовки, срезающей непродуктивную часть исходной заготовки. Обработка наиболее активна в части, непосредственно примыкающей к острию пика.

Размеры орудия: длина – 24.2 см; ширина – 24.7; толщина – 8.6. Вес – 6.36 кг.

Пик-гигантолит клювовидный (шифр: Мхк.-II; тр. 3; сл. 130; кв. А-82; № 96) изготовлен из низкокачественного кремня, близкого к окремнелому известняку (рис. 4, 2).

Исходная форма отдельности сырья – удлиненный плитчатый желвак. Одна сторона заготовки плоская, другая – бугристая; обе целиком покрыты желвачной коркой. Края и основание орудия обработаны вертикальными сколами, которые оформляют общие контуры заготовки, придают орудию запланированные размеры и, следовательно, определяют общую массивность изделия.

Рабочий элемент в виде массивного клювовидного выступа оформлен крупными сколами, которые образуют с обеих сторон основания «клюва» широкие симметричные выемки. Таким образом рабочая часть, имеющая заостренный конец, намеренно акцентирована. Обработка рабочего элемента осуществлена так, что на верхней плоскости орудия на протяжении всей длины клювовидного выступа (8 см) оббивка образует

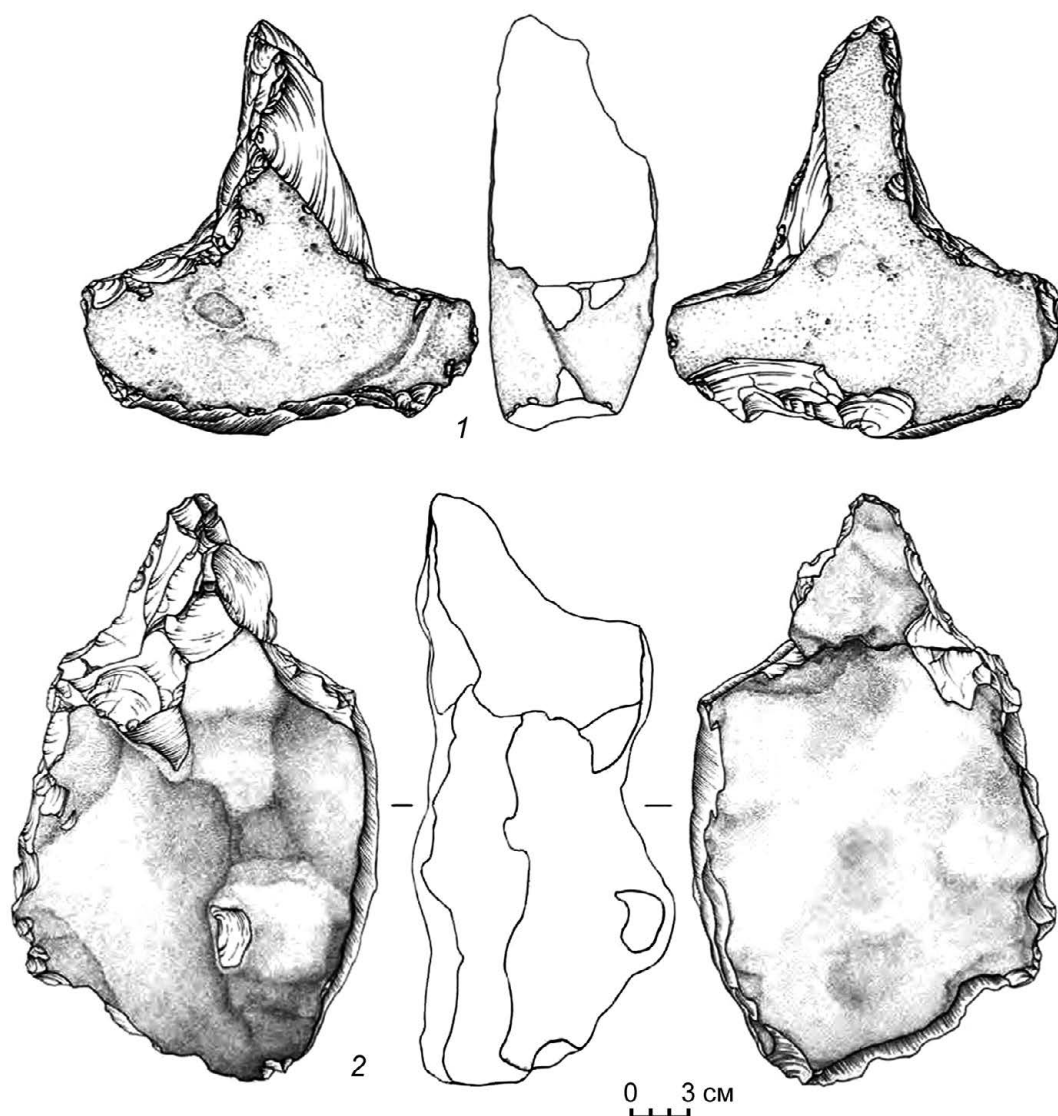

Рис. 4. Гигантолиты

1 – пик-клевец (стоянка Мухкай I, слой 32); 2 – клювовидный пик (стоянка Мухкай II, слой 130).
Вес: 1 – 3.85 кг; 2 – 5.5

гребень, линия которого совпадает с продольной осью симметрии орудия и придает поперечному сечению этой части изделия трехгранные очертания.

Размеры орудия: длина – 30.3 см; ширина – 18.4; толщина – 12.4. Вес – 5.5 кг.

Пик-клевец гигантский (шифр: Мхк. I-12/тр. 2; сл. 32; № 12), обнаруженный в слое 32 стоянки Мухкай I, представляет собой (рис. 4, 1) своеобразный вариант описанной выше формы гигантского клювовидного пика из стоянки Мухкай II. Изготовлено это орудие на плоском массивном желваке кремня. Основание орудия, являющееся обушком, целиком оформлено вертикальными усекающими сколами. Рабочий элемент имеет очертания узкого и сильно вытянутого клювовидного выступа с заостренным концом. Поперечное сечение клюва – трехгранное. Длина суженного выступа – 11 см. На кромке завершения этого функционально значимого участка орудия отмечаются мелкие заломы. Верхняя и нижняя плоские поверхности изделия обработкой не затронуты.

Размеры орудия: длина – 25.8 см; ширина – 19.5; толщина – 8.5. Вес – 3.29 кг.

Переходя к интерпретации рассматриваемой категории находок, можно, прежде всего, констатировать, что обнаружение орудий-гигантолитов правомерно ожидать

в памятниках, расположенных на месторождениях сырья или в непосредственной близости от них. Подавляющее большинство выявленных памятников олдована приблизительно так и расположены. Но при этом у изготовителя орудий той эпохи, жил ли он в Восточной Африке или на Кавказе, существовало избирательное отношение к сырью, и местное сырье, как правило, не вполне и не всегда соответствовало требованиям, отвечавшим сложившейся технологии изготовления каменных орудий. В таких случаях необходимая разновидность сырья, отсутствовавшая непосредственно вблизи от стоянки, доставлялась из пунктов, удаленных на расстояние несколько километров.

В классических памятниках олдована Олдувайского ущелья (например, стоянки DR, FLK Zindj) использовалось три-четыре разновидности сырья, включавшие базальт, кварц, фонолит и гнейс (Torre, Mora, 2005. P. 205). Большая часть изделий в коллекциях этих памятников приходится, естественно, на местную породу – базальт. Не случайно поэтому наиболее крупные орудия здесь изготовлены из базальта, а доля принесенного сырья по своей массе уступает сырью местной разновидности. То, что в этих памятниках транспортированное сырье представлено относительно мелкими блоками, соответственно и малыми размерами изделий из них, должно было бы казаться естественным. Однако в материалах некоторых раннеашельских памятников Олдувайского ущелья отмечается наличие валунов того же самого вида сырья (кварцит), принесенных из того же месторождения, что использовалось обитателями стоянок олдована, но имеющих массу до 20 кг. На основе этого делается вывод о том, что «группы гоминид, различающиеся хронологически, а также в культурном и биологическом отношении, имели и реализовывали разные предпочтения в подборе размеров и формы транспортируемых блоков» (Torre, Mora, 2005. P. 207).

У обитателей айникабско-мухкайских стоянок не существовало проблем с транспортировкой сырья. Качественное сырье в виде кремневых обломков и желваков различной формы (кубовидные, плитчатые, уплощенные желвачные, многогранные), размеров и веса имелось в непосредственной близости от стоянок, а иногда и на площади самой стоянки. Соответственно изначально здесь имелись возможности реализации любых предпочтений, относящихся к размерам орудий.

Рассматриваемые здесь объекты не составляют исключения с точки зрения хорошей обеспеченности сырьем. Однако выясняется, что далеко не на всех памятниках, на которых не было дефицита сырья, обнаруживаются орудия-гигантолиты. Наиболее распространенным видом орудий этого рода можно считать наковальни. Они являются, например, важной частью инвентаря в памятниках Олдувайского ущелья (Leakey, 1971). Наконьни встречаются в отложениях всех слоев известного олдувайского разреза. В наиболее древних стоянках этого региона описываемые орудия представлены в виде кубовидных предметов или валунов с выразительными участками забитости на их плоских поверхностях. Однако наличие здесь типологически выраженных орудий-гигантолитов иного рода, насколько известно автору, не отмечается. Нет указаний на их наличие и в известных памятниках Северной Африки (Айн-Ханеш) (Sahnouni, Heinzelin, 1998) и Южного Кавказа (Дманиси) (Lumley et al., 2005), относимых ко времени классического олдована, а также в материалах стоянок Приазовья (Щелинский и др., 2010) и Армянского нагорья (Любин, Беляева, 2010; Любин и др., 2010).

Каково функциональное назначение этих гигантских орудий? Массивность и вес рассматриваемых изделий не оставляет сомнений в том, что они были предназначены для использования в качестве двуручных орудий. При этом общая функция их, по-видимому, та же, что и у орудий, соответствующих типов более мелких размеров. В широком плане – это раскалывание, пробивание, дробление, разрубание. О таком характере использования говорят выразительные макроследы на лезвиях рабочих элементов в виде интенсивной забитости и замятости. Трасологический анализ рассмотренных изделий не проводился. Бинокулярный анализ микроследов изношенности лезвия орудий такого рода из материалов пещерной стоянки Аль-Гуза, сделанный в свое время

В. Е. Щелинским, убедительно показал использование чоппера в функции рубящего орудия (Амирханов, 1991; 2006).

Помимо своей основной функции некоторые из описанных предметов использовались в качестве наковален – пассивных элементов раскалывания, скорее всего, кремня. Признаком, указывающим на это, является наличие иногда многочисленных, а в других случаях разрозненных кольцевых глазков, сколов на орудиях-гигантолитах от прямого или косвенного ударного контакта с поверхностью широких негативов. Глазки, конечно, могли образовываться и в том случае, если удары наносились непосредственно по поверхности гигантолита. Это было возможно в случае скалывания в технике «блок о блок». Одно можно сказать определенно: удары, о которых идет речь, никак не могли служить улучшению или переоформлению уже выработанного и использованного в своей функции орудия. Они не указывают на «подживление» кромки лезвия, подправку краев орудия или какую-либо иную модификацию предмета.

Глазки расположены не на краевых участках орудий, а на плоских негативах, образовавшихся в результате предшествующих сколов с заготовки. Узкая локализация глазков, т. е. существование особых «зон забитости», свидетельствует о том, что, скорее всего, данные предметы эпизодически использовались в качестве наковальни в прямом смысле слова: на орудие, используемое в качестве наковальни, устанавливался предмет, по которому производился удар.

Кольцевидные глазки могли образовываться и в случае, если наковальня использовалась для раскалывания на ней какого-нибудь органического материала (кость, косточки плодов, орехи и т. п.). Но к описываемому случаю это вряд ли имеет отношение, так как следы оббитости не отмечаются на довольно удобных для указанной цели поверхностях, которые покрыты желвачной коркой. Складывается впечатление, что, выбирая участок для упора предмета, по которому наносился удар, изготовитель отдавал предпочтение плотной, твердой поверхности. Желвачная же корка, которая покрывает большую часть поверхности описываемого предмета, будучи довольно толстой и относительно рыхлой, этим качествам не удовлетворяет.

Существенно отметить, что в функции наковальни описываемые орудия использовались после и/или в процессе утилизации по их прямому назначению. Об этом говорит то, что лезвия орудий-гигантолитов, использованных в качестве наковален, как отмечалось, имеют забитость и замятость, но вполне сохраняют свою функциональность.

Характеризуя рассматриваемые изделия, следует добавить, что косвенно они выполняли и функцию нуклеусов. Выше указывалось, что при оформлении орудий-гигантолитов осуществлялось скалывание, обрубающее в значительной мере часть краев исходных заготовок. В результате такой оббивки образовывалась серия отщепов, пригодных как для непосредственного использования в качестве орудий, так и для изготовления ретушированных изделий. Обрубка краев осуществлялась систематическими вертикальными сколами, и последние нередко срезали заготовку на всю ее толщину. По этой причине у целых отщепов айникабско-мухкайской индустрии как ударная площадка, так и завершение (дистальный конец) зачастую имеют желвачное покрытие. Аналогичную картину можно наблюдать и в материалах приазовских памятниках олдована (Щелинский и др., 2010).

Обобщая значимые с точки зрения автора моменты, связанные с изучением рассматриваемого класса орудий, можно отметить следующее. Во-первых, описываемые орудия встречаются как в стратиграфически синхронных, так и разновременных памятниках исследуемого района. Во-вторых, интенсивная целенаправленная обработка этих заготовок не только формирует рабочий элемент, но и подчинена сохранению и иногда подправке тыльной части орудия, с нацеленностью при этом на обеспечение чрезвычайной массивности данного предмета. В-третьих, орудия-гигантолиты сочетаются в материалах рассмотренных памятников с изделиями средних и мелких размеров и предстают как немногочисленная, но органичная часть инвентаря.

Один из главных при рассмотрении орудий описываемого характера вопрос – чем эти орудия являются: выражением культурной специфики определенных индустрий олдована или показателем адаптации практики производства орудий к степени обеспеченности сырьем и характеристикам этого сырья. В поисках ответа на него возникает и другой вопрос – являются ли эти две возможности альтернативой друг другу? Как еще формируется культурная специфика вообще, если не адаптацией к окружающему миру вещей и явлений, в том числе и приспособлением к особенностям ресурсов, которыми человек обладает, и способам использования этих ресурсов?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х. А. Каменный век Южной Аравии. М., 1991.
Амирханов Х. А. Каменный век Южной Аравии. М., 2006.
Любин В. П., Беляева Е. В. Новые данные о раннем палеолите Армении // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб, 2010.
Любин В. П., Беляева Е. В., Саблин М. В. Открытие раннепалеолитической стоянки в районе Нурнусского палеоозера (Центральная Армения) // Исследования первобытной археологии Евразии. Сб. к 60-летию Х. А. Амирханова. Махачкала, 2010.
Щелинский В. Е., Додонов А. Е., Байгушева В. С. и др. Раннепалеолитические памятники Таманского полуострова (Южное Приазовье) // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб, 2010.
Leakey M. D. Olduvai Gorge. Cambridge, 1971.
Lumley (de) H., Nioradze M., Barsky D. et al. Les industries lithiques préoldowayennes du début du Pléistocene inférieur du site de Dmanissi en Georgie // L'anthropologie. 2005. V. 109.
Sahnouni M., Heinzelin (de) J. The Site of Ain Hanech Revisited: New Investigations at this Lower Pleistocene Site in Northern Algeria // J. Archaeolog. Sci. 1998. V 25. № 11.
Torre (de la) I., Mora R. Technological strategies in the Lower Pleistocene at Olduvai beds I & II. Liege, 2005 (ERAUL – Études et Resherches Archeologiques de l'Universite de Liege; V. 112).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ДАГЕСТАНА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО РАССЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА¹

Резюме. В статье рассматривается современное состояние вопроса о первоначальном заселении человеком Евразии. Обобщение всех известных в настоящее время археологических материалов позволяет сделать выводы относительно времени начала расселения человека по земной поверхности, направлений и масштаба миграций, а также отражения этого феномена в развитии культуры эпохи олдована. После открытия в последние годы памятников на юге России (Дагестан и Приазовье) долголетний спор между сторонниками короткой и длинной хронологии первоначального заселения Европы можно считать законченным в пользу вторых. Сейчас можно обоснованно утверждать, что по крайней мере Юго-Восточная Европа была заселена около 2 млн. л. н. Один из путей первоначального заселения человеком Евразии пролегал вдоль западного побережья Каспийского моря.

Ключевые слова: олдован, первоначальное расселение человека в направлении Евразии, Кавказ, Приазовье, Юго-Восточная Европа.

Как любая фундаментальная проблема, проблема первоначального расселения человека стоит в центре внимания исследователей первобытности. Неслучайно ее изучение поддерживается не только национальными центрами, но и престижными международными научными фондами. В последнее время едва ли не каждый год в разных странах проводятся представительные конференции, посвященные разным аспектам этой проблемы. Успешные полевые исследования и теоретические разработки, имеющие широкий охват и опирающиеся на разносторонние данные естественных наук, включают здесь большой комплекс вопросов: время и пути расселения человека, механизмы и этапы первых миграций, характер и динамика географической среды, служивших фоном и влиявших на процесс начального освоения человеком новых пространств Земли.

Касаясь рассматриваемой темы, следует прежде всего напомнить, что к шестидесятым годам прошлого века в археологии и вообще в исторической науке о первобытности произошел огромный прорыв. Были радикально пересмотрены существовавшие ранее взгляды на время происхождения человека и начало его расселения по ойкумене. Как результат к начальной части археологической периодизации истории человечества была добавлена целая эпоха протяженностью более одного миллиона лет – в рамках от 2,5 до примерно 1,5 млн. л. н. Распространение памятников этой эпохи, получившей название олдован, поначалу ограничивалось восточным и южным регионами Африки.

Материалы, о которых идет речь, для российских ученых долгое время оставались далекой экзотикой, а мысль о возможности открытия подобных памятников за пределами Африки (и особенно так далеко на севере – на территории современной России) представлялась фантастической. В последнее десятилетие, однако, ситуация резко изменилась. На юге нашей страны – в Дагестане, Приазовье и Ставропольском крае – открыта группа памятников, которые и в культурном, и в хронологическом отношении принадлежат олдовану. Больше того, в Институте археологии РАН, а также в Институте истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН сосредоточены коллекции памятников олдована, относящиеся географически к трем континентам – Африке, Азии и Европе. Вряд ли в каком еще археологическом научном учреждении мира найдутся материалы с таким широким и разнородным набором. Автору посчастливилось быть причастным к открытию и изучению ряда памятников, из которых происходят

¹ Амирханов Х. А. Археологические материалы Центрального Дагестана в контексте проблемы первоначального расселения человека. Каменный век: проблемы, материалы, открытия (к 20-летию Отдела археологии каменного века ИА РАН) // КСИА. 2014. № 235. С. 3–13.

Доклад, сделанный автором на заседании Ученого совета Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН в ноябре 2013 г., подготовлен с использованием материалов, полученных частично при финансовой помощи РФФИ (грант 13-06-12005 офи_м).

указанные материалы. Это объясняет и выбор мною темы данного сообщения, и то, что в нем будет сделан акцент на материалах, имеющих отношение к первоначальному заселению человеком современной территории России. При этом задача здесь ограничена рассмотрением лишь археологического аспекта проблемы.

Итак, к моменту, когда российские исследователи получили возможность практических исследований данной проблемы, бесспорные памятники олдована оставались известными только на африканском континенте. Правда, время от времени появлялись сведения об открытии памятников или обнаружении разрозненных находок эпохи олдована на территории Евразии. Были публикации, посвященные единичным и невыразительным в типологическом отношении находкам в Нар эль Кебир в Сирии, артефактам в контексте апшеронских отложений на северо-западе Ирана, а также памятникам на территории Китая (например, Юаньмоу, Лунгупо). Но затем эти работы или не получали продолжения и забывались, или же исследователи отказывались от выводов о столь раннем их возрасте. В некоторых случаях ставилась под сомнение представительность самих археологических материалов. На этом фоне бесспорным памятником за пределами Африки, имеющим возраст, близкий к олдованскому, оставалась стоянка Убейдия в долине р. Иордан. Материалы этого памятника были датированы временем около 1,4 млн. л. н. и имели ашельский типологический облик. Это являлось указанием на то, что нижняя граница сменяющей олдован ашельской эпохи в Африке и на Ближнем Востоке совпадает и что в культурном отношении ближневосточный ашель имеет ту же подоснову, что и африканский.

Если обратиться к территории Европы, то в дискуссии о времени ее первоначального заселения в течение нескольких десятилетий преобладала точка зрения сторонников короткой хронологии. Господствовало представление о том, это событие произошло не ранее чем 800 тыс. лет назад. Убедительные данные, проливающие свет на эту проблему, были получены в ходе проводимых с конца 70-х гг. прошлого века исследований на территории Испании. Здесь на севере страны, в местности Сьерра де Атапуерка, известна группа многослойных пещерных памятников (Галерия, Гран Долина, Сима дель Элефанте, Сима де лос Уезос), содержащих археологический и палеонтологический материал. Эти объекты относятся к раннему и среднему плейстоцену. Особый интерес представляет то, что во всех названных пунктах обнаружены и палеоантропологические остатки. Для стоянки Гран Долина эти находки с возрастом около 800 тыс. л. н. определены как относящиеся к виду *Homo antecessor*. А костные остатки из стоянок Галерия и Сима де лос Уезос отнесены к гейдельбергскому человеку.

Среди названных памятников наиболее древнюю дату (1,2–1,1 млн. л. н.) имеет один из слоев (слой ТЕ 9) пещеры Сима дель Элефанте. Нижняя челюсть человека, обнаруженная в указанном слое, относится к виду *Homo antecessor*. Именно этот памятник на сегодняшний день считается самым древним для Западной Европы свидетельством первого появления человека на континенте. С точки зрения антропогенеза палеоантропологические материалы пещеры рассматриваются как показатель европейской линии антропогенеза, имеющей в своем начале прямые африканские истоки.

Все отмеченное выше не отрицает возможности существования на юге Европы памятников и более древних, чем те, о которых шла речь. В той же Испании, на юго-востоке страны, в местности Орсе, имеются местонахождения (пункт Барранко Леон 5), в которых каменные артефакты обнаружены в контексте с фауной, датирующейся временем ранее 1,2 млн. л. н. Имеются данные и об обнаружении немногочисленных каменных изделий (три нуклеуса и несколько отщепов) вместе с виллафранкской фауной в Южной Италии (местонахождение Пирро Норд). По составу ископаемой фауны этот пункт находок авторы публикации датируют временем ранее 1,3 млн. л. н. Названные местонахождения, так же, как и подобные им азиатские пункты, в строгих обобщениях часто не учитываются по причине, о которой выше уже говорилось. То есть материал, происходящий из археологических памятников, или слишком фрагментарен, или остаются недостаточно ясными обоснования возраста таких объектов.

Теоретически отнесение некоторых южноевропейских находок ко времени ранее 1,2 млн. л. н. допустимо. Вероятность этого косвенно подтверждает наличие на севере африканского континента памятника олдована, который пространственно близок к южной Европе и почти на полмиллиона лет старше самых древних материалов Атапуерки. Речь идет о стоянке открытого типа Айн Ханеш на севере Алжира. В последние годы установлено, что горизонты с доашельской индустрией этого памятника по палеомагнитным данным и фаунистическим отложениям датируются временем, близким к самым древним памятникам ущелья Олдувай в Восточной Африке, т. е. около 1,8 млн. л. н. А сама местная культура определяется исследователями как североафриканский вариант олдована.

Долгое ожидание полноценных стратифицированных памятников олдована за пределами Африки увенчалось успехом в 1983 г. в Южной Аравии. Это было результатом работ советско-йеменской экспедиции, организованной Академией наук СССР. Годом раньше произошло открытие стоянки Дманиси в Грузии. Этот поначалу мало кем замеченный факт спустя десятилетие стал восприниматься как яркое событие в первобытной археологии Евразии. Памятник дал, в частности, сенсационные находки в виде палеоантропологических остатков, относящихся к неизвестному ранее за пределами Африки виду человека *Homo Ergaster*.

Если говорить о Южной Аравии, то для археолога-палеолитоведа наиболее привлекательным являлся факт непосредственной близости ее к оконечности Северо-Восточной Африки, откуда происходят самые древние остатки и гоминид, и материальных свидетельств человеческой деятельности. Получив в начале 80-х гг. прошлого века возможность вести практические исследования на этой территории и исходя из концепции африканского происхождения человека, мы поставили себе задачу проследить процесс распространения человека и его культуры на территории, контактирующей с прародиной человечества.

Стратифицированные памятники олдована на юге Аравии составляют группу из трех многослойных стоянок пещерного типа. Один из этих памятников – пещера Аль-Гуза – исследован на всю глубину напластований, а два других – пещера Шархабиль и карстово-обвальный навес Аль-Амира – разведочными зондажами сравнительно небольшой глубины (3 м и 3,2 м соответственно). Все названные памятники сосредоточены в ущелье Аль-Гуза в Западном Хадрамауте. Тут имеется большое количество разнообразных карстовых образований, значительная часть которых дошла до настоящего времени в более или менее разрушенном состоянии. Не сохранилась полностью и пещера Аль-Гуза. От нее осталась только глубинная часть протяженностью около 3–4 м.

Общие технические и типологические оценки полученного здесь археологического материала сводятся к следующему: рассматриваемая индустрия относится к разновидности, определяемой обычно как галечная; для нее характерно отсутствие форм орудий, свойственных для следующей за олдованом стадией археологической периодизации – ашеля; весь набор каменного инструментария обнаруживает типологическое единство с соответствующими археологическими комплексами Олдувайского ущелья в Восточной Африке.

Коллекции культурных слоев пещеры дают возможность судить о функциональном типе представляемых ими памятников. Основанием для этого является разнородность инвентарей как с морфолого-функциональной, так и с технологической точки зрения. Существенно то, что здесь обнаруживаются вместе такие категории предметов, как запасы сырья для орудий, ядрища, заготовки орудий, законченные орудия, а также отходы производства. Все вышеуказанное позволяет рассматривать материалы указанных слоев в качестве остатков базовых стоянок, на которых проходила и бытовая, и производственно-хозяйственная деятельность людей.

Время заселения пещеры Аль-Гуза по сумме геологических, археологических, палеонтологических и палеомагнитных данных устанавливается предположительно в отрезке 1,65–1,35 млн. л. н. Не исключено, что реальный возраст памятника может быть древнее.

Таким образом, рассматриваемые материалы представляют Южную Аравию в качестве района, который был заселен в числе первых на пути древнейших людей из Африки на Азиатский континент. Они же фиксируют и одно из основных направлений миграционных волн в процессе первоначального расселения человечества.

Неожиданные и неординарные находки, относящиеся к рассматриваемой теме, были обнаружены в 2009 г. в ходе работ российской экспедиции на острове Сокотра в Индийском океане. Здесь была выявлена большая группа памятников олдована. Особый интерес вызывает то, что эти памятники оказываются расположенными на океанском острове.

Остров Сокотра расположен в северо-западной части Индийского океана и принадлежит Республике Йемен. В историко-геологическом отношении он является самым крупным островом одноименного архипелага, являющегося продолжением оконечности Африканского рога. Помимо самой Сокотры в этот архипелаг входят острова Абд эль-Кури, Самха и Дарса, а также еще два безводных скальных выступа. Протяженность Сокотры в длину составляет 125 км; в ширину – 42 км; площадь – 3650 кв. км. Расстояние до самого западного в этом архипелаге острова Абд эль-Кури от ближайшей к нему точки на африканском континенте – мыса Гвардафуй – 80 км. Расстояние от острова Сокотра до мыса Рас Фартак на аравийском побережье – 380 км.

С точки зрения ботанического районирования архипелаг является частью Северо-Восточно-Африканской нагорной и степной провинции. На Сокотре распространены элементы растительности, характерные для Афарско-Сомалийского региона Африки. В настоящее время на острове описано не менее 850 растений, из них 270 видов известны только там. Из-за столь масштабных проявлений эндемизма Сокотру часто называют галапагосами Индийского океана.

В зоогеографическом отношении остров относится к Восточноафриканской подобласти Эфиопской фаунистической области. В наше время представители крупных млекопитающих в диком виде здесь отсутствуют. Если не считать летучих мышей, то местные, коренные для острова виды млекопитающих неизвестны.

Геологическая история Сокотры является частью процессов, сопровождавших разделение единых прежде территорий Южной Аравии и Африканского Рога. Раскрытие Аденского залива и сопровождающее его опускание крупных блоков суши около 15 млн. л. н. приводит к отдалению архипелага Сокотра от материковых пространств. А в плиоцене, около 6–8 млн. л. н., происходит разделение островов самого архипелага и они обретают современные очертания.

Во время регрессий происходило существенное увеличение площади островов. В эти стадии Сокотра сливалась с другими островами архипелага (за исключением острова Абд эль-Кури) в единую сушу. Образовывался ли в такие отрезки непрерывный сухопутный мост между оконечностью Африканского Рога и Сокотрой – вопрос до конца не ясный. Но известно, что размах крупных регрессий достигал значений более ста метров глубины относительно современного уровня моря. И, даже если в такие моменты не образовывалась сплошная перемычка между континентом и островом, на поверхность воды в пределах архипелага должно было выступать множество мелких островов и скальных гряд, отделенных друг от друга мелководьем.

Основным результатом археологических работ на острове Сокотра явилось установление того, что преимущественно в устьевых частях трех вадии равнины (вади: Хажра, Динагхен, Хадибо) сосредоточены остатки большого количества стоянок древнекаменного века. Эти остатки стоянок выглядят как «пятна» скоплений каменных орудий на современной поверхности с повторяющимся и строго определенным типологическим составом, в котором господствуют чопперы – рубящие галечные орудия – в сочетании с пиками.

Шурф размерами 2×2 м, заложенный на одном из исследованных нами пунктов, со стратиграфической точки зрения не принес существенных результатов. Было установлено, что

мощность рыхлых отложений не превышает здесь 35 см. Единичные артефакты в виде искусственно расщепленных камней встречались на глубину до 10 см. Всего обнаружено 8 предметов. Они представлены отщепами, чешуйкой оббивки и обломками галек. К орудиям относится лишь один предмет – скребло на массивном галечном отщепе.

Главная интрига сокотрийских материалов связана с их датировкой.

Вопрос в том, как датируются данные памятники. В обычных условиях решение этого вопроса применительно к материалам, залегающим на современной поверхности, бывает проблематичным из-за отсутствия прямых данных для датировки. В нашем случае эта задача поддается решению, поскольку известны исходные для нее данные. Известно, откуда данный тип культуры мог проникнуть на остров и откуда не мог ни при каких обстоятельствах. Территорией исхода в данном случае могла быть только Северо-Восточная Африка. Это следует из данных геологической истории региона, о чем кратко говорилось выше. Что касается технико-типологических характеристик того типа культуры, который представлен вновь открытыми памятниками, то он мог распространиться сюда никак не позднее примерно 1,4 млн. л. н. В это время в Северо-Восточной Африке и на Ближнем Востоке олдован повсеместно сменился эпохой ашеля. Характерный для олдована типологический набор изделий с диагностичным для олдована технокомплексом на всей этой территории в последующие эпохи более никогда не повторялся.

Если вопрос о верхней границе времени первоначального заселения Сокотры является решаемым, то получить ответ на другой вопрос – как долго культура олдована могла здесь существовать – мы не можем. В отличие от Северо-Восточной Африки, Аравии и других, близких к острову территорий, на Сокотре – памятники следующих за олдованом эпох каменного века. Теоретически можно допустить, что данная культура на острове на какое-то время могла пережить свою эпоху. Но при постоянно скудных ресурсах, изолированности от мира и ограниченности территории острова люди вряд ли могли обеспечить себе выживание на протяжении десятков и сотен тысяч лет. Сокотрийцы помнят немало примеров того, когда даже в благополучном двадцатом веке голодовки и эпидемии единовременно уносили значительную часть населения острова.

Таким образом, Сокотра не оправдала свое название «обитель благодати» для первых обитателей острова. Тут мы сталкиваемся с очевидным примером тупикового пути в процессе первоначального расселения человечества по лику Земли и безуспешную (с точки зрения перспективы) попытку освоения древнейшими мигрантами новой территории.

В отличие от вышеописанного случая, в палеолитической ойкумене за пределами Африки были районы, которые не только оказались успешно освоенными еще в олдоване, но и сами выступили потом форпостами дальнейшего продвижения человека на просторы Евразии. Сказанное с полным основанием можно отнести к Кавказу. Как уже отмечалось выше, в самом начале 80-х гг. в Закавказье был открыт теперь уже знаменитый памятник олдована – стоянка Дманиси. Однако еще на протяжении четверти века после этого к северу от Главного Кавказского хребта следы памятников подобной древности оставались совершенно неизвестными. Большинство исследователей это воспринималось как показатель заселения Северного Кавказа, Предкавказья и, соответственно, и Юго-Востока Европы на миллион лет позже, чем Закавказья. На Северном Кавказе самые ранние (известные к этому времени) памятники, датировались временем не ранее 600 тыс. л. н., а на юге Восточноевропейской равнины – около 300 тыс. л. н.

На этом фоне в 2003 г. по инициативе академика А. П. Деревянко на Северном Кавказе и в Предкавказье были развернуты археологические исследования, нацеленные на выявление и изучение наиболее ранних памятников, материалы которых могли бы иметь не только региональную значимость.

Наиболее результативными поиски были в Дагестане. Здесь на приморской равнине, предгорьях и во внутренних, горных, районах была выявлена группа памятников эоплейстоцена и неоплейстоцена. К настоящему времени среди эоплейстоценовых памятников горного Дагестана наиболее изученными являются стоянки Айникаб 1 и Мухкай 2.

По геолого-геоморфологическому районированию указанные памятники приурочены к полосе среднегорий Внутреннего Дагестана. В орографическом отношении это вытянутая в направлении с ЮВ на СЗ межгорная впадина, окаймленная средневысокими горами. Северная часть района представляет собой характерную для среднегорий платообразную поверхность выравнивания со средними отметками до 1 500 м н. у. м. В центральной части впадины данная поверхность сохранилась в виде водораздела рек Акуша и Усиша. В общей системе ярусности поверхностей выравнивания горного Дагестана этот уровень относится ко второй (сверху) ступени, сформировавшейся ранее верхнеапшеронского времени.

В геологическом отношении изучаемый участок является останцом эоплейстоценового рельефа данного района того времени, когда акушинской котловины в ее современном виде еще не существовало. Представленная ныне участком плато и котловиной, эта территория была частью обширной равнины, приподнятой над уровнем моря примерно на 500–700 м с наклоном в сторону современного Каспийского моря. Тектоническая активность привела в плиоцене и раннем плейстоцене к относительной орографической изоляции описываемого района и образованию здесь межгорной впадины. Параллельно с этим шел врез рек Акуша и Усиша. Он сопровождался активной боковой эрозией бортов долин, что постепенно превратило межгорную равнину в водораздельную гряду в его современном виде. В раннем плейстоцене эти процессы имели уже достаточно выраженные проявления.

Материалы культурных слоев изучаемых объектов представлены богатыми и представительными коллекциями каменных изделий, фаунистическими и палеоботаническими остатками и в одном случае, по-видимому, остатками кострища. При многодисциплинарном характере исследований имеющийся состав находок позволяет не просто осветить картину древнейшей культуры изучаемой территории, но показать ее на фоне конкретных ландшафтных реконструкций. Полученные данные имеют прикладное значение для четвертичной геологии, палеозоологии и палеоботаники Северо-Восточного Кавказа в целом.

Археологические материалы стоянок Айникаб I и Мухкай I безупречны со стратиграфической точки зрения и очень выразительны в археологическом отношении. Они позволяют говорить впервые со всей определенностью, что непосредственно на границе Юго-Востока Европы отсчет исторического процесса нужно начинать не с ашельской, а с предшествующей – олдованской – эпохи.

Индустрия олдована исследованных объектов Центрального Дагестана характеризуется следующими основными показателями:

- 1) близость памятников к выходам кремневого сырья;
- 2) эпизодическое (?) использование известняка и кварцита в качестве сырья, при том, что индустрия базируется на кремне;
- 3) структурированность инвентаря; категориальная, типологическая и функциональная разнородность орудий, составляющих коллекции;
- 4) соответствие индустрии определению «технокомплекс чоппера и пика»;
- 5) очевидное господство в коллекциях чопперов над другими категориями орудий при полном отсутствии рубил; типологическое разнообразие чопперов;
- 6) примерно равная представленность чопперов односторонних и двусторонних;
- 7) наличие выразительных поперечно-двулезвийных форм;
- 8) высокий процент массивных чопперов;
- 9) содержание в коллекциях «мелкоразмерных» орудий.

Датировки стоянок Айникаб 1 и Мухкай 2 базируются на комплексе разнородных и согласующихся друг с другом данных. Общий историко-геологический взгляд на датировку изучаемого памятника основывается на признании хроностратиграфической значимости таких горных морфоструктур, как поверхности выравнивания. Базальная часть поверхности выравнивания, в которой, как и в ее верхней части содержатся отложения

с археологическим материалом, по геологическим данным датируется эоплейстоценом и в его пределах пред-верхнеапшеронским временем (т. е. ранее 1,2 млн. л. н.).

В. М. Трубихиным было проведено палеомагнитное изучение образцов из верхней части разреза стоянки Мухкай 2 в пределах глубин 03–24 м. На глубине 4 м и в промежутке от 8 до 14 м глубины в зоне общей отрицательной полярности четко выявлено два интервала с положительной намагниченностью. К началу и концу второго из выделенных эпизодов примыкают при этом зоны переходов полярности. Этот факт вместе с большой мощностью отложений, которые демонстрируют здесь указанный тип полярности, служит аргументом для определения данного палеомагнитного эпизода как Харамильо (0,99–1,07 млн. л. н.). Дополнительным доказательством этому может служить факт обнаружения упомянутых выше остатков органикостенного фитопланктона выше границы данного эпизода с положительной полярностью. Соответственно, вышележащий уровень положительной полярности должен рассматриваться как Камикатсура (0,85 млн. л. н.), так как вся исследуемая толща относится к эоплейстоцену.

Палеомагнитное изучение продолжения рассматриваемого разреза вглубь (от 24 м до 34 м) осуществлялось В. В. Семеновым. Из 28 микроуровней 10-метровой толщи разреза им изучено 57 образцов. В результате этого анализа установлено наличие интервала прямой намагниченности в слое 61 разреза (глубина ок. 27 м от современной дневной поверхности) на фоне обратной полярности как выше, так и ниже этого уровня.

Таким образом, ниже уровня Харамильо в разрезе обнаруживается другой эпизод прямой намагниченности. Пока мы не можем сказать с определенностью о том, с каким из уровней общей палеомагнитной шкалы он может быть сопоставлен. Если бы отсутствовали другие корректирующие данные, выбор здесь мог бы быть между эпизодами Кобб-Маунтин, Гилса или Олдувей. Однако, учитывая, что слой 80 разреза рассматриваемого памятника содержит остатки, фауны, датирующейся временем ранее 1,95 млн. л. н. (например, грызуны рода *Mimomys*), наиболее вероятным является определение его как олдувейского.

Материалы, претендующие на глубокую древность, обнаружены и в предгорной зоне Дагестана. Речь идет о памятнике Рубас 1 в средней части долины одноименной реки. Согласно традиционным представлениям об исторической геологии плиоцен-плейстоцена данного региона, материалы памятника залегают в отложениях, сформировавшихся во время бакинской трансгрессии. Исследователи памятника допускают возможность датировки этого пункта гораздо более ранним временем – акчагыльским. Раскопки в настоящее время еще продолжаются, и в ходе их возможно получение новых данных, проясняющих этот вопрос.

Нужно отметить, что при всей их важности находки олдована в Центральном Дагестане не являются для Северного Кавказа и Предкавказья исключительными. Детали вопроса об общей абсолютной датировке некоторых из изучаемых пунктов находятся еще в стадии изучения. Однако в обобщенном, стадийном плане принадлежность к олдовану по крайней мере трех памятников в Приазовье (Богатыри, Родники, Кермек) и одного пункта на Ставропольской возвышенности (Жуковский карьер) не может вызывать сомнений. Из Жуковского происходят единичные кремневые артефакты, обнаруженные в стратиграфическом контексте вместе с остатками раннеплейстоценовой фауны. Что касается приазовских материалов, то они предоставляют полноценные коллекции каменного инвентаря, пригодные для детального типологического и технологического анализа. Сравнительный анализ этих коллекций показывает максимальное сходство их основных показателей как друг с другом, так и с характеристиками синхронной им в стадийном отношении индустрии Северо-Восточного Кавказа (Центральный Дагестан).

В настоящее время актуальным становится тщательное типологическое изучение рассматриваемых материалов во всей их полноте. Но этому должна предшествовать детальная публикация коллекций памятников. Активные работы по поиску и изучению памятников олдована, осуществляемые как на российском Кавказе, так и на территории

закавказских стран (особенно активно эти работы ведутся в Армении), продолжают. Они позволят в скором будущем описать характер развития культуры олдована и раннего ашеля в регионе, который всегда играл важную роль в общеисторическом процессе Евразии, а в ходе первоначального расселения человека, как выясняется, служил восточными воротами Европы.

Обобщение всех известных в настоящее время археологических материалов позволяет сделать выводы, которые имеют отношение к проблеме времени начала расселения человека по земной поверхности, направлений и масштаба этих перемещений, а также особенностям отражения этого феномена в развитии культуры эпохи олдована. Основные из этих выводов могут быть сформулированы в следующем виде:

- активное первоначальное расселение человека в сторону Евразии началось не позднее чем около 2 млн. л. н. и шло из Северо-Восточной Африки в трех направлениях: южноаравийском, ближневосточном и южnosредиземноморском;
- характер первоначального расселения носил не линейный, а дисперсный характер, т.е. это были не ограниченные чем-то и строго направленные перемещения групп людей, а их рассеивание в пространстве;
- в ходе первоначального расселения имели место и безуспешные попытки обретения новой родины. Они заканчивались полным исчезновением отдельных групп первобытного человечества (пример – о. Сокотра);
- после открытия в последние годы памятников на юге России (в Дагестане и Приазовье) многолетний спор между сторонниками короткой и длинной хронологии первоначального заселения Европы можно считать законченным в пользу вторых. Сейчас можно говорить обоснованно, что по крайней мере Юго-Восточная Европа была заселена около 2 млн. л. н.
- один из путей первоначального заселения человеком Евразии пролегал вдоль западного побережья Каспийского моря. На значительной части восточноевропейской равнины развитие культуры человека и начало регионального исторического процесса в целом связано с проникновением сюда первых человеческих коллективов по «прикаспийскому коридору».

Archaeological materials from Central Dagestan and the problem of initial human settling

H. A. Amirkhanov

Abstract. The paper considers the present-day state of the problem of initial human settling in Eurasia. General overview of the array of now available archaeological materials brings us to a series of conclusions concerning the time when man had first started settling over the earth surface, the trajectories and scale of these shifts, and the way the discussed phenomenon is reflected in development of the Oldovan culture. A number of conclusions are formulated. 1. Active initial settling of man toward Eurasia had begun not after 2 million years ago from North-eastern Africa by three directions – to South Arabia, the Near East and the South Mediterranean. 2. The process of initial settling took not linear, but dispersed character. 3. The process included unsuccessful attempts of gaining new motherland as well. 4. Recently discovered sites in Southern Russia (Dagestan and the Azov Sea region) have put an end to the long-term controversy between adherents of the short and long chronologies of the initial human settling in Europe in favour of the second one. At present it seems fairly grounded that at least South-eastern Europe was settled around 2 million years ago. One of the routes used by man, when settling over Eurasia led along the western Caspian coast.

Keywords: Oldovan, initial human settling toward Eurasia, Caucasus, Azov Sea region, South-eastern Europe.

H. A. Amirkhanov, Ozherelyev D.V., Yu. N. Gribchenko,
M. V. Sablin, V. Trubikhin, V. V. Semenov

EARLY HUMANS AT THE EASTERN GATE OF EUROPE: THE DISCOVERY AND INVESTIGATION OF OLDOWAN SITES IN NORTHERN CAUCASUS¹

Premiers hommes de la porte orientale de l'Europe. Recherches et découvertes sur les sites d'Oldowan, Nord du Caucase

Abstract. This article presents the results of excavations and multidisciplinary investigations of the extraordinary Oldowan site of Muhkai II in the northern Caucasus (Republic of Dagestan, Russia) from 2008 to 2012. Archaeological and palaeontological materials are summarized together with data from palaeomagnetic and palynological analyses, obtained from 34 cultural layers at the site. This gives an opportunity for a new approach to the question of the timing and route of the first human settlement of the middle latitudes of western Eurasian, including south-eastern Europe. Judging by the data obtained, this occurred around 2 million years BP and a route of migration was located along the western shore of the Caspian Sea.

Keywords: The North Caucasus, Early Pleistocene, Oldowan, Fauna, Paleomagnetic dating, Early Humans.

Résumé. Cet article présente les résultats de fouilles et de recherches multidisciplinaires sur le site extraordinaire Muhkai II d'Oldowan, dans le Nord du Caucase (république du Dagestan, Russie) de 2008 à 2012. Les matériaux archéologiques et paléontologiques, de même que les résultats d'analyses paléomagnétiques et palynologiques obtenus à partir de 34 niveaux du site, sont ici présentés. Tout ceci fournit l'opportunité d'une nouvelle approche à propos de l'itinéraire et de l'époque des premiers peuplements humains dans les moyennes latitudes de l'Europe occidentale, incluant l'Europe sub-orientale. D'après les résultats obtenus, leur.

Mots clés: Caucase Nord, Pléistocène inférieur, Oldowan, Faune, Datation paléomagnétique, Premiers hommes.

1. INTRODUCTION

Three decades ago the discovery of Dmanisi in the western Eurasia reliably established the earliest traces of human settlement in southern Eurasia, where remains date back to ca. 1.85 million years BP (Ferring et al., 2011). Also there was other evidence of human presence in this region even earlier than Dmanisi (Ronen, 2006). Regarding the North Caucasus and the steppes of the North Caucasus piedmonts, the region has been the gateway from western Asia to south-eastern Europe since the remote past, but Lower Palaeolithic archaeological sites were unknown there until recently. It was considered self-evident that «À l'est, nos ancêtres arrivent à Dmanisi, à 1,7 Ma maximum [...] mais ils ne dépassent pas le Caucase puisque derrière ces montagnes les biotopes sont très différents et la température plus froide. Ce qui explique l'absence de fossiles au nord du Caucase datés du Pléistocène inférieur» (Jibert et al., 2008).

In this context, the discovery and investigation of Early Palaeolithic sites in northern Caucasus (Amirkhanov, 2007; Amirkhanov et al., 2012) are important scientific events of the last decade. As a result, the Oldowan, the longest archaeological epoch, can be included in the earliest prehistory of this region for the first time. From the view of general human history, the results of these multidisciplinary researches have shown that the historical process in the region began one million years earlier than was previously recognized. Equally importantly, the material discovered sheds new light on the question of the chronology and route of the initial dispersal of people from their ancestral home – East Africa – to Asia and south-eastern Europe.

¹ Amirkhanov H. A., Ozherelyev D. V., Gribchenko Yu. N., Sablin M. V., Trubikhin V., Semenov V. V. Early Humans at the eastern gate of Europe: The discovery and investigation of Oldowan sites in northern Caucasus // *Palevol*, 2014; vol. 13, issue 8. P. 717–725.

Fig. 1. Location of Dmanisi and Muhkai II sites

Fig. 1. Localisation des sites Dmanisi et Muhkai II

Regular excavations aimed at searching for Early Palaeolithic sites in the North Caucasus were begun in 2003 by expeditions from the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (RAS) in Moscow and the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of RAS (Novosibirsk). In 2009 the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Centre of RAS (Makhachkala) joined the project and since then has actively participated in the investigations.

The most impressive results of the decade-long archaeological researches were obtained from the territory of Dagestan (Fig. 1). It must be stressed that in the central mountainous part of the region no Palaeolithic sites with finds originating from an undisturbed geological context were previously known. However, ten sites containing archaeological material deposited in layers with excellent stratigraphy have now been discovered and are under investigation. An indirect result of this archaeological research is the fact that specialists in related sciences (such as geomorphology, palynology, palaeozoology, palaeopedology, and magnetostratigraphy) have at their disposal first-rate data from the region, which has remained practically unstudied by modern science.

The investigations are multidisciplinary in nature. The use of a range of scientific analytical methods has enabled us to obtain various data, which shed light on the sites' chronology, the formation of geological and archaeological layers, and the environmental and climatic characteristics of the period when early humans inhabited the territory. These data include palaeozoological and palaeobotanical materials essential for establishing the chronology of the phytoplankton remains, and the results of palaeomagnetic, palynological and sedimentological analysis. These studies have not been completed, since we have not yet finished sampling of the site's sediments. Nevertheless, the available data allow us to shape an idea of the principal characteristics of the site, concerning its chronology, material culture and the environmental conditions during the period of formation of its cultural deposits. The results of these studies have been partially published in publications in Russian (Amirkhanov, 2007, 2010, 2012; Amirkhanov and Ozherel'ev, 2011; Amirkhanov et al., 2012). But until now there was no publication summarizing the results from all the excavations, and especially taking into account data from the 2011 and 2012 excavations. This article largely rectifies this state of affairs.

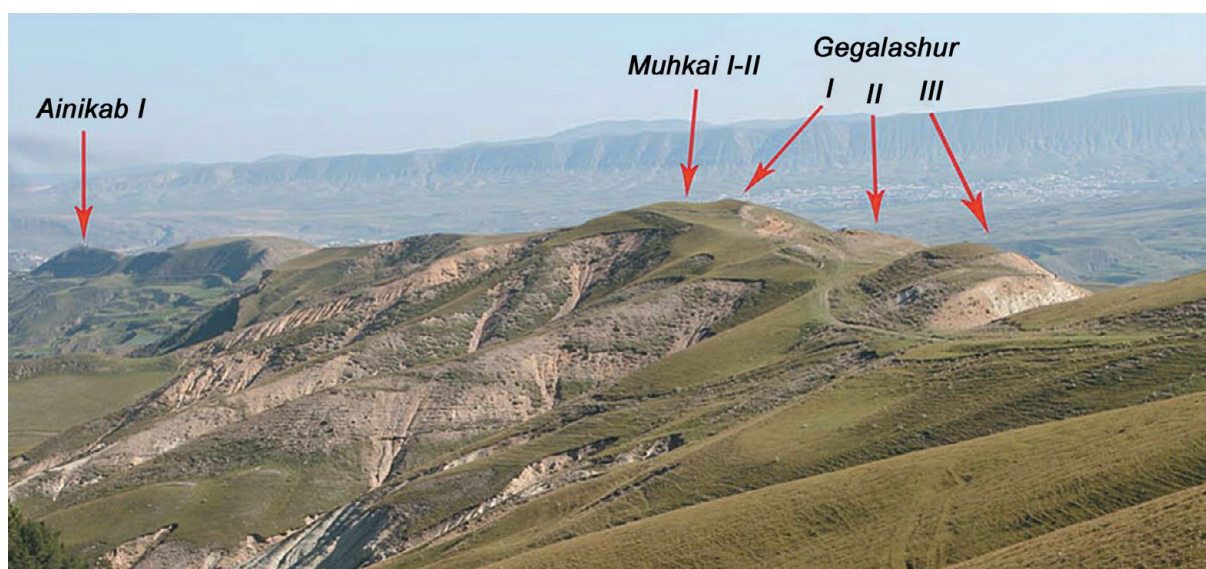

Fig. 2. Relative positions of the Muhkai and Gegalashur groups of sites
Fig. 2. Positions relatives des groupes de sites de Muhkai et Gegalashur

2. METHODS

While studying the site of Muhkai II, palaeomagnetic, palynological and palaeontological as well as archaeological methods were employed.

Samples from 74 microlevels of the section of Muhkai II from depths of up to 34 meters below the modern ground surface were used for palaeomagnetic analysis. To separate the most stable (primary) component of natural remanent magnetization (NRM– \ln^0) the samples underwent temperature cleaning (heating in unmagnetic space in 50 °C increments up to 600 °C and in 30 °C increments between 300–400 °C). Natural remanent magnetization was measured using the spin magnetometer JR-6 in the Palaeomagnetism Laboratory of the Geological Institute, RAS (Moscow).

Palynological analysis was carried out in accordance with standard procedures based on a modified Grichuk method. 64 samples were studied, deriving from the section at depths of up to 25 meters below the modern ground level.

Paleontological studies were performed in accordance with the usual approaches used for identification of osteological material based on morphological study.

3. RESULTS

3.1. General geological characteristics

The Early Palaeolithic sites under discussion are Ainikab I–V, Gegalashur I–III and Muhkai I–II (Fig. 2). They are located in the Akusha District of the Republic of Dagestan, Russian Federation. The area consists of a large intermontane basin. The valleys of the rivers Akusha and Usisha are the major landforms here. Both rivers flow northward and have their confluence approximately three kilometres to the north of the village of Akusha, and further on flow into the Kazikumukh Koisu River – a tributary of the Sulak. The watershed of the rivers Akusha and Usisha forms a mountain range, running from the South to the North of the basin along its longitudinal axis, and which is the dominant landform of the Akusha basin. The watershed altitude in the surveyed area averages 1500–1600 m above sea level (Vardanyants, 1943). The Earliest Palaeolithic sites of the region are mostly associated with the watershed deposits.

Three of the sites are currently under excavation. These are Ainikab I, Muhkai I and Muhkai II. The latter is the best studied to date. The Early Pleistocene loose deposits here are 78 m thick. By 2012, the depth of investigated deposits reached 56 m below the surface, containing 30 cultural horizons bearing artefacts, mostly stone tools. Within the investigated part of the section there were two bone-containing horizons and at least three levels of ancient soil formation. The cultural remains were associated with different levels of the section, and, consequently, represented different time periods, providing a rare opportunity to study the process of cultural development over a period of nearly one million years within the Early Pleistocene.

Taking into account data from both the excavated part of the section and natural exposures nearby, we conclude that the whole mass of deposits of the geological formation under consideration consists of three massive beds. The uppermost and lowermost beds (14 m and 29 m thick respectively) are formed mostly of coarse-sized material, waterworn to various degrees. In contrast, the middle part of the section (about 14 m thick) consists mostly of fine soil layers, varying from clayey-loam and loam to sandyloam sediments. Evidently, the upper and lower sediment beds are of proluvial and fluvioglacial genesis. However, in the formation of the middle fine-grained soil bed eluvial processes (the decomposition of limestone and its transformation into the clay fraction) and the accumulation of wind-borne deposits were crucially important.

Detailed laboratory investigations of the site's sequence are continuing. Studies of sedimentation processes, lithological composition, granulometry, magnetometry and magnetostratigraphy are being carried out in the Geological Institute, RAS and in the Institute of Geography, RAS. Only after the studies are completed shall we be able to present a generalized lithological characterization of the investigated deposits. At present we can state with confidence that within the depth of 57 m from the ground surface 118 lithologically heterogeneous horizons can be determined, which together form the three above-mentioned beds. Thirty horizons contain archaeological remains. As mentioned above, the artefact-bearing deposits continue below the level reached by the excavations, and we are confident that the number of cultural horizons will increase considerably after the stratigraphical trench is finished.

When discussing the correlation of geological and cultural layers, an important fact should be mentioned. Namely, the cultural deposits in the section (and in the sections of the other neighboring sites-Ainikab I and especially Muhkai I) are mostly associated with the layers formed of coarse-size material, whilst the horizons of exclusively fine-soil genesis contain no or extremely rare archaeological finds. In one case an animal bone (horse maxilla) was found in such a context.

The overwhelming majority of cultural horizons were revealed in the 1 m-wide sondage (Fig. 3). In several cultural layers, an area of 20–26 m² was excavated. The density of finds varies between layers. In some cases the number of finds does not exceed ten items per square meter, but quite often this index reaches some tens of artefacts. Layers 25, 34, and 80, among others, are especially rich in cultural remains.

Fig. 3. Muhkai II. The middle part of the stratigraphical trench

Fig. 3. Muhkai II: partie moyenne de la fosse stratigraphique

Fig. 4. Muhkai II, layer 80. The flint tool finds are marked by small red spots

Fig. 4. Muhkai II: niveau 80. Les découvertes d'outils en silex sont matérialisées par de petits points rouges

3.2. Archaeological remains

Layer 80 is of special interest archaeologically. It lies at a depth of 34 m below the surface, and by 2012 26 m² had been excavated.

Judging by the archaeological and faunal remains discovered in the layer, as well as from the landform restored in the course of the excavations, the ancient inhabitants of the site represented by level 80 lived on the shore of a small natural dam, or a small lake that began as a wide water-eroded gully. Traces of tool production and, probably, domestic activity in the excavated area are concentrated around the lake. The cultural deposit beyond the water body does not exceed 10 cm in depth, taking into account its taphonomic changes (Amirkhanov and Ozherel'ev, 2011; Ozherel'ev, 2010, 2012).

The planigraphical distribution of flint objects within the excavated area shows a clear regularity (Fig. 4). Lithic finds are densely concentrated around the water body: 15 items per square metre on average. By contrast, bones are deposited within the depression. Several big tubular bones are oriented along the lake axis. However, few bones show uniformity in their orientation. The bones are mostly deposited horizontally. Those located close to the depression's edge accurately follow the bank slope. The water body shore is well distinguished by differences in sediments: the depression formed in greyish clay, and was then filled up with brownish loam.

In total the excavated area of layer 80 has yielded 892 flint artefacts not including small flakes and retouching flakes. Flint is of local origin and is the only type of raw material used for production of all tools of the collection obtained from the layer under consideration. Flint could have originated from the proluvial sediments near the site in the form of redeposited nodules and their fragments. The primary outcrops of flint of that kind were probably located 1–2 km from the site in the slope exposures of the Cretaceous limestone ridge.

Fig. 5. Bifacial pointed chopper. Muhkai II

Fig. 5. Chopper biface pointu. Muhkai II

In terms of general statistics, the most numerous categories are ordinary blocks, blocks with removals which do not form tools of morphologically definite shapes, and nodules with single removals. The total number of such objects makes up nearly 63% of the collection. Such a high rate of objects which must formally be attributed to waste products should be explained by the low quality of the raw material. The flint used at the site was highly fractured and contained numerous internal cavities.

The excavations of the site are not yet finished; therefore the typological investigation of the lithic artefacts has not been completed either. At present we must restrict ourselves to outlining the most general statistical and typological features of the collection. With that in mind, we may state that in layer 80 the proportion of tools (defined as objects that acquired morphologically definite shape after purposeful processing), is slightly over 10% of all finds. Approximately 30% of them are tools produced on nodules and blocks. These are mostly choppers of three types: unifacial, bifacial and double-edged unifacial (Figs. 5 and 6). This category also includes single picks (Fig. 6) (Amirkhanov, 2006, 2010, 2012; Leakey, 1971).

In the collection the objects made on flakes occupy a noticeable but not particularly significant place in relation to tools made on nodules. Common small scrapers and spurred scrapers are of morphologically definite appearance. Flakes with partial retouch at the side are rather numerous. However, as they lack a completely worked form, it is difficult to attribute them to any particular tooltype (Fig. 6).

Overall, the great number of finds, their rather dense distribution, as well as the typological, technological and functional diversity of the flint artefacts give grounds for defining the discussed site as a base camp, where early people's tool production and domestic activity took place. With regard to the general cultural stage characterized by the stone industry, it fits the Classical Oldowan.

3.3. Faunal remains

The collection of remains of large mammals from layer 80 of the Muhkai II site includes 301 bones; 181 bones have been identified and 120 (60.1% and 39.9% of the total) are unidentified. Most unidentified items are fragments of long bones. Besides the bones of large mammals, the skeletal remains of amphibians, reptiles, rodents, and shells of small land molluscs were found, as well as the bones of fresh water fish. The remains of small mammals are of special interest; this category of finds deserves special publication after detailed study is completed.

Palaeontological remains from the discussed layer were concentrated in the clay deposits, which filled up the above-mentioned depression. Only a small part of it was preserved and it was almost completely excavated. The majority of bones had a coating of thin clay material. This clay material filled the depression and did not extend beyond its limits.

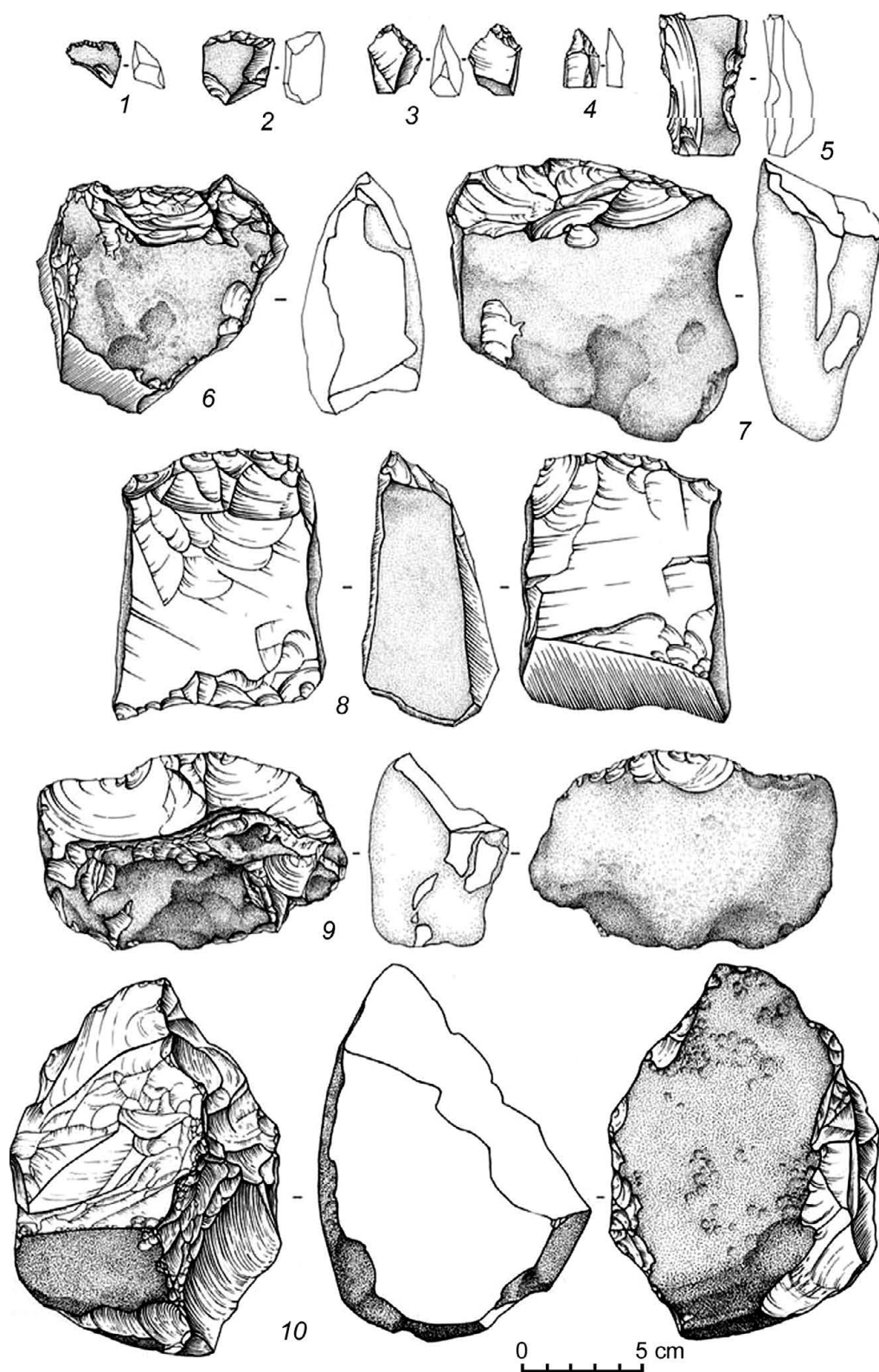

Fig. 6. Muhkai II. Examples of flint tools

1–4 – microtools (microscrapers, micropoints); 5 – partially side-retouched flake;
6–9 – choppers (different types); 10 – pick

Fig. 6. Muhkai II. Exemples d'outils en silex

1–4: micro-outils (micro-grattoires et micro-pointes); 5: éclat à côté partiellement retouché;
6–9: choppers de différentes tailles; 10: pick

Table 1. Large mammals from layer 80 of site Muhkai II.
Tableau 1. Grands mammifères du niveau 80 du site Muhkai II.

Species	NISP	MNI
<i>Canis etruscus</i>	5	1
<i>Vulpes alopecoides</i>	8	1
<i>Pliocrocuta perrieri</i>	5	2
<i>Megantereon cultridens</i>	2	1
<i>Archidiskodon meridionalis</i>	1	1
<i>Equus (Allohippus) stenonis</i>	70	6
<i>Palaeotragus priasovicus</i>	3	1
<i>Eucladoceros senezensis</i>	51	9
<i>Gazellospira torticornis</i>	18	2
<i>Gallogoral meneghini</i>	18	2
Total number of identified species	181	26
Total number of unidentified species	120	
	Coprolites	
Hyaenidae gen.	4	

NISP: number of identified specimens; MNI: minimum number of individuals.

The palaeontological findings from the concerned layer are sufficient to reconstruct in detail the environmental situation in this region at the time of the site's occupation. It looked like savannah steppe dotted with basins of lake type and small insulae of forest vegetation. The climate was warm and humid, and the site was situated approximately 500 m above sea level, rather than the present 1600 m.

The material under consideration is also of great importance from another perspective: it provides an opportunity to establish the chronology of the discussed part of the site's cultural deposits. It is highly significant that the suggested dating can be verified by the cross-checking of data from the osseous remains of small mammals obtained from the site and especially with the results of palaeomagnetic analysis.

The studied material does not include entire animal skeletons, which means that the site of Muhkai II should not be regarded as a place of animal mass death caused by mudflows or floods. At the same time, some bones are preserved in anatomical order. Consequently, we may conclude that not only separate bones were deposited, but also fragments of animal limbs bearing muscles and sinews. After the limb fragments had been buried in the silt, their parts did not change their positions in relation to one another. Notably, in the bone-containing layer the remains of different animal species were deposited in succession (Amirkhanov et al., 2012).

The palaeontological material from Muhkai II is presented in Table 1.

To date the total number of identified animal individuals from the site of Muhkai II totals 26, including four species of carnivorous mammals and six species of herbivorous mammals (Fig. 7). The dominant species are those inhabiting open and semi-open landscapes. In the palaeontological collection bones of *Equus (Allohippus) stenonis* (38.7%) and *Eucladoceros sp.* (28.2%) predominate, together constituting 66.9% of the total number of identified bones. Both species of ungulate animals are normal for savannah landscapes (Kaiser and Croitor, 2004). It is evident that the faunal remains from Muhkai II do not include representatives of the forest landscapes proper, but there is a resident of the foothills – *Gallogoral meneghini*. It is worth mentioning in particular that early humans had to compete for bioresources (meat of ungulate animals) with large savannah predators that lived nearby – the ancient hyena *Pliocrocuta perrieri* and the sabre-toothed cat *Megantereon cultridens*.

In Europe the remains of *Gallogoral meneghini* have not been recorded in deposits dated before 1.76 Ma (Cregut-Bonnoure, 2007). *Equus (Allohippus) stenonis* has not been found in deposits younger than 1.6 Ma (Kotsakis et al., 2008), and the remains of small foxes are not known in deposits younger than 1.5 Ma (Martínez-Navarro et al., 2009; Petrucci et al., 2009).

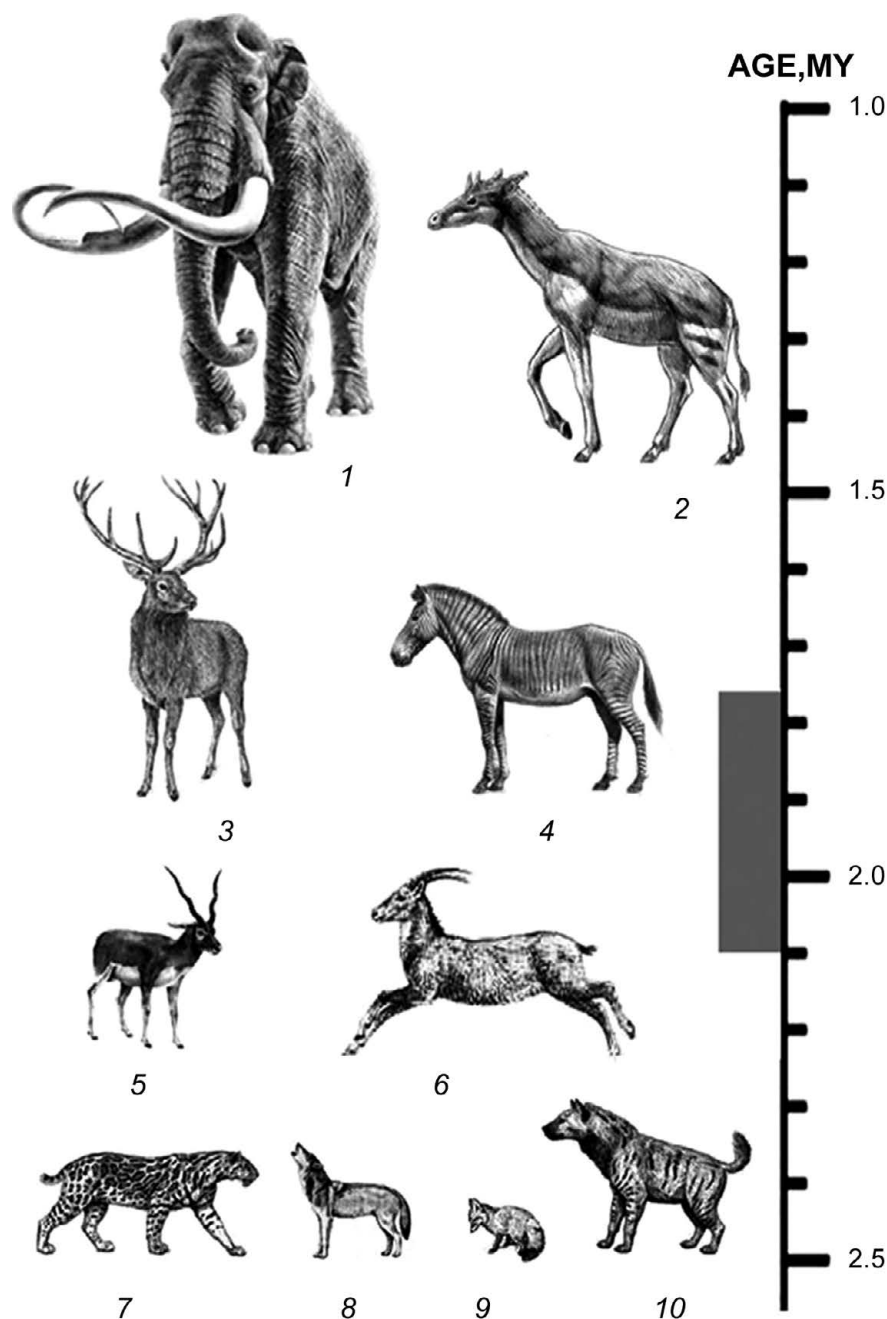

Fig. 7. Large mammals from layer 80 of Muhkai II

1 – *Archidiskodor meridionalis*; 2 – *Palaeotragus priasovicus*; 3 – *Eucladoceros senezensis*;
4 – *Equus (Allohippus) stenonis*; 5 – *Gazellospira torticornis*; 6 – *Gallogora meneghinii*;
7 – *Megantereon cultridens*; 8 – *Canis etruscus*; 9 – *Vulpes alopecoides*; 10 – *Pliocrocuta perrieri*

Fig. 7. Grands mammifères du niveau 80 de Muhkai II

1 – *Archidiskodon meridionalis*, 2 – *Palaeotragus priasovicus*, 3 – *Eucladoceros senezensis*,
4 – *Equus (Allohippus) stenonis*, 5 – *Gazellospira torticornis*, 6 – *Gallogora meneghinii*,
7 – *Megantereon cultridens*, 8 – *Canis etruscus*, 9 – *Vulpes alopecoides*, 10 – *Pliocrocuta perrieri*

Generally, the mammal fauna from Muhkai II is similar to the faunal suites from the sites of Puebla de Valverde (Spain), Saint-Vallier and Senez (France), Costa S. Giacomo and Olivola (Italy), Liventsovka (Russia), Palan-Tukan and Dmanisi (Transcaucasia), which existed in the period of 2.1–1.76 Ma (Guérin et al., 2004; Lordkipanidze et al., 2007; Palombo and Sardella, 2007; Roger et al., 2000; Sablin, 1990, 2011; Sablin et al., 2010; Sinusia et al., 2004).

3.4. Pollen analyses

The samples were studied at the Geological Institute, RAS by N. Yu. Filippova (5 samples from the layers excavated at a depth of 3.47–19 m from the watershed edge) and by G. N. Shilova (21 samples from the top 8.5 m of the section). The principal pollen analysis work is yet to be carried out. The data available now characterize only separate parts of the section, and should therefore be considered preliminary. However, they are rather informative. According to N.Yu. Filippova's results, the pollen spectrum of the studied samples shows much similarity with materials from the Akchagyl-Apsheron deposits in the northwestern Caspian Sea region (dating back to the Late Pliocene-Early Pleistocene).

3.5. Phytoplankton remains

Samples taken from layer 9 (depth 4.37 m) were studied by N.Yu Filippova. She found remains of organic-walled phytoplankton (dinocysts), which are a variety of *Spiniferites ramosus*-group (of Pannonian type), and proximate indeterminate cysts. The researcher has come to the conclusion that «the presence of organic-walled phytoplankton in sample M-28 attests to the basin genesis of the rocks of that period». Details of the remains found and their habitat ranges suggest that in the area studied there existed a basin with brackish water. Taking that into consideration, the basin could be related to one of the episodes of the Akchagyl-Apsheron period, but not later.

These data are of special significance for establishing the chronology of the corresponding layers. Regardless of the genesis of the deposits in this part of the section, the presence of *Spiniferites* species typical of the Akchagyl-Apsheron deposits in the north-western Caspian Sea region indicates their chronological position. It is clear that even when the most rigorous criteria are applied to the interpretation of the obtained data we are dealing with a time period no later than the Early Pleistocene.

3.6. The data of palaeomagnetic analysis

The palaeomagnetic investigation of the samples taken from the upper part of the section (depth 1–24 m) was carried out by V.M. Trubikhin. Two intervals with positive magnetization were clearly present within the zone of general negative polarity at a depth of 1 m and between 6–12 m in depth. Notably, polarity transition zones adjoin the beginning and the end of the second revealed episode. This fact and the thickness of the deposits demonstrating negative polarity are convincing arguments for defining this palaeo-magnetic episode as the Jaramillo (0.99–1.07 Ma). The above-mentioned remains of organic-walled phytoplankton discovered above the boundary of the episode with positive polarity may be regarded as complementary evidence of this fact. Hence, the overlying level with positive polarity can be considered Kamikatsura (0.85 Ma) with a high degree of confidence.

The palaeomagnetic study of the discussed section down to the depth from 24 to 34 m was conducted by V.V. Semenov (the Institute of Geography, RAS). In total, 57 samples from 28 micro-levels from a 10 m thick section were analysed. As a result, steady reversed polarity was revealed in layer 61. An interval of normal polarity can be confidently defined: declination varies within the range 38°–345°; and inclination covers the range 57°–74°. The top and bottom boundaries of this interval are sharply expressed. All underlying deposits studied to present as far as layer 80 show reversed magnetization.

Thus, in the section below the Jaramillo level one more episode of normal polarity has been reliably established. At present it is impossible to relate it with one or another level of the general palaeomagnetic scale. Taking into account the available data of faunal remains from layer 80, it most probably correlates with the Gilsa or Olduvai episodes (1.95–1.82 Ma). A comprehensive chronostratigraphy of the site will be established after investigations are completed, in particular, after study of the microfaunal remains excavated in 2012. We must remember that half the Muh-kai II section remains un-studied from a palaeo-magnetic perspective.

Our immediate task for the near future is the investigation of the basal part of the section of the site's geological deposits. Future research will establish the chronology and origin of the culture represented at Muhkai II and a number of similar sites in north-eastern Caucasus. According to the information now at our disposal based on the incontestable data presented above, its dating to a period no later than 2–1.8 Ma is most likely.

4. DISCUSSION

The results from the continuing excavations of the Oldowan sites of central Dagestan allow several conclusions, which are based on the analysis of archaeological material and the data from multidisciplinary laboratory investigations. The most important of them boils down to a statement of fact of human exploration of the North Caucasus and that the waves of migration of early hominids had reached the edge of southeastern Europe by about 2 Ma. Thus there appears a previously unknown West Caspian route of initial human dispersal from the south towards the mid-latitudes of Eurasia. The settlers of the North Caucasus were typical bearers of a classical Oldowan culture – a culture whose origins are rooted in northeastern Africa.

ACKNOWLEDGEMENTS

The investigations were carried out with financial support from The Russian Foundation for Basic Research, projects Nos. 11-06-00293-a, 14-06-00042-a and No. 1306-12005.

REFERENCES

- Amirkhanov, H.A., 2006. Kamennyj vekYuzhnoi Aravii (in russian). Nauka, Moscow (The Stone Age of South Arabia).
- Amirkhanov, H.A., 2007. Issledovaniya pamyatnikov oldovana na Severo-vostochnom Kavkaze (Predvaritelnye rezultaty) (in russian). Taus, Moscow (The Investigations of Oldowan Sites in the North-eastern Caucasus. (Preliminary Results).
- Amirkhanov, H.A., 2010. Piki trekhgrannogo poperechnogo secheniya v kollektsiyakh pamyatnikov oldovana Tsentralnogo Dagestana (in russian). In: Transactions of International Scientific Conference "Karabakh in the Stone Age" devoted to the 50th anniversary of discovery of Azykh Palaeolithic cave site in Azerbaijan, October 3–7, 2010, Baku, Azerbaijani Republic, pp. 20–25 (Picks oftriheral cross-section in the collections of Oldowan sites of central Dagestan).
- Amirkhanov, H.A., 2012. Kategoriyapikavtekhno kompleksakh oldovana i rannego ashelya (in russian). Rossiyskaya Arkheologiya 2,5–13 (Pick category in technocomplexes of Oldowan and Early Acheulean).
- Amirkhanov, H.A., Ozherel'ev, D.V., 2011. Muhkai II, sloj 80-novaya stoyanka epokhi oldovana v Tsentralnom Dagestane (in russian). In: Works of III (XIX) Russian Archaeological Congress. Vol. 1. Veliky Novgorod, St. Petersburg, pp. 16–17 (Muhkai II, layer 80-ew Oldowan site in central Dagestan).
- Amirkhanov, H.A., Ozherel'ev, D.V., Sablin, M.V., 2012. Fauna mlekopitayushchikh stoyanki Muhkai II (po rezultatam raskopok 2009–2010) (in russian). Recent Discoveries in Archaeology ofthe North Caucasus: Studies and Interpretations. In: XXVII Krupnov conference, Transactions of International Scientific Conference. Makhachkala, April 23–28 2012. Makhachkala, pp. 16–18 (Mammal fauna from the site of Muhkai II, results of excavations in 2009–2010).
- Cregut-Bonnoure, E., 2007. Apport desCaprinae etAntilopinae (Mammalia Bovidae) a la biostratigraphie du Pliocene terminal et du Pleistocene d'Europe. Quaternaire 18 (1), 73–97.
- Ferring, R., Oms, O., Agusti, J., Berna, F., Nioradze, M., Shelia, T., Tappen, M., Vekua, A., Zhvania, D., Lordkipanidze, D., 2011. Earliest human occupations at Dmanisi (Georgian Caucasus) dated to 1.85–1.78 Ma. PNAS 108 (26), 10432–10436.
- Guerin, C., Faure, M., Argant, A., Argant, J., Cregut-Bonnoure, E., Debard, E., Delson, E., Eisenmann, V., Hugueny, M., Limondin-Lozouet, N., Martin-Suarez, E., Mein, P., Mourer-Chauvire, C., Parenti, F., Pastre, J.-F., Sen, S., Valli, A., 2004. The Late Pliocene site of Saint-Vallier (Drome, France): synthesis of biostratigraphic and palaeoecological conclusions. Geobios 37, 349–360.

- Jibert, J., Sanchez, F., Pilot, F., Ciber, L., Iglesias, A., El Hammuti, N., 2008. Dispersion du genre *Homo* au Sud de l'Iberie et au Magreb. Nouvelles donnees a propos des fossiles VM-1960 et BL-0. *L'Anthropologie* 112, 48–73.
- Kaiser, T.M., Croitor, R., 2004. Ecological interpretations of Early Pleistocene deer (Mammalia, Cervidae) from Ceyssaguet (Haute-Loire, France). *Geodiversitas* 26 (4), 661–674.
- Kotsakis, A., et al., 2008. Changes in the Late Villafranchian mammal assemblages (from Farneta -1,6 Ma to Pirro FUs -1,5 Ma, Early Pleistocene) of Italy. In: Abstracts of 33 International Geological Congress, Oslo, Norway.
- Leakey, M.D., 1971. Olduvai Gorge: Excavations in Beds I & II 1960–1963. Cambridge University Press, Cambridge.
- Lordkipanidze, D., Jashashvili, T., Vekua, A., Ponce de Leon, M., Zollikofer, C., Rightmire, P., Pontzer, H., Ferring, R., Oms, O., Tappen, M., Bukhsianidze, M., Agusti, J., Kalkhe, R., Kiladze, G., Martinez-Navarro, B., Mouskhelishvili, A., Nioradze, M., Rook, L., 2007. Postcranial evidence from early *Homo* from Dmanisi. *Georgia Nature* 449, 305–310.
- Martínez-Navarro, B., et al., 2009. The Early Pleistocene large mammal assemblages from Venta Mi-cena, Fuente Nueva-3 and Barranco Leon-5 (Orce, Spain). In: Abstracts of annual meeting SEQS: 98–103, Orce and Lucena, Spain.
- Ozherel'ev, D.V., 2010. Predvaritelnye itogi issledovaniya rannepleistotsenovogo pamyatnika Muhkai II (Dagestan, Rossiya) (in russian). In: Transactions of International Scientific Conference "Karakakh in the Stone Age" devoted to the 50th anniversary of discovery of Azykh Palaeolithic cave site in Azerbaijan, October 3–7, 2010, Baku, Azerbaijani Republic, pp. 217–222 (Preliminary results of investigations of Early Pleistocene site Muhkai II, Dagestan, Russia).
- Ozherel'ev, D.V., 2012. Izucheniye mnogosloynnogo pamyatnika rannego paleolita Muhkai II v 2008–2011 gg. (in russian). Recent Discoveries in Archaeology of the North Caucasus: Studies and Interpretations. In: XXVII Krupnov conference, Transactions of International Scientific Conference. Makhachkala, April 23–28 2012. Makhachkala, pp. 110–111 (Study of multilayered Early Palaeolithic site Muhkai II in 2008–2011).
- Palombo, M.R., Sardella, R., 2007. Biochronology and biochron boundaries: A real dilemma or a false problem? An example based on the Pleistocene large mammalian faunas from Italy. *Quat. Int.* 160, 30–42.
- Petrucchi, M., et al., 2009. The Early Pleistocene (Late Villafranchian) carnivores (Mammalia) from Pirro Nord (Apulia, Italy). In: Abstracts of annual meeting SEQS, Orce and Lucena, Spain, pp. 44–45.
- Roger, S., Coulon, C., Thouveny, N., Feraud, G., Van Velzen, A., Fauquette, S., Cocheme, J.J., Prevote, M., Verosub, K.L., 2000. ⁴⁰Ar/³⁹Ar dating of a tephra layer in the Pliocene Seneze maar lacustrine sequence (French Massif Central): constraint on the age of the Reunion-Matuyama transition and implications for paleoenvironmental archives. *Earth Planet. Sci. Lett.* 183, 431–440.
- Ronen, A., 2006. The oldest human groups in the Levant. *C.R. Palevol* 5, 343–351.
- Sablin, M.V., 1990. Ostatki khishnykh i kopytnykh iz nizneapsheronskikh otlozenij Azerbaidjana (in russian). *Trudy Zoologicheskogo instituta AN SSSR* 213, 138–142 (The remains of Carnivora and Ungulata from the Lower Apsheronian deposits in Azerbaidjan).
- Sablin, M.V., 2011. Rannantropogenovye fauny i rasselenie roda *Homo*. In: Works of III (XIX) All-Russian Archaeological Congress. Vol. 1. Veliky Novgorod, St Petersburg, pp. 86–87 (The fauna of Early Anthropogen and initial disperse of genus *Homo*).
- Sablin, M.V., Giria, E.Y., 2010. Voprosu o drevneishikh sledakh pojavleniya cheloveka na Juge Vostochnoj Evropy. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* 2 (42), 7–13 (On the problem of earliest-traces of peopling of southeastern Europe (Russia). *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*).
- Sinúria, C., Pueyo, E.L., Azanza, B., Pucovi, A., 2004. Datación magnetoestratigráfica del acimientopaleontológico de la Puebla de Valverde (Teruel). *Geo-Temas* 6 (4), 339–342.
- Vardanyants, L.A., 1943. Postpliotsenovaya istoriya kavkazsko-chernomorsko-kaspijskoi oblasti (in russian). AN ASSR Publishing House, Erevan (Post-Pliocene history of Caucasian-Black Sea-Caspian region).

**FAUNAL REMAINS FROM THE OLDOWAN SITE OF MUHKAI II
IN THE NORTH CAUCASUS: POTENTIAL FOR DATING
AND PALAEOLANDSCAPE RECONSTRUCTION¹**

Abstract. The results of study of faunal materials unique for the north-eastern Caucasus are published, deriving from layer 80 of the Oldowan site of Muhkai II. Twenty-six specimens of four species of carnivorous mammal and six species of herbivorous mammal were identified in this material. In addition, the remains of small mammals, reptiles and amphibians were identified, which are indicators for the dating of the assemblage and the establishment of the specific characteristics of the natural environment at the time of usage of the Oldowan site. While in the modern day the investigated region consists of a belt of medium high mountains, during the chronological period under study open landscapes of savannah type with small areas of forest vegetation dominated. Based on a combination of data from palaeomagnetic analysis and faunal determinations, the time of existence of the complex is established as no later than the lower limit of the Olduvai episode during the Matuyama palaeomagnetic epoch.

Keywords: Early Pleistocene, Muhkai II, Dagestan, Fauna, Dating, Palaeolandscape

1. INTRODUCTION

The multilayered Early Pleistocene site of Muhkai II (Fig. 1) was discovered in 2006 in the central mountainous area of Dagestan (Amirkhanov, 2007). Since its discovery, ongoing systematic field research has been carried out by teams from the Institute of Archaeology, RAS (Russian Academy of Sciences) and the Institute of History, Archaeology and Ethnography, Dagestan Scientific Centre, RAS. By 2012 the site's section had been nearly fully exposed in an excavation trench, to a total thickness of 72 m.

The site section includes more than 100 lithological units, of which 34 contain archaeological remains (Amirkhanov et al. 2011, 2012a, 2014). In the overwhelming majority of cases, the latter consist only of stone tools. However, four levels can be identified in which faunal remains are preserved alongside artefacts. The most significant level in this respect is that designated as layer 80 of Muhkai II, which lies at a depth of 34 m from the modern-day surface. This level was excavated in 2010–2012 over an area of 49 m² (Figs. 2 and 3).

The thickness of the cultural layer, taking into account its post-depositional changes, does not exceed 10 cm, and multiple flint finds occurred here in the form of a single thin horizon. In the depression of an ancient body of water, adjacent to the cultural layer, the vertical dispersion of the archaeological remains reaches 40–50 cm. There are no traces of rolling or mechanical damage on the flint flakes which post-date the creation of the artefacts.

Judging by the make-up and spatial analysis of the archaeological assemblage, the activities of the ancient inhabitants of the site took place on the bank of a naturally dammed pond or small lake. The traces of both manufacturing and domestic activities are found here.

The number of flint artefacts (excluding small trimming and retouch flakes found by wet-sieving the spoil) in the excavated area approaches 900 (Fig. 5, 1–2). Typologically, the finished worked flint artefacts include choppers, picks, and small scrapers. Similar stone tools sets are found in many layers of the site of Muhkai II (layers 24, 35, 74, 82 etc.) (Fig. 5, 3). The raw material used for the stone tools was flint, outcrops of which could be found close to the site.

The collection of bones of large mammals numbers more than 300 finds. Apart from the bones of large mammals, the skeletal remains of amphibians, reptiles, rodents, and the shells of small terrestrial mollusks were found. In total there are 80 bones in this part of the assemblage. Palaeontological studies were performed in accordance with the usual approaches used for identification of osteological material based on morphological study.

¹ Amirkhanov H.A., Ozherelyev D.V., Sablin M.V., Agadzhanyan A.K. Faunal remains from the Oldowan site of Muhkai II in the North Caucasus: Potential for dating and palaeolandscape reconstruction // *Quaternary international*, 395, p. 233–241.

Fig. 1. Location of Dmanisi and Muhkai II sites

Fig. 2. General view (from the South) on the section of the Early Pleistocene deposits of Muhkai II site. The arrow indicates the location of the excavation at the level of layer 80

2. RESULTS

2.1. Large mammal remains

The palaeontological finds from the layer were concentrated in clayey deposits, filling some kind of depression of which only a small part was preserved, and which was effectively entirely excavated. The majority of the bones were covered in a crust of fine dense clayey material. This contributed to the preservation of the osseous material under consideration.

Fig. 3. Muhkai II, layer 80. The surface of the cultural layer. Flint tool finds are marked by small spots

Judging by the observed pattern, the bones fell into some sort of shallow (in this area, not deeper than half a metre), evaporating and heavily silted body of water. After the complete evaporation of the water body the palaeontological material was “sealed” in the clayey mass. During further geological processes the clayey layer with bones was itself buried under later-formed layers.

The collection of remains of large mammals of layer 80 of Muhkai II includes 301 bones (Table 1); of those, 181 are identifiable and 120 (39.9% of the total quantity) are unidentifiable. The unidentifiable bones are mostly fragments of long bones.

We did not find any gnawing marks from animal teeth or traces of plant roots on the bones. All the finds (bones and tooth enamel) are white and are fossilized to the same degree. A similarity to the situation at the site of Dmanisi can be observed: there the remains of animals and hominins are also weakly coloured. This is rather unusual and could attest either to an excessive concentration of calcium carbonate in the ancient water body or to the minimal involvement of water in the burial of the bones.

In the studied material there are no entire skeletons, i.e. the site of Muhkai II was not the location of mass death of animals due to a mudslide or drowning. However, we did find bones in articulation or anatomical linkage. These included the following: Slab of bone-bearing sediments (slab) N1: part of the hindlimb of *Eucladoceros senezensis*, consisting of the metatarsus, central tarsal bone, talus, and the distal epiphysis of the tibia; slab N5: part of the forelimb of *Gallgoral meneghinii*, consisting of the metacarpus, carpal bones, radius, and distal epiphysis of the humerus (Fig. 6A); slab N103: part of the hindlimb of *Equus (Allohippus) stenonis*, consisting of the metatarsus, calcaneus, talus, and tibia; slab N 115: part of the forelimb of *Equus (Allohippus) stenonis*, consisting of the ulna, radius and humerus. All fossil bones in articulation or anatomical linkage belong to a single forelimb of the same animal.

From these examples, it follows that not only individual bones were buried, but also fragments of animal limbs with muscle and tendons. After the limb fragments were covered in sedi-

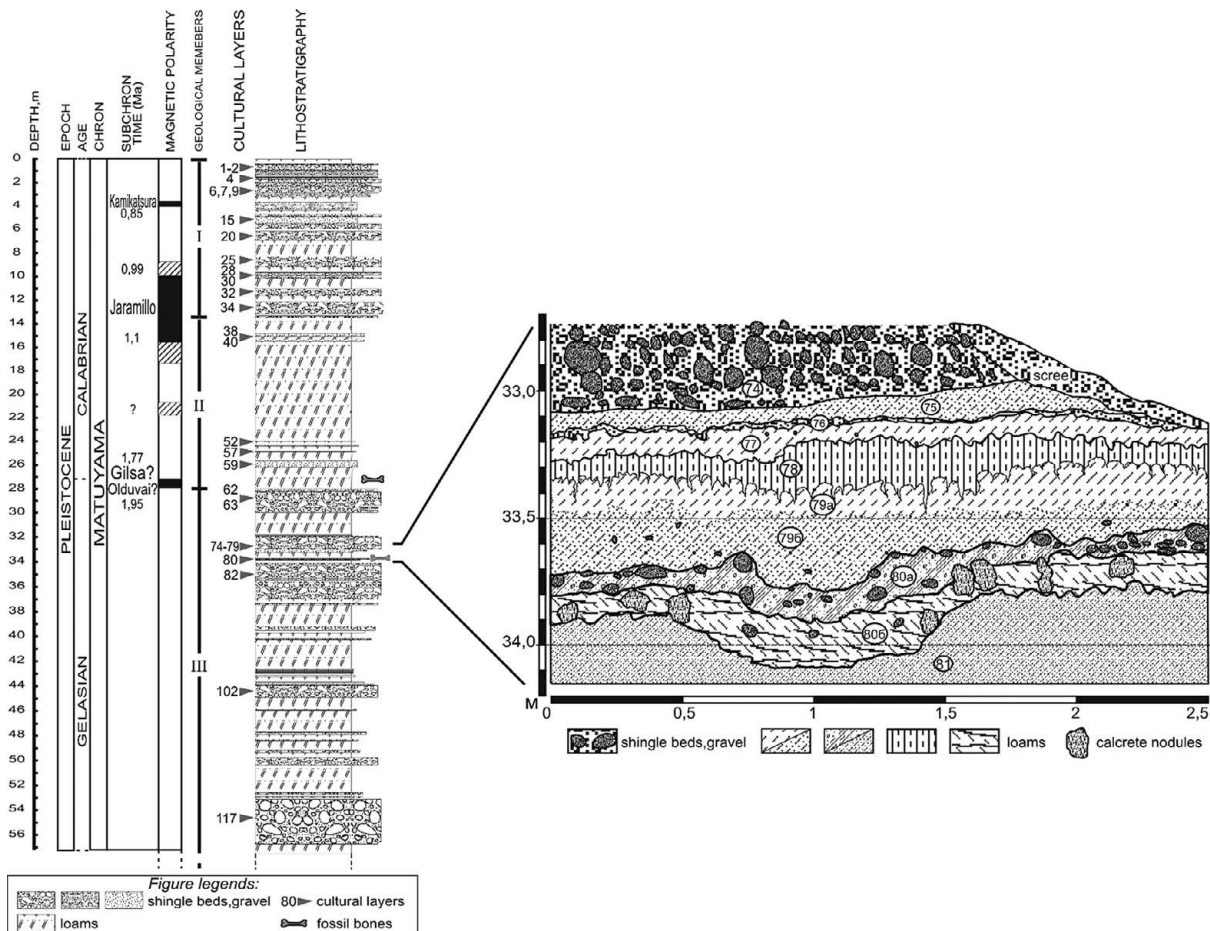

Fig. 4. Muhkai II. The stratigraphic position of layer 80 in the geological section of the site

ment, their parts did not move relative to one another. In the assemblage there is a cranium with horns of a *Gallogoral meneghinii* (N 20a) in articulation with the mandible. It is known that for bodies of ungulates in an aquatic environment the mandible is separated first of all, while on dry land dismemberment of the skeleton most often occurs without the separation of the mandible. We propose that the head of the antelope with horns was buried in shallow water relatively quickly, before the destruction of the muscles and ligaments. In the material there are also maxilla of the ancient hyena *Pliocrocota perrieri* (N 142) in articulation with the mandibles (Fig. 6B). For several finds, a characteristic longitudinal orientation in the layer was noted, peculiar to bones buried in watercourses. In slab of bone-bearing sediments N3 a *Eucladoceros* fore metapodial and an *Equus stenonsis* fore metapodial lie parallel thus. In the majority of cases in the ossiferous layer, the remains of multiple species of animals are positioned alternately.

Fossil material from Muhkai II is presented in Table 1. A brief description of the material is given below. This paper mostly presents the preliminary information about the site; it is not a classic palaeontological publication. The inventory numbers correspond to the species, and all the measurements correspond to individual fossils.

Canis etruscus Forsyth-Major, 1877. ZIN 36768.

One adult. Two forelimb bones. Three bones of the distal part of the hindlimb. The maximum width of the distal humeral epiphysis is 33.1 mm; the first hind phalanx is 26.7 mm long; the second hind phalanx is 12.7 mm long (Fig. 7A).

Vulpes alopecoides Forsyth-Major, 1877. ZIN 36769.

One adult. A mandibular fragment with a partially preserved tooth row, two isolated lower teeth, and five bones of the distal part of the forelimb. The right tooth row (Fig. 7B) from p2 to

Table 1. Large mammal fauna of Muhkai II.

Species	NISP	MNI
<i>Canis etruscus</i>	5	1
<i>Vulpes alopecoides</i>	8	1
<i>Pliocrocuta perrieri</i>	5	2
<i>Megantereon cultridens</i>	2	1
<i>Archidiskodon meridionalis</i>	1	1
<i>Equus (Allohippus) stenonis</i>	70	6
<i>Palaeotragus priasovicus</i>	3	1
<i>Eucladoceros senezensis</i>	51	9
<i>Gazellospira torticornis</i>	18	2
<i>Gallogoral meneghinii</i>	18	2
Total (identifiable)	181	26
Total (unidentifiable)	120	
	Coprolites	
Hyaenidae gen.	4	

p4 is 25.8 mm long; p2 is 6.5 mm long; p3 is 7.0 mm long; p4 is 7.7 mm long. The navicular bone is 8.3 mm in diameter along the sagittal plane and its maximum width is 6.4 mm; the fifth metacarpal is 34.1 mm long. These fossils are identified as *V. alopecoides*, the typical Early Pleistocene fox. This assignment is based on their extremely small size and narrow tooth crown.

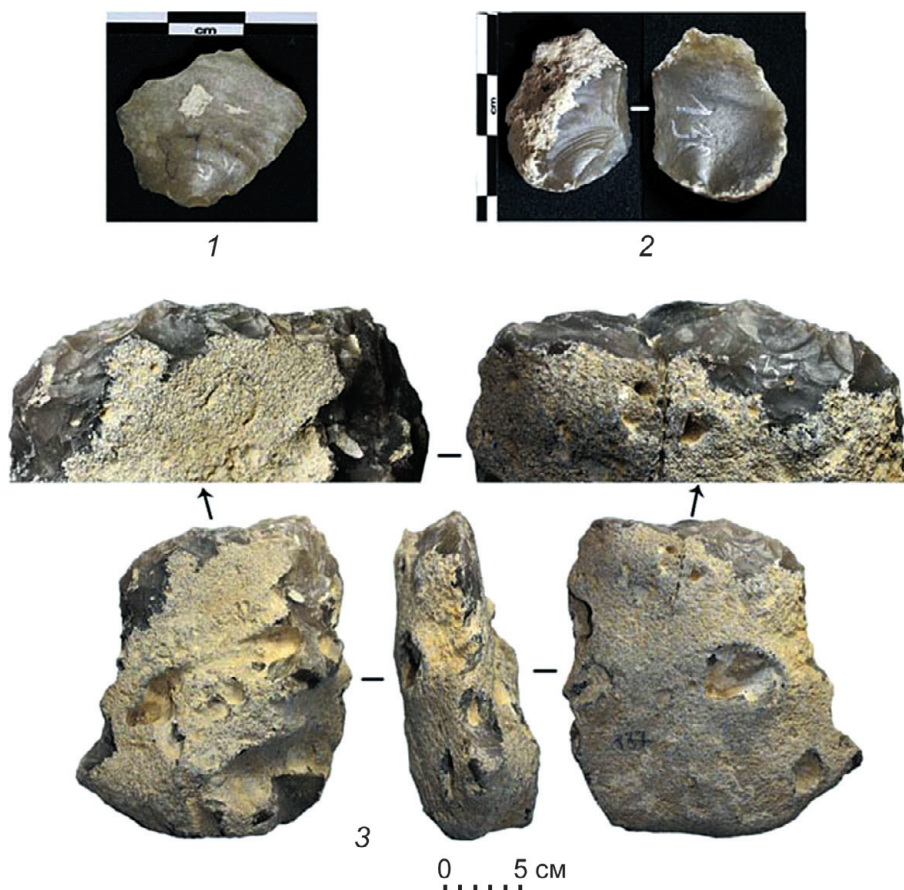
Fig. 5. Muhkai II. Flint artefacts: 1–2 – flakes (layer 80); 3 – chopper (layer 74)

Fig. 6. Muhkai II, layer 80. Mammal bones in anatomical linkage

A – part of the forelimb of *Gallogoral meneghinii*, consisting of the metacarpus, carpus, radius;
B – maxilla of the *Pliocrocota perrieri* in articulation with mandible

Pliocrocota perrieri Croizet and Jobert, 1928. ZIN 36770.

One adult and one juvenile. Two fragments of maxilla and two fragments of mandible of the adult with partially preserved tooth rows (Fig. 6B). One lower deciduous tooth. The right tooth row from C to P4 is 120.6 mm long; P3 to P4 is 64.3 mm long; left P2 is 18.8 mm long; left P3 is 25.5 mm long; right P4 is 37.1 mm long. The left tooth row from p2 to p4 is 66.7 mm long; from p2 to p3 is 42.1 mm long; p2 is 16.8 mm long; p3 is 22.1 mm long; p4 is 23.8 mm long. Unfortunately, it is technically impossible to get more measurements from the specimen. The d3 (Fig. 7C) is 17.6 mm long and 8.4 mm wide. The size and major morphological characters of the Muhkai II hyena are within the range of *Pliocrocota perrieri* features.

Hyaenidae gen.

Four coprolites, which could relate either to the species *Pliocrocota perrieri* or to *Pachycrocota brevisrostris*. Similar fossils are known from Dmanisi (Vekua, 1995). The dimensions of the coprolite from slab of bone-bearing sediments N 4 are 44.6 mm by 38.9 mm (Fig. 7D).

Megantereon cultridens Cuvier, 1824. ZIN 36771.

One adult. Two bones of the distal part of the hind and fore limbs. The medial cuneiform bone (Fig. 7E) is 16.3 mm in diameter along the sagittal plane and its maximum width is 9.7 mm.

Archidiskodon meridionalis Nesti, 1825. ZIN 36772.

One juvenile. Femoral fragment.

Equus (Allohippus) stenonis Cocchi, 1867. ZIN 36773.

Five adults and one juvenile. Two mandibular fragments with partially preserved tooth rows. Eleven isolated whole teeth and twelve tooth fragments. Two pelvic bones. Forty-three limb bones. Measurements were taken of the enamel folds of the horse teeth. M1 is 31.4 mm long and 29.5 mm wide; the protocone is 7.5 mm long. M2 from the same specimen is 27.2 mm long and 27.2 mm wide; the protocone is 8.4 mm long. M3 from the same specimen is 29.8 mm long and 24.5 mm wide; the protocone is 9.5 mm long. From another specimen, M2 (Fig. 8A) is 26.6 mm long and 28.5 mm wide; the protocone is 8.5 mm long. The p2 (Fig. 8B) is 37.1 mm long and 15.8 mm wide; the double knot is 16.9 mm long. The p4 (Fig. 8C) is 30.5 mm long and 18.1 mm wide; the double knot is 18.7 mm long; the posterior valley is 10 mm. The structure of the teeth is

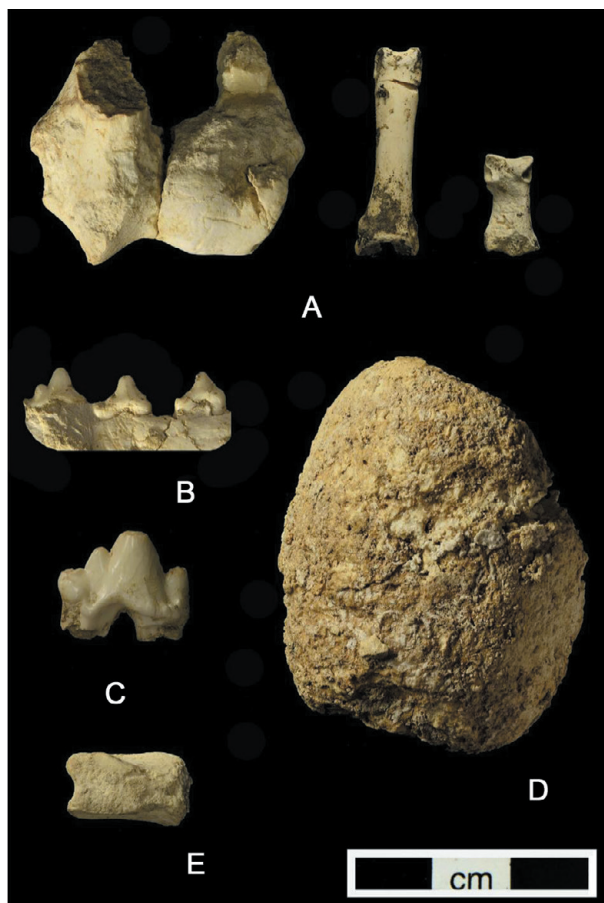

Fig. 7. Muhkai II, layer 80. Skeletal remains of carnivores

A – the distal epiphysis of the humerus, the first and second hind phalanx of *Canis etruscus*; B – mandibular fragment of *Vulpes alopecoides*; C – deciduous tooth d3 *Pliocrocuta perrieri*; D – coprolite of *Hyaenidae* gen.; E – the first cuneiform bone of *Megantereon cultridens*.

length of the p4 posterior valley is 32.8% of the total length of the tooth. The shoulder blade is 96.1 mm wide across the tuber scapulae, the distal epiphysis of the humerus is 78.5 mm wide; the radius is 335 mm long. The metacarpal is 225 mm long; its diaphysis is 34.1 mm wide and its distal epiphysis is 49.5 mm wide. The talus is 63.3 mm long and its lower articular surface is 51.5 mm wide. The metatarsal is 250 mm long; its proximal epiphysis, diaphysis and distal epiphysis are 52.5 mm, 35.2 mm and 48 mm wide respectively. The width of the articular surface of the talus is 81.4% of its length, which is peculiar to *Equus (Allohippus) stenonis*.

Palaeotragus priasovicus Godina and Baigusheva, 1985. ZIN 36777.

One adult. Three bones of the distal part of the forelimb. The maximum width of the navicular bone is 68.5 mm. The maximum width of the distal epiphysis of the metacarpal is 78.9 mm.

Eucladoceros senezensis Deperet, 1910. ZIN 36774.

Three adults and six juveniles. Six maxillary fragments and thirteen mandibular fragments with partially preserved tooth rows. Seventeen isolated whole teeth and one tooth fragment. Fourteen limb bones. The tooth row from P2 to M3 is 133.6 mm long; the right tooth row (Fig. 9A) from p2 to m3 is 130.8 mm long; the tooth row from p2 to p4 is 50.7 mm long; the tooth row from m1 to m3 is 88.2 mm long. P2 is 13.0 mm long; p3 is 17.8 mm long; p4 is 19.0 mm

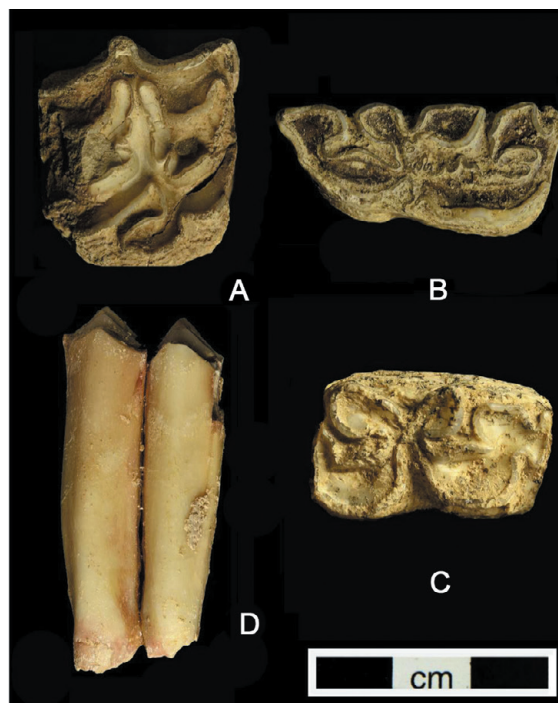

Fig. 8. Muhkai II, layer 80. Teeth of ungulates A – M2 *Equus (Allohippus) stenonis*; B – p2 *Equus (Allohippus) stenonis*; C – p4 *Equus (Allohippus) stenonis*; D – m2 *Gazellospira torticornis*

typical for *Equus (Allohippus) stenonis*. The protocone is very short – 23.9% of the length of M1, 30.9% and 32% of the lengths of M2, and 31.9% of the length of M3. The v-shaped notch to the double knot is peculiar to the lower teeth; the metaconid is large and has elongated oval shape. The external valley lacks a spur, and is narrow, long, and juts deeply into the neck of the double knot. The

long; m1 is 22.1 mm long; m2 is 27.5 mm long; m3 is 36.2 mm long. Dimensions of the teeth are similar to the specimens found in other Early Pleistocene localities.

Gazellospira torticornis Aymard, 1854. ZIN 36775.

Two adults. Two fragments of mandible with partially preserved tooth rows. Four isolated whole teeth and one tooth fragment. Eleven limb bones. P4 is 15.4 mm long; m1 is 17.3 mm long; m2s are 20.7 (Fig. 8D) and 20.8 mm long; m3 is 26.2 mm long. The metacarpal is 194.8 mm long. The diameter along the sagittal plane of the triquetral bone is 22.8 mm and its maximum width is 9.3 mm. The distal epiphysis of the tibia has a maximum width of 39.9 mm. The astragalus is 21.4 mm in diameter along the sagittal plane and has a maximum width of 11.9 mm. The size and major morphological characters of the Muhkai II gazelle are within the range of *Gazellospira torticornis* features.

Galogoral meneghinii Rutimeyer, 1878. ZIN 36776.

One adult and one juvenile. An entire cranium (crushed and unrepresentable now, unfortunately) with two large horns that are like those of a goat. Fragment of maxilla and two fragments of mandible with partially preserved tooth rows. Four isolated whole teeth. Ten limb bones. The left tooth row from M1 to M3 is 76.8 mm long; the M3 is 29.5 mm long. The tooth row (Fig. 9B) from p2 to m3 is 129.2 mm long; the length of the p2–p4 tooth row is 48.3 mm; the m1–m3 tooth row is 79.5 mm long. P2 is 13.4 mm long; p3 is 15.4 mm long; p4 is 17.9 mm long; m1 is 21.5 mm long; m2 is 24.3 mm long; m3 is 33.4 mm long. The mandible premolar section is long (37.4%) in relation to the molars. This proportion is similar to that of the specimens found in other Early Pleistocene localities.

2.2. Small mammal, reptile and amphibian remains

The small vertebrate fauna of Muhkai II is unique for Ciscaucasia and the entire south East European Craton in its species composition and age. Preservation of material is satisfactory. Bones of the postcranial skeleton, small jaw fragments and isolated mammal teeth are present. All the material is of a similar state of preservation and is white. Only the enamel of the rodent canines has a slight yellowish tinge. The level of fossilization of the osseous material is uniform and fairly high. This all attests to the synchronous burial of the osseous remains.

The total number of osseous remains is more than 80. Twenty-seven were used for determination (Table 2). Amphibians and mammals predominate. Reptiles take second place in terms of numbers. Amphibians are represented only by frog bones. Reptiles are represented by three fragments of lizard jaw from the Lacertilia group. Among the mammal remains there are the teeth of two mice, similar to the wood mouse *Apodemus sylvaticus*, and the remains of rhizodont voles of the genus *Mimomys*. A more exact identification of the voles is currently impossible due to the small quantity of material. However, all of the vole teeth in the collection have well-expressed roots and rather high crowns. The dentine tracts on the lateral walls of the prisms are moderately developed. External cementum deposits are small and exist only

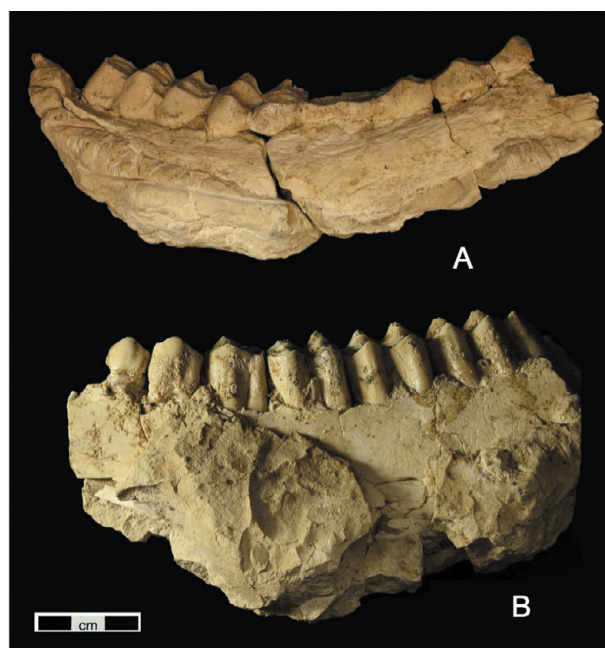

Fig. 9. Muhkai II, layer 80. Fragments of mandibles of ungulates

A – fragment of mandible of *Eucladoceros senezensis*; B – fragment of mandible of *Gallogoral meneghinii*

Table 2. Small mammal, reptile and amphibian fauna from Muhkai II.

Taxon	NISP
Amphibia	
Anura	10
Reptilia	
Lacertilia	3
Mammalia	
Rodentia	
<i>Apodemus</i> ex gr. <i>sylvaticus</i>	2
<i>Mimomys</i> sp.	10
Muridae indt.	1
Rodentia indet	1
Total	27

on a few teeth. These features allow us to determine the evolutionary level of the voles with confidence.

The ecological appearance of the community, despite the small amount of material, emerges quite clearly. The combination of a large quantity of frogs and the presence of lizards and wood mice suggest the occurrence of lake-type bodies of water and the development of forest vegetation with an appreciable proportion of open habitats. The fauna correlates with a warm and rather humid climate.

3. INTERPRETATION

On the whole the palaeontological material from Muhkai II is dominated by mammal remains: limb bones (56.4%), isolated teeth (27.2%) and jaw fragments (14.0%). Multiple fragments of mandibles with partially preserved tooth rows, which belong to *Eucladoceros* (n = 10), the antelope *Gazellospira torticornis* (n = 2), *Equus stenonis* (n = 2), *Gallogoral meneghinii* (n = 2), and the small fox *Vulpes alopecoides* (n = 1). It was established from these and other bones that 10 of 26 mammal specimens were young animals at the time of death; the majority of those were from six months to a year old. However, the majority (85.6%) of identifiable bones from the site belonged to fully grown mature animals with moderately worn teeth and fused epiphyses. Thus, the adult specimen of *E. stenonis* was 330 kg with a height at the withers of 137 cm (calculated from the fore metapodial N 15) or 304 kg and 131 cm tall at the withers (calculated from the rear metapodial N 20b). These measurements correspond to those of a modern plains zebra. The presence of a small Etruscan wolf *Canis etruscus*, of the size of a West Siberian husky, was also established at the site. There are a very few bones of giant herbivores – the southern elephant *Archidiskodon meridionalis* and the ancient giraffe *Palaeotragus priasovicus* (Table 1). On the whole the studied material is dominated by the remains of animals of the intermediate size class. There are few remains of animals of the small size class – only the bones of the fox *V. alopecoides*, which was no bigger than a modern corsac fox.

The assemblage of palaeontological finds from the layer is sufficient for quite detailed reconstruction of the palaeogeographical situation in the region during the period of the site's functioning. This appears to have been a savannah steppe with lake-type bodies of water and small areas of forest vegetation. The climate at this time was warm and humid, and the site was approximately 500 m above sea level, as opposed to 1600 m in the present day.

To date, 26 specimens have been identified in the contents of the large fauna of layer 80 of Muhkai II, of four species of carnivorous mammal and six species of herbivorous mammal (Fig. 10). In this faunal suite, inhabitants of open and semi-open habitats predominate. The palaeontological material is dominated by the bones of *E. stenonis* (38.7%) and *Eucladoceros* (28.2%), making up a total of 66.9% of the total number of identified bones at the site (Table 1).

Both ungulate species are usual for savanna-type landscapes (Kaiser and Croitor, 2004). Representatives of forest communities *sensu stricto* are absent in the fauna of Muhkai II, but a resident of the foothills is present: *Galogoral meneghinii*. Ancient humans were forced to compete for resources (the meat of ungulates) with co-existing large savannah carnivores – the ancient hyena *Pliocrocuta perrieri* and the sabre-toothed cat *Megantereon cultridens*.

The data on the small fauna allows us to identify the palaeogeographical conditions that existed in the direct vicinity of the site during the time under study. The ecological form of the environment, despite the small quantity of material, emerges quite clearly. The combination of a large quantity of frogs and the presence of lizards and wood mice suggests the occurrence of lake-type bodies of water and the development of forest vegetation with an appreciable proportion of open biotopes. The reconstructed faunal assemblage corresponds to a warm and quite humid climate.

The faunal remains discussed can be used for dating the cultural remains from layer 80 of Muhkai II. No mammals indicative of 1.6–0.9 Ma Mediterranean and Transcaucasia faunas, e.g., *Canis mosbachensis*, *Vulpes praeglacialis*, *Equus sussenbornensis*, *Praemegaceros* sp., have been found at Muhkai II (Table 3). Although Muhkai II shares some species with the subsequent faunal unit of Tasso, it should be considered younger than Muhkai II based on the extinction of *Galogoral meneghinii* (Cregut-Bonnoure, 2007). In Europe, the remains of *Equus* (*Allohippus*) *stenonis* and *Eucladoceros* are not found in deposits younger than 1.6 Ma (Kotsakis et al., 2008), and the remains of the small fox *V. alopecoides* are not found in deposits younger than 1.5 Ma (Martinez-Navarro et al., 2009; Petrucci et al., 2009). On the whole the mammal fauna from Muhkai II is similar to the fauna from the localities of Puebla de Valverde (Spain), Saint-Vallier and Seneze (France), Costa San Giacomo and Olivola (Italy), Liventsovka (Southern Russia), and Palan – Tyukan and Dmanisi (Transcaucasia) which existed within the interval 2.1–1.77 Ma (Sablin, 1990, 2011; Roger et al., 2000; Gueerin et al., 2004; Sinusia et al., 2004; Lordkipanidze et al., 2007; Palombo and Sardella, 2007; Sablin and Girya, 2010). It is difficult to ascertain the precise position of Muhkai II within this time span (Table 3).

The arguments set out above support the data on the small fauna obtained from the studied layer. The age of this assemblage is determined by the evolutionary level of the rhizodont voles and the complete absence of representatives of the Microtini and Lagurini tribes, which appeared in Northern Eurasia in the second half of the Early Pleistocene. Current dates for the Villanyian – Biharian boundary correlate it to ca. 1.8 Ma in Mediterranean (Sala and Masini, 2007) and ca. 1.77 Ma in Transcaucasia (Lordkipanidze et al., 2007). The absence

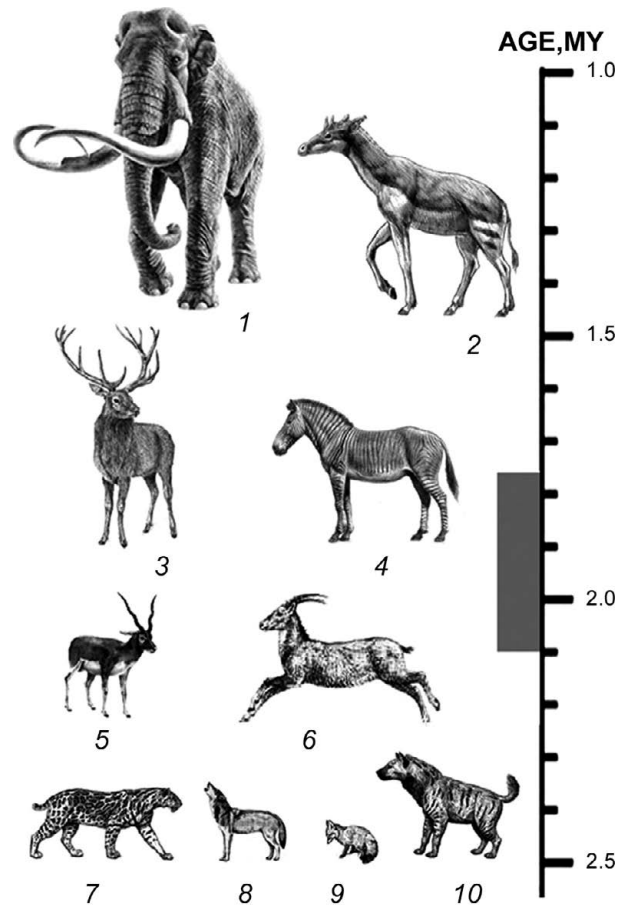

Fig. 10. Muhkai II, layer 80. Species of large mammals

1 – *Archidiskodon meridionalis*; 2 – *Palaeotragus priasovicus*; 3 – *Eucladoceros senezensis*; 4 – *Equus* (*Allohippus*) *stenonis*; 5 – *Gazellospira torticornis*; 6 – *Gallogoral meneghinii*; 7 – *Megantereon cultridens*; 8 – *Canis etruscus*; 9 – *Vulpes alopecoides*; 10 – *Pliocrocuta perrieri*

Table 3. The overall reconstruction of the time position for the main calibrated mammal faunas in the Caucasus and the Mediterranean.

Age, Ma	2.1–1.97		2.1–1.77		1.97–1.8	1.77	1.77–1.7		1.6–1.5	1.5	1.5	1.3	0.9
Country	France		Russia		Italy	Georgia	Italy	Italy	Italy	Spain	Israel	Spain	Georgia
Locality	Saint-Vallier	Chilhac	Seneze	Muhkai II	Olivola	Dmanisi	Tasso	Farneta-Pirro	Venta Micena	Ubediya	Fuente Nueva 3	Akhalkalaki	
Polarity	N	N	N	N	P	N	N	N	N	N	N	N	
Mammals													
<i>Equus (Allohippus) stenonis</i>	•	•	•	•	•	•	•	–	–	–	–	–	–
<i>Canis ex gr. etruscus</i>	•	•	•	•	•	•	•	–	–	–	–	–	–
<i>Eucladoceros</i> sp.	•	•	•	•	•	•	•	–	–	–	–	–	–
<i>Gallgoral meneghinii</i>	•	•	•	•	•	•	–	–	–	–	–	–	–
<i>Gazellospira torticornis</i>	•	•	•	•	•	•	•	–	–	–	–	–	–
<i>Vulpes alopecoides</i>	•	•	•	•	•	•	•	•	–	–	–	–	–
<i>Panthera gombaszoegensis</i>	–	–	–	–	•	•	•	•	•	•	–	–	•
<i>Soergelia</i> sp.	–	–	–	–	–	•	–	–	•	–	–	–	–
<i>Equus altidens</i>	–	–	–	–	–	•	–	•	•	–	•	–	–
<i>Bison</i> sp.	–	–	–	–	–	•	–	•	•	–	•	•	•
<i>Allophaiomys</i> sp.	–	–	–	–	–	–	•	•	•	•	•	•	•
<i>Praemegaceros</i> sp.	–	–	–	–	–	–	–	•	•	–	•	•	–
<i>Vulpes praeglacialis</i>	–	–	–	–	–	–	–	–	•	–	•	•	–
<i>Canis mosbachensis</i>	–	–	–	–	–	–	–	•	•	•	•	•	–
<i>Equus sussenbornensis</i>	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	•	•	•

of non-rhizodont voles (*Allophaiomys* sp.) in the contents of the studied fauna indicates that the upper limit of the age of this assemblage could be placed before the Villanyian – Biharian boundary, i. e. not younger than ca. 1.8 Ma.

This is not contradicted by the complementary results given by the results of palaeomagnetic analysis (Amirkhanov, 2012). The determination of the chronological position of palaeomagnetic episodes identified in the Muhkai II section (Fig. 4) is facilitated by the fact that the entire thickness of the deposits, which are 72 m deep in the area excavated by us, relates to the Early Pleistocene. Furthermore, at the top of the Muhkai II section, at a depth of about 4 m from the modern-day surface, the remains of the nanophytoplankton *Spiniferites ramosus* and *Spiniferites* sp. were discovered, which cannot be younger than the Early Pleistocene (Amirkhanov et al., 2012b). An important benchmark for palaeomagnetic interpretations is the presence in the upper part of the sequence of a series of deposits (thickness: ~8 m) which are positively magnetized and which definitely relate to the Jaramillo subchron. Below it in the section, one level (18–20 m) with anomalous magnetization can be noted (Fig. 4), and lower (at a depth of 27 m below the modern-day surface) one more horizon with positive magnetization is clearly defined. It is most likely that this horizon may be associated with an Olduvai subchron (1.95–1.77 Ma). Layer 80 lies at a depth of 34 m from the modern surface, considerably deeper than the lower level with a positive magnetization.

4. DISCUSSION

Thus, taking into account the data as a whole, including the remains of large and small mammals, nanophytoplankton and the palaeomagnetic analysis, the materials from layer 80 of Muhkai II should be dated to the first half of Early Pleistocene, at the lower boundary of the Olduvai subchron, i. e. not later than 1.95 Ma. This is consistent with the dating of the site of Yiron (Israel) (Ronen, 2006) and more or less close to the dating of the site of Dmanisi (Ferring et al., 2011). In the modern day the two sites (Dmanisi and Muhkai) are separated by the Greater Caucasus mountain range. Approximately two million years ago the Caucasus mountains were, in general, 2000 m lower than their present height. The research at Muhkai II is corroborated by evidence that these mountains did not present an impassable barrier to the movement of fauna and the initial dispersal of humans from the south to the expanses of Eurasia.

Acknowledgements

This work was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR grants 13-06-12005, 14-06-00042a).

REFERENCES

- Amirkhanov, H.A., 2007. Issledovaniya pamyatnikov oldovana na Severovostochnom Kavkaze (Predvaritelnye rezultaty) (in Russian). Taus, Moscow. The Investigations of Oldowan Sites in the North-eastern Caucasus (Preliminary Results).
- Amirkhanov, H.A., Ozherelyev, D.V., 2011. Muhkai II, sloj 80 – novaya stoyanka epokhi oldovana v Tsentralnom Dagestane (in Russian). In: Works of III (XIX) All-Russian Archaeological Congress, vol. 1. St. Petersburg – Veliky Novgorod, 16–17 (Muhkai II, layer 80 – new Oldowan site in Central Dagestan). Amirkhanov, H.A., Ozherelyev, D.V., Sablin, M.V., 2012a. Fauna mlekopitayushchikh stoyanki Muhkai II (po rezultatsam raskopok 2009–2010 gg.) (in Russian). In: Recent Discoveries in Archaeology of the North Caucasus: Studies and Interpretations. XXVII Krupnov Conference. Transactions of International Scientific Conference. Makhachkala, April 23–28 2012. Makhachkala, 16–18 (Mammal fauna from the site of Muhkai II (results of excavations in 2009–2010)).
- Amirkhanov, H.A., 2012. Pamyatniki Rannego Pleistotsena Tsentral'nogo Dagestana (in Russian). In: Problems of the Palaeolith of Dagestan, pp. 6–67 (Early Pleistocene sites of Central Dagestan). Novosibirsk.

- Amirkhanov, H.A., Chepalyga, A.L., Trubikhin, V.M., Sadchikova, T.A., Pirogov, A.N., Taimazov, A.I., 2012b. Geoarchaeology of the earliest paleolithic sites (Oldowan) in the North Caucasus and the East. In: International Conference: Geomorphic Processes and Geoarchaeology: from Landscape Archaeology to Archaeotourism. Moscow-Smolensk, 20–24 August, pp. 57–62.
- Amirkhanov, H.A., Ozherel'ev, D.V., Gribchenko, Yu.N., Sablin, M.V., Trubikhin, V., Semenov, V.V., 2014. Early Humans at the eastern gate of Europe: the discovery and investigation of Oldowan sites in the Northern Caucasus. *Comptes Rendus Palevol* 13, 717–725.
- Cregut-Bonnoure, E., 2007. Apport des Caprinae et Antilopinae (Mammalia, Bovidae) a la biostratigraphie du Pliocene terminal et du Pleistocene d'Europe. *Quaternaire* 18 (1), 73–97.
- Ferring, R., Oms, O., Agusti, J., Berna, F., Nioradze, M., Shelia, T., Tappen, M., Vekua, A., Zhvania, D., Lordkipanidze, D., 2011. Earliest human occupations at Dmanisi (Georgian Caucasus) dated to 1.85–1.78 Ma. *Proceedings, National Academy of Sciences of the United States of America* 10432–10436.
- Guerin, C., Faure, M., Argant, A., Argant, J., Cregut-Bonnoure, E., Debard, E., Delson, E., Eisenmann, V., Hugueny, M., Limondin-Lozouet, N., Martin-Suarez, E., Mein, P., Mourer-Chauvire, C., Parenti, F., Pastre, J.-F., Sen, S., Valli, A., 2004. Le gisement pliocene superieur de Saint-Vallier (Drome, France): synthese biostratigraphique et paleoecologique. *Geobios* 37, 349–360.
- Kotsakis, A., et al., 2008. Changes in the Late Villafranchian Mammal Assemblages (from Farneta – 1,6 Ma to Pirro FUs – 1,5 Ma, Early Pleistocene) of Italy. Abstracts of 33 International Geological Congress, Oslo, Norway.
- Lordkipanidze, D., Jashashvili, T., Vekua, A., Ponce de Leon, M., Zollikofer, C., Rightmire, P., Pontzer, H., Ferring, R., Oms, O., Tappen, M., Bukhsianidze, M., Agusti, J., Kalkhe, R., Kiladze, G., Martinez-Navarro, B., Mouskhelishvili, A., Nioradze, M., Rook, L., 2007. Postcranial evidence from early Homo from Dmanisi, Georgia. *Nature* 449, 305–310.
- Martinez-Navarro, B., et al., 2009. The Early Pleistocene Large Mammal Assemblages from Venta Mi-cena, Fuente Nueva-3 and Barranco Leoⁿ-5 (Orce, Spain). In: Abstracts of Annual Meeting SEQS: 98–103. Orce and Lucena, Spain.
- Palombo, M.R., Sardella, R., 2007. Biochronology and biochron boundaries: a real dilemma or a false problem? An example based on the Pleistocene large mammalian faunas from Italy. *Quaternary International* 160, 30–42.
- Petrucci, M., et al., 2009. The Early Pleistocene (Late Villafranchian) carnivores (Mammalia) from Pirro Nord (Apulia, Italy). In: Abstracts of Annual Meeting SEQS, 44–45. Orce and Lucena, Spain.
- Roger, S., Coulon, C., Thouveny, N., Feraud, G., Van Velzen, A., Fauquette, S., Cocheme, J.J., Prevote, M., Verosub, K.L., 2000. ⁴⁰Ar/³⁹Ar dating of a tephra layer in the Pliocene Seneze maar lacustrine sequence (French Massif Central): constraint on the age of the Reunion-Matuyama transition and implications for paleoenvironmental archives. *Earth and Planetary Science Letters* 183, 431–440.
- Ronen, A., 2006. The oldest human groups in the Levant. *Comptes Rendus Palevol* 5 (1–2), 343–351.
- Sablin, M.V., 1990. Ostatki khishnykh i kopynykh iz nizneapsheronskikh otlozenij Azerbaidjana (in Russian). *Trudy Zoologicheskogo instituta AN SSSR* 213, 138–142 (The remains of Carnivora and Ungulata from the LowerApsheronian deposits in Azerbaidjan).
- Sablin, M.V., Giria, E.Yu., 2010. K voprosu o drevneishikh sledakh pojavlenia cheloveka na Juge Vostochnoj Evropy. *Arkheologiya, etnografija i antropologija Evrazii* 2 (42), 7–13 (On the problem of earliest traces of peopling of Southeastern Europe (Russia). *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*).
- Sablin, M.V., 2011. Ranneantropogenovye fauny i rasselenie roda Homo. In: Works of III (XIX) All-Russian Archaeological Congress, vol. 1, pp. 86–87. St. Petersburg – Veliky Novgorod.
- Sala, B., Masini, F., 2007. Late Pliocene and Pleistocene small mammal chronology in the Italian peninsula. *Quaternary International* 160, 4–16.
- Sinusia, C., Pueyo, E.L., Azanza, B., Pocovi, A., 2004. Dataciyn magnetoestratigrafica del acimiento paleontolygico de la Puebla de Valverde (Teruel). *Geo-Temas* 6 (4), 339–342.

РАННЕПЛЕЙСТОЦЕНОВАЯ КРУПНООТЩЕПОВАЯ ИНДУСТРИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА: СТАДИАЛЬНЫЙ СТАТУС¹

Резюме. В статье дается обоснование выделению на Северо-Восточном Кавказе раннеплейстоценовой крупноотщеповой индустрии. Сравнение материалов Центрального Дагестана соответствующего времени с инвентарем местного типичного олдована и индустриями раннего ашеля Африки и Южной Европы приводит к выводу о представленности на рассматриваемой территории культуры с переходными от олдована к раннему ашелю чертами.

Ключевые слова: ранний плейстоцен, Северо-Восточный Кавказ, крупноотщеповая индустрия, олдован, ранний ашель.

В последнее время в изучении нижнего палеолита наметилась тенденция, когда чрезмерное увлечение поиском многолинейности в развитии древнейшей индустрии начинает заслонять фундаментальную проблему периодизации изучаемых культурных явлений. Феномен этот не нов, и его хорошо определил применительно к поздним этапам палеолита С. Н. Замятнин. Он писал: «Все эти Soanian, Anlithian, Lupembian, Jabrudian, Naniunkian и пр. не облегчают, а только запутывают исследование, ничего не выясняя, а лишь создавая иллюзию определенности, подменяя объяснение наименованием» (Замятнин, 1951. С. 129).

При всех возможных различиях подходов к решению рассматриваемой проблемы должно существовать общее понимание необходимости группирования пласта памятников нижнего палеолита не только в пространстве, но и на относительной и абсолютной временной шкале. В ответ на эту потребность возник предельно схематизированный, но весьма продуктивный способ разделения культуры раннего плейстоцена на Mode 1 и Mode 2 (Clark, 1969). Смена одного типа этих индустрий другим не происходила синхронно в отдаленных друг от друга географических регионах, но сама последовательность смены была неизменна и одинакова во всей раннепалеолитической ойкумене. Mode 1 всегда предшествует Mode 2. И уже одно это требует повсеместного разделения разновременных индустрий раннего палеолита на две (или сколько этого требует материал) ступени. В общепринятом виде это формулируется как следование в общей периодизационной шкале друг за другом эпох олдована и ашеля. Такая структуризация не препятствует признанию и акцентированию технико-типологического своеобразия какой-либо конкретной индустрии (если, конечно, это своеобразие достаточно обосновано) и ее особой номинации внутри той или другой стадии. Но одновременно она не допускает стихийное (из-за невозможности систематизировать) разобщение материала, т. е. такое обособление, которое не позволяет рассмотреть в калейдоскопе «индустрий» общую картину развития культуры на протяжении крупных хронологических отрезков.

Созданию такой общей периодизационной системы может способствовать рассмотрение данной проблемы вначале для разных регионов по отдельности – в данном случае в диапазоне олдован – ашель. Такой подход не будет соответствовать общему увлечению (без сомнения, временному) поисками региональных и даже локальных отличий от магистральной линии развития культуры. И тем не менее он необходим, поскольку понятно, что даже гипотетическая возможность выделения локальных отличий в культуре предполагает признание существования чего-то общего, от чего должны отличаться эти вновь выделяемые культурные единства. Поэтому обращение к вопросам периодизации можно рассматривать как необходимый шаг в сторону ослабевшего в последнее время интереса к процедурам общей культурно-хронологической классификации

¹ Амирханов Х. А., Таймазов А. И. Раннеплейстоценовая крупноотщеповая индустрия Северо-Восточного Кавказа: стадийный статус // КСИА. Вып. 254. С. 13–33.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Древности» № 18-09-40026. <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.254.13-33>.

археологического материала. Хотя, повторим, периодизационная структуризация материала несколько не отрицает возможности существования региональных особенностей культуры.

Важной частью интересующей нас проблемы является переход от олдована к ашелю. Вопрос этот заметно усложнился и приобрел комплексный характер, особенно в последние полтора десятилетия. Обозначились и ее два взаимосвязанных аспекта – теоретический и практический. Первый связан с развитием наших представлений об общих тенденциях эволюции каменного инвентаря в палеолите и отражением этого в нашем понятийно-терминологическом аппарате. Второй относится к восприятию исследователями технологического и типологического содержания индустрий олдована и ашеля. Особая сложность состоит в том, что в первом из аспектов недостаточно ясности в понимании проявлений и механизма развития культуры на ранних этапах палеолита, а во втором отсутствует единообразное восприятие исследователями предмета изучения (каменный инвентарь) и необходимого для этого исследовательского инструментария.

Наименее ясными остаются вопросы хронологии и механизм смены индустрии олдована ашелем. Это связано, в первую очередь, с малочисленностью памятников, относящихся к раннему ашелю, и их относительно узкой локализацией. Во-вторых, датировка большинства памятников раннего ашеля, относимых ко времени ранее 1,5 млн. л. н., не является в достаточной степени обоснованной (*Semav et al.*, 2009). Лишь единичные стоянки в Восточной Африке имеют доказательства, прежде всего – геологического характера, и радиометрические данные, указывающие на возникновение ашельской технологии приблизительно 1,6–1,7 млн. л. н. Еще одна причина разногласий между исследователями в рассматриваемом вопросе объясняется различным видением ими технологического и типологического содержания индустрий олдована, развитого олдована и раннего ашеля.

Единственно, в чем согласны ученые друг с другом, говоря о трансформации олдована в ашель, – это в признании вывода, сделанного много лет назад Г. Айзеком (*Isaac*, 1969) и подтвержденного М. Лики на материалах Олдувайского ущелья (*Leaky*, 1971). Суть вывода, как известно, состоит в том, что технологическим рубежом между олдованом и следующей эпохой – ашелем (или началом трансформации одной эпохи в другую) – признается переход к использованию крупного отщепка как заготовки для систематического изготовления соответствующих им по размерам массивных орудий. Для данной работы этот вывод также является ключевым, и к нему мы далее вернемся.

При изучении перехода от одного качественного состояния в другое важно определить идеальные сущностные характеристики двух сопоставляемых явлений. В нашем случае это означает формулирование технико-типологических определений эпох олдована и ашеля. Типичный олдован в кратком описательном виде можно определить как индустрию мелкого и среднего по размерам нуклеуса и отщепка при господстве в орудийном составе чоппера, присутствии пика и представленности мелких и средних орудий на отщепах в виде скребка, скребла, ножа, зубчатых, выемчатых, клювовидных изделий, массивных острий.

Что касается следующей эпохи, то хотя понятие «ашель» введено в науку примерно полтора века назад, понимание его различных аспектов (хронологического, технологического и типологического) даже сейчас (и особенно сейчас) во многом остается неопределенным (*Jagher*, 2017; *Деревянко*, 2014). Разногласий не существует лишь в том, что «руководящим ископаемым» данной эпохи является рубило (бифас). Это изделие концентрирует в себе одновременно и технологические, и типологические характеристики, которые независимо от хронологических показателей являются необходимыми и достаточными для определения индустрии как ашельской. Итак, индустрия характеризуется доминированием в ее технологии бифасиальной обработки, наличием рубила, как ведущего типа орудий, возможностью присутствия пика и/или кливера, а также представленностью в разной пропорции практически всех форм изделий, известных в индустрии олдована.

Несмотря на вышеотмеченное, в характеристике технокомплексов олдована и ашеля у исследователей не существует полного единства мнений. Например, возникновение категории пика и пиковидных орудий часто связывают с ранним ашелем (*Щелинский и др.*, 2015). Между тем по описаниям материалов Олдувайского ущелья, сделанным М. Лики (*Leakey*, 1975), пики являются естественной частью индустрии, залегающей в верхах пачки 1, т. е. в хроностратиграфическом горизонте олдована. Это иллюстрируют, в частности, материалы стоянки FLK North. Здесь выделяется группа крупных предметов с заостренным концом и массивной необработанной пяткой, у которых одна из плоскостей целенаправленно уплощена крупными сколами (*Leakey*, 1971. Р. 79; Fig. 42: 1, 2). Эти и подобные им изделия из других одновозрастных памятников Олдувайского ущелья М. Лики называет протобифасами. В этом, кажется, есть некоторая натяжка. Не зря сама М. Лики применительно к орудиям, о которых идет речь, название «протобифасы» заключает в кавычки. С точки зрения формальной типологии эти предметы находят свое место в категории пика. На встречаемость пиков в индустрии типичного олдована указывают и другие авторитетные исследователи раннего палеолита Восточной Африки (*Semav et al.*, 2009. Р. 178, 179).

Таким образом, в памятниках Олдувайского ущелья пики встречаются с уровня классического олдована. Если, основываясь на материалах Северо-Восточной Африки, говорить о типологическом развитии рассматриваемой категории, то можно констатировать появление в развитом олдоване удлинённых и относительно узких форм пиков. Эта форма составляет морфологический эталон категории, который можно рассматривать в качестве типа. Следовательно, возникновение идеи пика-триэдра и реализация этой идеи относятся ко времени олдована и в индустрии олдована. Как и в материалах Олдувайского ущелья, пик встречается в памятниках олдована Центрального Дагестана. Он органичен здесь для каменной индустрии в диапазоне от времени древнее субхрона Олдувай (древнее 1,95 млн. л. н.) до конца раннего плейстоцена (ок. 0,8 млн. л. н.) и даже позже.

В связи с вопросом о сходстве и отличиях индустрий олдована и ашеля заслуживает внимания и подход, который базируется не только на собственно археологических критериях, но и на признании когнитивных отличий в уровне производства в рассматриваемые две эпохи. Так, отмечается, например, что ашельской технологии, в отличие от олдована, присуща особая и часто избыточная с функциональной точки зрения тщательность отделки орудий главной категории эпохи – рубил (*Беляева, Любин*, 2012). Чопперы же по этой логике лишены того, что в терминологии промышленной эстетики называется «дизайном». Использование понятия «дизайн» для различения (в зависимости от его наличия или отсутствия) ашельской и олдованской индустрий, на наш взгляд, вряд ли продуктивно. Смысл этого термина – «украшательство» – имеет отношение к философской категории «красота». А красота и полезность, функциональность предмета в человеческом обиходе неотделимы друг от друга. А если говорить о первобытности, то они просто синкретичны.

В действительности можно констатировать, что значимых в когнитивном смысле различий в изготовлении чоппера и рубила не существует. В обоих случаях изначально присутствует образ предмета, учитывающий такие параметры, как количество функциональных элементов орудия, форма этих элементов и всего изделия в целом, а также вес предмета. Разница же состоит в количестве элементов данного орудия и наборе технологических приемов изготовителя предмета. Для чоппера минимально необходимы два элемента – первый аккомодационный (пятка) и второй – рабочий (лезвие). Изготовление орудия достигается часто одним лишь оформлением лезвия на естественной заготовке. В тех случаях, когда требуется привести вес заготовки в соответствие с запланированным, лишнее отсекается простым ударом. То есть края изделия практически не требуют обработки.

Рубило, в отличие от чоппера, имеет четыре морфологических элемента – пятка, конец (чаще всего заостренный) и два края. Необходимость формировать края с ис-

пользованием оббивки (дополняемой иногда крупной ретушью) и составляет специфику, отличающую в археологическом смысле одну эпоху со своей главной типологической характеристикой – рубилом – от олдована со столь же показательной в типологическом отношении категорией – чоппером. Следовательно, в практическом отношении различие ведущей олдованской и ашельской форм орудий сводится к наличию или отсутствию у них краев, обработанных приемом более сложным, чем просто один удар. Их присутствие означает наличие в инвентаре рубила или кливера (или обеих форм вместе) и характеристику данной индустрии как ашельской. Когда же изготовление орудия, определяющего «лицо эпохи», ограничивается акцентированием одного или двух элементов – лезвия и пятки (обуха), то данный комплекс остается в рамках технологии олдована. Представляется, что такое описание может служить минимизированным определением, не выходящим за рамки археологического анализа и отражающим общие технологические различия индустрий двух рассматриваемых типов.

Говоря о раннем ашеле, мы должны констатировать наличие вариативности на этапе его становления. Варианты эти в технологическом отношении не единообразны и в хронологическом отношении не единовременны. Современные данные позволяют определенно говорить о существовании по крайней мере двух вариантов раннего ашеля – PCt (Pebble Core technology (галечно-отщеповая технология) и LCT (Large cutting tools – крупные режущие орудия). В зависимости от того, на сколько подразделений членить ашель, можно говорить и о третьем варианте ашеля – LFA (Large flake Acheulian – собственно африканская разновидность ашеля на крупных отщепах), которая возникает не позднее 1 млн. л. н.

Указанные варианты раннего ашеля дифференцированы территориально и хронологически. Например, на территории Африки и Леванта в индустриях древнее 1 млн. л. н. существует две группы раннеашельских памятников. К первой относится индустрия с бифасами (рубилами), в которых заготовка в виде крупного отщепа не играет значимой роли. Бифасы и пики здесь изготавливаются, как правило, на массивных обломках, а кливеры отсутствуют. Данная группа включает в себя такие стоянки, как Убейдия (*Bar-Yosef, Goren-Inbar*, 1993), Консо Гардула (*Asfaw et al.*, 1992), Стеркфонтейн (*Kuman, Clarke*, 2000), пункт Томас 1 Карьер, (*Raynal et al.*, 2001; 2009) и некоторые другие восточноафриканские местонахождения (*Roche*, 1995; *Koobi Fora Research...*, 1997). Часть этих памятников исследователи относили к развитому олдовану. Вообще же наиболее ранние памятники этого типа, расположенные в Олдувайском ущелье, на протяжении относительно непродолжительного времени сосуществовали со стоянками классического олдована.

Более широкий территориальный охват имеет вариант ашеля LCT. В набор ведущих категорий орудий комплекса LCT в его полном составе включают триаду: бифас, пик и кливер. Используется понятие LCT главным образом для обозначения индустрии Южной Европы (особенно Испании), которая с точки зрения технико-типологических показателей не соответствует ни типичному олдовану, ни раннему ашелю Африки и Леванта, не считая памятников ашеля LFA.

Вариант ашеля LFA, наиболее ранние проявления которого относятся ко времени около 1 млн. л. н., частично сосуществует с ашеlem LCT. Эту разновидность культуры рассматривают как хронологический сегмент индустрии, следующий непосредственно за ранним ашеlem (*Sharon*, 2010) и существующим в диапазоне от 1 до 0,5 млн. лет. Технологическая и типологическая особенность данного культурного явления выражена в доминировании заготовки в виде крупного отщепа и весьма значимом содержании в инвентаре (в дополнение к бифасам и пикам) типичных кливеров. Интересно с точки зрения культурной географии то, что описываемый вариант ашеля, имеющий выраженный африканский колорит, на своей ранней стадии распространяется на Иберийском полуострове (*Vallverdu et al.*, 2014) и в конце раннего плейстоцена сосуществует здесь с индустрией, определяемой исследователями как LCT.

После пересмотра коллекций памятников Олдувайского ущелья современные исследователи (*Torre, Mora, 2005*) внесли существенные поправки в типологическую раскладку материала, предложенную в свое время М. Лики. Они коснулись, в частности, определения достаточно большого количества предметов в качестве рубил (особенно в памятниках DOB). Это породило обоснованные сомнения в правомерности выделения развитого олдована как самостоятельной стадии в развитии каменной индустрии раннего плейстоцена. Другой вариант решения обозначившейся проблемы предполагал отнесение памятников, определенных ранее как DOA, к типичному олдовану, а материалов DOB – к раннему ашелю (*Semav et al., 2009; Torre, Mora, 2001*). В обоих вариантах развитый олдован исключается из предполагавшейся шкалы развития индустрии от олдована к ашелю, а сам ранний ашель в его начальной фазе признается синхронным концу классического олдована. При этом получается, что ашель возникает как бы из ниоткуда, существует на определенном отрезке времени синхронно и параллельно с типичным олдованом, не обнаруживая с ним никакой связи. Памятником с выразительной коллекцией, характеризующей ранний ашель этой восточной части Африки, считается, например, стоянка Консо Гардула. Ашельский компонент в инвентаре памятника представлен выразительными рубилами и пиками, а кливеры отсутствуют.

Таким образом, смена олдована новым культурным комплексом на разных территориях происходит в разное время и предстает (если говорить только о типологии) в виде различного набора крупных орудий. В Восточной и Южной Африке наиболее древние памятники раннего ашеля появляются около 1,7 млн. л. н. Как отмечено выше, в типологическом отношении диагностичными формами здесь являются бифас и пик.

На территории Леванта и Северной Африки наиболее ранний ашельский технокомплекс появляется около 1,4 млн. л. н. и представлен, так же, как и в Восточной Африке, бифасом и пиком.

В Южной Европе мы можем фиксировать два разных раннеашельских культурных комплекса – LCT на Пиренейском полуострове и PC technology – на территории Юга Европы, или точнее – Северного Средиземноморья и Балкан. Эта картина очень показательна в географическом отношении. Примечательно то, что LFA, который обнаруживает свою близость к раннему ашелю Африки южнее Сахары, выявлен (наряду с LCT) в границах современной Испании, тогда как памятники обобщенного Северного Средиземноморья (Франция, Италия и Балканы) относятся к разновидности PC technology. Нельзя исключить, что эта картина может быть подсказкой к решению вопроса о двух разных направлениях распространения на территории Европы двух отличных друг от друга технокомплексов раннего ашеля. В одном случае (LFA) вслед за другими исследователями мы видим африканское направление, берущее начало в Африке южнее Сахары, а во втором – северо-восточное направление, исходной точкой которого является Передняя Азия вместе с Кавказом.

После рассмотренного выше контекста раннего ашеля в целом можно поставить вопрос о том, как вписывается в него индустрия конца раннего плейстоцена Большого Кавказа, а точнее – северо-восточной части этой горной страны. Необходимо сразу отметить, что имеющиеся на этот счет конкретные археологические материалы требуют акцентировать внимание на особенностях, присущих культурам переходного облика.

Общим для отмеченных (и возможных других) культурных комплексов, следующих за олдованом, является также вопрос о существовании или отсутствии переходного хронологического отрезка между ними и предыдущей эпохой, характеризующейся технологией Mode 1. Понятно, что заключения на этот счет будут настолько состоятельными, насколько протяженными по времени и насыщенными репрезентативным археологическим материалом будут разрезы рассматриваемых памятников. Не будет преувеличением определение памятников среднегорной зоны Центрального Дагестана как самых представительных для Евразии в этом смысле в настоящее время. Они составляют целый пласт культуры и отвечают самым строгим требованиям (археологическим,

геолого-геоморфологическим, палеонтологическим, хроностратиграфическим и, отчасти, палеоботаническим), которые могут быть предъявлены к опорным памятникам раннего плейстоцена. На протяжении последних десяти лет здесь исследуется группа из 8 стратифицированных многослойных памятников. На трех из них обобщенно выявлено не менее 100 геологических слоев, содержащих археологические остатки. Разрезы некоторых из памятников уникальны для раннего плейстоцена по мощности их культурных напластований и своему хронологическому охвату. Толщина раннеплейстоценовых отложений изучаемых памятников превышает 70 м, а продолжительность времени формирования толщи составляет 1,4 млн. лет в диапазоне, примерно, от 2,3 млн. л. н. (но не менее 1,95 млн. л. н.) до 0,8 млн. л. н. (Амирханов, 2016).

Интенсивное изучение указанных памятников осуществляется с использованием различных естественнонаучных методов: геоморфологического, литологического, минералогического, палеопедологического, палеонтологического, малокологического, палинологического, фитолитного анализов. К этим работам привлечены специалисты шести академических институтов и Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Для датировки рассматриваемых памятников использованы данные названных направлений исследований. Помимо этого, для трех памятников получены многочисленные и перепроверенные данные палеомагнитных исследований. Для одного из рассматриваемых памятников – Айникаб 1 – имеются также определения абсолютного возраста с использованием метода ESR (Ahmed *et al.*, 2010; Амирханов и др., 2017).

Насыщенной культурными остатками толще раннеплейстоценовых отложений исследуемого района геологами присвоен ранг свиты («акушинская свита») (Чепалыга и др., 2012). Авторы настоящей работы членят ее на 5 переслаивающихся пачек крупнообломочного материала и мелкозема. На стоянках Мухкай 1 и 2 осуществлены детальные палеомагнитные исследования на глубину соответственно 34 и 30 метров от современной дневной поверхности. Еще на одной стоянке – Айникаб – такими исследованиями охвачена вся толща памятника. Разрезы рассматриваемых памятников сопоставимы друг с другом, и верхняя их пачка сопоставляется во всех трех случаях с субхроном Харамильо. Такая хронологическая определенность и возможность прямых стратиграфических наблюдений придает обоснованность заключениям, следующим из диахронного анализа археологического материала. Эти наблюдения касаются типологических, технологических и статистических изменений каменного инвентаря в культурных слоях названных памятников.

Проблема культурно-стадиального определения пласта памятников позднего эоплейстоцена указанного региона стала возможной для специального рассмотрения после проведения обширных исследований группы многослойных стоянок Акушинской котловины в Центральном Дагестане (Амирханов, 2016; Деревянко и др., 2012). Еще в самом начале изучения этих памятников во второй половине прошлого десятилетия было замечено, что в каменном инвентаре слоев верхней пачки отложений стоянок отмечаются технологические черты, не свойственные для индустрии средней и нижней частей разрезов (Амирханов, 2007а; 2007б). Эти признаки отражались в наличии массивных изделий (пик) на крупных отщепах. В нижележащих пачках отложений для таких орудий в качестве заготовок использовались только обломки и желваки. Затем, в верхних слоях по крайней мере двух стоянок – Айникаб 1 и Мухкай 1 – были отмечены единичные предметы, в оформлении которых использовалась бифасиальная оббивка. Отмечались и некоторые другие особенности, например такая, как относительная многочисленность в верхних слоях (Мухкай 1) чопперов поперечно-двулезвийных форм. Однако в те годы главные усилия были сосредоточены на проблемах стратиграфии (геологической и археологической) стоянок. Предстояло определить, прежде всего, основные характеристики экстраординарных по мощности рыхлых отложений. Интенсивные исследования вышеуказанных стоянок со вскрытием широких площадей и нацеленностью на изучение

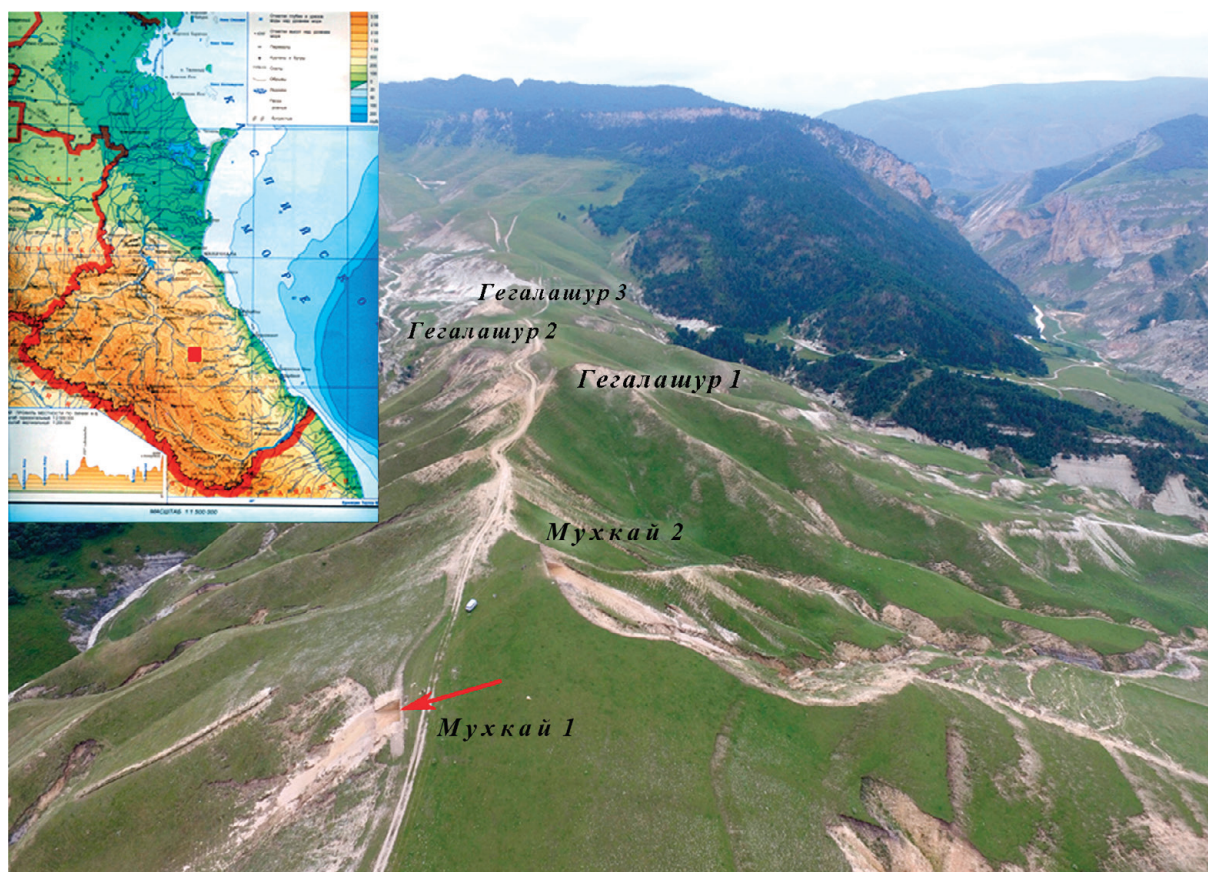

Рис. 1. Местоположение памятников раннего плейстоцена Центрального Дагестана

конкретных крупных проблем практически только начались. Так, в полевом сезоне 2018 г. на стоянках Мухкай 1 и 2 были заложены раскопы с расчетом на получение статистически значимых коллекций. Задача раскопок состояла в получении материалов для выяснения технико-типологических характеристик индустрии данного региона в конце раннего плейстоцена и определении стадийного статуса культуры, представляемой слоями верхней пачки отложений.

Мы располагаем важным подспорьем в проводимых исследованиях. Оно состоит в том, что раскапываемая толща на обоих памятниках имеет хронологические привязки. Время накопления слоев ограничено диапазоном от конца раннего плейстоцена до верхней границы палеомагнитного эпизода Харамильо, т.е. примерно рамками 0,8–0,99 млн. л. н. Указанный палеомагнитный эпизод уверенно выявлен в разрезах обоих рассматриваемых памятников, которые имеют между собой очевидные стратиграфические соответствия.

Изучение материалов, полученных раскопками 2018 г., пока не завершено. Но некоторые результаты работ с большей или меньшей полнотой могут быть уже использованы, например, при рассмотрении тех вопросов, которым посвящено данное исследование.

Стоянки расположены в центральной части Дагестана в зоне ландшафтов в виде горных степей и врезающихся в них глубоких речных долин (рис. 1). Высота памятников над уровнем моря составляет ок. 1600 м.

Раскопы на стоянках Мухкай 1 (рис. 2) и Мухкай 2 были заложены в виде врезов в склон на глубину 3,5 м и около 4,5 м соответственно. Они имеют в основании площадь 56 и 72 кв.м. Разрезы стоянок сопоставимы при рассмотрении на уровне пачек и имеют вариации на уровне литологических горизонтов. Оба раскопа дали относительно

большие и более или менее сравнимые коллекции каменных изделий. В настоящей работе мы ограничимся общим рассмотрением материалов только стоянки Мухкай 1 (рис. 3–7).

Раскопки на указанной стоянке выявили наличие археологического материала во всех десяти литологических горизонтах. Общее количество находок составляет 786 экз. – без учета предметов с единичными сколами и обломков кремня, которые можно рассматривать как запасы сырья, а в некоторых горизонтах как естественную примесь кремневого материала, имеющую пролювиальный генезис.

Распределение обработанного кремня в слоях неравномерное. Выделяются горизонты с особо плотным залеганием археологического материала. К таковым относится, например, слой 4, на который мы обращаем особое внимание при обобщенной характеристике коллекции.

Всего в ходе раскопок 2018 г. на стоянке Мухкай 1 во всех горизонтах найдено 1632 предмета; из них к раннему плейстоцену относится 1584 изделия. 48 находок обнаружено в покровном почвенном горизонте; они имеют верхнепалеолитический облик. В раннеплейстоценовом материале 495 предметов являются обломками без признаков намеренной обработки и 344 – обломками с единичными сколами. Две последние категории не имеют существенного значения для типолого-технологической характеристики коллекции.

Предметы, составляющие ядро коллекции наиболее насыщенного находками слоя 4, демонстрирует приведенный ниже список.

Нуклеусы и нуклевидные обломки –	9
Отщепы –	118
Обломки отщепов –	11
Орудия	
Протобифас – чоппер продольный –	1
Чопперы:	
на крупных отщепах –	13
на обломках –	30
скребловидные на желваках –	2
Пики:	
на крупных отщепах –	2
на обломках –	18
Скребла:	
на отщепах средних (5–10 см) –	4
на отщепах крупных (>10 см) –	3
Ножи:	
на отщепах мелких (до 5 см) –	1
на отщепах средних (5–10 см) –	3
на отщепах крупных (> 10 см) –	4
Скребки концевые на средних отщепах –	3
Скребки с узким лезвием на крупных отщепах –	2
Скребок нуклевидный на крупном отщепе –	1
Острия:	
на обломках –	2
на среднем отщепе –	1
Шиповидные орудия –	3
Выемчатое орудие –	1
Отщепы с частичной краевой ретушью –	2
Обломок с частичной краевой ретушью –	1
Всего: 235 экз.	

Рис. 2. Мухкай 1. Вид раскопа на уровне, достигнутом работами 2018 г., и характер геологических отложений, вмещающих культурные остатки

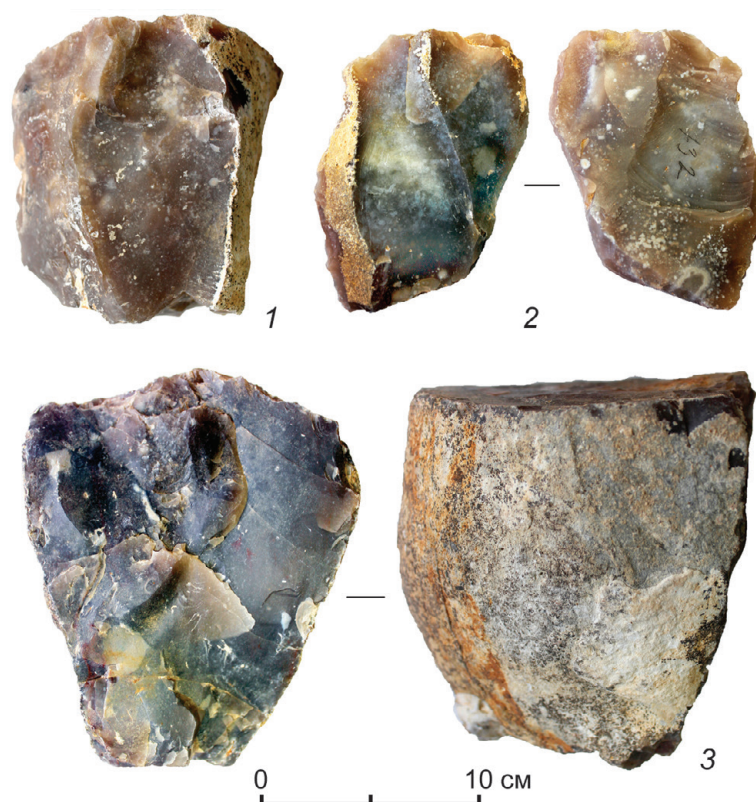

Рис. 3. Мухкай 1, слой 3. Образцы кремневых орудий
1, 3 – нуклеусы; 2 – нож с «подживлением лезвия»

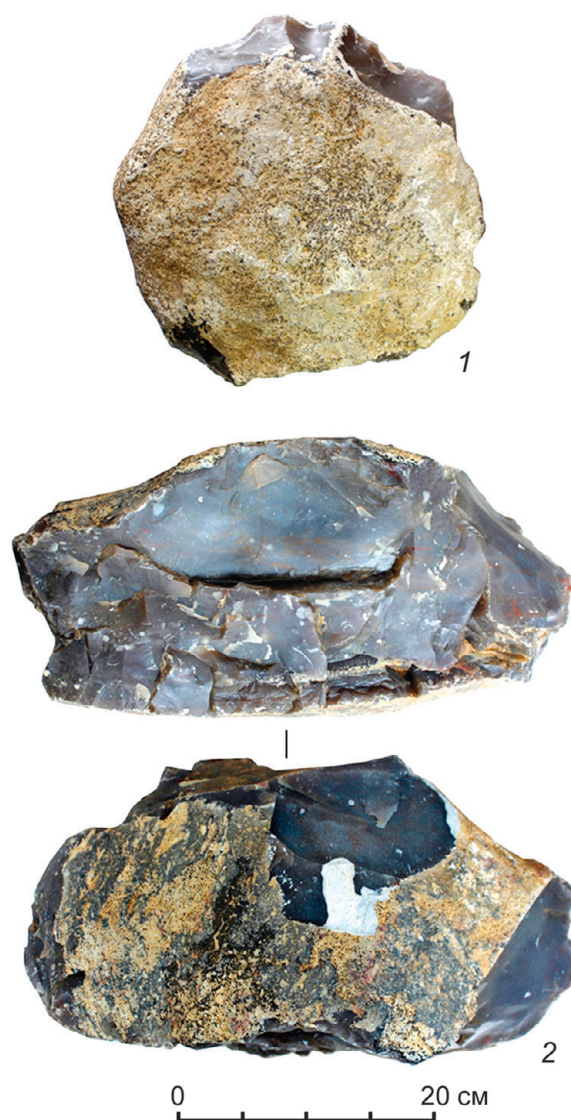

Рис. 4. Мухкай 1. Образцы кремневых орудий из слоев 3 (2) и 4 (1)
1 – чоппер; 2 – нуклеус

В данной работе, как отмечено выше, мы не ставим задачу детального анализа инвентаря. Здесь достаточно общей оценки индустрии в сравнении с более древними – типично олдованскими материалами, происходящими из стоянки Мухкай 1 и верифицируемыми данными синхронных памятников Мухкай 2 и Айникаб 1 (Амирханов, 2016). Такое рассмотрение показывает, что данный технокомплекс от местного типичного олдована отличают: **в технологии:** а) возникновение элементов бифасиальной техники; б) появление в качестве типичной заготовки крупного (более 10 см) отщепа и соответствующего ему нуклеуса; в) регулярное использование указанного типа заготовки для изготовления крупных орудий: рубящих (чоппер), режущих и скобящих (крупные ножи, скребла) и раскалывающих, дробящих (пики) орудий; г) сокращение в общем составе инвентаря заготовок в виде обломков и желваков относительно отщепов; д) возникновение приема поджигления лезвия крупных режущих орудий снятием, которое технологически близко к плоскому резцовому сколу; **в типологии:** а) возникновение протобифасов; б) заметное увеличение доли двулезвийных безобушковых и долотовидных чопперов; в) появление тенденции к измельчению пиков и пиковидных изделий; г) возникновение категории крупных ножей.

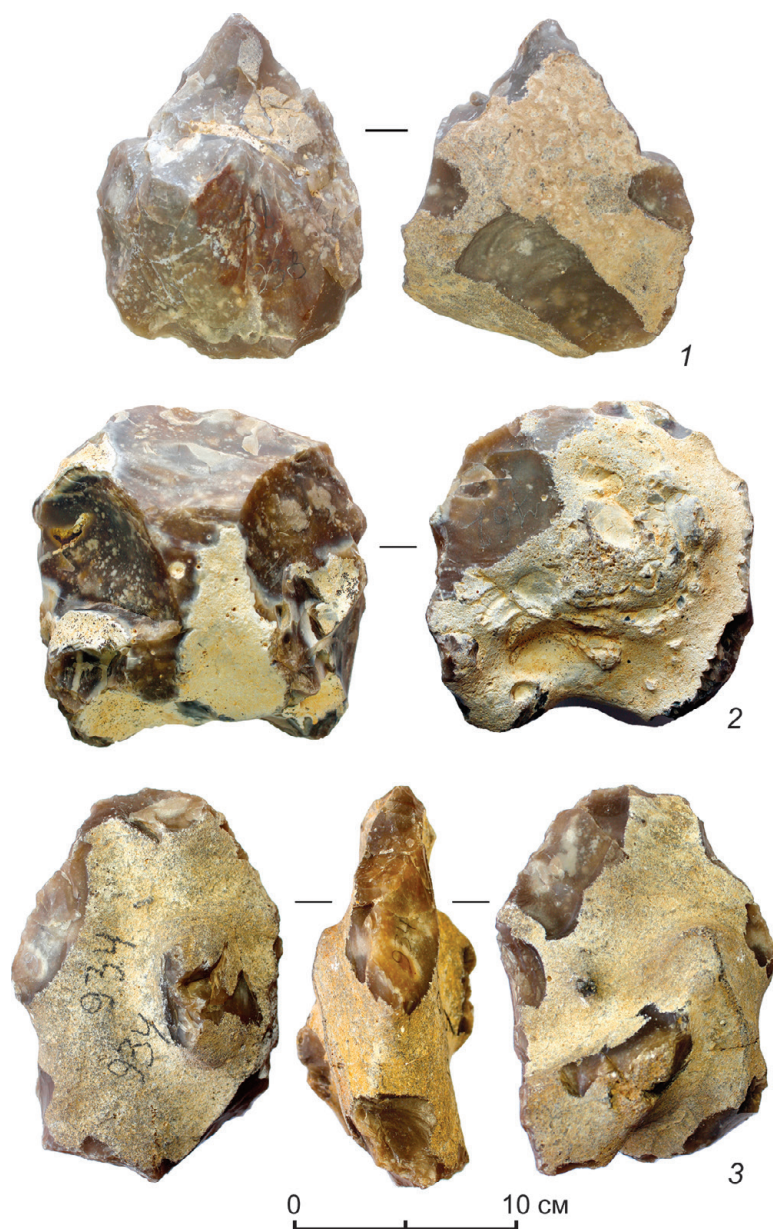

Рис. 5. Мухкай 1, слой 4. Образцы кремневых орудий

1 – пик; 2–3 – чопперы

Датировка рассматриваемых материалов основывается на общих геолого-геоморфологических основаниях и данных палеомагнитного анализа. По этим данным верхняя граница отложений памятника близка к концу эоплейстоцена, но не моложе хронологической границы неоплейстоцена. Нижняя граница датировки уровня отложений, до которых дошли раскопками 2018 г., не достигает конца субхрона Харамилью. То есть раскопанная толща расположена в верхней части диапазона 0,8–0,99 млн. л. н.

Что касается нижней границы датировки технокомплекса, о котором идет речь, то, используя данные раскопок предыдущих лет, представляется возможным относить ее к началу (ок. 1,1 млн. л. н.) субхрона Харамилью или несколько позже этого времени. Уточнение датировки возможно в ходе продолжающихся раскопок. На нынешнем состоянии исследований рассматриваемая разновидность культурного явления может быть определена как раннеплейстоценовая крупнотщеповая индустрия и установлена в пределах приблизительно 1,1–0,8 млн. л. н.

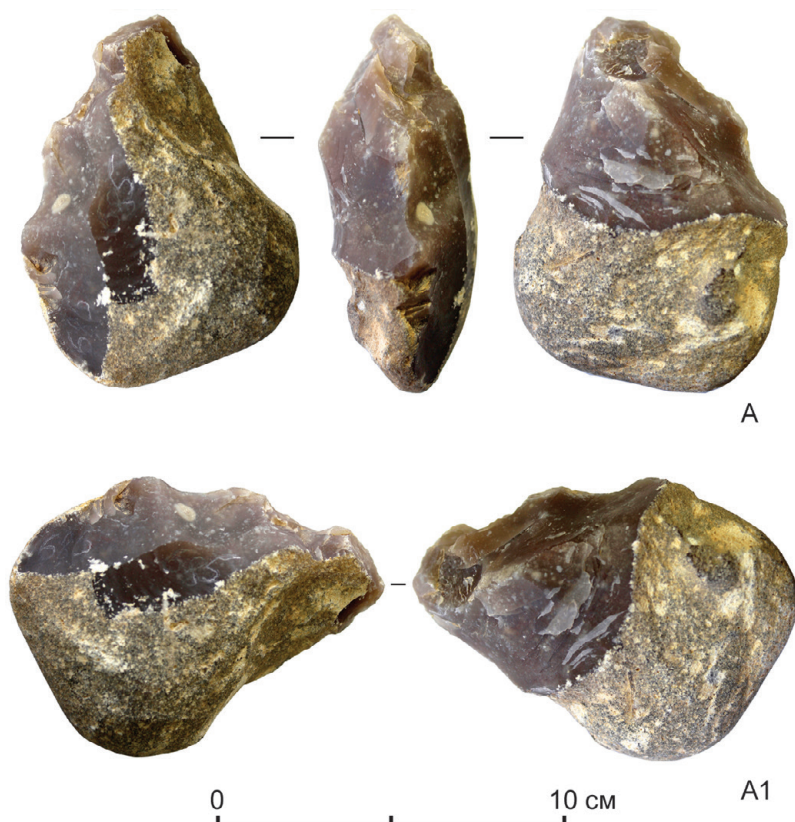

Рис. 6. Мухкай 1, слой 3. Образец кремневых орудий
А, А1 – чоппер продольный (протобифас)

Итак, на территории Африки, Ближнего Востока, Южной Европы и Южной Азии в указанном временном промежутке ашельская культура в ее разных вариантах уже известна. Возникает вопрос, повторяется ли эта ситуация на Кавказе и к какому из рассмотренных выше вариантов раннего ашеля могут относиться материалы верхней пачки отложений стоянки Мухкай 1, и относятся ли они к какому-либо вообще? Строго говоря, рассматриваемый инвентарь не смыкается ни с одним из них. И прежде всего потому, что он не содержит в своем составе рубила, несмотря на наличие здесь крупнотщеповой технологии и выраженных элементов бифасиальной обработки. Примечательно и то, что единичные предметы коллекции данного памятника, которые с оговорками можно было бы отнести к протобифасам (рис. 6), изготовлены не на крупных отщепах, а на желваке. Наличие крупнотщеповой технологии не предполагает обязательного наличия рубила, и, соответственно, данная индустрия, в отличие от других вариантов индустрий, где рубила представлены, не может претендовать на принадлежность к раннему ашелю.

С другой стороны, наличие рубила не означает, что данной индустрии должна быть присуща (или не присуща) технология крупного отщепа. Так и здесь, становление и долгое бытование технологии крупного отщепа не было сопряжено с возникновением рубила и наступлением ашеля. Рубила возникают и функционируют и вне крупнотщеповой технологии. Можно вспомнить, что рубила «развитого олдована Б», датируемого временем примерно 1,5–0 1,4 млн. л. н., изготавливаются, как правило, на обломках, а не на крупных отщепах (Kimura, 2002). В материалах же финальной стадии раннего плейстоцена Северо-Восточного Кавказа приходится говорить об отсутствии в них устоявшихся форм рубил не только на крупных отщепах, но и на обломках или желваках. Первые рубила зафиксированы в описываемом районе в аллювии

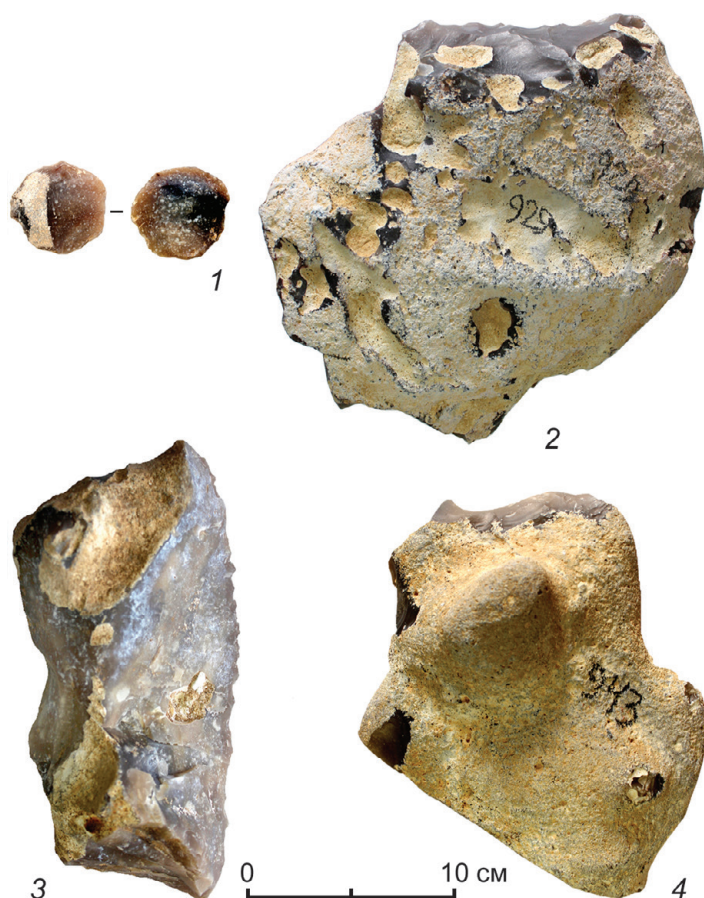

Рис. 7. Мухкай 1. Образцы кремневых орудий из слоев 3 (1, 3) и 4 (2, 4)
1 – скребок; 2, 4 – скребловидные чопперы; 3 – нож с обушком

самой высокой неоплейстоценовой речной террасы, что соответствует началу нижне-бакинского горизонта региональной стратиграфической схемы, т.е. времени не ранее 0,8 млн. л. н.

Будучи последовательными в определении ашеля как индустрии рубила и признавая культуру олдована почвой, на которой произошло становление обоих вариантов раннего ашеля (PCt и LCT), нужно допускать возможность различных путей реализации одного и того же процесса – становления бифасиальной техники и производства рубил при однонаправленности самого процесса развития. То есть в процессе развития присутствует не стихия случайностей и калейдоскоп событий, а эволюция, начальная и конечная точки которой, с точки зрения технико-типологического облика эволюционирующей культуры, нам известны. В таком случае должен существовать и некий переходный этап, в течение которого осуществляется трансформация олдована в индустрию ашеля. По этой логике временной диапазон от момента появления технологии крупного отщепа до внедрения в практику рубила представляется правильным определять как период, переходный от олдована к ашелю. Именно такой ход развития выразительно демонстрирует индустрия раннего плейстоцена Дагестана. То есть в указанное время уже доминирует технология крупного отщепа, что указывает на отдаление данной индустрии от олдована в строгом значении этого термина. Но при этом рубила, как выработанный тип орудия, памятникам этой стадии не присущи, хотя элементы бифасиальной обработки здесь присутствуют. Следовательно, называя данную индустрию раннеплейстоценовой и крупнотщеповая, мы вправе добавить здесь и определение «переходная», имея в виду переход от олдована к ашелю.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х. А., 2007а. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (предварительные результаты). М.: Таус. 52 с.
- Амирханов Х. А., 2007б. Ранний ашель Кавказа в свете новых исследований в Дагестане: проблема истоков и основные типологические характеристики // Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света / Ред. Х. А. Амирханов. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 21–34.
- Амирханов Х. А., 2016. Северный Кавказ: начало преистории. М.: МавраевЪ. 344 с.
- Амирханов Х. А., Тесаков А. С., Ожерельев Д. В., 2017. К датировке стоянки олдована Мухкай 2а в Дагестане // БКИЧП. № 75. С. 5–10.
- Беляева Е. В., Любин В. П., 2012. Развитие технологий и протодизайна в раннем палеолите на примере ашельских рубил Кавказа // Историко-культурное наследие и духовные ценности России: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук / Отв. ред. А. П. Деревянко. М.: РОССПЭН. С. 10–21.
- Деревянко А. П., 2014. Бифасиальная индустрия в Восточной и Юго-Восточной Азии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 372 с.
- Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н., Аношкин А. А., Рыбалко А. Г., 2012. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 292 с.
- Замятнин С. Н., 1951. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Происхождение человека и древнее расселение человечества / Отв. ред. М. Г. Левин. М.: АН СССР. С. 89–152. (Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия; т. 16.)
- Чепалыга А. Л., Амирханов Х. А., Садчикова В. М., Трубихин В. М., Пирогов А. Н., 2012. Геоархеология олдувайских стоянок горного Дагестана // БКИЧП. № 72. С. 73–94.
- Щелинский В. Е., Тесаков А. С., Титов В. В., Симакова А. Н., Фролов П. Д., Куршаков С. В., 2015. Раннеплейстоценовая стоянка Кермек в Западном Предкавказье (предварительные результаты комплексных исследований) // КСИА. Вып. 239. С. 240–257.
- Ahmed I. J., Blackwell B. A. B., Cho E. K., Chen S., Amirkhanov H. A., Blickstein J., Skinner A. R., Lev S., 2010. ESR dating an Oldowan site in Dagestan, Southern Russia: exploring the earliest Hominid migration into Eurasia // 2010 Geological Society of America Annual Meeting. 31 October – 3 November. Denver, Colorado USA.
- Asfaw B., Beyene Y., Suwa G., Walter R. C., White T. D., Wolde Gabriel G., Yemane T., 1992. The earliest Acheulean from Konso-Gardula // Nature. Vol. 360. P. 732–735.
- Bar-Yosef O., Goren-Inbar N., 1993. The lithic assemblages of Ubeidiya a lower palaeolithic site in the Jordan valley. Jerusalem: Institute of Archaeology, the Hebrew University of Jerusalem. 266 p.
- Clark G., 1969. World Prehistory: A New Synthesis. Cambridge: Cambridge University Press. 284 p.
- Isaac G., 1969. Studies of Early cultures in East Africa // World Archaeology. No. 1. P. 1–27.
- Jagher R., 2017. La question de l'Acheuleen – une tentative de comprehension // Vocation Prehistoire. Hommages a Jean-Marie Le Tensorer. Liege: ERAUL. P. 175–182.
- Kimura Y., 2002. Examining time trends in the Oldowan technology at Bad I and II, Olduvai Gorge // JHE. Vol. 43. Iss. 3. P. 291–321.
- Koobi Fora Research Project. Vol. 5: Plio-Pleistocene the Archaeology / Eds.: G. L. Isaac, B. Isaac. Oxford: Clarendon Press, 1997. 596 p.
- Kuman K., Clarke R. J., 2000. Stratigraphy, artefact industries and hominid associations for Sterkfontein, Member 5 // JHE. Vol. 38. Iss. 6. P. 827–847.
- Leakey M. D., 1971. Olduvai Gorge. Vol. 3: Excavations in Beds I and II. Cambridge: University Press. 222 p.
- Leakey M. D., 1975. Cultural Patterns in the Olduvai Sequence // After the Australopithecines. Stratigraphy, Ecology and Cultural Change in the Middle Pleistocene / Eds.: K. W. Butzer, G. L. Isaac. Chicago, Mountone. P. 447–493.
- Raynal J. P., Alaoui F. Z. S., Geraads D., Magoga L., Mohi A., 2001. The earliest occupation of North Africa: the Moroccan perspective // QI. Vol. 75. Iss. 1. P. 65–75.
- Raynal J. P., Sbini-Alaoui F.-Z., Mohi A., Geraads D., 2009. Prehistoire ancienne au Maroc Atlantique: bilan et perspectives regionales // Bulletin d'Archeologie Marocaine. Vol. XXI. P. 9–53.
- Roche H., 1995. Les Industries de la limite de la Plio-Pleistocene et du Pleistocene ancien en Afrique // Congreso Internacional de Paleontologia Humana. 3a Circular, Orce: Fundacion Caja de Granada. 93 p.

- Semav S., Rogers M., Stout D., 2009. The Oldowan Asheulian Transition: Is there a “Developed Oldowan” Artifact Tradition? // *Sourcebook of Palaeolithic Transitions: Methods, Theories, and Interpretations* / Eds.: M. Camps, P. Chaukhan. Berlin: Springer Verlag. P. 173–193.
- Sharon G., 2010. Large flake Acheulian // *Ql*. Vol. 223–224. P. 226–233.
- Torre I. de la, Mora R., 2001. Remarks on the Current Theoretical and Methodological Approaches to the Early Technological Strategies in Eastern Africa // *Interdisciplinary Approaches to the Oldowan* / Eds.: E. Hovers, D.R. Braun. Dordrecht: Springer. P. 15–24.
- Torre I. de la, Mora R., 2005. Technological strategies in the Lower Pleistocene at Olduvai beds I & II. Liege: ERAUL. 255 p.
- Vallverdu J., Saladie P., Rosas A., Huguet R., Caceres I., Mosquera M., Garcia-Tabernero A., Estalrich A., Lozano-Fernandez I., Pineda-Alcala A., Carrancho A., Villalain J. J., Bourles D., Braucher R., Lebatard A., Vilalta J., Esteban-Nadal M., Bennisar M. L., Bastir M., Lopez-Polin L., Olle A., Verges J. M., Ros-Montoya S., Martinez-Navarro B., Garcia A., Martinell J., Exposito I., Burjachs F., Agusti J., Carbonell E., 2014. Age and Date for Early Arrival of the Acheulian in Europe (Barranc de la Boella, la Canonja, Spain) // *PLOS ONE*. Vol. 9. Iss. 7. e103634.

H.A. Amirkhanov, A.I. Taymazov

**Early Pleistocene large flake industry of the Northeast Caucasus:
stadial status**

Abstract. The paper provides substantiation for identification of the Early Pleistocene large flake industry in the Northeast Caucasus. Comparing the materials from Central Dagestan of the relevant period with the implements of local typical Oldowan and the Early Acheulean industries in Africa and Southern Europe, the authors come to the conclusion that a culture with characteristics transitional between the Oldowan and the Early Acheulean existed in the region in question.

Keywords: Early Pleistocene, North-eastern Caucasus, large flake industry, Oldowan, Early Acheulian.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАВКАЗА КОНЦА ЭОПЛЕЙСТОЦЕНА: ОЛДОВАН, РАННИЙ АШЕЛЬ, ПЕРЕХОДНАЯ СТАДИЯ?

Ключевые слова: Дагестан, Мухкай 2, финальный эоплейстоцен, олдован, ашель, переходная индустрия.

Резюме. В статье рассматриваются материалы археологических памятников Кавказа конца плейстоцена (эоплейстоцена) в диапазоне, примерно, от 1 до 0,8 млн.л.н. Отмечается наличие объединяющих их признаков, значимых с точки зрения технологической эволюции индустрии раннего палеолита и указывающих на начало смены в этом отрезке времени традиций местной культуры олдована чертами, свойственными индустрии эпохи ашеля.

В кругу вопросов, относящихся к эволюции культуры и общей периодизации раннего палеолита, принципиальное значение имеет проблема смены эпохи олдована ашелю. На протяжении последних двух десятилетий эта проблема привлекает к себе пристальное внимание специалистов (The Emergence ..., 2018; Torre de la, et al., 2012; Semaw et al., 2009). Приводимая ниже цитата из статьи авторитетных авторов, посвятивших свою работу данной проблеме, говорит красноречиво о ее состоянии даже для такого, казалось бы, хорошо изученного в этом отношении региона, как Восточная Африка. «Мы до сих пор не можем ответить на такие простые вопросы, как: чем конкретно отмечен конец олдована и что свидетельствует о начале ашеля? Когда завершился олдован и начался ашель? Сколько длился переход? Почему развитый олдован считается переходным?» (Semaw et al., 2009, p. 181).

Из сказанного не трудно понять, что и применительно к кавказским материалам вопрос о времени, причинах и механизме смены рассматриваемых эпох в литературе специально не рассматривался. Тем не менее, в практических исследованиях уже сложились два подхода к трактовке хронологического аспекта этой проблемы. Согласно одному из них ранний ашель возникает на Армянском нагорье (Беляева, Любин, 2019) и в Южном Приазовье (Щелинский, 2019) около двух миллионов лет назад (1,8 млн. л.н. на Армянском нагорье и 2,1 млн. л.н. в Приазовье соответственно). При этом получается, что между этими двумя регионами на всей территории Большого Кавказа в это же время распространена культура олдована (Амирханов, 2016; Ожерельев, 2017); Таймазов, 2012); Кулаков, 2019); Кулаков, Зейналов, 2018) или преолдована (Lumley et al., 2005;). «Раннеашельские» памятники Армянского нагорья и Приазовья не встраиваются и в какой-либо иной культурно-хронологический контекст соседних регионов, ибо в материалах Армянского нагорья не отмечаются культурные связи с африканским и ближневосточным ашелю, приазовские памятники «раннего ашеля» оказываются самыми древними в мире и уже только поэтому не могут иметь генетических корней где-либо на стороне (впрочем, их не обнаруживают и на месте). Ко всему прочему, повторим, эти два рассматриваемые культурные образования разделены друг от друга пространством «инокультурного» (при указанном взгляде на вещи), Большого Кавказа. Явные «нестыковки» в концепции сторонников отмеченной точки зрения будут сняты тогда, когда будут решены вопросы датировок памятников, на материалах которых базируются соответствующие построения. Соответственно и дискуссии по поводу генезиса, тафономии и геологической позиции культурных слоев увенчаются выработкой непротиворечивых заключений.

Иной подход к проблеме перехода от олдована к ашелю на Кавказе предлагается нами, в частности, в этой работе. При этом мы исходим из признания возможности существования стадии, переходной от олдована к ашелю. Вопрос о переходной стадии, не затрагиваемый обычно в палеолитическом кавказоведении, является актуальным для проблематики нижнего палеолита в целом. Стадия, о которой идет речь, понимается нами, не в контексте бывшей в свое время классической, концепции, предполагавшей последовательность таких составляющих, как «развитый олдован А» и «раз-

витый олдован Б» (Leakey, 1971). Эта схема оказалась не соответствующей реальной картине развития культуры в самом Олдувайском ущелье и она, тем более, не может быть прямо перенесена на иные территории. Особенно, если мы исходим из того, что процесс становления ашеля в разных регионах варьируется, хотя, в целом, сохраняет однонаправленность своих главных технологических и общетипологических векторов.

К признанию переходной от олдована к ашелю стадии в развитии раннепалеолитической культуры Кавказа приводит возможность фиксации в археологических материалах хронологического рубежа, на котором *в индустрии еще присутствует типологический набор руководящих форм олдована, но происходят существенные изменения в технологии изготовления орудий*. Этот факт (особенно последнее), отмеченный уже давно для материалов Восточной Африки (Isaac, 1977), обнаруживает свои проявления в самых разных регионах и в разное время. Последнее является свидетельством его сути, проявляющейся не единовременно (и, может быть, не единообразно) в ойкумене олдована, но неизбежной в стадийном отношении для заключительного этапа эволюции индустрии олдована. Начало смены олдована ашеlem на Кавказе, как показывает дальнейшее рассмотрение, приходится на время около 1 млн. л.н. Будучи не одномоментным актом, а процессом с определенным временным содержанием, он не может не иметь более или менее определенной хронологической протяженности.

Прежде чем приступить к рассмотрению конкретных материалов по данной теме, уместно будет пояснить наше понимание основных технико-типологических характеристик самих индустрий олдована и ашеля. В типологическом отношении для олдована характерен следующий набор категорий предметов: небольшой нуклеус (в среднем, 5 см в высоту); чоппер различных модификаций, изготовленный на обломке, гальке или валуне; пик, относимый исследователями часто, особенно применительно к материалам олдована, к протобифасам. Разумеется, общий состав инвентаря этим не ограничивается. В индустрии рассматриваемого типа обычны скребки, скребла (на обломках и отщепках), шиповидные орудия, наковальни, отбойники. Заготовка, когда она представлена отщепом, соответствует здесь по габаритам нуклеусу или имеет более мелкие размеры, указывающие на их получение в ходе изготовления чопперов.

Для индустрии ашеля диагностичным является систематическое использование техники сплошной плоской двусторонней оббивки и появление категорий орудий, отсутствующих в индустрии олдована – рубила и кливера. Конечно, присутствуют и формы, возникшие еще в олдоване – пики, скребла, скребки, ножи, острия, наковальни и др. Категории, составляющие эту совокупность, предстают в сравнении с олдованом более переменными внутри каждой из морфологических групп.

Индустрия, определяемая, как переходная, характеризуется такими показателями, как систематическое использование в качестве заготовок крупных (>10 см) отщепов и соответствующих им по размерам нуклеусов, появление элементов бифасиальной обработки, наличие грубых (не стандартизованных) форм рубил (проторубил). Естественно, этот репертуар дополняется и другими категориями изделий, которые обычно органично связаны с названными (например, пики, ножи на крупных отщепках, скребла и др.).

Перейдем далее к анализу конкретных материалов, которые могут быть привлечены для рассмотрения обозначенной проблемы применительно к территории Кавказа. Подходящими для этого являются материалы памятников, которые соответствуют, хотя бы двум, из обозначенных выше критериев пригодности для анализа, а именно, наличием датировки, не вызывающей острых дискуссий и, обладанием более или менее удовлетворительным, геологическим контекстом. Для кавказского региона таких памятников набирается достаточно. Сюда могут быть включены: Азыхская пещера в Азербайджане (слои 7–10), Амиранис-гора в Грузии, верхи разрезов раннеплейстоценовых памятников Центрального Дагестана (раскопанные на широкой площади): Мухкай

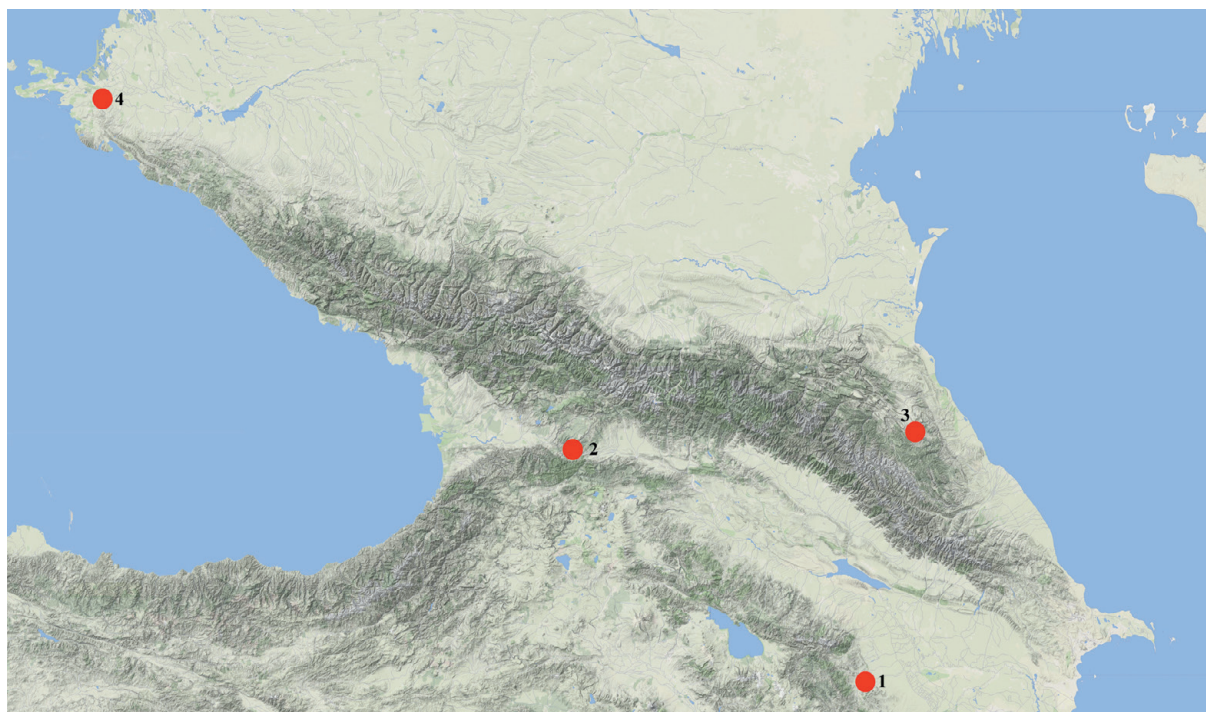

Рис. 1. Памятники конца раннего плейстоцена Кавказа, рассматриваемые в работе
1 – Азыхская пещера; 2 – Амиранис-гóra, 3 – Мухкай 1; 4 – Родники 1

1 и Мухкай 2) и памятники Приазовья (Богатыри/Синяя балка, Родники 1–4). Рассмотрим далее кратко основные характеристики тех из названных пунктов, по которым имеются более или менее полные публикации – Азых (слои 7–10), Амиранис-гóra, Мухкай 1 (верхи культурных отложений) и Родники 1. Как видно из карты их распространения, они охватывают Большой и Малый Кавказ, и также Южное Приазовье (рис. 1).

АМИРАНИС-ГО́РА

Памятник исследовался с начала 90-х годов прошлого века и в начале 2000-х годов нашего 21-века М. К. Габуния. Расположен на Ахалкалакском плато, формирующем значительную часть Джавахетского вулканического нагорья современной Южной Грузии. Пункт исследований приурочен к склону горы Амиранис-гóra; и имеет высотные отметки: над уровнем моря – 1883 м.; над уровнем основной местной водной артерии – р. Паравани (Ахалкалакис-цкари) – 150 м. (Габуния, 2000, 2007).

За все годы раскопок, длившихся с перерывами с 1993 до 2003 года вскрыта площадь чуть более 50 кв. м. По разрезу 2003 года максимальная глубина раскопанных отложений составила 145 см. По данным исследовательницы памятника (Габуния, 2007) разрез выглядит следующим образом.

Слой 1 – современный почвенно-гумусовый слой (мощность – до 30 см).

Слой 2 – перемешанный слой – отвал предыдущих раскопок (мощность – до 40 см).

Слой 3 – суглинок желтоватый, светлый с включением щебня и небольшого количества глыб андезита и базальта, как продукта разрушения местных коренных пород (мощность – 45–90 см).

Слой 4 – суглинок темновато-желтый, уплотняющийся по мере углубления. В нижней части (на уровне прокопа) слой насыщен глыбами и обломками вулканических пород.

Археологические находки в виде редких артефактов и костных остатков ископаемой фауны в приведенном выше разрезе начинают встречаться с глубины около 1 м и связаны, главным образом, со слоем 4. Нужно отметить, что единичны каменные изделия встречаются на стоянке и на современной поверхности. Скорее всего, это результат склоновой эрозии древних отложений и переноса материала с более высоких участков. Нельзя не учитывать, что при переносе такого рода предметы из древних (нижних) слоев будут оказываться перемещенными кверху современных напластований. К сожалению, в оригинальных публикациях сведения о факторах и процессе генезиса культурного слоя памятника скудны. Так же отрывочны и данные о планиграфической картине распределения каменных изделий и фаунистических остатков.

По определениям А. Векуа фауна стоянки характеризуется наличием следующих видов: саблезубый тигр (*Homotherium* sp.), лиса (*Vulpes vulpes* sp.), бегемот (*Hipporopotamus georgicus*), южный слон (*Archidiscodont meridionalis*), трогонтериевый слон (*Mammotus trogonterii*), гиппарионова лошадь (*Equus hipparionoides*), зюссенборнская лошадь (*Equus süssenbornensis*), гигантский олень (*Praemegaceros verticornis*), бизон (*Bison* sp.). Этот состав фауны дополняют некоторые другие виды, а также мелкие млекопитающие в виде грызунов. В количественном отношении подавляющее большинство костных остатков приходится на лошадь и бизона (всего – 76,5%) (Габуния, 2007).

Качественный состав фауны памятника вызывает сомнения в гомогенности коллекции и допускает механическое смешение здесь разновременного материала. Участие в формировании культурных отложений склонового фактора усиливает реальность такого предположения. Особенно не органично соседство таких двух явно разновременных таксонов лошадей, как гиппарионова и зюссенборнская. Или очевидна неестественность совмещения в едином хронологическом срезе южного и трогонтериевого слонов.

Из данных палинологического анализа отложений памятника интерес представляет обнаружение пыльцы воробейника (*Celtis glabrata*) и каркаса (*Lithospermum arvense*). Присутствие последних позволяет исследователям охарактеризовать климат времени формирования культурных отложений, как относительно засушливый.

В отношении фаунистических остатков стоянки Амиранис-гóra имеются основания для заключения о разновременности представленных здесь фаунистических остатков, но в отношении каменного инвентаря сделать это, опираясь только на технико-типологические показатели материала, практически невозможно. Правда, это не лишает возможности установления диапазона (пусть и более широкого, чем желаемый) датировки полученного здесь археологического материала средствами естественнонаучных дисциплин. Если опираться только на фаунистические данные, то они определенно отбивают верхний рубеж, как границу между эоплейстоценом и неоплейстоценом (массовое присутствие в коллекции остатков зюссенборнской лошади). А сочетание указанного вида с трогонтериевым слоном очерчивает хронологические рамки бытования таманского фаунистического комплекса в его традиционном восприятии (примерно, 1,1–0,8 млн. л.н.) (Вангейгейм Э.А. и др., 1991). Об этом же свидетельствуют и то, что по результатам палеомагнитного анализа культурные отложения Амиранис-гóra показывают обратную намагниченность, т.е. с учетом всего вышесказанного они располагаются в хронологическом отрезке между концом эпизода Харамильо и началом палеомагнитной эпохи Брюнес, т.е., в рамках, около 1,0–0,8 млн. л.н.

Каменный инвентарь, полученный на памятнике раскопками, немногочислен. Он состоит всего из 21 предмета. Исходным сырьем служили вулканические породы – андезит и базальт. В типологическом отношении коллекция включает в себя нуклеусы, чоппер, скребла на отщепах, в том числе крупных, скребок, отщепы (рис. 2).

Малочисленность имеющегося материала не позволяет делать в отношении его категорические заключения. Однако можно фиксировать один существенный для нашего рассмотрения признак, а именно не только наличие, но и использование здесь крупных отщепов для изготовления орудий. Не менее важным является отсутствие в составе

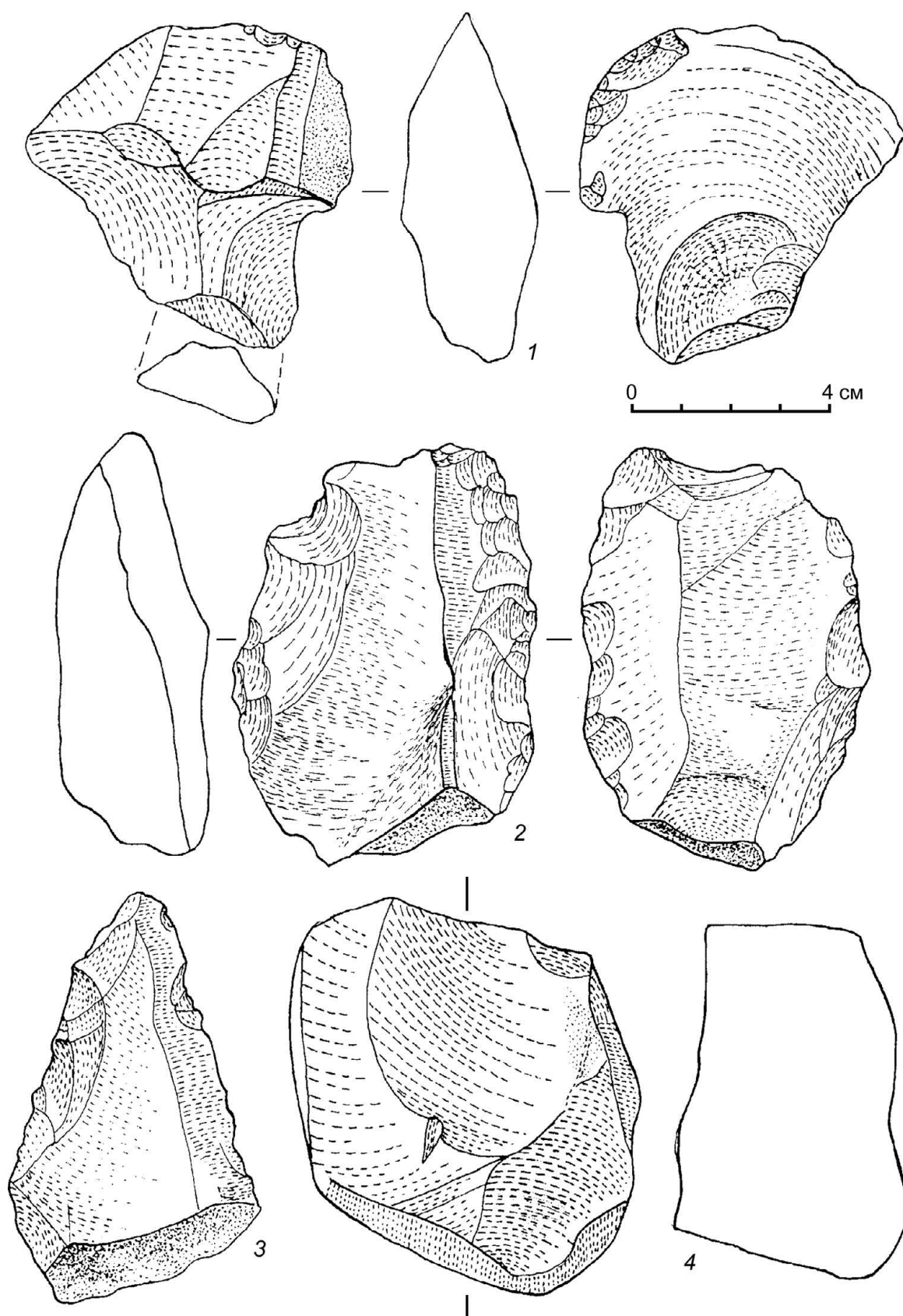

Рис. 2. Амиранис-гёра. Образцы каменных орудий

1, 3 – отщепы; 2 – скребло; 4 – нуклеус (по: В.П.Любин, Е.В.Беляева, 2006)

находок типично ашельских изделий при том, что в исследуемом районе на современной поверхности выразительный материал этого рода встречается достаточно часто (Габуня, 2007).

АЗЫХСКАЯ ПЕЩЕРА (СЛОИ 7–10)

Памятник открыт в 1960 году М. Гусейновым и раскапывался под его руководством до 1985 года. Расположена пещера на высоте 900 м. н.у.м. в предгорьях Карабахского хребта на 180–200 – метровой террасе р. Куручай. Пещера имеет протяженность более 220 метров; образовалась она в известняках и относится к разновидности галерейных сквозных полостей карстового происхождения.

Общая мощность рыхлых пещерных отложений составляет 14 метров. Раскопками было охвачено 242 кв. м. Установлено наличие в отложениях пещеры разновременных археологических слоев с очень большой хронологической протяженностью. В нижних слоях (слои 7–10) выявлены археологические остатки в виде каменных изделий «галечного» облика и немногочисленных раздробленных костей млекопитающих. Выше залегают слои, материалы которых были отнесены к раннему ашелю (слой 6), среднему ашелю (слой 5) и позднему ашелю-раннему мустье (слой 3).

Фаунистические остатки интересующих нас слоев 7–10 пещеры малоинформативны. Остатки крупных животных представлены здесь не поддающимися определению фрагментами трубчатых костей. Имеются также единичные кости грызунов, среди которых установлены малоазийский тушканчик и полевка. Существенным является то, что в слое 7 обнаружены остатки полевок *Microtus ex gr. Arvalis-socialis*, относящиеся к Тираспольскому фаунистическому комплексу, т. е. к началу неоплейстоцена (бакинский ярус местной стратиграфической шкалы).

Основанием для датировки серии нижних слоев пещеры является выявление в нижележащем археологическом слое 8 (литологический слой 15) отрицательной намагниченности отложений при положительной полярности всех вышележащих археологических слоев. Этот факт вместе с данными палинологического анализа позволил отнести слои 8–10 разреза к эоплейстоцену, точнее – его заключительному отрезку. Речь идет об отрезке, включающем время несколько ранее палеомагнитного эпизода Харамильо и до границы раннего и среднего плейстоцена (эоплейстоцен-неоплейстоцен). Для слоев 8–10 Азыха в абсолютном значении это должно составлять, примерно 1,2–0,8 млн. л.н.

Приведем ниже краткую характеристику коллекций каменных изделий, полученных из археологических слоев 10–7.

Слой 10 – коллекция каменных предметов слоя состоит из 10 артефактов и 7 манупортов в виде речных галек. Сырье – кварцитовая галька. В коллекции определены «чоперовидные» изделия, скребла, лимасовидный предмет, нуклевидное изделие, отщепы, отходы производства и, как отмечено, необработанные гальки. Общая малочисленность коллекции не позволяет делать по поводе ее обязывающие заключения. В особо интересующей нас части можно отметить наличие в ней предметов в виде крупных отщепов.

Слой 9. Найдено 53 артефакта и 27 манупортов. К последним относятся необработанные речные гальки. Исходным сырьем в основной массе служила кварцитовая галька; встречается эпизодически кремьень. В типологии не прибавляется разнообразия в сравнении с коллекцией слоя 10.

По материалам данного слоя более определенно можно говорить о характере заготовок для орудий. Несмотря на скудость исходной информации, касающейся технологического и типологического описания материалов первичного скалывания, определенно можно утверждать, что заготовка типа крупного (>10 см.) отщепа является типичной для индустрии слоя 9 Азыха.

Слой 8. Выявлен 41 артефакт и 15 манупортов в виде необработанных галек. Сырьем служил, по-прежнему кварцит; в небольшом количестве кремьень и единично базальт.

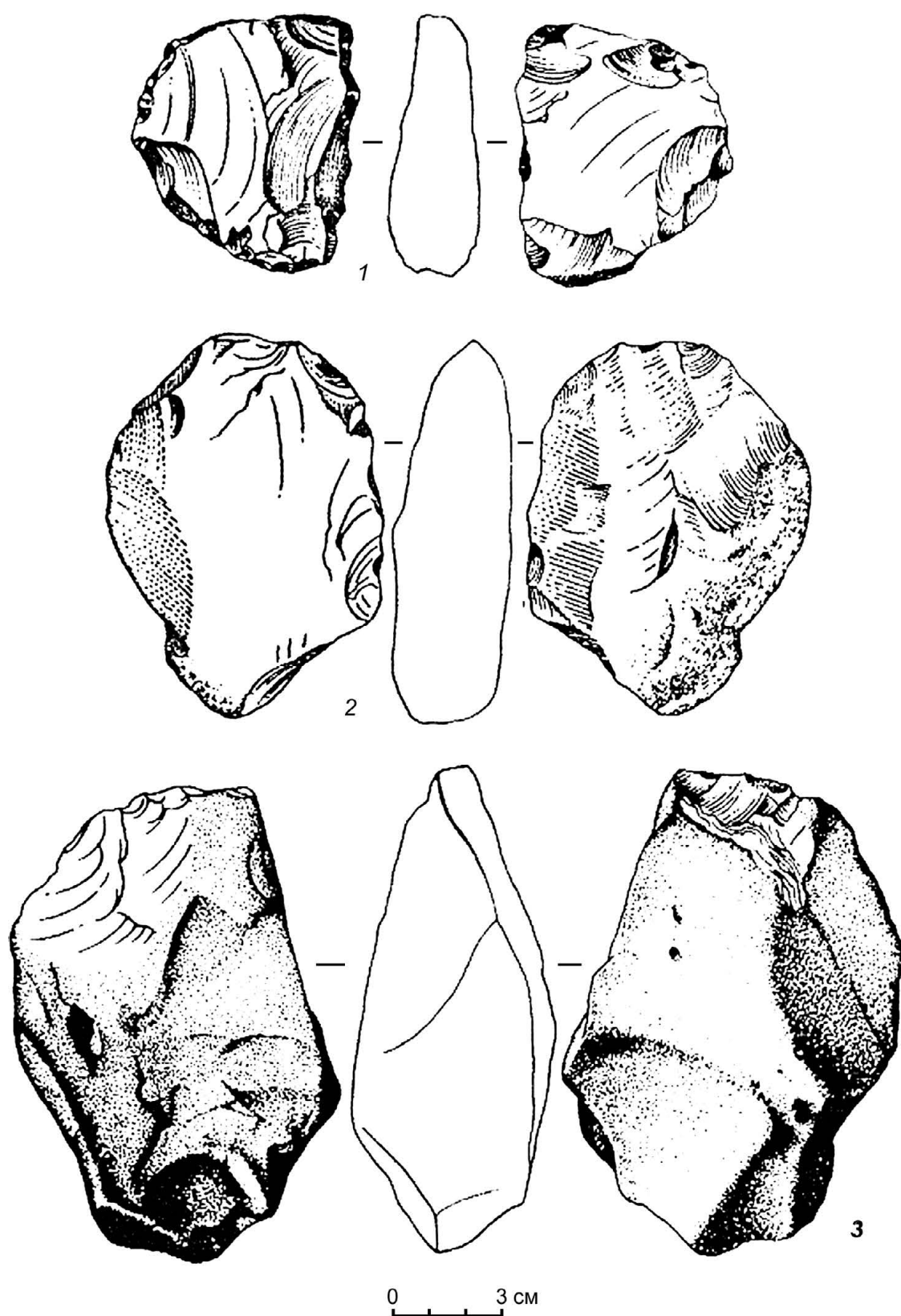

Рис. 3. Азых, слой 9

1 – отщеп с участками ретуши; 2 – чоппер на крупном отщепе; 3 – чоппер с узким лезвием
(рисунки: по Гусейнов, 2010; типологические определения автора)

В типологическом и технологическом отношении материал в целом повторяет характеристики каменного инвентаря нижележащих слоев. Заметным дополнением является появление орудий типа чопперов-гигантолитов и изделий, получивших название «чопп-ниг с острием» (Гусейнов, 2010, рис. 35, 2). Более выразительно, чем в нижележащем слое, хотя также далекими от эталона типа, предстают здесь и пиковидные изделия.

Конкретных статистических данных о доле крупных отщепов в индустрии слоя 8 не имеется. Но можно отметить, что в производстве орудий они использовались часто.

Слой 7. Найдено 39 каменных изделий и 7 мануportов виде речных галек. Отличия в исходном сырье в сравнении с материалами нижележащих слоев не отмечаются.

В типологическом и технологическом отношении материалы слоя 7 не обнаруживают заметных отличий от состава инвентаря слоев, залегающих ниже. Крупные отщепы здесь также используются в качестве заготовок при оформлении орудий. И не только в виде крупных скребел, но и изделий олдованского типологического репертуара – чопперов.

Исследователь стоянки М. М. Гусейнов находил достаточным наличие в коллекции слоя сколов с характерной огранкой спинки и выраженным ударным бугорком (т.е., просто отщепов) для того, чтобы считать данную индустрию специфической. В наличии этих признаков исследователь увидел отличие данных материалов от обычной «галечной культуры» и пришел к необходимости отнесения ее к «...остаткам иной, новой локальной куручайской культуры» (Гусейнов, 2010, с. 68). Не отвлекаясь здесь на напрашивающиеся комментарии, ограничимся фиксацией того, что в индустрии нижних слоев пещеры заметное место принадлежит разновидности заготовки в виде крупного отщепа.

МУХКАЙ 1

Памятник открыт в 2005 году вместе с другими пунктами мухкайско-гегалашурской группы памятников Х.А. Амирхановым. Полевые исследования памятника ведутся с небольшими перерывами с указанного года и до настоящего времени. Общая мощность раннеплейстоценовых отложений памятника на исследованном участке составляет 66 метров. Разведочной траншеей выявлено 39 культурных слоев и горизонтов, относящихся к различным стадиям раннего плейстоцена.

Археологически находки состоят только из каменных изделий. Сырьем служил кремнь, выходы которого имеются на месте в виде вкраплений в рыхлые обломочные отложения пролювиального характера. Первичные выходы кремня имеются в известняковых бортах долины неподалеку от стоянки.

На уровне глубины от 7,5 м до 12 м глубины от современной дневной поверхности разрезе памятника выявлен палеомагнитный эпизод Харамильо (Амирханов, 2016). Самый верх отложений по геолого-геоморфологическим данным датируется границей раннего и среднего плейстоцена (эоплейстоцен – неоплейстоцен).

На стоянке Мухкай 1 в 2019 году получена значительная коллекция каменных изделий, относящаяся к финалу раннего плейстоцена. Здесь вскрыты культурные отложения в верхней части разреза на глубину 3 метра от современной дневной поверхности. Площадь раскопа на уровне глубины, достигнутом работами указанного года, составляет около 60 кв. м. В литологическом отношении вскрытая часть разреза представляет собой серию слоев и горизонтов преимущественно крупнообломочного состава.

Сопоставимый по размерам и глубине раскоп был разбит в том же году и на стоянке Мухкай 2. Он вскрыл аналогичные по общему характеру геологические отложения и доставил сравнимую со стоянкой Мухкай 1 по количеству и типологическому составу коллекцию каменных изделий. В целом эти работы не просто подтвердили некоторые прежние наблюдения относительно общих технико-типологических характеристик эволюции раннеплейстоценовой индустрии Центрального Дагестана (Амирханов, 2016). Они создают возможность исследовать рассматриваемую проблему на новом, гораздо

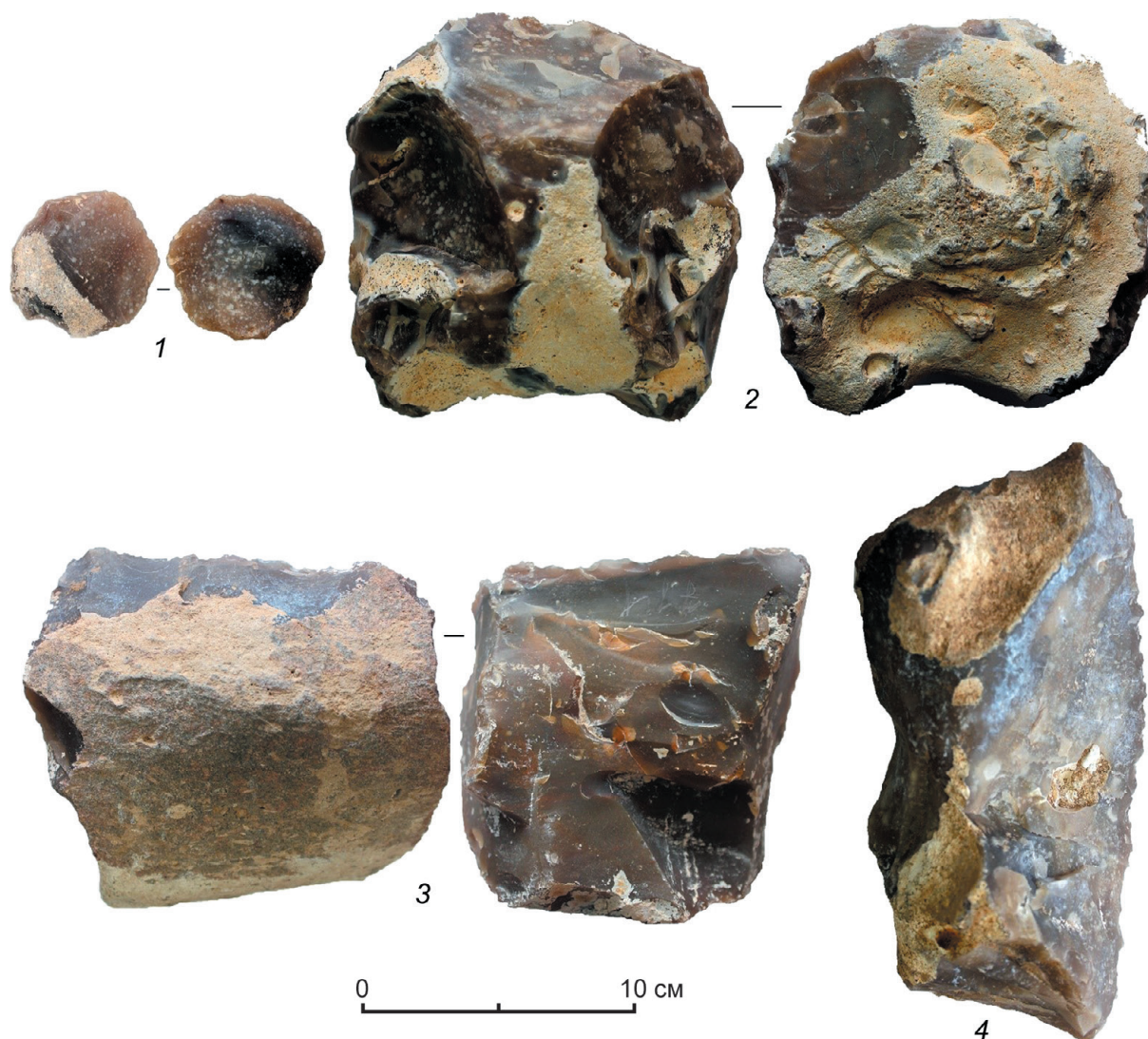

Рис. 4. Мухкай 1. Образца каменных орудий
1 – скребок; 2–3 – чопперы; 4 – нож

более подробном и доказательном уровне и подход к этому в определенной степени уже намечен (Амирханов, Таймазов, 2019).

Общие технологические, типологические и статистические показатели индустрии верхних слоев стоянки Мухкай 1 выглядят в следующем виде. Ядро коллекции (не считая предметы с единичными сколами) состоит из 284 изделий. Из них 9 являются нуклеусами и 86 – орудиями. Число орудий на отщепах составляет 39 экз. Орудия, на крупных отщепах (>10 см.) представлены 25 предметами, что равно 65% от всего количества орудий на отщепах. Обращает на себя внимание, что наибольшее количество орудий на крупных отщепах приходится на чопперы, т.е. на олдованскую в типологическом отношении категорию изделий. Весьма показательно и то, что здесь представлены морфологически выраженные нуклеусы, предназначенные для получения крупных (>10 см.) отщепов. Последнее лишний раз свидетельствует о систематическом, а не ситуационном или эпизодическом использовании заготовок указанного типа в данной индустрии.

Особая значимость рассматриваемых материалов для решения проблемы эволюции культуры раннего плейстоцена состоит в том, что, во-первых, они происходят из памятника, который содержит для сравнения археологические материалы из нижних

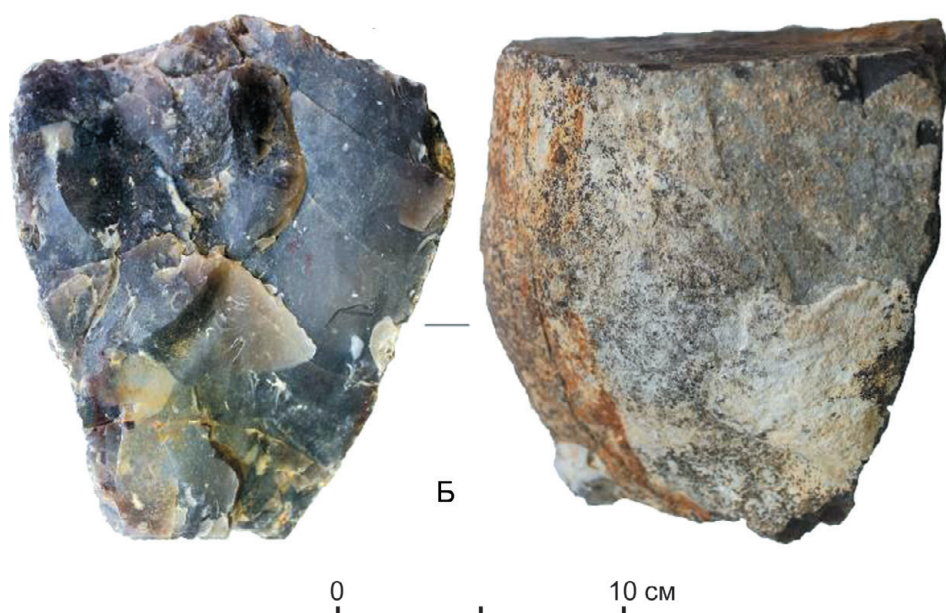
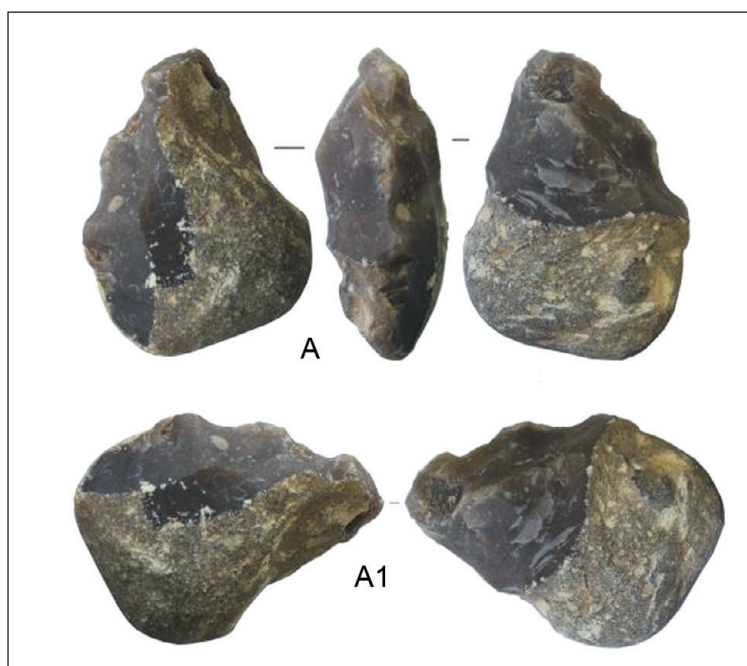

Рис. 5. Мухкай 1. Образцы каменных изделий

А, А-1 – проторубило-чоппер продольный; Б – нуклеус для крупных отщепов

отрезков разреза и, следовательно, дает возможность для осуществления прямых культурно-стратиграфических наблюдений. Во-вторых, материалы, которые привлекаются для рассмотрения, как в верхах, так и нижней части разреза, обеспечены надежными датировками. Верхняя хронологическая граница рассматриваемых здесь конкретных материалов определяется как рубеж раннего и среднего плейстоцена (Амирханов и др., 2017; Чепалыга и др., 2012). Нижняя же граница археологических материалов стоянок Мухкай 1 и Мухкай 2, полученных раскопками 2018 года, моложе конца палеомагнитного эпизода Харамильо. Таким образом, отбивается диапазон в пределах <1,0–0,8 млн. л.н.

Для общей оценки инвентаря рассматриваемых слоев стоянки наиболее существенное значение имеет отсутствие в них ашельских форм изделий – типичных рубил. При этом нельзя не отметить наличие элементов двусторонней обработки, указывающей на то, что в технологическом отношении мастера, обитавшие на данной стоянке, были способны в техническом отношении (если бы была такая необходимость) изготавливать крупные бифасиальные орудия, включая рубила.

РОДНИКИ 1

Памятник открыт в 2004 году В. Е. Щелинским и исследовался им в 2004–2009 годах. Входит в компактную группу из шести приазовских стоянок (Кермек, Богатыри/Синяя балка, Родники 1–4), приуроченных в геолого-геоморфологическом отношении к береговому абразионно-оползневому уступу и рассредоточенных друг от друга не более, чем на 3 км. При этом пункты Родники 1–4 по мнению автора исследований могут рассматриваться, как участки одной и той же стоянки, «...протянувшейся полосой вдоль берега моря длиной, приблизительно, 100–150 м и шириной до 50 м» (Щелинский, 2014, с. 34).

«Участок Родники 1 является наиболее информативным и характеризующим, по сути, всю стоянку» (Щелинский, 2014, с. 34). Материалы именно этого пункта и изда ны наиболее полно. Поэтому применительно к приазовским источникам, относящимся к проблеме, интересующей нас в этой работе, мы ограничимся рассмотрением данных именно этого пункта.

Указанный памятник раскопан на площади 36 кв.м. Находки в виде каменных изделий и немногочисленных мелкофрагментированных (поэтому малоинформативных) костей крупных млекопитающих залегали в слое галечника, перекрытого морскими песками. В сохранившемся виде культурный слой Родники 1 представляет собой отложения, толщиной 80 см. Формировался он в условиях древней пляжевой зоны, в пределах воздействию прибойной морской волны и имеет преимущественно субаквальный характер. Это обусловило, как минимум, незначительное перемещение и переотложение археологического материала.

Палинологические исследования, сделанные по образцам из культурного слоя, показали «...широкое распространение лесостепных ландшафтов, представляющих собой сочетание смешанных лесов и лугово-степной растительности» (Щелинский, 2014, с. 35).

В слое обнаружены остатки фауны грызунов, относящейся к таманскому фаунистическому комплексу, что позволяет отнести памятник к конечному отрезку раннего плейстоцена. Если говорить более конкретно, то по аналогии с пунктом Родники 2, где проводились палеомагнитные исследования (Трубин и др., 2017), материалы из данного культурного слоя в соответствующей шкале должны быть отнесены к низам эпизода Харамильо. В абсолютном выражении для Родников 2 этот отрезок оценивается, как 1,05–1,1 млн. л.н. (Трубин и др., 2017). Таким же он будет и для Родников 1.

Коллекция каменных изделий стоянки Родники 1 включает в себя 710 предметов. Сырье данной индустрии практически целиком основывается на доломите (преимущественно окварцованном) в виде плитчатых отдельностей. Собиралось сырье в грязевулканических отложениях, залегающих в близкой от стоянки округе.

В материалах памятника насчитывается всего 255 (целых и «почти целых») отщепов (включая предметы со вторичной обработкой). Из них на крупные (>10 см) приходится 12 экз. (4,7% от всех предметов данной категории изделий). Если учесть, что вторичной обработке крупные отщепы (>10 см) подвергались здесь в два раза чаще, чем их разновидности иных пропорций (соотношение – 83,3%, против 44,5%), то становится ясно, что фактически роль крупных отщепов в индустрии гораздо более значима, чем их количественная представленность. На это косвенно указывает и то, например, что на стоянке (участке) Родники 2 доля крупных отщепов в несколько раз выше (26,7%), чем на Родниках 1 (соседнем участке).

Основную категорию орудий на обломках на стоянке Родники 1 составляют чопперы и пики. Обращает на себя внимание многочисленность пиков – черта характерная и для центрально-дагестанских материалов, происходящих из верхней пачки культурных отложений, которые сформировались во время палеомагнитного эпизода Харамильо и непосредственно после него. Интересно, что в обоих районах и чопперы, и пики в указанное время изготавливаются не только на обломках, но и на крупных отщепах. Использование же самих крупных отщепов (>10 см) становятся в это время систематическим.

Касаясь вопроса о стадильной атрибуции таманских материалов, в статье 2018 года (Щелинский, 2018) В. Е. Щелинский определил пункты Богатыри и Родники 1–4, как раннеашельские. Более того, такой же статус присваивается и материалам стоянки Кермек. По поводу последней указывается, что «более ранний возраст стоянки Кермек и меньшая представительность в ее каменной индустрии раннеашельских технологических признаков, в частности, крупных рубящих орудий (LCT) и стандартизованных мелких ретушированных орудий на отщепах и обломках камня, позволяют рассматривать ее как начальный этап в развитии таманской раннеашельской индустрии, существовавшей в Приазовье длительное время в интервале от 2,1 до 1,0 млн. л.н».

Здесь сразу встает несколько вопросов и один из них – как можно говорить о большей или меньшей представленности в сравниваемых коллекциях пресловутых LCT, если даже там, где они есть в приазовских материалах, их количество исчисляется лишь единичными экземплярами не вполне убедительных образцов? Многократно опубликованные в качестве диагностичных для ашеля несколько каменных изделий из таманских памятников, весьма спорны с точки зрения их типологических определений. Например, приводимые на рис. 17 в последней по времени статье, на эту тему (Щелинский, 2019) предметы под номерами 1, 3, 4 не могут быть названы рубилами. Изделие под номером 4 – явный нуклеус; номер 3 – это пик, а предмет на рисунке 2 не может быть кливером, так как у него обработано регулярной оббивкой (как у чоппера) рабочее лезвие. И это весь имеющийся набор предметов (?) из коллекций шести памятников, на котором основывается выделяемая «новая, ранее не известная, самобытная раннеашельская индустрия («культура»), названная таманской». (Щелинский 2019, с. 27).

Декларируемая «самобытность» данной культуры тоже требует дополнительных обоснований. Рассуждения такого рода могут стать убедительными лишь тогда, когда они будут подтверждены сравнительным анализом рассматриваемых материалов с данными других синхронных памятников широкого пространственного ареала. Здесь возникают вопросы и понятийно-терминологического характера, касающиеся, например, «самобытности» приазовской «культуры». В частности, остается неясным – под понятием «культура» применительно к таманским материалам понимается археологическая культура или слово это используется здесь в значении, не претендующем на терминологическую строгость, как в случае с «куручайской культурой» (Гусейнов, 2010; Зейналов, Кулаков, 2017)? Подобные вопросы, на наш взгляд отпадут, если сделать специальный сравнительный анализ типологии и технологии таманских материалов с индустрией слоев верхней пачки отложений стоянок раннего плейстоцена, Центрального Дагестана. Мы обнаружим тут принципиальное сходство синхронной части сравниваемых материалов при наличии второстепенных отличий, связанных целиком с особенностями местных разновидностей исходного сырья. Это при том, конечно, условии, что для предлагаемых сравнений будут отобраны комплексы, которые будут происходить из памятников однотипных в функциональном отношении.

Обобщая оценки культурно-стадильной позиции памятников финала раннего плейстоцена Тамани, отметим, что из разнообразия мнений, высказывавшихся В. Е. Щелинским на этот счет, отвечающим в наибольшей степени характеру источников представляется то, в котором индустрия Родники 1 сопоставляется им с материалами соседних пунктов Богатыри, Родники 2,3,4 и определяется, как *«переходная от олдована к раннему ашелю»* (Щелинский, 2016, с. 28).

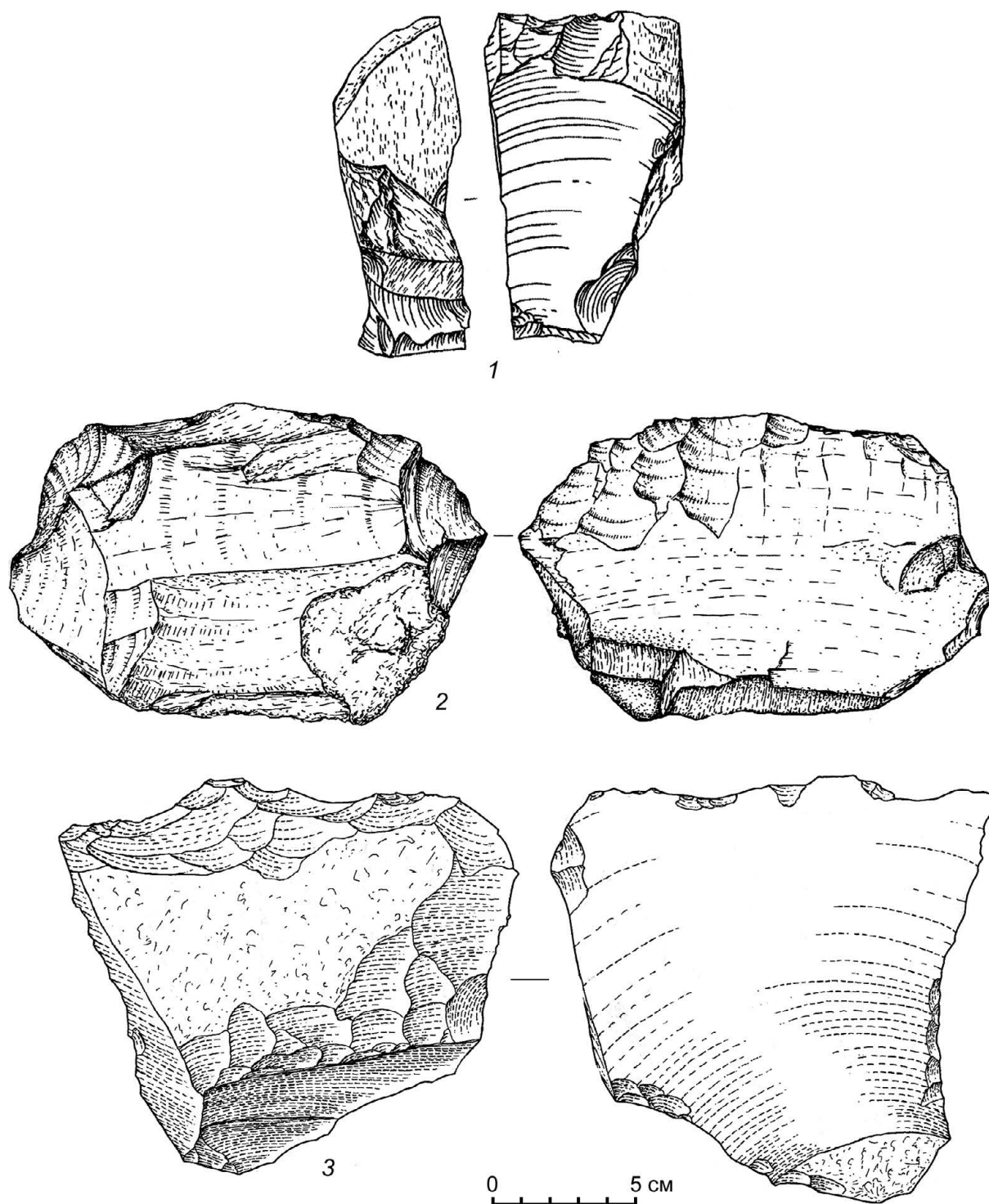

Рис. 6. Образцы каменных изделий на крупных сколах:
1, 3 – Синяя балка/Богатыри; 2 – Родники 1. Чопперы (1, 3) и чопперовидное орудие (1)
(по: Щелинский, 2014)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существует пласт археологических памятников, рассредоточенных по всей территории Кавказа и с датировками, приходящимися на завершающую стадию раннего плейстоцена. В обобщённом виде возраст стоянок Амиранис-гора, Азыхская пещера, верхняя часть разрезов стоянок Центрального Дагестана (Айникаб 1, Мухкай 1, Мухкай 2 и др.), Богатыри, Родники 1–4 приходится на диапазон в пределах ~1,1–0,8 млн. л. н. Это позволяет сделать обоснованные заключения о характере культуры Кавказа указанного времени и ее стадияльной позиции в общей схеме периодизации раннего палеолита данного региона.

Названные памятники обладают общими для них существенными культурно-стадиальными характеристиками. Наиболее значимые из последних можно определить, как: а) органичность для каменного инвентаря стоянок заготовки в виде крупных отщепов (>10 см); б) отсутствие выработанных форм рубил при наличии элементов бифасиальной обработки и наличии предметов, которые можно отнести к протобифасам.

Значимыми для рассматриваемой проблемы являются также такие признаки, как появление нуклеусов, соответствующих по размерам, крупным отщепам, частое изготовление олдованских форм (чоппер, пик) на крупных отщепах, тогда как на стадии собственно олдована они оформляются главным образом (или почти исключительно) на обломках и гальках (валунах).

Все отмеченное позволяет выделить в палеолите Кавказа в диапазоне, примерно, с конца (?) палеомагнитного эпизода Харамильо (около 1 млн. л. н.) и до конца раннего плейстоцена (около 0,8 млн. л. н.) стадию с культурными признаками, которые можно характеризовать, как переходные от эпохи олдована к ашелю. Определение этого культурно-хронологического горизонта может быть сформулировано, как *раннеплейстоценовая переходная крупнотщеповая индустрия*. Представляется, что такое название, не нарушающее типологическую строгость самих дефиниций «олдован», и «ашель», является наиболее подходящим для культурного явления, промежуточного для них и фиксирующего соответствующее ему состояние перехода от одной эпохи к другой. При таком взгляде на вещи в общую схему развития раннего палеолита Кавказа логично встраиваются и материалы группы памятников конца эоплейстоцена в Приазовье.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х. А. Северный Кавказ; начало преистории. М., «Мавраевъ», 2017. 344 с.
- Амирханов Х. А., Тесаков А. С., Ожерельев Д. В. К датировке стоянки олдована Мухкай 2а в Дагестане // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 75, 2017. С. 5–10.
- Амирханов Х. А., Таймазов А. И. Раннеплейстоценовая крупнотщеповая индустрия Северо-Восточного Кавказа: стадияльный статус. КСИА. Вып. 254. 2019. С. 13–33.
- Беляева Е. В. Новые данные о первоначальном заселении Южного Кавказа (результаты работ Армяно-Российской экспедиции, 2013–2018 гг.) // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий. (К столетию создания российской академической археологии). Изд. «Петербургское востоковедение». СПб., 2019. С. 18–26.
- Беляева Е. В., Любин В. П. Первые данные о ранних этапах ашеля на Кавказе // КСИА, 2012. Вып. 227.
- Вангейгейм Э. А., Векуа А. Л., Жегалло В. И., Певзнер М. А., Тактакишвили А. С., Тесаков А. С. Положение таманского фаунистического комплекса в стратиграфической и магнитостратиграфической шкалах // БКИЧП. Т. 60. 1991. С. 41–54.
- Величко А. А., Антонова Г. В., Зеликсон Э. М., Маркова А. К., Моносзон М. Х., Морозова Т. Д., Певзнер М. А., Сулейманов М. Б., Халчева Т. А. Палеогеография стоянки Азых – древнейшего поселения первобытного человека на территории СССР // Палеолитическая пещерная стоянка Азых. Баку, 2018. С. 20–63.
- Габуния М. К., 2000. Древнейший человек на территории Южно-Грузинского вулканического нагорья // Месхети (история и современность). Месхетский филиал Тбилисского государственного университета. Ахалцихе, 2000. С. 77–81.

- Габуня М. К., 2007. Ранние этапы древнекаменного века в регионе Южно-Грузинского вулканического нагорья // Археологические вести. Вып. 14., Наука, 2007. С. 11–18.
- Гусейнов М. М. Древний палеолит Азербайджана. Баку, 2010. 248 с.
- Деревянко А. П., Аношкин А. А., Зенин В. Н., Лещинский С. В. Ранний палеолит юго-восточного Дагестана. Новосибирск. Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН., 2009. 124 с.
- Деревянко А. П., Амиханов Х. А., Зенин В. Н., Аношкин А. А., Рыбалко А. Г. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск. Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН., 2012. 292 с.
- Джафаров А. К. Палеолитическая пещерная стоянка Азых и проблемы миграции // «Палеолитическая стоянка Азых в Азербайджане и миграционные процессы». Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 50-летию обнаружения в пещерной стоянке Азых раннего гоминида – азыхантропа. Баку, 2018. С. 67–76.
- Зейналов А. А., Кулаков С. А. Еще раз к вопросу о куручайской культуре // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе. Сборник статей. Т. 1. Барнаул, Изд-во Алтайского государственного университета. 2017. С. 39–42.
- Зейналов А. А. Азых – кров для трех видов рода Ното // Палеолитическая пещерная стоянка Азых. Баку, 2018. С. 96–102.
- Зейналов А. А., Зейналова Л. А. Миграции человека в раннем палеолите и ареал распространения куручайской культуры // «Палеолитическая стоянка Азых в Азербайджане и миграционные процессы». Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 50-летию обнаружения в пещерной стоянке Азых раннего гоминида – азыхантропа. Баку, 2018. С. 85–100.
- Кулаков С. А. Ранний и средний палеолит Северо-Западного Кавказа. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб, 2019. 55 с.
- Кулаков С. А. Достижения сотрудников ИИМК РАН в изучении палеолита Кавказа в конце XX – начале XXI века // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий. (К столетию создания российской академической археологии). Изд. «Петербургское востоковедение». СПб., 2019. С. 9–17.
- Любин В. П., Беляева Е. В. Раннеашельский памятник Карахач в северной Армении // Археологические вести. Вып. 17. 2011.
- Ожерельев Д. В. Особенности формирования культурного слоя стоянок эпохи олдована на Северо-Восточного Кавказа на примере стоянки Мухай II, слой 80 // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 249. 2017.
- Таймазов А. И. Палеолитические памятники Усишинской долины Дагестана // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Махачкала, 2012.
- Трубин В. М., Чепалыга А. Л., Кулаков С. А. Возраст стратотипа Таманского комплекса и стоянок олдованского типа на Тамани (по палеомагнитным данным) // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. Материалы X Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода (Москва, 25–29 сентября 2017 г.). М., 2017. С. 434–436.
- Чепалыга А. Л., Садчиков Т. А., Трубин В. М., Пирогов А. Н. Геоархеология олдувайских стоянок горного Дагестана // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 72, 2012. С. 73–94.
- Щелинский В. Е. 2016. Каменная индустрия раннеплейстоценовой стоянки Родники 2 на Таманском полуострове // Археологические вести, № 22, 2016. С. 13–30.
- Щелинский В. Е. 2018. Раскопки раннепалеолитической стоянки Кермек в Южном Приазовье // Записки ИИМК РАН № 17. СПб., 2018. С. 152–164.
- Щелинский В. Е. 2019. Начало заселения первобытными людьми территории России: древнейшие раннепалеолитические стоянки Южного Приазовья // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий. (К столетию создания российской академической археологии). Изд. «Петербургское востоковедение». СПб., 2019. С. 27–55.
- Isaac, G. L. Olorgesailie. Archeological studies of a Middle Pleistocene Lake Basin in Kenya. Chicago: University of Chicago Press. 1977.
- Leakey M. D. Olduvai Gorge. Volume 3. Exavations in Beds I and II, 1960–1963. Cambridge, 1971. 222 p.
- Lumley et al., 2005 – Lumley de, H., Nioradze M., Barsky D., Cauche D., Celiberti V., Nioradze G., Nottter O., Zvania D., Lordkipanidze D. Les industries lithiques préoldowayennes du début du Pléistocene inférieur du site de Dmanissi en Georgie. L'anthropologie 109, p. 1–182.

- Semaw S., Rogers M., Stout D.* The Oldowan – Acheulean transition: Is there a “Developed Oldowan” Artefact tradition? // *Sourcebook of Paleolithic Transitions Methods, Theories, and Interpretations.* Camps M., Chauhan P. (Eds.). Hardcover, 2009, 574 p.
- Semaw S., Rogers M. J., Cáceres I., Stout D., Leiss A.* The Early Acheulean ~1.6–1.2 Ma from Gona, Ethiopia: Issues related to the Emergence of the Acheulean in Africa // *The Emergence of the Acheulean in East Africa and Beyond.* August 2018.
- The Emergence of the Acheulean in East Africa and Beyond.* Contributions in Honor of Jean Chavaillon. Edited by Rosalia Gallotti and Margharita Mussi. Springer. August 2018.
- Torre de la I., McHenry L., Njau J. and Pante M.,* 2012. The Origins of the Acheulean at Olduvai Gorge (Tanzania): A New Paleoanthropological Project in East Africa // *Archaeology International*, 15, pp. 89–98.

Х. А. Амирханов, Д. В. Ожерельев, О. И. Успенская
**СТОЯНКА МУХКАЙ IIA: ЭКСТРАОРДИНАРНЫЕ НАХОДКИ
ЭПОХИ ОЛДОВАНА¹**

Резюме. Рассмотрен редкий в практике археологических исследований случай совместного обнаружения кости животного с нарезками и кремневого изделия со следами его использования в культурном слое стоянки раннего плейстоцена. Такие артефакты обнаружены в контексте индустрии олдована в слое 2013-2 стоянки Мухкай IIA, датируемом не моложе 1.95 млн. лет назад. Комплексное изучение материала позволяет определить рассматриваемую стоянку как пункт разделки туш животных. Это предполагает, в свою очередь, существование на Кавказе в указанный период памятников, имеющих и другую специализацию. Учет функционального типа, изучаемого памятника обязателен при технико-типологических обобщениях характеристик древнейших каменных индустрий.

Ключевые слова: Северный Кавказ, ранний плейстоцен, стоянка Мухкай IIA, каменное оружие, трасология.

В археологической практике исследователи имеют дело, как правило, с остатками стоянок с не всегда удовлетворительным или просто невыясненным тафономическим контекстом. При максимально строгом подходе совместное обнаружение в слое каменных орудий и костей животных не всегда может считаться доказательством их единовременного отложения в данном месте. Стратиграфическое единство подобных находок не гарантирует того, что в реальности это не своеобразный палимпсест культурных отложений. Пример – хорошо известная стоянка ФЛК (FLK – Frida Leakey Korongo) северный 6 в Олдувайском ущелье. После повторного изучения материалов этого памятника было установлено, что пространственное совмещение на стоянке костей и каменных изделий – случайно [1].

Новый анализ материалов стоянки Гадеб, которую интерпретировали как стоянку для разделки туш, также дал основания считать, что естественное захоронение костей и каменных орудий не было здесь взаимосвязанным и одновременным. Указанные группы материалов не оказались гомогенными; их формирование осуществлялось в разные временные отрезки [1]. Благодаря подобному анализу утвердился подход, при котором заключения, касающиеся вопросов стратегии жизнеобеспечения человека олдована, считаются доказательными только в том случае, когда они обоснованы очевидными визуальными признаками или, что предпочтительнее, установлены с использованием трасологического метода. При этом речь, конечно, идет о памятниках с ясным геологическим контекстом, залеганием материала *in situ* и наличием в коллекции находок в виде как каменных орудий, так и скелетных останков животных.

В идеале самое надежное доказательство связи каменных орудий с костями животных, обнаруживаемых в культурных слоях раннего плейстоцена, – наличие трех взаимосвязанных показателей: бесспорное залегание *in situ* при стратиграфическом (микростратиграфическом) и контекстуальном единстве костей и каменных изделий; наличие на костях следов воздействия на них каменным орудием; наличие на каменных изделиях следов (микроследов) использования этих орудий в функции, предполагающей соприкосновение с мягким или твердым материалом (резание, скобление, пиление, рубка).

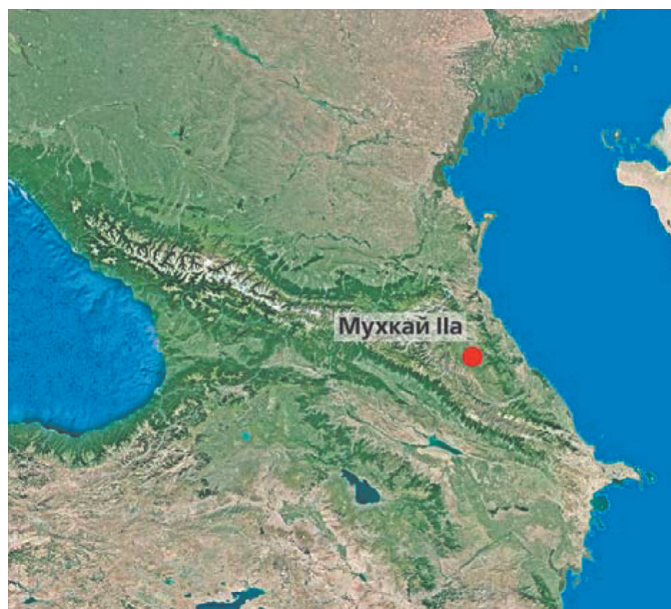
Известны памятники эпохи олдована, для которых установлены один или два указанных показателя. Например, совместное залегание каменных артефактов с костями и наличие следов порезов на костях отмечено в коллекциях более полутора десятков памятников олдована на востоке и юге Африки: из группы стоянок ФЛК (слой 22, северный – слои 1 и 2, северный 6 и др.), из стоянки ДК (DK – Douglas Korongo) слои 2–3 [2–4], а также из стоянок Локалалеи 1 [5], Канжера южная [6], Стеркфонтейн (пачка 5) [7], Восточная Гона 13 [8–12] и др. Также два показателя – совместное залегание нахо-

¹ Амирханов Х.А., Ожерельев Д.В., Успенская О.И. Стоянка Мухкай IIA: экстраординарные находки эпохи олдована // Природа, № 1. 2019. С. 5–14.

док и наличие микроследов износа на кремневых отщепах – выявлено в материалах стоянки Айн Ханеш в Северной Африке [13] и стоянки Дманиси на Кавказе [14]. В подавляющем большинстве случаев, за исключением стоянок Олдувайского ущелья, следы порезов отмечаются на единичных экземплярах костей.

На ряде памятников (Боури, Дикика, Кооби Форн FwJj² 14a-b, GaJi 14 и др.), имеющих возраст от 3.4 до 1.5 млн. лет назад, обнаруживаются фоссилизированные кости крупных млекопитающих, несущие на себе следы в виде нарезок [15, 16, 17]. Однако четкая и доказательная связь этих находок с каменными орудиями не устанавливается.

В некоторых памятниках олдована на каменных орудиях зафиксированы следы утилизации, хотя в соответствующих культурных слоях кости животных отсутствуют [18], либо они имеются, но на них нет следов порезов [19]. В самое последнее время появились сведения о следах обработки шкур и разделки мягких органических материалов на стоянке Кермек раннеплейстоценового возраста на п-ове Таманском в Западном Предкавказье [20].

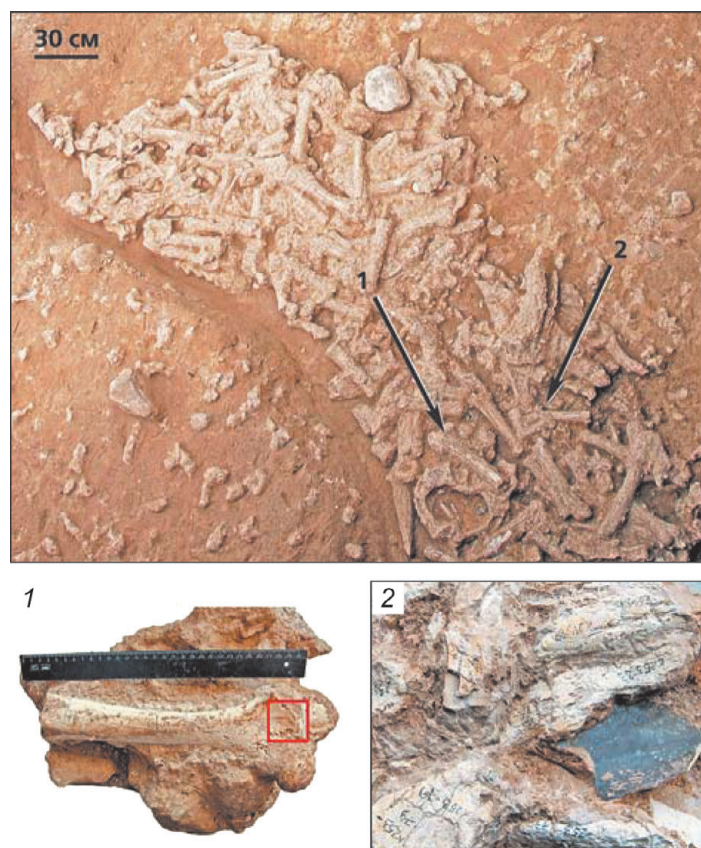
Местоположение стоянки Мухкай IIa на карте Кавказа

Общий вид на стоянку Мухкай II. Стрелкой отмечено местоположение стоянки Мухкай IIa, где при проведении археологических раскопок было обнаружено три культурных слоя с останками животных и кремневыми находками

Здесь и далее фото Д.В. Ожерельева

² FexJj 14 a-b и GaJi 14 – буквенно-цифровые идентификаторы стоянок, где заглавные буквы обозначают крупные сегменты площади распространения памятников, строчные – меньшие по охвату квадраты внутри первых, а цифровые обозначения – номера конкретного памятника.

Участок поверхности культурного слоя 2013–2 стоянки Мухкай IIa, где в 2014 г. обнаружена бедренная кость лошади (*Equus stenonis*) с шестью насечками, расположенными на передней поверхности верхнего эпифиза, и кремневое орудие с ретушью и следами износа от работы. Стрелками указаны места обнаружения в слое кости с нарезками (1) и кремневого орудия (2). 1 – кость в процессе препарирования, красным квадратом выделено место локализации насечек, 2 – кремневое орудие в процессе расчистки в блоке с костями K-253

Список памятников, материалы которых могут служить источником для освещения проблемы функционального определения стоянок олдована, время от времени пополняется. Один из таких объектов – многослойная стоянка эпохи олдована Мухкай IIa на Северо-Восточном Кавказе, исследование которой начато в 2012 г. Материалы этого памятника демонстрируют в едином контексте все три показателя для доказательства связи каменных орудий с костями животных.

Материалы. Предмет нашего анализа – кремневое орудие со следами утилизации и бедренная кость стеновой лошади (*Equus stenonis*) с ритмичными нарезками на суставной поверхности. Эти объекты происходят из коллекции слоя 2013-2 стоянки Мухкай IIa эпохи олдована. Памятник расположен на Северо-Восточном Кавказе (42°14.464' с. ш., 47°21.314' в. д.), в горной части территории Республики Дагестан. Он приурочен к останцу платообразной поверхности выравнивания времени плиоцена – раннего плейстоцена. Высота залегания культурного слоя над уровнем моря составляет 1586 м.

Общая мощность геологической толщи памятника составляет 73 м. Раскоп в виде вреза в склон был заложен на правом борту долины р.Акуша. Культурный слой залегает на глубине 38 м от дневной поверхности. Артефакты и костные останки животных обнаружены в коричневатых суглинках с включением единичных галек.

Культурный слой (номер 2013-2) представляет собой горизонт находок в виде кремневых артефактов и костей животных мощностью от 10 до 20 см. Раскопками 2013–2014 гг. было вскрыто 25.5 м² площади.

Насечки на уплощенной передней поверхности верхнего эпифиза правой бедренной кости лошади (слева). Всего выделяется две группы насечек разной степени сохранности, содержащие две (1 и 2) и четыре (3–6) насечки соответственно. В каждой из групп насечки нанесены параллельно друг другу. У двух насечек (3 и 5) фиксируется вилкообразное окончание (справа)

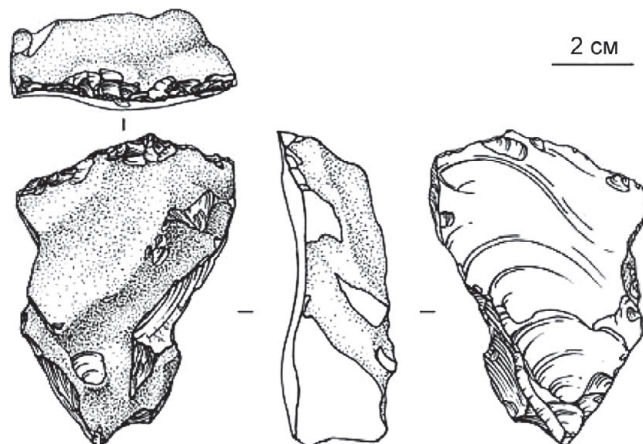

Фото (вверху) и рисунок скребла со следами утилизации (рис. 3.3. Кузеевой)

Датировка слоя, из которого происходят материалы, основывается на палеомагнитных, палеонтологических, палинологических и стратиграфических данных. По их совокупности слои датированы временем не моложе 1.95 млн. лет назад.

Нарезки обнаружены на правой бедренной кости лошади Стенона. Кость хранится в фондах (коллекция № 36773) Зоологического института РАН (Санкт-Петербург). Полевой шифр находки K249–2; раскопки 2014 г. Фрагмент бедра лежал на основании черепа детеныша южного слона (*Archidiskodon meridionalis*).

Максимальная длина сохранившегося фрагмента кости составляет 330 мм, ширина диафиза 38 мм. Нарезки (всего их фиксируется шесть) расположены на уплощенной передней поверхности верхнего эпифиза кости и направлены вдоль суставной головки. Судя по направлению порезов на кости, их возникновение было возможно в процессе отделения задней конечности лошади путем поперечного рассечения малой, средней и большой ягодичных мышц.

Кремневое скребло располагалось в сцементированном кальцитом сплошном скоплении целых и фрагментированных трубчатых костей травоядных млекопитающих, примерно в 50 см от кости лошади с нарезками. Залегало орудие на внутренней поверхности кости практически горизонтально. И кости, и скребло были покрыты плотной карбонатной массой, которая законсервировала все находки в их первоначальном залегании.

На макроуровне следы повреждений на поверхности орудия не проявляются. Визуально различимых следов залощенности, окатанности и замятости краев орудия также не отмечается.

В типологическом отношении описываемый предмет определяется как скребло поперечное с выпуклым лезвием (размеры 7.3×5.1×2.7 см). Заготовкой для орудия послужил отщеп подтреугольной формы. Спинка отщепа почти полностью покрыта желвачной коркой. Обработка лезвия осуществлена непрерывной полукрутой агрессивной разнофасеточной уступчатой ретушью. Характер обработанного края дает основания для заключения о том, что в ходе использования орудия его рабочий участок подвергался ретушной подправке.

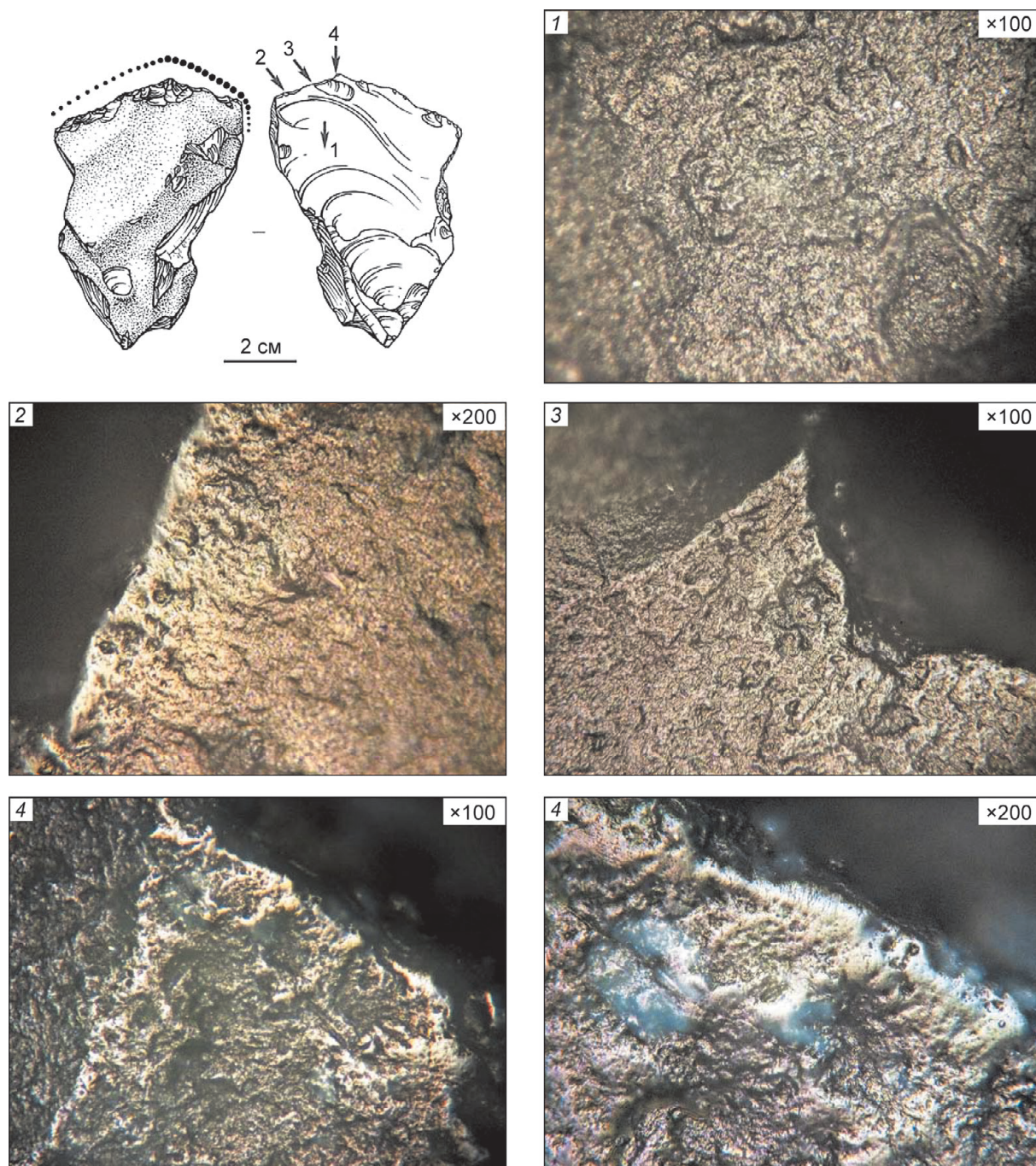
Методы исследования. Скребло было подвергнуто трасологическому анализу. Как известно, фиксация прямых свидетельств утилизации орудий в виде микроследов позволяет делать заключения о кинематике работы орудием, о характере обрабатываемого материала, о длительности использования орудия и в конечном итоге о его функциональной принадлежности. Специальные исследования, базирующиеся на трасологическом методе, позволили выявить следы износа на рабочих поверхностях орудий, а также на костях, обнаруженных на стоянках олдована. В результате установлено, что человек эпохи олдована осуществлял, в частности, такие операции, как разрубание и пиление органических материалов, а также разделявал туши животных с учетом их костномышечного строения.

Трасологический анализ каменного орудия из стоянки Мухкай IIa осуществлялся при помощи бинокулярного микроскопа МБС-2, металлографического микроскопа Olympus с увеличением в диапазоне 50–500 крат. Микрофотографии сделаны с помощью зеркального фотоаппарата Canon EOS 1100D с увеличением в диапазоне от 50 до 200 крат. Фотографии проходили специальную обработку в графической программе Helicon Focus.

Следы на эпифизе бедренной кости были изучены при помощи лупы (х30) и портативного микроскопа с максимальным увеличением х150. Изучить микрорельеф каналов нарезок не удалось из-за того, что при препарировании кость была обработана специальной клеящей жидкостью, маскирующей поверхность материала.

Результаты трасологического анализа и эксперименты с орудиями

Поверхность скребла хорошо сохранилась. На микроуровне кромка лезвия кремневого орудия неровная, волнистая, с заломами и многоступенчатыми фасетками выкрошенности. В профиле на отдельных участках она выглядит закругленной и уплощенной.

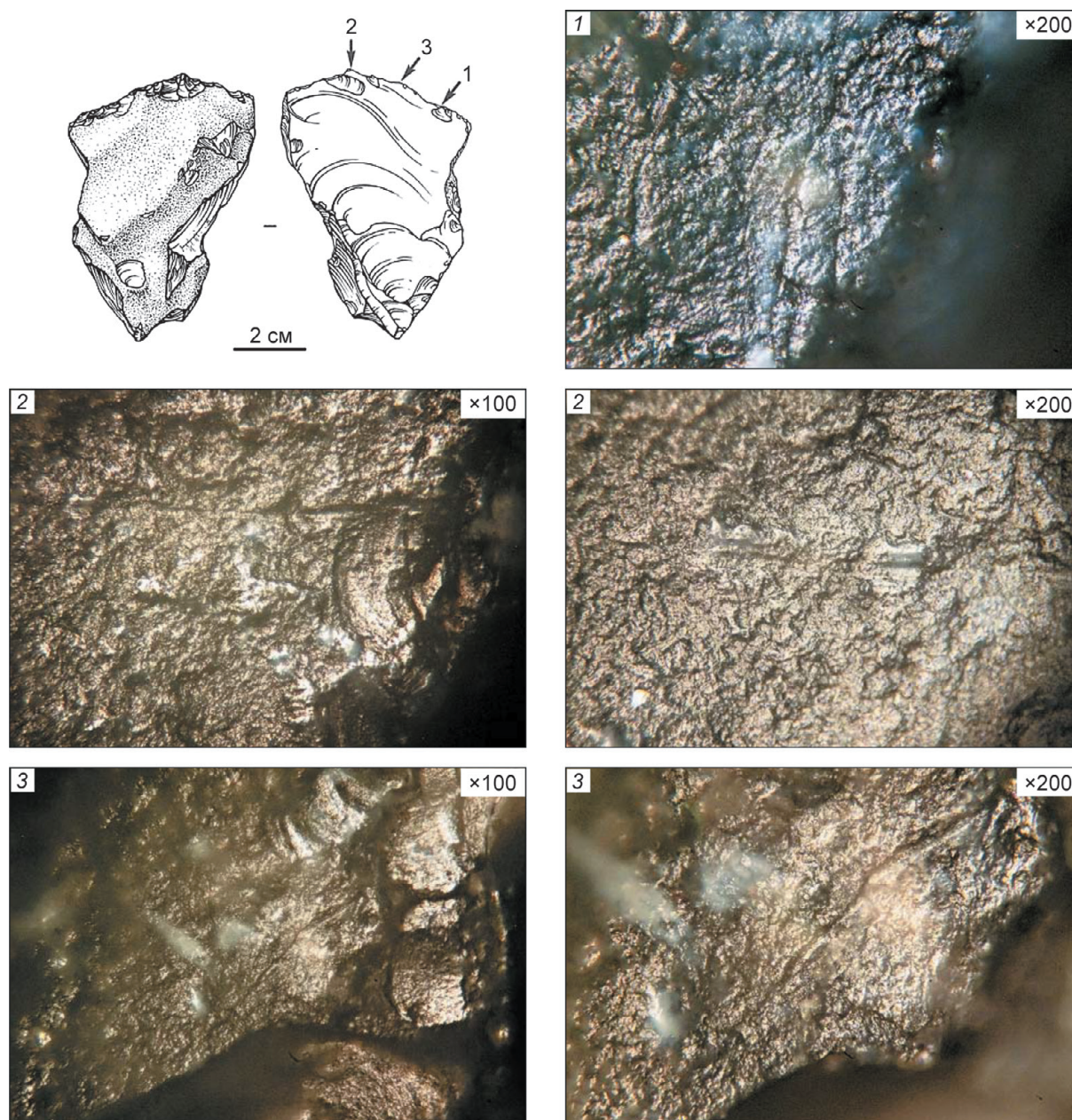

Результаты трасологического анализа скребла со стоянки Мухкай IIa. На рисунке скребла красными стрелками указаны участки рабочего лезвия орудия и чистой поверхности без следов, которые фотографировались под микроскопом. Черным точечным пунктиром над скреблом указана зона распространения микроизноса и его интенсивность. Микрофотографии участков поверхности орудия: 1 – «чистая» поверхность; 2–4 – участки кромки лезвия орудия со следами износа

Фото О. И. Успенской

Микроизнос выражен четко в виде заполировки и линейных следов. Микроследы локализуются вдоль всего ретушированного лезвия орудия, а также на боковой кромке, примыкающей к лезвию.

На брюшковой стороне изделия заполировка проявляется в виде узкой полосы вдоль всей кромки лезвия, а также в виде отдельных участков на возвышениях микрорельефа

Результаты трасологического анализа скребла со стоянки Мухкай IIa. На рисунке скребла красными стрелками указаны участки рабочего лезвия орудия, которые фотографировались под микроскопом. Микрофотографии участков поверхности орудия: 1–2 – концентрические трещины на кромке лезвия орудия, 3 – следы контакта с твердым минеральным сырьем на кромке лезвия орудия

Фото О. И. Успенской

поверхности в 4 мм от лезвия. В микропонижения рельефа заполировка почти не проникает. Линейные следы представлены двумя разновидностями: в структуре заполировки линейность выражена в виде тонких неглубоких рисок, позволяющих реконструировать кинематику движения орудия. Такие риски можно связать с процессом работы и контактом лезвия с твердыми фракциями и загрязнениями в обрабатываемом материале.

Вторая группа линейных следов – это крупные глубокие борозды, широко заходящие на нижнюю поверхность орудия практически перпендикулярно кромке лезвия. Край борозд неровные, местами рваные. На отдельных участках линейные борозды сопровождаются пятнами яркой гладкой заполировки. Этот блок следов связан с технологиче-

скими процессами и ассоциируется с контактом поверхности и твердого минерального сырья.

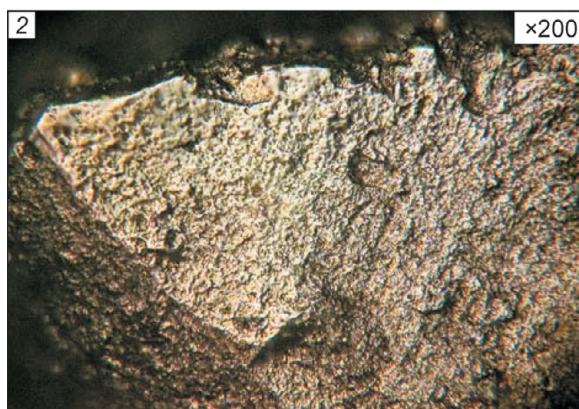
К следам технологического характера можно также отнести серию трещин вдоль всех краев, имеющих вторичную обработку. В ряде случаев наблюдается серия концентрических трещин. Трещиноватость связана, судя по всему, с характером самого сырья. Известно, что на артефактах из дагестанского кремня встречены следы ударов твердым каменным отбойником в виде «глазков» конических трещин. Эта характеристика применима и к данному скреблу.

По поводу кости с нарезками можно отметить, что на макроуровне следы представляют собой разные по глубине и ширине борозды. Они расположены на уплотненной передней поверхности верхнего эпифиза и направлены вдоль суставной головки. Следы видны невооруженным глазом. Всего отмечается шесть относительно неглубоких нарезок различной длины. По направлению нанесения они подразделяются на две группы: две и четыре нарезки соответственно. Наиболее протяженная нарезка имеет в длину 12 мм; самая короткая – 6 мм. В каждой группе нарезки расположены параллельно. Ритмичность, однонаправленность, однотипность, плотное группирование и локализация указанных нарезок не оставляют сомнения в их возникновении в результате целенаправленного воздействия.

Глубина и ширина каналов варьирует на протяжении одной нарезки. Края нарезок ровные, не «рваные». Последнее обычно указывает на появление нарезок в момент, когда кость была относительно свежей [10].

У двух нарезок зафиксировано вилкообразное окончание. Это исключает их происхождение каким-либо иным способом, кроме как в результате воздействия на кость орудием, режущий край которого имел неровное, волнистое лезвие.

Для верификации заключений, сделанных на основе трасологического изучения рассматриваемых предметов, была проведена серия экспериментов. Задача их состояла в воспроизведении трудовых операций, установленных для рассматри-

Результаты эксперимента. Фото сверху – экспериментальное орудие (дагестанский кремень, идентичный тому, который использовался на стоянке Мухкай IIa). Стрелками указаны участки рабочего лезвия орудия, которые фотографировались под микроскопом. Черным точечным пунктиром над скреблом указана зона микроизноса и его интенсивность. Микрофотографии участков поверхности орудия: 1 – «чистая» поверхность кромки лезвия орудия до начала работы им; 2 – то же с микроследами, сформировавшимися в результате соскабливания и срезания кусков мяса, жира и сухожилий со свежей бедренной кости коровы в течение 3 часов

Фото О. И. Успенской

Процесс изготовления экспериментального орудия при помощи твердого минерального отбойника (слева) и работа экспериментальным орудием

Фото Д. В. Ожерельева

ваемого орудия трасологическим методом. В ходе экспериментов были взяты заготовки из кремня того же сорта и из того же месторождения, которым пользовались для изготовления орудий обитатели стоянки Мухкай IIa. При помощи твердого минерального отбойника (кварцит), были созданы эталонные орудия, вторичная обработка также производилась кварцитовым отбойником. Полученные эталонные орудия использовались для отделения мягких тканей от свежей бедренной кости коровы. Работа велась двумя эталонными орудиями, в общей сложности каждое из них было в работе в течение трех часов. Поверхность эталонных орудий исследовалась под микроскопом на всех стадиях эксперимента.

В результате были зафиксированы схожие конические трещины на краях, подвергавшихся вторичной обработке. Установлено, что при работе орудием в течение трех часов износ на его лезвии только начинает формироваться, для достижения же выразительного микроизноса необходимо многократное использование орудия в течение значительно большего времени. Однако локализация износа, морфология его следов, скругление лезвия и характер микрозаполировки схожи с теми, что наблюдаются на археологическом артефакте. Это в целом подтверждает заключения, сделанные относительно рассматриваемого орудия из стоянки Мухкай IIa.

Проблема функциональной специализации стоянок олдована

На протяжении последнего десятилетия только на Северном Кавказе и примыкающем к нему с севера районе Приазовья открыто более 10 памятников раннего плейстоцена. В самое последнее время параллельно с раскопками и накоплением материалов исследователи все чаще переходят к обобщениям и интерпретациям. Один из вопросов, который стоит в центре обсуждений, – проблема общей культурной атрибуции вновь выявленных памятников раннего плейстоцена. В подходах к данной проблеме уже наметились существенные расхождения. Причина этого, на наш взгляд, – недостаток внимания к методической, процессуальной стороне исследования. В частности, для того чтобы группировать те или иные памятники в определенные культурные или хронологические единства, необходимо точно представлять их информационный потенциал. Очевидно, что прежде чем переходить к ответственным обобщениям относительно, например, культурной специфики конкретного памятника эпохи олдована (как, впрочем, и других эпох) необходимо определить функциональный тип того или иного памятника. Вопрос

этот часто игнорируют, а иногда при ответе на него удовлетворяются умозрительными рассуждениями.

Материал стоянки Мухкай IIa предоставляет конкретные факты, которые раскрывают характер деятельности людей, обитавших на ней, и позволяет, таким образом, определить функциональный тип данного памятника, который может быть отнесен к стоянкам по разделке добычи.

В слое 2013-2 стоянки Мухкай IIa, относящейся к эпохе олдована, мы фиксируем наличие кости животного с нарезками на суставной поверхности, а также кремневого орудия с микроследами его использования для режуще-скоблящей функции. Предметы залегали *in situ* в бесспорном единстве их стратиграфического контекста. Разумеется, мы не можем утверждать, что отмеченные выше нарезки на кости сделаны именно тем кремневым орудием, на котором выявлены микроследы утилизации, хотя теоретически это нельзя исключить. Здесь важно само присутствие в культурном слое стоянки такой древности двух названных категорий находок.

Типологически рассматриваемое орудие – это поперечное скребло с выпуклым лезвием. С функциональной же точки зрения его можно определить, как скребок-нож, который использовался для отделения мягких тканей от кости при помощи их соскабливания и срезания. Рабочий элемент скребла с большой вероятностью имел контакт преимущественно с органической составляющей (мясом, кожей), которая покрывает свежую кость. Судя по всему, мы наблюдаем здесь сочетание следов от скобления и резания. Орудие при этом удерживалось в руке под острым по отношению к обрабатываемому материалу углом. Следует отметить еще раз, что сам микроизнос рабочего участка орудия очень выразителен.

Расположение нарезок в месте сочленения бедренной кости с тазовой и их параллельность кромки эпифиза указывает на цель, ради которой осуществлялось действие, приведшее к возникновению данных следов. В специальной литературе тип нарезок именно с такой локализацией однозначно трактуется как результат действий по разделке туши и/или срезанию мяса.

Была ли разделывавшаяся на стоянке добыча результатом охоты самих людей, или они довольствовались тем, что осталось от удачной охоты хищников (либо отбили у хищников их добычу)? Дать ответ на этот вопрос рассмотренный материал не способен. Однако справедливо предположить, что расчленение туши осуществлялось для того, чтобы ее части транспортировать в какое-то другое место, скорее всего, в пункт, откуда добытки, как обычно, вышли на поиски пищи и куда бы вернулись с запасами продуктов. Это должно было быть защищенное и относительно комфортное место, где в данный момент обитали и другие члены семейной группы, прежде всего женщины и дети. Таким образом, мы можем говорить о существовании в олдоване Кавказа по крайней мере двух типов стоянок. Один из них – стоянка разделки добычи – устанавливается на основании прямых фактов, второй же тип базируется на логической реконструкции.

* * *

Благодаря материалам из слоя 2013-2 стоянки Мухкай IIa удалось раскрыть некоторые поведенческие аспекты, существенные для стратегии жизнеобеспечения гоминин, которые обитали в средних широтах Евразии в раннем плейстоцене. Установлено, что в олдоване Северного Кавказа существовали объекты, которые относятся к функциональному типу, определяемому как стоянка разделки добычи. Само наличие подобного объекта служит указанием на возможность существования в данном регионе также памятников олдована и иного назначения. Обитатели стоянки Мухкай IIa расчленяли туши крупных животных и, скорее всего, транспортировали их части от места добычи на другие стоянки, предположительно в базовый лагерь.

Существование функциональной специализации стоянок не могло не накладывать отпечатка на состав каменного инвентаря. Без учета этого фактора, вероятней всего, нельзя осуществлять с уверенностью культурную атрибуцию археологического материала. В противном случае существует риск принять фациальные особенности памятника за культурную специфику или хронологические различия. Характеристика раннепалеолитической культуры того или иного региона может претендовать на полноту только в том случае, если она учитывает всю сумму показателей индустрий функционально разнотипных стоянок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dominguez-Rodrigo M.* Butchery and kill sites. *Encyclopedia of Archaeology*. 2008: 948–953.
2. *Roche H., Blumenschine R. J., Shea J.* Origins and Adaptions of Early Homo: What Archaeology Tell Us. *The first Humans – Origin and Early Evolution. Contributions from the Third Stony Brook Human Evolution Symposium and Workshop*. NY, 2009: 135–147.
3. *Potts R., Shipman P.* Cut-marks made by stone tools on bones from Olduvai Gorge, Tanzania. *Nature*. 1981; 291: 577–580.
4. *Diez-Martin F., Sanchez P., Dominguez-Rodrigo M. et al.* Were Olduvai Hominins making butchering tools or battering tools? Analysis of a recently excavated lithic assemblage from BK (Bed II, Olduvai Gorge, Tanzania). *Journal of Anthropological Archaeology*. 2009; 28 (3): 274–289.
5. *Kibunjia M.* Pliocene archaeological occurrences in the Lake Turcana basin. *Journal of Human Evolution*. 1994; 27: 159–171.
6. *Ferraro J. V., Plummer T., Pobiner B., Oliver J. et al.* Earliest archaeological evidence of persistent hominin carnivory. *PLoS ONE*. 2013; 8 (4): e62174. Doi.org/10.1371/journal.pone.0062174.
7. *Pickering T. R., White T. D., Toth N.* Cutmarks on a Plio-Pleistocene hominid from Sterkfontein, South Africa. *American Journal of Physical Anthropology*. 2000; 111: 579–584.
8. *Dominguez-Rodrigo M., Pickering T. R., Semaw S., Rogers M. J.* Cutmarked bones from Pliocene archaeological sites at Gona, Ethiopia: implication for the function of the world's oldest stone tools. *Journal of Human Evolution*. 2005; 48: 109–121.
9. *Semaw S., Rogers M. J., Quade J. et al.* 2.6-million-year-old stone tools and associated bones from OGS-6 and OGS-7, Gona, Afar, Ethiopia. *Journal of Human Evolution*. 2003; 45: 169–177.
10. *Sablin M. V., Giryа E. Yu.* The Earliest Evidence of Human Occupation in Southeastern Europe: A Processed Camel Bone Fragment from the Lower Don. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2010; 38 (2): 7–13.
11. *Marquez B., Olle A., Sala R., Verges J. M.* Perspectives methodologiques de l'analyse fonctionnelle des ensembles lithiques du Pleistocene inferieur et moyen d'Atapuerca (Burgos, Espagne). *L'Anthropologie*. 2001; 105 (2): 281–299.
12. *Blumenschine R. J., Pobiner B. L.* Zooarchaeology and the ecology of early hominin carnivory. *Evolution of the Human Diet: The Known, the Unknown, and the Unknowable*. Oxford, 2007: 167–190.
13. *Sahnouni M., Rosell J., Made van der J. et al.* The first evidence of cut marks and use-wear traces from the Plio-Pleistocene locality of El-Kherba (Ain Hanesh), Algeria: implications for early hominin subsistence activities circa 1.8 Ma. *Journal of Human Evolution*. 2013; 64 (2): 137–150.
14. *Lordkipanidze D., Jashashvili T., Vekua V. et al.* Postcranial evidence from early Homo from Dmanisi, Georgia. *Nature*. 2007; 449: 305–310.
15. *Heinzelin J., Clark D., White T. et al.* Environment and behavior of 2.5 million-year-old Bouri hominids. *Science*. 1999; 284: 625–629.
16. *McPherron S. P., Alemseged Z., Marean C. W. et al.* Evidence for stonetool-assisted consumption of animal tissues before 339 million years ago at Dikika, Ethiopia. *Nature*. 2010; 466: 857–860.
17. *Pobiner B. L.* Hominin-carnivore interactions: evidence from modern carnivore bone modification and early Pleistocene archaeofaunas (Koobi Fora, Kenia; Olduvai Gorge, Tanzania). New Brunswick, 2007.
18. *Амирханов Х. А.* Каменный век Южной Аравии. М., 2006. [Amirkhanov H. A. Stone Age of South Arabia. Moscow, 2006. (In Russ.).]
19. *Keeley L. H., Toth N. P.* Microwear polishes on early stone tools from Koobi Fora, Kenia. *Nature*. 1981; 293: 464–465.
20. *Shchelinsky V. E., Gurova M., Tesakov A. S. et al.* The Early Pleistocene site of Kermek in western Ciscaucasia (southern Russia): Stratigraphy, biotic record and lithic industry (preliminary results). *Quaternary International (Journal)*. 2016; 393: 51–69.

Muhkai IIa Site: Extraordinary Findings of the Oldowan Epoch

H.A. Amirkhanov, D.V. Ozherelyev, O.I. Uspenskaya

Abstract. The paper is devoted to a rare case of an encounter in the Early Pleistocene cultural layer of a bone with cut marks and a flint tool bearing usewear traces. These artifacts were discovered in the context of Oldowan industry at the site Muhkai IIa, layer 20132, which dates back to no later than 1.95 million years ago. Complex analysis of the material coming from this layer allows to determine it as a butchery site. We suppose that there were sites with different specialization in this period of time in the Caucasus. Therefore, the functional type should be taken into account in the course of technological and typological generalizations on the most ancient lithic industries.

Keywords: North Caucasus, Early Pleistocene, site Muhkai IIa, stone tool, functional analysis.

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ И СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ¹

Резюме. В настоящее время у нас еще недостаточно источников для освещения большей части проблем среднего палеолита рассматриваемого региона. Существует круг вопросов, по которым пока трудно делать обоснованные заключения. Но есть и такие, о которых можно говорить конкретно и вполне определенно. Например, тезис о том, что в рассматриваемый период культурный комплекс восточного микок не распространялся на территорию Дагестана, является неоспоримым. С точки зрения древнейшей региональной истории это означает, что, по крайней мере, на протяжении значительной части среднего палеолита развитие культуры на Северо-Восточном и Северо-Западном Кавказе шло различными путями и испытывало (если испытывало) влияние культурных импульсов, имеющих совершенно разные истоки и направления воздействия. Северо-Восточный Кавказ не вошел в обширную территорию Центральной и Восточной Европы, включая Крым и Северо-Западный Кавказ, на которой произошла определенная культурная нивелировка, ярко окрашенная колоритом восточного микок. Если говорить о заключительных стадиях среднего палеолита, то помимо господствующего там восточного микок на Северо-Западном Кавказе существует и иной культурный комплекс, называемый «мустье-хостинского типа» (слои 3В и 4А пещеры Матузка). Это один из собственно кавказских вариантов среднепалеолитической культуры, представленный в наиболее типичном виде на западе Закавказья. В технологическом отношении эта индустрия находит широкие аналогии в материалах кавказских памятников конца среднего палеолита.

Ключевые слова: средний палеолит, Кавказ, Восточный Микок, леваллуазская техника, мустье хостинского типа.

Abstract. There aren't enough sources to apply for illumination of the most part of Middle Paleolithic studies problems of the considered region now. Still there are no specifications, such as sources, chronology, development, specifics, cultural geography, historical destinies of culture. The main of this work is consideration of a current state of sources, and clearing of in what degree they can serve for illumination of the specified problems.

There is a circle of questions on which it is still difficult to make the reasonable conclusions. But exist also such concerning which it is possible to speak specifically and quite definitely. For example, the conclusion that during the considered time the cultural complex of Eastern Micoquien didn't extend on the territory of Dagestan will be indisputable. From the point of view of the most ancient regional history it means that, at least, throughout considerable part of the Middle Paleolithic cultural development in the Northeast and Northwest Caucasus went various ways and experienced (if came) influence of the cultural impulses having absolutely different sources and the directions of influence. The northeast Caucasus wasn't included into the extensive territory of the Central and Eastern Europe, including the Crimea and the Northwest Caucasus on which there was a certain cultural leveling which is brightly painted by color of Eastern Micoquien. If to speak about final stages of the Middle Paleolithic, besides Eastern Micoquien dominating there in the Northwest Caucasus there is also other cultural complex called «Mousterian of Khostinsky type» (layers 3B and 4A of Matuzka cave). It is one of actually Caucasian Middle Paleolithic culture presented in the most typical form in the west of Transcaucasia. In the technological relation this industry finds broad analogies in materials of the final Caucasian Middle Paleolithic sites.

Key words: Middle Paleolithic, Caucasus, Eastern Micoquian, Levallois technique, Mousterian of Khostinskaya type.

В последнее десятилетие заметно активизировались исследования в области каменного века в Дагестане, занимающем географически большую часть северо-востока Кавказа. Особую значимость приобрели результаты, связанные с открытием и изучением на этой территории памятников олдована и раннего ашеля (Деревянко и др., 2012). На этом фоне становится актуальной проблема рассмотрения последовательности в развитии па-

¹ Амирханов Х.А. Обзор исследований и состояние изученности среднего палеолита на Северо-Восточном Кавказе // К 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского институт истории материальной культуры российской академии наук; Под ред. О. В. Лозовской, В. М. Лозовского, Е. Ю. Гири. С. 61–69.

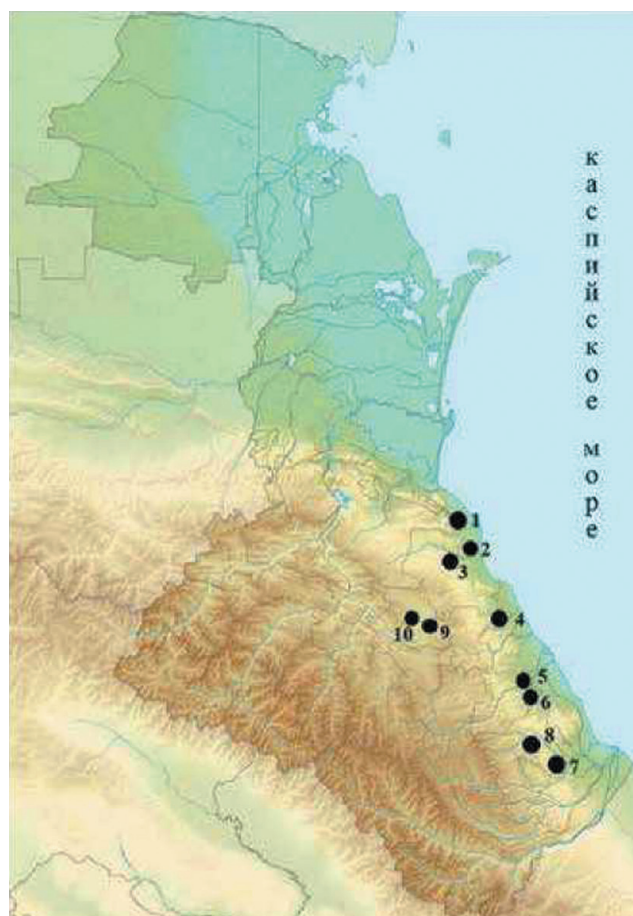

Рис. 1. Расположение среднепалеолитических памятников Дагестана.

1 – Ачису 2; 2 – Манас-озень 4; 3 – Генторун 2; 4 – Количи 2; 5 – Дарвагчай 2;
6 – Дарвагчай-залив 1; 7 – Рубас 1; 8 – Тинит 1; 9 – Унцала-ава; 10 – Гегалашур 1 (север)

Fig. 1. Distribution of Middle Paleolithic sites in Dagestan.

1 – Achisu; 2 – Manas-ozen' 3 – Gentorun; 4 – Kolichi; 5 – Darvagchay 2; 6 – Darvagchay-bay;
7 – Rubas; 8 – Tinit 1; 9 – Untsala-ava; 10 – Gegalashur 1 (North)

леолитической культуры в последующие эпохи каменного века. К сожалению, в настоящее время еще недостаточно источников для того, чтобы претендовать на освещение большей части проблем среднего палеолита рассматриваемого региона. Таких, как истоки, хронология, развитие, специфика, культурная география, исторические судьбы культуры. Задачей данной работы является рассмотрение современного состояния источников и прояснение того, в какой степени они могут служить освещению указанных проблем.

С момента открытия М. З. Паничкиной на Северо-Восточном Кавказе, а именно, в Дагестане, первых следов среднепалеолитической культуры прошло более восьмидесяти лет. Однако и сейчас эту территорию нельзя назвать сколько-нибудь хорошо изученной в отношении рассматриваемого раздела древнекаменного века.

В пятидесятые годы прошлого века систематические работы по поиску и изучению памятников каменного века в Дагестане осуществлял В. Г. Котович. В труде, в котором были обобщены результаты этих работ (Котович, 1964), приводится описание восьми памятников открытого типа с разрушенными культурными слоями, отнесенных автором сборов к среднему палеолиту. Три из них (Чумус-иниц, Геджух и Тарнаир) расположены на прикаспийской равнине и пять – в горном Дагестане (Акушинский район) (рис. 1).

Из-за малочисленности коллекций и отсутствия стратиграфического контекста материалы этих пунктов не могли дать информации, сколько-нибудь достаточной для строгих

заклучений о культурном облике и возрасте выявленных материалов. Поэтому определение приблизительного возраста памятников и их хронологическое членение внутри среднего палеолита основывалось исключительно на технико-типологических основаниях анализа каменного инвентаря.

Опираясь на существовавшие тогда представления об эволюции каменного инвентаря, рассматриваемые материалы подразделялись на две группы. Одна относилась к ранней, а вторая к поздней стадии изучаемой эпохи. Различение этих групп, согласно уровню научного знания своего времени, осуществлялось по степени совершенства форм изделий и, соответственно, развитости техники получения заготовок. По этим основаниям коллекции, содержащие сколы с массивными гладкими ударными площадками и имеющие укороченные пропорции, относились к ранней стадии среднего палеолита («мустье»). Если же в коллекции местонахождения отмечалось «тщательное подтесывание ударных площадок на нуклеусах, тонкость профилировки отщепов, наличие асимметричных остроконечников» (Котович, 1964: 60), то этот материал относился ко второй половине мустье. Последнее, пожалуй, и было главным содержательным обобщением, имеющим отношение к изучению в то время среднего палеолита Дагестана. Трудно было ожидать большего при отсутствии на изучаемой территории хотя бы одного полноценного стратифицированного памятника данной эпохи.

Значительная группа среднепалеолитических местонахождений приморской равнины Дагестана связана с долиной р. Манас-озень. В ходе кратковременных поисковых работ, осуществленных автором летом 1978 года, в нижнем течении р. Манас-озень было обнаружено шесть местонахождений с залеганием каменных изделий на современной поверхности (Амирханов, 1978). К ним примыкает еще один пункт (Генторун 1), выявленный ранее в этом районе О. М. Давудовым. Три памятника (Манас-озень I, Манас-озень II, Генторун II) расположены на правом берегу реки. Расстояние от пункта Манас-озень I до берега моря составляет 700–800 метров. Наиболее отдаленным от береговой линии является местонахождение Генторун II. Оно удалено от моря примерно на 12 км. С левым берегом реки связаны местонахождения Манас-озень III, IV и V. Из них ближе других (около 6 км) к морю находится Манас-озень III; наиболее отдалено от моря (11 км) – Манас-озень V.

Все указанные пункты относятся к памятникам с разрушенным культурным слоем и, за исключением местонахождений Генторун I и II, приурочены к поверхности делювиальных отложений раннехвалынской террасы.

Коллекции рассматриваемых памятников в количественном отношении неравноценны. Некоторые из них насчитывают менее десятка находок, другие содержат по несколько десятков артефактов. Наиболее значительная коллекция (108 предметов) происходит из местонахождения Манас-озень IV.

Существенные количественные различия коллекций и типологическая разнородность их состава с некоторой долей вероятности позволяют говорить о функциональном разнообразии данных пунктов, которое можно свести к трем вариантам: стоянка-мастерская, мастерская и пункт кратковременного посещения. К первым относятся Генторун I, II и Манас-озень IV, обладающие статистически значимыми коллекциями с достаточно выразительной группой изделий со вторичной обработкой.

Тип мастерской демонстрирует местонахождение Манасозень II. Здесь на 26 находок нет ни одного предмета в виде законченного орудия. Существенно, что и расположен он непосредственно у выхода сырья. Наконец, местонахождения Манас-озень I, III и V, где обнаружены малочисленные предметы, вероятнее всего, относятся к пунктам эпизодического посещения среднепалеолитических обитателей.

По техническим и типологическим показателям манас-озеньские местонахождения обнаруживают заметное сходство между собой. Для всех них типичным является скол, характеризующийся массивностью, гладкой и широкой ударной площадкой, рельефным ударным бугорком, распространяющийся часто на две трети длины изделия,

укороченными пропорциями (для нелеваллуазских сколов, составляющих основу инвентаря) со средними размерами 5×5×1,5 см.

Если основываться на статистике технологических показателей, то индустрия рассматриваемых пунктов должна быть определена как нелеваллуазская, нефасетированная. При этом нельзя не обратить внимания на то, что сама леваллуазская техника, причем в ее типичном виде (с «черепашковидными нуклеусами»), здесь представлена выразительными образцами. Тем не менее, отмеченные характеристики, по-видимому, не являются случайными. Например, в пределах приморской равнины и в предгорной зоне Дагестана известны памятники, как стратифицированные, так и с залеганием материала на современной поверхности, инвентарь которых обнаруживает устойчиво высокое значение показателя фасетирования ударной площадки. Радиоуглеродные и геологические датировки этих памятников, в тех случаях, когда они имеются, указывают всегда на заключительную стадию среднего палеолита. Памятники этого типа с иной датировкой здесь не известны.

Этот факт можно, на наш взгляд, интерпретировать как прямое подтверждение хронологической разнесенности и сменяемости во времени одного из указанных типов индустрий другим. Более поздней при этом оказывается индустрия леваллуазская фасетированная и, соответственно, более ранней – нелеваллуазская нефасетированная. Таким образом, манас-озеньские местонахождения попадают в раннюю из этих двух групп.

Новый этап в изучении палеолита Северо-Восточного Кавказа наметился в 2003 году, когда здесь начала работы совместная экспедиция Института археологии РАН и Института археологии и этнографии СО РАН. Первоначально полевые разведочные работы охватили территорию Ставропольского края, Кабардино-Балкарской республики и Республики Дагестан. С 2005 года и до наших дней основные работы развернуты как в приморских, так и горных районах Дагестана. В последние годы здесь работают четыре экспедиции: Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Института археологии РАН и две экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН. В раскопках памятников среднего палеолита региона на данный момент достаточно много сделано специалистами ИАЭ СО РАН.

В самом начале работ основные усилия были сосредоточены в том, чтобы осуществить планомерное обследование нижних участков долин крупных и малых рек на протяжении от береговой зоны Каспия до первой гряды гор и предгорий Центрального и Южного Дагестана. Разведками были охвачены берега рек Ачису, Количи, Уллучай, Дарвагчай. За пределы первой горной гряды эти обследования распространились лишь по течению р. Рубас до села Сиртыч, расположенного на расстоянии нескольких десятков километров от побережья Каспийского моря (Амирханов, Деревянко, 2005).

Итогом указанных выше работ явилось открытие семи пунктов, материалы которых с большей или меньшей степенью уверенности можно определить в качестве среднепалеолитических. Из них два пункта (Ачису 1 и 2) обнаружены на р. Ачису, один (Количи 2) – на р. Количи, еще один (Дарвагчай 2) – на р. Дарвагчай и три (Рубас 2/03, 5/03 и 6/03) – на р. Рубас².

Коллекции названных памятников невелики. Наличие диагностических изделий помогает иногда дать общую хронологическую атрибуцию памятника. В некоторых же случаях убедительность таких определений не столь очевидна.

На реке Ачису выявлено, как отмечено выше, два пункта. Они представлены малочисленными группами находок, обнаруживаемыми примерно в 90 метрах друг от друга на поверхности раннехвалынской морской террасы. На местонахождениях найдено 7 (Ачису 1)

² В первой публикации данных материалов (Амирханов, Деревянко, 2005) рубасские памятники указывались под порядковыми номерами 1, 2, 3 и т.д. Позднее сотрудниками экспедиции ИАЭ СО РАН принята новая нумерация вновь открытых на р. Рубас памятников и начинается она опять с единицы. Для того чтобы избежать возникающей путаницы, мы будем добавлять к цифровой части названий старых памятников обозначение 03, что значит, что речь идет о пунктах, обнаруженных в 2003 году.

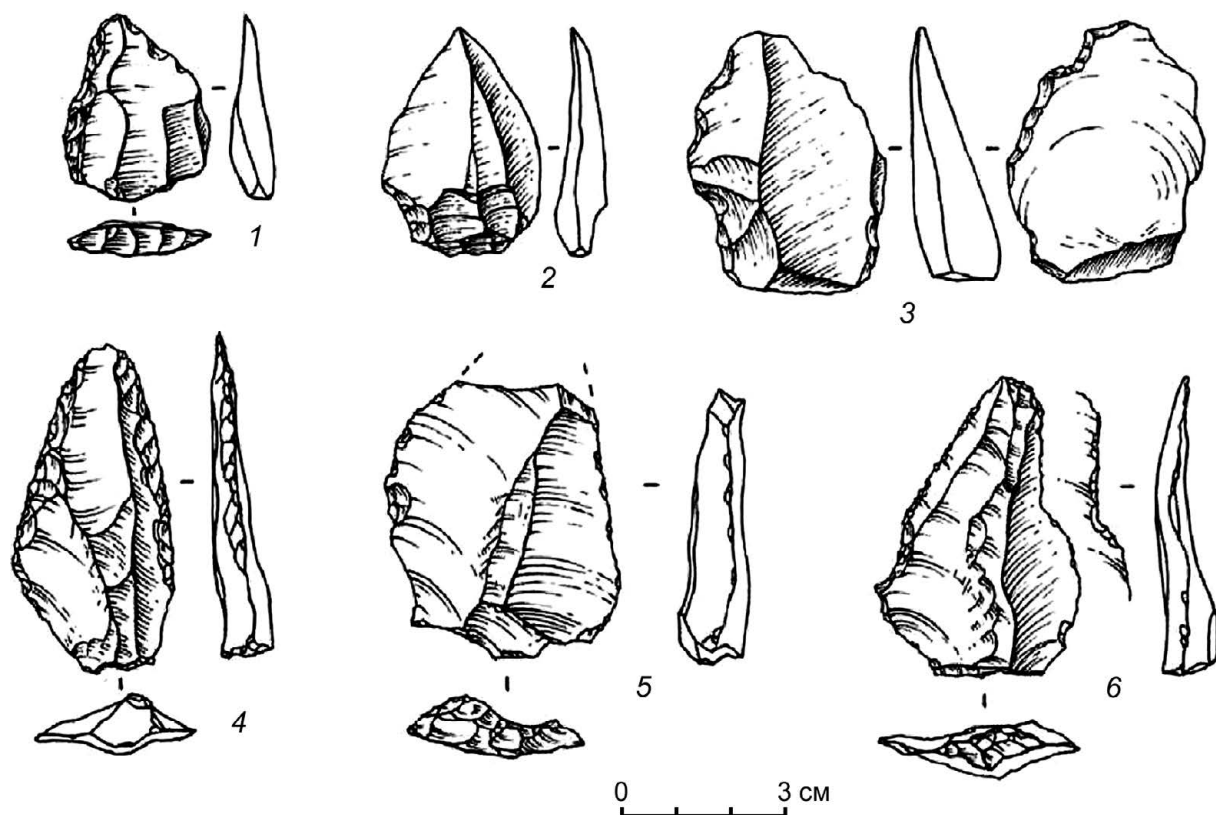

Рис. 2. Образцы кремневых изделий из коллекций среднепалеолитических памятников Дагестана: 1–2 – остроконечники; 3 – орудие с выемкой; 4 – скребло продольное; 5–6 – леваллуазские сколы.

1 – Рубас 6/03; 2 – Ачису 2; 3 – Количи 2; 4 – Тинит, гор. 7; 5 – Тинит, гор. 9; 6 – Тинит, гор. 6

Fig. 2. Samples of stone tools from the collections from Middle Palaeolithic sites of Dagestan: 1–2 – points; 3 – end-notched tool; 4 – single side-scraper; 5–6 – levallois flakes.

1 – Rubas 6/03; 2 – Achisu 2 – Kolichi 2; 4 – Tinit, layer 7; 5 – Tinit, layer 9; 6 – Tinit, layer 6

и 9 (Ачису 2) предметов. В составе находок, происходящих из Ачису 1 нет выразительных предметов. Принадлежность их к среднему палеолиту представляется вероятной по технологическим характеристикам сколов нуклеуса с «плоскостным» скалыванием, а также в виду сильной патинированности данных предметов. Тафономическая оценка основывается на сравнении с состоянием сохранности каменных изделий, происходящих из находящегося по соседству поселения бронзового века. Последние лишены патины полностью.

Более обоснованно можно говорить об относительном возрасте находок из местонахождения Ачису 2. Здесь в небольшой (7 экз.) группе разновременных каменных изделий выделяются два архаичных предмета. Один из них является выразительным остроконечником на коротком леваллуазском отщепе укороченных пропорций (рис. 2: 2). Ударная площадка заготовки гладкая. Основание изделия утончено относительно его средней части. Это достигнуто не вторичной обработкой, а в результате редукции участка ударной площадки и рабочей поверхности ядрища в ходе подготовки к получению данного скола-заготовки.

Кремневые изделия палеолитического облика довольно часто обнаруживаются вдоль обоих берегов реки Количи в ее нижнем течении. Из четырех выявленных здесь местонахождений одно может быть отнесено к среднему палеолиту. Это правобережный пункт Количи 1, приуроченный к окончанию предгорной гряды, которая здесь круто понижается в сторону северо-западной окраины г. Избербаш в береговой зоне Каспийского моря.

По геоморфологическому районированию прикаспийской низменности этот участок, как один из наиболее зауженных участков дагестанского побережья Каспия, является

границей между Махачкалинско-Туралинской и Теркемейской равнинами. Федеральная автомобильная дорога Ростов-Баку прорезает здесь поперек мысовидный выступ указанной горной гряды, протянувшейся в широтном направлении в сторону берега моря. Глубина вреза составляет около 6 метров. На всю эту глубину идут рыхлые отложения, состоящие из (сверху вниз): современной почвы, лессовидных суглинков с включением примерно в средней части выразительной толщи буроватой погребенной почвы, плотных галечников и конгломератов.

Перед обнажением, на полосе площадью примерно 40×20 метров обнаружено 10 каменных изделий. Из них один отщеп найден в слое галечника.

К сожалению, предметы выразительные в морфологическом отношении отсутствуют. Находки состоят из отщепов, осколков и обломков со сколами. Исключение составляет один предмет, который с некоторой натяжкой можно отнести к остроконечникам (рис. 2: 3). На одном из краев предмета в верхней части заготовки имеется крупная краевая частично двусторонняя ретушь, которая придает предмету симметричность и заостренность у проксимального конца. В нижней части этого же края оформлена выразительная краевая выемка. Этот элемент особенно сближает данный предмет с выразительным остроконечником с краевой выемкой из местонахождения Ачису 2. В целом, технические и морфологические характеристики заготовок рассматриваемой коллекции позволяют довольно уверенно отнести ее к среднему палеолиту.

Среди пунктов с находками обработанного кремня, которые открыты в 2003 году, с достаточными основаниями к среднему палеолиту можно отнести два: Рубас 5/03 и Рубас 6/03.

Местонахождение Рубас 5 расположено на правом берегу р. Рубас на территории местного гравийного карьера рядом с северо-западной окраиной с. Сиртыч. Здесь непосредственно в толще галечников 25–30 – метровой террасы р. Рубас обнаружено 2 отщепа. В осыпи галечника и на территории карьера найдено 12 каменных изделий. Можно предположить, что по крайней мере часть из них была изначально связана с толщей галечника. Не исключено, что какие-то предметы относятся к более поздним эпохам.

Среди морфологически выразительных изделий коллекции данного местонахождения следует выделить два нуклеуса, относящиеся к разновидности плоских параллельного скалывания. Заготовки представлены шестью отщепами и одним пластинчатым отщепом.

На правом же берегу р. Рубас расположено и местонахождение Рубас 6/03. Здесь на поверхности склона примерно в 150 метрах к востоку от упомянутого гравийного карьера недалеко друг от друга были обнаружены два кремневых предмета – остроконечник и отщеп. Остроконечник представляет собой форму, завершенную вторичной обработкой (рис. 2: 1). Изготовлено орудие из светлого кремня серовато-кремового цвета. Заготовкой послужил короткий подтреугольный отщеп. Ударная площадка изделия выпуклая, линейно-протяженная, достаточно широкая (7 мм) и полностью фасетированная. По очертаниям близко напоминает площадку типа «шапо де жандарм». Ударный бугорок рельефный; распространяется на половину длины изделия.

Вторичная обработка коснулась лишь одного из краев орудия. Краевой ретушью этот край срезан так, чтобы совместить остроконечное завершение отщепа с продольной осью симметрии готового изделия. В результате орудие приобрело симметричность и листовидную форму с максимальной шириной в основании. Попытка утончения основания не фиксируется. Размеры орудия: длина – 4,4 см; ширина – 3,5 см; толщина – 0,9 см.

Описанный остроконечник настолько выразителен, что археологическая датировка данного пункта находок средним палеолитом вряд ли может вызвать сомнения.

В ходе нового этапа изучения палеолита Дагестана еще один пункт, который может быть отнесен к среднему палеолиту, был обнаружен нами в 2007 году в горной части региона в уже упоминавшемся Акушинском районе. Речь идет о пункте Гегалашур 1 (север). Это местонахождение открытого типа с залеганием материала на современной

поверхности. Здесь на широкой площади поверхности современной почвы и в ней самой обнаруживаются разновременные кремневые изделия. По характеру заготовок и нуклеусов, а также по интенсивности патины их можно объединить в три группы: среднепалеолитическая, верхний палеолит-мезолитическая и относящаяся к бронзовому веку. Предметы первой и второй групп пространственно отделены друг от друга. Изделия третьей группы выделяются по наличию в ее составе обломков или незаконченных обработкой вкладышей жатвенных ножей. Они встречаются вкраплениями на широкой площади.

Материал, определяемый как среднепалеолитический, залегает на современной поверхности относительно изолированно на площади примерно 15 кв. м. Плотность залегания артефактов неравномерная; максимально – 20 предметов на 1 кв. м. С площади 1,5 кв. м нами собрано в качестве образцов 24 предмета. Все они представляют собой пластинчатые сколы леваллуазского облика. Ударные площадки во всех случаях гладкие, широкие. Важно отметить, что все сколы данной группы являются или первичными, или полупервичными. Эта особенность вместе с полным отсутствием не только в собранном нами материале, но и вообще на всей этой площади изделий с вторичной обработкой характеризует этот памятник как мастерскую. Изготовителей орудий привлекало здесь обилие кремневого материала в разрушаемых эрозией культурных слоях многослойного памятника раннеплейстоценового времени Гегалашур 1.

Технологические и морфологические особенности рассматриваемой группы изделий соответствуют высказанным выше представлениям о характере ранней части местной среднепалеолитической культуры. Следует, однако, иметь в виду, что наблюдаемые характеристики изделий могут относиться и к позднеашельским материалам.

Как видно из приведенного выше описания, стратифицированные памятники среднего палеолита Дагестана сосредоточены в предгорье и низкогорье Юго-Восточного Дагестана. Это пункты в долине р. Рубас (Табасаранский район) и в нижнем течении р. Дарвагчай (Дербентский район).

Материалы, называемые рубасскими, включают в себя комплексы пункта Рубас 1, происходящие из пяти шурфов общей площадью 20 кв. м, а также смешанную коллекцию, полученную из галечного аллювия 30-метровой террасы р. Рубас (Рубас 1, сл. 3 по обозначению авторов раскопок). В шурфах выявлено до 7 уровней залегания кремневых артефактов. Они отнесены к среднему и верхнему палеолиту (Деревянко и др., 2012).

При общем взгляде материалы Рубаса 1 можно разделить на три хроностратиграфические части: находки, которые залегают с перерывом ниже уровня указанного выше аллювиального галечника (аллювий 30-метровой террасы р. Рубас), в самом этом аллювии и в делювиальных покровных отложениях над тем же аллювием.

Материалы первой группы залегают в морских лиманных отложениях времени бакинской трансгрессии. И в геологическом, и в культурном отношении они сопоставимы с характеристиками стоянки Дарвагчай 1, расположенной в долине одноименной реки.

Вторая группа материалов, залегающая в самом аллювии, содержит смешанные материалы, относящиеся определенно к среднему палеолиту, а также ашелю (как к раннему, так и позднему).

Наконец, к третьей части относятся материалы из делювия 30-метровой речной террасы – хорошо стратифицированные и разнесенные на семь горизонтов залегания. Эти комплексы отнесены ко времени «от самых начальных этапов верхнего палеолита до его развитой стадии» (Деревянко и др., 2012: 121). Допускается, что самые нижние горизонты могут относиться к рубежу между средним и верхним палеолитом (хотя, пока не понятно, по каким показателям этот рубеж определяется конкретно для исследуемого региона).

Таким образом, для характеристики среднепалеолитической индустрии стоянки Рубас 1 можно располагать лишь ограниченной выборкой изделий. Последние составляют часть общей смешанной коллекции, происходящей из аллювия 30-метровой террасы р. Рубас, и вычленены из общего состава находок происходящей отсюда коллекции на основе технико-типологического метода.

Из материала указанного выше рода трудно извлечь информацию в объеме достаточном для полноценной характеристики индустрии. Остается довольствоваться констатацией того, что в рассматриваемых материалах представлена техника леваллуа. Господствующая форма нуклеусов – одноплощадочные с плоской рабочей поверхностью и тенденцией к трансформации в процессе истощения в плоское параллельное скалывание.

Среди заготовок заметное место занимают пластины. Ударная площадка сколов – преимущественно гладкая.

Фасетированные и двугранные площадки в количественном отношении заметно уступают гладким.

В типологическом отношении коллекция маловыразительна. Отмечаются скребко-видные изделия, нож с естественным обушком, зубчатые скребла, выемчатые орудия.

В коллекции слоя 3 пункта Рубас 1 содержится несколько предметов, в том числе одно рубило, которые оформлены в бифасиальной технике. Если бы была уверенность в том, что рассматриваемый материал не является смешанным, это открывало бы хорошую возможность для соответствующих интерпретаций. Например, можно было бы предположить, что здесь повторяется картина, наблюдаемая на Северо-Западном Кавказе для начального этапа среднего палеолита. Но в данной ситуации заключения такого рода будут основываться на слишком зыбкой почве. Тем более что аллювий 30-метровой речной террасы в долинах рек Южного Дагестана имеет значительно более поздний, чем начало среднего палеолита, геологический возраст.

Более информативны материалы пункта Тинит 1, содержащего слои среднего и верхнего палеолита. Памятник расположен в среднем течении р. Рубас. Открыт и исследуется уже несколько лет Дагестанским палеолитическим отрядом Института археологии этнографии СО РАН (Деревянко и др., 2007). К настоящему времени на Тините 1 раскопано 86 кв. м на глубину до 3,2 м. Десять кв. м из этой площади исследованы на глубину до 5,5 м. В толще слоев, образуемых почти исключительно мелкоземом (преимущественно в виде суглинков) выделено 11 горизонтов залегания археологического материала. Четыре верхних горизонта отнесены к верхнему палеолиту, остальные – финальной поре среднего палеолита. Получены две радиоуглеродные даты: 43900 ± 2000 л. н. (AA93915) для археологического горизонта 3 и >43700 л. н. (AA93916) для археологического горизонта 8.

Рассмотрение технических особенностей и типологии индустрии Тинит 1 осложняет малочисленность обработанного кремня в ряде горизонтов памятника. На горизонты 1–4 приходится 435 предметов обработанного кремня; в горизонтах 5–11 обнаружено 1170 артефактов. Такой состав находок не связан с факторами, влиявшими на сохранность культурного слоя. Он объясняется функциональным типом памятников, которые соответствуют выделенным археологическим горизонтам. Последние справедливо отнесены исследователем памятника к кратковременным охотничьим лагерям. Отсюда – не только немногочисленность, но и неизбежная типологическая усеченность инвентаря.

Несмотря на ограничения, связанные с указанным типом памятника, рассматриваемые материалы позволяют установить общие технико-типологические характеристики анализируемых комплексов. Среднепалеолитическая часть материала базируется здесь на леваллуазском нуклеусе и характеризуется интенсивным фасетированием ударной площадки заготовок. Леваллуазская техника представлена как в типичном отщеповом варианте с тщательной подготовкой на нуклеусе размера и формы каждого скола, так и в разновидности, предполагающей регулярное пластинчатое раскалывание. Обращает внимание то, что в материалах нижней части горизонтов Тинита 1 отмечаются нуклеусы торцового скалывания. Эта черта характерна для верхнего палеолита региона и в ее типичном виде не отмечается в среднем палеолите Кавказа.

В горизонтах 1–4, которые отнесены ко времени перехода к верхнему палеолиту, отмечается иная стратегия получения заготовок. Здесь практиковалось использование

форм нуклеусов, варьирующих от плоского параллельного скалывания до предназначенных для торцового скалывания. В целом, здесь реализована идея использования ядрища, рассчитанного для объемного кругового раскалывания. В нуклеусе торцового скалывания, обнаруженном в горизонте 2, просматривается модель нуклеуса, являющаяся господствующей для верхнего палеолита Кавказа.

Основной состав изделий со вторичной обработкой в коллекциях горизонтов 5–11 приходится на скребла и ножи. Первые представлены простыми и двойными, продольными (рис. 3: 4) и поперечными формами, часто в зубчато-выемчатом оформлении. Много ножей со всеми тремя разновидностями обушков – натуральными, на грани скола и ретушированными. Имеется значительная доля верхнепалеолитических форм орудий – резцов и скребков. Эта часть изделий не отличается регулярностью и повторяемостью выдержанных очертаний. Большей частью это предметы отклоняющиеся (иногда значительно) от норм, считающихся типичными для соответствующих категорий изделий верхнего палеолита.

Обращает на себя внимание отсутствие типичных орудий, определяемых как остроконечники. В коллекциях рассматриваемых горизонтов имеются предметы, которые лишь с натяжкой можно отнести к остроконечникам ле-валлуазским и ретушированным леваллуазским. Выделить типичные изделия рассматриваемого типа в имеющемся материале пока затруднительно.

Довольно интересный среднепалеолитический памятник – Дарвагчай-залив 1 – открыт и исследуется экспедицией Института археологии и этнографии СО РАН в долине реки Дарвагчай рядом со ставшим уже известным палеолитическим пунктом Дарвагчай 1 (Деревянко и др., 2013). Здесь выявлены два разновременных комплекса среднепалеолитических материалов. Один из них – комплекс 1 – определяется автором раскопок А. Г. Рыбалко, как относящийся к финалу среднего палеолита; второй (комплекс 2) отнесен обобщенно к более раннему этапу среднего палеолита (рис. 3: 9–15).

Комплекс, определяемый как более молодой, включает в себя коллекцию находок, состоящую частично из сборов с поверхности современного склона долины р. Дюбекчай в месте ее впадения в современное водохранилище (совпадает с руслом и примыкающей к ней долиной р. Дарвагчай). Другая часть данного комплекса происходит с распашанной пашни в месте перегиба данного склона к поверхности террасы.

Более древний среднепалеолитический комплекс (комплекс 2) состоит из материалов, собранных с поверхности современного «пляжа» водохранилища непосредственно у стоянки (коллекция 1 комплекса 2), и, что ценно, коллекции находок, происходящей из шурфа 1, заложенного в виде врезки в склон с уровня «пляжа» (коллекция 2 комплекса 2). Здесь кстати будет отметить, что пункт с такими же сырьевыми и техническими характеристиками и залеганием материала на «пляже» был обнаружен нами в 2003 году на противоположном берегу этого водохранилища, рядом с пунктом Дарвагчай 1. Данное местонахождение было обозначено нами как Дарвагчай 2.

Коллекция комплекса 2, полученная на стоянке Дарвагчай-залив 1 шурфом-врезкой 1, содержит 114 целых сколов. В подавляющем большинстве случаев у них отмечается широкая гладкая или естественная ударная площадка. Плоские ударные площадки имеют 43% предметов; на изделия с естественной поверхностью ударной площадки приходится 41,2% изделий. Площадки, которые можно назвать фасетированными, отмечены только в 7% случаев.

По результатам раскопок 2010 года коллекция стратифицированного материала существенно увеличилась. С площади раскопа 18 кв. м., примыкающего к шурфу 1, было получено 216 предметов из слоя 1; 267 – из слоя 2а и 83 – из слоя 2б. При таком существенном приращении материала основные технико-типологические показатели общей коллекции не изменились. Основная заготовка описываемой группы материала – массивный скол укороченных пропорций с плоской или естественной ударной площадкой. Нуклеусы – преимущественно плоские параллельного скалывания. Типологический со-

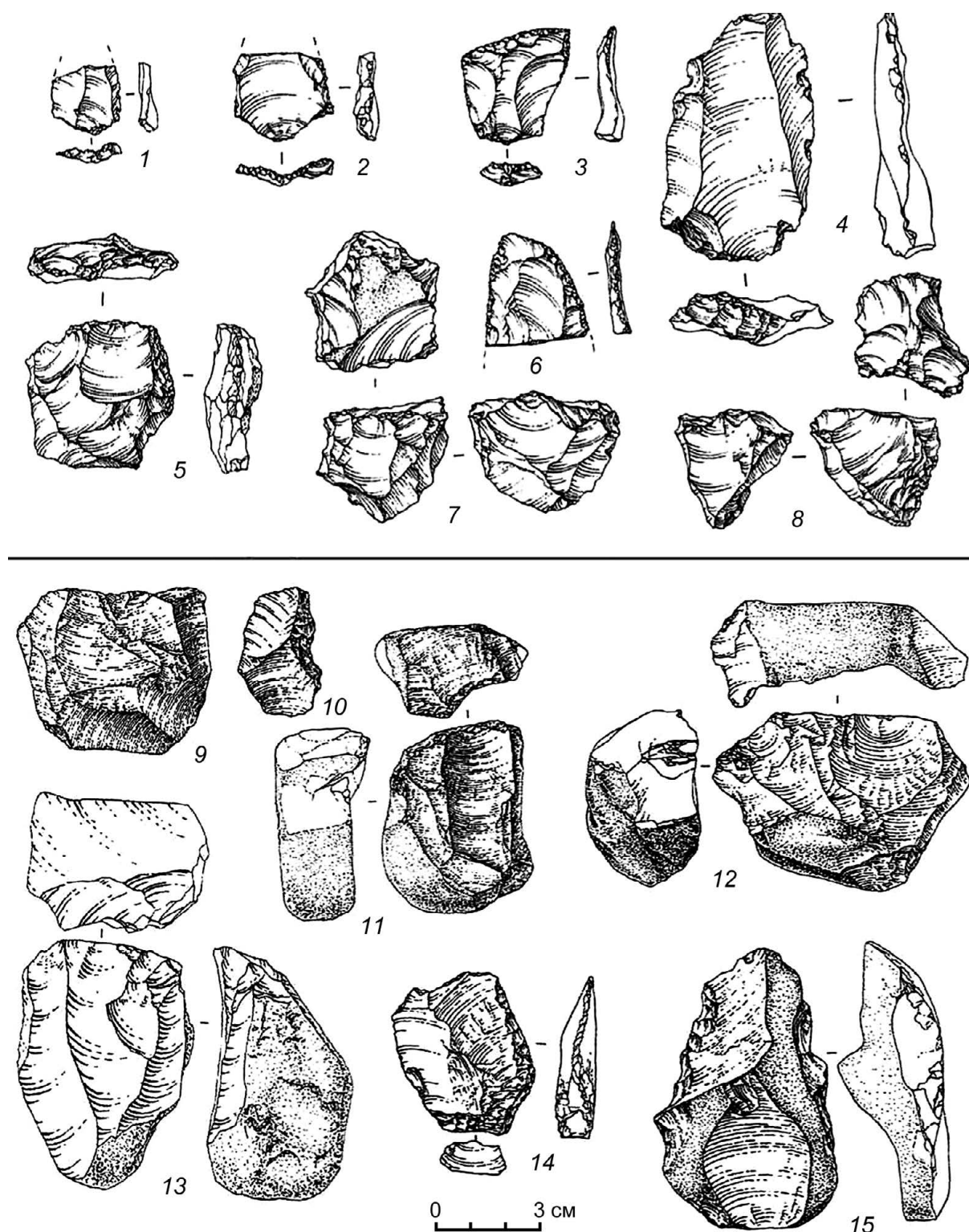

Рис. 3. Образцы кремневых изделий из коллекций более ранних (9–15) и поздних (1–14) среднепалеолитических памятников Дагестана. 1–8 – Тинит 1; 9–15 – Дарвагчай-залив 2, комплекс 2. 1–3, 6 – Тинит 1, гор. 5; 1, 4–5, 5–6 – Тинит 1, гор. 6

Fig. 3. Samples of stone tools from the collections from earlier (9–15) and later (1–14) Middle Palaeolithic sites of Dagestan. 1–8 – Tinit 1; 9–15 – Darvagchay-bay 2, complex 2; 1–3, 6 – Tinit 1, layer 5; 1, 4–5, 5–6 – Tinit 1, layer 6

став обедненный. Представлены скребла, преимущественно простые, зубчатые и выемчатые формы, скребковидные и шиповидные изделия. Характер инвентаря склоняет к отнесению данного комплекса к мастерской, посещавшейся многократно.

Иными технологическими чертами характеризуется среднепалеолитический инвентарь комплекса 1. Он обладает признаками развитой леваллуазской индустрии. Фасетированные площадки для этой коллекции являются нормой. Типологический состав при этом малочисленный и невыразительный при достаточно значимой представленности ядрищ и продуктов расщепления. Он в целом такой же, как и в материалах комплекса 2. Соответственно и функциональный тип памятника, представленного этими материалами, должен быть определен, как мастерская многократного использования.

Таким образом, палеолитические материалы пункта Дарвагчай-залив 1 А.Г. Рыбалко объединяет в четыре (две раннепалеолитические и две среднепалеолитические) культурно-хронологические группы. Наиболее поздняя, как уже отмечалось, связывается с финалом среднего палеолита. Она соотносена в культурном и хронологическом отношениях с материалами нижней части горизонтов, описанной выше стоянки Тинит 1.

Вторая по древности культурно-хронологическая группа на основании технико-типологических показателей установлена в рамках «развитого среднего палеолита», т.е. определена, как более ранняя относительно первой. К сожалению, стратиграфические данные здесь не могут служить подспорьем для подкрепления и, тем более, уточнения этих датировок ввиду того, что индустрия и первой, и второй групп залегают в отложениях одинакового генезиса – в делювиальном плаще отложений террасы. Тем не менее, указанные заключения представляются соответствующими современному уровню знаний о среднем палеолите Северо-Восточного Кавказа.

Таким образом, на территории Дагестана в настоящее время известно три многослойных стратифицированных³ пункта (Рубас 1, Тинит 1 и Дарвагчай-залив 1) и 23 местонахождения с залеганием материала на современной поверхности. Все стратифицированные памятники расположены в зоне предгорий и низкогорий. Что касается местонахождений с разрушенными культурными слоями, то 17 из них расположены на прикаспийской равнине и в предгорье; шесть остальных – в глубинной, среднегорной части Дагестана.

Говорить определенно о функциональном типе рассматриваемых местонахождений открытого типа сложно. Можно предполагать, что часть из них является местами кратковременного посещения, а часть – мастерскими. Большая определенность на этот счет имеется в отношении рассмотренных выше стратифицированных пунктов. Все они обоснованно отнесены авторами раскопок к мастерским или местам кратковременного посещения среднепалеолитических охотников.

Имеющиеся данные пока не позволяют ставить вопрос о хронологических рамках и этапах развития рассматриваемой культуры на данной территории. Пока представляется возможным разделять совокупность известных памятников на две группы, которые можно называть, как более ранние и более поздние. Говоря кратко, наиболее значимое различие между ними сводится к наличию или отсутствию техники фасетирования ударной площадки. К поздней группе относятся индустрии леваллуазские с фасетированной площадкой. Это заключение можно считать подтвержденным материалами рассмотренных выше стратифицированных памятников. По имеющимся для Тинит 1 радиоуглеродным датировкам появление культуры «леваллуа с техникой фасетажа» на Северо-Восточном Кавказе относится ко времени не позднее 40–45 тыс. л. н.

Поиски аналогий материалам среднего палеолита Дагестана с синхронными индустриями смежных территорий ограничены рассмотренным выше состоянием источников. Есть круг вопросов, по которым пока трудно делать обоснованные заключения.

³ Мы не включаем сюда пункт Унцала-ава, поскольку считаем весьма спорным определение его в качестве стратифицированного памятника (Котович, 1964).

Но существуют и такие, относительно которых можно говорить конкретно и вполне определенно. Бесспорным будет, например, заключение о том, что в рассматриваемую эпоху на территорию Дагестана не распространился культурный комплекс восточного микок. С точки зрения древнейшей региональной истории это означает, что, по крайней мере, на протяжении значительной части среднего палеолита развитие культуры на Северо-Восточном и Северо-Западном Кавказе шло различными путями и испытывало (если испытывало) влияние культурных импульсов, имеющих совершенно разные истоки и направления воздействия. Северо-Восточный Кавказ не вошел в обширную территорию Центральной и Восточной Европы, включая Крым и Северо-Западный Кавказ, на которой произошла определенная культурная нивелировка, ярко окрашенная колоритом восточного микок.

Если говорить о заключительных стадиях среднего палеолита, то помимо господствующего там восточного микок на Северо-Западном Кавказе существует и иной культурный комплекс, называемый «мустье хостинского типа» (слои 3В и 4А пещеры Матузка) (Голованова и др., 2003). Это один из собственно кавказских вариантов среднепалеолитической культуры, представленный в наиболее типичном виде на западе Закавказья. В технологическом отношении эта индустрия находит широкие аналогии в материалах кавказских памятников конца среднего палеолита. Для нее характерны развитая леваллуазская техника, представленность пластинчатого раскалывания, активное использование техники фасетирования. В коллекциях этой разновидности индустрии обычны леваллуазские острия. Наиболее типичные комплексы содержат скребки верхнепалеолитических очертаний. Эти признаки в разных сочетаниях отмечаются в большинстве комплексов конца среднего палеолита Кавказа. Именно с этой частью материалов можно обнаружить некоторую близость и памятников финального среднего палеолита Дагестана. Уточнение степени и характера этого сходства и, вообще, более определенные заключения относительно особенностей рассматриваемой культуры будут возможны после открытия и изучения на Северо-Восточном Кавказе полноценных памятников типа базовых стоянок с многочисленными коллекциями, отражающими всю возможную для археологического источника полноту хозяйственной и бытовой деятельности древних обитателей стоянок.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х. А. Манас-озеньские мустьерские местонахождения в Прикаспийском Дагестане // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986. С. 5–26.
- Амирханов Х. А., Деревянко А. П. Разведки памятников каменного века в Дагестане в 2003 году // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Сборник статей, посвященных 70-летию профессора М. Г. Гаджиева. Махачкала: ООО Издательский дом «Эпоха», 2005. С. 18–32.
- Деревянко А. П., Аношкин А. А., Славинский В. С., Борисов М. А., Кулик Н. А. Тинит 1 – новая многослойная палеолитическая стоянка в долине р. Рубас // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и со предельных территорий: материалы годичной сессии ИАЭ СО РАН. 2007. С. 66–71.
- Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н., Аношкин А. А., Рыбалко А. Г. Проблемы палеолита Дагестана / Отв. ред. М. В. Шуньков Новосибирск: ИИАЭ СО РАН, 2012. 292 с.
- Голованова Л. В., Доронищев В. Б. Палеолит Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар, 2003. С. 3–44.
- Котович В. Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964. 226 с.
- Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа. Л.: Наука, 1977. 224 с.

ИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ
ИНДУСТРИЙ ПРИКУБАНЬЯ

(Инвентарь слоя 2 Губского навеса № 1)¹

В 1962 г. в Лабинском р-не (ныне Мостовской) Краснодарского края, в 9 км к юго-западу от станицы Баракаевской, П. У. Аутлевым была открыта новая стоянка человека каменного века. По названию р. Губе, протекающей по Борисовскому ущелью, в котором расположена эта и еще несколько стоянок, она получила название Губский навес № 1. Раскопки стоянки, проводившиеся П. У. Аутлевым в 1962 и 1963 гг., выявили здесь два культурных слоя, один из которых оказался мустьерским, другой – верхнепалеолитическим. Тщательно исследованный мустьерский комплекс навеса получил широкую известность среди специалистов и лег в основу выделения пока единственной на Северном Кавказе губской мустьерской культуры². Что же касается материалов верхнепалеолитического слоя, то они получили в литературе лишь самое общее освещение³. Между тем эти материалы были и до сих пор остаются единственными для характеристики материальной культуры Северо-Западного Кавказа в среднюю пору верхнего палеолита.

В 1975 г. совместная Кавказская палеолитическая экспедиция Ленинградского отделения ИА АН СССР, Ленинградского университета и Адыгейского НИИЯЛИЭ под руководством В. П. Любина возобновила стационарные археологические исследования в Борисовском ущелье. Под руководством авторов настоящей статьи производились, в частности, раскопки Губского навеса № 1. В ходе новых исследований был выявлен еще один верхнепалеолитический слой. Таким образом, Губский навес № 1 предстает сейчас как единственный на Северном Кавказе многослойный памятник, содержащий одновременно слои верхнепалеолитической (слои 1 и 2) и мустьерской (слой 3) эпох. Новые работы пополнили также археологическую коллекцию слоя 2. В итоге слой 2 представлен материалами раскопок 1962, 1963 и 1975 гг. Рассмотрению всех этих материалов и посвящена данная работа.

В отличие от материалов из слоя 1 рассматриваемый инвентарь значительно более многочислен и разнообразен. Комплекс, происходящий из ныне раскопанной площади (16 м²), насчитывает 3601 изделие, из них 163 экз. (4,5%) – орудия, 1623 экз. – заготовки, 55 экз. – нуклеусы вместе с нуклеидными обломками, 1760 экз. – отходы производства. Мы имеем, таким образом, памятник, все основные аспекты индустрии которого (первичное раскалывание, вторичная обработка, типология) могут быть подвергнуты детальному и последовательному анализу.

Первичная обработка. Для характеристики техники первичного раскалывания этого комплекса мы располагаем вполне достаточным количеством нуклеусов, заготовок и отходов производства. Весь этот разнородный материал можно свести в следующий классификационный список. Как видно из приведенного списка, все нуклеусы этого комплекса объединяются между собой по общим для них существенным признакам, отражающим единый принцип техники первичного раскалывания. Для всех разновидностей нуклеусов характерно: скалывание заготовки с узкого или широкого края, наличие одной, в подавляющем большинстве скошенной ударной площадки, сравнительно небольшие размеры, редко превышающие 5 см. Различаются же они по ширине рабочего участка ядрища, по углу наклона ударной площадки и по исходным заготовкам. Одно из этих различий имеет здесь типологическое значение. Так считается, что в верхнем палеолите

¹ Амирханов Х. А., Аутлев П. У. Из исследований верхнепалеолитических индустрий Прикубанья (Инвентарь слоя 2 Губского навеса № 1) // СА. 1977. № 3. С. 143–153.

² Аутлев П. У. Мустьерская стоянка в Губском навесе № 1. Сб. «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973; В. П. Любин, П. У. Аутлев, В. П. Гричук, З. Н. Губонина, М. М. Моносзон. Мустьерская стоянка в Губском навесе № 1 (Прикубанье). КСИА АН СССР, 137, 1973.

³ Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.

Нуклеусы	
1. Призматические с узкой рабочей частью	19 экз.
2. Призматические с широкой рабочей частью	9 экз.
3. Торцового скалывания с прямой ударной площадкой	2 экз.
4. Вторичные ядрища торцового скалывания	3 экз.
5. Нуклевидные обломки	22 экз.
Заготовки	
1. Пластины и их обломки (ширина равна или более 12 мм)	295 экз.
2. Пластинки и их обломки (ширина от 7 до 12 мм)	160 экз.
3. Микропластинки и их обломки (ширина менее 7 мм)	109 экз.
4. Отщепы и их обломки	1059 экз.
Отходы производства	
1. Обломки	243 экз.
2. Осколки	634 экз.
3. Чешуйки	566 экз.
4. Мелкие обломки заготовок	288 экз.
5. Резцовые отщепки	19 экз.
6. Краевые сколы с нуклеусов	10 экз.

вторичные ядрища служили основой для получения микропластинок⁴. Следовательно, специфическое целевое предназначение вместе с их морфологическими особенностями позволяет выделить эти нуклеусы в особый тип. Известно и то, что нуклеусы торцового скалывания бывают, как правило, косоплощадочными⁵, а таковые с прямой ударной площадкой всегда редки и, может быть, чаще всего случайны. Не удивительно поэтому, что в инвентаре слоя 2 Губского навеса № 1 таких нуклеусов всего два. А поэтому трудно говорить о них как об особом типе, свойственном этой индустрии. Можно выделить здесь в целом два типа нуклеусов: призматические одноплощадочные двух вариантов – с широкой (рис. 1, 2, 7) и узкой (рис. 1, 3) рабочей частью – и вторичные ядрища торцового скалывания (рис. 1, 5).

Обратимся теперь к заготовкам для орудий. Число отщепов здесь абсолютно преобладает над общим количеством пластин, пластинок и микропластинок, хотя орудий на отщепах значительно меньше, чем на пластинчатых заготовках. Это, очевидно, объясняется тем, что большое число отщепов не предназначалось для изготовления орудий, а было получено при предварительной оббивке заготовок для нуклеусов. Об этом говорит и то, что из 347 первичных сколов преобладающее большинство приходится на отщепы.

К характеристике пластинчатых сколов следует отметить, что многие из них имеют неправильные очертания. Сказанное в большей степени относится к пластинам. Пластинки и микропластинки имеют в основном параллельную направленность краев. Но и они не всегда выдержаны в сечении вдоль всей длины. Длина пластин, как и большинства нуклеусов, редко превышает 5 см.

В особую категорию выделены нами предметы, являющиеся отходами первичного раскалывания и вторичной обработки кремня. Входящие в эту категорию обломки представляют собой массивные предметы без ударной площадки и других признаков

⁴ *Рогачев А. Н.* Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, 59, 1957, стр. 41; *его же.* Александровское поселение древнекаменного века у с. Костенки на Дону. М.—Л., 1955; *Семенов С. А.* Изучение функции палеолитических орудий по следам работы. Сб. «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2. М., 1950, стр. 162.

⁵ *Паничкина М. З.* Палеолитические нуклеусы. АСб. ГЭ, 1959, стр. 52.

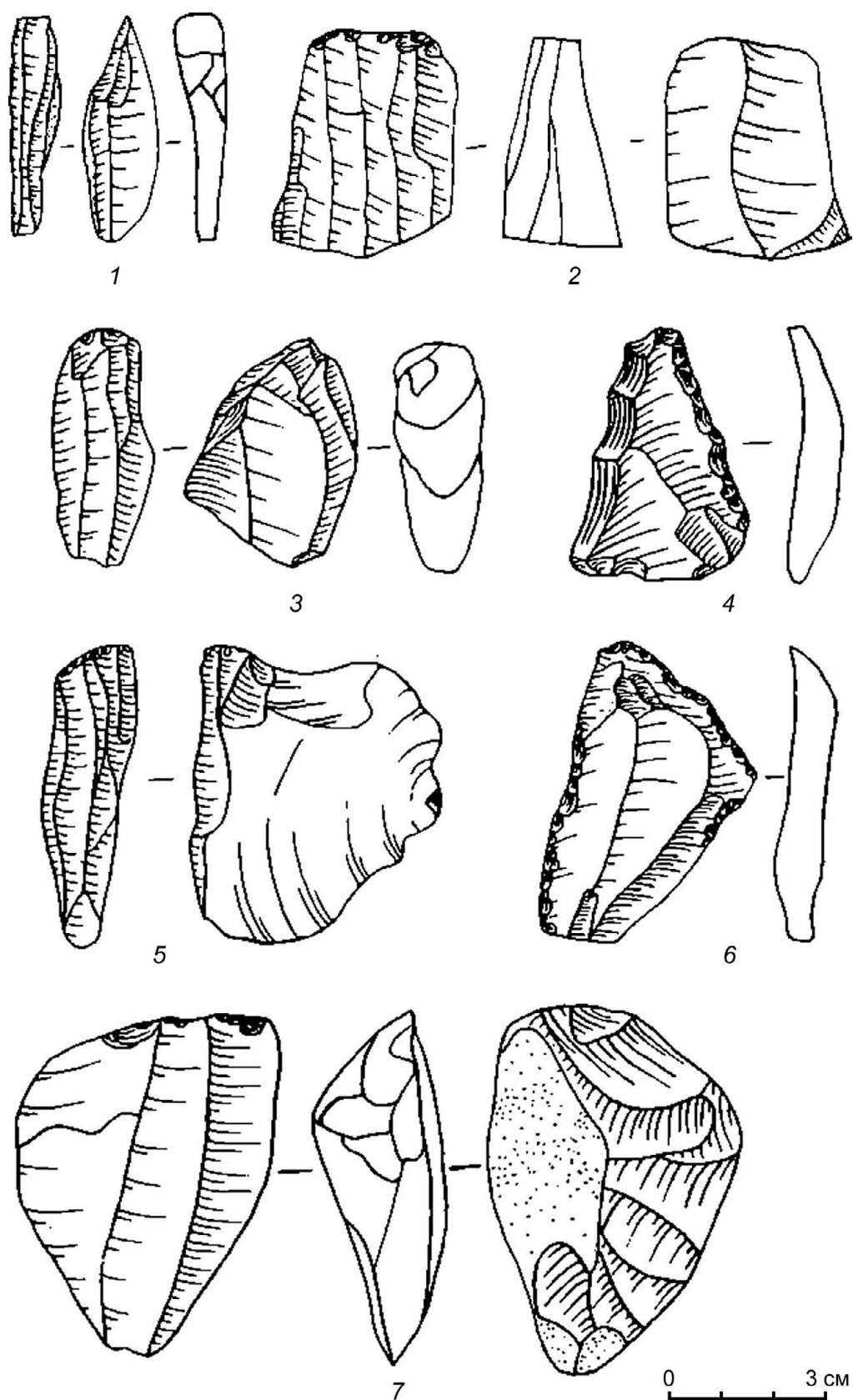

Рис. 1. Губский навес № 1. Слой 2. Образцы кремнёвых орудий

отщепления от нуклеуса или признаков сходства с самими нуклеусами. Средние размеры обломков от 1,5 до 3 см (в поперечнике).

Осколки характеризуются теми же признаками, что и обломки. Разница в том, что последние имеют меньшие размеры (в среднем 1–1,5 см).

Чешуйки – наиболее многочисленная разновидность отходов производства. Они очень тонкие (в среднем 1 мм) и короткие (1,5 см).

Отличительная черта мелких обломков заготовок – их неопределенность. Они настолько малы (до 1 см), что трудно определить исходный тип заготовки, от которого они отломаны. Вместе с тем на них можно различить спину и брюшко. В отличие от крупных обломков пластин и отщепов, которые мы принимали во внимание при подсчете заготовок, эти мелкие разновидности отнесены к отходам производства. Среди орудий нет ни одного на таких мелких обломках, точно так же, как нет их и на перечисленных выше других разновидностях бросового материала.

Среди описываемой части инвентаря имеются также резцовые отщепки и краевые сколы с нуклеусов. Очень интересно, что количество первых (19 экз.) почти совпадает с числом собственно резцов (17 экз.)

Вторичная обработка. Техника вторичной отделки орудий состоит в целом из четырех приемов: ретуши, поперечного сечения ретушью, резцового скола и подтески. Не считая некоторых скребков с ретушью по краям и исключая собственно скребковую ретушь (ретушь, которой оформлено скребковое лезвие), в комплексе 32 отретушированных предмета. Если рассмотреть ретушь на этих предметах независимо от морфологии орудий, то можно выделить в ней следующие разновидности:

1. Крупная полукрутая	– 10 экз.
2. Крупная крутая	– 8 экз.
3. Мелкая полукрутая	– 7 экз.
4. Крупнозубчатая	– 4 экз.
5. Мелкозубчатая	– 3 экз.

Мелкая и крупная зубчатая ретушь бывает частичная, иногда прерывистая, лицевая, разнофасеточная. Мелкая полукрутая ретушь, встреченная на нескольких экземплярах, лицевая, иногда частичная и всегда краевая.

Обычно полукрутая ретушь, как и крутая, бывает глубокой, т. е. формирующей край изделия. Но здесь она следует естественному наклону краев массивных отщепов и пластин.

Крупная полукрутая и крутая ретушь встречается чаще других, хотя обработанные этой ретушью предметы не образуют здесь четко выдержанных морфологических серий орудий. И та, и другая ретушь в подавляющем большинстве случаев частичная, лицевая, равнофасеточная, глубокая.

В целом трудно выделить наиболее характерный для этого комплекса тип ретуши, хотя количественно здесь преобладает крупная полукрутая и крутая ретушь.

Прием резцового скола представлен в индустрии слоя 2 в обычных для всех верхнепалеолитических памятников виде. Этот прием использовался здесь только для получения резцов.

Хорошо представлен в рассматриваемом комплексе прием ретушного усечения заготовок. Ретушь усечения была по некоторым показателям близка к скребковой. Так, фасетки этой ретуши достаточно крупные и имеют наклон к брюшку приблизительно в 45–70°. Сами изделия, подвергшиеся такому усечению, также близко напоминают скребки. Однако, ретушь усечения на концах этих предметов однонаправленная косая, тогда как фасетки ретуши скребкового лезвия, как правило, направлены к продольной оси симметрии орудия или по крайней мере прямые (когда заготовка очень плоская и широкая).

Последние обычно узкие и длинные, если, как в нашем случае, заготовки массивные, а фасетки ретуши усечения на таких заготовках всегда широкие. Названный прием усечения заготовки представлен в индустрии слоя 2 двумя вариантами: отмеченное уже наклонное брюшковое усечение (11 экз. рис. 2, 1–3) и противолежащее усечение (1 экз., рис. 2, 16). Описанный прием является, несомненно, специфической чертой вторичной обработки инвентаря слоя 2 Губского навеса № 1.

Подтеской обработано два предмета. В обоих случаях подтеска крупная плоскостная, близкая к лямеллярной, но отличающаяся от нее большей шириной фасеток ретуши, которой подработаны нижние концы изделий, т. е. стесаны ударные бугорки.

Типология. Весь состав орудий слоя 2 Губского навеса № 1 укладывается в следующий классификационный список.

Скребла	– 2
Скребки:	
1. Концевые длинные	– 9
2. Концевые короткие	– 14
3. Концевые укороченные	– 7
4. Двойные	– 4
5. С боковой выемкой	– 6
6. С черенком	– 1
7. С ретушированным с брюшка основанием	– 3
8. С перехватом	– 2
9. С брюшковым лезвием	– 2
10. С плечиками атипичные	– 2
11. А museau высокие	– 6
12. Высокой формы с широким лезвием	– 24
13. Высокой формы с узким лезвием	– 16
14. Обломки скребков	– 13
Резцы:	
1. Срединные	– 7
2. Угловые и на углу излома	– 4
3. Косоретушные	– 3
4. Пряморетушные	– 1
5. Плоские	– 1
6. Микрорезцы	– 1
Пластины и отщепы усеченные ретушью:	
1. С прямым наклонным усечением с брюшка	– 6
2. Со скошенным наклонным усечением с брюшка	– 5
3. Со скошенным противолежащим усечением	– 1
Орудия с зубчатой ретушью по краю	– 3
Пластины с зубчатым концом	– 3
Орудия с выемчатым краем	– 1
Орудия с ретушированными выемками:	
1. С брюшка	– 2
2. Со спинки	– 2
Проколки	– 1
Ножи с коротким дугообразным обушком	– 2
Пластины и отщепы с участками ретуши	– 3
Обломки пластин и отщепов с ретушью	– 6

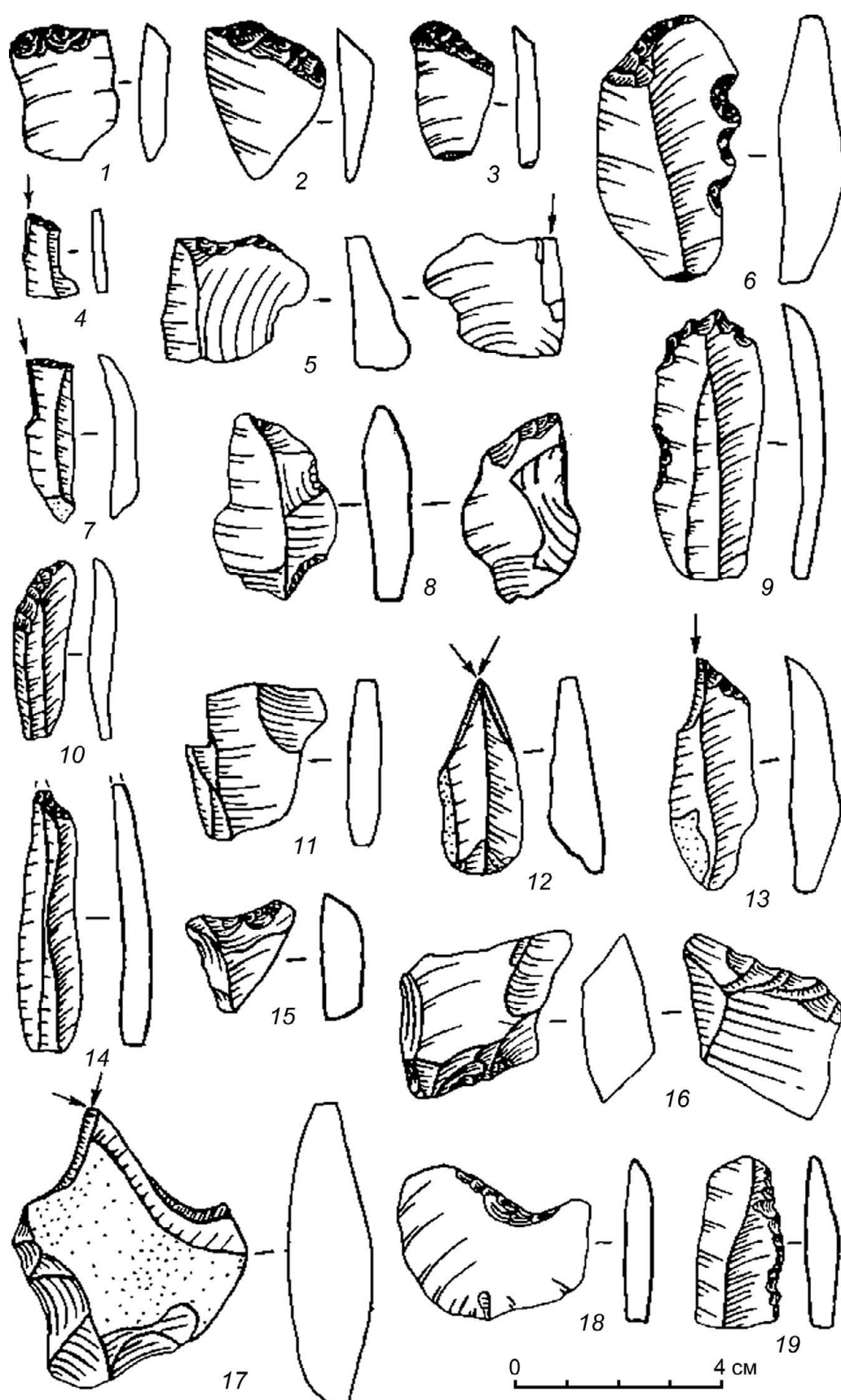

Рис. 2. Губский навес № 1. Слой 2. Образцы кремнёвых орудий

Скребла комплекса (рис. 1, 4, 6) относятся к разновидности продольных. Оба они изготовлены на отщепах и оформлены однорядной полукрутой неравнофасеточной ретушью.

Скребки составляют самую многочисленную и самую разнообразную часть инвентаря. Наиболее многочисленной разновидностью изделий этой категории являются скребки высокой формы. В зависимости от ширины рабочего края (лезвия) они делятся на две группы.

Скребки высокой формы с широким рабочим краем (рис. 3, 14) изготовлены преимущественно на небольших обломках. Ширина рабочего лезвия у этих скребков равна или больше 8 мм. Оформлено скребковое лезвие крупной, неравнофасеточной и порой двухрядной ретушью.

Скребки высокой формы с узким рабочим краем (рис. 1, 15) в отличие от первых изготовлены на массивных отщепах. Рабочее лезвие у них, как правило, расположено на массивном торце отщепа и по ширине не превосходит 8 мм. Отличительной особенностью этих скребков является и то, что рабочий край у них первоначально оформлялся узкими длинными лямеллярными снятиями, а затем подправлялся мелкой краевой ретушью по обводу скребковой кромки.

Скребки à museau высокие (рис. 3, 17), близки к высоким скребкам с узким рабочим лезвием, но отличаются от них наличием по обеим сторонам от лезвия подчеркивающих его ретушированных выемок. Иногда такая выемка одна. В этих случаях с той стороны, где выемки нет, рабочая часть выражена сама по себе и не вызывает необходимости в дополнительной выемке.

Скребки концевые занимают по численности второе место. По своим пропорциям они подразделяются на три разновидности: длинные (рис. 3, 12), короткие (рис. 3, 10) и укороченные (рис. 3, 13). Первые изготавливались в основном на довольно массивных пластинах. Для остальных заготовками служили отщепы. По остальным признакам между концевыми скребками различий не наблюдается. Во всех трех случаях края орудий неретушированы. Однотипна всегда и ретушь на скребковом лезвии.

Скребки двойные (рис. 3, 3) близки по всем показателям к одинарным концевым и отличаются от последних лишь дублированностью скребкового лезвия. Три из четырех таких скребков изготовлены на массивных пластинах и один на отщепе.

Скребки с плечиками атипичные (рис. 3, 11) представлены двумя экземплярами. От типичных скребков подобного вида их отличает то, что плечики здесь пологие, а рабочая кромка слишком узкая. У одного из этих изделий основание уплощено с брюшка крупной ретушью.

Скребки с боковой выемкой в основании составляют здесь серию из 6 экз. В целом, это скребки концевого типа, имеющие глубокую (рис. 3, 6) или неглубокую (рис. 3, 7–8) выемку в нижней части одного из краев заготовки. Выемки на этих скребках, очевидно, предназначались для удобства захвата пальцами.

Скребки с ретушированным с брюшка основанием (рис. 3, 5) в основном мелкие, на отщепах. Особенностью их является крупная наклонная разнофасеточная ретушь по основанию с брюшка. Другими словами, при изготовлении подобных скребков один конец заготовки подвергался наклонному усечению ретушью с брюшка, а другой ретушировался под скребковое лезвие.

Скребки с перехватом (рис. 3, 2) являют очень специфичную форму, не известную пока в кавказских верхнепалеолитических материалах. Характеризуются эти скребки небольшими размерами и наличием двух широких выемок с брюшка по краям заготовок. Выемки противопоставлены друг другу и чуть смещены по вертикали. Вполне реально, что указанные выемки предназначены для более удобного захвата скребка пальцами при его использовании.

Скребки с брюшковым лезвием (рис. 3, 4) также специфичны для данного комплекса. Простой, но весьма выразительной особенностью этих орудий является то, что

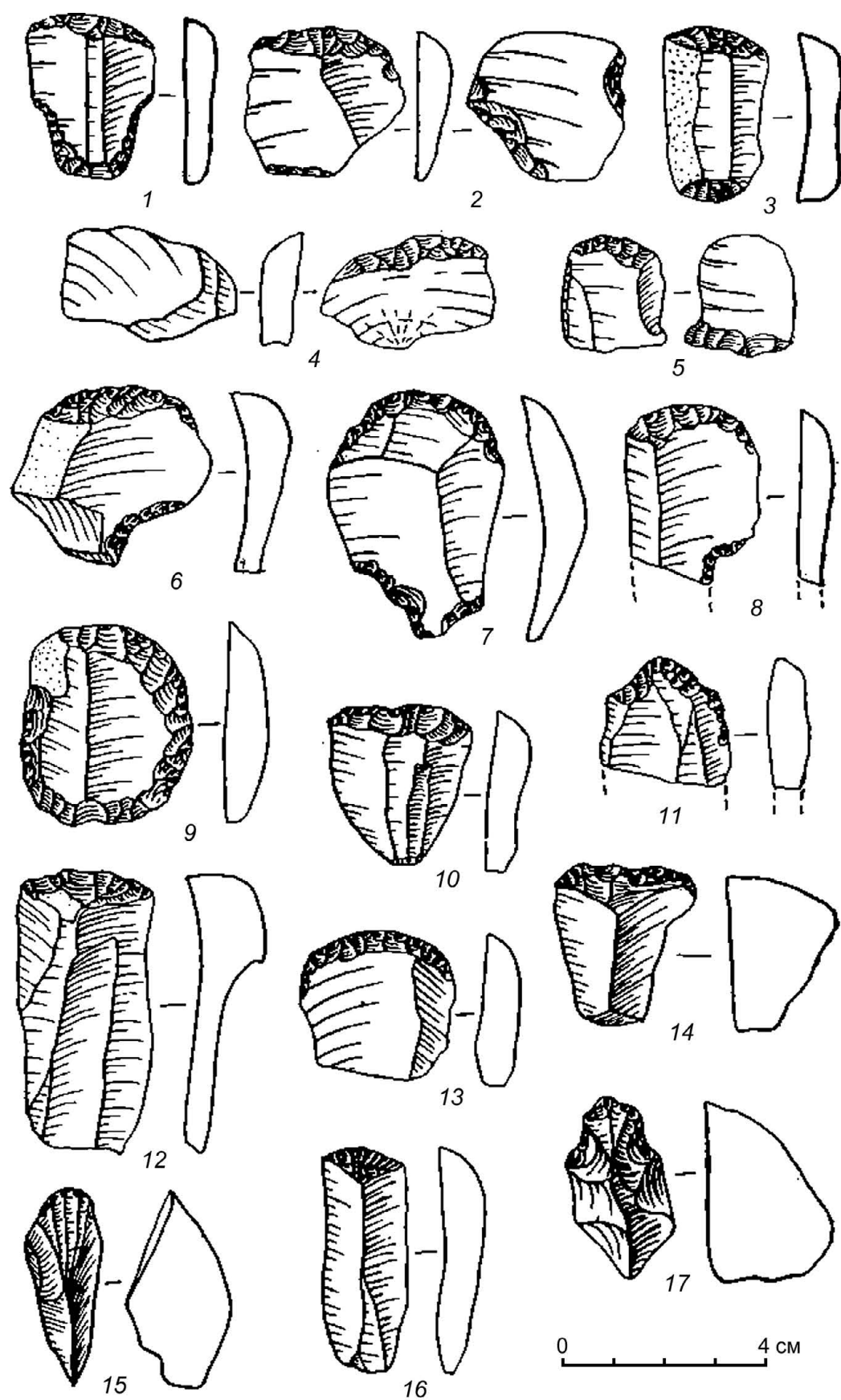

Рис. 3. Губский навес № 1. Слой 2. Образцы кремнёвых орудий

скребковое лезвие у них оформлено не на спинке, как обычно, а на брюшке. Отсюда и их название.

Скребок с черенком (рис. 3, 1) подтверждает наблюдение о том, что специфические, необычные формы скребков представлены в данном комплексе значительно меньшим количеством предметов, чем широко распространенные банальные типы. Возможно, частично это объясняется тем, что раскопана пока небольшая часть стоянки. Иначе трудно согласиться с тем, что отделанный с такой тщательностью и целенаправленностью скребок с черенком является случайным только потому, что пока он единичен. Четко выделенный его черенок говорит, очевидно, о том, что скребок снабжался специальной рукоятью.

Резцы в комплексе немногочисленны, их почти в 7 раз меньше, чем скребков. В целом, резцы довольно разнообразны, но в отличие от скребков не имеют сколько-нибудь специфических типов.

Резцы срединные (рис. 2, 12, 17) представлены наиболее многочисленной серией. Большинство их изготовлено на массивных сколах. Размеры – 3–5 см.

Резцы угловые на углу излома (рис. 2, 11) в количественном отношении следуют за срединными. Заготовками для этого типа резцов служили более унифицированные сколы в виде крупных обломков широких пластин.

Резцы косоретушные (рис. 2, 13) изготовлены только на пластинах. В отличие от названных выше типов у резцов косоретушных (как, впрочем, и пряморетушных) резцовая кромка (*biseau*) получалась сочетанием одного резцового скола с косоретушированным концом заготовки.

Остальные разновидности резцов: пряморетушный (рис. 2, 7), плоский (рис. 2, 5) и микрорезец (рис. 2, 4) представлены лишь единичными экземплярами.

Пластины и отщепы, усеченные ретушью, отличаются в рассматриваемом комплексе некоторыми особенностями. Собственно, типичных *lames tronquées* в инвентаре нет. Последние, как известно, характеризуются крупной крутой ретушью, усекающей пластину поперек со спинки чаще всего прямо, т. е. почти перпендикулярно длинной оси заготовки. Ретушь сечения при этом лежит не на спинке и не на брюшке, а непосредственно на торце заготовки вдоль линии усечения. В нашем же инвентаре предметы, усеченные ретушью, имеют существенные отличия от типичных. Так, размеры этих изделий против обычного здесь мелкие (2,5–3 см). Ретушь усечения во всех случаях располагается на брюшке. Она всегда крупная, полукрутая, равнофасеточная, частично двухрядная. Такая необычная для поперечного сечения изделий ретушь делает возможным истолковывать рассматриваемые предметы как орудия с утончением одного конца. Но такое толкование было бы ошибочным. При утончении концов ретушь бывает более полой, почти плоской и на предметах такой массивности, как рассматриваемые, заходит довольно далеко на брюшко. В нашем же случае конец заготовки просто наклонно резко срезан ретушью. Таким образом, здесь можно говорить о технике наклонного усечения изделий как о разновидности поперечного ретушного усечения.

В зависимости от того, как соотносится линия усечения с длинной осью заготовки, эти изделия делятся на два варианта: с прямым наклонным усечением (рис. 2, 1) и со скошенным наклонным усечением (рис. 2, 2, 3). Количество тех и других, как видно из классификационного списка, почти равное.

Орудия с зубчатой ретушью по краю (рис. 2, 19) составляют одну из разновидностей не очень многочисленной категории зубчато-выемчатых изделий инвентаря. Они представляют собой пластины с полукрутой крупной неравнофасеточной ретушью. При этом во всех случаях отретуширован только один край пластины.

Пластины с зубчатым концом (рис. 2, 9) интересны тем, что у них в отличие от описанных выше предметов крупнозубчатой ретушью обработаны не края, а верхний конец. Это редкая для кавказских индустрий форма изделий.

Орудия с выемчатым краем (рис. 2, 6) представлены в комплексе всего одним экземпляром. Обработанный тремя широкими смыкающимися друг с другом выемками край

этого изделия сочетается с коротким наклонным ретушированным обушком в верхней части заготовки.

Орудия с ретушированными выемками изготовлены все на небольших отщепах. В зависимости от того, на какой стороне заготовки расположены выемки, эти изделия делятся на два варианта: с выемкой на спинке (рис. 2, 15) и с выемкой на брюшке (рис. 2, 18). И в том, и в другом случае на заготовке имеется по одной широкой неглубокой выемке.

Проколка (рис. 2, 14) в данном комплексе одна. Обломанное в древности жальце орудия выделено ретушью только со спинки. Судя по сечению на месте излома, оно имело небольшую длину. Заготовкой для проколки послужила длинная пластинка довольно правильных очертаний, каких в инвентаре не очень много.

Ножи с коротким дугообразным обушком (рис. 2, 8, 10) представлены здесь двумя заметно отличающимися друг от друга предметами. Один из них (рис. 2, 10) изготовлен на небольшой пластине и имеет обработку только на обушке. Заготовкой для другого экземпляра (рис. 2, 8) послужил отщеп, на котором оформлен не только обушок, но широким сколом уплощен и режущий край.

Наконец, в инвентаре имеются невыразительные пластины и отщепы и их обломки с участками ретуши.

Мы рассмотрели и описали весь инвентарь слоя 2 Губского навеса № 1. Ряд наблюдений и выводов дают возможность охарактеризовать культурные особенности изучаемого памятника. Так, по составу инвентаря можно отметить полное отсутствие в комплексе каких бы то ни было острий, геометрических форм и пластинок с притупленным краем, абсолютное численное преобладание скребков не только над резцами, но и над орудиями всех остальных категорий, взятых вместе.

Указанные особенности являются достаточно общими. Тем не менее некоторые из них имеют большое значение. Наиболее интересно в этом плане отсутствие в комплексе пластинок с притупленным краем. Известно, что памятники, лишенные или почти лишенные их, были обнаружены и в Закавказье (Грузия)⁶. Последние не были идентичны памятникам закавказской⁷ (по Н. О. Бадеру) или имеретинской⁸ (по Г. П. Григорьеву) культуры, считавшейся одно время характерной для всего Кавказа в целом⁹, и вызывали вначале недоумение тем, что не соответствовали схеме развития общекавказской (а по существу имеретинской) верхнепалеолитической культуры, разработанной С. Н. Замятниным. В результате дальнейших исследований в объяснении особенностей данных индустрий (речь идет, в частности, о Самерцхле-кде и Дзудзуане) столкнулись две точки зрения. Согласно первой, отсутствие или малочисленность пластинок с притупленным краем является указанием на ранний возраст этих памятников¹⁰. Сторонники второй точки зрения, представляющейся в настоящее время более приемлемой, объясняют этот же факт не хронологической позицией памятников, а их культурными особенностями¹¹.

Наряду с приведенными взглядами недавно было предложено и несколько иное толкование различий верхнепалеолитических индустрий Грузии, согласно которому «среди позднепалеолитических индустрий Грузии отмечается два эволюционных цикла: один представлен стоянками, лишенными пластинок с притупленным краем (Самерцхле-кде,

⁶ Ниорадзе М. Г. Пещера Самерцхле-кде и верхний палеолит Западной Грузии. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1968.

⁷ Бадер И. О. Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита. СА, 1965, 4.

⁸ Григорьев Г. Л. Верхний палеолит. Сб. «Каменный век СССР». М., 1970.

⁹ Замятин С. Н. Палеолит Западного Закавказья. СМАЭ, XVII, 1957.

¹⁰ Бердзенишвили Н. З. К вопросу о начальной стадии верхнего палеолита Грузии. Сб. «Каменный век Средней Азии и Казахстана». Ташкент, 1972, стр. 42.

¹¹ Ниорадзе М. Г. О некотором своеобразии верхнепалеолитической культуры Грузии. Сб. «Каменный век Средней Азии и Казахстана». Ташкент, 1972, стр. 142.

нижний слой Сакажиа, слой 1 Сагварджиле и грот Дзудзуана), другой – стоянками с пластинками с притупленным краем и геометрическими микролитами, которые образуют классическую цивилизацию Имеретии»¹². Отвергая представление С.Н. Замятнина о единстве верхнепалеолитической культуры Грузии, автор приведенных строк, известный польский исследователь Я. Козловский предлагает считать эту культуру двойственной. Здесь не учитывается, однако, то, что открытие еще одной или нескольких культур потребует нового пересмотра линий развития верхнего палеолита Закавказья. Устанавливая, таким образом, общее сходство инвентаря слоя 2 Губского навеса № 1 с материалами закавказских памятников типа Самерцхле-кде, мы, однако, не можем считать их однокультурными памятниками.

Рассмотренный комплекс характеризует особый, не имеющий пока прямых аналогов памятник. Его специфику выразительно подчеркивают такие чрезвычайно редкие или уникальные типы и разновидности орудий, как скребки с брюшковым лезвием, скребки с перехватом, скребки с боковой выемкой в основании, скребки с черенком, пластины и отщепы с наклонным ретушным сечением. Сочетание таких форм орудий не встречается ни в одном памятнике на юге СССР. В культурном отношении с инвентарем этого слоя не смыкаются и материалы перекрывающего его верхнепалеолитического слоя 1.

Из хронологически сопоставимых памятников территориально наиболее близка к Губскому навесу № 1 Каменноостовская пещера. Но в инвентаре соответствующих слоев этих памятников мы снова видим лишь общее сходство. Такое же, как для комплекса слоя 2 Губского навеса № 1 и закавказских памятников типа Самерцхле-кде. Не имея, таким образом, ни предшествующих, ни последующих однокультурных с Губским навесом памятников, рассматривать вопрос об истоках и дальнейшей эволюции изучаемой индустрии в настоящее время невозможно.

В заключение коснемся вопроса о датировке инвентаря. Вопрос об относительном хронологическом диапазоне бытования памятника ранее уже рассматривался. Так А.А. Формозов датировал инвентарь слоя 2 средней порой верхнего палеолита¹³. Здесь мы придерживаемся этой датировки, но вместе с А.А. Формозовым считаем, что она, как и любая другая датировка, основанная лишь на типологии инвентаря, не является безупречной. Более точная датировка будет зависеть от детального геологического изучения стоянки. Несмотря на то, что разрез Губского навеса № 1 изучен и опубликован¹⁴, нет заключения специалистов относительно геологического возраста погребенного гумуса слоя 3, в котором заключены культурные остатки археологического слоя 2. Исходя из синхронности палеоклиматических явлений позднего плейстоцена Европы и Кавказа и основываясь на датирующих признаках кремневого инвентаря, нам представляется допустимым отнесение указанного горизонта погребенного гумуса к интерстадиалу паудорф. Если это подтвердится, то о возрасте инвентаря верхнепалеолитического слоя 2 Губского навеса № 1 можно будет говорить с большей определенностью.

¹² Janusz K. Kozłowski. Le Paléolithique supérieur en Transcaucasie et en Proche — Orient. II-e parti. Subdivision du paléolithique supérieur en Transcaucasie occidentale-(Résumé). Swiatowit, XXXIII, Warszawa, 1972, p. 46.

¹³ А.А. Формозов. Ук. соч., стр. 49; там же. Палеолитические стоянки в пещерах Прикубанья. КСИА АН СССР, 98, 1964, стр. 13.

¹⁴ В.П. Любин и др. Ук. соч., стр. 57, 58.

Kh.A. Amirkhanov, P.Ou. Aoutlev

**ETUDE DES INDUSTRIES DU PALEOLITHIQUE SUPERIEUR
DANS LA REGION DU KOUBAN**

Résumé

L'abri Goubsskiy № 1 est actuellement dans le Nord du Caucase l'unique monument à multiples niveaux, présentant à la fois des couches du paléolithique supérieur (couches 1 et 2) et de l'époque moustérienne. La présente étude est consacrée à l'examen des pièces de la couche 2, recueillies au cours des fouilles exécutées en 1962, 1963 et 1975. Leur analyse montre que nous avons affaire à un site particulier, n'ayant pas jusqu'à présent d'analogues directs. Son côté spécifique est mis en relief par les types des grattoirs extrêmement rares, ou même uniques et des lames et des éclats tronqués obliques. Dans aucun monument du Sud de l'Union Soviétique on n'avait jamais rencontré un tel assemblage de formes d'outils. Les pièces de la couche 1 de recouvrement, datant du paléolithique supérieur, ne se relient pas au point de vue culturel avec l'inventaire de la couche 2.

Les auteurs essaient également dans cette étude de déterminer la date de ce monument. Bien que la coupe de L'abri Goubsskiy № 1 ait été étudiée et publiée, les spécialistes n'ont rien conclu relativement à l'âge géologique de la primitive couche 3 d'humus, qui contient des restes de la couche culturelle 2. En se basant sur le synchronisme des phénomènes paléoclimatiques du pléistocène récent en Europe et au Caucase, ainsi que sur les indices de datation de l'inventaire en silex, il nous est possible de reporter la dite couche primitive d'humus à l'interstadial de Paudorf.

**ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ У С. ХАДАГИ
(РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН)¹**

Резюме. В статье публикуются новые палеолитические материалы из местонахождения Хадаги (Южный Дагестан), которые, несмотря на свою фрагментарность, интересны с точки зрения сочетания в них среднепалеолитической техники первичного раскалывания с верхнепалеолитической техникой вторичной обработки и наличия сформировавшегося верхнепалеолитического типа орудия – ножа типа шательперрон. Как представляется, в этом можно усматривать очередное проявление того, что в палеолитической индустрии технология консервативнее формообразования, и данный конкретный случай можно интерпретировать как иллюстрацию процесса перехода от среднего к верхнему палеолиту на Северо-Восточном Кавказе.

Ключевые слова: местонахождение Хадаги, нож типа шательперрон, Северо-Восточный Кавказ, средний – верхний палеолит.

В 2014 г. любителем древностей из с. Хадаги Кайтагского района Республики Дагестан Майсуровым Набиюллой одному из авторов данной заметки, Х. А. Амирханову, были переданы несколько кремневых изделий. Среди них имелись целые пластины, отщепы и одно примечательное во многих отношениях орудие – нож с акцентированием рабочей и аккомодационной частей с использованием для этого разнотипной ретуши (рис. 2, 3). В июне 2017 г. авторами была предпринята поездка к месту обнаружения указанных находок. Цель состояла в предварительном осмотре интересующей местности, ознакомлении с геолого-геоморфологической ситуацией, а также в выяснении пространственной и стратиграфической позиции находок, о которых идет речь.

Село Хадаги расположено в низких предгорьях хребта Кара-сырт, примерно в 28 км к западу от побережья Каспийского моря (рис. 1). Геоморфологически описываемый участок представляет собой концевой отрезок древнего мысо-видного выступа в долину реки Жерегула (приток р. Дарвагчай). Проведенный осмотр показывает, что кремневые изделия обнаруживаются у северо-западной окраины села на современной поверхности склона указанного мыса. Последний является при этом левым бортом долины реки Жерегула.

Высота места сосредоточения кремней над урезом реки Жерегула примерно 70–80 м. Кремни отмечаются в слое современной распахиваемой почвы, а также в стенках и на дне промоин, которые внедряются в желтовато-коричневый суглинок. Хотя на предметах нет явных следов окатанности, по характеру их залегания можно предполагать, что они все же переотложены относительно места своего первоначального залегания. Если это верно, то они должны были изначально залегать в слое суглинков в краевой части более или менее выположенной поверхности отмеченного выше мыса. Разрушение этой присклоновой части мыса, открытой к долине реки, должно было привести к резкспонированию содержащихся в них кремней.

Обнаруживаемый археологический материал сильно рассеян по площади. Судя по полученной информации и собственным наблюдениям, о какой-то плотности залегания артефактов говорить не приходится. Такую малочисленность находок можно было бы объяснить тафономической ущербностью данного археологического пункта, однако нужно помнить, что стоянки типа кратковременных охотничьих лагерей с весьма немногочисленным инвентарем зафиксированы в предгорных районах дагестана в условиях, когда материал залегает *in situ* в безукоризненном геологическом контексте (Анойкин и др., 2014; Рыбалко и др., 2014; Кандыба, Рыбалко, 2015). Таким образом, обнаружение в описываемом нами пункте археологического материала в геологическом контексте нельзя исключить, хотя имевшийся поблизости участок с залеганием материала *in situ*, скорее всего, был разрушен в результате эрозии борта долины.

¹ Амирханов Х. А., Таймазов А. И. Палеолитические находки у с. Хадаги (Республика Дагестан) // КСИА. Вып. 249, ч. 1. С. 7.

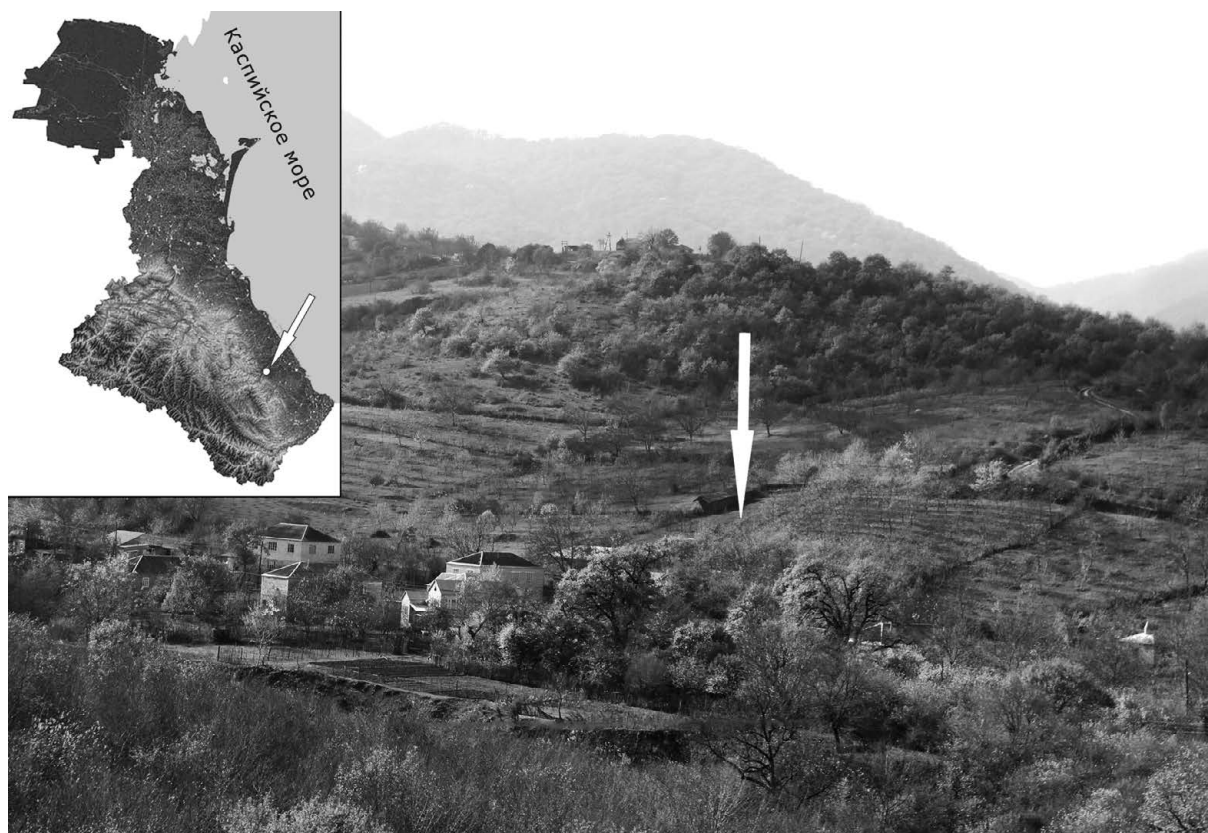

Рис. 1. Расположение местонахождения Хадаги на карте и общий вид места обнаружения находок (показано стрелкой)

Итак, рассматриваемая коллекция предметов состоит из 9 кремневых изделий. Сырьем для них служит серый кремнь, распространенный в Дагестане и происходящий из меловых известняков. Один пластинчатый отщеп с фасетированной ударной площадкой (рис. 2, 4) представляет собой пример использования окремнелого известняка.

Если отвлечься от наличия или отсутствия вторичной обработки, то в рассматриваемую группу артефактов входят 4 пластины, 2 пластинчатых отщепов и 3 отщепов. Ударная площадка сохранилась у 7 изделий. В четырех случаях она фасетированная, в трех – гладкая. Из четырех пластин ударные площадки сохранились у трех: из них две фасетированные, одна – гладкая. У обоих пластинчатых отщепов площадка также фасетированная.

Во вторичной обработке можно видеть использование краевой ретуши трех разновидностей – полой («заостряющая»), крутой и вертикальной («притупляющая»). Первая использована для заострения (не исключено – подживления) кромки лезвия ножа с ретушированным обушком (рис. 2, 3). Две остальные применены для оформления аккомодационных, обушковых частей орудий. Касаясь вторичной обработки, нельзя не вспомнить, что появление в индустрии стандартизованных пластин и вторичной обработки в виде крутой краевой ретуши было в свое время положено Г. Кларком в основу выделения стадии Mode 4 (т. е. верхнего палеолита) его периодизационной схемы, основанной на смене технологических методов в каменном веке (Clark, 1969).

В отношении орудийного состава в рассматриваемом материале имеется три типологически завершенных изделия с вторичной обработкой: скребок на обломке отщепов и два отщепов с краевой ретушью, не формирующей сколько-нибудь выраженные элементы орудия. Первые из перечисленных предметов представляются нам весьма примечательными для рассуждений об общем культурно-хронологическом облике индустрии, которую фрагментарно, но по своей технико-типологической сути адекватно представляет материал, имеющийся в нашем распоряжении.

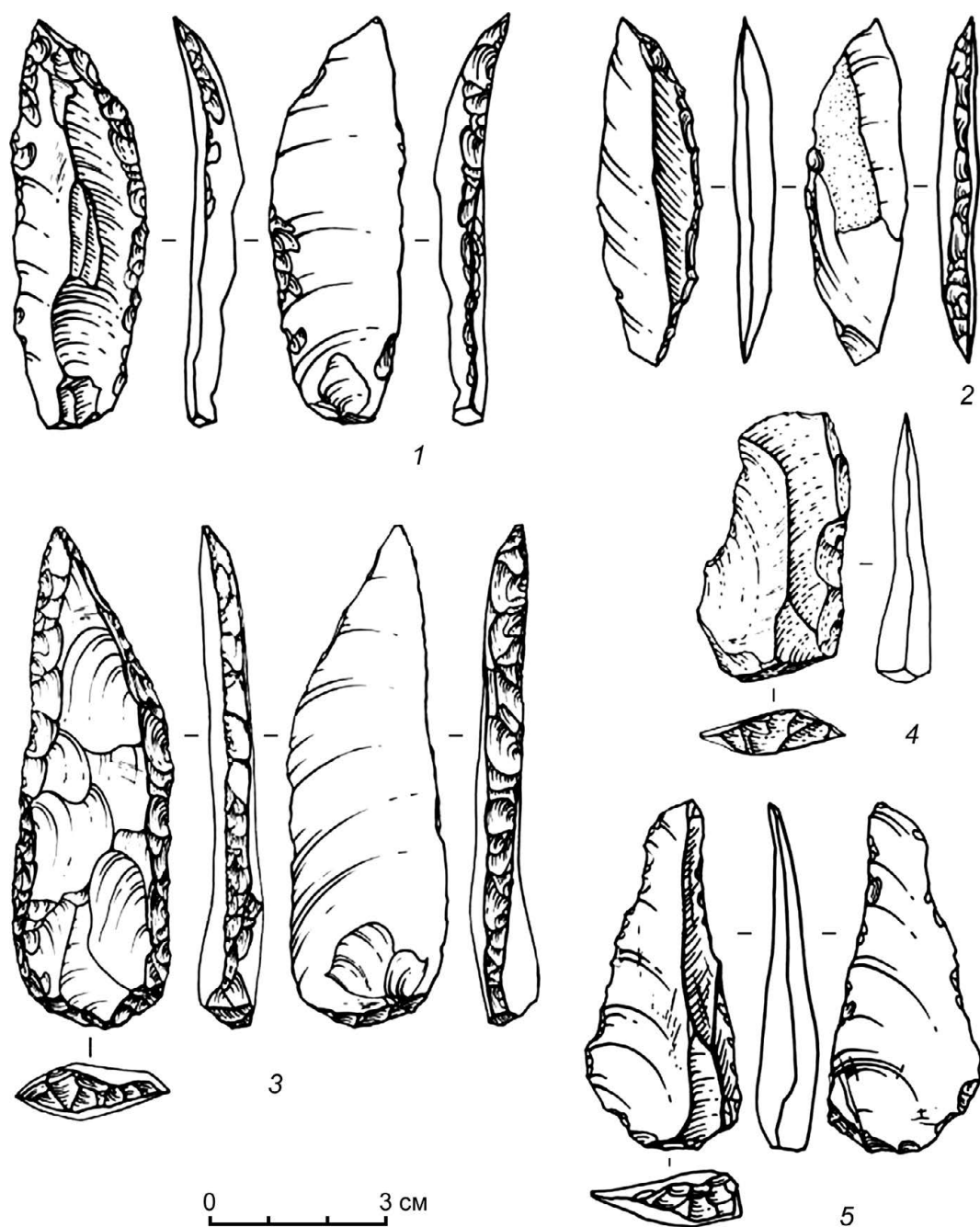

Рис. 2. Местонахождение Хадаги. Кремневые изделия

1–3 – ножи с ретушированным обушком; 4, 5 – пластинчатые отщепы

Прежде всего, заготовками для рассматриваемых трех орудий послужили пластины. У двух из них сохранились ударные площадки и полные исходные размеры заготовок. Обе заготовки можно отнести к крупным пластинам. Размеры одной из них составляют 7,8×2,5×1 см (рис. 2, 3); второй – 6,8×2,8×0,8 см (рис. 2, 7). Ударная площадка у крупной пластины тщательно фасетирована. Негативы на спинке предмета – мелкие, разнонаправленные. Они не указывают на наличие технологически упорядоченного скалывания заготовок с нуклеуса, прежде чем с него была получена данная заготовка.

Особенностью заготовки второго орудия является то, что она имеет плоскую узкую ударную площадку и несет на спинке негативы двух предыдущих пластинчатых снятий на всю длину нуклеуса. Это свидетельствует о регулярном пластинчатом раскалывании

нуклеуса, от которого происходит данная заготовка. Подправка кромки ударной площадки в виде «отступания», предшествовавшая скалыванию данной пластины, свидетельствует о владении мастером довольно продвинутой техникой регулируемого пластинчатого скалывания. Этот прием отмечается обычно на призматических (с замкнутым и незамкнутым контуром скалывания) и близких к ним формах нуклеусов.

К описанным выше двум предметам типологически примыкает еще одно изделие с обломанной ударной площадкой (рис. 2, 2). Оно повторяет по основным характеристикам предыдущее, отличаясь от него лишь наличием изначального природного изъема сырьем, который пришелся на часть брюшка предмета. Несколько меньше и размеры данной заготовки: 5,4×2,7×0,7 см.

Типологически все три описанных предмета относятся к категории ножей с ретушированным обушком. Когда нож изготовлен на крупной пластине и имеет дугообразный ретушированный обушок у одного из концов заготовки, то он в той или иной степени неизбежно будет повторять форму ножа типа шательперрон (*Bordes et al.*, 2011). В нашем случае в наибольшей степени этому отвечает предмет, изображенный на рис. 2, 1. У него на дистальном конце крутой краевой ретушью оформлен дугообразный обушок. Второй край не ретуширован, на нем отмечаются лишь очень короткие участки со случайными и нерегулярными по размерам фасетками, которые могут представлять собой механические повреждения, возникшие в результате переотложения предмета.

У изделия меньшего размера (рис. 2, 2) дугообразный обушок обработан крутой, близкой к вертикальной, регулярной ретушью, захватывающей весь край заготовки. Второй край не имеет никаких признаков обработки. Здесь нет также следов механических повреждений.

Очень интересен третий, самый крупный, предмет описываемой группы изделий (рис. 2, 3). Одной из его особенностей является то, что здесь ретушью четко выделены две разнофункциональные части орудия – рабочая и аккомодационная. Рабочая часть приурочена к дистальной части орудия, занимая половину длины заготовки. Она обработана крупной краевой пологой («заостряющей») ретушью. Резко отличается характер обработки края остальной части изделия. Отделка последней по всей окружности исходной заготовки, за исключением указанного выше участка, приходящегося на рабочую часть, и фасетированной поверхности ударной площадки, оформлена крупной вертикальной односторонней («притупляющей») краевой ретушью. То, что подобным образом ретуширован не только обушок, но обработана и вся нижняя половина орудия (охватывая оба края), наводит на мысль о том, что использование данного изделия предполагало его закрепление в какой-то рукояти.

Остальные предметы этой немногочисленной коллекции в виде отдельных отщепов с незначительными участками ретуши и одно изделие, которое типологически относится к ножам с естественной спинкой, не добавляют ничего существенного в технико-типологические характеристики и культурно-хронологические обобщения рассмотренного материала.

Обобщая приведенное выше описание, можно отметить, что совокупность находок местонахождения Хадаги представляет собой остатки разрушенной стоянки палеолитического времени. Для определения того, к какому именно отрезку палеолита относится этот материал, существенными представляются следующие заключения.

1. Наиболее значимым для культурно-хронологической оценки данного материала является сочетание в нем архаичной первичной обработки камня, в которой ведущее место занимает прием фасетирования ударных площадок, с типично верхнепалеолитической разновидностью вторичной обработки в виде крутой и вертикальной краевой ретуши. Существенно, что это сочетание наблюдается на одних и тех же орудиях, причем на таких, которые типологически в наибольшей степени характерны для раннего верхнего палеолита, например, начальной стадии шательперрона (*Bordes et al.*, 2011). Правда, получение пластин там не предполагает использования приема фасетирования.

2. По совокупности технико-типологических характеристик инвентарь местонахождения Хадаги обнаруживает максимальную близость к палеолитическим материалам предгорий Южного Дагестана, которые не имеют пока четких культурных атрибуций, но датируются по калиброванным радиоуглеродным датам в диапазоне примерно 47–37 тыс. л. н.

3. Постановка проблемы выделения пластов культуры, определяемых как переходные от среднего к верхнему палеолиту, а также относящихся к начальному и раннему верхнему палеолиту, для Северо-Восточного Кавказа в настоящее время не обеспечена необходимыми материалами.

4. Для территории Северо-Восточного Кавказа отсутствует возможность сравнивать между собой материалы различных стадий верхнего палеолита, и это создает дополнительную трудность в определении технико-типологических особенностей каменной индустрии, относящейся к начальной поре указанной эпохи. Но одно проявляется достаточно отчетливо – в протекании культурного процесса в восточной и западной частях Кавказа существуют принципиальные различия. Если не на всей территории Восточного Кавказа, то (судя по датировкам тинитских стоянок), по крайней мере, на Северо-Восточном Кавказе (Анойкин, Борисов, 2013; 2014; 2015; Деревянко, Анойкин и др., 2007; Деревянко, Зенин и др., 2007; Деревянко и др., 2012) не отмечается нарушение преемственности в развитии культуры на позднем этапе среднего палеолита. Что же касается Западного Кавказа, то здесь происходит разрыв этой непрерывности, угасание культуры среднего палеолита и смена неандертальского населения анатомически современным типом сапиенса, который и являлся носителем проникшей на эту территорию новой, верхнепалеолитической, культуры (Margherita et al., 2017; Bar-Yosef et al., 2006; 2011; Belfer-Cohen, Goring-Morris, 2012; Meshveliani et al., 2004; Pleurdeau et al., 2016; Shidrang, 2013).

5. Отмеченное выше, конечно, не означает, что процесс становления верхнего палеолита не затронул Восточный Кавказ. Речь, по всей видимости, может идти о проявлении здесь региональной специфики протекания этого процесса, как это отмечается в различных регионах Евразии. Как бы то ни было, имеющиеся данные ведут нас к выводу, что смена среднего палеолита верхним на Северо-Восточном Кавказе проходила по модели, отличающейся от той, что имела место на Западном Кавказе. Известно, что, по крайней мере, на протяжении значительной части среднего палеолита развитие культуры на Северо-Восточном и Северо-Западном Кавказе шло различными путями (Амирханов, 2015) и испытывало влияние культурных импульсов, имеющих совершенно разные истоки и направления воздействия. На протяжении всего рассматриваемого времени Северо-Восточный Кавказ не входил в единое пространство Центральной и Восточной Европы (включая Крым и Северо-Западный Кавказ), где имела место определенная культурная нивелировка, ярко окрашенная колоритом восточного микона. Скорее всего, эти различия в культурной географии имели свое продолжение и на отрезке палеолита, следующем непосредственно за средним палеолитом.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х. А., 2015. Обзор исследований и состояние изученности среднего палеолита на Северо-Восточном Кавказе // Следы в истории. К 75-летию В. Е. Щелинского. СПб.: ИИМК РАН. С. 61–69.
- Анойкин А. А., Борисов М. А., 2013. Исследования многослойной палеолитической стоянки Тинит-1 (Южный Дагестан) в 2013 году // ПАЭАССТ. Т. XIX. С. 9–13.
- Анойкин А. А., Борисов М. А., 2014. Каменная индустрия рубежа среднего – верхнего палеолита местонахождения Рубас-1 (Приморский Дагестан): новые данные // ПАЭАССТ. Т. XX. С. 11–14.
- Анойкин А. А., Борисов М. А., 2015. Каменная индустрия верхнего комплекса артефактов местонахождения Рубас-1 (по материалам раскопок 2015 г.) // ПАЭАССТ. Т. XXI. С. 15–18.
- Анойкин А. А., Борисов М. А., Рыбалко А. Г., Славинский В. С., 2014. Индустрии рубежа среднего – верхнего палеолита в Приморском Дагестане (по материалам раскопок стоянки Тинит-1 в 2011–2013 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. № 2. С. 9–14.

- Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н., Аношкин А. А., Рыбалко А. Г., 2012. Проблемы палеолита Дагестана / Отв. ред. М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 292 с.
- Деревянко А. П., Аношкин А. А., Славинский В. С., Борисов М. А., Кулик Н. А., 2007. Тинит 1 – новая многослойная палеолитическая стоянка в долине р. Рубас // ПЭАСС. Т. XIII. С. 72–77.
- Деревянко А. П., Зенин В. Н., Лещинский С. В., Кулик Н. А., Зенин И. В., 2007. Исследования раннего палеолита в Южном Дагестане // ПЭАСС. Т. XIII. С. 78–79.
- Кандыба А. В., Рыбалко А. Г., 2015. Новые данные о среднем палеолите Юго-Восточного Дагестана (по материалам памятника Дарвагчай-залив-1 // Известия Алтайского государственного университета. Т. 12. № 4 (88). С. 77–81.
- Рыбалко А. Г., Кандыба А. В., Аношкин А. А., 2014. Средний палеолит бассейна реки Дарвагчай (Приморский Дагестан) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. № 54. С. 59–66.
- Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Adler D. S., 2006. The implication of the Middle-Upper Paleolithic boundary in the Caucasus to Eurasian prehistory // *Anthropologie*. Vol. 44. Iss. 1. P. 49–60.
- Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Meshveliani T., Jakeli N., Bar-Oz G., Baretto E., Goldberg P., Kvavadze E., Matskevich Z., 2011. Dzudzuana an upper palaeolithic cave site in the Caucasus foothills (Georgia) // *Antiquity*. Vol. 85. Iss. 328. P. 331–349.
- Belfer-Cohen A., Goring-Morris A. N., 2012. The earlier Upper Palaeolithic: a View from The Southern Levant // *L'Aurignacien de la grotte Yafteh et son contexte (fouilles 2005–2008)* / Eds: M. Otte, S. Shindrang, D. Flas. Liege: ERAUL. P. 127–136. (ERAUL; 132.)
- Bordes J.-G., Bachelier F., Le Brun-Ricalens F., Michel A., 2011. Towards a new «transition»: new data concerning the lithic industries from the beginning of the Upper Paleolithic in Southwestern France // *Characteristic Features of the Middle to Upper Paleolithic Transition in Eurasia: Proceedings of the International Symposium (July 4–10, 2011, Denisova Cave, Altai)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 10–23.
- Clark G., 1969. *World Prehistory: a New Synthesis*. Cambridge: Cambridge University press. 331 p.
- Margherita C., Oxilia G., Barbi V., Panetta D., Hublin J.-J., Lordkipanidze D., Meshveliani T., Jakeli N., Matskevich Z., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Pinhasi R., Benazzi S., 2017. Morphological description and morphometric analyses of the Upper Palaeolithic human remains from Dzudzuana and Satsurblia caves, western Georgia // *Journal of Human Evolution*. Vol. 113. P. 83–90.
- Meshveliani T., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., 2004. The Upper Paleolithic of Western Georgia // *The Early Upper Palaeolithic beyond Western Europe*. Berkeley: University of California Press. P. 129–143.
- Pleurdeau D., Moncel M.-H., Pinhasi R., Yeshurun R., Higham T., Agapishvili T., Bokeria M., Muskhelishvili A., Le Bourdonnec F.-X., Nomade S., Poupeau G., Bocherens H., Frouin M., Genty D., Pierre M., Pons-Branchu E., Lordkipanidze D., Tushabramishvili N., 2016. Bondi cave and the Middle-Upper Palaeolithic transition in western Georgia (south Caucasus) // *Quaternary Science Reviews*. Vol. 146. P. 77–98.
- Shindrang S., 2013. Middle East Middle to Upper Paleolithic Transitional Industries // *Encyclopedia of Global Archaeology*. New York: Springer. P. 4894–4907.

H.A. Amirkhanov, A.I. Taymazov

PALEOLITHIC FINDS NEAR THE VILLAGE OF KHADAGI (REPUBLIC OF DAGESTAN)

Abstract. the paper publishes new Paleolithic materials from the location known as Khadagi (Southern Dagestan), which, though fragmented, are interesting because they combine Middle Paleolithic knapping technique with the Upper Paleolithic type of tool, i.e. a knife of the Châtelperron type. It may be perceived as another manifestation of the fact that technology in Paleolithic industry is more conservative than morphology of the artifact whereas this specific case may be interpreted as an illustration of the transition from the Middle Paleolithic to the Upper Paleolithic in the northeast Caucasus.

Keywords: Khadagi location, knife of the Châtelperron type, northeast Caucasus, Middle–Upper Paleolithic.

К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЗАПАДНОГО КАВКАЗА¹

Западный Кавказ относится к областям, чрезвычайно насыщенным палеолитическими и, в частности, верхнепалеолитическими памятниками. Только в одной западной части современной Грузии насчитывается около 90 стоянок и пунктов с материалами верхнепалеолитического времени [1, с. 23]. Основная часть этих памятников была открыта и исследована много десятилетий назад. А к концу 40-х годов нашего века уже сложилась общая концепция верхнего палеолита Кавказа. Эта концепция претендовала на охват практически всех принципиальных вопросов археологической части проблематики. Согласно ей, верхний палеолит Кавказа представляется как гомогенный культурный массив, прошедший в своем развитии три эволюционные стадии и имеющий на всем своем протяжении генетическую преемственность [2]. Последующие уточнения, вносившиеся в эту схему, касались более дробного членения стадий эволюции и обоснования локальной дифференциации проявлений этой культуры на заключительном этапе верхнего палеолита [3, 4].

Общим для всех подходов к корректировке традиционной схемы было то, что все они оперировали чисто археологическими категориями и опирались только на типолого-статистический метод анализа. Необходимость привлечения естественнонаучных данных не всегда учитывалась. Господствовало представление о том, что состав растительности и животного мира в позднем плейстоцене Кавказа не претерпевал заметных эволюционных изменений. Исходя из такого подхода, списки фауны многослойных памятников публикуются зачастую суммарно, единым списком. Нельзя считать благополучным и состояние с использованием палинологического метода. Из всего обилия верхнепалеолитических памятников им охвачено только семь стоянок, исследовавшихся в основном в последние два десятилетия (рис. 1). Не лучше обстоит дело и с количеством памятников, имеющих абсолютные датировки.

Ход новых конкретных исследований и возросший общий уровень первобытной археологии делали все более настоятельной необходимость общей ревизии концепции развития верхнего палеолита Западного Кавказа. По существу, это был бы новый взгляд на верхний палеолит всего Кавказа, так как именно на западно-закавказских материалах базировалась всегда общая концепция верхнего палеолита всей кавказской горной страны.

На северном склоне Кавказа новые раскопки ранее изучавшихся памятников начались в 1970-х годах. Эти работы носили комплексный, междисциплинарный характер. Уже в самом начале они привели к существенному пересмотру представлений о возрасте, хронологической протяженности и содержанию двух из трех признанных ранее финальнопалеолитических культур Кавказа – чохской и губской. На основе разносторонних данных чохская культура Северо-Восточного Кавказа была продатирована мезолитом и неолитом [5]. Что касается Северо-Западной части Кавказа, то было поставлено под сомнение наличие хронологической и культурной непрерывности памятников в рамках верхнего палеолита. Был установлен факт интерстратификации различных культур, в ряду которых губская культура представала как последний по времени эпизод переживания местных верхнепалеолитических культурных традиций [6].

Примерно в это же время тотальную ревизию верхнепалеолитических материалов Западного Закавказья осуществил польский исследователь Я. Козловский [7, 8]. Он поставил задачу сделать хронологическую и культурную разбивку материалов, основываясь на обобщении литостратиграфических данных. Изучив в основном по публикациям и раскопочной документации разрезы пещерных стоянок, он распределил все памятники на пять хронологических групп. Логической основой для указанного подразделения послужило принципиальное признание того, что в пещерных разрезах должны были

¹ Амирханов Х.А. К проблеме эволюции и периодизации верхнего палеолита Западного Кавказа // РА. 1994. № 4. С. 9-23.

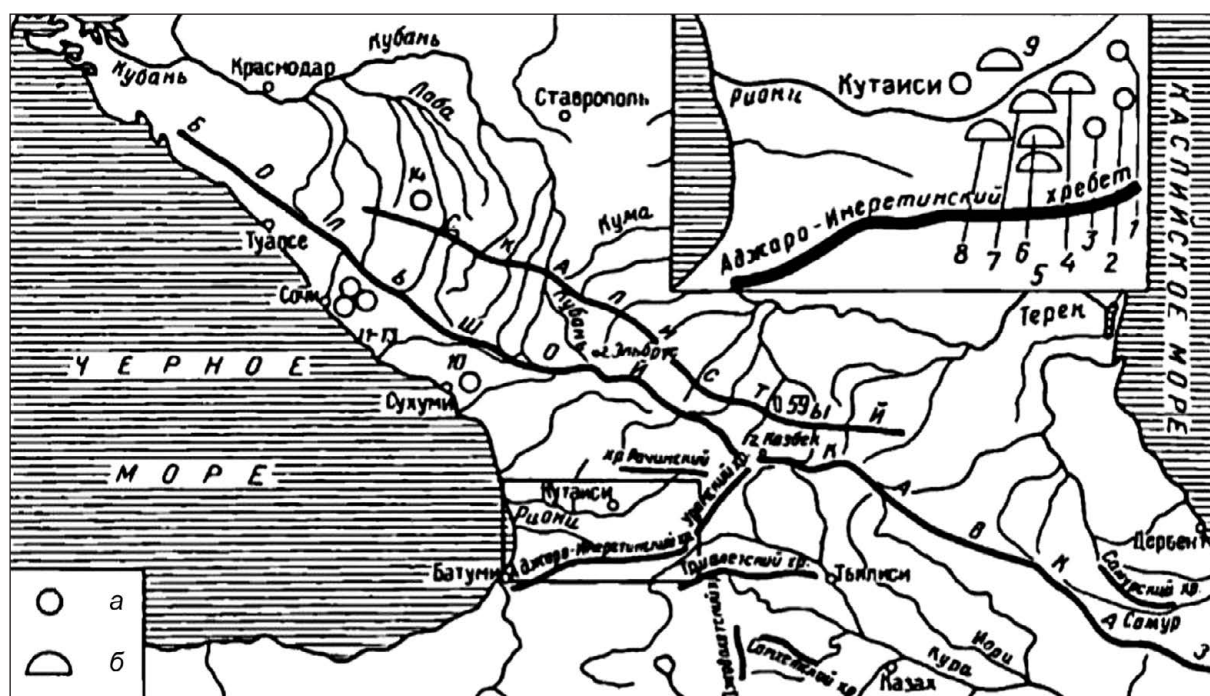

Рис. 1. Расположение памятников (по В. П. Любину и Х. А. Амирханову) а – памятники, предпочтительные для выработки периодизационной схемы; б – памятники, на которых основывается традиционная периодизация

1 – Ортвала-кнде; 2 – Дзудзуана; 3 – Самерцхле-кнде; 4 – Гварджила-кнде;
5 – Девис-хвтели; 6 – Мзгмевеи; 7 – Хергулис-кнде; 8 – Таро-кнде; 9 – Сакажиа; 10 – Аннанча;
11–13 – Ахштырская, Навалишенская и Малая Вронцовская пещеры; 14 – Губский навес № 1

отразиться глобальные климатические изменения верхнего плейстоцена. Индикатором похолоданий при таком подходе предлагалось считать щебнистые прослойки, а показателем мягкого климата – различные виды суглинков без заметного содержания щебня. Расположение над культурным слоем того или иного количества щебнистых прослоев принималось за основу для определения соответствующей для данного слоя ниши в европейской шкале климатических осцилляций второй половины вюрма.

Необходимо сразу отметить, что к такому способу установления хронологии памятников автора могло подтолкнуть только отчаяние от почти полного отсутствия других естественнонаучных данных и невозможность проведения здесь собственных раскопок. В действительности литологические проявления пиков похолодания и потеплений в мустьерских и верхнепалеолитических разрезах Кавказа неодинаковы и к тому же сами разрезы далеко не всегда непрерывны. Возможность полноценного использования данных этого рода часто ограничена чересчур общим характером описаний и слишком схематическими изображениями разрезов в публикациях. Неслучайно поэтому при составлении своей схемы Я. Козловский столкнулся со многими противоречиями, которые в конце концов решил, прибегнув к тому же типологическому методу.

В отношении проблемы культурной специфики памятников региона в работах Я. Козловского принципиальным было заключение о билинейном характере развития культуры Западного Кавказа на протяжении значительной части верхнего палеолита. Тем самым ставилось под сомнение устоявшееся положение об однородности рассматриваемой культуры, допускавшее лишь существование культурных вариаций небольшого размаха, не нарушающих указанного единства.

В обращении Я. Козловского к кавказским материалам имелось несколько положительных моментов. Его попытка литостратиграфического обоснования периодизации, хоть и не бесспорная, была все же первой для верхнего палеолита Кавказа. Она с очевидностью

показала невозможность решения проблем хронологии и культурных интерпретаций памятников без новых комплексных полевых изысканий. Была конкретно поставлена задача выявления в позднеплейстоценовых разрезах отчетливых палеоклиматических рубежей.

Заслуживают особого внимания источниковедческие обобщения Я. Козловского. Представляется достаточно обоснованным вывод о том, что коллекции таких памятников, как Таро-кльде и Хергулис-кльде представляют собой в действительности механическую смесь мустьерских и верхнепалеолитических материалов. Не вызывает возражений и то, что культурные слои пещер Сакажиа и Гварджилас-кльде в действительности не единичны, хотя сейчас – по прошествии многих десятилетий после их первых исследований и при отсутствии полной раскопочной документации – трудно установить с достоверностью истинное количество культурных слоев, имевшихся в этих памятниках. Такая оценка источников не является неожиданной и имеет принципиальную важность, так как она практически разрушает более или менее общепринятую концепцию эволюции верхнего палеолита Кавказа. В этой (замытнинской) концепции ранняя пора верхнего палеолита характеризовалась материалами именно тех двух сомнительных памятников – Таро-кльде и Харгулис-кльде. А в основу третьей, заключительной, стадии была положена индустрия Гварджилас-кльде. Стратиграфически ущербными оказались и материалы пещеры Сакажиа – памятника, относимого по рассматриваемой концепции к средней поре верхнего палеолита. Таким образом, из всех памятников, составлявших основу канонизированной схемы эволюции верхнего палеолита Западного Закавказья, сомнений в однородности их коллекций не вызывают только две однослойные пещерные стоянки – Девис-хврели и Мгвимсви. Их традиционно относят к средней поре верхнего палеолита.

Следует отметить, что необходимость пересмотра или существенной корректировки периодизации верхнего палеолита Кавказа ощущалась и до работ Я. Козловского. Заметными были усилия, предпринятые в этом направлении Н. З. Бердзенишвили [19] и Д. М. Тушабрамишвили [1]. Однако эти попытки не привели к сколько-нибудь завершенным итогам из-за того, что исследователи вынужденно оставались в рамках чисто типологического метода и относились недостаточно критично к старым материалам. Ввиду недостатка аналитических данных, полученных комплексными исследованиями пещерных разрезов, страдает недостатком доказательств по ряду аспектов и концептуальная ревизия, сделанная Я. Козловским.

Рассматриваемая проблематика еще долго будет оставаться предметом внимания и острых дискуссий исследователей. Конечно, успех решения вопросов будет зависеть в первую очередь от накопления новых археологических источников. Представляется, однако, что еще не исчерпаны возможности и в части поисков новых подходов к освещению проблемы. Попыткой нащупать один из таких подходов и является эта работа. Основа предлагаемого подхода апробирована ранее автором на северокавказских материалах. Она предельно проста и предполагает лишь последовательно критичное отношение к источникам и абстрагирование от заданных схем при интерпретации материалов.

Исходным пунктом является разделение анализируемых источников на две качественно разнородные группы. К одной из них относятся памятники, не представляющие геоархеологических, биостратиграфических данных, не имеющие радиоуглеродных датировок и обладающие спорными или заведомо ущербными археологическими материалами. Вторая группа должна объединить памятники, изучавшиеся комплексно и имеющие строго стратифицированные вещественные комплексы, не допускающие разночтений относительно их стратиграфической позиции. Первая группа охватывает основную часть верхнепалеолитических памятников Западного Закавказья. Как отмечалось выше, хронология, периодизация, схема эволюции и культурологическая концепция верхнего палеолита Кавказа строятся именно на материалах памятников этой группы. Что касается памятников второй группы, то их данные приводятся обычно лишь для подтверждения традиционной схемы, без попытки сделать независимый от чисто археологического материала суммарный анализ геоархеологических, биостратиграфических и палеоботанических данных.

Предпочтение, которое обычно отдается исследователями памятникам первой группы, целиком обязано давлению традиции. Чтобы устранить содержащийся в этой позиции методический изъян, следовало бы при решении конкретных вопросов упираться на данные только полноценных материалов или хотя бы решать эти вопросы порознь для двух отмеченных типов источников.

Тут можно возразить, что памятники второй группы не позволяют из-за своей малочисленности выработать сопоставимую с традиционной по завершенности и полноте схему. Но, во-первых, и традиционная схема была построена поначалу только на шести памятниках. К тому же полнота и завершенность ее, как видно из приведенного обзора, во многом были кажущимися. Во-вторых, задача анализа материалов на нынешнем этапе должна быть ориентирована не на получение окончательных решений, а на составление культурно-хронологической классификации имеющихся памятников независимо от количества последних. И в-третьих, лучше схема более общая, но опирающаяся на комплекс объективных показателей, чем детальная, но заведомо интуитивная. Впрочем, до существенного приращения новых источников оба подхода к проблеме могли бы существовать и параллельно.

Итак, к памятникам второй группы с материалами, имеющими разносторонние характеристики, можно отнести следующие пещерные стоянки Западного Кавказа: Ортвала-кльде, Дзудзуана (рис. 2), Ахштырь, Апианча, Навалишенская, Малая Воронцовская, а также Губский навес № 1 (рис. 3). Последний расположен на северном склоне Большого Кавказа, а все остальные – в Западном Закавказье. Для всех названных памятников имеются палинологические данные и в разной степени детализованные фаунистические материалы. Все они раскапывались при участии геологов, изучавших летально литологию, а в некоторых случаях гранулометрию и химический состав осадков. Недостатком их остается единичность имеющихся радиоуглеродных датировок. Некоторые из последних к тому же не могут приниматься во внимание ввиду явного несоответствия показателям других способов датирования или взаимной противоречивости. Так, например, для верхнепалеолитического слоя Ортвала-кльде имеется дата 7250 ± 130 (ИГАН 980). Для мустьерского слоя 7 того же памятника получена в той же лаборатории дата 15640 ± 540 (ИГАН 1282). Для верхнепалеолитических слоев Апианчи имеется три радиоуглеродные даты. Две из них, полученные для одного и того же слоя (слой 5) в двух разных лабораториях, существенно противоречат друг другу (17300 ± 500 и 25970 ± 650). И только три даты: 14640 ± 350 для слоя 4 Апианчи, 19550 ± 500 для слоя 2 Ахштыря и 14100 ± 100 для слоя 1 Малой Воронцовской пещеры считаются специалистами в основном не противоречащими комплексу археологических, стратиграфических и других показателей памятников.

Из приведенных выше данных ясно, что хронологическое группирование рассматриваемых памятников не может в данном случае базироваться на радиоуглеродных датировках. Имея, однако, литологические, минералогические, палинологические и в некоторой степени палеозоологические остатки, можно подойти к обобщенной датировке этих комплексов с опорой на палеоклиматическую шкалу. Главной методической задачей для осуществления этого является выявление в разрезах стоянок основного «климато-разделительного рубежа» (по В.П. Любину) второй половины последнего оледенения, которое соответствует вюрму 3 альпийской гляциальной схемы. Разрезы рассматриваемых памятников, будучи достаточно протяженными, отвечают условиям, необходимым для идентификации этого разделительного рубежа. Шесть из семи памятников содержат кроме верхнепалеолитических еще и мустьерские слои, а сама верхнепалеолитическая толща почти во всех случаях включает два и более литологически разнородных горизонта, отражающих разновременные уровни обитания. Так, Ортвала-кльде и Губский навес № 1 содержат по два верхнепалеолитических культурных слоя, в Дзудзуане выделено семь культурных горизонтов, в Апианче имеется три верхнепалеолитических слоя (слои 4, 5, 7). Следовательно, если в отложениях памятников выделяются следы похолоданий и потеплений, то их можно увязать с общей климатической шкалой позднего

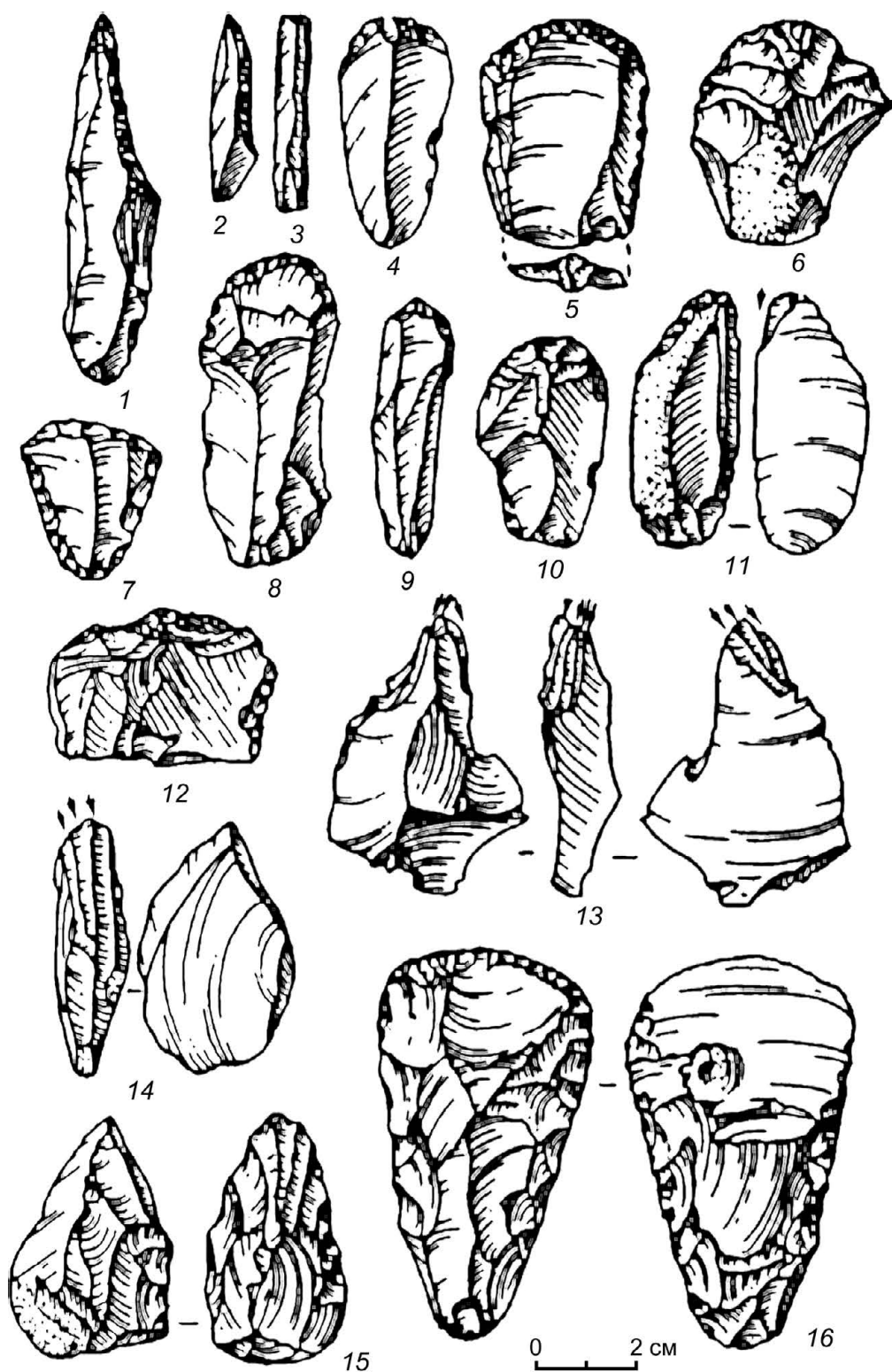

Рис. 2. Образцы инвентаря пещерной стоянки Дзудзуана (по Д. М. Тушабрамишвили)

плейстоцена. При этом риск перепутать стадии или ошибиться на целый палеоклиматический цикл невелик, так как возможности корректировки результатов собственно археологическими данными в масштабах эпох достаточно надежны. К тому же на верхний палеолит приходится фаза максимального похолодания последнего оледенения, которая должна была оставить в отложениях памятников наиболее выразительные проявления.

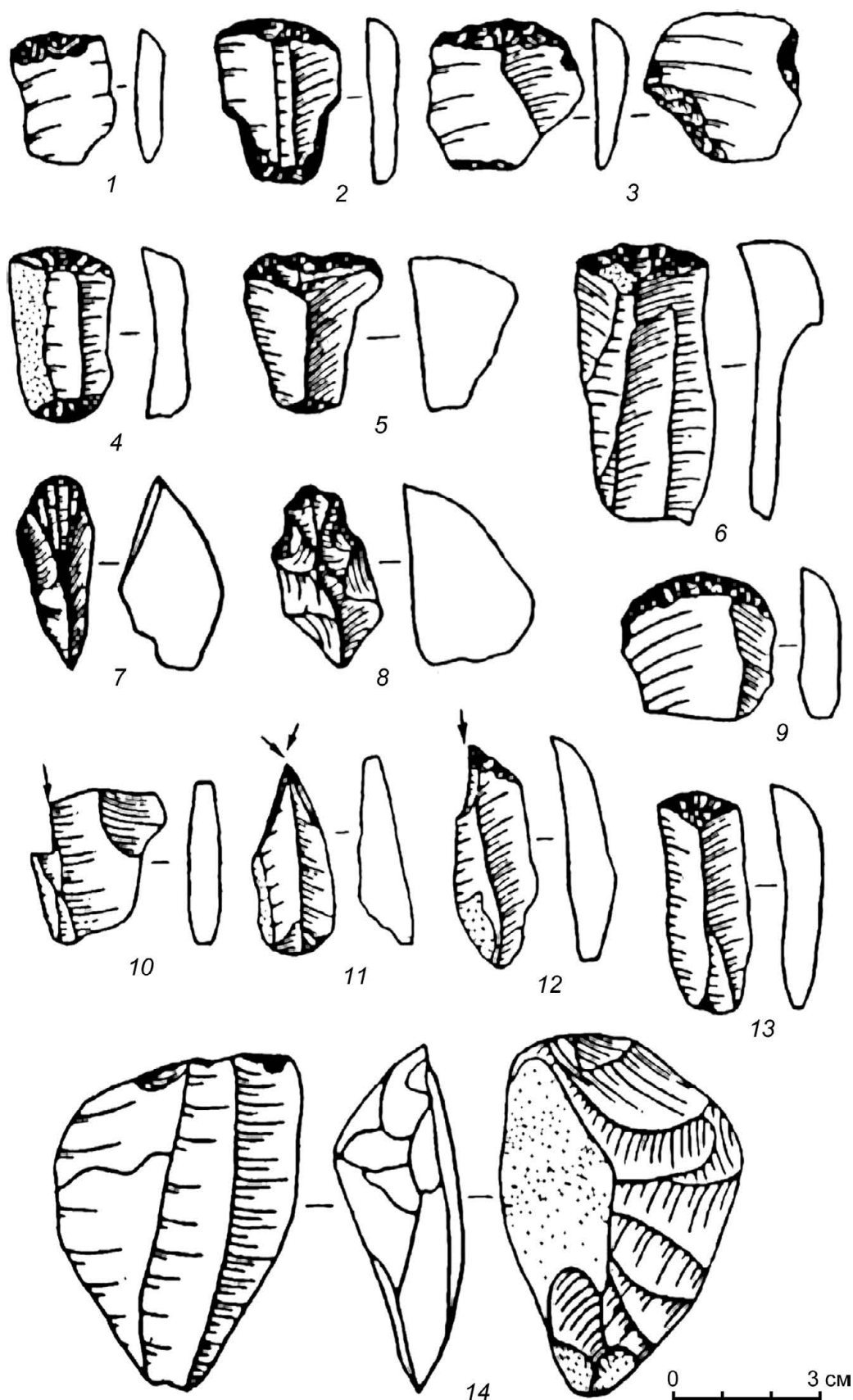

Рис. 3. Образцы инвентаря верхнепалеолитического слоя 2 Губского навеса № 1 (раскопки П. У. Аутлева, В. П. Любина и Х. А. Амирханова)

Обращение к конкретным материалам показывает, что фаза (стадиал) существенного похолодания выражена во всех рассматриваемых памятниках и опознается она даже тогда, когда литологические характеристики сравниваемых памятников неодинаковы. Рассмотрим далее эти данные подробнее.

В пещере Дзудзуана ее первым исследователем Д. М. Тушабрамишвили было выделено 11 литологических слоев [10]. Семь из указанных слоев содержали археологические остатки верхнего палеолита. Проведенный в ходе раскопок Т. К. Мешвелиани granulometricкий, минералогический и палинологический анализ позволяет выявить в разрезе резкое изменение климата в сторону похолодания на уровне слоя 6. Механический состав литологического содержимого этого слоя на 50% состоит из известнякового щебня. Отличительным минералогическим признаком слоя 6 является высокое содержание в нем водяно-прозрачного кальцита, что является показателем холодного климата [11, с. 232]. Палинологические данные демонстрируют заметную смену климата от холодного к теплему, начиная с уровня слоев 6–4. Спорово-пыльцевые спектры слоев 6–4 указывают на открытые безлесные пространства с наличием лишь незначительных облесенных участков, занятых хвойными (сосна, ель). Эта картина сменяется в вышележащих горизонтах появлением в окрестностях пещеры широколиственного лесного покрова, составленного дубом, буком, грабом, лещиной, ольхой. Разнообразнее и полнее становится и номенклатура травянистых растений [11, с. 234].

В фаунистических остатках, относящихся к слоям 6–4, существенно преобладают кавказский тур и лошадь, что подтверждает устанавливаемый по палинологическим данным факт заметного смещения в них ландшафтных зон верхнего пояса гор. Таким образом, в разрезе Дзудзуаны фиксируется существенное похолодание с отчетливым максимумом на уровне слоя 6. Это похолодание сменяется затем достаточно продолжительным отрезком теплого и влажного климата, имевшего интерстадиальный характер.

Пещера Апианча [12] содержит девять литологических слоев. Из них четыре слоя заключают археологические материалы палеолитического времени. Нижний культурный слой относится к финальному мустье, три вышележащих датируются верхним палеолитом. Палеоклиматические реконструкции по пещере Апианча базируются в основном на данных спорово-пыльцевого анализа. Палинологический спектр мустьерского слоя демонстрирует преобладание в составе древесной растительности лиственных пород. Общая ландшафтная ситуация указывает на близости температурных показателей к современным. Следующий в разрезе – верхнепалеолитический слой (стой 7) отличается заметным снижением январских и июльских температур. Хвойные леса, состоящие из ели, пихты, сосны, перемещаются вниз как минимум до высотной отметки, на которой расположена пещера (450 м над уровнем моря). Эта картина, указывающая на установление холодного климата, становится значительно более контрастной в вышележащем стерильном слое (слой 6). Содержание пыльцы ели достигает здесь 41%, а пихты – 25%. Новая значительная смена растительного покрова фиксируется на уровне культурного стоя 5. На этой климатической стадии хвойные формации заменяются лиственными. Масштаб смены растительного покрова укладывается в представления о межстадиальных климатических условиях. В более поздние отрезки палеолитического времени и мезолите здесь уже не происходит сравнимых по размаху с указанными ландшафтных перестроек. Радиоуглеродная дата для верхней части этого слоя составляет 17300 \pm 500.

Фаунистические остатки пещеры Апианча, к сожалению, не изданы с подробным членением по вертикали. Можно согласиться с мнением В. П. Люблина, что наличие в суммарном списке фауны «сухо- и теплолюбивых (закавказская слепушонка и серый хомячок), лесных (желтогорлая лесная мышь, лось, кабан и др.) и горно-луговых видов (козел, кавказский тетерев) предполагает их определенное распределение по разным климатостратиграфическим уровням [13, с. 116].

Губский навес № 1 так же, как и вышеуказанные памятники, даст выразительные палинологические данные, указывающие на неоднократную смену климатических условий

во второй половине вюрмского оледенения, но уже на северных склонах Большого Кавказа. Из 14 литологических слоев стоянки 3 включают культурные остатки. Один из них датируется поздним мустье, а два остальных – верхним палеолитом.

В позднемустьерское время в районе стоянки существовали перигляциальные условия. Время, непосредственно предшествующее нижнему верхнепалеолитическому слою, характеризовалось межстадиальным (межфазияльным) улучшением климата. Затем следовал эпизод сухого и относительно прохладного климата. Та часть разреза, которая ограничена верхнепалеолитическими слоями, содержит два оптимума тепла, разделенных стерильным, в археологическом отношении, горизонтом с признаками резкого похолодания. Последний характеризуется перигляциальной растительностью. Лесной покров в это время практически исчезает. В составе растительности появляются виды, свойственные субальпийскому поясу гор. В начале и конце этого климатического отрезка отмечается установление ландшафтов со степными флористическими характеристиками. Оптимум предшествующей холодной фазы отличался относительно влажным климатом, существованием древесной растительности, составленной широколиственными породами (60% орешника), и почвообразованием (культурный слой здесь приурочен к погребенной почве). Второй – верхний оптимум – был наиболее влажным в рамках времени формирования разреза. В слое 3, соответствующем этому оптимуму, наблюдается максимум пыльцы древесных и кустарниковых пород (70%). Хвойно-широколиственные леса были образованы дубом, грабом, вязом, ясенем, дзельквой, пихтой, елью. Вторичное в течение верхнего палеолита заселение навеса человеком на уровне этого слоя еще не состоялось. Оно имело место несколько позже и связано со временем образования перекрывающего горизонта, который литологически очень близок предыдущему, но палинологически не охарактеризован из-за скудности спорово-пыльцевых остатков. Косвенные данные позволяют предполагать, что это был период несколько более сухого климата. Выше данного слоя залегает с разрывом голоценовая почва, образующая современную дневную поверхность.

Таким образом, заключенный между двумя оптимумами холодный стадиал верхнепалеолитической части разреза Губского навеса № 1 может быть обоснованно сопоставлен с максимумом поздневюрмского похолодания.

Ахштырская пещера [14–16] также содержит мустьерские и верхнепалеолитические культурные слои. Мощность верхнепалеолитической части разреза варьирует здесь от 0,6 до 1 м. Эта толща, к сожалению, не изучалась с необходимым в таких случаях детальным литологическим членением. Тем не менее палинологический анализ позволяет выявить качественные различия в составе растительных остатков различных уровней этой толщи. Спорово-пыльцевые данные верхнепалеолитического слоя фиксируют в средней части отложений распространение сосновых лесов на уровне расположения пещеры (120 м над уровнем моря). При этом сохранялись природные убежища для теплолюбивых растительных элементов и оставались пространства, не занятые лесным покровом.

На довольно суровые условия, при которых происходило формирование этого слоя, указывают и геологические характеристики. Основная масса литологического содержимого слоя 2 приходится на десквамационный щебень. Нижележащие слои, отражающие по палинологическим данным более мягкие климатические условия, образованы глинами и суглинками. Содержание крупнообломочного материала незначительное, и щебнистая фракция подвержена сильному химическому выветриванию.

Общий состав фауны, включающий лесные и горно-степные виды, не противоречит данным спорово-пыльцевых спектров. Заслуживает внимания, в частности, появление почти не представленных в нижележащих мустьерских слоях остатков обитателей верхнего пояса гор – козлов и баранов.

Для этого верхнепалеолитического слоя, как уже указывалось, имеется радиоуглеродная дата, полученная по очажной массе. Она составляет 19000 ± 500 .

Аналогичную рассмотренной выше картину можно увидеть при обращении и к другим пещерным стоянкам Кавказа, разрезы которых опробованы палинологическим методом. Сюда

можно отнести, например, Ортвала-кнде [17], Малую Воронцовскую [18] и Навалишенскую пещеры [19]. К сожалению, археологические коллекции этих памятников или немногочисленны, или о них имеется лишь предварительная информация. Это не позволяет вовлечь подобные материалы в полной мере в анализ проблемы эволюции верхнепалеолитической культуры Кавказа. А многие из тех стоянок, которые содержат обильные коллекции, как уже отмечалось, практически лишены сколько-нибудь определенных палеоклиматических характеристик. Это ограничивает возможности выработки детальной периодизации культуры, но, как кажется, не отрицает самой возможности предлагаемого подхода.

Сделанный выше обзор позволяет заключить, что при междисциплинарном изучении в разрезах верхнепалеолитических памятников Кавказа в принципе удастся вычленивать стратиграфический отрезок, соответствующий максимальной стадии позднеюрмского похолодания. Даже при отсутствии радиоуглеродных датировок он может служить хронологическим репером для установления стадийных подразделений верхнего палеолита Кавказа. На основе этого подхода выделяются две хронологические группы, разделяемые максимумом похолодания. В абсолютном исчислении времени этот рубеж устанавливается в пределах 20–18 тыс. лет назад.

Из рассмотренных выше памятников к первой (предшествующей максимуму похолодания) группе относятся: культурные горизонты 7–8 пещеры Дзудзуана и второй верхнепалеолитический слой Губского навеса № 1. С определенной степенью уверенности к этой же группе можно отнести и культурный аналог Дзудзуаны – пещеру Самерцхле-кнде (рис. 4). Кроме чисто археологических соображений правомерность этого подтверждается перекрыванием культурного слоя Самерцхле-кнде стерильными щебенчатыми горизонтами [20]. По всем имеющимся данным, в аналогичной ситуации подобные горизонты, как правило, соответствуют холодной климатической фазе [13, с. 126].

К различным фазам второй хронологической группы относятся горизонты 6–2 Дзудзуаны, слои 7, 5, 4 Апианчи, слой 2 Ахштыря, верхний культурный слой Губского навеса № 1 (рис. 5) и некоторые другие. При этом остаются как бы за пределами рассмотрения все те памятники, которые считаются классическими для Западного Закавказья. На самом деле это ощущение кажущееся. Следует вспомнить, что стоянки этого круга, за исключением трех наиболее спорных – пещер Таро-кнде, Хергулис-кнде и Сакажиа, вслед за С. Н. Замятиным всегда датировались приблизительно мадленским временем, что позволяет находить им место в выделяемой нами второй хронологической группе.

Предлагаемый подход к хронологической разбивке материалов приводит к заключениям, существенно расходящимся с уже принятыми в научной литературе. Во-первых, при таком взгляде не подтверждается единство и непрерывность на протяжении всего верхнего палеолита археологической культуры Западного Закавказья, называемой «имеретинской». Проблематичным предстает с этой точки зрения и вывод Я. Козловского о билинейности развития верхнего палеолита Закавказья. Рассмотренные материалы свидетельствуют, скорее, о трансформации культуры в начале позднеюрмского максимума. Комплексы предшествующие и последующие за этим хронологическим рубежом в культурном отношении почти не сопоставимы друг с другом. Микропластинки и пластинки с притупленным краем, считающиеся показателем своеобразия всего верхнего палеолита Кавказа, в действительности появляются только в начале максимума похолодания (около 20–18 тыс. лет назад). Значительно позже, чем это считалось прежде, происходит и геометризация орудий.

Основная часть признаков, ассоциируемая обычно с понятием «имеретинская культура», применима к памятникам выделяемой нами второй хронологической группы. В самом начале вюрма 3 видны только намеки на сложение этого культурного комплекса (единичные микропластинки, пластинки с притупленным краем и резцы, оформленные комбинацией ретуши и резцового скола в слое 2 Ахштырской пещеры, Дзудзуане, Самерцхле-кнде, слое 7 Апианчи). Несколько позже эти элементы получают развитие и устойчивое разнообразие (рис. 6; 7). По-видимому, ко времени 17–16 тыс. лет назад

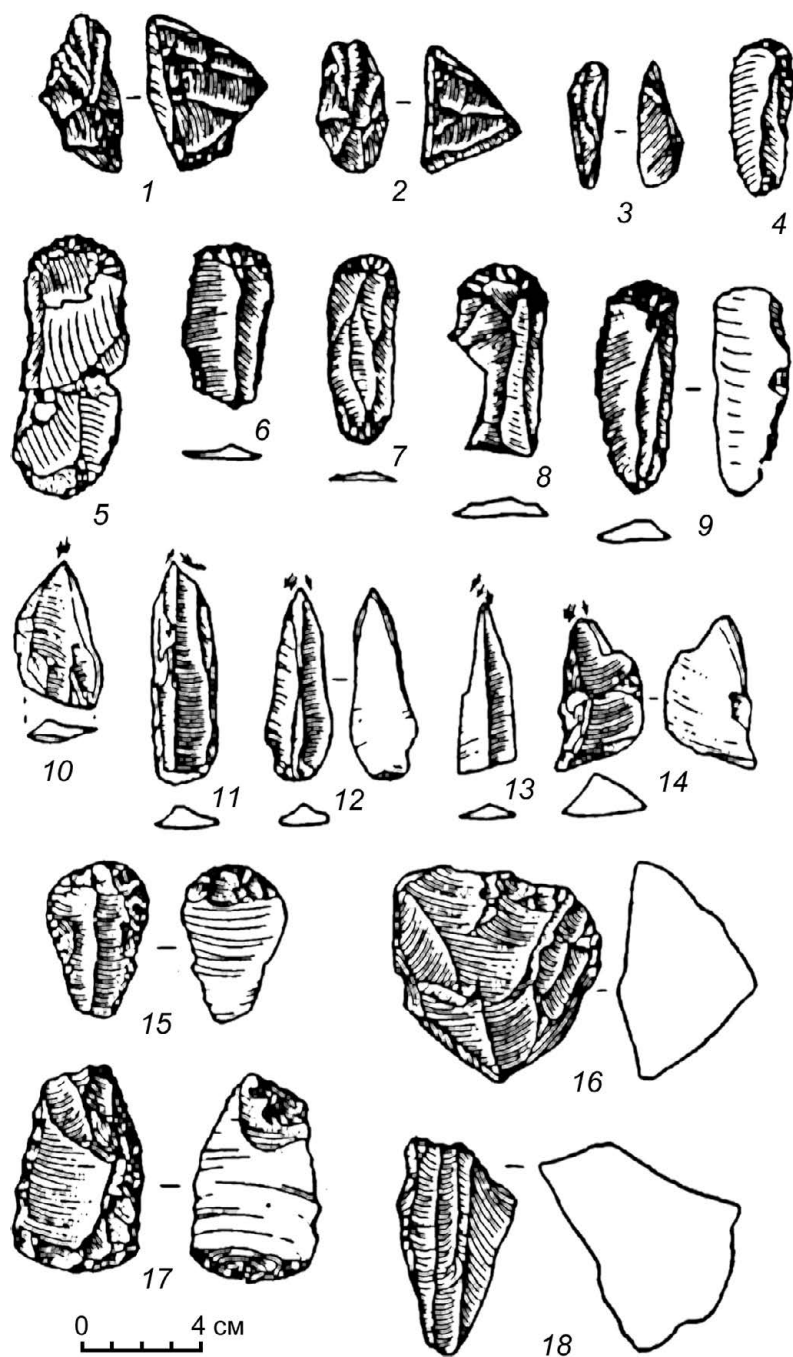

Рис. 4. Образцы инвентаря пещерной стоянки Самерцхле-клде (по М. Г. Ниорадзе)

относится широкое распространение техники ретушного усечения пластинок и появление взаимосвязанного набора типов, включающего пластинки с притупленным краем, прямо- и косоретушные резцы, орудия, близкие к ножам типа шательперрон, и ножи типа ргани, граветтоидные острия и прямоугольники с чешуйчатой подправкой концов со стороны брюшка, горбатые острия, удлиненные асимметричные треугольники.

Сложным является вопрос о причинах указанной культурной трансформации. Решить его на конкретных материалах сейчас не представляется возможным. Общие рассуждения о резкой смене ландшафтов и вызванной этим необходимости реадaptации населения к новым условиям не слишком приближают к пониманию механизма самого процесса. Однако совпадение начала этого процесса с резкой перестройкой климата,

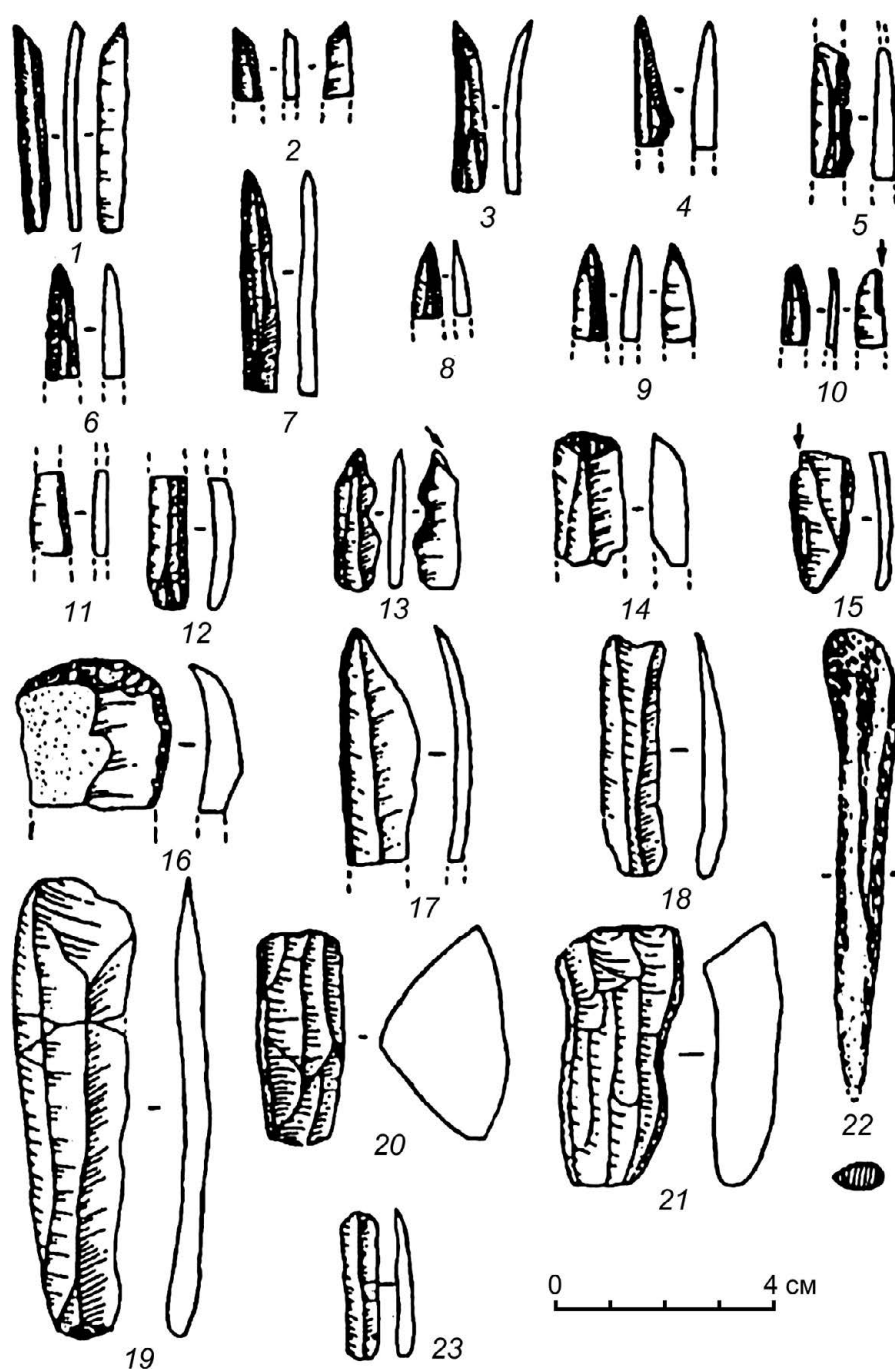

РИС. 5. Образцы инвентаря культурного слоя 1 Губского навеса № 1 (раскопки П. У. Аутлева, В. П. Любина и Х. А. Амирханова)

по-видимому, не является случайностью, и ключ к решению проблемы, вероятно, лежит в синхронности этих явлений. Рассмотрение стратифицированных фаунистических остатков верхнепалеолитических памятников Кавказа, кажется, подтверждает это предположение. Так, между памятниками первой и второй хронологических групп существует заметная разница в видовом составе промысловых животных. Для памятников первой группы – это лошадь, бизон и кавказский козел. Памятники данной группы отличаются и от мустьерских стоянок наличием в фаунистических коллекциях многочисленных остатков костей дикой лошади и одновременно отсутствием или мизерным содержанием остатков пещерного медведя [21]. Широкое распространение и даже заметное

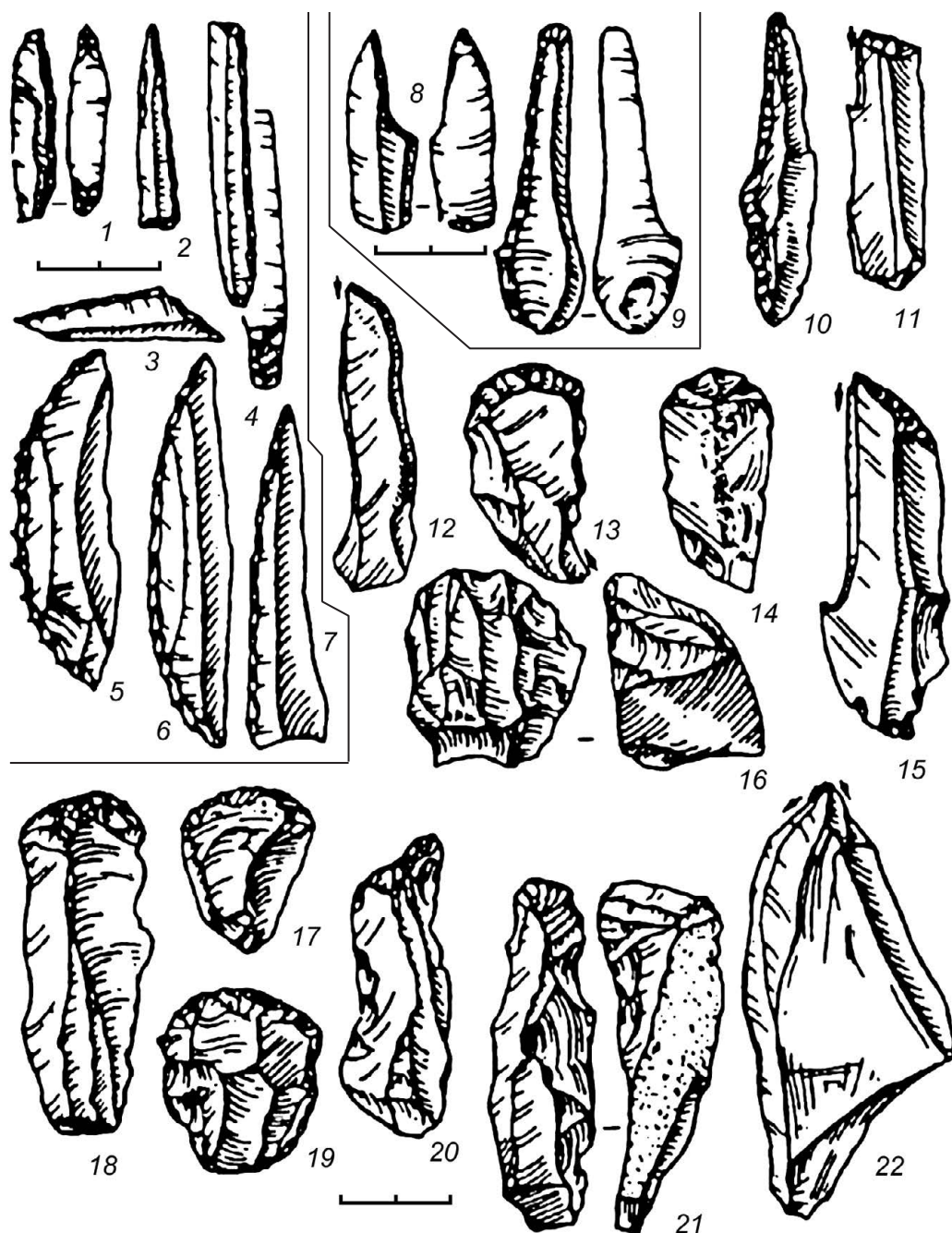

Рис. 6. Образцы инвентаря пещерной стоянки Девис-хвтели
(1–7 – по Н. О. Бадеру; 8–9 – по С. Н. Замятину; 10–22 – по Г. К. Инорадзе)

преобладание пещерного медведя в послемустьерское время наблюдается уже в верхнепалеолитических памятниках выделяемой нами второй хронологической группы.

Предположение о том, что смена объекта охоты приводила к изменению промысловой стратегии, использованию иных орудий и способов охоты, а также появлению новых приемов обработки охотничьей продукции, как будто бы объясняет возможные причины появления культурных инноваций. Однако доказать и конкретно проиллюстрировать это не просто. Варьирование орудийного набора в зависимости от объекта охоты удастся доказательно проследить для памятников финального плейстоцена – раннего голоцена. К примеру, на материалах пещеры Квачара устанавливается, что из всего инвентаря

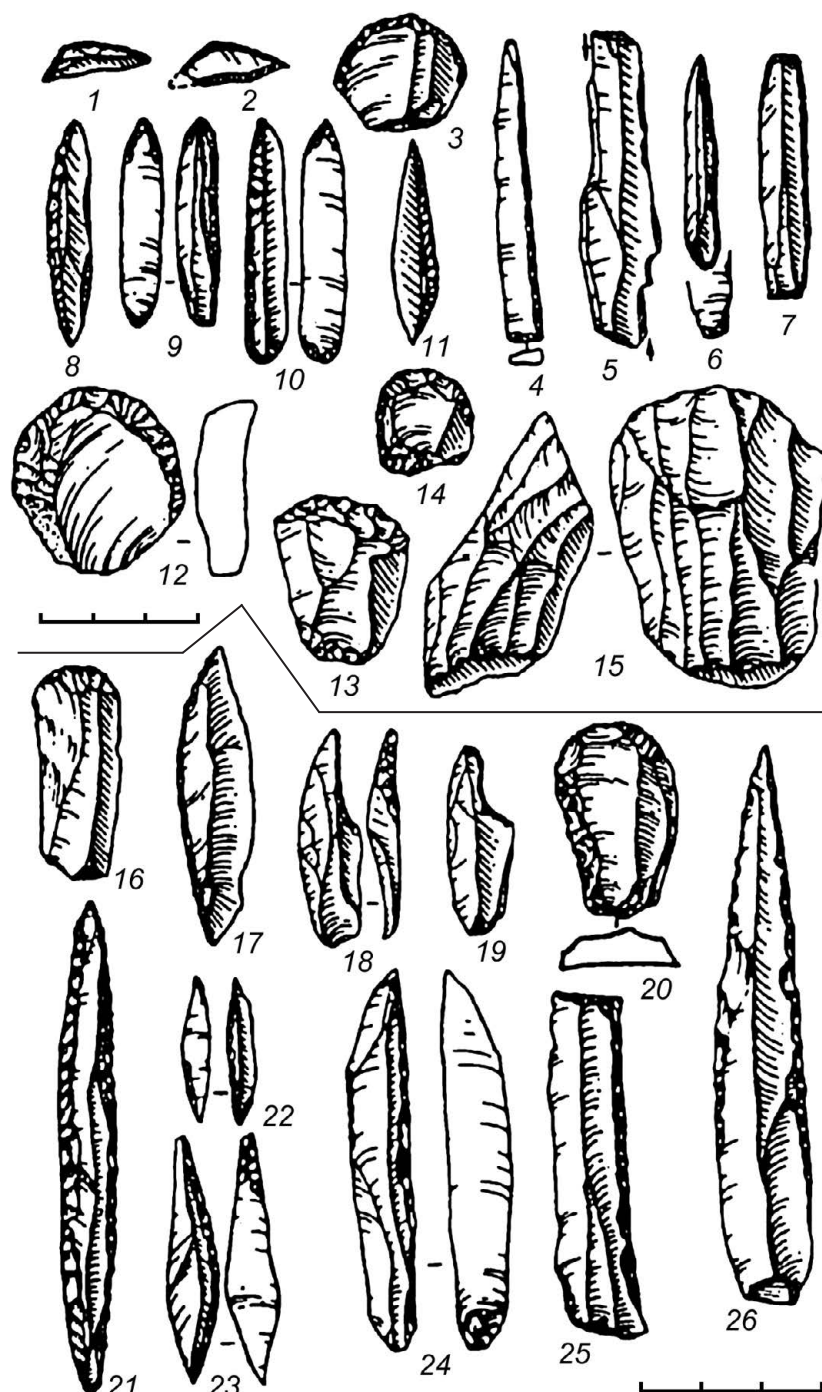

Рис. 7. Образцы инвентаря пещерной стоянки Гварджилас-клде. 1–15 – раскопки С. Круковского; 16–26 – раскопки Д. М. Тушабрамишвили. (1–15 – по С. Н. Замятину; 16–26 – по Д. М. Тушабрамишвили)

этого памятника только костяные наконечники круглого сечения с укрепленными в пазах вкладышами в виде пластинок с притупленным краем могли служить элементом орудия охоты на пещерного медведя. В синхронной стоянке Сатанай на Северном Кавказе для дистантной охоты на дикую лошадь был приспособлен костяной, но уже уплощенный наконечник, не требующий использования вкладышей.

Приведенные факты могут служить указанием на то, что совместное появление в верхнем палеолите Кавказа костяных наконечников с пазами и пластинок с притуплен-

ным краем было обусловлено фактором общим и внешним к чисто технологическому аспекту эволюции каменной и костяной индустрий. Речь здесь может идти об изобретении, а не эволюционном вызревании нового орудия охоты, предназначенного для особого способа охоты (контактное поражение?) на конкретный объект промысла (пещерный медведь). А что касается техники крутой краевой или, как ее называют чаще, «притупляющей» ретуши, то после возникновения сфера ее применения, естественно, не ограничивалась какой-то одной разновидностью изделий.

Особо можно отметить, что именно адаптивный характер сложения некоторых традиционных элементов культуры второй половины верхнего палеолита Западного Кавказа подтверждается еще и отсутствием доказательных фактов, которые указывали бы на инфильтрацию указанных элементов на территорию Кавказа из сопредельных регионов.

Возвращаясь к проблеме периодизации верхнего палеолита Кавказа, следует отметить, что она, конечно, не ограничивается подразделением памятников только на две стадии. Как кажется, существует возможность вычленения, по крайней мере, еще двух групп памятников. Одна из них объединила бы памятники начального, а другая – заключительного этапов верхнего палеолита. Из-за состояния источников это невозможно сделать, опираясь только на принятый в данной работе подход. Однако предварительное расчленение материалов представляется в принципе возможным при сочетании климатостратиграфического метода анализа с технико-типологическим.

Обоснованный выше подход к хронологическому членению кавказских верхнепалеолитических материалов ставит по-новому вопрос и о культурной дифференциации последних. В отношении целесообразности пересмотра культурно-хронологических характеристик так называемой «имеретинской» (или по другой терминологии закавказской) культуры выше уже говорилось. В этой же связи в новом свете предстает и проблема культурной вариативности всего верхнего палеолита Кавказа в целом. Характерно, что для решения этой проблемы традиционным был подход, при котором выделение различных археологических культур (имеретинской, губской, чохской) производилось в общих рамках всего верхнего палеолита. Специфика культур определялась компаративистским, т. е. сравнительно-типологическим методом. При этом совершенно не принималась во внимание явная хронологическая несопоставимость друг с другом сравниваемых комплексов. Ущербность такого подхода стала очевидной, когда после повторного исследования выяснилось, что чохская культура Северо-Восточного Кавказа должна быть передатирована мезолитом и неолитом. Точно также нельзя было считать методически безупречным, когда культурная специфика разновозрастных памятников Северо-Западного Кавказа определялась их обобщенным сопоставлением с хронологически разнородными верхнепалеолитическими материалами Западного Закавказья. Для этой цели в равной мере привлекались памятники, как относимые к начальной поре верхнего палеолита, так и датируемые самым концом верхнепалеолитической эпохи. При этом противники выделения археологических культур в верхнем палеолите ограничивались установлением общих для всей территории Кавказа стадий развития культуры. А сторонники концепции археологических культур делали упор на культурно-географическую дифференциацию групп памятников, не освещая с необходимой четкостью вопрос о том, какой из факторов лежит в основе выявляемых различий – хронологический или этнокультурный. Справедливости ради надо отметить, что такой постановке вопроса во многом препятствовало состояние изученности памятников и качество источников, о чем выше говорилось подробно.

Из всего отмеченного следует, что проблема культурной вариативности верхнего палеолита Кавказа требует своего углубленного изучения. Специального рассмотрения при этом заслуживает вопрос о том, возможно ли в принципе на имеющихся в настоящее время кавказских материалах выделить культуры для любого из этапов верхнепалеолитического времени? Если основываться на предлагаемом в данной работе подходе, приходится констатировать, что существование такой возможности проблематично.

Вероятно, картина предстанет иной после накопления новых данных, но при общем взгляде сейчас складывается впечатление, что памятники выделяемой нами первой хронологической группы (древнее 18–20 тыс. лет назад) не обнаруживают существенных локальных различий. Иное дело, если мы обращаемся к индустриям второй группы и особенно тем, которые датируются концом верхнего палеолита. О пространственной дифференциации культуры в виде сложившихся археологических культур для этого времени можно говорить с той степенью определенности, которую допускает современное состояние палеолитоведческой культурологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тушабрамишвили Д. М.* Палеолит Грузии / Вести Гос. Музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа 1984. Т. 37-В.
2. *Замятин С. Н.* Палеолит Западного Закавказья Палеолитические пещеры Имеретии // Сборник Музея антропологии и этнографии 1957. Т. 17.
3. *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М. 1965.
4. *Бадер Н. О.* Поздний палеолит Кавказа // Палеолит СССР (Археология СССР). М. 1984.
5. *Амирханов Х. А.* Чохское поселение. М, 1986.
6. *Амирханов Х. А.* Верхний палеолит Прикубанья. М, 1986.
7. *Kozlovsky J. K.* Corney paleolit w krajach zakaukazskich i na Blizkim Wschodzie C 1: Geochronologia i zagednienie pochatkov gornego paleolitu / Prace komisji archeologicznej Polska AN (odolzial w Krakowie). 1979. № 9.
8. *Kozlovsky J. K.* Gorny palcolit w krajach zakaukazskich i na Blizkim Wschodzie. Cz. 2: Periodiacja gornego palcolitu zachodnich krajov zakaukazskich // Swlailowl 1972. Т. 33.
9. *Бердзенишвили Н. З.* К вопросу о начальной стадии верхнего палеолита Грузии // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1972.
10. *Тушабрамишвили Д. М.* Итоги работ археологической экспедиции в Квирильском ущелье в 1969 г. // Археологические исследования в Грузии в 1969 г. Тбилиси, 1971.
11. *Мешвелиани Т. К., Твалчрелидзе М. Г., Лордкипанидзе Д. О.* Пещера Дзудзуана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. (Докл. междунар. симпозиума). Новосибирск, 1990.
12. *Церетели Л. Д., Коркия Л. Д., Шатилова И. И.* Итоги археологического и палеонтологического изучения многоярусной стоянки Апианча // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. (Докл. междунар. симпозиума). Новосибирск, 1990.
13. *Любин В. П.* Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии. (Палеолит мира). Л., 1989.
14. *Замятин С. Н.* Ахштырская и Навалишенская пещеры на Черноморском побережье Кавказа // Бюл. комиссии по изучению четвертичного периода. 1940. № 6–7.
15. *Паничкина М. З., Векилова Е. А.* Исследование Ахштырской пещеры в 1961 году // КСИА. 1962. Вып. 92.
16. *Векилова Е. А.* Краткие итоги раскопок Ахштырской пещеры в 1961–1965 гг. // КСИА. 1967. Вып. 111.
17. *Тушабрамишвили Н. Д., Твалчрелидзе М. Г., Лордкипанидзе Д. О., Буачидзе Ц. И.* Палеолитическая пещера Ортвала-клде // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки (Докл. междунар. симпозиума). Новосибирск, 1990.
18. *Любин В. П., Соловьев Л. И.* Исследование малой Воронцовской пещеры на черноморском побережье Кавказа // МИА. 1971. № 173.
19. *Любин В. П., Щелинский В. Е.* Исследование Навалишенской пещеры в 1965 г. // КСИА. 1967. Вып. 111.
20. *Ниорадзе А. Г.* Пещера Самерцхле-клде и верхний палеолит Западной Грузии. Тбилиси, 1975. (На груз. яз. с рус. резюме.)
21. *Лордкипанидзе Д. О.* Особенности взаимодействия первобытных людей и природной среды в условиях горных территорий (на примере палеолитических пещер Западного Закавказья): автореферат дис канд. географ. наук., 1992.

**ХУНЗАХСКАЯ СТОЯНКА – ПАМЯТНИК ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА
В ЦЕНТРАЛЬНОМ ДАГЕСТАНЕ¹**

Полвека прошло с той поры, когда Горная археологическая экспедиция Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР открыла первый не только в Дагестане, но и на территории всего Северного Кавказа стратифицированный многослойный памятник каменного века – Чохскую стоянку² (Мунчаев, 1954). Исследование этого незаурядного памятника, осуществлявшееся видным дагестанским археологом В. Г. Котовичем и возобновленное спустя некоторое время автором этих строк, принесло много нового в понимание исторического процесса в первобытном прошлом Северо-Восточного Кавказа. Установление времени окончательного заселения внутригорных областей Дагестана и формирование на этой территории субстратового культурного пласта, в котором вызревали тенденции будущих культурно-хозяйственных и этногенетических процессов неолита и энеолита, было наиболее важной из проблем, решению которых способствовали материалы Чоха.

Первоначально в отложениях Чохской стоянки выделялось шесть культурных слоев, из которых четыре относились к верхнему палеолиту и два датировались соответственно ранним и поздним мезолитом (Котович, 1964). Датировки, предполагающие наличие в культурно-стратиграфической колонке Чоха слоев мезолита и верхнего палеолита, были приняты с различными корректировками всеми исследователями (см., например: Формозов, 1963; Бадер, 1965; Амирханов, 1975).

Коренной пересмотр как стратиграфии памятника в целом, так и датировок его слоев был осуществлен автором по результатам новых раскопок 1980–1982 годов. Общим итогом работ в рассматриваемой части явилось выделение в толще культурных напластований Чоха двух мезолитических и одного неолитического слоев, а также горизонта среднего этапа эпохи бронзы (Амирханов, 1987). С этого времени общепринятым остается заключение о том, что окончательная и не прерывавшаяся позже заселенность Центрального Дагестана (так же, как среднегорий и высокогорий Восточного Кавказа в целом) приходится на рубеж геологических эпох плейстоцена и голоцена (около 10 тысяч лет назад). Автор относит к указанной хронологической границе также начало стабильного поступательного развития культуры и развертывания процессов формирования древнейших этнических групп и сложения местных языковых ареалов (Амирханов, 1987).

С начала 80-х годов до настоящего времени не появлялось источников для возвращения к проблеме заселенности территории Дагестана во время, предшествующее нижним слоям Чохской стоянки, но не в раннем и среднем палеолите, а в верхнепалеолитическом отрезке. Первыми в этом роде данными, которые с типологической и технологической точек зрения достаточно информативны для более или менее определенных заключений, являются материалы, приводимые в данной работе.

Хунзахское плато, на котором находится памятник, представляет собой обособленное столовое возвышение синклинального строения – такое же, как и Кегерское (Турчидагское) плато, с которым связана Чохская стоянка. Плато вытянуто в направлении восток-запад на расстояние около 25 км; ширина его составляет 8–10 км. Оно входит в группу плоскогорий (Хунзахское, Аракмеэр, Кегерское, Гунибское, г. Шунудаг), которые образуют в Центральном Дагестане первую (высокогорную) ступень ярусной системы древних поверхностей выравнивания (Физическая география Дагестана, 1996. С. 126–127). Абсолютные отметки высоты этих плато достигают 2500 м. Средняя же высота в центральных – выровненных – частях находится в пределах 1700–1800 м.

¹ Амирханов Х. А. Хунзахская стоянка – памятник верхнего палеолита в Центральном Дагестане // Археология Кавказа и Ближнего Востока: сб. к 80-летию члена-корреспондента РАН, профессора Р. М. Мунчаева. 2008. С. 41–52.

² Предложенный автором вариант названия памятника – «Чохское поселение» – относится к археологическим остаткам неолитического слоя. Понятие же «стоянка» применимо к нижележащим – мезолитическим слоям.

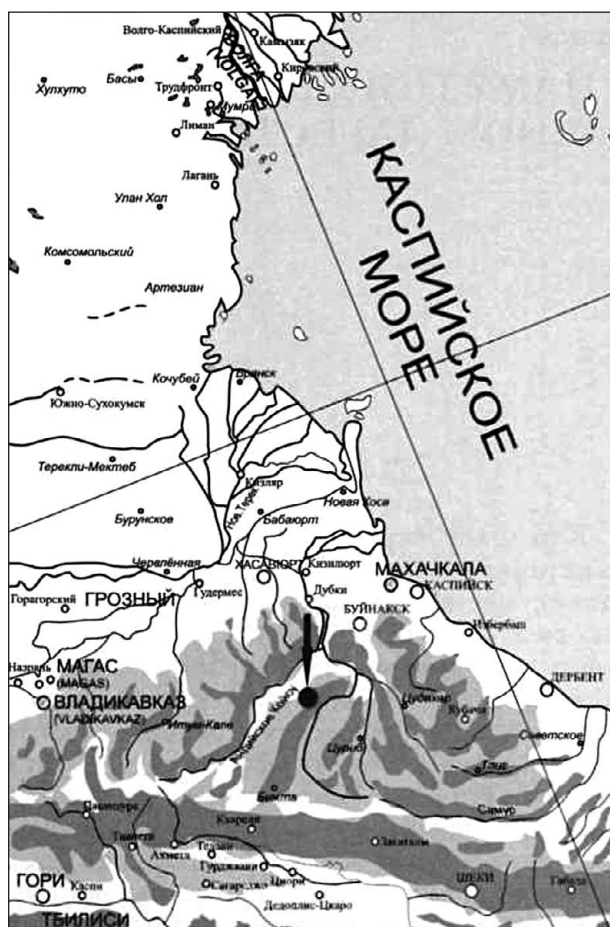

Рис. 1. Местоположение Хунзахской стоянки на карте (показано стрелкой)

Участниками совместной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН и Института археологии РАН на этом пункте в 2004 году были осуществлены ограниченные исследования. Было установлено, что тут имеются остатки стоянки каменного века с культурным слоем, который большей частью разрушен в результате плантажных работ (Деревянко и др., 2004). Культурные остатки в виде обработанных кремней залегают в желтовато-серой супеси на глубину не менее 30 см от дневной поверхности. Последняя представляет собой уровень вскрытия слоя при выравнивании данной площадки бульдозером. Раскопки на этой площадке, по-видимому, возможны в засушливый год. В момент наших наблюдений место сосредоточения находок было сильно заболочено из-за обильных грунтовых вод.

Материалы стоянки, имеющие стратиграфическую привязку и состоящие из 145 предметов расщепленного кремня, уже получили освещение в предварительной публикации (Деревянко и др., 2004). Коллекция, которая рассматривается в данной работе, ранее

Описываемый пункт расположен на северной окраине с. Хунзах Хунзахского района Республики Дагестан в месте, где этот населенный пункт практически смыкается с селением Арани ($42^{\circ}33'26''$ с.ш.; $46^{\circ}43'05''$ в.д.) (рис. 1). Находки обнаружены на левом берегу реки Тобот³, на выровненной поверхности 12–14-метровой структурной террасы, сформированной в известняках. Борт террасы, представляет собой стену «пропиленного» рекой в известняках узкого каньона. К данному участку с севера примыкают строения села Арани, в том числе юго-западная часть Аранинской крепости XIX века (рис. 2). Длина участка с концентрацией кремневых изделий – около 85 м; ширина – около 25 м; высота над уровнем моря – 1650 м. Экспозиция площадки – южная. Исключительной особенностью расположения памятника является то, что он приурочен к месту, где узкая каньонообразная долина срезается вертикальным эскарпом плато и речной поток падает отвесно вниз в виде тридцатиметрового водопада.

Сведения о существовании на описываемом месте скопления предметов расщепленного кремня были получены от жителя Хунзаха Раджабова Магомеда.

³ Применительно к горному Дагестану этот гидроним имеет специальный интерес. На Алтае, например, есть река с тюркизированным монгольским названием Тоботой [Таботой, Тоотой, Тотой, Тетой]. Слово выводится из монгольского довтой – холмистый, с буграми, кочками; более древняя монгольская форма этого слова – dobutai (Молчанова, 1979). Интересно, что в хунзахском говоре название реки Тобот преобразуется в Тоот – по той же модели трансформации, что и в одном из вариантов алтайского наименования р. Тоботой (Тоотой). Эти данные подталкивают к мысли, что возникновение названия реки Тобот на Хунзахском нагорье возникло на ранней – аварской (время аваров) или поздней тюркско-монгольской (время монгольских завоеваний) почве. Более вероятен первый вариант объяснения, и, скорее всего, название возникло как результат «миграции» топонимов, что обычно бывает связано с кочевниками, – можно вспомнить, например, многочисленность названий типа Аксай, Карасу и т.д.

Рис. 2. Расположение Хунзахской стоянки в современном ландшафте (показано стрелкой)

не была опубликована. В основном она состоит из кремневых изделий, которые собирались на стоянке упомянутым Раджабовым Магомедом на протяжении нескольких лет и были переданы нам. В значительной степени эта коллекция дополнена сборами с описанной выше площадки, которые были осуществлены автором в 2005 году при повторном посещении памятника.

Итак, коллекция, которой мы располагаем, состоит из 751 кремневого изделия, из которых 55 предметов (7,3%) приходится на законченные орудия. Основным видом для каменных изделий на стоянке служил меловой кремнь двух разновидностей – серовато-кремневого и от темно-серого до черного оттенков. Единично представлены известняковая галька (два предмета – ретушеры), алевролит (1 предмет – отщеп с частичной ретушью) и кремнистый сланец (1 предмет – скребок концевой с шлифованным лезвием). Обломки исходных форм сырья в коллекции практически отсутствуют. Однако, судя по участкам на расщепленных предметах, не затронутых обработкой, можно судить, что

кремь имеет преимущественно желвачное происхождение. Месторождения такого характера должны быть довольно регулярно представлены в Центральном (известняковом) Дагестане. Не исключено, что такой кремь имеется в естественном залегании и на самом Хунзахском плато. Технологические или типологические отличия, связанные с различиями в указанных видах сырья, в коллекции не отмечаются.

Сохранность кремневых изделий внутри двух групп сырья единообразная. Предметы из кремня светлого оттенка подверглись равномерной глубокой сплошной молочно-белой патине. Изделия из темного кремня патинированы в гораздо меньшей степени. Они сохраняют естественный цвет кремня. Имеется немало предметов, испытавших сильное воздействие огня.

Типологический состав инвентаря следующий.

Нуклеусы и заготовки

Нуклеусы торцевого скалывания косоплощадочные (для пластин и пластинок)	10
Нуклеусы торцевого скалывания косоплощадочные (для микропластинок)	6
Нуклеусы плоские параллельного скалывания	2
Нуклеусы подпризматические	1
Пластины (целые и обломки)	73
Пластины (целые и обломки)	59
Микропластинки (целые и обломки)	36
Отщепы (целые и обломки)	401

Отходы производства

Обломки	20
Осколки	40
Чешуйки	84
Краевые сколы подправки нуклеуса	4
Сколы подправки площадки нуклеуса	2
типа «таблетка» Реберчатые сколы	6
Нуклевидные обломки	4
Резцовые отщепки	3

Изделия с вторичной обработкой

<i>Скребки</i>	
Концевые простые мелкие	7
Концевые простые крупные	2
Концевые с утолщенным лезвием	3
Концевые с широким лезвием	1
Концевые с узким лезвием	5
Концевые со шлифованным лезвием	1
Со скошенным лезвием	1
С вогнутым лезвием	1
Ногтевидные	2
Высокой формы (нуклевидные)	2
<i>Резцы</i>	
Пряморетушные	1
Косоретушные двойные	1
Плоские	2
Многофасеточные	2
<i>Острия</i>	
С притупленным краем	3
Микроострия с притупленным краем	3
С краевой выемкой	1
Скошенные	2
	7
Пластинки с притупленным краем	
Проколки с удлиненным жалом	2
Орудия с подтеской	1
Отщепы с частичной ретушью	3
<i>Ретушеры</i>	2

Как видно из типологического списка, на стоянке представлены практически все технологические ступени обработки кремня – от нуклеуса до законченных орудий. Не имеется в коллекции лишь пренуклеусов. Отсутствуют естественные желваки или гальки кремня, служившие в качестве запасов сырья. Мало и первичных отщепов; при этом есть незначительное количество реберчатых сколов. По этим признакам можно заключить, что первоначальная оббивка исходных форм сырья в основном осуществлялась непосредственно у мест естественных выходов кремня. На стоянку приносились, судя по всему, нуклеусы в уже готовом для их применения виде.

Первичное раскалывание на стоянке базировалось практически полностью на одноплоскостном нуклеусе торцевого скалывания с сильно скошенной площадкой. К этому типу относится подавляющее большинство представленных в коллекции ядрищ (рис. 3: 1–3, 5–8). На начальной стадии утилизации нуклеусы этой разновидности имеют в среднем следующие габариты: высота 4,5 см; ширина 3,5 см; толщина 2 см. Ширина рабочей части равна толщине изделия. Наиболее крупные ядрища данной группы имеют в высоту 6 см, а самые мелкие – 3,2 см. В соответствии с этими показателями различаются и размеры негативов на рабочих участках нуклеусов. На мелких экземплярах (рис. 3: 1–2) описываемых предметов они соответствуют микропластинкам, а на крупных – пластинкам и пластинам.

Выделяемые по формальному признаку в отдельную группу одноплощадочные нуклеусы параллельного скалывания (рис. 3: 4–5) по сути, не слишком отличаются от вышеописанных. Это тот же тип торцевых ядрищ с сильно скошенной к тыльной стороне площадкой, который в данном случае фиксируется на стадии близкой к остаточной форме. Ширина рабочей части этих изделий 2,5 и 3 см, т.е. не слишком велика. Один из описываемых нуклеусов превращен в массивный скребок высокой формы (рис. 3: 5). Это переформление лишнее раз подчеркивает, что данное изделие и самим мастером рассматривалось как уже почти полностью сработанное в его первоначальном назначении нуклеуса.

Наконец, в коллекции имеется один предмет, относящийся к подпризматическим нуклеусам (рис. 3: 9). У этого экземпляра ударная площадка относительно горизонтальная, а рабочая поверхность имеет форму незамкнутого овала. По размерам он не отличается от крупной разновидности нуклеусов первого типа.

Нерегулярность негативов сколов на нуклеусах, признаки частой подправки нуклеусов, включая снятие сколов типа «таблетка», а также сколов краевой подправки площадки, наряду с отсутствием видимой стандартизации продукции раскалывания свидетельствует о том, что в технический арсенал мастеров Хунзахской стоянки не входил прием получения пластин отжимом; скорее всего, не практиковалось и использование посредника.

Типологические особенности нуклеусов, количественные характеристики разновидностей пластинчатых сколов в категории заготовок, а также направленность предпочтений в подборе заготовок, просматриваемая в составе законченных орудий, приводит к выводу о том, что главной целью первичного раскалывания было получение пластинок и микропластинок.

В целом описанные нуклеусы типичны для верхнего палеолита Кавказа. Общие их признаки – наличие, как правило, одной сильно скошенной к тыльной стороне ударной площадки, торцевое раскалывание, отсутствие приема предварительного оформления ядрищ в технике бифасиальной обивки. Средняя длина описываемых нуклеусов на средней стадии сработанности составляет 5 см.

Если сравнивать ядрища Хунзаха и Чоха, то главный вывод будет заключаться в констатации резких отличий между ними. В рассматриваемой здесь коллекции нет характерных для Чоха призматических, конических и карандашевидных форм. Здесь нет даже намека и на специфические для Чоха типы нуклеусов, определенные в свое время автором как подлеваллуазские.

Выразительным является состав законченных вторичной обработкой орудий. Типологическое разнообразие изделий охватывает более двадцати форм, объединяющихся в восемь категорий. Наиболее многочисленна группа скребков (25 экз.). Основное

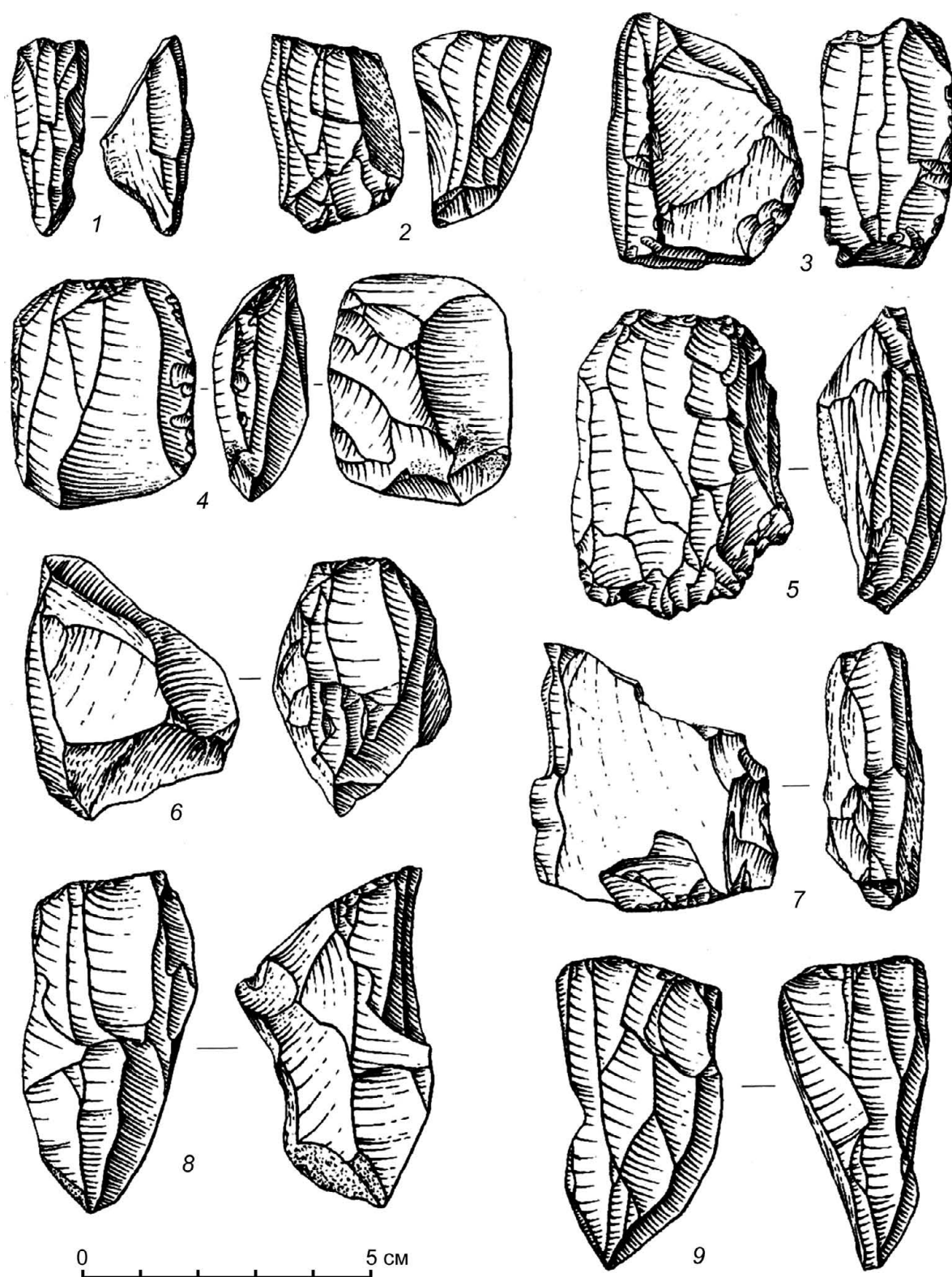

Рис. 3. Хунзахская стоянка. Образцы каменных изделий

количество предметов приходится на различные варианты концевых форм (19 экз.). Больше всего скребков концевых мелких простых (рис. 4: 14). Это изделия на некрупных пластинах, у которых ретушь затрагивает лишь рабочее лезвие орудия.

У скребков, относимых к концевым крупным (рис. 4: 16), ширина рабочей части почти вдвое больше, чем у разновидности концевых мелких. На их фоне особенно контрастно выглядят скребки с узким лезвием (рис. 4: 8–9; 12, 13). У этих экземпляров ретушь образует закругленное или прямое скребковое лезвие на одном из концов пластинок. При этом крутая ретушь на остальных элементах заготовки или отсутствует совсем (рис. 4: 8), или помимо скребкового лезвия ею обработаны один (рис. 4: 9) или оба края (рис. 4: 13). Ширина лезвия описываемых орудий во всех случаях меньше 1 см. Из-за хрупкости заготовки среди пяти экземпляров изделий коллекции целым дошел до нас только один предмет. Изделия описываемого типа хорошо представлены в индустриях второй половины и заключительной части верхнего палеолита средиземноморской области, например в иберо-маврусьене (Moser, 2003. Р1. 4: 9). Имеется указание на существование подобной формы («ППК со скребковидным концом») и в коллекции слоя 1А Мезмайской пещеры (Голованова, Дороничев, 2005. С. 71). Эти материалы происходят уже с территории Северного Кавказа и относятся к ранней (по местной шкале) поре верхнего палеолита.

В категории скребков Хунзаха нельзя не обратить внимания также еще на две формы – скребки концевые с утолщенным лезвием (рис. 4: 18–19) и ногтевидные скребки (рис. 4: 17, 20). Для первых специально подбиралась заготовка в виде утолщенной пластины с двускатной спинкой и центральным ребром. Ногтевидные же скребки изготавливались на небольших отщепах. Имеющиеся два экземпляра этой разновидности удивительно похожи друг на друга. Их сближают не только форма заготовки, характер вторичной обработки и общие контуры, но и то, что у них обоих основания левого края имеют очертания в виде широкой выемки. Эти выемки не были получены специально непосредственно при изготовлении скребков. Однако несомненное удобство, которое придает орудиям наличие таких выемок, может говорить о целенаправленном подборе заготовок для описываемого типа скребков. Следовательно, существовала и идея данного типа изделия.

Завершая описание категории скребков, следует отметить невыраженность в коллекции разновидности орудий высоких форм. Имеется всего два предмета, и оба они представляют собой примеры приспособления под скребки массивных заготовок, служивших нуклеусами. В строгих определениях эти орудия следует называть нуклевидными скребками. В том, что это скребки, сомнений нет. Скребковое лезвие этих изделий приурочено не к кромке ударной площадки, как это часто бывает (или принимается исследователем) у подобного рода орудий. Оно оформлено разнофасеточной крупной полукрутой ретушью на истонченном основании нуклеуса (рис. 3: 5).

Наиболее значимым применительно к резцам рассматриваемой коллекции можно признать довольно большое разнообразие данной группы изделий. Имеются экземпляры, у которых одна из граней рабочего элемента оформлена ретушью (пряморетушные и косоретушные) (рис. 5: 12, 16), срединные многофасеточные (рис. 5: 13, 15) и плоские (рис. 5: 14, 17). Несмотря на немногочисленность, каждая из указанных форм представлена очень выразительными экземплярами. Это может свидетельствовать об органичности для описываемой коллекции данной типологической группы. На первый взгляд, выглядит странным отсутствие такой простой формы, как резец угловой. Однако на одном из экземпляров можно видеть сочетание ретушного и углового ударного принципов оформления резцовой кромки (рис. 5: 16). Общим для резцов является то, что за исключением одного случая (косоретушный двойной резец) для всех них подбирались заготовки достаточно массивные относительно средних параметров заготовок данной индустрии.

Острия (9 экз.) – самая специфическая часть инвентаря Хунзахской стоянки. Основную группу данной категории составляют изделия на пластинках (рис. 4: 4–5) и микропластинках (рис. 4: 1–3) с притупленным краем. У острий на пластинках один из краев

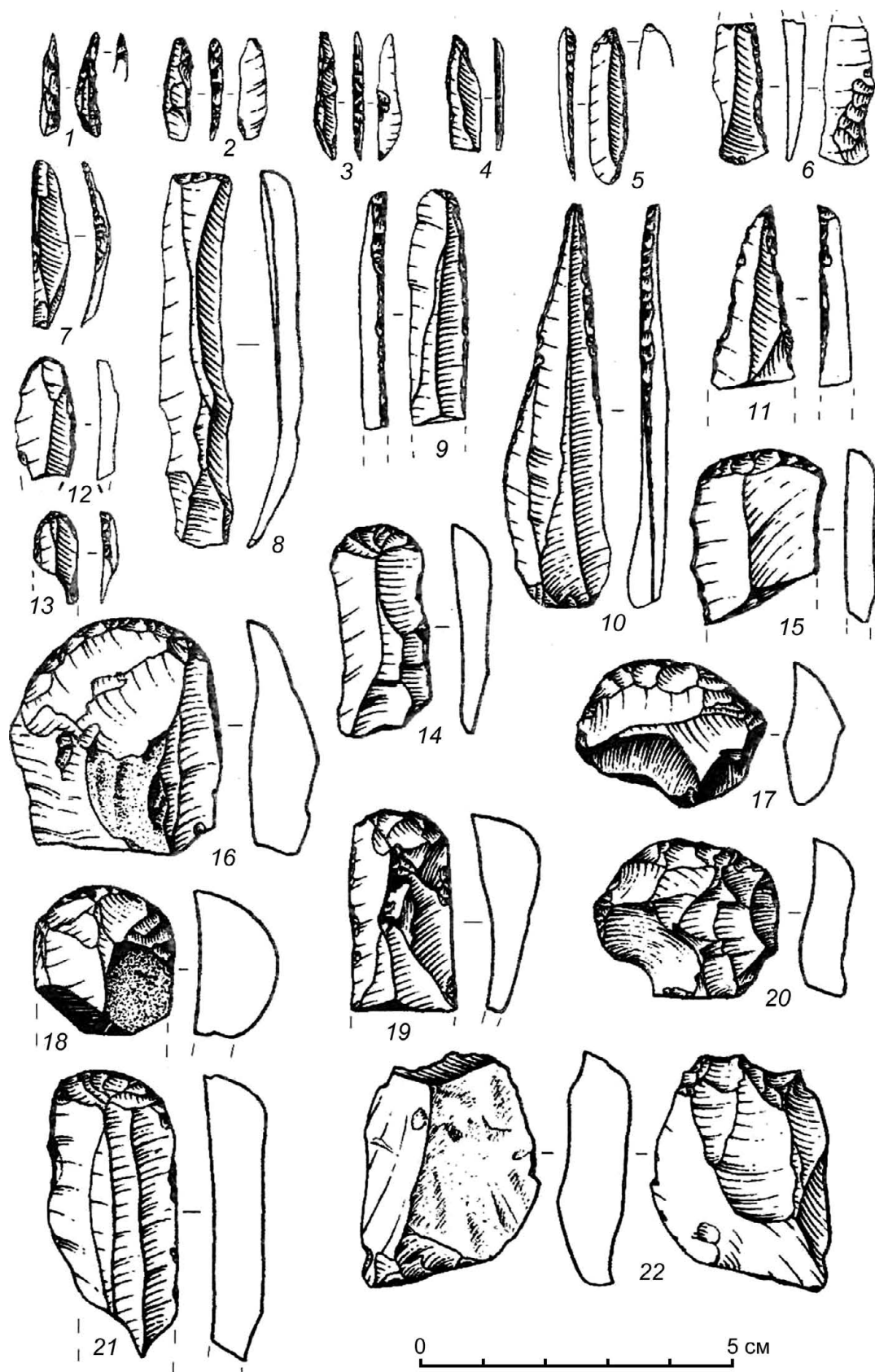

Рис. 4. Хунзахская стоянка. Образцы каменных изделий

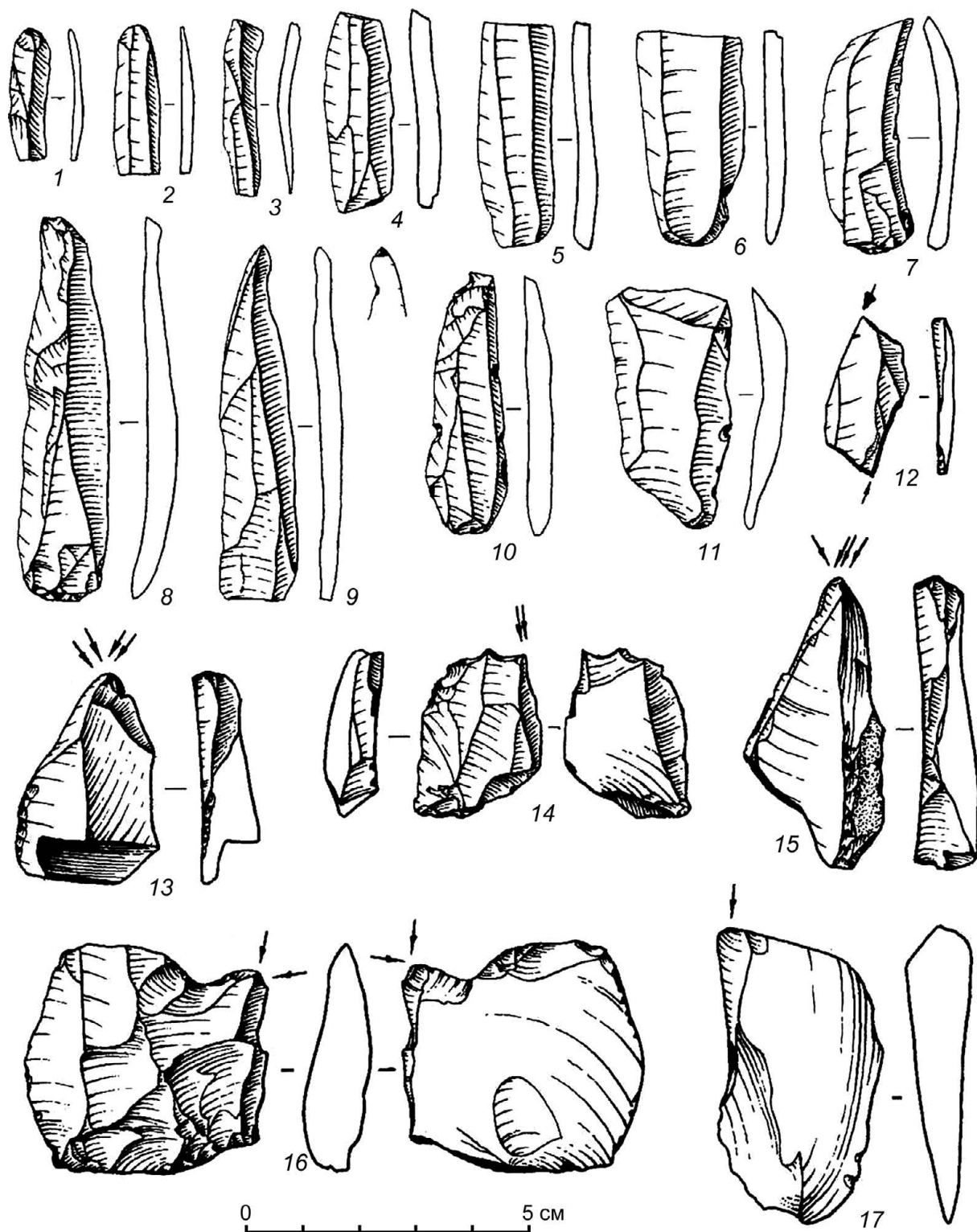

Рис. 5. Хунзахская стоянка. Образцы каменных изделий

обработан мелкой крутой ретушью. Очертания краев – прямые или слабовыпуклые. Особенностью изделий, позволяющей относить их к остриям, является дополнительное заострение вершины заготовки с использованием краевой ретуши по концевой части второго края заготовки. Края микроострий оформлены более крупной, агрессивной вертикальной краевой ретушью. Иногда она встречная. У одного из экземпляров (рис. 4: 1) отмечается заострение вершинной части плоской ретушью с бруска. Микроострия имеют примерно одинаковые размеры. В среднем они следующие: длина 17 мм; ширина 4 мм; толщина 2 мм.

Интересной разновидностью является острие с краевой выемкой (рис. 4: 6). Орудие изготовлено на пластинке. Вершина острия сломана. Обработке подверглись один из краев целиком (крутая краевая ретушь) и частично второй у основания орудия. Участок основания по второму краю обработан ретушью плоской, заходящей далеко на плоскость заготовки и формирующей неглубокую краевую выемку. Изделие описываемой разновидности представлено одним экземпляром, и поэтому трудно судить о том, насколько подобные изделия были типичны для данной индустрии.

Пластинки с притупленным краем, судя по их количественной представленности, являются органической частью описываемого инвентаря. Оформление этих изделий ограничивалось обработкой крутой ретушью одного края микропластинки или пластинки. Ретушь в некоторых случаях выпрямляет край. В целом обработка не видоизменяет заметно первоначальные очертания заготовки. Какая-либо подработка концов изделий не отмечается.

Из законченных форм орудий, помимо описанных выше, коллекция содержит проколки с удлинённым жалом (рис. 4: 10) и одно орудие с подтеской (рис. 4: 22). Наконец, здесь имеется три отщепы с частичной ретушью и два выразительных ретушера на небольших алевролитовых гальках.

Обобщая данные по общей структуре инвентаря, мы должны констатировать наличие в рассматриваемом материале нуклеусов, заготовок, отходов производства и достаточно большое разнообразие категорий орудий. В составе законченных изделий, в свою очередь, имеются такие, которые предназначены для производства самих каменных и костяных орудий (ретушеры, частично резцы), для использования в качестве деталей охотничьего вооружения (острия), а также для домашне-хозяйственной деятельности (скребки, проколки). Отмеченное позволяет уверенно определить функциональный тип памятника как стоянки-мастерской. Причем эта базовая и, возможно, относительно долговременная стоянка была расположена у места, которое по удобству для организации загонной охоты и регулярного забоя объекта охотничьего промысла можно расценить как уникальное. Действительно, неглубокая и достаточно широкая в своих верхней и средней частях долина реки Тобот постепенно превращается в каньонообразное ущелье и почти непосредственно у стоянки резко обрывается вертикальной стеной эскарпа плато. Стоянка существовала, скорее всего, на протяжении не менее одного теплого сезона года, включающего весну, лето и осень. А скорее всего, культурные отложения памятника содержат остатки многочисленных, наслаивающихся друг на друга эпизодов обитания.

Для датировки памятника мы, к сожалению, не располагаем радиоуглеродными определениями или другими конкретными данными естественнонаучных дисциплин. С геоморфологической точки зрения терраса, на которой расположена стоянка, несомненно, относится к плейстоцену. Литологические характеристики культурного слоя (супесь, подстилающая почвенный слой) тоже могут говорить в самом общем виде о плейстоценовом возрасте археологических остатков. Остается опираться главным образом на собственно археологические критерии датировки находок.

Самой существенной типологической характеристикой рассматриваемой коллекции с точки зрения ее археологической датировки является то, что она не содержит каких бы то ни было признаков геометризации. В этом смысле Хунзахская стоянка смыкается с памятниками, которые по традиционной (замятнинской) схеме эволюции верхнего па-

леолита Кавказа относили ко времени ранее третьей стадии. Другими словами, согласно этой периодизации рассматриваемая коллекция не могла быть моложе средней поры верхнего палеолита Кавказа. В последние десять-пятнадцать лет достаточно было сказано об ущербности материалов, на которой базировалась указанная схема и о необходимости ее пересмотра или существенного совершенствования (Амирханов, 1994; Meshveliani et al., 2004; Nioradze et al., 2000).

При всех отличиях, которые имеются в подходах к решению данной проблемы, у исследователей нет расхождений во мнении, что выраженная геометризация индустрий Кавказа возникает не позднее примерно 15 тыс. лет назад. Примерно в это же время данный процесс отмечается в Южном Средиземноморье (иберио-маврусийская культура) (Camps, 1974), Северном Средиземноморье (эпиграветт Аппенин) (Broglio, 1975), на Ближнем Востоке (геометрический кебарьен, зарзийская культура) (Bar-Yosef, 1988, 1990; Solecky, Ralph, 1983). Эти изменения в культуре, охватывающие примерно в одно и то же время обширные межконтинентальные пространства, на Кавказе убедительно документированы материалами верхней части отложений пещеры Дзудзуана, а также пещерами Гварджилас-клде и Девис-хврели.

Если верхняя граница относительной датировки Хунзахской стоянки может считаться более или менее определенной, то вопрос о нижней границе остается неясным. Основываясь на косвенных данных, относящихся к характеру и последовательности природно-климатических изменений в горных областях на заключительных отрезках позднего плейстоцена, нижний предел датировки стоянки можно отнести предположительно к концу максимальной стадии последнего оледенения. Таким образом, исходя из всего сказанного, вероятный диапазон датировки памятника может быть установлен в пределах 18–15 тыс. лет назад.

Вопрос культурной атрибуции памятника, как и проблема датировки, является не простым. Сравнивать приходится материалы, которые территориально и/или хронологически отстоят друг от друга слишком далеко. На территории Северо-Восточного Кавказа для соответствующих типологических сопоставлений существуют только материалы Чохской стоянки. Сравнение материалов Хунзаха с индустрией нижних – мезолитических – слоев Чоха дает картину чрезвычайно контрастных различий. В коллекции Хунзаха полностью отсутствуют типологические и технологические особенности, которые определяют как общие параметры, так и конкретные археолого-культурные характеристики Чохской стоянки. Мы можем констатировать полное отсутствие в материалах Хунзаха: приема получения заготовок с использованием техники отжима, подлеваллуазских нуклеусов различных модификаций, конических нуклеусов, острий чохского типа (нет даже намек на них), различных геометрических форм орудий (сегменты, высокие симметричные и асимметричные трапеции, удлинённые асимметричные треугольники) и др. Столь резкие отличия говорят или только о слишком большом хронологическом разрыве между Хунзахской и Чохской стоянками, или, в дополнение к этому, об отсутствии между ними также и генетической связи.

Ближайшие к Хунзаху верхнепалеолитические памятники находятся за много сотен километров на Северо-Западном Кавказе – на территории Карачаево-Черкессии, Адыгеи и Краснодарского края (стоянка Явора, Мезмайская пещера, группа памятников Губского ущелья и др.). Сравнение с ними рассматриваемой индустрии затруднено не только отдаленностью территории, но и практическим отсутствием палеолитических объектов, которые можно было бы отнести (пусть даже в рамках только относительного датирования) к аналогичному с Хунзахом времени. К последним, пожалуй, можно отнести лишь коллекцию верхнего слоя Губского навеса № 1.

Наиболее важными моментами, сближающими два памятника (Хунзахская стоянка и слой 1 Губского навеса № 1), являются: микропластинчато-пластинчатый характер раскалывания (на базе косоплощадочного нуклеуса торцевого скалывания; без применения отжима), выраженность микроострий с притупленным краем, как и микропластинок

и пластинок с притупленным краем, а также отсутствие геометрических форм орудий. По этим показателям можно говорить о принадлежности обоих памятников к граветтоидной (эпиграветтской?) индустрии. Однако этого мало для того, чтобы устанавливать между ними родство на уровне единой археологической культуры. Заключение на этот счет (как положительные, так и отрицательные) пока невозможно обосновать на базе строгого типологического анализа. В индустриях и одной и другой стоянок невозможно выделить типы, которые могли бы служить специфическими индикаторами сходства или различий. Примерно к такому же заключению мы приходим, если сравнивать материалы Хунзаха с синхронными коллекциями богатого палеолитическими памятниками Западного Закавказья.

Как уже отмечалось выше, открытие Хунзахской стоянки возвращает нас к одной из главных проблем первобытной истории Кавказа – проблеме окончательного заселения высокогорий человеком современного физического типа. Известно давнее замечание о том, что в Закавказье, на территории Грузии верхнепалеолитические памятники не встречаются выше 800 м над уровнем моря (Каландадзе, 1969). На северном склоне Большого Кавказа на территории современного Краснодарского края памятник с пятью одновременными верхнепалеолитическими слоями (Мезмайская пещера) расположен на высоте 1310 м над уровнем моря (Голованова, Дороничев, 2005). В колонке из имеющихся для этого памятника 14 дат видны разрывы, приходящиеся на промежутки примерно от 28500 до 21000 и от 21000 до – округленно – 14000 лет назад. Нетрудно заметить, что первый из этих разрывов приходится на прохладный отрезок позднего плейстоцена, а второй – прямо на максимальную стадию последнего оледенения. Мезмайская пещера представляет выразительные свидетельства того, что в холодные отрезки верхнего палеолита население покидало зону высокогорий и среднегорий Кавказа и перемещалось, скорее всего, в низкогорные долины и, возможно, в Предкавказье. В теплые стадии люди вновь населяли оставленные ранее пространства. Такая «многофазовая» модель заселения и освоения высокогорья, естественно, была характерна не только для Северо-Западного Кавказа. Проявлением этого процесса, имевшего место на Северо-Восточном Кавказе и пришедшегося, по всей вероятности, на время непосредственно после максимума последнего оледенения, и являются материалы Хунзахского поселения.

На данной проблеме внимание акцентируется потому, что вопросы, связанные с динамикой, интенсивностью и продолжительностью освоения горных областей Кавказа, имеют исключительное значение для соответствующих лингвистических, палеоантропологических и этнографических реконструкций. Что касается самой возможности углубления этих реконструкций до рассматриваемого времени, то она признается вполне реальной теми исследователями, которые отвергают безосновательные оценки культуры палеолита и мезолита как аморфной, примитивной и не сопоставимой по содержанию социальных и этнокультурных процессов с культурой последующих археологических эпох.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х. А., 1975. Новые исследования Чохской стоянки // Археологические открытия 1974 года. М.
- Амирханов Х. А., 1987. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.
- Амирханов Х. А., 1994. К проблеме эволюции и периодизации верхнего палеолита Западного Кавказа // Российская археология. М. № 1. С. 9–25.
- Бадер Н. О., 1965. Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита // Советская археология. М. № 4.
- Голованова Л. В., 2000. Рубеж среднего и позднего палеолита на Северном Кавказе // *Stratum plus: Cultural Anthropology, Archaeology*. Saint-Petersburg; Kishinev; Odessa; Bucarest. N 1. S. 158–177.

- Голованова Л. В., Дороничев В. Б., 2005. Новые данные по позднему палеолиту Мезмайской пещеры // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар. С. 69–72.
- Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Бенин В. Н., Аношкин А. А., Рыбин Е. П., 2004. Разведки объектов каменного века в Дагестане в 2004 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Ч. 1. Новосибирск.
- Каландадзе А. Н., 1969. Разыскания по археологии доантичной Грузии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси.
- Котович В. Г., 1964. Каменный век Дагестана. Махачкала.
- Молчанова О. Т., 1979. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск.
- Мунчаев Р. М., 1954. Отчет Дагестанской археологической экспедиции 1954 года // Архив Института археологии РАН. Р-1. Д. 1136.
- Физическая география Дагестана, 1996. М.
- Формозов А. А., 1963. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе // Советская археология. М. № 4.
- Bar-Yosef O., 1988. Le paleolithique d'Israel // L'Anthropologie. Paris. T. 92, N 3. P. 769–795.
- Bar-Yosef O., 1990. The Last Glacial Maximum in the Mediterranean Levant // The World at 18000 B.P. C. Gamble, O. Soffer (eds). Vol. 2: Low Latitudes. London. P. 58–77.
- Broglio A., 1975. Le passage du Paleolithique superieur au Neolithique dans la region Venetie-Trentin-Frioul // Actes Colloque Internationale "L'Epipaleolithique mediterraneen". Aix-en-Provence. P. 5–21.
- Camps G., 1974. Les civilisations prehistoriques de l'Afrique du Nord et du Sahara // C.N.R.S. Paris.
- Moser J., 2003. La Grotte d'Ifri n Amman T. 1: L'heromaurusien / Kommission für Allgemeine und Vergleichende Archäologie des Deutschen Archäologischen Instituts. 163 p., 32 pi. (AVA-Forschungen; Bd. 8).
- Meshveliani T., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., 2004. The upper Palaeolithic in western Georgia // The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe / ed. P.J. Brantingham, S.L. Kuhn, K.W. Kerry. Berkeley. P. 129–143.
- Nioradze M. G., Otte M., 2000. Paleolithique suprieur de Georgie // L'Anthropologie. Paris. Vol. 104, N 2. P. 265–300.
- Solecki R. L., Ralph S., 1983. Late Pleistocene-Early Holocene cultural traditions in the Zagros and the Levant // Studies in Ancient Civilizations. N 32 / ed. T.C. Young, P. Smith. Chicago. P. 123–137.

**АДАПТАЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА
(НА ПРИМЕРЕ РАННЕГОЛОЦЕНОВЫХ ПАМЯТНИКОВ КАВКАЗА)¹**

Культурная адаптация, как целесообразное приспособление техники, технологии и морфологии хозяйственного инструментария к потребностям жизнеобеспечения является решающим фактором самого культурогенеза. Однако вычленение и анализ именно этого рода адаптации является наиболее сложной задачей исследования. Общеизвестно, что приспособительный характер основной части материальной культуры бывает трудно и даже невозможно проследить на примере обычных палеолитических стоянок с неспециализированным хозяйством. Тем не менее, кажется слишком категоричным замечание о том, что “видовая специализация охоты верхнего палеолита не находит отражения в кремневом инвентаре памятников” (Гвоздодер 1974:48–52). Сторонники этой точки зрения исходят из того, что отличительные особенности различных индустрий целиком обязаны этнографическим или, если шире – социальным факторам. При этом забывается, что само выявление последних зависит от технико-типологических характеристик инвентарей. Социальные, этнографические факторы не порождают, а лишь консервируют уже выработанные культурные стереотипы. Возникновение же культурной специфики обусловлено приспособительной сущностью культур. Однотипность гарпунов мадлена Франции, мезолита Кавказа и поздних этапов каменного века арктического региона объясняется именно этим, а не социальными факторами. При всей вариативности способов адаптации поле вариаций все же небеспретельно. Именно это и лежит в основе многочисленных примеров конвергенций культур.

Имеется несколько причин тому, почему исследователи приходят иногда к негативно-му выводу относительно наличия связи между технологической спецификой инструментария и хозяйственной деятельностью. Некоторые из этих причин зависят от исследовательского подхода к проблеме, другие – от особенностей самих памятников. К первым относится, например, стремление решать поставленную задачу путем оперирования чрезмерно большими категориями инвентаря. Или наоборот, – опорой на изделия нижних уровней классификации (например, разновидности какого-нибудь типа вкладышей), без учета того, что эти предметы могут быть не отдельными орудиями, а лишь элементами составных изделий. Возможны случаи и частичного рассмотрения материала, когда во внимание берется только кремневый или только костяной инвентарь. Отсутствие костяного инвентаря иногда воспринимается как реальность, а не возможность тафономических, планиграфических или иных особенностей памятников.

Типичная в этом ряду причина объективного характера сводится к следующему. Большинство палеолитических и мезолитических памятников содержит широкое разнообразие остатков видового состава животных и почти такое же разнообразие орудий, которые можно квалифицировать как элементы охотничьего вооружения. При этом отсутствуют какие-либо данные о предназначенности определенного типа изделий для применения в охоте на определенный вид животных.

Оптимальным является случай, когда мы имеем на стоянке остатки практически одного вида животных и одно или два типа изделий, которые по общим соображениям можно было бы считать пригодными для использования в охоте. В такой ситуации почти полностью снимаются вес вышеуказанные причины, затрудняющие анализ проблемы. Примечательно, что при кажущейся исключительности, такие случаи все же имеют место. Примером служит три синхронных раннеголоценовых памятника Кавказе, являющиеся диагностик нами для трех различных археологических культур: Чох, Сатамам и Квачара.

Чохское поселение (Котович 1964; Амирханов 1982) расположено на Северо-Восточном Кавказе, одном из платообразных возвышений центрального Дагестана. Абсолютная

¹ Амирханов Х. А. Адаптация и некоторые аспекты культурогенеза (на примере раннеголоценовых памятников Кавказа) // Археологические вести. № 5. СПб. С. 181–187.

высота места расположения поселения – 1725 м. н. у. м. Чох относится к памятникам открытого типа, “прислоненным” к скальной стене. Отложения памятника включают три довольно мощных культурных слоя. Два нижних охватывают практически весь мезолитический этап. На разных уровнях этих слоев отмечается как минимум пять уровней обитания. Фактически таких уровней было, по-видимому, значительно больше. Верхний слой относится к раннему неолиту. По функциональному типу памятник являлся базовой стоянкой. Тут осуществлялся весь технологический цикл производства орудий труда и протекала домашне-хозяйственная жизнь мезолитических людей. Мезолитические слои раскопаны соответственно на 17 и 48 кв. м. Количество артефактов превышает 40 тысяч единиц. Стоянка является эпонимной для чохской археологической культуры. До новых исследований автора этих строк в 1980–1982 гг. эта культура рассматривалась как преимущественно верхнепалеолитическая.

Стоянка Сатанай (Амирханов 1978) расположена на Северо-Западном Кавказе и Борисовском ущелье, по которому протекает речка Губс, относящаяся к бассейну реки Кубань. В отличие от Чохского поселения, Сатанам расположен в предгорной зоне на незначительной абсолютной высоте. Культурный слой довольно мощный и литологически единый. Стоянка является базовой. Раскопками вскрыто 45 кв. м, и получено более 15 тысяч кремневых и костяных изделий. По археологическим данным памятник датируется переходным к мезолиту временем или ранним мезолитом. Стоянка является анонимной для губской археологической культуры.

Стоянка Квачара (Церетели 1973), в отличие от двух предыдущих, расположена в Закавказье и является типично пещерной. Она приурочена к одному из ущелий, перерезающих Цебельдинское плато. Географически это низкогорья западной части Кавказского Пример поморья (Абхазия). Высота памятника над уровнем моря – 750 м. Отложения пещеры содержат три культурных слоя: один конца верхнего палеолита и два мезолитических. Наиболее полно исследованы и опубликованы материалы верхнего мезолитического слоя. Он раскопан на площади 150 кв. м. Полученная коллекция археологических находок включает 1443 изделия. Состав инвентаря позволяет определить стоянку как базовый лагерь. Пещера Квачара является основным памятником западнокавказской причерноморской мезолитической культуры. Археологическая датировка памятника – ранний мезолит.

Ландшафтное окружение рассматриваемых стоянок в момент их функционирования было различным. Чохскую стоянку окружала средне-горная степь. Сатанам располагался на границе степи и предгорных широколиственных лесов, а Квачара – в зоне низкогорных разреженных лесов. Различным был и животный мир регионов, с которыми связаны стоянки.

С точки зрения рассматриваемого в данной работе вопроса, эти три стоянки интересны тем, что все они демонстрируют высокоспециализированную охоту, практиковавшуюся оставившим их населением. Говоря об этом приходится, однако, помнить, что не совсем определенным. Применительно к археологическим материалам, является само понятие “видовая специализация охоты». Не существует общепринятых критериев, полагаясь на которые разные исследователи определяют грань, отделяющую специализированную охоту от неспециализированной. Но, видимо, не будет ошибкой если исходить из того, что принадлежность 75–80 процентов от всех фаунистических остатков промысловых животных какой-либо стоянки к одному виду является показателем специализированной охоты. Для такого заключения, кроме того, требуется соблюдение еще нескольких условий: данный памятник должен быть базовой стоянкой, а не охотничьим лагерем, раскопками должна быть охвачена если не вся, то основная часть площади стоянки, количественное доминирование костных остатков определенного вида животного должно реально отражать преобладание суммарного объема калорий, доставляемого именно этим видом объекта охоты.

Стоянки Чох, Сатанай и Квачара отвечают указанным выше условиям анализа. Наиболее четко это проявляется в количественных характеристиках, отражающих избирательность охоты. Так около 80% фаунистических остатков пещеры Квачара приходится

на пещерного медведя, 97% костей из навеса Сатанай – на дикую лошадь и 98% костей из культурных слоев Чохского поселения принадлежат к дикому кошу и муфлонообразному барану. Уже простая фиксация этих фактов достаточна для включения остепени и характере взаимосвязи хозяйственной деятельности и природного окружения в конце верхнего палеолита – начале мезолита на Кавказе.

Состояние источников не позволяет получить ответ на вопрос о том, почему и конце верхнего палеолита на Кавказе происходит столь заметный перелом в сторону жесткой специализации охоты. Трудно говорить и о том, насколько этот процесс был здесь повсеместным. Основной состав фауны верхнего палеолита не подвергся к началу мезолита качественному видоизменению. К тому же имеющиеся раннемезолитические материалы Кавказа, не всегда демонстрируют столь четкую картину избирательности охоты, какая отмечается в Чохе, Сатанай и Квачара. И тем не менее, названные памятники вместе с теми, которые составляют с ними соответствующие археологические единства, делают закономерной постановку вопроса о каких-то существенных переменах в эксплуатации природных ресурсов на рубеже верхнего палеолита и мезолита. К этому времени, по крайней мере, в трех регионах Кавказа (Северо-Восток, Северо-Запад, Западное Закавказье), кроме региональной специфики фауны, возникает еще изменение количественного соотношения видов животных в пользу, в одном случае, диких баранов и козлов, во втором – диких лошадей и в третьем – пещерного медведя.

Специалисты, занимающиеся археологией, отмечали характерность близкой к вышеотмеченной ситуации и для некоторых других эпизодов палеолитического прошлого Кавказа. По их заключениям «экологические группировки зверей (горно-луговые, горно-лесные, горно-стенные) на разных хронологических уровнях имеют разный "удельный вес", фиксируя динамичность положения границ высотных поясов и климатической обстановки» (Барышников 1978:15). Так, в ашельских слоях пещеры Кударо I костные остатки пещерного медведя составляют 75–85% всех остатков промысловых видов животных (Любин. Барышников 1982:204), в мустьерских слоях пещеры Джручула – до 98%, пещеры Сакажиа – 80% (Любин. Барышников 1985: 5). Все указанные памятники входят в западно-кавказский округ кавказской горной области средиземноморской фаунистической подобласти. Приведенные цифры, конечно, не характеризуют весь ашель и мустье этого региона. Для мустьерских слоев той же пещеры Кударо 1 отмечается понижение значения пещерного медведя до 30% при значительном преобладании и общем составе фауны благородного оленя и кавказского козла (Любин, Барышников 1982:204). На Северном Кавказе, в пределах предкавказской степной провинции, входящей уже не в средиземноморскую, а европейско-казахстанскую фаунистическую подобласть, также фиксируется избирательный промысел зверей на одном из отрезков мустье. Примером может служить Ильская стоянка, где остатки только одного вила – первобытного бизона занимают 88% от общего состава животных, имевших промысловое значение (Любин, Барышников 1985:5). Таким образом, специализация охоты в форме промысла предпочтительно одного или двух однородных видов животных отмечается на различных отрезках палеолита Кавказа и объясняется факторами биогеографического характера.

К началу мезолита обитатели розных областей Кавказа сталкиваются со специфической для каждой из групп зоогеографической ситуацией. Общим для всех является то, что в это время повсюду происходит заметная перестройка ландшафтов, требующая в каждом случае адекватного приспособления осей стратегии жизнеобеспечения к новым условиям. Последнее должно было реализовываться и в усовершенствовании охотничьего вооружения. Какими же предстают общие направления этой переориентации? На Чохском поселении новые потребности реализуются п том же материале, который является базовым для всего палеолита Кавказа, т. е. в кремне. В Квачара происходит комбинирование кремня с костью для и изготовления вкладышевых наконечников, а в Сатанай возникает новый тип костяного наконечника, не требующего использования вкладышей. При этом в двух последних случаях достоверно, а в отношении Чоха

вероятно, фиксируется момент типологической инновации, происходящей в форме изобретения. Значительность этой инновации определяется тем, что, во-первых, именно эти типы являются одними из главных различителей археологических культур, представляемых Чохом. Сатанай и Квачара и, во-вторых, именно они каждым в своем случае являются или единственным для соответствующего инвентаря орудием пригодным для охоты вообще, или орудием наиболее приспособленным для охоты на тот вид животного, остатки которого составляют на стоянке абсолютное большинство.

Рассмотрим далее типологические характеристики орудий, о которых идет речь, и попытаемся обосновать их функциональное назначение. В слоях Чоха вся категория острий (наконечников стрел) представлена практически одним типом – так называемым, «острием чохского типа». Идеальный экземпляр этих орудий может быть охарактеризован как орудие на пластике или отщепе с утонченным основанием и диагонально усеченным краем. По размерам эти изделия невелики – длина их составляет в среднем 2,5–3 см. Полное или частичное косо-ретушное усечение одного из краев является признаком постоянным. Что касается второго признака – утончения основания, то он варьирует. В соответствии с этой вариацией выделяется четыре разновидности острий чохского типа: а) с утончением основания с брюшка (рис. 1: 2); б) с утончением основания со спинки (рис. 1:3); в) с утончением основания со спинки и с брюшка (рис. 1:4); г) с естественно утонченным основанием (рис. 1:5). Как в количественном выражении, так и по более интенсивному и целенаправленному характеру вторичной обработки, ведущим из них является первый вариант. Большинство описываемых изделий имеют треугольные или подтреугольные очертания (особенно вариант «в»). Полные аналогии остриям чохского типа неизвестны ни на Кавказе, ни на смежных территориях. На этом основании они считаются наиболее выразительным типом, диагностичным для чохской археологической культуры.

В одном из нижних горизонтов чохского поселения встречены единичные экземпляры еще двух разновидностей острий – гравитообразных с боковой выемкой. Их единичность лишь подчеркивает значение основного типа острий и отражает направленность технического поиска на выработку наиболее оптимального для конкретной задачи элемента охотничьего снаряжения. Учитывая отмечавшийся выше состав фауны Чохского поселения, нетрудно прийти к заключению, что этот тип изделий предназначался для охоты на диких баранов и козлов и представлял собой наконечник стрелы. Функциональным подтверждением определения этих острий как наконечников стрел, служит наличие на рабочих концах некоторых этих предметов продольных негативов от тонких «ниточных» отщепков. Как отмечают исследователи, изучавшие этот вопрос, такие негативы часто образуются на наконечниках стрел после использования по назначению. Если это так, то можно отметить попутно, что для Чоха фиксируются случаи возвращения на стоянку вместе с тушами добытых на охоте животных и поразивших этих животных наконечниками стрел.

Обратимся теперь к стоянке Сатанай. То место, которое занимают в Чохе острия чохского типа, в инвентаре данного памятника приходится на крупные двухконечные костяные наконечники. Изготавливались они на расколотых вдоль широких долей трубчатых костей дикой лошади. Исходная заготовка обработана так, чтобы придать наконечнику и в плане, и в профиле симметричные очертания. В результате получались уплощенные обоюдоострые и, чаще всего, линзовидные в сечении наконечники удлиненных очертаний (рис. 1:6). Длина их в среднем: 14–17 см, ширина 2,5 см и толщина – 0,5–0,7 см. Эта форма наконечника специфична для губской археологической культуры.

Если говорить о кремневых остриях навеса Сатанай, то их насчитывается здесь пять разновидностей. Два из них по своим морфологическим характеристикам могут быть отнесены к наконечникам. Это острия на пластинках со сплошной полукрутой ретушной обработкой краев и такие же острия с одним ретушированным краем и уплощающей подправкой вершины с брюшка. Возможно, они являлись наконечниками стрел. Однако размеры изделий (длина в среднем 4 см, ширина – 0,8 см) не позволяют говорить о том, что именно они являлись основным орудием охоты на дикую лошадь, как основной

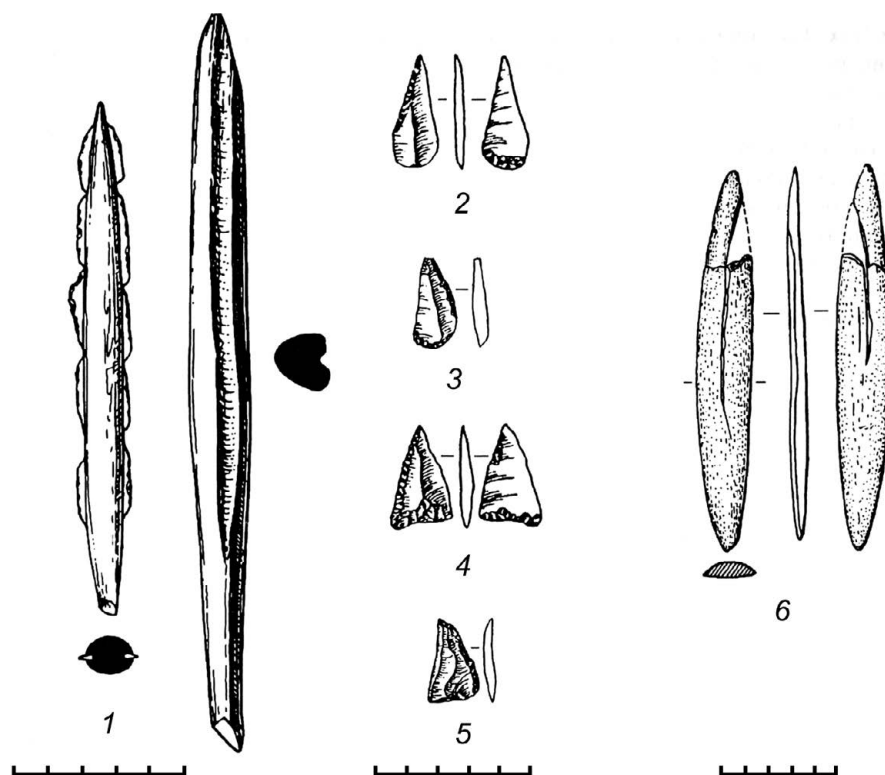

Рис. 1. Культуропределяющие типы наконечников, найденных на раннеголоценовых стоянках Кавказа

1 – пещера Квачара, 2–5 – стоянка Чох, 6 – навес Сатанай

Fig. 1. Culturally diagnostic types of points in early Holocene sites of the Caucasus

1 – Kvachara cave, 2–5 – Chokh site, 6 – Satanay rock shelter

объект промысла. Эти изделия практически не пригодны и для добычи зубра, кости которого также встречаются на стоянке. Для подтверждения высказываемого предположения можно вспомнить, что почти все известные из палеолита и мезолита факты обнаружения костей животных с застрявшими в них обломками охотничьих орудий говорят об использовании для добычи крупных животных удлиненных крупных наконечников и, чаще всего, костяных (Абрамова 1979; Roberts 1936; Haim et al. 1973).

Для стоянки Квачара специфичным является тоже костяной наконечник, но совершенно иного типа, чем в Сатанай. Это удлиненное (длина, в среднем, 20 см) орудия с округлым поперечным сечением (толщина тире до 1,5 сантиметров) и заостренными концами. Хищники симметричные пазовые прорезы для кремневых вкладышей. Пазы начинаются почти непосредственно от вершины наконечника и заканчиваются не достигая основания. (рис. 1:1). Наиболее раннее появление подобных орудий на Кавказе отмечается в финальнопалеолитическом горизонте пещеры Гварджилас-кде. Материалами последний сходства, возможно, имеющий генетическую подоснову, раннемезолитическая культура причерноморья Грузии, представляемая, в частности, пещерой Квачара. Если в богатых коллекциях Гварджилас-кде имеется всего один экземпляр этих орудий, то в Квачара отмечается большая и выразительная серия их, включающая и практически целые экземпляры. Можно согласиться с исследователями, определяющими это изделия как наконечник дротика (Церетели 1973:131). Не меньше оснований для того, чтобы считать его и завершением рогатины.

Что касается кремневых острий, то они представлены здесь примерно теми же разновидностями, что и в навесе Сатанай. Невозможность их использования в качестве наконечника-орудия охоты на пещерного медведя ясна априори. Очевидно, что из всех

имеющихся разновидностей изделий для этой цели могли быть пригодны только описанные выше костяные наконечники. Таким образом, в пределах географически единой горной страны – большого Кавказа фиксируется 3 при более или менее синхронных археологических общности, культурная разновидность которых обусловлена различиями пищевых ресурсов и вызванными этим особенностями хозяйственной стратегии.

Приведённые выше анализ показывает, что вопреки распространённым декларациям о приоритете социального фактора процессе культурогенеза, именно характер природного окружения способствует формированию наиболее выразительных черт специфики локальных археологических образований. Это отчётливо проявляется при рассмотрении даже таких явно неполных свидетельств жизнедеятельности древних людей, какими являются материальные остатки. Отличие между общинами, оставившими различные археологические массивы, разумеется, были более масштабными и не сводились лишь к специфике форм тех или иных орудий. Сами эти орудия, несомненно являлись этнодифференцирующими элементами культуры, позволяют отчасти раскрыть и те стороны древних культур, которые недоступны для непосредственного наблюдения. В данном конкретном случае они свидетельствуют, например, о принципиальных различиях в способах и приемах охоты, а следовательно, и о различиях такой основополагающей сфере, как культура жизнеобеспечения.

Другой аспект проблемы, который можно рассматривать уже на интерпретационном уровне, состоит в оценке различных стратегий жизнеобеспечения с точки зрения их воздействия на динамику социального развития. В обществах охотников с луком и стрелой и индивидуальной формой охоты и обществах охотников с копьем и преимущественно коллективной формы охоты, по-разному реализуются общественные регламентации, например, сфере дележа добычи. Неодинаково протекает у них формирование ценностей социального престижа и становление семьи. Впрочем, это большой специальный вопрос, лишь строгих рамках археологического анализа.

Из приведённого выше следует также и то, что культурная адаптация в условиях гор отнюдь не носит ведущего к однообразию универсального характера. Она более вариативна, чем на обширных равнинах. Возможно, этим объясняется большая мозаичность культур, столь характерная для горных стран. Истоки мозаичности уходят, по-видимому, в древность каменного века.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова, З. А. 1979. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск.
- Амирханов, Х. А. 1986. Верхний палеолит Прикубанья. Москва.
- Амирханов, Х. А. 1987. Чохское поселение. Москва.
- Барышников, Г. Ф. 1978. Млекопитающие Кавказа в эпоху раннего палеолита // Плейстоценовые млекопитающие Северной Евразии: 3–20. Ленинград.
- Гвоздовер, М. Д. 1974. Специализация охоты и характер кремневого инвентаря верхнего палеолита // Первообытный человек и природная среда: 48–52. Москва.
- Котович, В. Г. 1964. Каменный век Дагестана. Махачкала.
- Любин, В. П., Г. Ф. Барышников. 1982. Охотничья деятельность древнейших (ашель, мустье) обитателей Кавказа // 11 конгресс ИНКВА. Тезисы докладов. Т. 3. 204, Москва.
- Любин, В. П., Барышников, Г. Ф. 1985. К охотничьей деятельности древнейших (ашело-мустьерских) обитателей Кавказа // Краткие сообщения института археологии АН СССР 181: 5–9.
- Церетели, Л. Д. 1973. Мезолитическая культура причерноморья Кавказа, Тбилиси.
- Hallam, J. S., B. J. N. Edwards, B. Barnes, A. J. Stuart. 1973. The Remains of a Late Glacial Elk associated with Barbed Points from High Fultong, near Blackpool, Lancashire // Proceedings of the Prehistoric Society. Vol. 39: 100–128. Cambridge.
- Roberts, F. H. H. 1936. Additional Information on the Folsom Complex: Report of the Second Season's Investigations at the Lindenmeier Site in Northern Colorado // Smithsonian Mus. Coll. Washington.

Adaptation and cultural evolution: the case of early Holocene sites in the Caucasus

Abstract

The analysis of cultural adaptations which, in the present author's view, include purposeful functional and morphological adjustment of the tool kit to the food-extracting strategies, presents a highly complex task. Its complexity is due to both subjective (the approach taken by the researcher) and objective reasons. The primary one among the latter is the fact that most palaeolithic and mesolithic sites display considerable variation both in terms of animal species represented and in the tool kit which can be related to hunting. In this situation, it is almost impossible to associate specific tool types with specific animals hunted. Yet the claim that "hunting specialization in the Upper Palaeolithic is not reflected by the tool kits" (Gvozdover 1974: 48–52) is an apparent overstatement.

A situation which is optimal in this respect arises when virtually all animal remains found on the site represent one single species, while all tools which may be regarded as hunting weapons belong to one or two types. This is precisely the situation with three synchronous early Holocene sites in the Caucasus which are diagnostic for three different archaeological cultures: Chokh, Satanay, and Kvachara.

Chokh site is situated on a plateau-like eminence in Central Daghestan. The site is of an open type and contains three cultural strata, the upper one dating from the early Neolithic, and the two lower ones, to the Mesolithic. The site is eponymous for the Chokh archaeological culture. The finds are abundant, over 40 thousand flint tools being discovered only in the mesolithic layers. As the animal remains suggest, hunting was highly specialized: 98% of bones are those of wild goats and mountain rams. Hunting tools are represented by peculiar arrowheads of the "Chokh type" (Fig. 1–2,3,4,5). Points of this type are known only from sites of the Chokh Culture.

Satanay site is situated in the piedmont zone of northwestern Caucasus. The site is of an open type. There is only one cultural layer dating back to the Upper Palaeolithic – Mesolithic boundary and representing Gubskaya Culture. Over 15 thousand flint and bone tools were found. Animal remains are also demonstrative of specialized hunting, but the object was different: wild horse (97% of the total number of bones). Instead of Chokh type points, the predominant type in Satanay is a large double-edged bone point, lense-shaped in section (Fig. 1–6). It is characteristic of Gubskaya Culture. Projectiles supplied with such points were evidently the weapon used in hunting horses.

Kvachara site, unlike the two above sites, is situated in Transcaucasia (Abkhazia) and is a cave site. There are three cultural strata, the lower one dating from the late Upper Palaeolithic, and the two upper ones being mesolithic. The upper stratum is the best studied one (1,443 artifacts). Kvachara is the key site of the Western Caucasian Pontic Culture. About 80% of the faunistic remains are represented by bones of the cave bear, which was the principal object of hunting. The main tool, like in Satanay, was the bone point, but of an entirely different type. Points found in Kvachara are elongated, roundish in section, and have two symmetric longitudinal slots for flint inserts (Fig. 1–1). These points were attached to projectiles and spears, which were used in bear hunting.

The paleoenvironment of the three sites was different. Chokh was surrounded by middle-mountain steppe, Satanay was situated on the border between the steppe and the broad-leaved forest of the piedmont, whereas Kvachara was in the sparse low-mountain forest zone. The fauna of the three regions, too, was different. As the analysis presented above has demonstrated, environment was the principal factor responsible for the specifics of local archaeological cultures. In this case, tools, being the indicators of ethnicity, demonstrate that entirely different hunting techniques were used, implying that fundamental food-extracting strategies were different as well.

So the cultural adaptation in the highlands was far from being universal and did not result in cultural uniformity. It was more variable here than it was in the plains. This may provide an explanation for the cultural mosaicism which is so characteristic of the mountainous areas. The sources of this diversity may go back as far as the Stone Age.

НАЧАЛО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ДАГЕСТАНЕ¹

Переход от охоты, собирательства и, местами, рыболовства к земледелию и скотоводству, ускоривший темпы технического прогресса, приведший к существенным демографическим сдвигам и решающим образом изменивший этнические и социальные отношения, получил название неолитической революции. С исключительной яркостью она проявляется в археологических памятниках Ближнего Востока – классическом районе становления земледелия и скотоводства². На Кавказе же время перехода к прогрессивным формам хозяйства, пути и факторы этого процесса, характер его развертывания и проявление в различных географических зонах окончательно не выяснены. Северокавказский палеолитический отряд Института археологии АН СССР в течение двух полевых сезонов (1980–1981 гг.) получил материалы, значительно приблизившие к решению этих вопросов. Самое интересное то, что новые данные извлечены из памятника, открытого почти 30 лет назад. Речь идет о Чохском поселении.

Чохское поселение исследовалось дагестанским археологом В. Г. Котовичем в 1955–1957 гг. Оно расположено на Турчидагском плато, примерно в 3 км к северу от селения Чох Гунибского района Дагестанской АССР. Плато занимает значительную часть междуречья Казикумухского койсу, Кара-койсу и правого притока последней – Цанти-чай. Его протяженность с северо-запада на юго-восток 20 км, с юго-запада на северо-восток 10 км. Максимальная высота плато на вершине горы Турчидаг – 2400 м; минимальные высотные отметки составляют 1600 м. Само поселение находится на абсолютной высоте 1700–1800 м и является одним из самых высокогорных мезолитических и неолитических памятников Кавказа.

В результате планомерных раскопок В. Г. Котович выделил на памятнике шесть культурных слоев. Четыре нижних слоя он датировал 35–9 тыс. лет до н. э. (верхний палеолит), а два остальных – 8–7 тыс. лет до н. э. (мезолит). Возобновленные нами раскопки привели к пересмотру геологической и археологической стратиграфии. Два верхних горизонта оказались, в частности, единым слоем, относящимся к неолиту (6 тыс. лет до н. э.). Именно из этого слоя (слоя С) и получены материалы, способствующие решению проблемы неолитической революции в горном Дагестане.

В 1980–1982 гг. на Чохском поселении было раскопано 110 м² территории с искусственным каменным жилищем, одним из самых ранних на Кавказе. Его остатки были погребены в наносах земли, в которых к тому же сохранились и орудия, утварь, а также отходы хозяйственной деятельности обитателей поселения: фрагменты глиняной посуды, каменные орудия, костяные изделия, костные остатки животных и обуглившиеся зерна злаков.

ЖИЛИЩЕ

К настоящему времени жилище раскопано почти полностью. Оно занимает примерно 60 м² и представляет собой каменное сооружение в виде неправильного полукруга, края которого упираются в скалу известнякового борта каньона, образованного речкой Бакдакули, и имеет коридор, служивший входом. Дугообразная стена, ограничивающая площадь жилища, сохранилась по всему контуру. Она сложена из необработанных глыб известняка преимущественно средней величины, плотно пригнанных друг к другу без скрепляющего раствора. На большей части стены сохранился только нижний ряд камней. Однако есть и участок стены высотой около 1 м, состоящий из трех рядов кладки по вертикали.

Коридорообразный вход в жилое помещение образован двумя рядами стоящих вертикально известняковых плит высотой около 1 м. Расстояние между плитами также

¹ Амирханов Х. А. Начало земледелия в Дагестане // Природа. № 2. М. С. 52–57.

² Мерперт Н. Я. Древнейшее земледелие на Ближнем Востоке. – Природа, 1981, № 11.

Земледельческие террасы в окрестностях селения Чох

Остатки жилища Чохского поселения

около 1 м. Одна из образованных этими плитами стен (внешняя) упирается с тыльной стороны в скалу, а другая (внутренняя) пристроена к основной стене жилища. Таким образом, вход направлен не в центр помещения, а к одному из его краев.

Примерно на середине жилища находился углубленный под уровень пола круглый очаг простейшего типа. На других участках обнаружены два кострища, обложенные по окружности небольшими камнями.

Трудно представить себе, какова была кровля и первоначальная высота стен, хотя последняя вряд ли значительно превышала в среднем 1 м. Выше она могла надстраиваться, вероятно, из более легкого материала – дерева или глины. Кровля предположительно была плоской, наклонной к внешней стороне жилища с опорой на скалу и наружную стену.

Все описанные признаки сооружения – глубоко архаичны. Каждая деталь строительной техники необыкновенно проста. Это не удивительно, так как поселение датируется временем, когда человек только что покинул пещеры и гроты, служащие ему до этого жилищем, и делал первые попытки создать искусственную среду обитания.

На раскопанной территории поселения находилось, по-видимому, всего два отдельных жилых сооружения (об одном из них говорилось выше; другое восстанавливается по отчетам В. Г. Котвича 1955–1957 гг.).

Общая площадь поселения вряд ли значительно превышала площадь обоих жилищ с межжилищным пространством и небольшими участками вокруг них. Это неизвестный ранее на Кавказе тип небольшого горского неолитического поселения, возникшего в момент перехода к земледелию и скотоводству.

ПРЕДМЕТЫ БЫТА, ОРУДИЯ ТРУДА

Основным материалом для изготовления орудий труда обитателям Чохского поселения служил камень. Из него делали скребки, резцы, проколки, ножи и др., т. е. те же предметы, что и на ранних этапах каменного века. Но вместе с тем в технике изготовления орудий, составе инвентаря и подборе исходного сырья появляются и существенные нововведения. Так, используя технику обработки кремня для получения отщепов и крупных пластин, население неолитического времени вырабатывало большое количество мелких кремневых пластинок. Как показало бинокулярное исследование сработанности этих пластинок, проведенное Г. Ф. Коробковой, их использовали в качестве вкладышей в составные жатвенные ножи, или примитивные серпы.

Принципиально новой категорией вещей для неолитического слоя Чохского поселения и для столь раннего этапа неолита Кавказа вообще являются зернотерки.

На раскопках 1980–1982 гг. было найдено три крупных обломка зернотерок. Материал для этих орудий подбирался со знанием свойств, необходимых для наиболее эффективного их использования. Исходным сырьем чаще всего служил плотный известняк с густо-мелкоячеистой поверхностью, но использовался и плоский продолговатый известняковый речной валун. Обычно поверхность его хорошо окатанная и гладкая. Человек же, приспособивший валун под зернотерку, должен был предварительно обработать рабочую поверхность его сплошной точечной насечкой. Этот прием способствовал быстрой и лучшему размалыванию зерна; вплоть до современности этим приемом пользовались для обработки каменных жерновов механических мельниц.

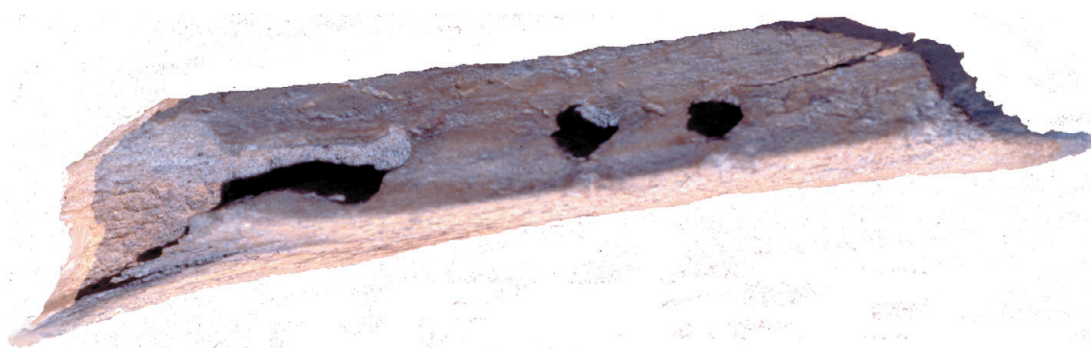
Остальной инвентарь неолитического слоя схож с инвентарем мезолитических слоев: наконечники стрел, мелкие изделия геометрических форм (треугольники, трапеции), архаичного облика нуклеусы, или ядрища, – с которых скалывали заготовки для орудий, что свидетельствует о культурной преемственности эпох.

Однако неолитический слой отличается качественно новым явлением – керамикой. На поселении ее много, но она по преимуществу фрагментарна. Ныне удалось восстановить две формы сосудов. Один из них котлообразной формы, другой изготовлен в виде чаши. Чохская керамика в основном темно-серой окраски, обожжена неравномерно и содержит

*Зернотерка (внизу)
и терочник (вверху)*

Костяная основа с пазом для кремневых вкладышей (1) и заготовка вкладышевой основы серпа из ребра овцы (2)

Обломок костяной флейты

Глиняная чаша

в тесте примеси мелкой дресвы. Сосуды с плоским дном, как правило, расширенным туловом (у относительно крупных сосудов) и невыраженным венчиком. Орнамент сохранился только на одном фрагменте: это пара небольших шишковидных налепов.

Чохской керамике трудно найти прямые аналоги, так как на ранненеолитических поселениях в других районах Кавказа или вовсе нет керамики, или она представлена малоинформативными осколками. Формы чохских сосудов тем не менее напоминают керамику более поздних земледельческих памятников Закавказья.

В неолитическом слое Чохского поселения найдены также и изделия из кости: ножи, проколки и др. Наиболее интересны среди них обломок основы жатвенного ножа, незаконченный жатвенный нож и костяная свирель. Основа ножа – уплощенная, прямая, вдоль одного из краев которой вырезан глубокий паз для закрепления кремневых пластинок-вкладышей, образовавших сплошную режущую кромку. Для ножа, изготовление которого осталось незаконченным, было взято цельное ребро животного. Мастер предполагал срезать один из краев ребра до губчатой костной массы и затем – для образования паза для вкладышей – удалить саму губчатую массу. Ручкой орудия должна была служить довольно удобная для захвата начальная часть ребра.

Не менее интересной находкой является свирель из трубчатой кости овцы. Сначала поверхность кости с одной стороны была уплощена шлифовкой, а затем на ней через равные промежутки были пробиты отверстия. Передняя часть свирели обломана и утрачена. Но и в таком виде она уникальна. Подобные предметы не встречались ранее не только в неолитических, но и в более поздних археологических памятниках Кавказа. Она свидетельствует об определенном развитии духовной культуры и элементах художественного творчества обитателей поселения. Кость – материал трудоемкий, поэтому можно предположить, что такие же инструменты изготавливали из более податливого материала: трубчатых стволов кустарников или глины.

ЗНАЧЕНИЕ ЧОХСКИХ НАХОДОК

Материалы Чохского поселения дают достаточно веские основания для предположения о том, что в неолите горного Дагестана совершился переход к производящему хозяйству. Одной из его ведущих форм было земледелие. Свидетельством этого является наличие на поселении остатков злаков: контрольные промывки культурного слоя, произведенные палеоботаником Г. Н. Лисицыной и автором, дали несколько десятков обуглившихся зерен злаков и сорняков. Г. Н. Лисицына установила, что часть этих зерен принадлежит нескольким разновидностям окультуренных пшеницы и ячменя. Это дает возможность понять, как проходил прежде неизвестный для Кавказа ранний этап становления земледелия. Проясняется и его географическая зона. Этот процесс завершился в первой половине неолита; спорово-пыльцевой анализ уточняет эту дату – до первой половины VI тысячелетия до н. э. Наличие благоприятного естественного фона (здесь произрастали дикорастущие предки культурных злаков), оптимальные климатические условия начала и первой половины VI тысячелетия до н. э. (большая влажность по сравнению с современностью) явились благоприятными факторами, способствовавшими переходу к земледелию. Люди этого региона занимались интенсивным собирательством растительных природных продуктов еще в верхнем палеолите и мезолите. Это позволило каждому новому поколению постоянно закреплять знания о свойствах и вегетации растений, что, по-видимому, и привело к отбору пшеницы и ячменя – культур продуктивных, относительно неприхотливых, не требующих особой консервации, высококалорийных и годных к употреблению в любом виде. Поскольку эти злаки произрастали и без вмешательства человека, то на начальных этапах их ввод в культуру вряд ли требовал особенно сложных знаний агротехники и специализированного набора сельскохозяйственных орудий. Для этого периода, по-видимому, было достаточно владеть приемами расчистки намеченной под посевы площади от камней и кустарников и разрыхления почвы. Но эти, хотя и простейшие, действия повлекли за собой перемещение покровных отложений с более крутых участков на менее крутые и при продолжительном использовании одного и того же участка способствовали его относительному выравниванию. Таким образом, здесь образовывались земледельческие террасы. По мере развития земледелия масштабы террасообразования менялись. Человек стал целенаправленно влиять на этот процесс, благодаря чему к началу исторического времени Дагестан стал крупнейшим центром интенсивного террасного земледелия.

Как упоминалось выше, между неолитом и мезолитом горного Дагестана существовали культурные связи, развивающие и обогащающие традиции. Это свидетельствует о местных корнях производящего хозяйства Дагестана, что позволяет по-новому подойти к вопросу о роли Северного (в данном случае Северо-Восточного) Кавказа в процессе становления и распространения хозяйства нового типа на Кавказе. По существующим донные представлениям, Северный Кавказ – периферия закавказского центра производящего хозяйства. Считается, что земледелие и скотоводство возникли здесь примерно в V тысячелетии до н. э. и, во всяком случае, не раньше, чем в Закавказье. Материалы Чоха заставляют пересмотреть эти выводы. В настоящее время на Кавказе нет других памятников, которые датировались бы тем же временем, что и слой С в Чохе, и содержали бы при этом аналогичные признаки раннеземледельческого поселения, генетически связанного с местным мезолитом. Отсюда следует, что вопрос о том, как складывалось производящее хозяйство на Кавказе, должен быть переведен в иную плоскость, предполагающую не противопоставление Закавказья Северному Кавказу, а рассмотрение всего этого региона в целом с дифференциацией его в широком плане на горные и равнинные области, а в узком плане – на более ограниченные природно-ландшафтные зоны.

Выше уже говорилось о специфике становления земледелия в горах, выразившегося, в частности, в интенсивном террасообразовании. Этот процесс имел, однако, и другие особенности. Развитие экономики производящего типа в горных условиях заметно

отличается от классического равнинного пути развертывания этого процесса. На Ближнем Востоке, например, горные районы дали лишь толчок развитию земледелия, но затем этот процесс «спустился» в плодородные долины рек, где были практически неисчерпаемые для того периода земельные ресурсы и возможности искусственного орошения. Закономерным результатом такого расцвета земледелия было возникновение первых цивилизаций. Путь горного Кавказа и, в частности, Дагестана, был иным. Непродуктивность и ограниченность пригодных для возделывания земель, низкая и не всегда обеспеченная урожайность, связанная с отсутствием орошения, – все это лишало новое производящее хозяйство масштабности и всестороннего развития. Поэтому неолитическая революция – это, повторим, период от окультуривания растений и одомашнивания животных до возникновения первых цивилизаций – носила в горных районах специфически-затяжной характер. А система террасного земледелия, являющаяся максимально целесообразной формой адаптации аграрного хозяйства к условиям гор, была примерно одинаковой для всех горных очагов первоначального земледелия как на Кавказе, так и в Южной Азии и Центральной Америке.

Параллельно со становлением этой своеобразной системы развивались и новые общественные отношения. Исследователь террасного земледелия дагестанский этнограф М. А. Агларов справедливо утверждает, что борьба за создание возделываемых площадей в условиях гор индивидуализирует труд. Антропогенное воздействие выражается тут не только в изменении рельефа склонов, но нередко в целенаправленных мерах, рассчитанных на формирование самой почвы. Поле зачастую само являлось конечным продуктом труда. Это вело к постепенному дифференцированию собственности и, в конечном счете, становлению частной собственности малых семей на обрабатываемые ими террасные земли.

Для речных долин Закавказья был характерен тот же путь развития земледелия, что и на Ближнем Востоке. В V тысячелетии до н.э. здесь существовали уже крупные земледельческие поселки, характерные не столько для местной культуры, сколько для равнинных районов вообще, где широко раскрываются возможности и преимущества победившей хозяйственной системы. Но по сравнению с Ближним Востоком качественное выражение реализации этих возможностей в равнинном Закавказье несколько задержалось.

В заключение обратим внимание на то, что роль Кавказа в становлении производящего хозяйства на территории Юга СССР иногда считается незначительной. Признавая большое значение территории Кавказа в процессе первоначального заселения нашей страны в эпоху древнекаменного века и в эпоху освоения металла, считают, что в период мезолита и неолита значение кавказских культур в истории Юга СССР могло быть меньшим, чем в предшествующее и последующее время³. Однако приведенная оценка основана на недостатке имеющихся данных по неолиту Кавказа и вряд ли соответствует действительности. Об этом свидетельствует сделанный здесь краткий обзор новых исследований Чохского поселения.

³ Формозов А. А. К истории древнейшего скотоводства на юге СССР // Труды московского общества испытателей природы. Т. 68. М., 1972.

PALAEOLITHIC CAUCASUS: PALEOANTHROPOLOGICAL PANORAMA¹

Abstract. The article gives an analytical overview of paleoanthropological finds from Palaeolithic Caucasus. Archaeological studies show that in the Early Pleistocene, the region was extensively inhabited. The path of the first settlers ran along the Western Caspian and possibly the Eastern Black Sea regions. This way was probably a transit on the one hand, and, on the other hand, a natural refuge where natural resources allowed people to exist for a relatively long time. Further evolutionary process, according to the paleoanthropological remains, was associated with Western Asia, as well as with Western Europe. However, the emergence of *Homo sapiens* in the Caucasus was most likely due to the migration of sapiens forms from the African continent around 100 thousand years ago.

Keywords: Caucasus, Palaeolithic, Paleoanthropology, Evolution, Genus *Homo*.

1. INTRODUCTION

The Caucasus is one of the richest regions of the world in respect to the monuments of the Palaeolithic Era. This can be explained by its geographical position on the border between West Asia and South-Eastern Europe, the diversity of the natural environment, the richness of its mineral, animal, plant and water resources. Greater Caucasus mountain range is the basis of the territory. Greater Caucasus range extends diagonally in the direction of NW – SE from the Black Sea to the Caspian Sea. Its length is about 1100 km; the maximum width is approximately 180 km. The highest peaks of the Caucasus exceed 5000 m. To the south of this mighty mountain range, Transcaucasian depression and Transcaucasian Highland are located. To the north of it, piedmont plains extend, turning into the steppe zone of South-East Europe.

On the territory in question, the monuments of all sections of the Early Stone Age are represented: Oldowan, Acheulian, the Middle and Upper Palaeolithic (Fig. 1). It is extremely important that each of these sections of Palaeolithic of the Caucasus is characterized by the presence of paleoanthropological finds. Regions of this kind are known to be unique on the Palaeolithic world map. Thus, a through comparative review of paleoanthropological materials of different age originating from a single, geographically independent region is of special importance for understanding of global and regional history of the genus *Homo*.

2. MAIN STADIAL AND CULTURAL-CHRONOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PALAEOLITHIC CAUCASUS

The most ancient archaeological finds in the Caucasus are located in the five layers of the lower part of the Muhkai 2 site in Central Dagestan, at a depth of 53–73 m from the surface. The age of the discovered archaeological material corresponds to the chronological range of 2.4–1.95 Ma. This is confirmed by a combination of paleontological and paleomagnetic data related to the section (Amirkhanov et al., 2014, 2016; Chepalyga et al., 2012; Derevyanko et al., 2012). The argument for the establishment of the upper age limit was the discovery of bone remnants of voles of the genus *Mimomys* in layer 80 of Muhkai 2 site, which, in turn, lies in a sequence of sediments below Olduvai paleomagnetic episode. The lower bound of dating is based on the results of paleomagnetic studies, which show that it does not go deeper than the border of Gauss-Matuyama epochs.

The materials in question characterize one of the paths of the initial settlement of Eurasia by man. This path ran along the western coast of the Caspian Sea. The beginning of progressive cultural development and the regional historical process on a large part of the Eastern European Plains was, in general, associated with the penetration of the first human communities through the Caspian corridor. The West Caspian path of the initial settlement was both a

¹ Sergey Vasilyev, Hizri Amirkhanov. Palaeolithic Caucasus: Paleoanthropological Panorama // Quaternary International 465 (2018) 105–116.

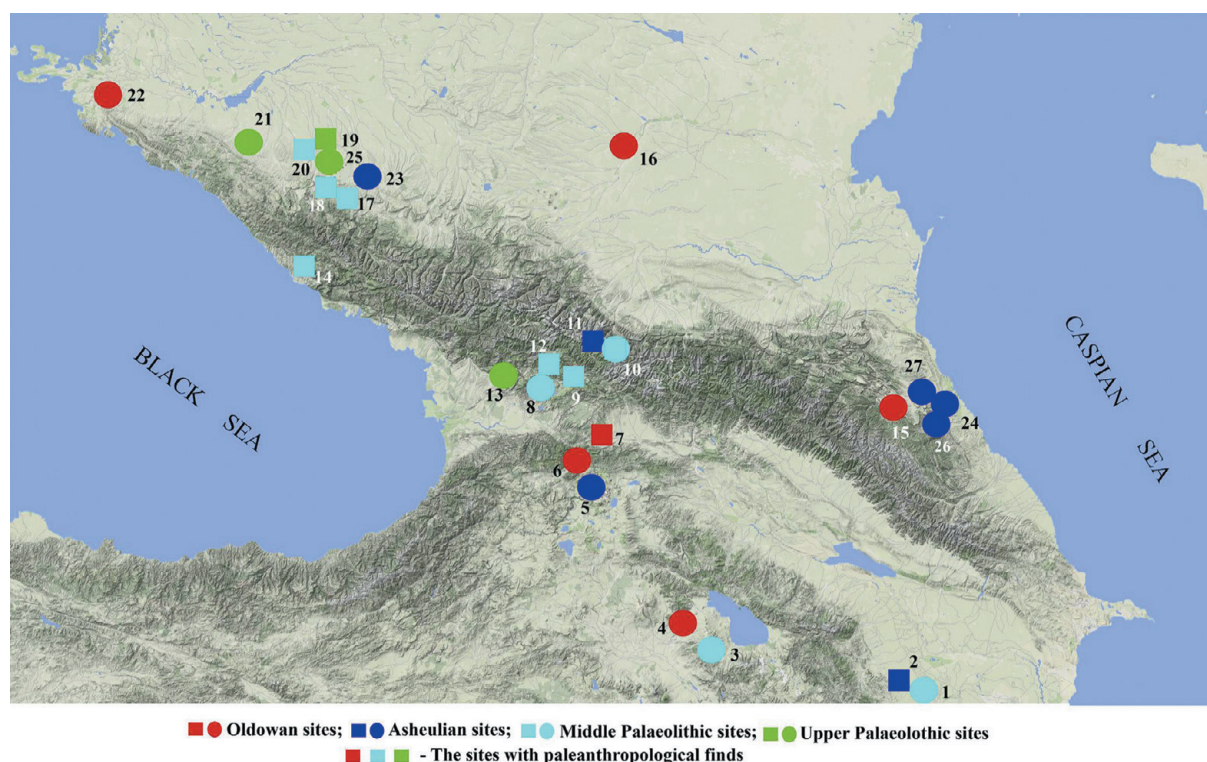

Fig. 1. The main sites of the Palaeolithic of Caucasus

1 – Azykh; 2 – Taglar; 3 – Yerevan cave; 4 – Nurnus; 5 – Muradovo; 6 – Lori group of sites (Dashtadem, Kurtan, etc.); 7 – Dmanisi; 8 – Ortvala; 9 – Dzhruchula; 10 – Kudaro 3; 11 – Kudaro 1; 12 – Sakazhia; 13 – the group of the Upper Palaeolithic sites of Imereti (Georgia) (Dzudzuana; Samertskhleklde, Sakazhia etc.); 14 – Akhchtyr; 15 – the group of the Oldowan sites of Central Dagestan (Ainikab 1; Muhkai 1, Muhkai 2 etc.); 16 – Zhukovskiy career; 17 – Matuzka; 18 – Mezmaiskaya; 19 – Satanai Rockshelter; 20 – Barakaevskaya; 21 – Kamennomostskaya; 22 – the group of the Oldowan sites in the South of Azov Sea region (Bogatyri; Rodniki; Kermek); 23 – Treugolnaya cave; 24 – Darvagchai 1; 25 – Gubskiy 1 Rockshelter; 26 – Dyubekchai; 27 – Chumus Inits; 28 – Bondi Cave

transit direction when moving towards Eastern Europe and Northwestern Asia, and a natural refuge providing people with necessary resources for a very long time in case of need. North-East Caucasus and, in particular, Inner Dagestan, became a cultural reservoir of Oldowan epoch, where the ancient culture found the necessary conditions for a very long existence in its traditional form.

2.1. Oldowan of the Caucasus

It follows from the above-noted that the initial epoch of Palaeolithic – Oldowan is fully represented in the Caucasus. The geography of its sites is very extensive. It includes the modern territory of Armenia (Nurnus paleolake site, Kurtan, etc.), Georgia (Dmanisi site) in the South Caucasus, as well as the southern regions of Russia in the North Caucasus: Dagestan (Ainikab 1, Muhkai 1, Muhkai 2 sites), Stavropol Upland (Zhukovskiy career) and South East Azov Sea coastal region – Priazovie (Bogatyri, Rodniki, Kermek sites).

Oldowan of the Caucasus has a technocomplex (Fig. 2), which fundamentally distinguishes it from the subsequent Acheulean epoch relics. The main technical and typological indicators of Oldowan of the Caucasus generally coincide with those in the industry of classic East African Oldowan. The lower bound of the time-frame of the epoch under discussion dates back to before 2 million years ago; the top bound is approximately 0.8 million years ago.

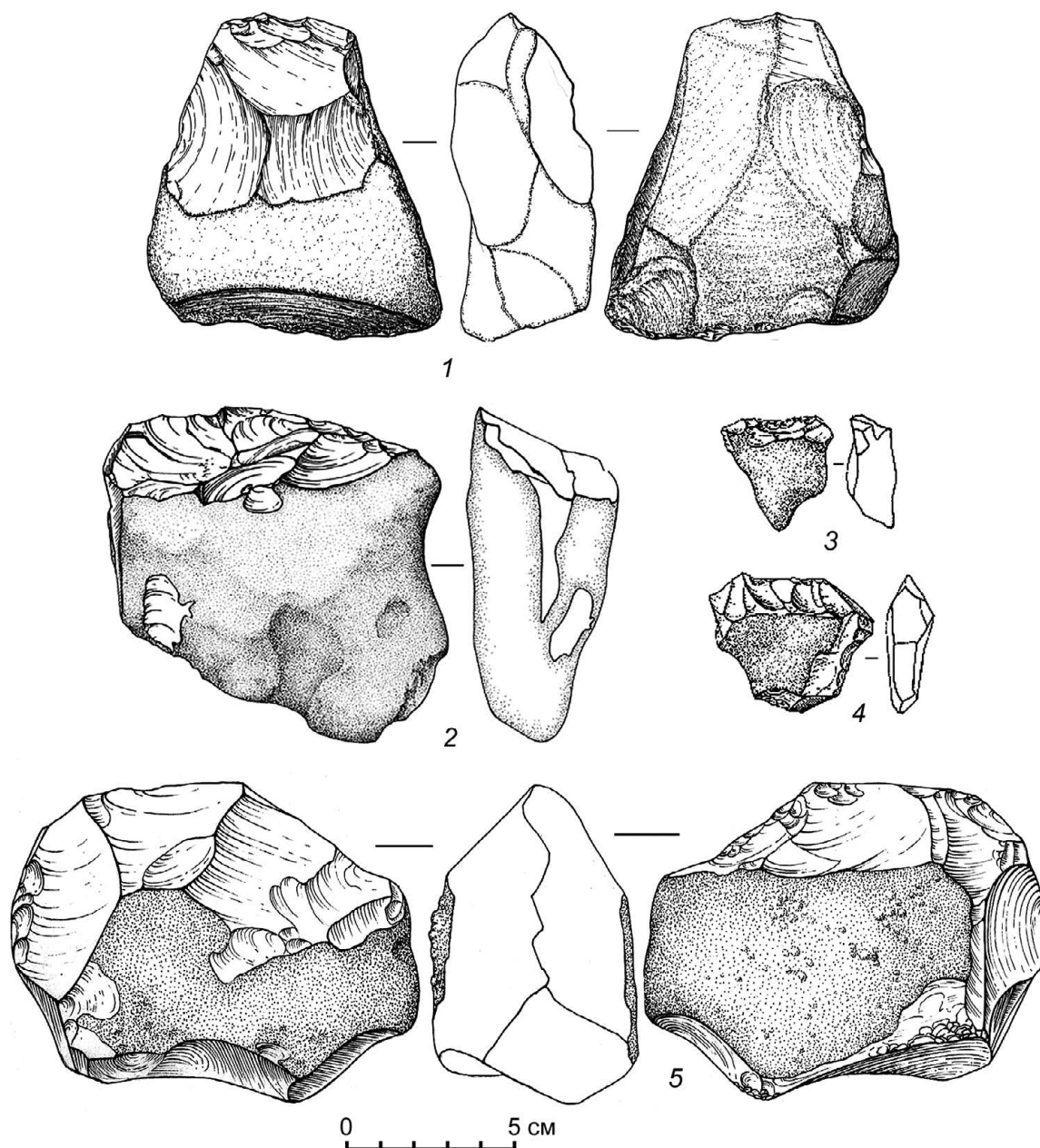

Fig. 2. The Samples of stone tools from the North Caucasian sites of Oldowan epoch: Zhukovskiy career (1), Muhkai 2a (2), Muhkai 1 (2–4) and Ainicab 1 (5)
1–2, 5 – choppers; 3–4 – scrapers on small flakes

Within the epoch the evolution of stone inventory is observed. The main indicator of the evolution is the beginning of use of large flakes for making chopping and crushing tools (pikes, choppers) along with the usual blanks (cobbles, nodules, fragments) at the end of the Early Pleistocene, as well as the appearance about 1 million years ago of bifacial processing elements and its derivatives – sporadic proto-bifaces.

2.2. Acheulian

On the territory of the Caucasus, several dozen Acheulian monuments were discovered and investigated. Among them there are multilayer cave sites, stratified open air sites, locations with deposits of archaeological material on present-day surface and points with single

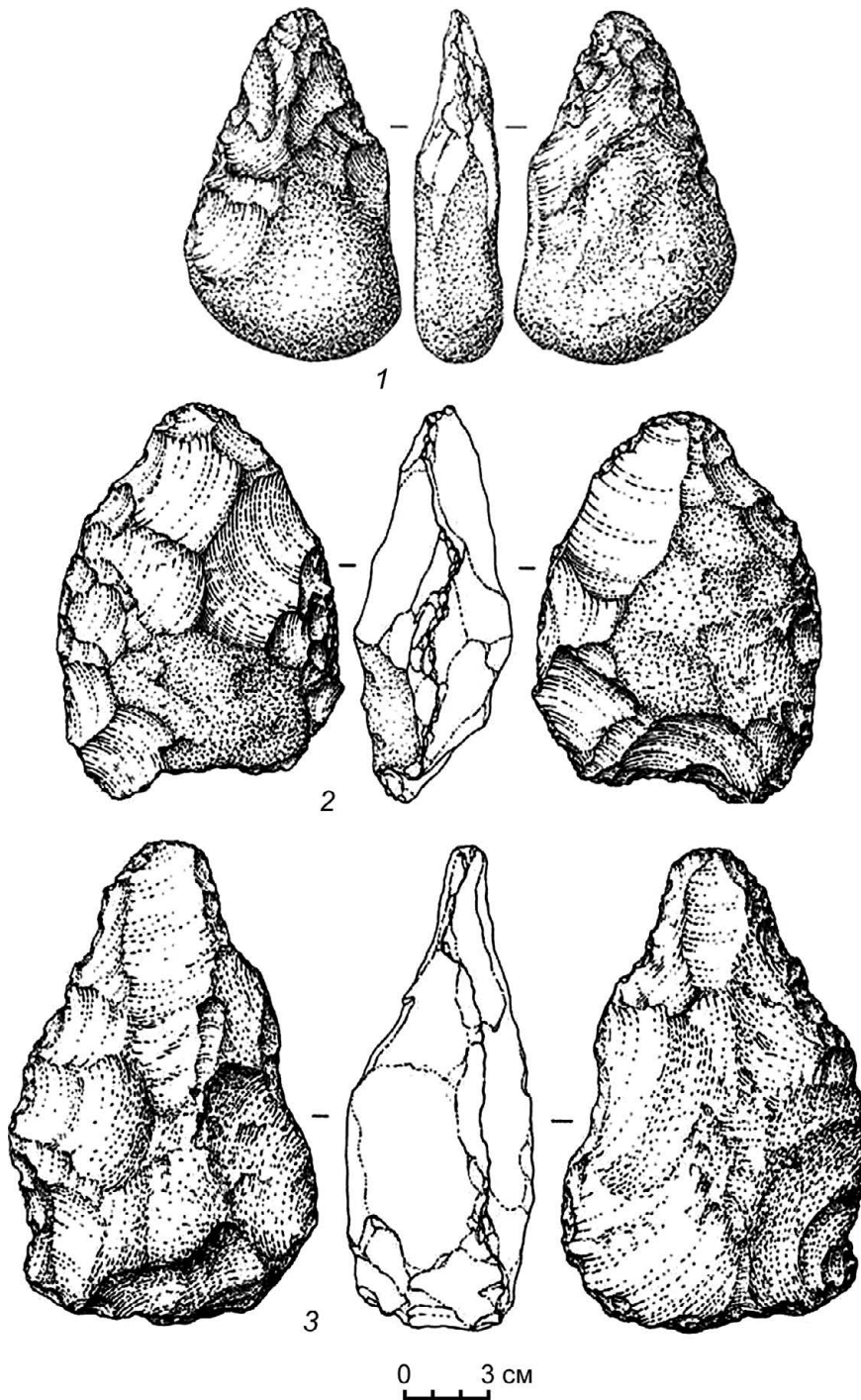

Fig. 3. *The Handaxes from the Acheulian sites of the Caucasus*
 1 – Darvagchai 1, 2 – Dyubekchai, 3 – Chumus Inits

finds. The monuments belong to very different geomorphological levels – from the piedmont plains to the highlands area.

The emergence of industries with bifaces (Fig. 3) has always been the archaeological criterion for determining the Acheulian. In regards to the moment from which the beginning of the Acheulian epoch should be dated in the Caucasus, currently, there are two points of view. According to the first one, this milestone should be attributed to the border of the Pliocene-Pleistocene (Presnyakov et al., 2012). As proof, the presence of expressive

biface in one of the layers of Karahach site (Armenia) with U-Pb dating of about 1.9 million years ago is indicated (Belyaeva and Lyubin, 2014). Some researchers have expressed objections concerning this date. Firstly, it is noted that this date should be treated with caution, since the «time of crystallization of zircon» in the sample studied for dating, happened «in a cell inside the volcano» (Lavrushin et al., 2015, p. 49), and therefore, the use of the analysis results for dating of the corresponding site layer is not correct. For our part, the question arises, which other sites of Early Pleistocene were dated using this method and whether the method passed the necessary procedure of international laboratory certification? Such a question naturally arises, as we talk about using the method to address critical issues in Palaeolithic archaeology.

We adhere to a different point of view on the process of becoming an Acheulian in the Caucasus (Amirkhanov, 2016). Facts show that, bifacial technique gains a foothold in the Caucasus at the stage of the Early Baku transgression of the Caspian

Sea that is about 800–600 thousand years ago. This is determined by the finds of expressive bifaces in sediments of well-dated marine terrace of the above-mentioned age (Darvagchai 1 site in Dagestan). In addition, it can be noted that Acheulian technocomplex was not found in none of the three Central Dagestan sites (Ainikab 1 Muhkai 1; Muhkai 2), which numerous cultural layers cover a time range about of 2.4 million years ago to 0.8 million years ago. The advent of technological elements inherent in the Early Acheulian and announcing its onset, is marked in the uppermost sections of these sites.

2.3. Middle Palaeolithic

The question of the beginning of the Middle Palaeolithic in Caucasus is currently far from any solid solution. According to available data, the replacement of the Acheulian technocomplex with the Middle Palaeolithic one on this territory occurred within the oxygen-isotope stage 5 (MIS5). Some researchers attribute this event to c. 130 thousand years ago, they relay on the date for layer 7 of the Matuzka cave in the Western Caucasus, that was obtained through paleomagnetic studies (Golovanova et al., 2006a).

The largest number of Stone Age sites studied in the Caucasus dates from the middle Palaeolithic. If we take into account not only the stratified sites, but also the locations with the occurrence of materials on a modern surface, the total number amounts to hundreds. Geographically, they are distributed in almost all areas of the North and South Caucasus.

The range of regional differences of the Middle Palaeolithic of the Caucasus is very wide; the directions of cultural ties of the two most distant regions of the Caucasus: the South (in Armenian Highlands and Lesser Caucasus) and the North (North-Western Caucasus), differ fundamentally. Though the materials from the southern margin of the Caucasus (Taglar Cave, Yerevan cave, Fig. 4) demonstrate the typological and technological closeness of their industries to the Middle Palaeolithic of Western Asia, the sites of the North-West Caucasus synchronous to them (Barakayevskaya cave, Gubskiy 1 rock shelter, Mezmaiskaya cave and others, Fig. 5) reveal a clear kinship with the eastern European cultural phenomenon called the «Eastern Micoquien» (Golovanova and Doronichev, 2003). Along with this, a large array of sites distributed mainly in the central part of the Southern Caucasus (Fig. 6) shows distinctly local, essentially Caucasian cultural color (Lyubin, 1984, 1989).

Thus, from the point of view of common cultural characteristics, the Middle Palaeolithic of the Caucasus is not homogeneous. At least three different impulses played their part in its development. Apparently one of them materialised in the culture of the Middle Palaeolithic of modern Imeretia region in Georgia and adjacent areas of central part of the South Caucasus. The second, undoubtedly, is connected with the spread of Eastern Micoquian traditions to the North-Western Caucasus. And the third one points to the advancement of a cultural massif that is related to the Mousterian of the western Asiatic (more specifically – Zagros) type to the Lesser Caucasus.

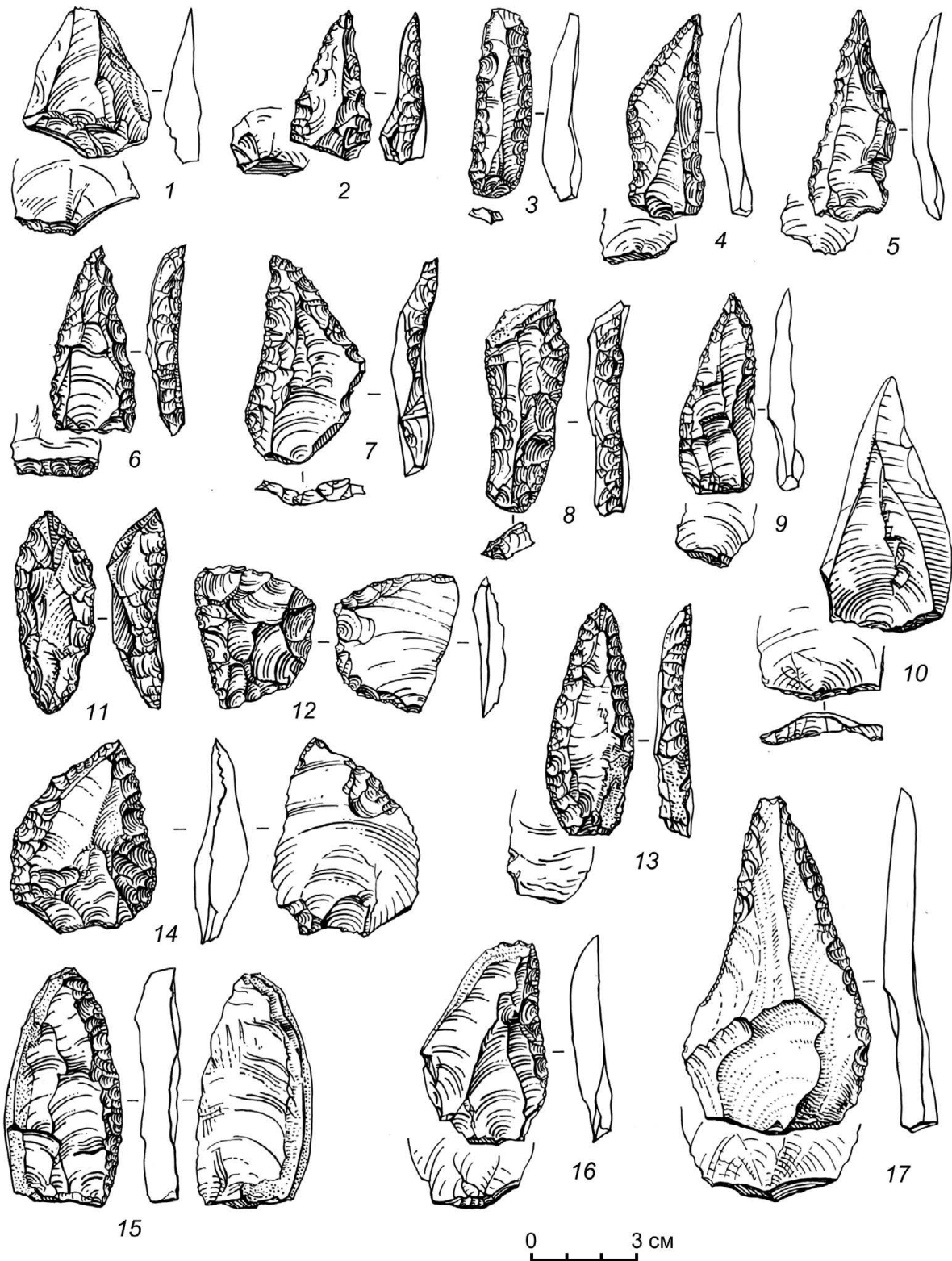

Fig. 4. Taglar Cave (Lesser Caucasus). A sample of the Caucasian Middle Palaeolithic industry of Near East (Zagros) type (after: Jafarov, 1978)

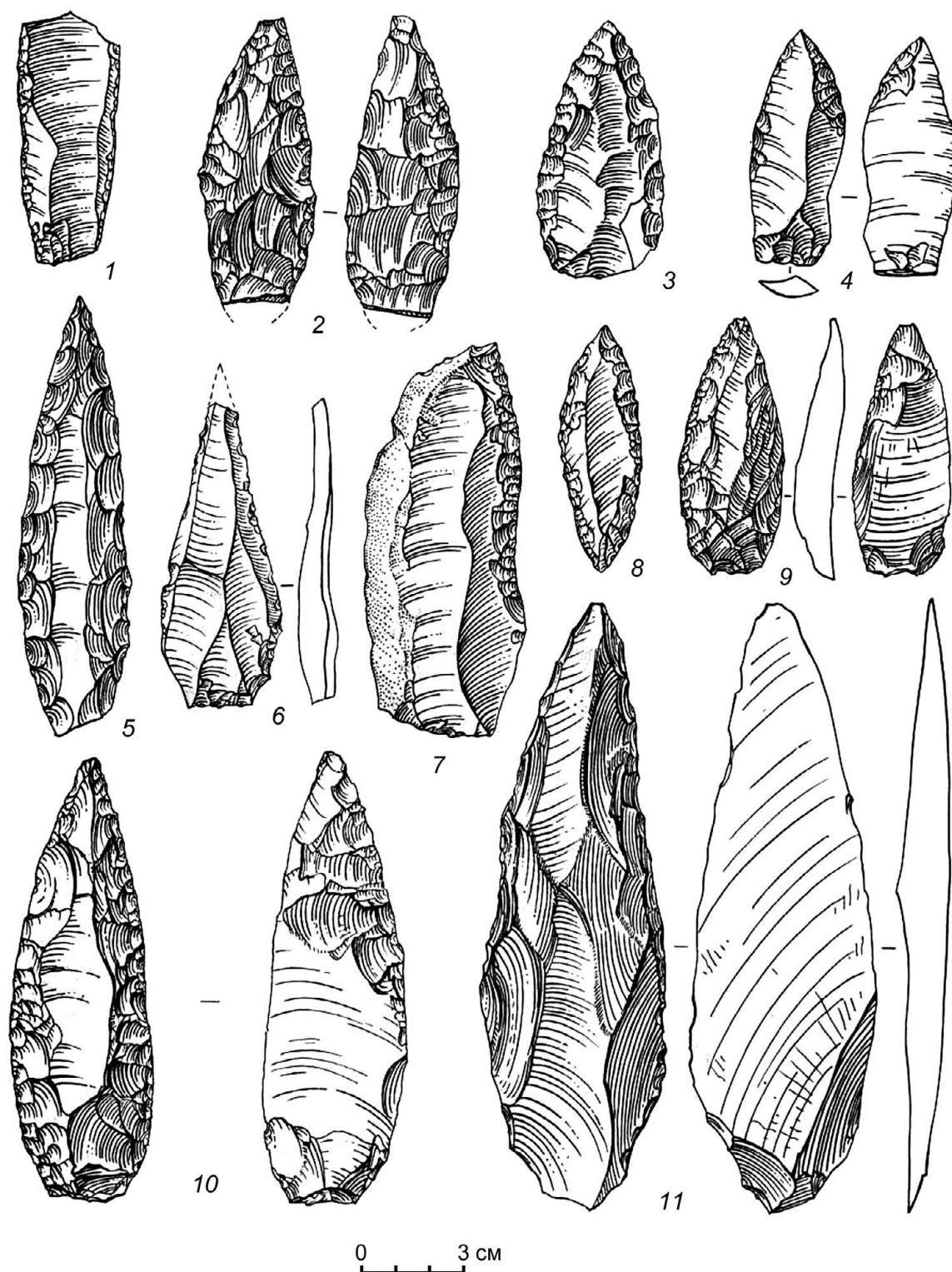

Fig. 5. Mezmaiskaya cave, layer 2B4 – a simple of the Eastern Miquoqien industry in North Caucasus (after: Golovanova and Doronichev, 2003)

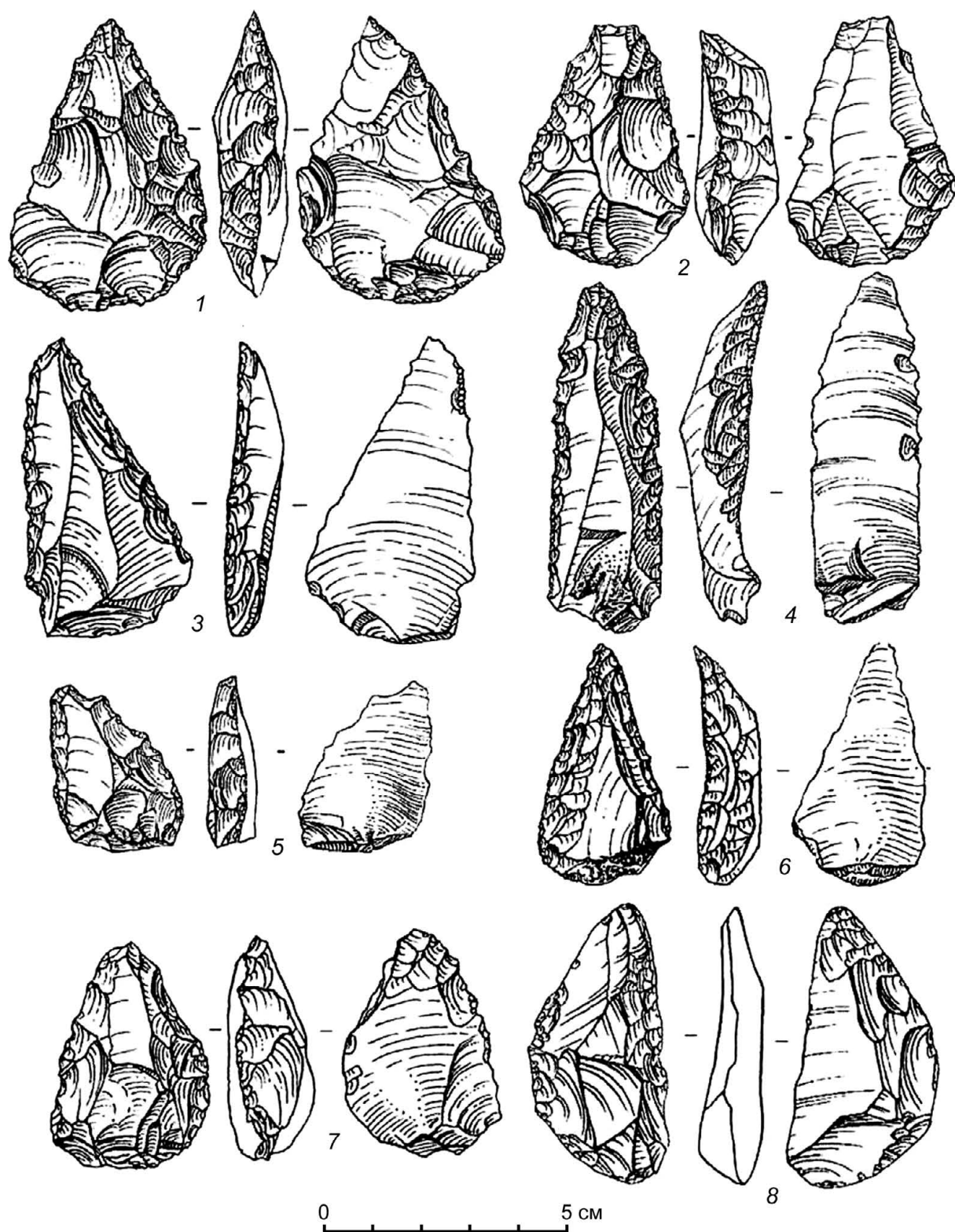

Fig. 6. Djruchula (1, 3, 4, 7, 8), Kudaro 1 (6, 11) and Kudaro 3 caves – sample of the Mousterian complex of the Caucasian type proper (after: Lyubin, 1989)

2.4. Upper Palaeolithic

The time of the appearance of the Upper Palaeolithic industries in the Caucasus is established on the basis of a series of radiocarbon dates obtained for monuments, both in the North and South Caucasus. The earliest were obtained for the layer 4 d of Ortvala Klde site – 40–38 ka BP (cal. BP Hulu) in the South Caucasus (Georgia) and for layer 1C in Mezmaiskaya cave – 38–37 ka BP (cal. BP Hulu) in the North Caucasus (Krasnodar region) (Meshveliani et al., 2004; Bar-Yosef et al., 2006, 2011; Golovanova et al., 2006b; Golovanova et al., 2010). This chronological line can be considered as an approximate boundary separating the Middle and Upper Palaeolithic of the Caucasus. The end of the Upper Palaeolithic in the Caucasus is considered by most researchers conditionally as the boundary of the Pleistocene and the Holocene, that is about 10 thousand years ago.

The number of upper Palaeolithic sites of the Caucasus is lower than the amount of Middle Palaeolithic objects by more than an order of magnitude. Materials of this era are practically unknown for some entire regions of the territory in question. This applies primarily to the large part of the Central and Eastern segments of the northern slope of the Caucasus. They are rare and provide little information in the east of the Transcaucasian depression and Transcaucasian Highland.

In terms of overall cultural characteristics of the upper Palaeolithic in the Caucasus, its most significant feature is the combination (but not mixing) of two fundamentally important cultural components in the first half of the epoch. One of them is Aurignacoid, and the second, is apparently local, with features bringing it closer to the synchronous culture of the Levant (Fig. 7). Moreover, this concerns both the Southern and the Northern (at least the Northwest) Caucasus. The fact that in the upper Palaeolithic (unlike the Middle Palaeolithic) North-Western Caucasus ceases to be a territory exposed to the Eastern European cultural impulse is of particular interest. In this case we are talking about the actual East-European cultural impulse. For example, in the form of Szeletoid cultures that were of the widest dissemination in the time range in question – from the Danube to the Kama river, not excluding the southern Russian steppes. However, it is another thing if we talk about the Aurignacoid complex. Its distinctive manifestations can be found in the North-West Caucasus (Kamennomostskaya cave). But this phenomenon is supra-regional and it was a cultural superstratum for most of Eastern Europe itself.

3. PALEOANTHROPOLOGICAL MATERIALS OF PALAEOLITHIC CAUCASUS: COMPOSITION AND INTERPRETATION

The first human on the territory of the Caucasus region appears in the Early Pleistocene. The most ancient site of Dmanisi (Georgia) contains practically the most complete anthropological material. The latest finds – skull D2700 and lower jaw D2735 – were found in the sediments of tufa gravel, lying directly above the layer of Masavera basalt dated 1.85 million years. In 1999, two incomplete skulls (D2280 and D2282) were discovered in sedimentary rocks over basalt, and in 1991 and 2000, lower jaws (D211 and D2600, respectively) were found there. As researchers believe, the settlement of man in this region is linked to the final part of the Olduvai subchron and the opening of Matuyama chron horizons that date back to 1.75 million years by paleomagnetic method. The remnants of the fauna found along with anthropological material, also confirm the dating of the Dmanisi finds to the end of Pliocene or Early Pleistocene (Vekua et al., 2002).

Stone tools are found everywhere. However, in the opened area, the excavated artifacts are concentrated mostly in the upper layers. All tools were made of local material, such as quartzite and basalt. The collection of stone tools belongs to Mode 1 industry, similar to the Olduvai in East Africa.

Lower jaw D211 is a well-preserved body without rami, with mildly-worn teeth. The first thing that researchers noticed was a massive body and relatively small teeth. Based on a number of key features, especially the general size, massive body, the shape of the symphysis,

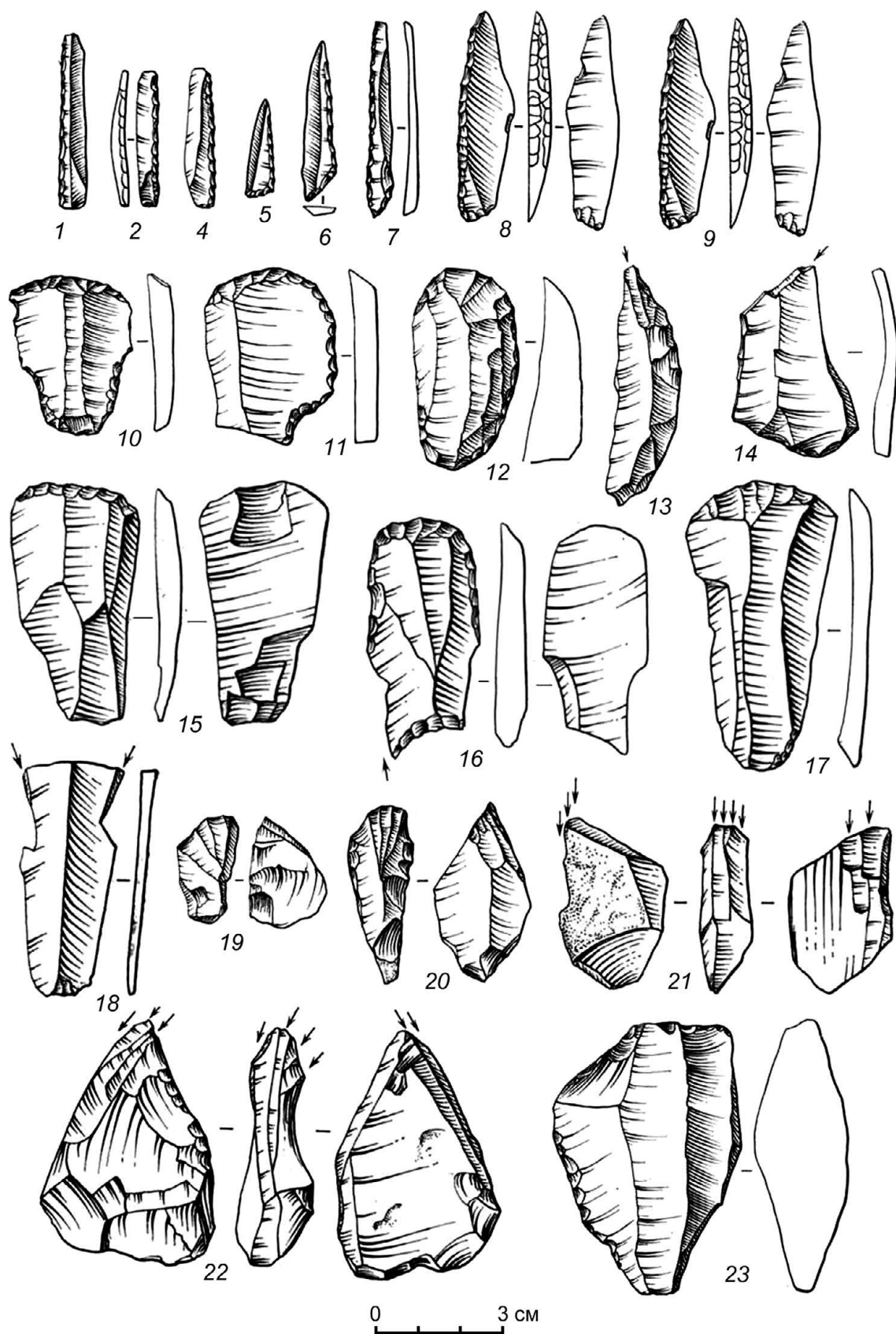

Fig. 7. A sample of stone tools from industries belonging to the Middle Upper Palaeolithic of Caucasus
 1–9, 13, 15–18, 21–22 – Sakazhia site; 10–14, 19–20, 22 – Gubskiy 1 Rockshelter (1–9, 13, 15–18,
 21–22 – after: Bader, 1984)

Fig. 8. Casts of skulls from Dmanisi (D2700 and D2282). Photo by Sergey Vasilyev

the dimensions and proportions of the dental system, Dmanisi mandible belongs to early *Homo*. It has the symphysis height equal to 30.8 mm and the thickness of the body in this area – 16.8 mm, height and thickness of the body at the level of the premolars (26.8 mm and 18.5 mm, respectively) and at the level between the first and second molars (24.7 mm and 18.4 mm, respectively) (Gabunia and Vekua, 1995). Drawing and measurements show that the body of the mandible in the distal direction becomes lower and more massive. A similar trend is observed in the jaws of the Arago (Arago 2, Arago 13) and early African forms such as KNM ER 992, KNM WT 15000. In the lower jaw there is a full set of 16 teeth. Gracilization of molars increases evenly from the first to the third molar. Such ratio of molars sizes is also noted in sinanthropus of Zhou Kou Dian G1–6 and the lower jaw from Tenerife 3. Regarding the absolute size of teeth, the following can be noted: second incisors are slightly larger than central ones; canine teeth are of medium size relative to other fossil finds; mesial-distal diameter of the second premolars is almost a millimeter smaller than that of the first premolars (this ratio is also characteristic of African erectoid forms KNM ER 992 and OH 22); by the absolute size of molars, Dmanisi discovery is comparable to the already mentioned findings from the Zhou Kou Dian G1-6 and Tenerife 3.

Finds of 1999–2000 (D2280, D2282, and D2600) are characterized by a number of parameters that bring them closer to the early African erectoid forms, interpreted by some researchers as *Homo ergaster*.

Skull D2700 (Fig. 8) – the last of the Dmanisi finds – has four upper teeth in the alveoli: right first and second molars, left second premolar and left second molar. Lower jaw D2735, excavated nearby, has eight teeth: P1, P2, M1 and M2 on both sides. Third molars in the lower jaw did not erupt. In addition, ten isolated teeth were found. Of them: D2732 (upper right canine), D2678 (upper left canine), D2719 (upper right second premolar), D2710 (upper left first molar), D2711 (upper right third molar), D2720 (upper left third molar) are in good condition. The formation of these teeth was still unfinished; they fit very well and were placed in the alveoli of the upper jaw in D2700. After this operation, an attempt was made to combine findings D2735 and D2700, which showed their full compliance. Thus, despite the fact that both finds have different numbers, they represent one individual (Vekua et al., 2002).

The skull is preserved quite well, post-mortem deformation is not apparent. The upper jaw is slightly damaged in the front, zygomatic arches are broken and both mastoids are heavily stripped. The walls of the orbits are also destroyed, as well as some elements of the turbinate bone. Mandibular condyles are missing. CT scan showed that internal structures were well-preserved. For example, the upper third molars are erupted only partially, their occlusive surface is at the base level of the second molars crown. Individual D2700/D2735 was most likely an adolescent of an age close to that of finds of Nariokatome III (KNM WT 15000). The general gracility of the skull can be interpreted as pertaining to the female sex, however, massive upper canines do not allow to accurately determine the gender of the find.

Dimensions of the neurocranium arch of D2700 are generally less than that of D2280. Dmanisi skulls are close to each other in the width of occiput and the maximum width of the skull. Skulls D2282 and D2700 demonstrate the greatest similarity, especially in the latitudinal parameters such as the maximum width of the skull, the maximum width of the parietal, minimum frontal breadth, the width of occiput and the nasal breadth. The fronto-lateral and lateral-occipital indices in both skulls are virtually identical, which can indicate similarities not only in absolute size, but also in the shaping parameters. Cranial index shows that the Dmanisi hominids are mesobrachycranial, and find D2700 has the highest brachycrany. There is a subtle sagittal ridge on the frontal bone with the greatest development in the area of the bregma. The frontal bone at the coronal suture is slightly raised with respect to the parietal bone. The occipital region is not very curved, its surface is relatively smooth, with a weak relief of the superior nuchal line and a low-built occipital protuberance. Transversal ridge is absent.

Articular fossa is intact on both sides. Despite its small size, it is similar to that of the D2280 on a number of criteria: the absence of any articular tubercles, the shape of the front wall curve, flattened pre-condylar area. As with all erectoid forms, only the inner part of the fossa lies below the brain capsule, while the outer part, located lateral to the skull cap, lies above. The volume of the brain is about 600 cm³.

At the boundary of the cranium and facial skeleton in all three skulls from Dmanisi, there is a relatively thin, but distinct supraorbital ridge with a thickening in the glabella. The form of top relief is typical for erectoid individuals, that is, the glabellar region and lateral angles of the ridge are lowered, the groove in the supraglabellar region is clearly visible. The upper edge of the eye socket is straight, the orbital index of D2700 is quite high, that is, the eye sockets have a shape close to round. The nose is relatively wide, according to the nasal index. Protrusion of canine alveoli is rather broad and extends upwardly to the side wall of the pyriform aperture. On skull D2700 there is also a well defined zygomatic notch and there is no zygomaxillary tubercle (malar tubercle). The zygomatic process of the maxilla originates above the first molar and is greatly thickened, as well as in the D2282.

New lower jaw D2735 resembles find D211 both in morphological characteristics and its absolute size.

Thus, it may be noted that, in general, the shape of D2700 is similar to that of D2280 and D2282, and the lower jaw D2735 resembles to the D211. Despite some differences, these findings are probably the remains of the inhabitants of the same population.

Comparative analysis of the Dmanisi skulls with the findings from the Koobi Fora and West Turkana shows some similarities with African erectoid forms and even earlier *Homo habilis* (KNM ER, 1813) and *Homo rudolfensis* (KNM ER 1470). For example, by the general dimensions and morphological characteristics, the lower jaw D2735 is pretty close to the lower jaw of Nariokatome III (KNM WT 15000). View to the profile of skull D2700 resembles the ER 1813, they are also similar in the relatively small depth of palate and sharp post-orbital constriction of the frontal bone. The pyriform aperture is similar in shape, but smaller in size than that of the ER 3733. The orbital index is close to that of the ER1470. A number of other morphological characteristics also indicates the proximity in Dmanisi hominids to the African ones. Researchers who studied recently found forth and fifth skulls from Dmanisi share this point of view (Lordkipanidze et al., 2006; Lordkipanidze et al., 2013; Vekua et al., 2011).

Whence came such ancient humans to the Caucasus? Most likely, their way laid through the Middle East and Near East from the cradle of humankind – Africa. The similarity of cultures and morphological features suggest that early hominids with primitive stone tools manufacturing techniques were newcomers from Africa.

Indeed, in the range from 2 to 1.5 million years ago, the hominid evolution on the African continent led to the formation of a new type of human – *Homo ergaster* (meaning ‘working man’). It was during this time interval when a human went beyond the African continent for the first time. And the East migration path seems the most plausible. Moving along the southern part of Eurasia, the most ancient humans, apparently, were trying to get to the north, as well. One of such ways to the north of Eurasia was Caucasian isthmus, giving the opportunity to pass between the Caspian and Black Seas. Remains of Dmanisi man confirm the assumption of the primacy of the eastern migration routes.

Archaeologists have long attributed the fragment of the right half of the lower jaw from the cave Azykh (Azerbaijan) to the Pleistocene paleoanthropological finds. Ascending ramus without the coronoid and articular processes is preserved, as well as a part of body. The third molar, the root of the second molar and the distal root of the first molar remained in the cells of the alveolar edge. The jaw is of exceptionally large thickness (19.5 mm at the M₂-M₃ level) and low body (23 mm at the M₂-M₃ level). The thickness of the alveolar region (18 mm at the M₂-M₃ level) compared to basal (13 mm at the M₂-M₃ level). Oblique line (linea oblique) and oral mylohyoid line (linea mylohyoidea) are not strongly discernible. Mental foramen is located at the level of the first molar. There is a large distance between the third molar and the ascending ramus (retromolar space). Poorly expressed taurodontism identified. The crown of the remaining tooth is characterized by small size, dolichodontia and pentacuspate chewing surface. Weak expressiveness of muscular relief, as well as small size and condition of the chewing surface of the third molar, suggest that the fragment belongs to a woman aged 20–25 (Kasimova, 1986). The analysis allowed to allocate approximately 13 dental and craniometric characteristics which relate Azykh hominids to archanthropines or «pre-neanderthals» (Kharitonov, 1989).

Three teeth (two fragments of incisors and a premolar) were also found in the Acheulian layers of Kudaro I (Georgia) cave, located in the Greater Caucasus, in the central part of its southern slope. The first one is a fragment of the lower right central incisor; its vestibular-lingual crown diameter of 7.8 mm. Such a size may be considered archaic and is characteristic of the erectoid and neanderthaloid forms. However, the find is considered rather erectoid due to the weak development of the lingual protuberance (Zubov, 1980). A fragment of another incisor has a modern appearance, but is of a larger size compared to those of *Homo sapiens*. The premolar has a specific form of chewing surface abrasion, which causes its caniniform shape. This type of abrasion is characteristic of fossil hominids (Kharitonov, 1989).

The natural environment in the Caucasus in the Lower Pleistocene varied in different regions due to the humid climate of the Black Sea Caucasus and more continental climate of the Caspian Caucasus and Transcaucasian Highland, but still contributed to Acheulian people settlement here, according to V.P. Lyubin. The most likely route of the original migration, as he believes, was a way around Colchis and Suram (Likhi) ridge bordering it from the east – through the strip of more open areas. Further settlement, according to the location of sites known today, was going westerly, in the direction of Sochi-Abkhazian Black Sea region and the Kuban river basin (Lyubin, 1998).

To date, more than 200 Mousterian sites are known in the Caucasus region. Apparently, Mousterian men stayed to live here in the era of the Wurm glaciation, as well. In addition to the rich archaeological material of Mousterian era, archaeologists discovered human remains in a number of sites. In the mid-1970s, during the excavation of Sakazhia (Georgia) cave site, fragments of the alveolar process of the left half of the upper jaw with a canine, two premolars and first molar were found, along with an isolated first lower molar (Gabunia et al., 1978). According to the finders, the totality of features observed in Sakazhia man suggests its proximity to paleoanthropines. First and foremost, it is the flat front surface of the alveolar process of maxilla and

the complete absence of traces of canine fossa and quite a large size of the maxillary sinus. The inclination of the front surface of the alveolar ridge is well marked (the line connecting prosthion and naso-spinale, tangent to the alveolar edge, gives the angle of 70°), probably indicating pronounced alveolar prognathism. Alveolar arc has a shape close to parabolic. The canine and the first upper and lower molars are rather large, upper premolars are clearly inferior to the corresponding indicators of Neanderthals. However, there are features similar to Neanderthaloids, peculiar to most early neanthropines: high arch of the palate and the relative narrowness of the pyriform aperture. Perhaps we deal with a metis Neanderthaloid-sapiens form, such as, for example, the Western Asia find Skhul V. The upper right first molar, discovered in Dzhruchula (Georgia) cave dwellings, is also classified as a Neanderthaloid find (Gabunia et al., 1961). The findings point to morphological affinity of the finds from Sakazhia and Dzhruchula.

Fragments of skull, a lower jaw with a full set of milk teeth and the rudiments of the first permanent molars of a fossil human were found in Barakaevskaya cave (Lyubin et al., 1986). Biological age of the found hominid according to the state of the dental system can be evaluated as 2–3 years old. The jaw of the hominid from this cave has no protruding mental region, there is an underdeveloped chin triangle in the frontal plane, the body is massive. In terms of intensity of growth process, the Barakaevskaya cave hominid surpasses modern children and some Neanderthals on a number of features: symphysis height, height and thickness of the body of the mandible. The authors that studied the remains suggest that Barakaevskaya cave hominid demonstrates a greater inclination to the Neanderthals in Western Europe than Asia Minor Neanderthaloid forms of Shanidar and Skhul types.

A relatively recent anthropological analysis of the skeletal bones of a fossil hominid from Mousterian layer of Mezmaiskaya cave (North Caucasus) proved to be quite difficult, because the biological age of the Mezmaiskaya cave hominid was estimated as two months after birth, at most (Kharitonov and Romanova, 2000). Despite the age problem, the researchers suggest that Mezmaiskaya cave hominid has a Neanderthaloid type of post-cranial skeleton. German geneticists that extracted the Neanderthal sequence of mitochondrial DNA from finds Neanderthal 1 and 2, empirically showed the proximity of Neanderthal mtDNA from Western Europe and mtDNA of Mezmaiskaya cave hominid (Schmitz et al., 2002). Therefore, as in the case of Barakaevskaya cave hominid, we can talk about the presence of the *Homo neanderthalensis* representatives in the Caucasus of the Mousterian epoch.

There are also a few remains of ancient man of the Upper Palaeolithic in the Caucasus. In the North Caucasus, near the town of Maikop, in the Upper Palaeolithic Satanai grotto site (Gubskiy Rockshelter N°7), a fossil hominid skull was discovered. Based on cranial index, it is dolichocranic. By this characteristic, the finding from the Satanai grotto is closer to Central Asian fossil sapiens forms than to Western European (Gochman, 1966). The forehead of the skull is rather retreating, with well-developed glabellar area. The skull most likely belongs to a female, and is characterized by similarity with other Upper Palaeolithic skulls of Central and Western Europe (Kostenki XIV, Kostenki II, Oberkassel, Dolne Vestonice III) on such features as the significantly developed frontal bone, retreating forehead and small height of the arch (Romanova and Kharitonov, 1984). The remains of human of modern type from Akhshtyr cave (second upper left molar, three foot bones) are also attributed to the Upper Palaeolithic finds.

4. CONCLUSION

In conclusion, it is important to say that, most likely, the Caucasus territory, populated by humans coming from Africa in the Early Pleistocene, was part of the vast Eurasian region of hominid evolution. The migration route of human settlement went along the Caspian Sea, as ancient archaeological sites suggest. Paleoanthropological findings give evidence of the proximity of the Caucasian Mousterian hominid not only to Asia Minor forms, but also to Western European. Sapiens forms of hominids themselves appeared in the Caucasus not earlier than on the Eurasian continent and likely have no autochthonous origin.

REFERENCES

- Amirkhanov, H.A., 2016. North Caucasus: the Beginning of Prehistory. Mavraev', Moscow in Russian.
- Amirkhanov, H.A., Ozherelyev, D.V., Gribchenko, Yu.N., Sablin, M.V., Trubikhin, V., Semenov, V.V., 2014. Early Humans at the eastern gate of Europe: the discovery and investigation of Oldovan sites in northern Caucasus. *Comptes Rendus Palevol* 13, 717–725.
- Amirkhanov, H.A., Ozherelyev, D.V., Sablin, M.V., Agadzhanian, A.K., 2016. Faunal remains from the oldowan site of Muhkai II in the North Caucasus: potential for dating and palaeolandscape reconstruction. *Quat. Int.* 395, 233–241.
- Bader, N.O., 1984. The late palaeolithic of Caucasus. In: Boriskovskiy, P.N. (Ed.), *Palaeolithic of the USSR*. Nauka, Moscow, pp. 271–301 (in Russian).
- Bar-Yosef, O., Belfer-Cohen, A., Meshveliani, T., Jakeli, N., Bar-Oz, G., Boaretto, E., Goldberg, P., Kvaavadze, E., Matskevich, Z., 2011. Dzudzuana: an upper palaeolithic cave site in the Caucasus foothills (Georgia). *Antiquity* 85, 331–349.
- Bar-Yosef, O., Belfer-Cohen, A., Adler, D.S., 2006. The implications of the middle-upper palaeolithic chronological boundary in the Caucasus to eurasian prehistory. *L'anthropologie* XIV (1), 49–60.
- Belyaeva, E.V., Lyubin, V.P., 2014. A new view on the Acheulian development in the Caucasus. In: Savinov, D.G., Murashkin, A.I. (Eds.), *Stone Age Archaeology: the 70th Anniversary of Valentina Ivanovna Belyaeva*. St. Petersburg State University Press, St. Petersburg, pp. 189–214 (in Russian).
- Chepalyga, A.L., Amirkhanov, H.A., Trubikhin, V.M., Sadchikova, T.A., Pirogov, A.N., Taimazov, A.I., 2012. Geoarchaeology of the earliest paleolithic sites (Oldowan) in the North Caucasus and the East Europe. In: *International Conference: Geomorphic Processes and Geoarchaeology: from Landscape Archaeology and Archaeotourism*. Universum, Moscow, pp. 56–61.
- Derevyanko, A.P., Amirkhanov, H.A., Zenin, V.N., Anoykin, A.A., Rybalko, A.G., 2012. Problems of Palaeolithic Dagestan. Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Press, Novosibirsk (in Russian).
- Gabunia, L., Vekua, A., 1995. A plio-pleistocene hominid from Dmanisi, east Georgia, Caucasus. *Nature* 373, 509–512.
- Gabunia, L.K., Nioradze, M.G., Vekua, A.K., 1978. On mousterian man from Sakazhia (Western Georgia). *Quest. Anthropol.* 59, 154–164 (in Russian).
- Gabunia, L.K., Tushabramishvili, D.M., Vekua, A.K., 1961. The first find of the remains of Mousterian man in the Caucasus. *Quest. Anthropol.* 8, 61–75 (in Russian).
- Golovanova, L.V., Doronichev, V.B., 2003. Palaeolithic northwest Caucasus. *Mater. Res. Archeol. Kuban* 3, 3–44 (in Russian).
- Golovanova, L.V., Doronichev, V.B., Levkovskaya, G.M., Lozovoy, S.P., Nesmeyanov, S.A., Pospelova, G.A., Romanova, G.P., Kharitonov, V.M., 2006a. Matuzka Cave (Peschera Matuzka). *Ostrovityanin*, St. Petersburg (in Russian).
- Golovanova, L.V., Cleghorn, N.E., Doronichev, V.B., Hoffecker, J.F., Burr, G.S., Sulergizkiy, I.D., 2006b. The early upper palaeolithic in the Northern Caucasus (New data from Mezmaiskaya cave, 1997 excavation). *Eurasian Prehistory* 4, 43–78 (in Russian).
- Golovanova, L.V., Doronichev, V.B., Cleghorn, N.E., 2010. The emergence of boneworking and ornamental art in the Caucasian Upper Palaeolithic. *Antiquity* 84, 299–320.
- Gochman, I.I., 1966. Fossil neanthrops. In: Bunak, V.V. (Ed.), *The Fossil Hominids and the Origin of Man*, Proceedings of the USSR Academy of Sciences, 92. Nauka, Leningrad, pp. 227–272 (in Russian).
- Jafarov, A.K., 1978. Mousterian Cultures of Azerbaidjan. Elm, Baku (in Russian).
- Kasimova, R.M., 1986. The First Finding of an Ancient Cave Man on the Territory of the USSR (Azerbaijan SSR, Asykh). Elm, Baku (in Russian).
- Kharitonov, V.M., 1989. Acheulian hominids on the territory of the USSR. In: Yanshin, A.L. (Ed.), *Reports of Moscow Society of Naturalists 1988. General Biology. Morphological and Functional Characteristics in Norm, Development and Extreme Conditions*. Nauka, Moscow, pp. 21–24 (in Russian).
- Kharitonov, V.M., Romanova, G.P., 2000. Anthropological analysis of the bones of the fossil hominid skeleton from Mousterian layer of Mezmaiskaya cave (North Caucasus). *Quest. Anthropol.* 90, 158–170 (in Russian).
- Lordkipanidze, D., Vekua, A., Ferring, R., Rightmire, G.P., Zollikofer, C.P., Ponce de Leon, M.S., Agusti, J., Kiladze, G., Mouskhelishvili, A., Nioradze, M., Tappen, M., 2006. A fourth Hominin skull from Dmanisi, Georgia. *Anatomical Rec. Part A, Discov. Mol. Cell. Evol. Biol.* 288A, 1146–1157.

- Lordkipanidze, D., Ponce de Leon, M.S., Margvelashvili, A., Rak, Y., Rightmire, G.P., Vekua, A., Zollikofer, C.P., 2013. A complete skull from Dmanisi, Georgia, and the evolutionary biology of early Homo. *Science* 342, 326–33.
- Lavrushin, Y.A., Sadchikova, T.A., Lyubin, V.P., Belyaeva, E.V., 2015. Postsedimentary conversion of water-flow and slope deposits of the Northern Armenia early quarter (based on studies of Karahach cut). *Bull. Quat. Res. Comm.* 74, 25–52 (in Russian).
- Lyubin, V.P., 1984. Early palaeolithic Caucasus. In: Boriskovskiy, P.N. (Ed.), *Palaeolithic of the USSR*. Nauka, Moscow, pp. 45–93 (in Russian).
- Lyubin, V.P., 1989. Palaeolithic Caucasus. In: Boriskovskiy, P.N. (Ed.), *Palaeolithic Caucasus and Northern Asia*. Nauka, Leningrad, pp. 9–144 (in Russian).
- Lyubin, V.P., 1998. Acheulian Epoch in the Caucasus. St. Petersburg Oriental Studies Press, St. Petersburg (in Russian).
- Lyubin, V.P., Autlev, P.U., Zubov, A.A., Romanova, G.P., Kharitonov, V.M., 1986. Discovery of skeletal remains of a paleoantrop at Barakaevskaya site (Western Caucasus). *Quest. Anthropol.* 77, 60–70 (in Russian).
- Meshveliani, T., Bar-Yosef, O., Belfer-Cohen, A., 2004. The upper palaeolithic in western Georgia. In: Brantingham, P.J., Kuhn, S.L., Kerry, K.W. (Eds.), *The Early Upper Palaeolithic beyond Western Europe*. University of California press, Berkeley, pp. 129–153.
- Presnyakov, S.L., Belyaeva, E.V., Lyubin, V.P., Rodionov, N.V., Antonov, A.V., Saltykova, A.R., Berzhnaya, N.G., Sergeev, S.A., 2012. Age of the earliest Palaeolithic sites in the northern part of the Armenian Highland by SHRIMP-II U-Pb dating of zircons from volcanic ashes. *Gondwana Res.* 21, 925–938.
- Romanova, G.P., Kharitonov, V.M., 1984. Morphological features of human skull from Palaeolithic site in Satanai rockshelter. *Quest. Anthropol.* 73, 49–55 (in Russian).
- Schmitz, R.W., Serre, D., Bonani, G., Feine, S., Hillgruber, F., Krainitzki, H., Paabo, S., Smith, F.H., 2002. The neandertal type site revisited: interdisciplinary investigations of skeletal remains from the Neander Valley, Germany. *PNAS* 99, 13342–13347.
- Vekua, A., Lordkipanidze, D., Rightmire, P., Agustl, J., Ferring, R., Maisuradze, G., Mouskhelishvili, A., Nioradze, M., Ponce de Leon, M., Tappen, M., Tvalchrelidze, M., Zollikofer, C., 2002. A new skull of early Homo from Dmanisi, Georgia. *Science* 297, 85–89.
- Vekua, A., Lordkipanidze, D., Bukhsianidze, M., 2011. Dmanisi – the oldest eurasian site of fossil hominines. *Archaeol. Cauc.* 4, 16–94 (In Russian with English summary).
- Zubov, A.A., 1980. On the tooth of a archanthropine from Kudaro I cave. In: Ivanova, I.K., Chernyakhovsky, A.G. (Eds.), *Kudaro Palaeolithic Cave-sites in Soth-osetia*, vol. 152. Nauka, Moscow (in Russian).

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

The Upper Palaeolithic
of Eastern Europe

«ВОСТОЧНЫЙ ГРАВЕТТ» ИЛИ ГРАВЕТТОИДНЫЕ ИНДУСТРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ?¹

В последнее время в «костенковской» проблематике верхнего палеолита Русской равнины намечается новая тенденция. Она заключается, в частности, в переходе от описания наиболее ярких материальных проявлений костенковско-авдеевской культуры, уточнения хронологии и определения ее места среди «высоких культур» позднекаменного века к выяснению вопроса о конкретном соотношении этой культуры с другими памятниками Восточной и Центральной Европы, имеющими выраженные граветтские черты. В реализации этого стремления некоторыми исследователями особое место отводится оперированию понятием «восточный граветт», само использование которого, как им представляется, способно разрешить данную проблему. При этом еще до сколько-нибудь строгого археологического определения указанного понятия говорится уже о типично «западном граветте» на Русской равнине [Синицын, 1997], который по данной логике должен противопоставляться «восточному граветту» рассматриваемой территории. Такое состояние делает необходимым, прежде всего, обращение к истории понятия, о котором идет речь, и истории изучения российскими исследователями культурного явления, на определение которого претендует данное понятие.

Наиболее важным с этой точки зрения является то, что самобытность явления, обозначаемого понятием «восточный граветт», и его достаточно определенная археологическая характеристика были получены в рамках французской стадиялистской концепции развития верхнего палеолита задолго до того, как возникло не только это понятие, но и такие гораздо более обоснованные и устоявшиеся дефиниции, как собственно «граветт» или «верхний перигордьен». А последние, в свою очередь, являются производными от утвердившейся в континентальной Европе в 30-х годах нашего века, по-видимому, не без влияния английской археологии, парадигмы параллелизма и региональной специфики в развитии верхнепалеолитических культур.

Известно, что вопросы хронологии, технико-типологического содержания и взаимных культурных соотношений определенной части памятников в районах нижнего Дуная, Моравии и Русской равнины, получивших к концу 30-х годов название «восточный граветт», решались вначале в рамках проблемы ориньяка как первой ступени французской периодизационной схемы позднего палеолита. Само определение этих памятников как ориньякских (или большинства их как позднеориньякских) не мешало исследователям видеть в их совокупности (или части этой совокупности) даже с точки зрения стадиялистской концепции некую более тесную общность, имеющую свою специфику в сравнении с ориньяком Западной Европы. Эти особенности, пожалуй, раньше и полнее других отметил А. Брейль [Breuil, 1924, p.516–552]. Описывая коллекции Пшедмости, он дал в строгих типологических определениях характеристику специфики этого памятника, подчеркнул применимость выработанных для стоянки Пшедмость оценок к виллендорфским материалам и указал одновременно на черты, объединяющие их с ориньяком Запада в том виде, как он тогда понимался. В качестве форм, определяющих особенность рассматриваемых материалов, были указаны листовидные острия нескольких разновидностей, наконечники с боковой выемкой и пластины со своеобразной подтеской концов – изделия, получившие спустя много лет в русской археологии название «ножи костенковского типа».

В случае с Пшедмостью А. Брейль имел дело, как это стало ясно позже, с материалами в некотором смысле ущербными из-за их смешанного характера. Этим можно объяснить то, что в числе форм, характеризующих особенности индустрии, выступают массивные лавролистные наконечники со сплошной бифасиальной ретушью, имеющие,

¹ Амирханов Х.А. «Восточный граветт» или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы? // Восточный граветт. М., «Научный мир», 1998. С. 15–34.

по-видимому, отношение к селетской составляющей нерасчлененной коллекции. Следует, однако, отметить, что, приводя типологическую оценку памятника, он уделяет особое внимание листовидным наконечникам на удлинённых пластинах двух вариантов – с полной или частичной контурной (краевой) ретушью и такой же разновидности изделий с частичной плоской ретушью [Breuil, 1924, p.523–526]. Наряду с этим отмечаются формы, объединяющие моравские материалы с поздним или даже финальным «ориньяком» Франции. В качестве таковых приводятся, в частности, острия типа граветт. Наконечники же с боковой выемкой рассматриваются и, как кажется, не без основания, в одном контексте с черешковыми наконечниками типа фон-робер заключительной стадии западного «ориньяка». Ещё одним весьма существенным моментом оценки материалов было установление на основе культурной колонки Виллендорфа взаимосвязи наконечника с боковой выемкой и женских скульптурных изображений. Забегая вперед, можно отметить, что приведенная общая типологическая характеристика рассматриваемого культурного явления повторялась многими авторами в разном объеме и в разных вариациях на протяжении всех последующих десятилетий, но ничего принципиально нового не прибавилось и до настоящего времени.

Появление самого понятия «восточный граветт» и дальнейшее развитие представлений о нем были связаны с утверждением в 30-х годах во французской палеолитоведческой школе концепции билинейного развития культуры (перигордийская и ориньякские линии) в начальной и средней поре верхнего палеолита Европы [Peugny, 1934, 1936]. Обратившаяся к этой проблеме Д. Гаррод, помимо того, что назвала позднюю ступень перигордийской культуры граветтом, предложила особое наименование – «граветт Восточной Европы» [Garrod, 1938]. Этот подход к расчленению перигордийских материалов, а также новые наименования почти немедленно и особенно прочно были усвоены английскими археологами [Hawkes, 1940; Hawkes, 1944; Oakley, 1949; Childe, 1956]. Этому не мешало то, что никто из них не был специалистом в области палеолита Франции и тем более палеолита Центральной и Восточной Европы.

Для археологов континентальной Европы понятие «восточный граветт» являлось всегда более метафорой, чем научным термином со своим сколько-нибудь определенным и воспринимаемым единообразно содержанием. Оно употреблялось эпизодически, часто заменяясь другими понятиями (например, «павловьен») для того, чтобы подчеркнуть своеобразие граветтоидных индустрий Центральной или Центральной и Восточной Европы в сравнении с собственно граветтом Западной Европы.

Реже всего это понятие фигурировало в трудах советских (впрочем, как и французских) палеолитоведов. То, что российские исследователи даже в 50-х годах, когда они уже его использовали, не придавали понятию «восточный граветт» большого значения, можно объяснить двумя причинами. Первая состоит в том, что в России осталось, по-видимому, непонятой значимость нововведения Д. Пейрони относительно подхода к выделению основных категорий верхнего палеолита Франции в связи с выделением перигордийской культуры (а по существу – линии развития). Об этом может свидетельствовать, например, приводимое ниже замечание П.П. Ефименко, сделанное им не в какой-то частной статье, а в капитальном труде (вышедшем, кстати, в том же году, когда Д. Гаррод говорила о «граветте Восточной Европы»). «Начальная стадия верхнего палеолита, соответствующая стадии шательперрон, выделяется даже некоторыми французскими авторами в особую перигордскую эпоху (perigordien), получившую название от области Перигор в юго-западной Франции», – писал в своей книге «Первобытное общество» П.П. Ефименко [1938]. То есть, П.П. Ефименко (а, следовательно, и его коллеги) в курсе того, что А. Брейль выделил шательперрон как стадию, но, по-видимому, еще не знает о том, что, разорвав постулировавшуюся французскими исследователями культурную непрерывность перигордийской культуры, Д. Гаррод назвала группу памятников, образующих эту стадию, «шательперроньеном», а верхний «пери-гордьен», или стадии граветт и фон-робер того же А. Брейля, соответственно, нижним и верхним «граветьеном».

У менее ортодоксального С. Н. Замятина также нет в эти годы и намека на переоценку материалов исследовавшейся им стоянки Гагарино в духе «культурализма» [Zamiatnin, 1934]. Однако, в одной из его работ самого начала 50-х годов [Замятин, 1951] можно увидеть, что стадияльная теория Г. Мортилье не рассматривается им как препятствие для признания локальных культурных образований различного масштаба.

С. Н. Замятин писал в этой связи о возможности на основе археологического материала «проследить как во времени, так и в пространстве сложение и дальнейшее историческое существование культурной общности отдельных человеческих групп, изучить отражение в вещественных памятниках их исторических судеб, восстановить, таким образом, черты их конкретной истории, казалось бы, навсегда утраченные» [Замятин, 1951, с. 89].

Призыв к «конкретно-историческому» изучению прошлого у российских палеолитоведов ассоциируется обычно с именем А. Н. Рогачева, с которым связана смена стадиялистской парадигмы верхнего палеолита Русской равнины на культурологическую. И, как ни отличались в своих общих подходах к общим проблемам изучения палеолита С. Н. Замятин, П. П. Ефименко и А. Н. Рогачев, они в одинаковой мере не восприняли понятие «восточный граветт» («восточный граветьен»). И дело здесь не в степени знакомства каждого из них с центральноевропейской и англоязычной литературой по данной проблеме, а в том, что они как представители советской археологической науки того времени были страстными противниками «миграционизма». Понятие «восточный граветт» не могло рассматриваться ими иначе как в одном ряду многих словесных новообразований, обеспечивающих терминологическое обоснование миграционистской теории. Справедливости ради надо сказать, что именно это понятие действительно возникло на самой высокой волне миграционистских построений Д. Гаррод. И если построения Д. Гаррод остались вне специального рассмотрения ведущих советских палеолитоведов того времени, то это во многом потому, что по данному счету критические стрелы пускались, в частности, по более значимой, по их справедливому мнению, фигуре А. Брейля. По данному поводу, например, писали: «... исследования, охватившие те области, которые оставались "белыми пятнами" в начале нынешнего века, показали полную несостоятельность этих широких миграционистских построений Брейля. Но в то же время мы видим, что многочисленные ученики и последователи Брейля в наибольшей мере восприняли именно этот упрощенный способ объяснений путем построения миграционистских схем, с легкостью допускающих передвижения на тысячи километров и пересекающих целые материки» [Замятин, 1951, с. 93]. Нетрудно представить себе, что пафос обличения миграционизма, во многих случаях оправданный, мешал здесь восприятию и того рационального, что содержалось в «миграционистских» интерпретациях.

Более общее отношение С. Н. Замятина к обилию выделяемых локальных образований характеризует его следующее замечание: «Все эти Soanian, Anlithian, Loupembian, Jabrudian, Naniynkian и пр. не облегчают, а только запутывают исследование, ничего не выясняя, а лишь создавая иллюзию определенности, подменяя объяснение наименованием» [Замятин, 1951, с. 94]. Что же касается существенных признаков, роднящих памятники Русской равнины типа Костенок и остальной Европы, то подчеркивалось, что «не может быть и речи о возникновении их случайно, путем совпадения. Культура верхнепалеолитического населения приледниковой Европы, на всем ее огромном протяжении, в это время являлась единой и могла сложиться только при условии реально имевшего место общения» [Замятин, 1951, с. 129]. В пределах этого обширного единства отмечалось существование «местных особенностей мелкого характера» [Замятин, 1951, с. 129]. Описание таких особенностей для Восточной Европы включало у С. Н. Замятина практически тот же список специфических типов, что приводил и А. Брейль в 1923 году для группы Пшедмость-Виллендорф.

Развитие идеи «особенностей мелкого характера» у советских исследователей шло больше в направлении осмысления и конкретизации исторической сущности этого явления, чем поисков собственно археологического содержания понятия. Обращение к «особенностям» такого рода казалось многообещающим для возможностей выделения «племенных и родовых культур» [Гвоздовер, 1953, с. 224]. Эта тенденция в конце концов реализовалась в принципиальном принятии положения о характере верхнего палеолита Русской равнины как о множественности сосуществующих археологических культур [Рогачев, 1957]. И при подобном подходе к проблеме естественным было объединение Костенок и Авдеево с виллендорфским кругом памятников в некое единство, имеющее статус археологической культуры. Эта точка зрения была воспринята многими и стала впоследствии преобладающей в объяснении соотношения памятников средней поры верхнего палеолита Восточной и Центральной Европы [Гвоздовер, 1958; Тарасов, 1979; Рогачев, Аникович, 1984].

Иной взгляд на проблему возник в шестидесятых годах. В это время идея восприятия верхнепалеолитических материалов сквозь призму понятия «археологическая культура» овладела большинством советских палеолитоведов. Возможности типологического метода в его тогдашнем понимании представлялись настолько значительными, что, казалось, отнесение того или иного памятника к определенной культуре являлось делом чисто техническим и зависящим только от компетентности исследователя. Представлялось даже, что понятие «археологическая культура» в совокупности с этнографическими данными является тем необходимым и достаточным инструментом, оперируя которым можно археологические факты прямо реконструировать в палеоисторические явления и события. Это закономерно отразилось в работах Г.П. Григорьева, обратившегося к специальному изучению центральноевропейских материалов. Исходным постулатом для него было то, что «...чем более древние времена мы рассматриваем, тем более дробны этнические подразделения, тем более прочны этнические границы, тем сильнее враждебное отношение к "чужим".... Идеалом в этом смысле будет коммунистическое общество будущего, где не будет никаких препятствий для свободного распространения новых изобретений, и материальные блага, производимые человеком, будут распределены равномерно» [Григорьев, 1966а, с.33].

Принципиальным в оценке памятников Центральной Европы у Г.П. Григорьева было разделение их на кремсскую, виллендорфскую и павловскую культуры. Но если отличия кремсской культуры от двух других культур были достаточно отчетливыми, то доказывать в равной степени специфичность каждой из последних было затруднительно. Напротив, приходилось говорить о «поразительном единстве виллендорфской, павловской и костенковской культур» [Григорьев, 1966, с. 23]. Итогом сравнительного типологического анализа было заключение о том, что «в 9-м слое Виллендорфа 2 и в моравских стоянках есть аналогии всем типам костяных и каменных орудий, украшений, орнаментов Костенок 1 и Авдеева» [Григорьев, 1966, с. 22]. При этом отмечалось, что «ни одна из этих стоянок в отдельности не содержит всех типов материалов Костенок 1, но, взятые в совокупности, они поражают сходством материалов с костенковским» [Григорьев, 1968, с. 22]. Сравнение же Костенок 1 и Виллендорфа показывало, что «эти две культуры различаются лишь тем, что в одной орудием для копания были топоры из рога северного оленя, а в другой, где остатки северного оленя вовсе отсутствуют, – мотыги из бивня мамонта...» [Григорьев, 1966а, с. 29] Именно такую большую степень сходства и имели ввиду те авторы, которые обозначали и обозначают совокупность этих памятников как археологическую культуру. Г.П. Григорьеву же представляется невозможным называть эту группу культурой, так как, по его мнению, «это вело бы читателя к неверному выводу, будто в одно и то же время от Дуная до Дона, хотя и на узкой полосе, существовала в течение 10000 лет единая культура, тогда как на самом деле различные *хронологические этапы этой культуры протекали на разных последовательно сменяемых территориях* (выделено мною – Х.А.)» [Григорьев, 1966, с. 24].

Не касаясь вопросов хронологии, географии и состояния типологических разработок, которые в наше время предстают несколько иначе, чем в шестидесятые годы, нельзя не отметить, что в приведенной концепции содержались весьма спорные исходные методические допущения. Так, например, в качестве археологической культуры считается возможным определять группу памятников, которая составляет хронологический этап единого культурного явления. И, кроме того, группа памятников третьего этапа (костенковская культура) оказывается способной сохранить культурную специфику первого этапа (виллендорфская культура) в гораздо большей степени, чем группа памятников второго этапа (павловская культура) [Григорьев, 1968, с. 118].

Каждая из культур (кремсская, виллендорфская, павловская, костенковская) рассматривались одновременно и в качестве хронологических этапов одной непрерывной культурной традиции, и как самостоятельные археологические культуры. Совокупность последних, определяемых как «группа родственных культур», было предложено называть «виллендорфско-павловско-костенковским единством» [Григорьев, 1966, с. 24]. В это единство на равных основаниях была включена и кремсская культура [Григорьев, 1968, с. 153], потому что по приведенной схеме генетических отношений Кремс имеет к Виллендорфу такое же отношение, как Виллендорф к Павлову.

Ключевым в этом подходе к проблеме с методической точки зрения было введение понятия «культурное единство», как категории более широкой, чем археологическая культура, и объединяющей группу родственных культур. Но отметим еще раз, что оно было сформулировано применительно к совокупности материалов, рассмотрению которых в виде единой археологической культуры мешали (как это казалось автору определения) только лишь хронологические различия между группами памятников, составляющих это единство.

При характеристике виллендорфско-павловско-костенковского единства говорилось и о некоторых памятниках, которые испытали влияние этого единства. В качестве примера указывалось на заимствование обитателями стоянки слоя 7 Молодово 5 роговых мотыг в павловской культуре [Григорьев, 1968, с. 157].

Таким образом, выделение названных культур, формулировка понятия об их единстве, определение круга памятников, подвергшихся *влиянию*, сильно опережало разработку методической основы исследовательской процедуры и не базировалось на сколько-нибудь прочном типологическом фундаменте. Эти проблемы оказались в центре внимания начиная с 70-х годов. В отношении рассматриваемой здесь темы, наиболее заметной была попытка собственно археологического, т.е. типологического определения костенковской культуры. Во-первых, предлагалось отказаться от претензий на выделение этой культуры, опираясь только на типы, и декларировалась возможность оперирования для этой цели морфологическими группами практически всех уровней классификации – от типов до субкатегорий [Григорьев, 1979, с. 29]. К формам изделий, определяющих специфику, например, костенковско-авдеевской культуры, причислялись длинные скребки, скребки с выемками по краям, пластинки с притупленным краем, проколки [Григорьев, 1979, с. 29]. Разумеется, не оспаривалось значение руководящих предметов, которые отмечались всегда как диагностичные для данной культуры. Это относилось, в первую очередь, к наконечнику с боковой выемкой и женским статуэткам, но их значимость как хронологических показателей, как на это указывал в свое время С.Н. Замятин, отрицалась [Григорьев, 1979, с. 29]. К этому времени в качестве составной части «единства» уже не упоминается и кремсская культура.

С конца 80-х годов и до настоящего времени в работах Г.П. Григорьева, продолжающего заниматься проблематикой центральноевропейского верхнего палеолита, можно заметить очередную резкую трансформацию его прежних построений и в подходах к решению проблемы, и в общих элементах концепции, и во многих частных вопросах. О генетической последовательности Виллендорф-Павлов-Костенки больше не упоминается. Это осталось практически никем не замеченным, так как данное положение и раньше никак не отражалось на разработках по верхнему палеолиту Центральной и Восточной

Европы. Теперь уже допускается происхождение в одинаковой степени и павловской, и костенковской культур непосредственно из Виллендорфа. Реабилитируется заключение С. Н. Замятина о наконечнике с боковой выемкой и женских статуэтках как о культурно-хронологическом горизонте в верхнем палеолите Европы [Григорьев, 1993, с. 11].

Костенковско-авдеевская культура обосновывается опять только на основе типов, список которых включает иногда три, а иногда четыре формы кремневых орудий (наконечник с боковой выемкой, нож костенковского типа, листовидный наконечник) [Grigoriev, 1993]. Говорится о том, что «предметы изобразительного искусства и орудия из камня по-разному отражают родство памятников» [Григорьев, 1993, с. 11], а поэтому меняются оценки степени близости друг к другу ранее объединявшихся памятников. Так, с одной стороны, стоянка Гагарино без сомнений включается в костенковскую культуру [Григорьев, 1989, с. 46], с другой – о ней говорится как о памятнике, обладающем культурными элементами, свойственными павловской культуре, но отсутствующими в Костенках [Григорьев, 1993, с. 11]. Зарайская стоянка то относится к памятникам, испытавшим *влияние* единства Виллендорф-Павлов-Костенки [Григорьев, 1993, с. 11], то включается непосредственно в это единство [Григорьев, 1997, с. 45]. Теперь уже не говорится о «поразительном сходстве» Виллендорфа с Костенками. Виллендорф рассматривается как памятник, «который не сходен с соседними памятниками и не имеет себе подобных (или с ним однокультурных) в другом месте» [Григорьев, 1997, с. 45].

Наконец, примечательно, что в самом конце 80-х годов у Г. П. Григорьева [1989], а потом и у других российских археологов, появляется понятие «восточный граветт» (у Г. П. Григорьева на французский манер – «восточный граветьен»), которое мимоходом использовалось в 50-х годах П. П. Ефименко [1956], М. Д. Гвоздовер [1958], возможно, и другими авторами и, казалось, было навсегда позабыто. Это как бы второе рождение понятия. Но опять, как и в первый раз, в конце 30-х годов нашего века был продемонстрирован типичный пример того, когда понятие, претендующее на место научного термина, возникает прежде, чем его определение и ясность в отношении подразумеваемого под ним явления.

В последней по времени версии Г. П. Григорьева «восточный граветьен» – это «многоуровневая конструкция, где есть: единство Виллендорф-Павлов-Костенки, археологические культуры (костенковская-павловская) и отдельные памятники (Миловице, Виллендорф)» [Григорьев, 1997, с. 45]. Определяется это понятие как «типологическое единство», включающее такие формы орудий, как «ножи костенковского типа, листовидные острия павловского типа, пластинки с притупленным краем, с симметрично оформленными концами, наконечники костенковского типа с боковой выемкой» [Григорьев, 1997, с. 46]. Без конкретизации говорится также об асимметричных остриях с приостряющей ретушью и «разных остриях» с крутой ретушью по всему обводу.

Нетрудно заметить, что это описательное определение мало чем отличается от типологической характеристики костенковско-авдеевской культуры. А в таком случае трудно говорить о декларируемой иерархии понятий «единство» и «культура». Но если даже принять данную интерпретацию «единства», то возникает вопрос о методической обоснованности прямого сопоставления его с собственно граветтом Франции (притом, что последний рассматривается в качестве археологической культуры, т. е. явления иного, чем «единство», таксономического уровня), для заключений о существовании между ними радикальных отличий. Возникает и проблема по поводу того, к какой из известных надкультурных категорий верхнего палеолита Европы относить памятники Центральной и Восточной Европы, которые не включаются в «восточный граветт», но обозначаются как подвергшиеся влиянию «восточного граветта». Наконец, на Русской равнине имеется целый ряд памятников, которые также обладают граветтскими чертами, но не могут быть отнесены не только к «восточному граветту», но даже к числу «испытанных влияние» последнего (например, Тельманская стоянка, Борщево 1, Костенки 4, Костенки 21, Пушкири и др.). Правоммерно ли в отношении этой группы памятников также утверждать,

Таблица 1. Основные индексы граветтоидных памятников Русской равнины.

Памятники	Индексы					
	IG	IGA	IB	IBd	IBt	ILd
Костенки 1, слой 1	6,27	+?	26,41	19,35	7,09	10,04
Авдеево 1 «старое»	1,98	+?	22,87	18,75	4,11	8,38
Авдеево 1 «новое»	1,13	+?	17,86	15,44	2,42	10,07
Зарайск	4,70	+?	50,59	46,66	3,92	1,96
Молодово 5, слой 7	11,54	0,09	25,15	>IBt	<IBd	7,19
Хотылево 2	15,96	0	50	>IBt	<IBd	17,52
Гагарино	10,3	0	46,37	>IBt	<IBd	8,47

что они составляют еще одно культурное явление, не имеющее, как и «восточный граветт», каких бы то ни было связей с граветтом Запада? Если нет, то чем объяснить, что часть памятников Центральной и Восточной Европы, определяемая как «восточный граветт», избежала воздействия общеевропейского по географическому охвату культурного явления граветтоидного характера? Не проще ли говорить о «восточном граветте» как об археологических культурах, которые похожи друг на друга больше, чем на соседние, и не более того? Тогда не пришлось бы оперировать и столь неопределенным понятием «влияние» для объяснения случаев, противоречащих концепции «восточно-граветтского ядра». Ведь никто не будет спорить, что, по крайней мере, на сегодняшнем уровне методики невозможно археологическими средствами описать механику и измерить степень «влияния», а также дать четкую характеристику и выявить масштаб трансформаций, происходящих в подвергшейся «влиянию» индустрии. Понятно, что построения, лишенные такой определенности, всегда будут оставаться гипотезой, которую невозможно проверить.

Когда говорится о «глубоких отличиях» индустрий Центральной и Восточной Европы от граветтских памятников Западной Европы, иногда делается упор на то, что наличие в наборе характеристик комплексов крутой краевой ретуши и изделий, оформленных с ее применением, не является показателем сколько-нибудь значимого сходства между памятниками [Булочникова, 1997, 1997a]. Обычно же даже один этот показатель считается достаточным, чтобы относить определенные памятники к единому перигордийскому (граветтскому) пути развития верхнепалеолитической культуры Европы [Григорьев, 1968, с. 118]. И, выделяя именно этот признак, исходят из того, что его наличие предполагает существование целого ряда других взаимосвязанных показателей (высокоспециализированная техника пластинчатого раскалывания, микропластинки, острия на пластинках с притупленным краем, широкое использование приема подработки концов, а также фрагментации заготовок с использованием ретуши, костяные наконечники и другие изделия с пазами и др.). Большая часть этого технологического багажа перигордийского ствола верхнего палеолита была впоследствии унаследована эпиграветтом и мадленом. И как бы ни сыпали «граветтами», «бареттами», «флешеттами» и т.д. для доказательства глубинной разнородности западного и восточного граветта, доказать всем этим можно лишь только то, что не требует дополнительных доказательств, а именно: что *конкретные археологические культуры* Западной Европы отличаются от *конкретных культур* Центральной и Восточной Европы.

Сторонники концепции изначальной специфичности «восточного граветта» никогда не говорят о том роде данных, который позволяет диагностировать перигордийскую (граветтскую) общность и имеет отношение к особенностям структуры комплексов каменных изделий. Речь идет о соответствующих индексах, позволяющих выражать сходства и различия в формализованных и просчитываемых цифровых показателях. Применительно к «восточнограветтским» и «испытавшим влияние восточного граветта» памятникам Русской равнины эти индексы распределяются следующим образом (табл. 1).

Для исчисления индексов использованы подсчеты по соответствующим памятникам, приводимые в публикациях авторов раскопок и специальных статьях [Гвоздовер, (см. наст. сборник); Тарасов, 1998; Черныш, 1987; Заверняев, 1991; Трусков, 1997].

Использование любых подсчетов, особенно в сравнительном плане, сопряжено с рядом трудностей. Одна из них – различия авторов в подходах к классификации материала. Так, мы не всегда можем привести индексы резцов двугранных (IBd) и резцов ретушных (IBt) из-за того, что авторы публикаций не подразделяют (например, для Хотылево 2 и Гагарине) категорию резцов на эти две разновидности. Можно лишь понять по контексту, что первые доминируют. Отсутствие в ряде случаев необходимой детализации типологических описаний делает сложной оценку наличия или отсутствия тех или иных форм орудий и вычисления, например, индекса скребков ориньякских (IGA).

Другое затруднение касается степени представительности используемых цифровых показателей. Кроме размеров раскопанной на памятнике площади, объем и полнота коллекций прямо зависят от тщательности процесса раскопок и условий хранения. И, не зная, как обстоит дело в каждом конкретном случае с тем и другим, трудно быть уверенными в абсолютной надежности получаемых нами цифр. Нельзя также сбрасывать со счетов различные подходы исследователей к итоговым подсчетам находок. Одни включают в общее число все без исключения кремневые предметы, относя сюда и чешуйки ретуши, а другие в этих подсчетах не учитывают чешуйки оббивки. Причем, то или другое далеко не всегда оговаривается в публикациях. На одних памятниках при раскопках делается сплошная или частичная промывка грунта, доставляющая большое количество чешуек, а иногда и довольно крупных кремней, а на других, где обходятся без промывки, значительная часть чешуек и мелких кремней вообще неизбежно теряется. Все это сказывается на количественных данных о коллекциях и, в конце концов, на статистических выкладках.

Некоторая условность в оперировании полученными данными присутствует и в том, что мы исходим изначально из единовременности рассматриваемых комплексов. Подавляющее большинство исследователей действительно считает каждый из анализируемых здесь памятников остатками единовременного палеолитического поселения. Между тем, имеются и серьезные возражения этому, например, применительно к Зарайской стоянке. Если говорить о большинстве других стоянок, то мнение о единовременности обнаруженных на них объектов и находок также не основывается на результатах специальных и сколько-нибудь строгих доказательствах.

И, наконец, ряд памятников, которые могут рассматриваться в контексте граветто-идных индустрий Русской равнины, или не обладают статистически сопоставимыми коллекциями, или не опубликованы с достаточной полнотой.

Несмотря на высказанные соображения, можно утверждать, что подсчеты, с которыми мы имеем дело, обрисовывают более или менее достоверную картину. Конечно, увеличение площади раскопок, например, может привести к изменению конкретных цифр, но, судя по уже имеющимся данным, трудно предположить, что это сколько-нибудь существенно скажется на общих тенденциях и взаимных соотношениях индексов.

В качестве основы для интерпретации данных, которые стоят за индексами, приведенными в таблице 1, можно использовать базовые оценочные показатели ориньякских и перигордийских индустрий Франции. Это будет правомерным хотя бы потому, что и сами понятия «ориньяк» и «перигордьен» сформированы изначально на французских материалах. Итак, ориньякские памятники характеризуются следующими показателями: IG (индекс скребков) – 40–60; IGA (индекс ориньякских скребков) – 15–20; IB (индекс резцов) – 10–20; IBd (индекс резцов двугранных) – доминирует над IBt (индекс ретушных резцов); IBt – всегда ниже IBd; ILd (индекс пластинок с притупленным краем) – 0 или очень низкий [Sonneville-Bordes, 1960, p. 147, 148, 215–217]. Для верхнеперигордийских же (граветтских) индустрий показательными являются следующие значения индексов: IG – 10–30; IGA – 0 или очень низкий; IB – 20–40; IBd – как правило, ниже IBt; IBt – доминирует над IBd или близок к нему; ILd – всегда значительный [Sonneville-Bordes, 1960].

Таблица 2. Основные индексы Мураловской стоянки.

Памятник	Индексы					
	IG	IGA	IB	IBd	IBt	ILd
Мураловка	14	3,43	10	7,71	2,28	0

Сравнение полученных нами данных с приведенными базовыми показателями показывает следующее. Рассматриваемые памятники по трем индексам (IG, IGA, IB) выглядят как перигордийские, по двум (IBd, IBt) – как ориньякские и по одному (ILd) – как промежуточные. К этому необходимо сделать лишь поправку, что по индексу резцов Хотылево 2 и Зарайск выпадают из общей картины, поскольку IB здесь не перигордийский, а ориньякский. Но это противоречие, по всей видимости, кажущееся. В отношении Зарайской стоянки оно определенно связано с неполнотой подсчетов (в исходных данных А.В. Трусова не учтены находки раскопок 1995–1997 годов, т.е. не менее 15000 изделий). Нет уверенности и в том, что при раскопках Хотылево 2 не было потерь какого-то количества кремневых находок.

Таким образом, если даже отвлечься от конкретных руководящих форм, придающих специфику ориньякским и перигордийским индустриям, и опираться только на структуру их кремневых коллекций, то рассматриваемые памятники не являются в чистом виде ни ориньякскими, ни перигордийскими (граветтскими). Именно это и побуждает называть эти комплексы граветтоидными, чтобы отчленив их, с одной стороны, от ориньяка, а с другой стороны, не причислять к собственно граветтским. Причем, трудно даже с уверенностью говорить о том, что перигордийские элементы являются здесь преобладающими. Не только статистические данные, но и само знакомство с конкретными материалами (и последнее даже в большей степени) подводит исследователя к ощущению, что перигордийская составляющая рассматриваемых памятников как бы накладывается на ориньякоидную основу и в большей или меньшей степени трансформирует ее. К сожалению, выразить это в какой-то абсолютно доказательной формуле невозможно. Тем более, что разные группы памятников различаются по степени выраженности первой или второй из двух указанных составляющих индустрий. Несмотря на это, наличие здесь граветтских черт представляется фактором более значимым для формулирования общей дефиниции и обозначения этих памятников как граветтоидных.

Справедливость приведенного заключения, а также значимость лежащих в ее основе данных, выраженных в индексах, способны подтвердить или опровергнуть результаты аналогичного рассмотрения более или менее одновременных, но инородных индустрий Русской равнины. При этом, конечно, нет необходимости сравнивать наши памятники со стоянками селетоидного типа [Аникович, 1994]. Отличия здесь слишком разительны и не требуют дополнительной аргументации. Более подходят для такой цели памятники ориньякоидные.

Одним из выразительных памятников такого типа является Мураловская стоянка. Соответствующие индексы категорий каменных изделий коллекции Мураловки выглядят следующим образом (табл. 2; подсчеты сделаны нами по данным: [Праслов, 1972; Рогачев, Аникович, 1984]).

Приведенные в этой таблице индексы существенно отличаются от тех, которые даются выше для граветтоидных памятников, и полностью соответствуют значениям, характерным для ориньякских индустрий. Мы должны были бы говорить об ориньякоидном характере индустрии памятника и в том случае, если бы основывались не на индексах категорий орудий, как в данном случае, а на анализе состава конкретных форм каменных изделий. Речь идет, прежде всего, о хорошей представленности в Мураловке кареноидных скребков, скребков *à museau* и пластинок, близких к типу *dufour*. Но и одни только индексы Мураловской стоянки позволяют установить культурную специфику этого памятника гораздо более определенно, чем «ориньякско-перигордийскую» [Праслов, Филиппов, 1967]. А с методической стороны они еще раз демонстрируют правомерность

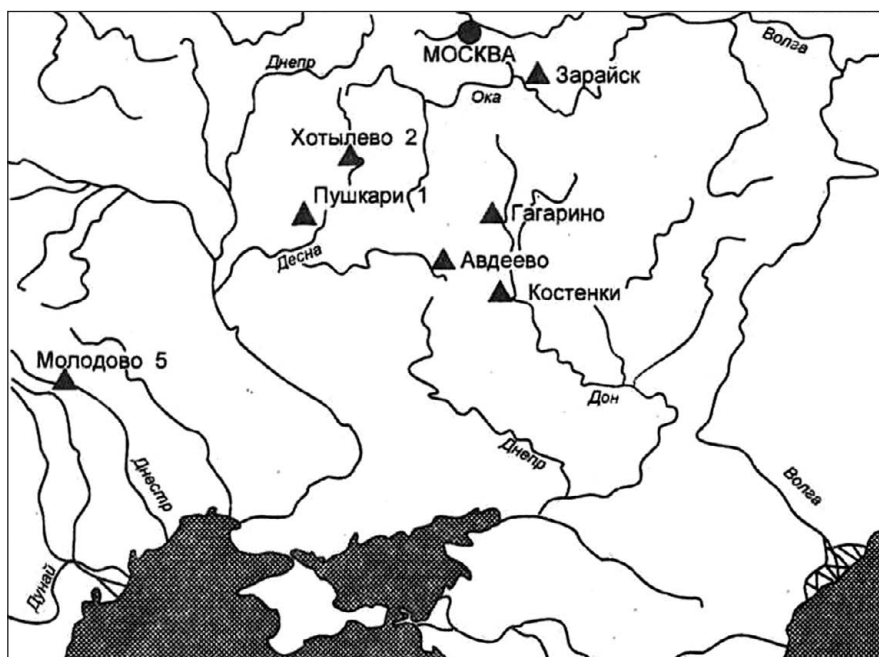

Рис. 1. Расположение памятников

применения их и к другим рассматриваемым выше памятникам для выработки определений, адекватных культурным особенностям последних.

Если обратиться к проблеме группирования граветтоидных памятников Русской равнины в тесные общности ранга археологической культуры, то мы должны отметить прежде всего, что в процедурном смысле имеющиеся построения, как и в других случаях, базируются на интуитивном подходе. Не приуменьшая значения того, что уже сделано в этом отношении, представляется продуктивным использование для данной цели метода многомерного статистического анализа интересующего нас материала. Отличия приводимого в этой работе варианта кластерного анализа в сравнении с уже имеющимися версиями касаются прежде всего исходной матрицы признаков. Как будет показано ниже, здесь в основу анализа кладутся признаки, учитывающие специфику рассматриваемой выборки – в максимальной степени, и оставляются в стороне данные, имеющие распространение за пределами затронутой исследованием совокупности памятников.

Анализируемая выборка включает четырнадцать граветтоидных памятников, происходящих из четырех разных регионов Русской равнины (рис. 1) – Приднестровья (Молодово 5, слои 7 и 10), бассейна Десны (Авдеево; Хотылево 2, Пушкарки 1), бассейна Оки (Зарайск) и Среднего Подонья (Гагарино; Костенки 1, слой 1; Костенки 11, слой 2; Костенки 11, слой 3; Костенки 8, слои 1 и 2; Костенки 4, слой 1). Критерием отбора памятников служит наличие в коллекциях статистически представительного количества изделий с вторичной обработкой и представленность в составе этих изделий групп орудий, которые по своим морфологическим и технологическим признакам являются показательными для установления сходства и различий между комплексами.

Исходными для анализа являются понятия «базовая морфологическая группа» (БМГ) и «базовая технологическая группа» (БТГ). Понятие БМГ близко по значению понятию «fossile direct cure». Отличие состоит в том, что под вторым предполагается обычно какая-то конкретная форма, тогда как в БМГ могут входить несколько близких форм, которые назывались бы вариантами типа, если бы можно было во всех случаях четко улавливать границу, отделяющую тип от варианта типа. По аналогии с БМГ понятие БТГ служит обобщению специфических технологических характеристик первичной

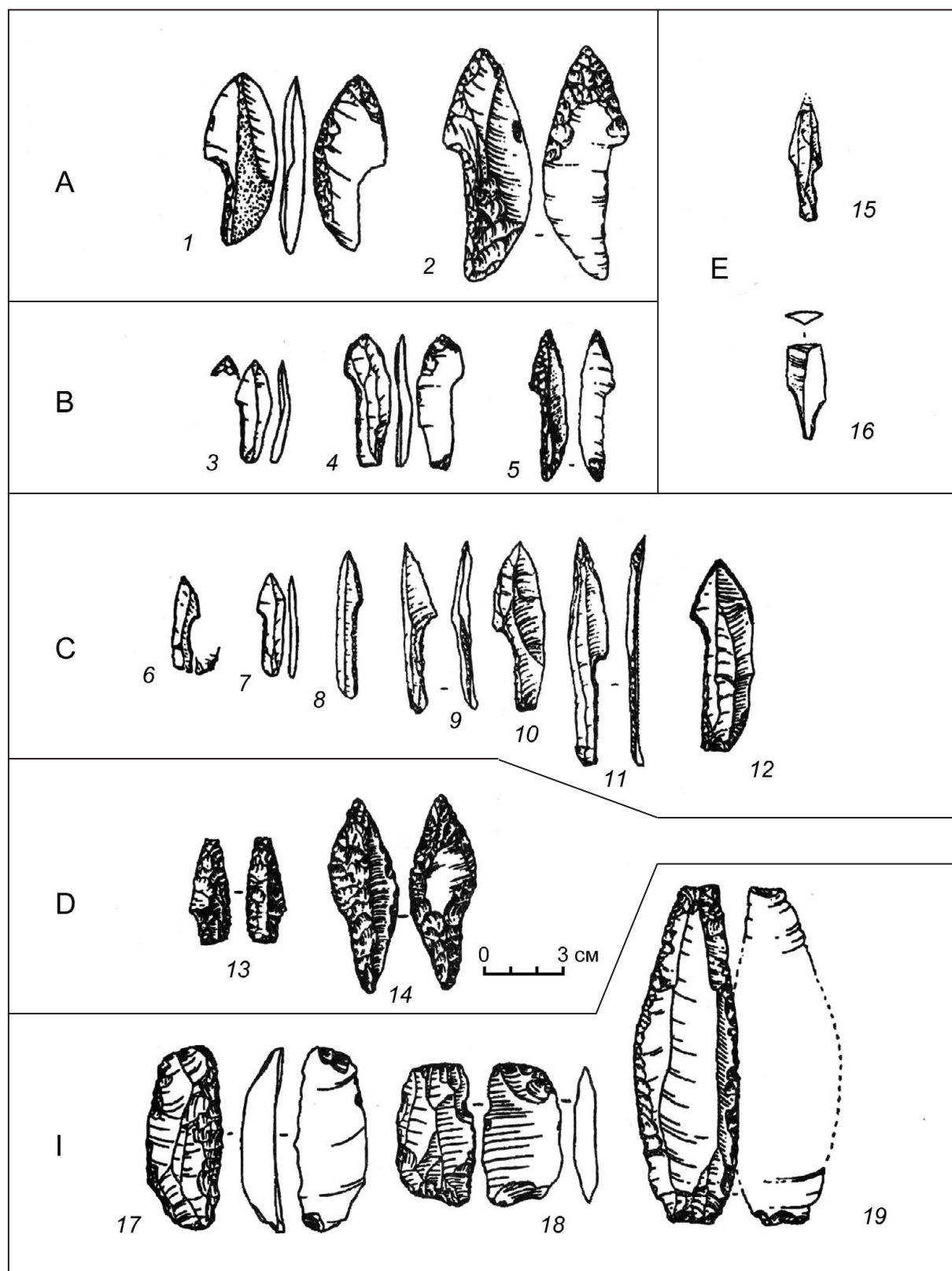

Рис. 2. Базовые морфологические группы (A, B, C, D, E) и базовая технологическая группа (I)
 A – НБВ 1; B – НБВ 2; C – НБВ 3; D – НБВ 4; E – НЧ;
 I – изделия («ножи костяного типа») с «костяной» техникой (рисунки здесь и дальше по А. Н. Рогачеву, Н. Д. Праслову, М. В. Аниковичу, М. Д. Гвоздовер, Г. П. Григорьеву, П. И. Борисковскому, Е. А. Векиловой, Ф. М. Заверняеву, Л. М. Тарасову)

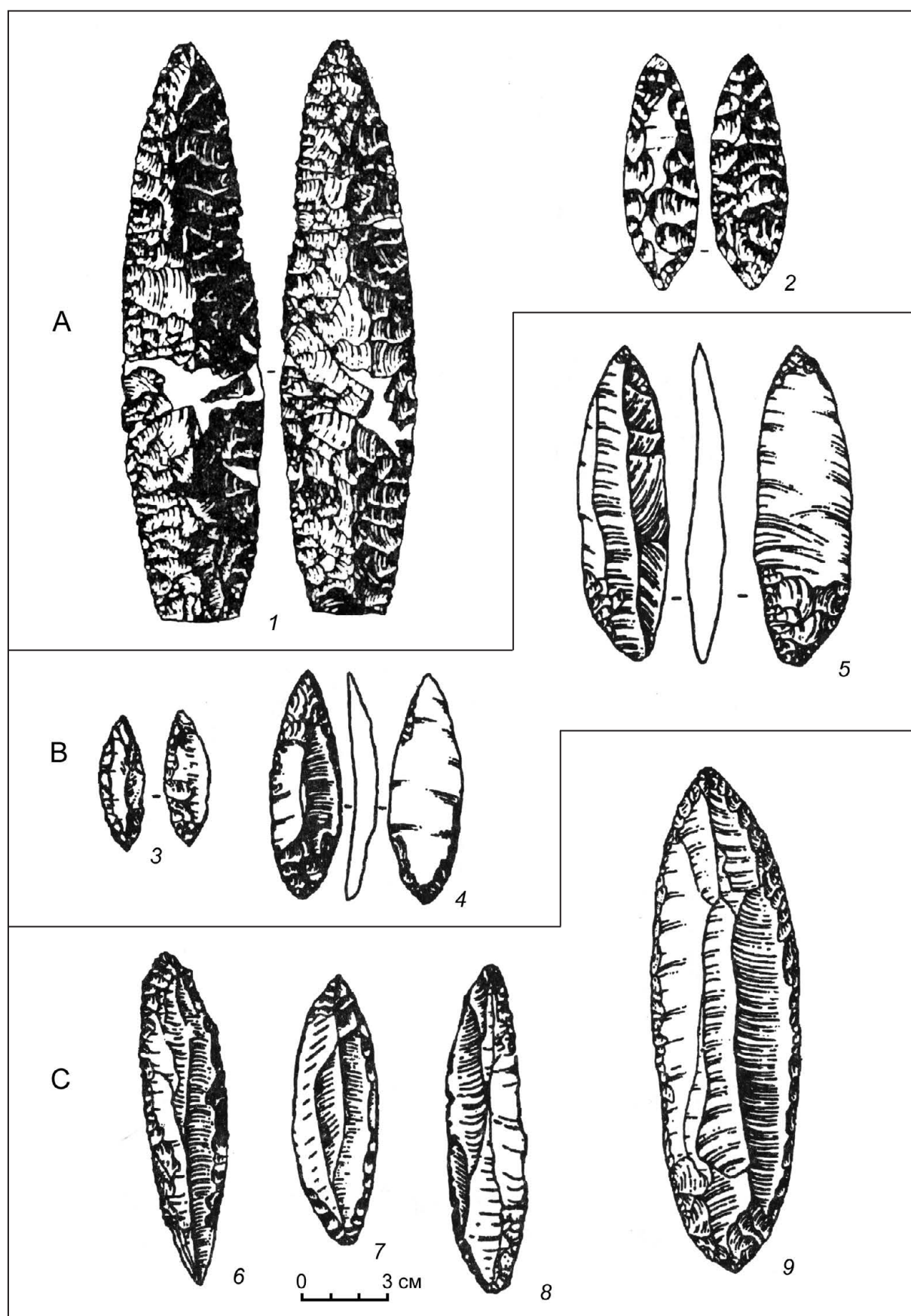

Рис. 3. Базовая морфологическая группа листовидных наконечников А – ЛН-1; В – ЛН-2; С – ЛН-3

и окончательной обработки изделий. Как уже отмечено выше, за пределами специального рассмотрения оставляются морфологические группы и технологические показатели, а также структурные характеристики комплексов, являющиеся общими для всех граветтоидных памятников.

Таким образом, сопоставление осуществляется больше по принципу выявления различий, чем сходств. Возможность случайности выявляющегося при этом сходства между комплексами сводится к минимуму. Если такая случайность и возможна, то связана она будет со степенью качественной представительности конкретной коллекции (один памятник раскопан на 1500 кв. м, а другой – на 200 кв. м; в одном представлены все БМГ и БТГ, а в другом – две-три), но не с погрешностями принципиальной методической основы анализа.

В качестве показательных для рассмотрения избраны три БМГ и два БТГ. Базовые морфологические группы (рис. 2, 3) составляют: наконечники с боковой выемкой, листовидные наконечники и наконечники черешковые. БТГ образованы на основе таких показателей, как характер ведущей формы заготовки (крупнопластинчатая (КП) или узкопластинчатая (УП)) и, равным образом, наличие или отсутствию «костенковской техники», т. е. техники подработки конца заготовки по принцип)» площадочного «стесывания» («ножи костенковского типа»).

Наконечники с боковой выемкой (НБВ) представляют собой изделия на пластинах и пластинках с выемкой в основании одного из краев, оформленной краевой или частично двусторонней ретушью и захватывающей от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ длины заготовки. Они подразделяются на четыре разновидности. НБВ1 – изделия на крупных пластинах с выемкой, оформленной с использованием частично двусторонней ретуши; НБВ2 – изделия на пластинках (узких пластинах; ширина – близка к 12 мм и меньше) с выемкой, оформленной с использованием частично двусторонней ретуши; НБВ3 – изделия на пластинах и пластинках с выемкой, оформленной с использованием только краевой ретуши; НБВ4 – изделия с выемкой, оформленной сплошной бифасиальной ретушью (псевдосолютрейские НБВ).

Листовидные наконечники (ЛН) в данном контексте являются двуконечными остриями на пластинах с максимальной шириной в средней части и оформленные краевой, бифасиальной или комбинацией обоих видов ретуши. Подразделяются на три разновидности. ЛН1 – изделия, оформленные бифасиальной ретушью; ЛН2 – изделия, оформленные сочетанием краевой и бифасиальной ретуши или только частично бифасиальной ретушью; ЛН3 – изделия, оформленные только краевой ретушью.

Под БМГ черешковых наконечников понимается изделие на пластинке с дублированными симметричными выемками в основании, оформленными краевой ретушью.

БТГ «костенковская техника» принимается в описании М.Д. Гвоздовер [1997] и Б. Бредти [Bradley, 1997].

Значимость привлечения к рассмотрению второй БТГ (характер заготовки) можно считать априорной, так как ведущая для комплекса форма заготовки концентрирует в себе всю технологию раскалывания и обуславливает ее наибольшую приспособленность к тем или иным приемам вторичной отделки.

Таким образом, анализ осуществляется по 11 переменным (признакам), являющимся наиболее существенными для суммы объектов, составляющей выборку (совокупность памятников), и не встречающимся при этом в полном составе ни в одном из рассматриваемых памятников. Исходная для кластерирования матрица этих признаков приведена в таблице 3.

Результатом анализа является дендрограмма, структурирующая рассматриваемые памятники по нескольким уровням сходства (рис. 4). Интерпретируя полученный график, можно заметить, что каждый из выбранных для анализа признаков «срабатывает» на каждом из уровней сходства, хотя, возможно, и с разным весом. Наиболее отчетливыми и показательными с собственно археологической точки зрения являются уровни минимального и максимального сходства. Первое демонстрирует изначальное группирование памятников по двум параллельным линиям. Одна из этих линий включает: Костенки 1 (1),

Таблица 3. Матрица признаков.

Признаки Памятники	кп>ук	ук>кп	нбв1	нбв2	нбв3	нбв4	лн1	лн2	лн3	НЧ	КТ
Костенки 1(1)	1	0	1	1	1	0	1	1	1	0	1
Авдеев о	1	0	1	1	1	0	1	1	1	0	1
Зарайск	1	0	1	0	1	0	0	1	1	0	1
Гагарно	0	1	0	1	1	0	0	0	0	0	1
Хотылево 2	0	1	0	1	1	0	0	0	0	0	1
Молодово 5 (10)	1	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0
Молодово 5 (7)	1	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0
Костенки 11 (2)	1	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0
Костенки 21 (3)	0	1	0	0	1	0	0	0	0	1	0
Костенки 8 (1)	1	0	0	0	0	1	1	1	1	0	0
Костенки 4 (1)	1	0	0	0	0	1	1	1	1	0	0
Костенки 8 (2)	0	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0
Борщев о 1	0	1	0	0	1	0	0	0	0	1	0
Пушкари	0	1	0	0	1	0	0	0	1	0	0

Авдеево, Зарайск, Костенки 11 (2), Молодово 5 (7) и Молодово 5 (10). Остальные, за исключением Костенок 4 (1) и Костенок 8 (1), составляют вторую большую группу.

Если говорить об уровне максимального сходства, то здесь выделяется ряд своих групп. Методическим показателем, позволяющим понять, какому археологическому понятию соответствуют группы, образующиеся на этом уровне, служит, в частности, то, что одну из групп здесь составляют Костенки и Авдеево (костенковско-авдеевская группа;

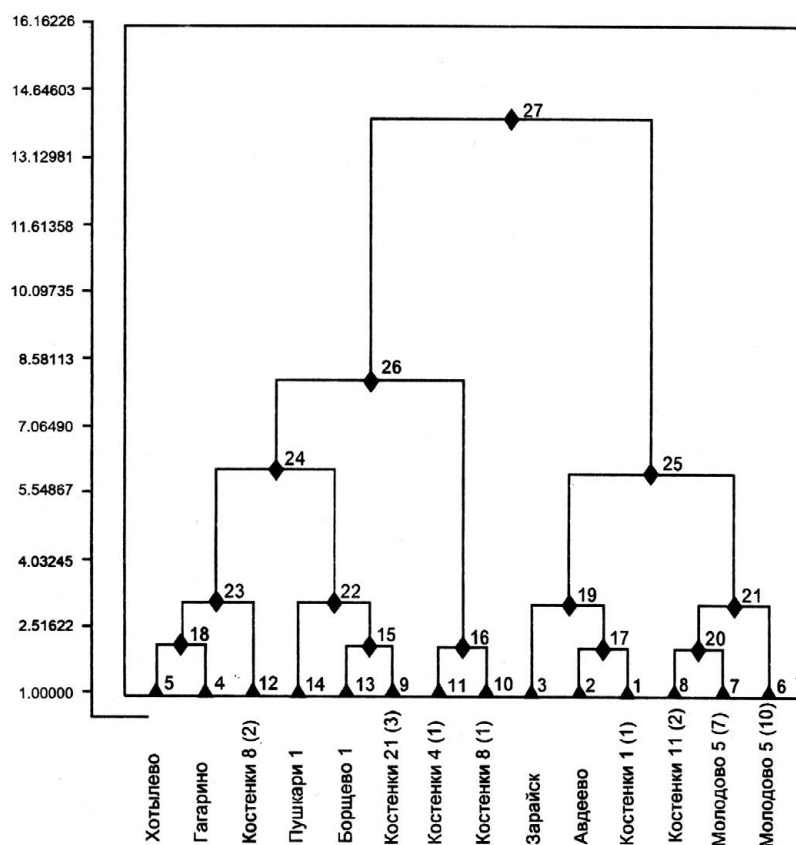

Рис. 4. Кластерная дендрограмма граветтоидных памятников Русской равнины

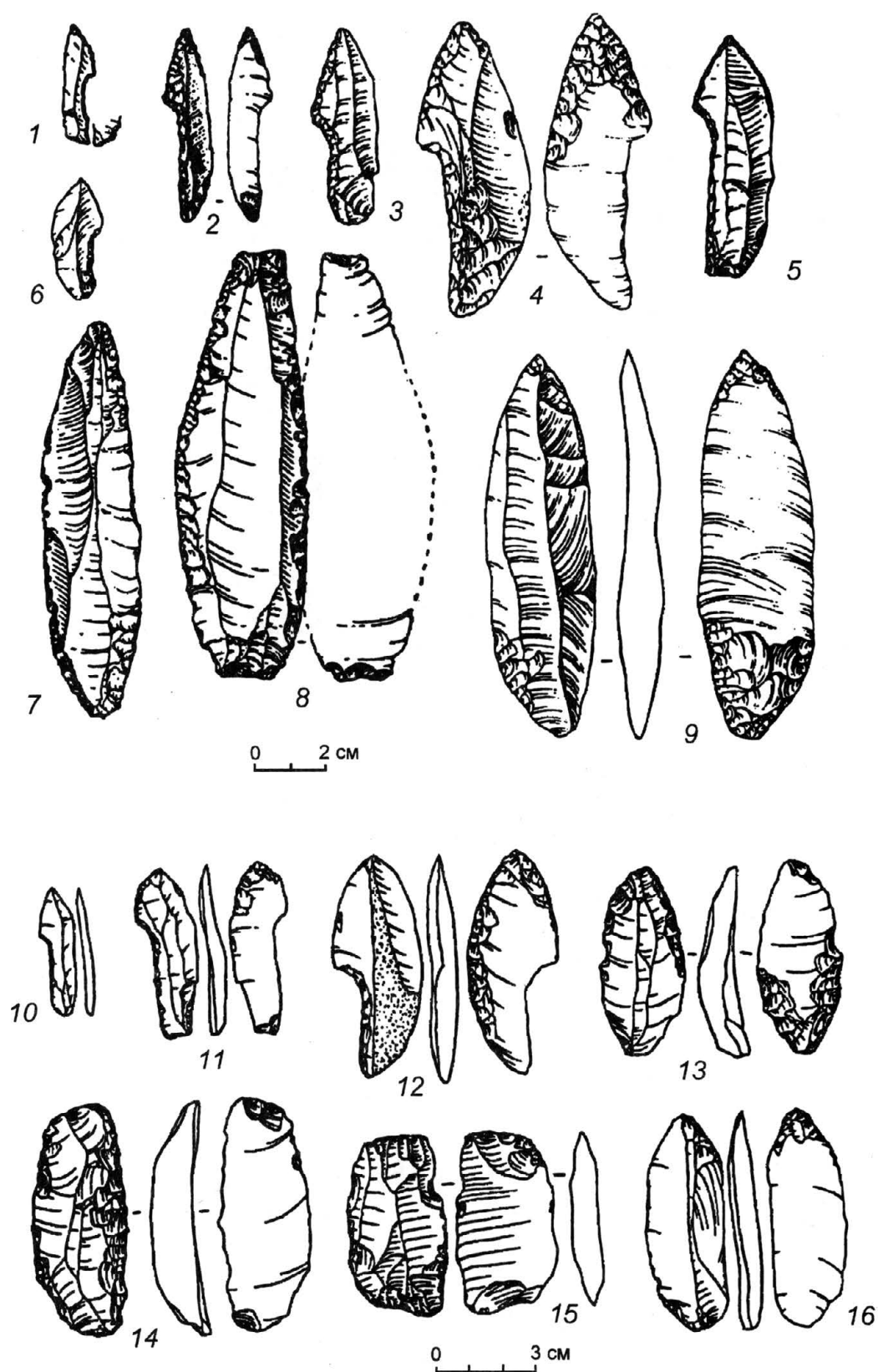

Рис. 5. Ведущие формы каменных изделий костенковско-авдеевской группы
1-9 – Костенки 1, слой 10-16 – Авдеево

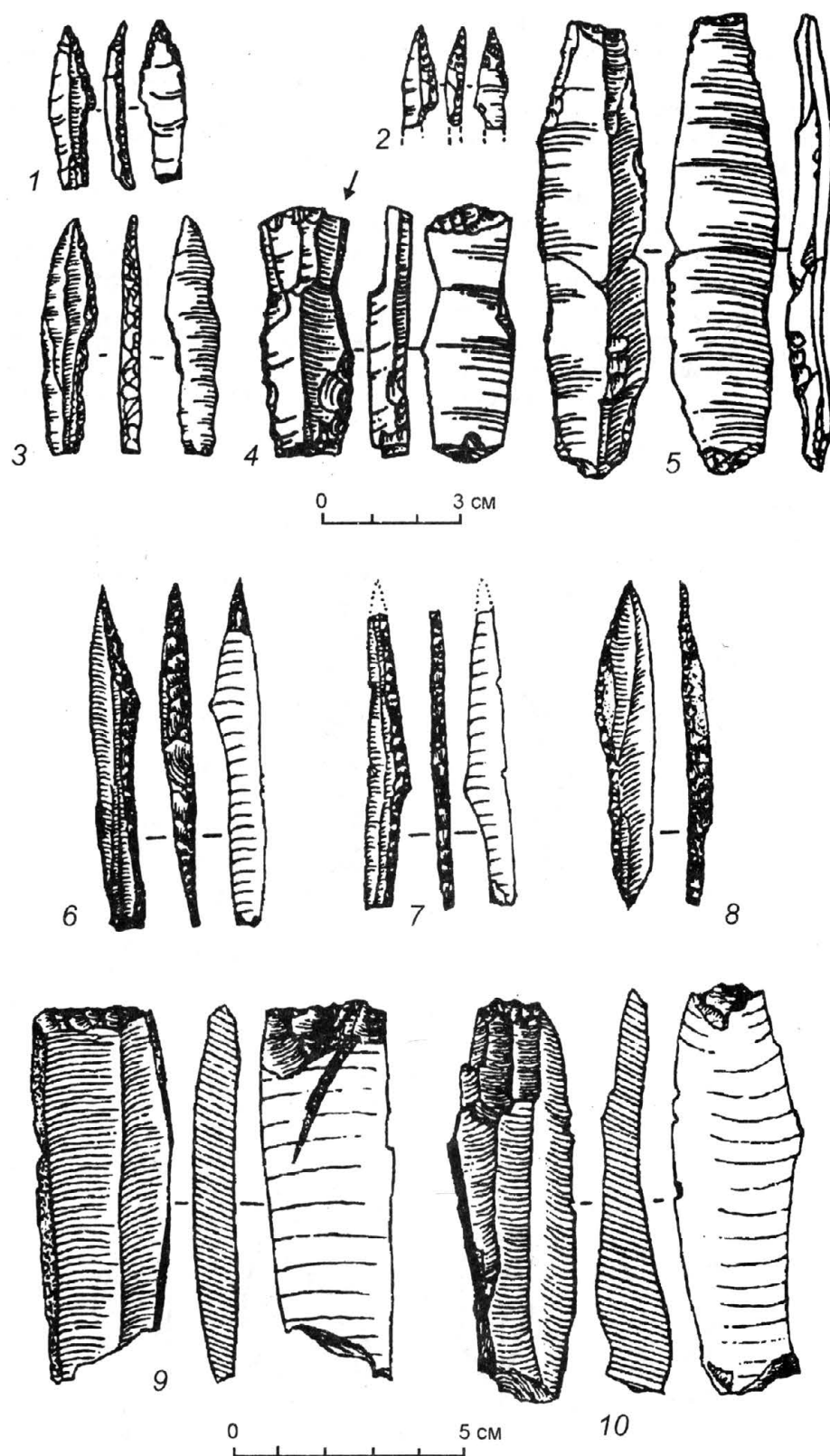

Рис. 6. Ведущие формы каменных изделий гагаринско-хотылевской группы
1–5 – Гагарино, 6–10 – Хотылево 2

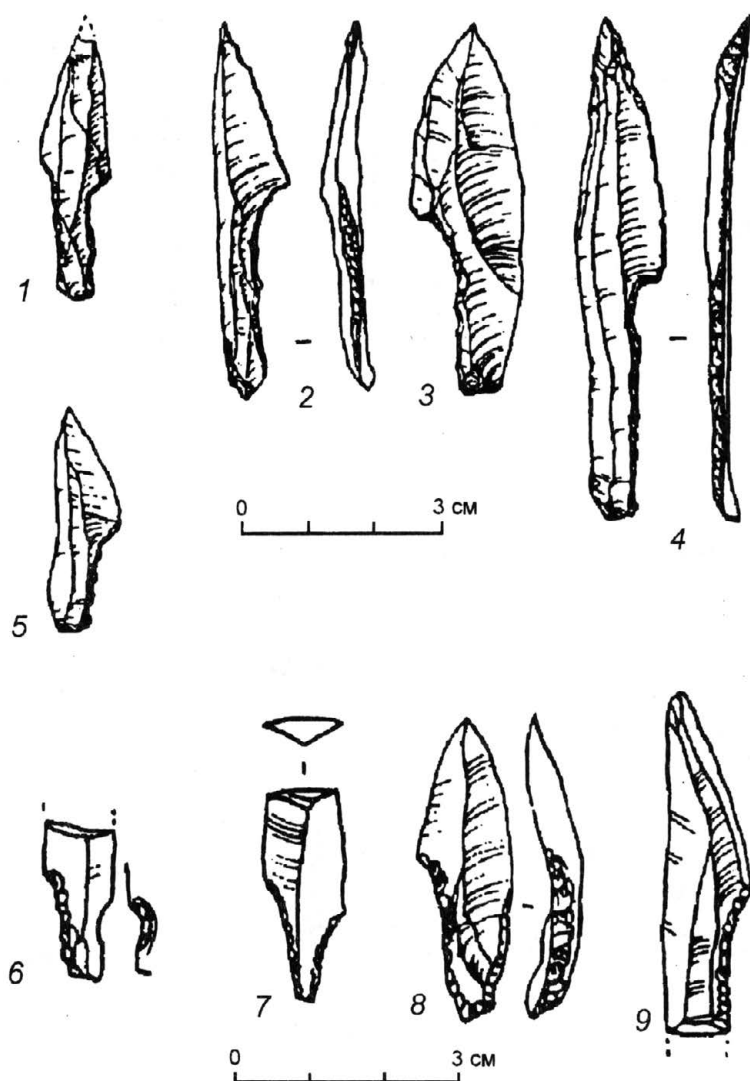

Рис. 7. Ведущие формы каменных изделий костенковско-борщевской группы
1–5 – Костенки 21, слой 3, 6–9 – Борщево 1

рис. 5). Из этого можно сделать заключение, что близость памятников данного уровня может быть с наибольшими основаниями сопоставлена с археологической культурой.

Нетрудно заметить как совпадения, так и расхождения результатов кластерирования в этой части древовидного графика с устоявшимися, а также обсуждаемыми в литературе мнениями относительно степени родства тех или иных памятников друг с другом. К совпадениям можно отнести, в частности, примыкание Зарайской стоянки к Костенкам и Авдеево. Объединение Хотылево и Гагарино (гагаринско-хотылевская группа; рис. 6) в особую группу можно рассматривать как подкрепление точки зрения авторов, прежде всего М.Д. Гвоздовер, которые на основе разнородных наблюдений и раньше склонялись к тому, чтобы несколько дистанцировать их от Костенок-Авдеево.

Представляем неслучайным и группирование Костенок 21 (3) с Борщево 1 (костенковско-борщевская группа; рис. 7), а также Костенок 4 (1) с Костенками 8 (1) (костенковско-александровская группа; рис. 8). Часть расхождений может быть связана с недостаточной степенью представительности коллекций отдельных памятников. Не исключено, что для некоторых памятников мы не обладаем необходимой полнотой характеристик. Это можно отнести, например, к Костенкам 8 (1 и 2), Костенкам 11 (2) и Молодово 5 (10). Именно в кластере, включающем два последних памятника, а также Молодово 5 (7), мы

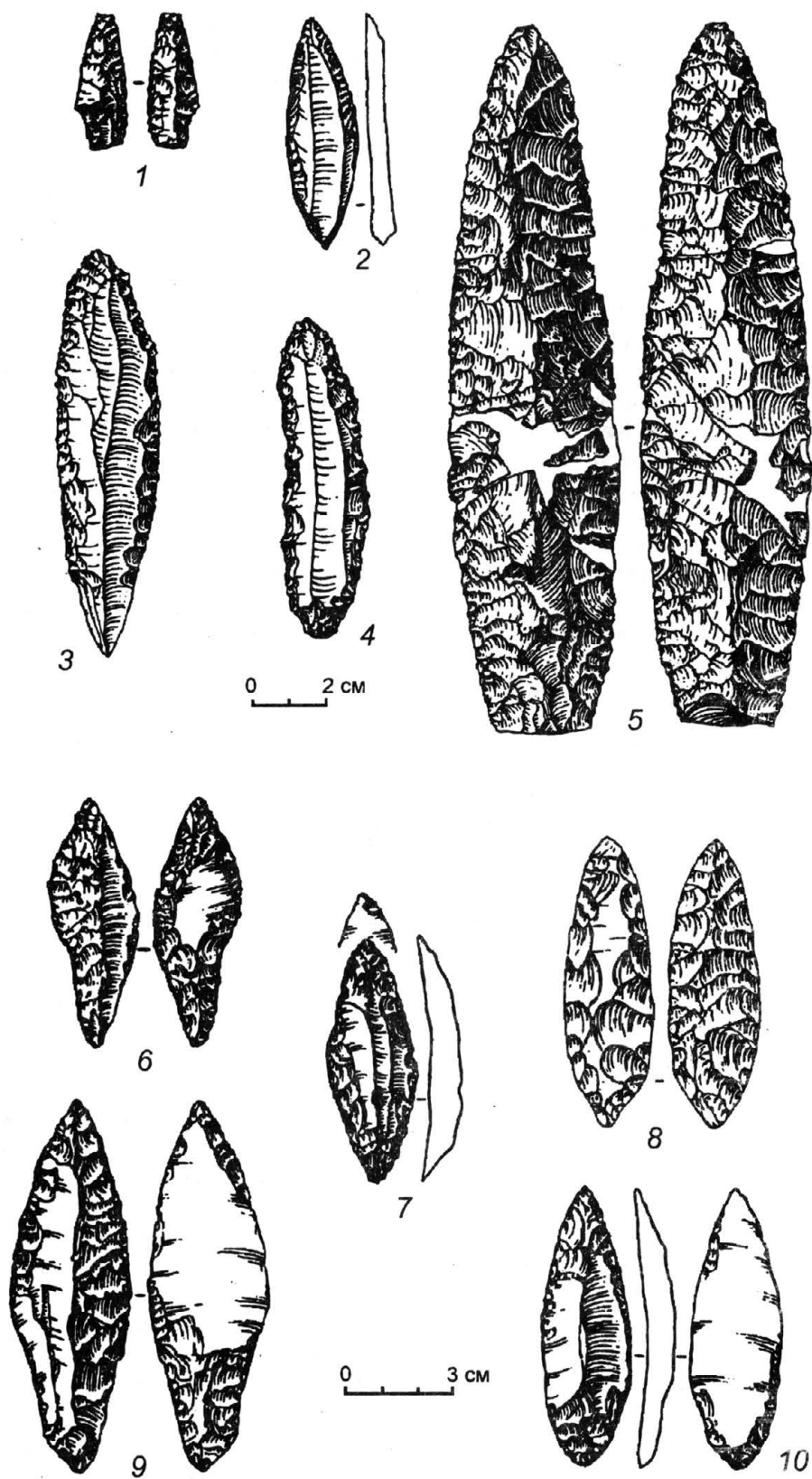

Рис. 7. Ведущие формы каменных изделий костенковско-александровской группы
1–5 – Костенки 4, слой 1, 6–10 – Костенки 8, слой 1

сталкиваемся с тем, что может показаться неожиданным – связь Костенок 11 (2) с Молодово 5 (7) предстает более тесной, чем последнего с Молодово 5 (10).

Дендрограмма позволяет сделать кроме приведенных констатаций и другие, как частные, так и общие заключения. Так, уже по матрице признаков видно, что наличие в инвентаре ножей костенковского типа и в целом «костенковской техники» находится в прямой зависимости от характера заготовки. НКТ обычны в тех комплексах, где основной заготовкой является крупная пластина. И наоборот, правилом является то, что в коллекциях, где господствует узкая пластина, НКТ не представлены или единичны. Точно так же «типичные» наконечники костенковского типа с боковой выемкой всегда связаны с заготовкой в виде крупной (широкой) пластины. Чем мельче (уже) пластина, тем эпизодичнее использование двусторонней ретуши для оформления краевой выемки, и протяженность самой выемки при этом, как правило, не превышает половины длины орудия.

Эти и другие, менее открытые для прямого наблюдения, признаки создают такие разнообразные вариации взаимных сочетаний, что определить интуитивно их вес и значимость для тонких культурных идентификаций памятников чрезвычайно трудно (конечно, если только вольно или невольно не упрощать процедуру). С другой стороны, и статистические методы анализа, в том числе и кластерный анализ, не способны предоставить готовые решения. Преимущество последних, однако, в том, что они более определенные и более проверяемые.

ВЫВОДЫ

Понятие «восточный граветт» не содержит смысла иного, чем обозначение граветтоидных памятников Центральной и Восточной Европы. Пользуясь выражением С.Н. Замiatина, это – наименование, подменяющее объяснение. Основной причиной того, почему данное понятие не привилось в 40–50-х годах в российском палеолитоведении, является активное отторжение тогдашней советской археологией теории миграционизма.

Предпринимаемые в последнее время попытки ограничить употребление этого понятия только памятниками костенковско-виллендорфской общности (культуры) методически ничем не отличаются от способов выделения отдельной археологической культуры.

Памятники «восточного граветта» Русской равнины обладают выразительными ориньякскими чертами, проявляющимися особенно ярко в структуре каменного инвентаря. Граветтские элементы выступают здесь скорее, как культурный суперстрат.

В культурологическом отношении «восточный граветт» выступает не в виде жесткой многоуровневой структурированной системы, а скорее, как культурная непрерывность групп памятников со своими пространственными и временными измерениями. Примерами последнего могут являться костенковско-авдеевская, хотылевско-гагаринская, костенковско-борщевская и костенковско-александровская группы.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникович М.В. 1994. Основные принципы хронологии и периодизации верхнего палеолита Восточной Европы // Археологические вести, № 3, с. 138–144.
- Бредли Б. 1997. Костенковский нож: тип или технология? // Российская археология, № 4, с. 175–176.
- Булочникова Е.В. 1997. Внутриграветтские отношения // Восточный граветт. Тезисы докладов международного коллоквиума. Зарайск-Москва, 1–7 сентября 1997. М., с. 15–18.
- Булочникова Е.В. 1997а. Проблема соотношения верхнего перигордьена и восточного граветт-на // Российская археология, № 4 с. 35–41.
- Гвоздовер М.Д. 1953. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки // Палеолит и неолит СССР. Материалы и исследования по археологии СССР, т. 39, М.-Л.: АН СССР, с. 192–226.
- Гвоздовер М.Д. 1958. Авдеевская стоянка и ее место среди памятников позднего палеолита // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., ИА АН СССР.

- Гвоздовер М.Д.* 1997. Орудия со стесанными концами костенковско-авдеевской культуры // «Восточный граветт». Тезисы докладов международного коллоквиума. Зарайск-Москва, 1–7 сентября 1997. М., с. 60–63.
- Григорьев Г.П.* 1966. Кремсская, виллендорфская и павловская культуры в Средней Европе // Археология Старого и Нового света. М.: Наука, с. 7–24.
- Григорьев Г.П.* 1966а. К различению признаков генетического родства, диффузии и синстадиальности (по материалам палеолита) // Доклады и сообщения археологов СССР. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. М.: Наука, с. 27–35.
- Григорьев Г.П.* 1968. Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*. Л.: Наука, 175 с.
- Григорьев Г.П.* 1979. Костенковская культура: методические проблемы ее выделения. Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в центре Русской равнины // Тезисы докладов к Всесоюзному совещанию, посвященному 100-летию открытия палеолита в Костенках, 20–25 августа 1979 г. Воронеж, с. 28–30.
- Григорьев Г.П.* 1989. Виллендорфско-костенковское единство в его природном окружении // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. (По материалам Восточной Европы и США). Тезисы докладов Советско-американского симпозиума. Ленинград, июль 1989 г. Л., с. 45–47.
- Григорьев Г.П.* 1993. Костенковские памятники в их отношении к палеолиту Средней Европы // Динамика культурных традиций: механизм передачи и формы адаптации. Тезисы докладов Симпозиума по теме гранта: «Культурные трансляции и исторический процесс». СПб., с. 10–11.
- Григорьев Г.П.* 1997. Отношение Восточного граветтена к Западу // Восточный граветт. Тезисы докладов международного коллоквиума. Зарайск-Москва, 1–7 сентября 1997. М., с. 44–48.
- Ефименко П.П.* 1938. Первобытное общество. Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 636 с.
- Ефименко П.П.* 1956. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы. (О памятниках так называемого селетского и гримальдийского типа) // Советская археология, № 26, с. 28–53.
- Заверняев Ф.М.* 1991. Кремневый инвентарь Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // Советская археология, № 4, с. 164–181.
- Замятин С.Н.* 1951. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Происхождение человека и древнее расселение человечества. Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. ТЛ6, с. 89–152.
- Праслов Н.Д.* 1972. Некоторые специфические формы орудий Мураловской палеолитической стоянки // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 131, с. 70–77.
- Праслов Н.Д., Филиппов А.К.* 1967. Первая находка палеолитического искусства в южно-русских степях // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 111, с. 24–30.
- Рогачев А.Н.* 1957. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // Палеолит и неолит. МИА № 59. Т. 3.
- Рогачев А.Н., Аникович М.В.* 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. Серия Археология СССР. М.: Наука, с. 162–271.
- Синицын А.А.* 1997. «Западный граветт» в Восточной Европе // Восточный граветт. Тезисы докладов международного коллоквиума. Зарайск-Москва, 1–7 сентября 1997. М., с. 60–63.
- Тарасов Л.М.* 1979. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л.: Наука, 168 с.
- Трусов А.В.* 1997. Кремневый комплекс Зарайской палеолитической стоянки // Восточный граветт. Тезисы докладов международного коллоквиума. Зарайск-Москва, 1–7 сентября 1997. М., с. 69–71.
- Bradley B.* 1997. Kostenki Knife: tipe or technique? // Восточный граветт. Тезисы докладов международного коллоквиума. Зарайск-Москва, 1–7 сентября 1997. М., с. 73–75.
- Breuil H.* 1924. Notes de voyage paleolithique en Europe Centrale // L'Antropologie, T. XXXIV, № 6, Paris, p. 515–552.
- Breuil H.* 1926. Paleolithic industries from the beginning of the Russia to the beginning of the Wurmian. Man, № 116.
- Childe V.G.* 1956. Kostenki: "East Gravettian" or "Solutrean"? // Twelfth Annual Report of Institute of Archaeology. Moscow, p. 8–19.

- Garrod D.* 1938. The Upper Palaeolithic in the light of recent discovery // *Proc. Prehist. Soc.* Vol. 4, p. 1–26.
- Grigor'ev G. P.* 1993. The Kostenki-Avdeevo Archaeological Culture and the Willendorf-Pavlov-Kostenki-Avdeevo Cultural Unity // *From Kostenki to Clovis. Upper Palaeolithic – Paleo-Indian Adaptations.* Eds: Olga Soffer and N. D. Praslov. Plenum Press. New-York and London, p.51–66.
- Gvozdozer M. D.* 1995. *Art of the Mammoth Hunters.* Oxford, 186 p.
- Hawkes C. F. C.* 1940. *Prehistoric Foundations of Europe.*
- Hawkes J.* 1944. *Prehistoric Britain.* London.
- Kozłowski J. K.* 1986. Gravettian in Central and Eastern Europe // *Advances in World Archaeology.* Eds: F. Wendorf and A. Close. Vol. 5. Orlando, Academic Press, p. 131–200.
- Oakley K.* 1949. *Man the Toolmaker.* London (BMNH).
- Otte M.* 1982. Le Gravettien en Europe Centrale Brugge, Le Tempel.
- Peyrony D.* 1934. Le Ferrasi // *Prehistoire*, № 3, p. 1–92.
- Peyrony D.* 1936. Le Perigordien et l'Aurignacien: nouvelles observations. BSPF, № 33.
- Sonneville-Bordes D. de,* 1960. *Le Paleolithique superieure en Perigord.* Bordeaux, Delmas. T.I.
- Zamiatnin S. N.* 1934. Gagarino // *Bulletin de L'Academie de l'histoire de la culture materielle.* Fasc. 88. Moscou-Leningrad, 85 p.

**ВОСТОЧНОГРАВЕТТСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В КУЛЬТУРНОМ СУБСТРАТЕ
ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЗОЛИТА¹**

В культурной географии мезолита Русской равнины бассейн Оки относится к ареалу общностей, определяемых как бутовская, иеневская и рессетинская археологические культуры. Соответственно, для рассматриваемой территории вопросы генезиса, времени сложения и археологического содержания послепалеолитических культур являются частью проблематики, касающейся мезолита значительной части лесной и лесостепной зон Русской равнины. В попытках решения комплекса этих проблем в качестве ключевой встает задача обнаружения истоков того или иного проявления мезолитической культуры.

При всей вариативности заключений об исходных элементах, послуживших основой для сложения мезолитической культуры рассматриваемой территории, направления поисков и методические подходы исследователей остаются более или менее единообразными. Их характеризует постепенный переход от бытовавшего миграционистского объяснения возникновения в Волго-Окском междуречье основных мезолитических культур [Кольцов, 1984, 1989] к утверждению такой модели их формирования, которую можно назвать аккультуралистской. Общий вывод сводится к признанию наличия для мезолита данного региона местного верхнепалеолитического субстрата, сочетающегося с привнесенными североевропейскими культурными элементами. Определяющим при этом остается признание внешнего и достаточно отдаленного культурного импульса в качестве фактора, формирующего «типологическое лицо» рассматриваемых археологических общностей [Кольцов, 1996; Кравцов, 1998].

Следует, однако, признать, что указанные разработки носят, в основном, теоретический характер. По крайней мере, в той части, которая относится к описанию субстрата волго-окского мезолита, трудно признать, что они достаточно подкреплены доказательным или просто полным и детальным анализом верхнепалеолитических индустрий, признающихся исходными в генезисе мезолита изучаемой территории. Остается некоторая условность и в определении массивов бутовских, иеневских, рессетинских памятников в качестве именно археологических культур. В значительной степени такое положение сохраняется, и ввиду недостаточной разработанности процедуры и принципов ранжирования археологических единств, а также отсутствия общепринятых разработок типологического анализа и номенклатуры каменного инвентаря. Впрочем, последнее относится не только к мезолитическим, но в равной степени и палеолитическим материалам.

Обращаясь к проблеме поисков местной палеолитической подосновы волго-окского мезолита, нельзя не обратить внимание на то, что в литературе уже давно фигурирует устойчивый список памятников, рассматриваемых в качестве исходных в формировании мезолитической культуры Волго-Окского междуречья. Наиболее часто в этой связи упоминаются Алтыново (нижний слой), Золоторучье (нижний слой), Заозерье 1. Реже – такие пункты, как Нестерово, Поповка, Скнятино, Федюково 1. Из более отдаленных от Волго-Окского региона памятников отмечается стоянка Борщево 2 на Среднем Дону. Однако уже сам состав указанных памятников вызывает существенные вопросы. Во-первых, этот список включает в себя все без исключения памятники, расположенные в Волго-Окском междуречье и отнесенные к финальной поре палеолита. При таком подходе любой вновь открытый памятник аналогичного возраста может войти в данный список на равных с другими основаниях. При этом технико-типологические характеристики не будут иметь значения, так как критерии, которые необходимы для включения в группу памятников, считающихся исходными для местного мезолита, никем и никогда не определялись, если не считать попытки А. Е. Кравцова рассмотреть этот вопрос при-

¹ Амирханов Х. А. Восточнограветтские элементы в культурном субстрате Волго-Окского мезолита // «Проблемы каменного века Русской равнины». М., «Научный мир», 2004. С. 5–18.

менительно к стоянкам Заозерье 1 и Борщево 2 [Кравцов, 1998]. Главным критерием фактически считается принадлежность материалов к финальному палеолиту и их расположение на исследуемой территории или территориальная близость к ней. В результате наиболее подходящими для роли культурного субстрата, например, иеневской культуры рассматривается то нижний слой Алтыново [Жилин, Кравцов, 1991, с. 17], то Заозерье 1 [Кравцов, 1991, с. 33], то Борщево 1 [Кравцов, 1989, с. 8–10].

Состояние проблематики наиболее отчетливо характеризует тот факт, что до сих пор явно не обозначена проблема необходимости поиска палеолитических истоков каждого из культурных единств мезолита рассматриваемой территории по отдельности. Особенно настораживает, что одни и те же верхнепалеолитические памятники привлекаются для установления корней столь непохожих друг на друга бутовской и иеневской культур. К тому же ни для одного из перечисленных выше верхнепалеолитических памятников не определены признаки, которые можно было бы принять в качестве специфических или определяющих их своеобразие и через которые можно было бы проследить диагностичные для культурной непрерывности связи между сравниваемыми палеолитическими и мезолитическими памятниками.

Разумеется, у исследователей мезолита существует понимание всей сложности проблемы, о которой идет речь. Часто отмечается и неудовлетворительное состояние источников для решения рассматриваемых вопросов, и ограниченность арсенала исследовательского инструментария для соответствующих разработок, и отсутствие развернутых публикаций материалов памятников, которые считаются финальнопалеолитическими и часто привлекаются в связи с проблемой генезиса мезолита центра Русской равнины. Если говорить о методической стороне дела, то можно считать наметившимся формирование подхода к проблеме, предполагающего дифференцированный анализ генезиса культурных комплексов волго-окского мезолита. Примером, хоть и рискованным, является известный факт, когда прямые генетические связи между конкретной мезолитической культурой и определенной верхнепалеолитической индустрией устанавливаются на основе совпадения (как представляется исследователям) культуроопределяющих типов. Так, можно указать на попытку обоснования генетической связи рессетинской культуры с индустрией Хотылево-Гагарино на основе такого выразительного типа, как наконечник с боковой выемкой [Сорокин, 1989, с. 84–86]. Однако реализация данного подхода на практике оказывается уязвимой как теоретически, так и с точки зрения конкретного типологического анализа. Общее сходство морфологии изделий в памятниках разных эпох и разных территорий вне общего контекста индустрии не выглядит достаточным основанием для заключений о наличии культурной и, тем более, генетической связи между сравниваемыми памятниками. В таких случаях существует опасность принять похожее внешне за тождественное по сути. Примеры, подтверждающие это, можно найти почти повсеместно. Листовидные формы стрелецкой верхнепалеолитической культуры весьма похожи по форме на бифасиальные наконечники волосовской культуры, а черешковые двустороннеобработанные наконечники атерийской культуры довольно долго путали с морфологически схожими орудиями неолита Юго-Западной Азии.

Несколько моментов, весьма существенных для решения проблемы генезиса волго-окского мезолита, можно обнаружить в работах А. Е. Кравцова. Первым и наиболее важным из них является тезис о том, что «иеневским» формам соответствуют «иеневские» заготовки; «бутовским» – бутовские» [Кравцов, 1999, с. 79–126]. Это весьма важное заключение, заслуживающее более развернутого рассмотрения, осталось, к сожалению, по существу не использованным в процедуре выявления генетических корней изучаемой культуры. Можно предполагать, что в данное определение вкладывался смысл более глубокий, чем тот, которым руководствовались исследователи поначалу, разделяя комплексы по не очень корректному принципу на пластинчатые (бутово) и отщеповые (иенево).

Вторым отправным моментом для А. Е. Кравцова является постановка вопроса о необходимости дифференцированного подхода к памятникам, которые традиционно

считаются верхнепалеолитической подосновой волго-окского мезолита. Правильность этой установки была продемонстрирована применительно к стоянке Заозерье 1. Данный памятник был исключен из числа возможных «участников процесса формирования иеневской культуры» [Кравцов, 1998] на том основании, что он не обладает чертами, придающими типологическую специфику рассматриваемой культуре.

Наконец, в дополнение к тому, что говорилось всегда о роли проявлений лингби в формировании иеневской культуры, приводится аргумент в пользу еще одного исходного элемента – аренбургской культуры или проявления аренбургской традиции [Кравцов, 1998]. Он сводится к признанию наличия в инвентаре ряда иеневских памятников орудий в виде ножей с ретушированным обушком. Исходя именно из этого, наиболее предпочтительными для роли местного субстрата иеневской культуры признаются материалы Боршево 2, которые, по мнению исследователя (весьма спорному с типологической точки зрения), содержат в себе указанные и подобные им орудия. Таким образом, получается, что для иеневской культуры данный культурный элемент, с одной стороны, не является внешним в территориальном и генетическом отношениях, а с другой – по своему названию («аренбургская традиция» выступает инородным включением). Это противоречие можно объяснить лишь ошибочностью представления о близости индустрии верхнего слоя Боршево 2 аренбургской культуре. Если же речь идет не о принадлежности данного памятника указанной культуре, а лишь о встречаемости определенных форм орудий, то это свидетельствует только об известном факте широкой распространенности тех или иных форм в памятниках самых разных культур верхнего палеолита. Остроконечные орудия «из пластин, один край которых затуплен крутой «обрубающей» ретушью, а другой оставлен без обработки» [Кравцов, 1998, с. 206] в действительности не несут на себе столь большой типологической нагрузки, чтобы оперировать ими для решения проблем культурных идентификаций и, тем более, генезиса культур. Кроме всего прочего, все рассуждения о Боршево 2 в связи с рассматриваемой проблемой не могут быть результативными и по той причине, что отнесение материалов этого памятника к финальному палеолиту не подкреплено никакими конкретными данными. Таким образом, приходится заключить, что даже лучшие работы по рассматриваемой проблематике показывают ограниченность подхода, основанного на одних только параллелях в морфологии орудий для установления генетических связей между верхнепалеолитическими памятниками Русской равнины и волго-окским мезолитом.

Несмотря на отмеченное выше, возможности для исследования поставленной проблемы нельзя считать исчерпанными даже при имеющемся багаже источников. Рассмотрение проблемы генетических связей между индустриями разных эпох требует в первую очередь определения процедуры исследования. Прежде всего, в основе сравнительного рассмотрения должны лежать не только морфологические сопоставления, но и технологический анализ. При этом последний должен рассматриваться с обязательным привлечением к рассмотрению значимых характеристик первичной и вторичной обработки, и, что особенно важно, с учетом всего технологического контекста в целом.

Формообразование в индустриях каменного века является производной от технологии. Сравнивая соотношение друг с другом этих двух составляющих палеолитического производства, можно утверждать, что технология консервативнее формообразования. Первая более пригодна для решения вопросов, связанных с необходимостью диахронного, вторая – синхронного рассмотрения памятников. Поэтому при выявлении глубоких генетических корней определенной индустрии технологический аспект приобретает не меньшую, чем морфологический, – а даже большую важность. Столь же значимыми для рассматриваемого вопроса являются общие характеристики и тенденции развития предположительной субстратовой культуры, которые зачастую в конкретных разработках остаются в тени поисков частных типологических параллелей.

Изучение подосновы мезолита той или иной территории не может быть подчинено установлению *типологического тождества* данной и искомой культуры или выявлению

единых культуроопределяющих типов. Если бы даже и было возможно установить такое тождество или выявить прямую генетическую линию между культурами, то две сравниваемые и рассматриваемые в качестве различных культуры предстали бы не иначе как разные стадии одного и того же явления. Более того, с точки зрения принципов общей археологической периодизации каменного века такой методический подход противоречил бы правомерности выделения самого мезолита как отдельной археологической эпохи.

Для постановки рассматриваемой здесь проблемы необходимо наличие четких представлений об общих и частных характеристиках культуры поздней поры и финала верхнего палеолита на изучаемой территории. Регион Верхней Волги в этом смысле дает, к сожалению, немного. Финальнопалеолитическими здесь признаются памятники, которые по существующим типологическим представлениям имеют мезолитический облик [Синицына, 1996]. На их основе невозможно установить развитие культуры, поскольку отсутствует сколько-нибудь протяженная местная культурная колонка. Использовать же для этой цели характеристики деснинского или донского палеолита при современном состоянии знаний методически не оправдано и с типологической точки зрения бесперспективно. Благополучнее обстоит дело с материалами бассейна Оки. Здесь, как уже отмечалось, распространены практически те же мезолитические культуры и при этом имеются разновременные памятники верхнего палеолита (в том числе и финальнопалеолитические), инвентарь которых в большинстве случаев поддается внятным морфологическим и технологическим характеристикам, а иногда и археолого-культурным идентификациям.

Говоря о территории бассейна Оки, необходимо, прежде всего, выяснить, обладает ли верхнепалеолитическая культура данного региона существенными особенностями, отличающими ее от синхронной культуры в соседних областях. И второе, дают ли материалы окского палеолита для постановки вопроса об истоках волго-окского мезолита данных больше, чем палеолитические материалы соседних территорий. Отметим сразу, что на оба этих вопроса можно ответить утвердительно.

Вопрос об особенностях верхнего палеолита Оки специально рассматривался Л. В. Греховой [Грехова, 1994, с. 7–19]. По ее мнению, специфика палеолита Оки в сравнении с другими областями сводится к двум основным моментам. Первый определяется как сосуществование здесь в верхнем палеолите двух технических традиций – сунгирской (костенковско-стрелецкой) и зарайской (костенковско-авдеевской). Второй формулируется следующим образом: палеолит бассейна Оки обнаруживает сходство с культурой костенковско-боршевского района и не имеет никаких культурных параллелей с верхним палеолитом деснинского бассейна. Спорность обоих утверждений очевидна. Сунгирская и зарайская традиции в действительности не сосуществовали, а бытовали последовательно. Что касается сравнений с деснинским палеолитом, то на отдельных отрезках верхнего палеолита культура Поочья обнаруживает сходство с культурой Подесенья в той же степени, что и культура Среднего Дона. Речь идет, в частности, о памятниках костенковско-виллендорфского единства.

На наш взгляд, палеолит бассейна Оки действительно обладает своими особенностями, но проявляются эти особенности не в содержании культуры, а характере ее развития. Что же касается археологического выражения исходных элементов культуры на разных этапах верхнего палеолита бассейна Оки, то оно ничем существенным не отличается от такового более южных районов Русской равнины, например, Среднего Дона. Тем не менее сам характер развития культуры приобретает здесь своеобразие, что это не могло не отразиться на общем историко-культурном процессе в данном регионе.

Среднее Поочье – территория, близкая к «ловушке» палеолитических культур европейского ареала, каковой является Северное Предуралье и Прикамье. Для таких территорий характерно долгое переживание культурных традиций и даже застойный характер развития культуры. К моменту существенных межрегиональных культурных трансформаций, вызванных, например, радикальной сменой природно-климатических условий,

в их пределах сохраняется культурный комплекс, который оказывается уже давно изжитым на территориях с динамичным характером развития культуры. Если говорить о бассейне Средней Оки, то он не является перекрестком культур каменного века (как, например, Среднее Подонье), но, с другой стороны, это и не «ловушка культур». Он сочетает в себе признаки, характерные для регионов как первого, так и второго типов, но при этом данные признаки лишены своих типичных проявлений, отмечаемых в районах с динамичным и застойным характером взаимодействия и развития культуры.

Уже общий взгляд на материалы поздней поры верхнего палеолита бассейна Оки выявляет две линии непрерывного и параллельного развития культуры на отрезке, примерно, от 17 тыс. л. н. и до конца ледниковой эпохи, с которым традиционно связывается появление здесь индустрий с типологическим набором мезолитического облика. Индустрии, характеризующие эти линии, условно можно назвать крупно- и узкопластинчатыми. Такое разделение, разумеется, требует разъяснений и доказательных обоснований.

Вопрос, который встает в связи с предлагаемым разделением, насколько существенны стандарты пластинчатых заготовок для общего облика индустрии. В теоретическом плане положительный ответ на этот вопрос вряд ли может вызвать сомнения. Примеры обстоятельного анализа этого аспекта на широком хронологическом фоне для мезолита рассматриваемой территории нам неизвестны. Однако нельзя сказать, что на этот вопрос совсем не обращали внимания в связи со сравнительным рассмотрением мезолитических культур Волго-Окского междуречья. Так, в частности, делалось заключение, что «пластинчатость более характерна для бутовской культуры и ее присутствие в иеневских комплексах может быть фактом взаимовлияния» [Сорокин, 1990]. Здесь справедливо то, что стандарт исходной заготовки рассматривается в качестве одного из ведущих культуроопределяющих признаков. Однако трудно согласиться с тем, что иеневская индустрия не является пластинчатой. Но главное даже не в этом. При том, что обе указанные культуры относятся к пластинчатым, пластинчатость эта в сравнительном рассмотрении оказывается принципиально различной. В одном случае индустрия узкопластинчатая (бутовская), а во втором – крупнопластинчатая (иеневская).

Представляется, что разделение индустрий на узкопластинчатые и крупнопластинчатые не менее важно, чем разделение на отщеповые и пластинчатые. Заготовка (в том числе, вариации пластинчатых) – это, прежде всего, средоточие традиционной техники первичного раскалывания (характер нуклеуса, использование посредника или его отсутствие, наличие или отсутствие специфического набора приемов скалывания, ядрищ на заготовках и т.п.). Во-вторых, она является регулятором способов вторичной обработки (преимущественное использование бифасиальной или краевой ретуши, представительность приема поперечного и продольного тронкирования и различных приемов подработки концов, интенсивность использования приема резцового скола, частота использования крутой ретуши и т.п.).

В-третьих, стандарт заготовки определяет не только особенности последовательных этапов обработки камня, но и саму морфологию законченных орудий.

Второй вопрос касается того, насколько технологические характеристики индустрий могут быть показателем культурной специфики тех или иных групп памятников. Здесь нельзя не принять во внимание проверенное на многочисленных конкретных материалах заключение специалистов по первобытной технологии. Оно состоит в том, что изучение не только общей технологии, но даже одной лишь техники получения пластинчатых заготовок может дать признаки, определяющие культурную специфику индустрии. Это с убедительностью продемонстрировано на примере изучения коллекций Зарайска, Костенок и Авдеево. Совокупность таких признаков, как редукция и абразивная обработка кромки ударной площадки нуклеуса, выделение точки удара для получения каждой из заготовок, ретушная подготовка ребра пластины на нуклеусе еще до ее снятия в дополнении с некоторыми другими показателями, относящимися к способу оформления и переоформления самого нуклеуса в ходе его утилизации, признаны в качестве

определяющих характеристик костенковско-авдеевской культуры [Gina, Bradley, 1998, p. 191–213].

Пластина костенковской технологии, если судить по лучше известным автору зарайским материалам, представляет собой довольно массивную заготовку. Размеры ее, в среднем, составляют 3×9–10 см. Экземпляры, превышающие эти показатели, достаточно обычны: ширина пластин достигает иногда 5 см, а длина – 20 см. Сечение, чаще всего, треугольное. Будущие размеры и форма пластины предопределялись предварительной подработкой площадочной и рабочей поверхностей нуклеуса. Выделение точки удара осуществлялось двумя-тремя небольшими и тонкими лямеллярными снятиями вдоль рабочей поверхности ядрища по краям от намеченной точки удара. В результате в основании пластины на спинке оставались негативы этих сколов, создающие впечатление того, что эта часть заготовки подвергалась утоньшению еще на нуклеусе. Другой вид подработки поверхности раскалывания сводился к тому, чтобы выпрямить центральное ребро будущей заготовки и задать ему направление строго вдоль продольной оси рабочей части нуклеуса. В комбинации с указанной специальной обработкой площадочной части нуклеуса это служило приданию пластине предельной длины с максимально возможным прямым профилем и преимущественно треугольным сечением. Набор указанных приемов весьма специфичен, и мы обнаружим их далеко не на каждом верхнепалеолитическом памятнике восточноевропейского региона и Европы в целом.

Е. Гиря и Б. Бредли с удивлением отмечают исчезновение на Русской равнине костенковской технологии получения пластин, начиная, примерно, с 18 тыс. л. н., тогда как в Западной Европе элементы подобной технологии продолжали свое бытование гораздо позже в качестве компонента мадленской культуры [Giria, Bradley, 1998, p. 213]. Однако ряд относительно новых материалов из района Среднего Поочья позволяет заключить, что данный вывод отражает скорее недостаточную полноту наших знаний, чем реальную картину. В этом убеждают материалы, прежде всего, таких приокских памятников, как Зарайск, Трегубово, Колтово 7.

Данные по различным видам стратиграфии (археологической, литологической, криостратиграфии, биостратиграфии) и радиоуглеродным датировкам Зарайской стоянки позволили сделать заключение о длинной хронологии костенковско-виллендорфского культурного единства на Русской равнине, а конкретно – в Среднем Поочье. Временная разнесенность этапов накопления культурных остатков стоянки укладывается здесь в промежуток 23–22–17 тыс. л. н. [Амирханов, 2000]. Материалы Зарайской стоянки не подтверждают распространенного мнения о запустении значительной части Русской равнины на протяжении максимальной стадии вюрмского оледенения. В своих типологических и технологических составляющих культура костенковско-виллендорфского облика, по крайней мере, на Средней Оке не прерывается с наступлением наиболее холодной фазы оледенения. Ее существование прослеживается здесь примерно до 17 тыс. л. н. включительно.

Хорошо опознаваемые, прежде всего, с технологической стороны, проявления специфических черт общекостенковской технологии обработки камня можно наблюдать и в материалах такого памятника, как Трегубово, расположенного в 8 км от Зарайской стоянки и являющегося мастерской по изготовлению пластин. Основываясь на стратиграфических наблюдениях заключение исследователя этого памятника А. В. Трусова о более поздней по сравнению с Зарайском хронологической позиции Трегубово представляется обоснованным.

Еще более поздние материалы этого же рода предоставляет стоянка Колтово 7, открытая и исследованная десять лет назад В. В. Сидоровым при участии А. В. Трусова. Мало раскопанный и пока почти не описанный в литературе [Археологическая карта..., 1997, с. 64], этот памятник имеет большое значение с точки зрения рассматриваемой темы. Он расположен также на Средней Оке в сходных с Зарайском и Трегубово геологических условиях и имеет аналогичную сырьевую базу. В административном отношении

это соседний с Зарайским Каширский район Московской области. Геоморфологически памятник связан или с плащом покровных отложений высокой речной террасы, или с участком перегиба плато к долине Медведки, впадающей в Мутенку (правый приток Оки). Археологический материал приурочен здесь к слою пылеватого палевого лессовидного суглинки, залегающего непосредственно под голоценовой почвой. Почвенный покров включает в себя материалы дьяковской культуры и древнерусского периода. На участках перекопов встречаются и кремневые изделия, перемещенные сюда из нижележащего слоя. Наиболее интересной находкой этого рода является обломок бивня, обнаруженный В. В. Сидоровым в заполнении сооружения древнерусского времени.

В этом же районе на правом берегу Медведки в 1,5 км от стоянки Колтово 7 расположена и раннемезолитическая стоянка Умрышенки 3 [Археологическая карта..., 1997, с. 91–92]. Исследования В. В. Сидорова, А. В. Энговатовой и А. В. Трусова позволяют предполагать, что здесь расположена группа мезолитических памятников. Общие описания памятников, подробная характеристика культурных отложений и детальный анализ коллекций, вероятно, будут сделаны авторами раскопок в недалеком будущем. Мы же остановимся на некоторых типологических и технологических особенностях инвентаря стоянки Колтово 7 и отчасти Умрышенки 3, имеющих отношение к рассматриваемой теме.

Прежде всего, следует отметить, что отнесение исследователями памятника материалов Колтово 7 к мезолиту вызывает недоумение. Здесь полностью отсутствуют технико-типологические признаки, которые кладутся обычно в основу определения памятников в качестве мезолитических. При этом коллекция достаточно выразительная, и все ее характеристики несомненно указывают на принадлежность стоянки к верхнему палеолиту. Верхнепалеолитические показатели индустрии Колтово 7 отчетливо проявляются и в технологии первичной и вторичной обработки, и в типологии, и в категориальном составе коллекции.

С технологической точки зрения рассматриваемые материалы характеризует сохранение в них общекостенковской (применительно к Поочью – зарайской) технологии первичного раскалывания, подчиненной получению, главным образом, крупной пластины. Пластины шириной, в среднем, 3 см и длиной до 10 и более сантиметров являются здесь обычными заготовками (рис. 1, 4). Микропластинки (рис. 1, 1) при этом единичны. Получение заготовок достигается применением таких технологических приемов, как редукция и абразивная обработка кромки ударной площадки нуклеуса, выделение точки удара для отдельного пластинчатого снятия и, что особенно показательно – ретушной подправкой на нуклеусе ребра будущей пластины (рис. 1, 1–4, 6).

Специфическим для Колтово 7 технологическим приемом является плоская ретушная подработка кромки ударной площадки нуклеуса (рис. 1, 5). Смысл данного приема понятен. Это, по существу, своеобразная модификация или замещение способа абразивной обработки кромки нуклеуса. В других, более ранних палеолитических материалах Поочья этот способ подработки не отмечен. Поэтому представляется правомерным отнесение его к одному из проявлений развития местной верхнепалеолитической индустрии.

С точки зрения морфологии орудий для инвентаря Колтово 7 особенно показательно наличие пластинок с притупленным краем с симметрично подработанными концами (рис. 2, 1–3). Данные предметы интересны и тем, что ретушированный край здесь слабоизвилистый, а ретушь, усекающая край, разнофасеточная. Как по морфологии, так и по особенностям обработки это явно не мезолитическая форма. В коллекции имеются изделия описываемой категории и без подработки концов (рис. 2, 6, 7, 9).

Конечно, пластинки с притупленным краем являются довольно обычной формой для множества (но далеко не всех) верхнепалеолитических индустрий. Однако они не составляют единообразную и нерасчленимую в типологическом отношении массу. Изделия данной категории, как правило, несут на себе отпечаток технико-типологической специфики той или иной археологической культуры. Что касается пластинок с притупленным краем из Колтово 7, то по характеру ретуши, форме обработанного края

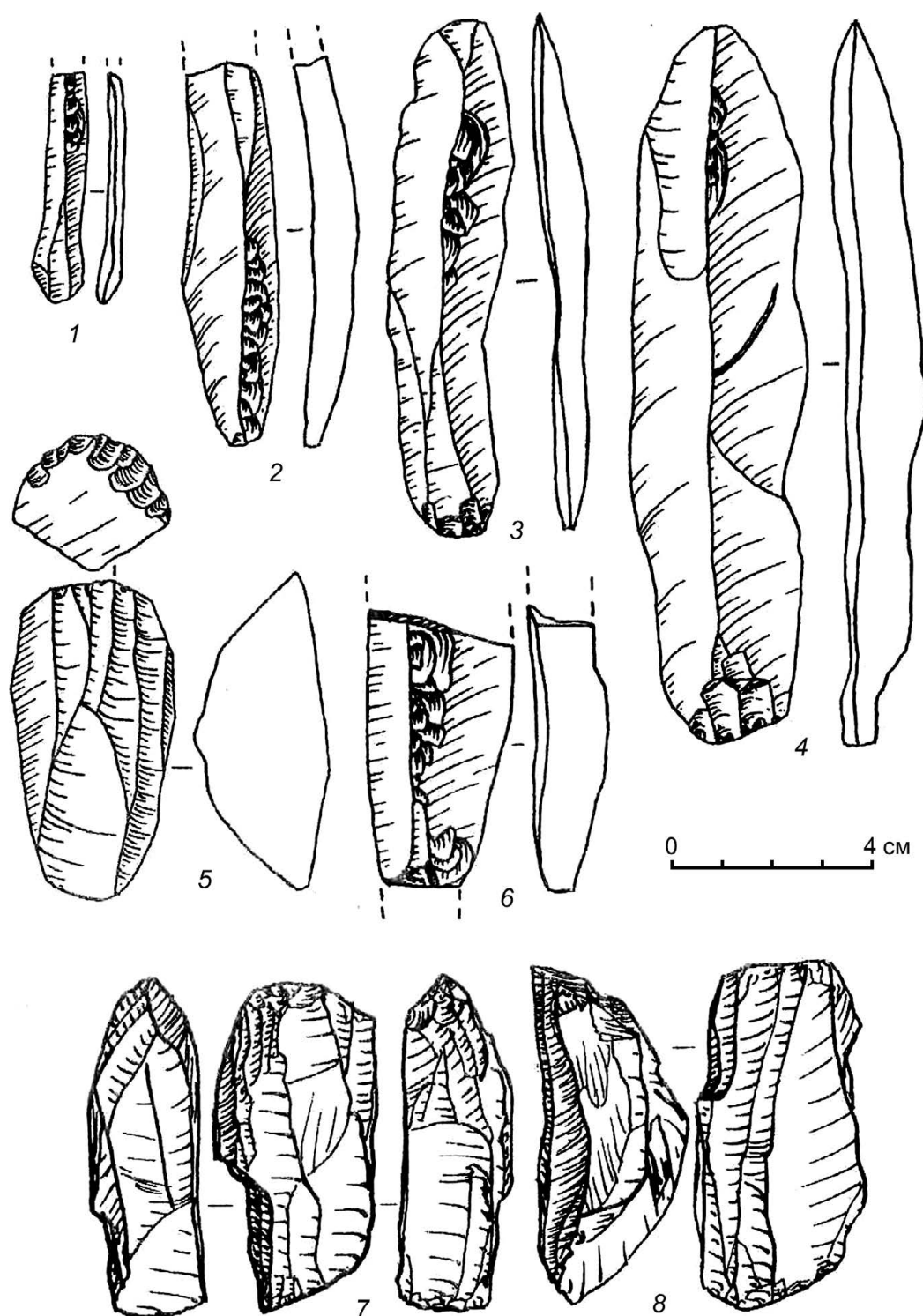

Рис. 1. Колтово 7. Образцы каменных изделий (кремнь)

1 – микропластинка с ретушной подправкой на нуклеусе ребра; 2–4, 6 – пластины с ретушной подправкой на нуклеусе ребра; 5 – нуклеус с ретушной подправкой кромки ударной площадки; 7–8 – нуклеусы

1–6 – рисунки автора; 7–8 – рисунки В. В. Сидорова

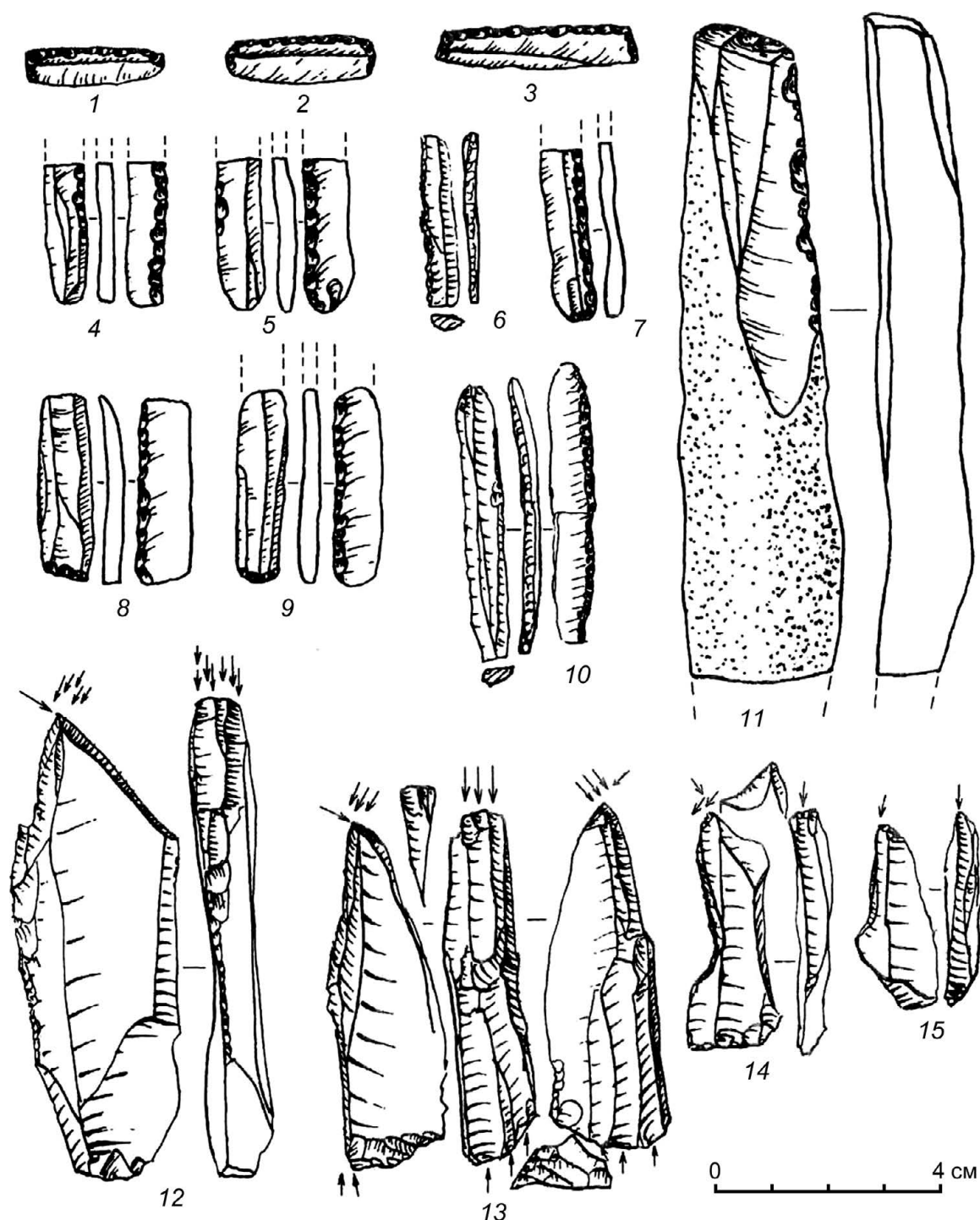

Рис. 2. Колтово 7. Образцы каменных изделий (кремнь)

1–3 – микропластинки с притупленным краем и ретушным сечением концов; 6–7 – микропластинки с притупленным краем; 4–5, 8–10 – микропластинки с полукруглой краевой вентральной ретушью; 11 – скребок концевой; 12–15 – резцы 1–5, 7–9, 11 – рисунки автора; 6, 10, 12, 15 – рисунки В. В. Сидорова

и наличию подправки на концах они обнаруживают наибольшее сходство с аналогичными предметами из коллекций памятников восточного граветта. Об этом позволяет судить достаточно подробный анализ последних, осуществленный с учетом морфологических, технологических и метрических показателей [Лисицын, 1998].

В категории пластинок с притупленным краем стоянки Колтово 7 имеется одна группа с несколько иными характеристиками. Это изделия с полукрутой краевой ретушью, пролегающей по брюшку (рис. 2, 4, 5, 8, 9). С точки зрения общих тенденций развития техники подобные формы характерны обычно для индустрий финальной поры верхнего палеолита. Учитывая геологический возраст стоянки, наличие их здесь не вызывает удивления. Эти предметы, так же, как и отмечавшиеся выше особенности ретушной подготовки кромки нуклеуса, отражают результат развития определенной категории изделий на поздней стадии верхнего палеолита.

Очень интересны в типологическом отношении и резцы Колтово 7 (рис. 2, 12–15). Здесь, прежде всего, обращает на себя внимание выраженное количественное преобладание двугранных форм над ретушными и многочисленность многофасеточных резцов среди первых. Примечательно и то, что доля резцов в коллекции несопоставимо выше доли скребков. Изделия этой категории представлены лишь единственным экземпляром (рис. 2, 11), обнаруженным на участке слоя, потревоженного средневековым перекопом. Орудие изготовлено на типичной для индустрии стоянки крупной пластине.

Работы по исследованию стоянки Колтово 7 находятся пока на начальной стадии, и результаты их в дальнейшем могут значительно дополнить уже существующие данные. Наиболее важным в этом отношении будет установление форм наконечников, свойственных для инвентаря памятника. Однако это вряд ли может сколь-нибудь значимо изменить уже выявившиеся технологические и типологические особенности коллекции.

Рассмотренная выше специфика технологии стоянки Колтово 7 представляет особый интерес, потому что она находит продолжение в одной (и только лишь в одной!) культурной общности волго-окского мезолита, называемой иеневской археологической культурой и преимущественно в материалах тех памятников данной культуры, которые относятся к ранней стадии мезолита. Технология первичного раскалывания подчинена здесь получению крупной, широкой пластины. Доля самих пластин в коллекции может быть и небольшой, но именно они как основная заготовка для производства наконечников являются главной целью первичного раскалывания. Параметры пластин здесь не отличаются от заготовок такого рода, о которых говорилось в связи с восточно-граветтской технологической традицией.

Если говорить о материалах памятников, которые хорошо известны автору, то пластины шириной 3–4 и даже 5 см и длиной до 10 см и более характерны, например, для Умрышенки 3 (рис. 3, 1, 4–6; рис. 4, 4), Ладыжино 3 (рис. 4, 7). Здесь же мы обнаруживаем и применение таких приемов, как абразивная обработка кромки ударной площадки, выделение и подготовка точки удара для получения отдельного пластинчатого скола. Особенно показательно использование приема ретушной подготовки ребра пластины на нуклеусе, отмечаемое в Умрышенке 3 (рис. 3, 1–3) и в Беливо 6В (рис. 4, 5).

Крупная, широкая пластина откладывает неповторимый отпечаток на всю индустрию иеневского типа. Даже такие, казалось бы, обычные и малопоказательные для культурных идентификаций изделия, как концевые скребки благодаря исходной заготовке приобретают здесь столь выраженную специфику, что их невозможно перепутать с аналогичными орудиями бутовской или рессетинской культур. Эта же заготовка предопределяет и типобразующие признаки наиболее показательной для данной индустрии категории изделий – иеневских наконечников.

Иеневские наконечники практически никогда не занимают всю длину пластинчатых заготовок. Они оформляются либо на скошенном, либо на поперечном сечениях пластин. В первом случае это в разной степени скошенные наконечники с боковой выемкой, во втором – наконечники поперечнолезвийные. Строго говоря, для подобных наконечников (осо-

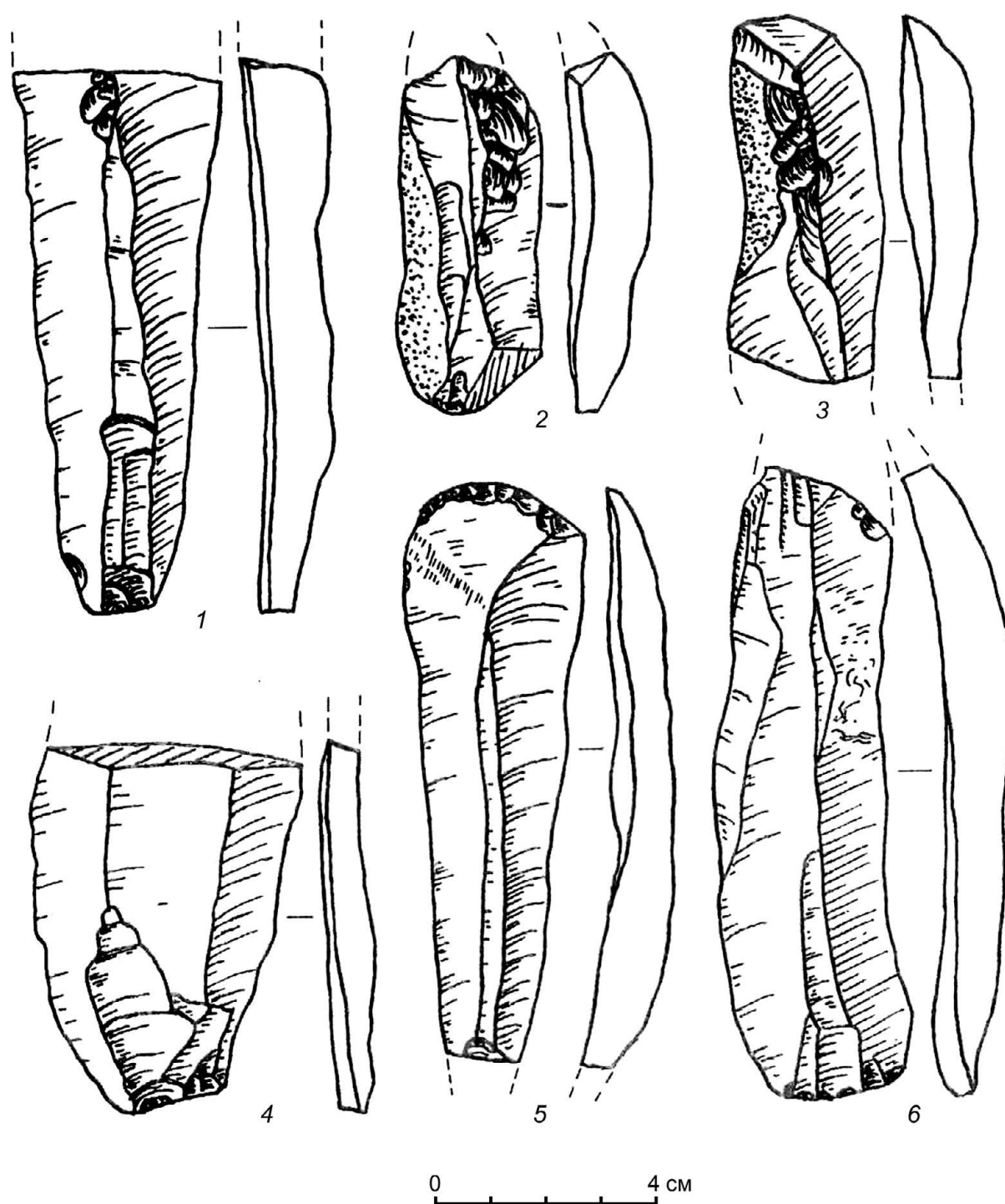

Рис. 3. Умрышенки 3. Образцы каменных изделий (кремень)

1–3 – пластины с ретушной подправкой ребра на пластине; 4, 6 – широкие пластины со следами редукции и абразивной обработки кромки ударной площадки на нуклеусе; 5 – скребок концевой

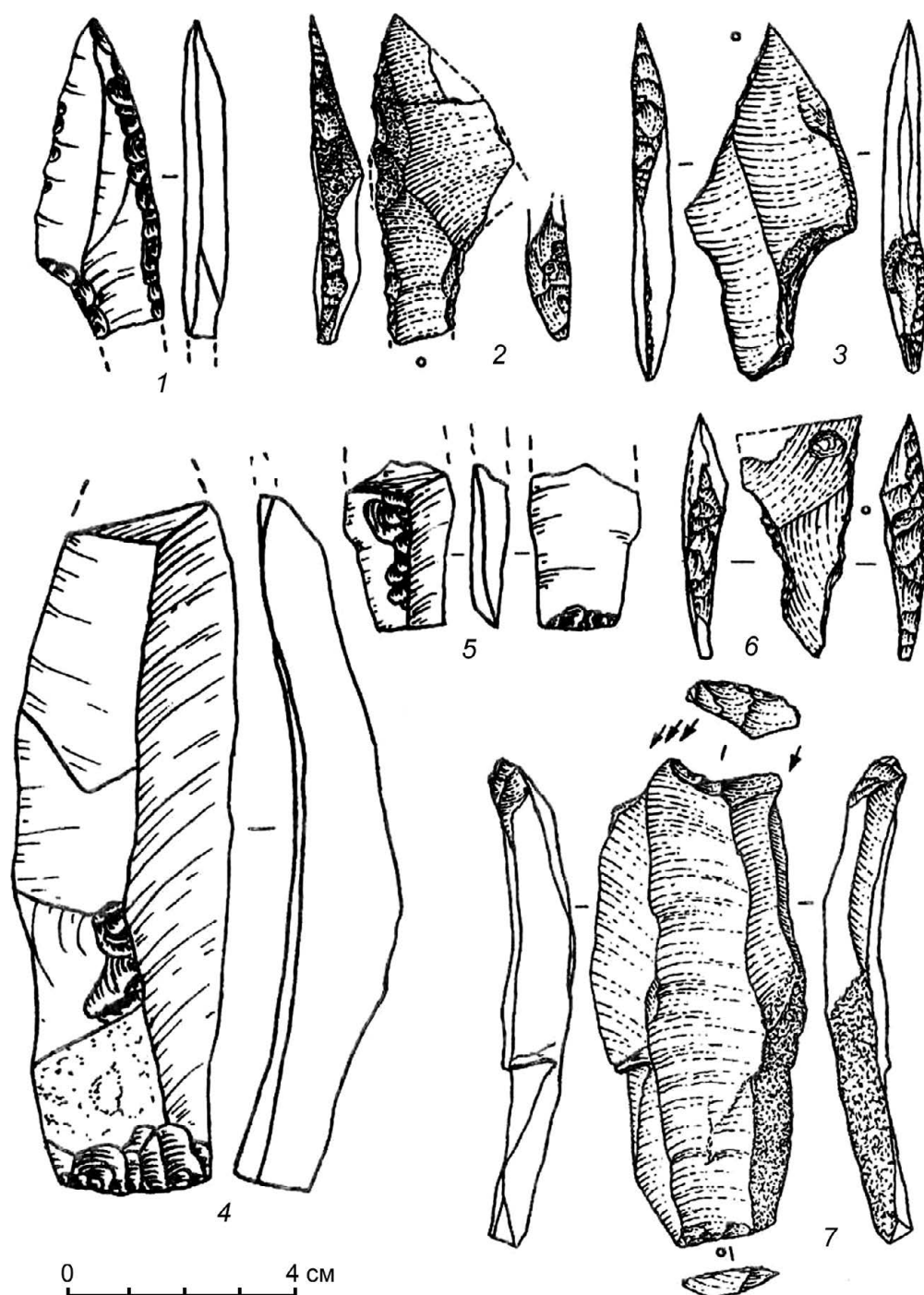

Рис. 4. Образцы каменных изделий (кремнь)

1–4 – Умрышенки 3; 2–3, 6–7 – Ладыжино 3; 5 – Беливо 6В

1–3, 6 – наконечники на скошенном и поперечном сечениях крупных, широких пластин;
4 – реберчатый скол второго снятия со следами редукции кромки ударной площадки
и частичной ретушной подправкой ребра на нуклеусе; 5 – обломок пластины с ретушной
подправкой ребра на нуклеусе; 7 – широкая пластина со следами абразивной обработки
кромки ударной площадки на нуклеусе и наклонным ретушным сечением площадочного типа
на проксимальном конце

бенно, первого типа) крупные (шириной – до 3 см, длиной – до 10 и более сантиметров) и достаточно массивные пластины являются не самой подходящей заготовкой. Действительно, какова необходимость в практиковании относительно сложной и протяженной технологической цепочки получения крупных пластин как основного типа заготовки, если для главного орудия индустрии, ради которого данная технология существует, чаще всего используется не более трети длины этой пластины? Объяснение может заключаться только в силе традиции, которая сохраняется у древних (и не только древних) обществ до определенной поры даже в тех случаях, когда утвердившаяся технология становится малоэффективной не только с точки зрения прогресса вообще, но и по сравнению с явно превосходящими технологиями соседних обществ. С этой точки зрения в становлении иеневской культуры можно усмотреть результативную в целом попытку своеобразного разрешения противоречия в техникотипологическом развитии через совмещение старой, традиционной технологии с потребностями в новых метрических и морфологических стандартах охотничьего вооружения (короткие и укороченные наконечники).

Все отмеченное выше представляется достаточным для заключения о том, что в Среднем Поочье наблюдается преемственность восточнограветтской технологической традиции от Зарайска через Трегубово и Колтово 7 к раннемезолитическим материалам Умрышенки 3 и других синхронных с ними раннемезолитических иеневских памятников. Когда говорится о верхнепалеолитическом субстрате иеневской культурной общности, более оправдано опираться на разнородные, проверяемые и существенные для индустрии в целом показатели, а не на случайные, малопоказательные или даже вовсе не показательные аналогии в отдельных банальных формах орудий. При таком подходе имеются все основания считать восточнограветтскую традицию Поочья палеолитической подосновой иеневской индустрии. Рассмотренные выше данные свидетельствуют о том, что в становлении последней роль местных, автохтонных элементов культуры была решающей.

Проблема генезиса мезолита Волго-Окского междуречья не исчерпывается рассмотрением только иеневских материалов. Отдельного рассмотрения требует вопрос о бутовском культурном комплексе. При современном состоянии исследований эта проблематика представляется более сложной. Исходя из приводившихся выше замечаний о билинейном характере развития культуры Поочья на заключительных стадиях верхнего палеолита, корни бутовской общности следует искать в индустриях с иным, чем собственно восточно-граветтский, культурным багажом. Конечно, ничто не ограничивает эти поиски именно бассейном Оки. Общий характер развития культуры обширных регионов в позднюю пору верхнего палеолита определялся дезинтеграцией восточного граветта. Этот процесс происходил в разных темпах и проявлениях, как в Центральной Европе, так и на территории Русской равнины. Особенности этого процесса в бассейне Средней Оки уже отмечены. Если говорить о центре Русской равнины, или Днепро-Донском постграветтском ареале [Аникович, 1998], то характерная для поздней поры верхнего палеолита Поочья культурная билинейность здесь не столь протяженна во времени и техникотипологические проявления ее не столь отчетливы. Но, как бы то ни было, тенденция развития и территориального распространения узкопластинчатых индустрий по мере приближения к концу палеолита является и здесь преобладающей. Открытие новых групп памятников рассматриваемого времени в бассейнах Сейма (группа памятников Быки) [Чубур, 2001] и Северского Донца [Горелик, 2001] указывают, на мой взгляд, на заметную активизацию культурных контактов или передвижений населения в направлении север–юг, тогда как для средней поры верхнего палеолита определяющим в этом смысле оставалось направление запад–восток. В эту надкультурную технологическую общность узкопластинчатой индустрии поздней поры верхнего палеолита Русской равнины входят и памятники Поочья – Карачарово, Шатрищи, Заозерье 1. Таким образом, если бутовское культурное единство или его отдельные элементы имели местные корни, то, по всей видимости, их следует искать в указанном общем массиве узкопластинчатой индустрии поздней поры верхнего палеолита Русской равнины.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х. А. 2000. Зарайская стоянка. М.: Научный мир. 246 с.
- Аникович М. В. 1998. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. Х. А. Амирханов – отв. ред. М.: Научный мир. С. 35–66.
- Археологическая карта России. Московская область. Ч. 4. М., 1997. 351 с.
- Горелик А. Ф. 2001. Памятники рогаикско-передельского района. Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины. Киев-Луганск. 365 с.
- Грехова Л. В. 1994. Место стоянок Окского бассейна в системе палеолита Русской равнины // Древности Оки. Труды ГИМ. Вып. 85. Г. Ф. Полякова – отв. ред. М. С. 7–19.
- Жилин М. Г., Кравцов А. Е. 1991. Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка 1 // Археология Верхнего Поволжья. Материалы к своду памятников истории и культуры РСФСР. Н. Новгород. С. 3–18.
- Кольцов Л. В. 1984. Мезолитические поселения Верхнего Поволжья // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М. С. 82–91.
- Кольцов Л. В. 1989. Мезолит Волго-Окского междуречья // Археология СССР. Т. 2. Мезолит СССР. М. С. 68–86.
- Кольцов Л. В. 1996. Мезолитические культуры Волго-Окского междуречья в контексте Восточной Европы // ТАС. Вып. 2. Тверь. С. 71–74.
- Кравцов А. Е. 1989. Спорные вопросы иеневской мезолитической культуры // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга. С. 8–10.
- Кравцов А. Е. 1991. К хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур // СА. № 2. С. 21–35.
- Кравцов А. Е. 1998. К вопросу о генезисе Иеневской культуры // ТАС. Вып. 3. Тверь. С. 203–208.
- Кравцов А. Е. 1999. Некоторые результаты изучения мезолитической иеневской культуры в Волго-Окском бассейне (по материалам середины 1980–1990-х годов) // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. В. Л. Егоров – ред. М. С. 79–126.
- Лисицын С. Н. 1998. Микропластинчатый инвентарь верхнего слоя Костенок 1 и некоторые проблемы развития микроорудий в верхнем палеолите Русской равнины // Восточный граветт. Х. А. Амирханов – отв. ред. М.: Научный мир. С. 299–308.
- Синицына Г. В. 1996. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб. 52 с.
- Сорокин А. Н. 1989. Рессетинская культура // Археология СССР. Т. 2. Мезолит СССР. М. С. 84–86.
- Сорокин А. Н. 1990. Бутовская мезолитическая культура. М. 196 с.
- Чубур А. А. 2001. Быки. Новый палеолитический микрорегион в верхнем палеолите Русской равнины. Брянск. 132 с.
- Giria Y, Bradley B. 1998. Blade technology at Kostenki 1/1, Avdeevovo and Zaraysk // Восточный граветт. Х. А. Амирханов – отв. ред. М.: Научный мир. С. 191–213.

К МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТА: УРОКИ ЗАРАЙСКА И АВДЕЕВО (ПО ПОВОДУ ОДНОЙ РЕЦЕНЗИИ)¹

Спустя почти пять лет после выхода моей книги «Зарайская стоянка» исследователи Авдеевской стоянки (памятника родственного в культурном отношении Зарайску) – Г.П. Григорьев и Е.В. Булочникова опубликовали на нее рецензию (Григорьев, Булочникова, 2004) под претенциозным, на мой взгляд, названием «Методика исследования палеолита». Некоторая запоздалость рецензии, вероятно, свидетельствует не столько о силе впечатления, произведенного моей книгой на рецензентов, сколько о том, что исследования Зарайска и подобных ему памятников действительно значимы для проблематики верхнего палеолита Восточной Европы.

В книге были обобщены данные по Зарайску, которыми мы располагали на 1998 г. После выхода книги исследования на стоянке проводились непрерывно вплоть до настоящего времени. Результаты их разнообразны и чрезвычайно информативны. Они полностью снимают ряд полемических суждений моих оппонентов или лишают их актуальности. Тем не менее Г.П. Григорьев и Е.В. Булочникова предложили свое видение проблем Зарайска, основывающееся на известных им результатах четырех лет раскопок Зарайской стоянки. Их не смущает то, что помимо данных, обобщенных в моей книге, существуют результаты шести последующих лет работ Зарайской экспедиции. Можно ли оставлять их в стороне, формулируя и, как это делают авторы рецензии, смело решая проблемы Зарайска? Если цель рецензии состоит в том, чтобы действительно разобраться в существе обсуждаемых вопросов, то такой подход вряд ли соответствует правилам и практике научной критики. Им бы дождаться новой публикации. Ведь ожидают же исследователи палеолита почти тридцать лет сколько-нибудь обширной публикации материалов Авдеевской стоянки.

Авторы рецензии продолжительное время сами ведут раскопки памятника, во многом похожего на Зарайск. Поэтому естественно, что наши работы видятся им сквозь призму проблем, с которыми они сталкиваются в Авдеево. Эти два памятника действительно трудно рассматривать в отрыве друг от друга. В них много общего с точки зрения археологии, стратиграфии, а также природных и антропогенных факторов, участвовавших в формировании культурного слоя. Тем не менее подходы к изучению этих двух памятников и осмысление результатов раскопок различаются. Иногда эти различия кажущиеся, но некоторые из них носят принципиальный характер. Поэтому взаимная оценка тех или иных результатов невозможна без учета исходных отличий в методической основе исследований.

Положения и тезисы моих оппонентов в том виде, каком они приведены в рецензии, трудно систематизировать. Тем не менее попытаемся рассмотреть их в более или менее организованном виде.

КВАДРАТНЫЕ МЕТРЫ, НАУЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И СТРАТЕГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рецензенты, не скрывая иронии, пишут: «Пока предметом публикации является раскоп в 50 м². А что автор будет делать, когда раскоп будет иметь 600 м²?». Станный вопрос. Ведь сами оппоненты оперируют теми же 50 м², когда они на свой лад решают практически все проблемы Зарайской стоянки. Почему же эта площадь должна быть менее ценной для автора раскопок? А если доведется дожить до времени, когда раскоп расширится до 600 м² – будет новая книга. Но в ней будут уже рассматриваться проблемы, которые решаются на шестистах, а не пятидесяти квадратных метрах.

¹ Амирханов Х. А. К методике исследования палеолита: уроки Зарайска и Авдеево: (по поводу одной рецензии) // РА, № 2. 2005. С. 93–101.

На самом деле в книге обобщены результаты раскопок А. В. Трусова и моих на площади 215 м² (к настоящему времени раскопанная площадь приблизилась к 350 м²). Пятью раскопами и большим количеством шурфов исследованы различные участки стоянки, отстоящие друг от друга на многие десятки метров. Вскрытие такой площади на памятнике считается обычно довольно продвинутым этапом раскопок. Для Зарайска же эта стадия работ была определена мною как завершение интенсивных разведочных исследований. По результатам этого этапа можно сделать обоснованные заключения об общей и локальной стратиграфии памятника; описать основные типологические характеристики инвентаря; получить и обобщить разнообразные лабораторно-аналитические данные; установить место данного памятника в общей культурно-хронологической шкале того или иного отрезка археологической эпохи; определить стратегию следующего – экстенсивного – этапа раскопок на больших площадях, основной целью которого является получение целостной картины планиграфии находок и объектов, а также планировки и структуры поселения.

Таков наш подход к последовательности изучения и публикации материалов памятника. В Авдеево он иной. Там в основе лежит принцип разделения пресловутых этапов накопления и обобщения материала в весьма специфическом понимании продолжительности и содержания этих самых этапов. Негативные последствия такого подхода для разработки тех или иных направлений исследований, кажется, уже достаточно хорошо осмыслены (Синицын, 2002. С. V–VI).

О СТРАТИГРАФИИ И МИКРОСТРАТИГРАФИИ

Зарайск и Авдеево относятся к тому редкому для палеолита типу памятников, которые представлены не просто каменными изделиями, находящимися в геологическом контексте. Их культурные остатки с известными оговорками можно сравнить с руинами поселений более поздних археологических эпох. Здесь встречаются очаги, «землянки», многочисленные ямы. Порой разные объекты впущены вглубь с разных уровней. Иногда они перекрываются друг другом. Две группы объектов могут быть разделены этапом формирования системы мерзлотных образований. В этом случае можно различать более ранние объекты, нарушенные прохождением через них ответвлений мерзлотных трещин, и более поздние – выкопанные целиком или частично в заполнении других отрезков этих трещин. В Зарайске такие факты чрезвычайно выразительны и хорошо документированы. В Авдеево же вопрос о возможностях мерзлотных образований (систем трещин), как *стратиграфических маркеров* до последнего времени не ставился. Этот и другие моменты определяют наши расхождения и в вопросах стратиграфии стоянок. Остановимся на них ниже несколько подробнее.

1. В Авдеево все ямы (а их только во втором жилищно-хозяйственном комплексе насчитывается более 300) изначально рассматриваются как единовременные. Связываются они с первым – «ямным» – этапом формирования культурного слоя. Всего для данного слоя Авдеево Г. П. Григорьевым выделяется два этапа – «ямный» и неямный. Общая продолжительность накопления основного культурного слоя, изучаемого ими памятника, определяется рецензентами в 20–30 лет. Если опираться на замечание Г. П. Григорьева о том, что «на протяжении трех четвертей жизни человека на этом поселении их (ямы – Х. А.) не рыли» (Григорьев, 2003. С. 56), продолжительность «ямного» этапа должна быть приравнена 5–7 годам.

Что касается Зарайска, то мы руководствуемся другой исходной посылкой. Она формулируется в виде правила – *синхронность функционирования одного объекта с другим должна являться предметом доказательства, а не априорным допущением. Другими словами, геологическая одновременность объектов (приуроченность к одному и тому же литологическому горизонту) не является доказательством одновременности их существования*. Основанием синхронизации объектов для исследователей

Зарайска являются все виды стратиграфии (чаще всего в их сочетании): а) лито-стратиграфия, б) собственно археологическая стратиграфия (переслаивание объектов), в) крио-стратиграфия (переслаивание систем мерзлотных трещин), г) биостратиграфия (дифференцированные данные палинологических определений отдельно по объектам). Применение этого подхода к авдеевским материалам означает, что если там «почти все ямы впущены в материк с уровня нижних 5 см культурного слоя, а чаще с уровня материка» (Григорьев, 2001. С. 76), то рассматривать все эти ямы как возникшие и существовавшие одновременно нельзя. По-моему, оспорить это трудно. А вопрос о продолжительности существования так называемого ямного (не ямного тоже) этапа в Авдеево вообще не может быть предметом анализа по той причине, что приводимые рецензентами значения этой продолжительности представляются произвольными. Они не только ничем не подкреплены, но нет даже попытки (добавим – возможности тоже) хоть чем-нибудь их обосновать.

2. Существенно отличаются наши представления от отстаиваемых Г.П. Григорьевым и по вопросу о возможностях обычного стратиграфического анализа при членении культурных отложений Зарайска и Авдеево. Рецензенты не используют других видов стратиграфии, кроме литологической. О хронологической разнесенности культурных остатков, по их представлениям, может говорить лишь наличие сплошной стерильной прослойки, разделяющей разные уровни залегания археологических остатков. Для нас же в связи с рассматриваемым вопросом имеют принципиальное значение следующие факты: а) переслаивание объектов, наличие несплошных стерильных прослоек, б) разделенность культурных отложений системой мерзлотных трещин, в) различия в литологии заполнителя культурного слоя (например, почвенный горизонт и негумусированный горизонт), г) выраженные особенности в палинологических характеристиках разных уровней отложений.

В связи со стратиграфическими проблемами рецензенты часто ссылаются на использование ими в Авдеево микростратиграфического метода. Напоминают они об этом и в рецензии. Оставляя в стороне вопрос о своеобразном понимании ими данного метода, позволим только спросить, что благодаря этому методу сделано в Авдеево принципиально нового и важного, чего не сделано в Костенках, где этот «метод» не использовался? И почему при столь пристальном внимании рецензентов к проблемам стратиграфии в Авдеево *вопрос об уровнях обитания даже не поставлен* при том, что самим Г.П. Григорьевым здесь фактически выделяются два (о третьем будет сказано позже) этапа формирования культурного слоя?

3. Рецензенты совершенно не принимают во внимание или обходят вопрос о различиях в палинокомплексах разных уровней обитания Зарайской стоянки. В Авдеево такой подробный, как в Зарайске, анализ отдельно по объектам (объектам в привычном понимании, а не в «авдеевской терминологии») не делался и винить в этом рецензентов трудно. Претензии к ним могут быть только в игнорировании значения этого биостратиграфического показателя для членения культурных отложений памятников, где подобный метод анализа использован.

4. Рецензентов не убеждает выделение верхнего слоя Зарайской стоянки в качестве отдельной стратиграфической единицы культурных отложений. В моей книге приведены следующие аргументы в пользу выделения этого слоя: а) находки и объекты залегают в гумусовом горизонте верхней погребенной почвы зарайской стратиграфии; б) насыщенность находками в этом слое в среднем в 3–4 раза выше, чем в нижележащем слое; в) к слою приурочены не только находки, но и объекты: очаг, яма (в раскопе 4), крупные скопления кремня (раскоп 1); г) на обширной площади распространения культурных остатков в исторической части города Зарайска имеются участки, где в археологической стратиграфии представлен только этот верхний слой (раскоп 5; обширный шурф на площади Пожарского, даже оставляя в стороне раскоп 3 А.В. Трусова и участки, обнаруженные после выхода книги на соседнем с кремлевским мысу). Таким образом, на территории, прилегающей к зарайскому кремлю, имеется группа стоянок разного возраста и с разной литологостратиграфической приуроченностью культурных остатков.

Соответственно имеются участки, где при не нарушенной естественной стратиграфии представлен только нижний или только верхний слой, а также такие, в которых обнаруживаются оба указанных слоя.

Чтобы отрицать наличие верхнего слоя, необходимо опровергнуть эти аргументы. Как это делают рецензенты? Во-первых, они объявляют, что верхняя погребенная почва на самом деле может не являться почвой. Но, возразим мы им, разве такие вопросы решаются гаданиями и произвольными допущениями? У специалистов-геологов и почвоведов из Института географии РАН, МГУ и из Пушкино, изучавших данный слой на месте, не возникло и тени сомнения относительно того, что это почва. Сделаны и необходимые аналитические исследования. Наконец, по гумусу из этого слоя получена даже радиоуглеродная дата.

Наличие археологических находок в этой почве рецензенты объясняют возможностью проникновения его туда из нижележащего слоя. Ссылаются при этом на мнение А. В. Трусова. И напрасно, поскольку по результатам своих раскопок в Зарайске он делал противоположный вывод, а именно: «ввиду большой насыщенности гумусированного суглинка находками в этом (1994) году было решено выделить его в отдельный горизонт» (Трусов, 1996). В цитированном тексте год указан не случайно. Автор подчеркивает этим собственный приоритет в стратиграфическом вычленении данного горизонта. Однако впоследствии А. В. Трусов стал предлагать противоречивые, а иногда и взаимоисключающие аргументы против данного заключения. Нахождение артефактов в почве объяснялось то «миграцией» предметов снизу вверх. При этом, по его же мнению культурный слой почему-то «рос скорее вниз, чем вверх» (Трусов, 2002. С. 156). Высказывалось допущение, что почва сформировалась гораздо позже, чем были экспонированы заключенные в ней предметы. И тут же утверждалось, что «Процесс почвообразования был более растянутым во времени, поскольку ... условия для возможного почвообразования (выделено мною – Х. А.) (стабилизация поверхности) сложились еще до появления здесь людей, а закончились после их ухода...» (Трусов, 2002. С. 156). Последнее заключение выглядит особенно эксцентрично. Непонятно, что такое «условия для возможного почвообразования» применительно к данной конкретной ситуации, как эти «условия» документированы и какое они имеют отношение не к гипотетическому, а реально наблюдаемому факту приуроченности культурных остатков к верхней погребенной почве Зарайской стоянки?

В заключение сюжета о почве можно сказать – если бы в слое верхней погребенной почвы Зарайска были одни только находки без объектов, то и этого было бы достаточно для придания данному уровню отложений особого стратиграфического значения. А объекты культурного слоя, вопреки безосновательному утверждению рецензентов, здесь присутствуют и не только в раскопе 4. Пытаясь это оспорить, Г. П. Григорьев и Е. В. Булочникова ставят вопрос: «можно ли говорить, с какого слоя выпущена яма?». И сами же отвечают: «На опыте Авдеева скажем дружно: нет, не может». Единодушие рецензентов в этом вопросе не может не удивить. Но возникает встречный вопрос – а как же в таком случае выделяются в Авдеево ямы «ямного» этапа, которые впущены не с уровня материка, а с уровня уже накопившегося на 5 и даже 10 см культурного слоя? Примечательно, что в Авдеево на участке, где яма впущена с уровня 10 см над полом, вся мощность культурного слоя составляет всего около 20 см.

В связи со сказанным выше выглядит странной попытка рецензентов убедить читателя в том, что их авдеевский опыт не позволяет устанавливать уровень, с которого ямы впущены, как указывается ими, верхи ям бывают разрушены. Тогда чей же опыт привел Г. П. Григорьева в его последних публикациях к прямо противоположным заключениям. Так, у этого автора мы читаем: «Можно исключить вероятность разрушения верха культурного слоя с тем, чтобы возможность разрушения верха ямы (тут речь идет не об одном конкретном случае, о ямах вообще – Х. А.) мы могли не принимать во внимание» (Григорьев, 2003. С. 57). Хочется заметить рецензентам, что основания для такого рода

уверенности могут существовать не только в случае с Авдеево, но и с Зарайском и другими памятниками тоже. Существует ряд признаков, которые позволяют безошибочно определить первоначальные края ям и других углубленных объектов. Например, характерная «шапка» углистости, несколько возвышающаяся над собственно заполнением очага – надежный показатель сохранности уровня впуска очажной ямы. Еще более показателен такой зарайский пример, когда сильная (до красноты) обожженность стенок очага захватывает перегиб края очажной ямы. С такой же точностью можно говорить о реальном уровне впуска ямы, в случаях, когда фиксируется «затекание» породы (в нашем случае – светлого мелкозернистого песка) с горизонтального уровня в полости мелких мерзлотных трещин, которые образовывались по границе стенок и заполнения ямы. В Зарайске зафиксированы примеры того, когда таким же образом с горизонтального уровня на стенки ямы перегибается тонкая прослойка охристой линзы, имеющей значительное горизонтальное распространение на междудямном участке. Наконец, выше говорилось о возможностях криостратиграфии для установления крупных этапов формирования культурного слоя и содержащихся в нем объектов.

Таким образом, не видно, чтобы хоть один из аргументов в пользу выделения верхнего слоя в Зарайской стоянке был снят критикой рецензентов. Что же касается их аргументов «против», то о степени их обоснованности можно составить представление из приведенных выше замечаний.

В заключение сюжета о стратиграфии нельзя не упомянуть и о главном вопросе, который рецензенты почему-то обходят стороной. Речь идет об определении палеолитического культурного слоя. Я использую это понятие, исходя из предложенного мною определения. Рецензенты же считают возможным отмахнуться от самой необходимости какого бы то ни было определения на этот счет, ограничившись беглым указанием на то, что «такое явление, как культурный слой трудно поддается однозначному определению» (Булочникова, 2002). Следовало бы помнить, что изучение чего бы то ни было имеет смысл только тогда, когда оно предполагает ясное определение предмета исследования. Не выяснив вопроса о том, что является слоем на памятнике, который в течение тридцати лет ты исследовал сам, невозможно рассуждать о слое или слоях в Зарайске. А что касается замечания о невозможности «однозначного» определения, то это не должно смущать рецензентов. Неоднозначность – свойство любого определения. И от этого необходимость в определениях, особенно в научном исследовании, не отпадает.

О МЕРЗЛОТНЫХ СТРУКТУРАХ В АВДЕЕВО И ЗАРАЙСКЕ

О системах мерзлотных трещин в культурных отложениях Зарайской стоянки рецензенты рассуждают не менее смело, как и в том случае, когда они отрицают очевидное – наличие в зарайском разрезе верхней погребенной почвы. Они считают возможным наличие здесь системы трещин второй генерации, но высказывают сомнения в существовании криогенных структур первой генерации. Рецензентов почему-то удивляет то, что в Зарайске удалось в основных чертах разобраться с криогенными формами, тогда как в Авдеево предстоит сделать еще немало в этом направлении.

Впервые в Авдеево мерзлотные структуры были зафиксированы в ходе раскопок М. В. Воеводского. Он их определил как «следы вечной мерзлоты» (Воеводский, Алихова-Воеводская, 1950. С. 9) и установил сопряженность в некоторых случаях полостей трещин с ямами, которые были «использованы человеком как складочные места для крупных костей и бивней» (Воеводский, Алихова-Воеводская, 1950. С. 9). Изучение этих структур было продолжено в ходе раскопок А. Н. Рогачева (1953. С. 191). Им были более или менее подробно описаны удлиненные углубления, по дну которых читались выразительные мерзлотные клинья. Тогда же эти образования были обозначены как «канавы» или «канавообразные углубления» (кстати, рецензенты очень гордятся этой «терминологией» и относят ее к особым достижениям авдеевской экспедиции). А. Н. Рогачевым

была отмечена и другая разновидность мерзлотных образований – «тонкие ответвления и трещины, заполненные светлым песком» (Рогачев, 1953. С. 143).

Аналогичные известным по первому комплексу структуры были обнаружены и при раскопках второго жилищно-хозяйственного комплекса Авдеево (Гвоздовер, Григорьев, 1977). На этом этапе была сделана попытка их систематизации. Было подтверждено существование двух разновидностей структур, отличавшихся по размерам, степени вовлеченности в археологический контекст и характеру заполнения. Одна из них сохранила старое название «канавы», вторая была обозначена как «песчаные реки». Определены они были предположительно как мерзлотные образования и дальнейшее изучение ограничилось рассмотрением их в качестве нарушений культурных отложений, а также выявлением степени их использования и переоформления древними обитателями стоянки.

В Зарайске, в отличие от Авдеево, с самого начала особое внимание было уделено стратиграфическому аспекту криогенных структур. Было выделено две генерации последних. Одна из них отнесена ко времени непосредственно предшествующему заселению людьми стоянки. Вторая образовалась, когда культурный слой уже накопился на определенную толщину и уже прекратила существование жилая площадка костенковского типа с длинным рядом очагов. Спустя значительное время образовался слой верхней погребенной почвы. И для каждой составляющей этой последовательности имеются радиоуглеродные даты. Именно так обстоит в Зарайске дело с выделением двух генераций мерзлотных трещин. Рецензенты же пытаются представить эту картину (видимо, по невнимательности чтения) искаженной до неузнаваемости. Они не верят в возможность «деления толщи в десять-двадцать см на уровни трещин». Разумеется, никто такого деления и не делал. Тем более «на уровни трещин».

Для рецензентов рассматриваемые криогенные формы являются лишь нарушениями культурных отложений. Я же рассматриваю эти структуры, как имеющие несопоставимо больший информационный потенциал. Соответственно они и изучаются мною с различных точек зрения: как один из факторов нарушения культурных отложений; как стратиграфический маркер; как показатель смены климатических условий; как фактор, воздействующий на способы освоения непосредственно обитаемой площади и влияющий на морфологию, структуру и планировку элементов жилищно-хозяйственного комплекса.

Новый интерес к мерзлотным структурам Авдеево возник в ходе последних раскопок Г.П. Григорьева и Е.В. Булочниковой. Заключение геологов по результатам этих работ показывает, что Зарайск не одинок в том, что касается временной разнесенности генераций мерзлотных трещин, связанных с культурными отложениями. По поводу Авдеево в этой связи отмечается, что «здесь выделяется ранний криогенный горизонт, который сформировался еще до заселения участка первобытными охотниками и более поздний, формирование которого деформировало уже частично погребенный культурный слой. Особенности залегания культурных находок на участке раскопок последних лет и строение вмещающих отложений дают возможность предполагать наличие здесь, по крайней мере, двух уровней культурных слоев, соответствующих разным уровням обитания». (Грибченко и др., 2002. С. 92, 93). По моим наблюдениям, основывающимся на знакомстве с новыми разрезами Авдеево и частью коллекции каменного инвентаря, полученной в результате этих работ, для разделения толщи культурных отложений Авдеево существуют и другие основания. Это археолого-стратиграфические показатели, технико-типологические характеристики каменной индустрии и данные, относящиеся к особенностям сырьевой базы.

ВЕРИТЬ ИЛИ НЕ ВЕРИТЬ РАДИОУГЛЕРОДНЫМ ДАТАМ?

Различия наших подходов в отношении к радиоуглеродным датам рецензенты сводят все к тем же, давно набившим всем оскомину, вопросам о возможностях метода, доверительных интервалах и степени доверчивости в использовании дат. Гораздо

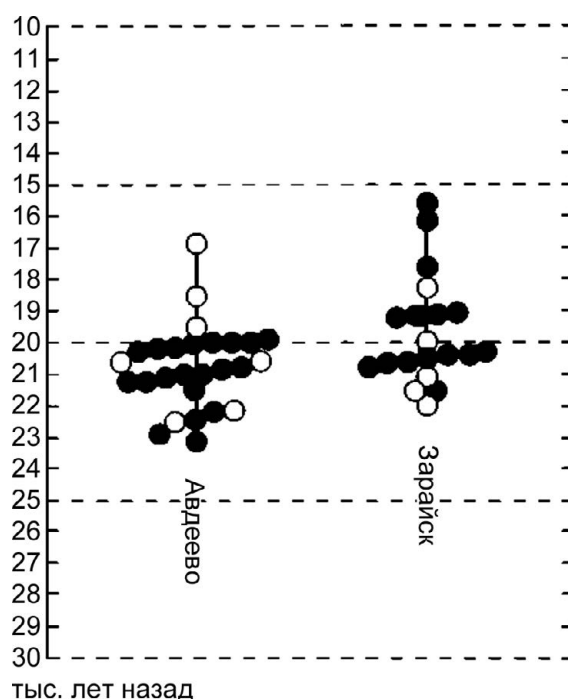

Схема группирования радиоуглеродных дат Авдеево и Зарайска. Составлена по: Сулержицкий, 2002. С. 62 (с добавлением новых дат по Зарайску). Условные обозначения: кружки с заливкой – даты по костному углю; кружки без заливки – даты по кости мамонта

продуктивнее было бы вести речь о методике применения радиоуглеродных дат в конкретном археологическом исследовании, оставив обсуждение физических основ метода специалистам-физикам.

Многие придерживаются практики избирательного отношения к датам одного и того же памятника. Очень часто без вразумительного объяснения какой-либо процедуры отбора и ограничившись указанием на несовершенство радиоуглеродного метода одни даты признаются предпочтительными, а другие – отбрасываются. Часто возникает мысль – почему несовершенство метода, реализованного в одной и той же лаборатории, по одному и тому же материалу, в одно и то же время отразилось именно на тех образцах, которые считаются «непредпочтительными», а не на других, которые данным исследователем одаряются более счастливой судьбой? Математический анализ и построение графических моделей тоже вряд ли помогут подкреплению правомерности отбора. Если какая-то часть дат признается заведомо ущербной, то в математической процедуре ее нельзя объединять с датами, которые считаются достоверными. То есть нельзя строить график нормального распределения с использованием дат, которые заведомо считаются «ненормальными».

Суть позиции, которой я придерживаюсь, состоит в том, что использование любой радиоуглеродной даты независимо от ее значения оправдано в том случае, когда эта дата имеет четкие *стратиграфические, планиграфические и контекстуальные характеристики*. При этом желательно, чтобы в тех случаях, когда это возможно, были приведены стратиграфические или иные основания верификации. К моменту выхода моей книги для Зарайска было известно 18 радиоуглеродных дат с разбросом, примерно, от 23 до 16 тыс. лет. Если бы каждую из них мы рассматривали вне стратиграфического контекста и в отрыве от объектов и уровней культурных отложений, то тоже выбрали бы в качестве подходящей датировку в 22–21 тыс. л. н. – и тогда результат был бы тот же, что и у Г.П. Григорьева. Однако ради такого уподобления мы не можем игнорировать комплекс непротиворечивых стратиграфических характеристик отложений Зарайской

стоянки и уж никак не можем рассматривать даты отдельно от этих показателей. В нашем случае даты распределяются по выделяемым стратиграфическим уровням следующим образом: *самые ранние даты связаны с культурными отложениями ниже уровня системы мерзлотных трещин второй генерации, более поздние – со слоем выше этой системы, но ниже погребенной почвы и самые поздние – с верхней погребенной почвой*. Разумеется, есть единичные (2 из 18) даты, не вписывающиеся в эту картину. Но мы не отбрасываем и их как неудачные или ущербные, а пытаемся объяснить причину несогласованности с другими.

Таким образом, в ответ на призыв рецензентов не обольщаться «кучностью» дат могу рекомендовать им проделать в Авдеево такой же хроно-стратиграфический анализ, как в Зарайске. То, что здесь имеются хорошие перспективы, отмечают и другие исследователи (Александрова, 1998. С. 145). Особенно это касается верхнего уровня культурных отложений Авдеево, исследованного в последние годы. Стратиграфически этот хорошо выраженный уровень обитания приурочен не к основанию слоя 5, с которым связан нижний (основной) слой Авдеевской стоянки, а к его верхам вплоть до контакта с перекрывающим слоем. Поселенческих объектов, характерных для костенковско-авдеевской культуры, он не содержит. Технические и типологические характеристики каменного инвентаря весьма существенно отличаются от материала, происходящего из основного слоя стоянки. Наконец, здесь совершенно другое исходное сырье.

Весьма красноречива в Авдеево и незамеченная Г. П. Григорьевым и Е. В. Булочниковой хронологическая разнесенность больших групп радиуглеродных дат, не идентичная, но в принципе сравнимая с Зарайском (рисунок). Так может быть пора, хотя бы проверить давнее заключение А. Н. Рогачева о неоднократности заселения площади Авдеевской стоянки и о том, что здесь имеется не одно поселение? (Рогачев, 1953. С. 139). Или оставить это вместе с «канавами» и «песчаными реками» для будущих поколений?

Плодотворность периодического возвращения к старым исследованиям и проверка их результатов подтверждались не раз. Одним из примеров этого является хорошо известная стоянка Краков-Спадзиста (Escutenaire et al., 1999), относящаяся к той же культурной общности восточного граветта, что Зарайск и Авдеево. Исследовать ее начали несколькими годами раньше (1968), чем второй комплекс Авдеево. По результатам первых работ слой с наконечниками с боковой выемкой и ножами костенковского типа рассматривался здесь как единый. Возобновление исследований в 1980-е и особенно в 1990-е годы и раскопки новых участков позволили вычленить здесь два слоя, соответствующих двум этапам заселения стоянки в отрезках 23–22 тыс. л. н. (слой 6а) и 22–20 тыс. л. н. (слой 6б). Кроме того, в основании покровных суглинков был выявлен постграветтский слой, относящийся примерно ко времени 17 тыс. л. н. Нетрудно заметить, что при повторных работах здесь обнаружилась примерно такая же хроностратиграфия, какая оформилась и в Зарайске в ходе параллельных и тоже повторных раскопок.

О РАЗРЕЗАХ

Много внимания уделено рецензентами вопросу о разрезах. «Большинство профилей через ямы, приведенные в книге, старомодны по способу исполнения: там есть место только контуру ямы. Теперь принято делать такой разрез, чтобы в профиле были и контуры ямы, и позиция примыкающих к ней горизонтально лежащих отложений» – говорится в рецензии. То, о чем говорят рецензенты, – банальная истина. Не понятно, почему такие разрезы нужно считать нововведением.

В книге приводится достаточно «новомодных» разрезов (Амирханов, 2000. Рис. 28, 37, 49 и др.), хотя считаю, что новизна – это состояние, а не свойство или показатель качества. И, хотя с расширением раскопок число таких чертежей увеличивается, это совсем не означает, что традиционный тип разрезов должен быть отменен. В тех случаях, когда яма выкопана в однородном грунте и содержит иное по составу, но также

однородное заполнение, смысла в вышеназванных разрезах нет никакого. От того, что заполнение ямы будет заштриховано одной линией, а огибающее пространство – другим образом, информации не добавится. Таких ям у нас немало. И для них, естественно, приводятся разрезы в виде профилей. Другое дело, если над такими ямами удастся надстраивать (не реконструктивно, а по реально существующей стенке) разрез до самого верха раскопанных отложений, т. е. до современной дневной поверхности. Оставлять для этого «бровки» целенаправленно практически невозможно. Во-первых, начиная копать с современной поверхности, невозможно точно предвидеть, что откроется в глубине. Хотя в случае с жилыми площадками костенковского типа в общем виде можно прогнозировать предположительное расположение основных элементов жилищного комплекса. Но это будут только догадки. Во-вторых, в раскопе 4 Зарайской стоянки из-за переслаивания уровней обитания углубленные объекты и трещинные углубления приходится почти на каждый квадрат. А представить себе, как при этом можно вести раскопки, оставляя бровки на каждый квадрат с уровня современной дневной поверхности, трудно.

Особо говорится о яме на кв. Н-П – 1–2 и очаге 3. Эта яма выкопана в уже накопившемся ранее культурном слое. Впущена она была с более высокого уровня. Но верх ямы оказался разобранным в ходе предшествующих раскопок А. В. Трусова, копавшего, руководствуясь своими представлениями о характере этого объекта. Если бы был установлен реальный край ямы, то удалось бы документировать стратиграфическое соотношение данного объекта с пятном золистости, связанным с очагом 3, что действительно важно. Однако сделать это на этапе наших работ было уже невозможно. Что касается отсутствия в книге несложного профиля очага 3, то это досадное упущение. Тем более, что разрез этот имеется в отчете. Причем выполнен он был в «старомодном» стиле одним из рецензентов – Е. В. Булочниковой (в то время аспиранткой автора).

К АПОЛОГИИ ТРУСОВА

В начале рецензии говорится, что в раскопе 4 памятник разрушался «действиями археологов, до появления в раскопе Х. А. Амирханова». Видимо, рецензенты каким-то не известным мне образом информированы в этом вопросе. В отличие от рецензентов я не был в своих оценках столь строгим к моему предшественнику по раскопкам в Зарайске. Моменты, имеющие отношение к данному вопросу, мною никогда не выпячивались. Напротив, подробно описывались работы А. В. Трусова и отмечались все без исключения его приоритеты, включая выделение верхнего слоя как самостоятельного горизонта и неоднократность заселения стоянки. Но это не значит, что я согласен во всем с уровнем методической обеспеченности прежних работ. И претензии в этой части не являются самоцелью. Они носят вполне конкретный характер и имеют отношение к интерпретациям раскопанных объектов. Их простая суть сводится к следующему: нельзя копать памятник типа Зарайска горизонтальными плоскостями без учета характера залегания слоев и с использованием лопатки как основного раскопного инструмента; нельзя быть ориентированным преимущественно на методичное выкапывание вещей. Раскопки должны быть нацелены на выявление и исследование древних поверхностей и связанных с ними объектов, когда, как в случае с Зарайском, для этого есть возможность; «этапы заселения» должны фиксироваться в ходе раскопок с документацией выявляемых объектов на планах отдельно для каждого из этапов, а не (или не только) в стенке раскопа, уже после того, как культурный слой полностью выбран; недопустимо копать скопления костей в ямах как кучи костей. Точно так же нельзя копать «кострища» по негативному принципу (выборка слоя вокруг с оставлением углистой массы на останце); нельзя вести раскопки культурного слоя без установления его соотношения к общей геологической стратиграфии участка, занятого стоянкой и, тем более, без установления того, какой слой здесь является материком.

К КАКОЙ КУЛЬТУРЕ ОТНОСИТСЯ ЗАРАЙСКАЯ СТОЯНКА?

О принадлежности Зарайской стоянки к костенковской культуре говорили А. В. Трусов (1994), Л. В. Грехова (1994. С. 10), М. В. Аникович (1998), Е. Ю. Гиря и Б. Бредли (Giria, Bradley, 1998). Хотя бы уже поэтому, для отнесения мною Зарайской стоянки к костенковско-авдеевской культуре особой проницательности не требовалось. К моменту выхода книги для такого заключения появились всесторонние и неопровержимые данные. К этому времени каменный инвентарь Зарайска заключал в себе уже все культуроопределяющие типы, характерные для указанной культуры. Кроме того, было доказано существование здесь жилой площадки, с планиграфической структурой и типологией ее элементов, тождественных Костенковской и Авдеевской стоянкам. Однако Г. П. Григорьев и Е. В. Булочникова с непонятным упорством отрицали этот факт даже после того, как он стал для всех остальных очевидным. Это не признавалось даже в защищенной недавно кандидатской диссертации одного из соавторов рецензии Е. В. Булочниковой. Так кого же из нас и когда озарило? Ведь с момента выхода книги до написания на нее рецензии не появилось принципиально новых данных, проливающих дополнительный свет на данную проблему.

В связи с рассматриваемым вопросом рецензенты сожалеют, что мимо меня прошли «особенности материала Зарайска, не находящие соответствий ... в Авдеево, Костенках и Гагарино». Имеется в виду, что на Зарайской стоянке есть участки, где производилась первичная обработка сырья. Но это известно всем с 1982 г. «Мастерские» или скопления на участках первичного раскалывания кремня встречались в раскопах 1 и 3; они описаны А. В. Трусовым и опубликованы. Это специально рассматривалось даже в одной студенческой дипломной работе. В исследовавшемся нами раскопе 4, материалы которого публикуются в книге, таких участков пока не обнаружено, за исключением случая, когда разовая высыпка массовых отходов первичного раскалывания обнаружена в одном из участков углубления мерзлотного происхождения. Этот факт подробно рассмотрен в книге (Амирханов, 2000. С. 153).

Как бы ни обстояло дело с детальностью публикации данных такого рода, о которых идет речь, для проблемы культурной идентификации памятника это имеет далеко не первостепенное значение. Общеизвестно, что изобилие сырья на стоянке или его недостаток отражается на технических и типологических характеристиках индустрии, а также структуре коллекции каменного инвентаря. Рассмотрение подобных частных вопросов лучше осуществлять на том этапе исследований, когда вскрыта достаточно большая площадь памятника и коллекция каменных изделий более представительна чем та, которой мы располагали к 1998 г. В значительной мере это реализовано в другой работе, посвященной специально каменному инвентарю (Лев, 2003). Подробный анализ показывает, что рассматриваемый аспект сырьевой специфики отражается в деталях, которые не меняют общей костенковско-авдеевской типологической картины инвентаря Зарайска.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начало нашей дискуссии с Г. П. Григорьевым восходит к 1995 г., т. е. ко времени, когда я только приступил к работам в Зарайске. В то время Г. П. Григорьев уверенно утверждал, что на Зарайской стоянке вообще нет сохранившегося культурного слоя. Круг дискутируемых вопросов сужался по мере того, как в ходе раскопок выявлялась отчетливая структурированность культурных отложений, вскрывались разнообразные объекты, стала вырисовываться редкая по выразительности картина обширной жилой площадки, становилась несравненно более представительной коллекция каменного и костяного инвентаря. Потом уже стало невозможно отрицать «костенковский» характер некоторых важных объектов культурного слоя Зарайской стоянки, но оспаривалось соответствие их

структуры костенковской модели обширных жилых площадок. Отмечалось, например, что наличие двух очагов недостаточно для заключения о линейном расположении очагов и отнесения зарайской жилой площадки к разновидности жилых площадок костенковского типа. Но в ходе продолжающихся раскопок появился третий очаг, причем там, где ему полагалось находиться по костенковской планировке. Отвергалось включение Зарайска в костенковскую культуру на том основании, что тут отсутствуют листовидные наконечники и пластинки с притупленным краем и подработанными концами – типы, являющиеся диагностическими для данной культуры. Однако по мере накопления материала в коллекции Зарайска количество этих предметов увеличилось до серий. То же происходило и с другими, более частными, спорными вопросами.

Учитывая предысторию, нетрудно заметить, что в нашем споре есть явный прогресс. Вопросы, которые дебатировались сейчас, не более сложны, чем те, по поводу которых уже нет споров, и они тоже не являются не решаемыми. Тем не менее дебаты и разъяснение позиций могут служить пользе дела и успеху дальнейших исследований. Несомненно, обсуждение рассматриваемых вопросов будет гораздо более плодотворным после сколько-нибудь развернутой публикации материалов Авдеево. Потенциал этого памятника огромный. Особенно важно то, что раскопки, осуществляемые в последние годы Г. П. Григорьевым и Е. В. Булочниковой, дали вопреки их ожиданиям, веские аргументы в пользу стратиграфической и хронологической разнесенности культурных отложений Авдеевской стоянки. Моим оппонентам представляется, что, опровергая очевидные факт временной растянутости культурной колонки Зарайской стоянки, они заодно решат и проблему археологической стратиграфии Авдеево. Однако непредубежденному взгляду не трудно увидеть в картине, полученной для Авдеево, убедительное подтверждение давнего вывода одного из исследователей этого памятника – А. Н. Рогачева о неоднократности обитания на Авдеевской стоянке групп палеолитических людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александрова М. В.* «Идеология» раскопок и приоритеты археологического исследования (У истоков советской методики раскопок палеолитических поселений) // Восточный граветт. М., 1998.
- Амирханов Х. А.* Зарайская стоянка. М., 2000.
- Аникович М. В.* Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М., 1998.
- Булочникова Е. В.* Механизм накопления культурного слоя (по материалам стоянок Авдеево и Зарайск) // Доклад на расширенном заседании Отдела археологии каменного века ИА РАН. М., 2002.
- Воеводский М. В., Алихова-Воеводская А. Е.* Авдеевская палеолитическая стоянка (по материалам раскопок 1948 г.) // КСИИМК. 1950. Вып. XXI.
- Гвоздовер М. Д., Григорьев Г. П.* Авдеевская палеолитическая стоянка в бассейне р. Сейм // Палеоэкология древнего человека. К X Конгрессу INQUA. М., 1977.
- Грехова Л. В.* Место стоянок Окского бассейна в системе палеолита Русской равнины // Древности Оки. Тр. ГИМ. Вып. 85. М., 1994.
- Грибченко Ю. Н., Куренкова Е. И., Тимирева С. Н., Воскресенская Е. В.* Литолого-стратиграфические особенности позднепалеолитических стоянок Восточно-Европейской равнины // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб., 2002.
- Григорьев Г. П.* Две фракции женских статуэток в Авдееве // Каменный век восточноевропейских равнин. Мат. междунар. конф. М., 2001.
- Григорьев Г. П.* Экспонирование объектов в слое палеолитических стоянок // Пушкаревский сборник. Вып. II. СПб., 2003.
- Григорьев Г. П., Булочникова Е. В.* Методика исследования палеолита: микростратиграфия и хронология. Рец. на кн.: Амирханов Х. А. Зарайская стоянка. М., 2000 // Археологические вести. № 11. СПб., 2004.

- Лев С. Ю. Каменный инвентарь Зарайской стоянки. (Типологический аспект). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2003.
- Рогачев А. Н. Исследование остатков первобытно-общинного поселения верхнепалеолитического времени у с. Авдеево на р. Сейм в 1949 г. // МИА. 1953. № 39.
- Синицын А. А. От редактора // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб., 2002.
- Сулержицкий Л. Д. Время существования некоторых верхнепалеолитических стоянок по данным радиоуглеродного датирования костей мегафауны // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб., 2002.
- Трусов А. В. Культурный слой Зарайской верхнепалеолитической стоянки // Древности Оки. Тр. ГИМ. Вып. 85. М., 1994.
- Трусов А. В. Отчет о раскопках Зарайской верхнепалеолитической стоянки в 1994 году // Архив ИА РАН. 1996.
- Трусов А. В. Культурный слой Зарайской палеолитической стоянки (морфология-стратиграфический аспект) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб., 2002.
- Escutenaire C., Kozłowski J. K., Sytliw V., Sobczyk K. Les chasseurs de mamouths de la vallée de la Vistule. Krakow-Spadzista B, un site gravettien à amas d'ossements de mamouths. Bruxelles, 1999.
- Giria Y., Bradley B. Blade Technology at Kostenki and Zaraysk // Восточный граветт. М., 1998.

**Methodics of the Palaeolithic studies:
On the Zaisk and the Avdevo lessons (Concerning a review)**

H. A. Amirkhanov

Summary

Four years after the publication of the book by H.A. Amirkhanov "The Zaisk camp" (Moscow, "Nauchny Mir", 2000, 246 p.) G.P. Grigor'ev and E.V. Bulochnikova have presented the review of the monograph. Both authors have been excavating the Upper Palaeolithic camp Avdevo for some years. The site in many aspects is similar to Zaisk. The authors of the review have got some approaches to the investigation of the sites of this kind, worked out by the experience of their own. They also suggest the ideas in which way should be interpreted numerous questions of stratigraphy, planigraphy, chronology, and cultural attribution of the discussed sites. Their opponent H.A. Amirkhanov is an adherent of in many aspects different approaches to the investigation and interpretation of the results obtained by the excavations of the sites of this type. The scholar makes stress on the comprehensive and differentiated stratigraphic analysis and the detailed studying of the natural phenomena that accompanied formation of cultural deposit and influenced its post-positioned changes. H.A. Amirkhanov underlines the necessity of such an approach to the method of application of radiocarbon dating in concrete archaeological investigation, as well as the necessity of strict archaeological definitions. Taken most generally, the discussed questions concern the geography, the chronological stages of existence, and the basic characteristics of the dwelling sites attributed to Kostenki culture - the most impressive manifestation of the Late Palaeolithic in Eastern Europe. The discussion demonstrates that some of the debated problems gradually gain their solution parallel to the extension of the excavated areas at the camps Zaisk and Avdevo. Other ones will remain debatable until the source database grows considerably and new analytical data are obtained.

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА С ЗАРАЙСКОЙ СТОЯНКИ¹

С 1994 года и до настоящего времени экспедиция Института археологии РАН проводит в г. Зарайске Московской области раскопки памятника верхнего палеолита того типа, который традиционно определяют, как стоябище охотников на мамонта. К настоящему времени на основном раскопе (раскоп № 4) вскрыто 225 м² культурных отложений; всего на памятнике раскопками изучено немногим более 350 м². Исследуемая часть стоянки на уровне низов культурных отложений представляет собой часть обширной жилищно-хозяйственной площадки с очагами, ямами различного функционального назначения (ямы-хранилища, ямы-клады, приочажные ямки, мусорные ямы) и полуземлянками. Обнаруживаемые в слоях памятника объекты составляют отчетливую планировочную структуру, хорошо узнаваемую по костенковскому образцу (Костенки 1; слой 1), ставшему классическим для памятников одноименной культуры (рис. 1). Опираясь на данные, полученные на уже исследованном участке, и реконструируя на их основе жилищно-хозяйственную площадку в целом, можно сказать, что к настоящему времени раскопанная нами часть составляет чуть меньше половины площади этого палеолитического поселения.

Археологическая и геологическая стратиграфия Зарайской стоянки отличаются как от костенковской, так и от авдеевской. Совокупность геологических, археологических, палеокриологических, палеопедологических, палинологических фактов, подкрепленная большой группой согласующихся с ними радиоуглеродных датировок, позволяет расчленивать толщу культурных отложений Зарайской стоянки на четыре хронологических этапа. Отложения последнего – верхнего этапа связаны с погребенной почвой (верхняя погребенная почва по номенклатуре, принятой для Зарайской стоянки). Эта почва с заключенными в ней культурными остатками сформировалась существенно позже времени затухания, имевших здесь ранее место масштабных процессов мерзлотного растрескивания. С палеоботанической точки зрения данный слой характеризуется отдельной палинозойной. Причем если спорово-пыльцевые данные для нижнего слоя указывают на криогигротические (первый и второй этапы накопления культурных отложений) и предположительно межфазальные (третий этап накопления культурных отложений) условия, то растительность времени формирования описываемого слоя (четвертый этап) оказывается характерной для межстадиала (Шилова, 2000. С. 230–235). Для данного слоя имеется четыре радиоуглеродные даты². Разброс их значений – от 17900 ± 200 до 15600 ± 300.

Культурные отложения, залегающие под погребенной почвой, включены в единый, но варьирующий в деталях литологический горизонт красноватых (местами коричневатых) супесей или опесчаненных суглинков. Эта толща, доходящая на междуямных участках раскопа № 4 до 30 см, по археолого-стратиграфическим и криостратиграфическим показателям подразделяется на три этапа формирования. В пределах этого слоя два нижних этапа (первый и второй по общему счету этапов, идущему снизу вверх) отделяет от верхнего (третьего) развитая система мерзлотных трещин.

Спорово-пыльцевой спектр данного слоя составляет единую палинозону, подразделяющуюся на две подзоны. Одна из подзон соответствует первым двум этапам, вторая – третьему этапу формирования слоя. В сравнительном отношении эти подзоны характеризуют переход от холодных и влажных условий к влажному и несколько более теплomu климату.

подавляющее большинство (13 из 15) радиоуглеродных дат, полученных для отложений ниже уровня указанной выше системы мерзлотных трещин (т.е. ниже третьего этапа), группируются в промежутке примерно от 23 до 20 тыс. л. н. Все три даты, относя-

¹ Амирханов Х. А., Лев С. Ю. Новые произведения палеолитического искусства с Зарайской стоянки // РА, № 1. 2007. С. 22–35.

² Все приводимые даты получены Радиоуглеродной лабораторией Геологического института РАН. Выражаем признательность руководителю этой лаборатории Л.Д. Сулержицкому за исследование образцов из Зарайской стоянки.

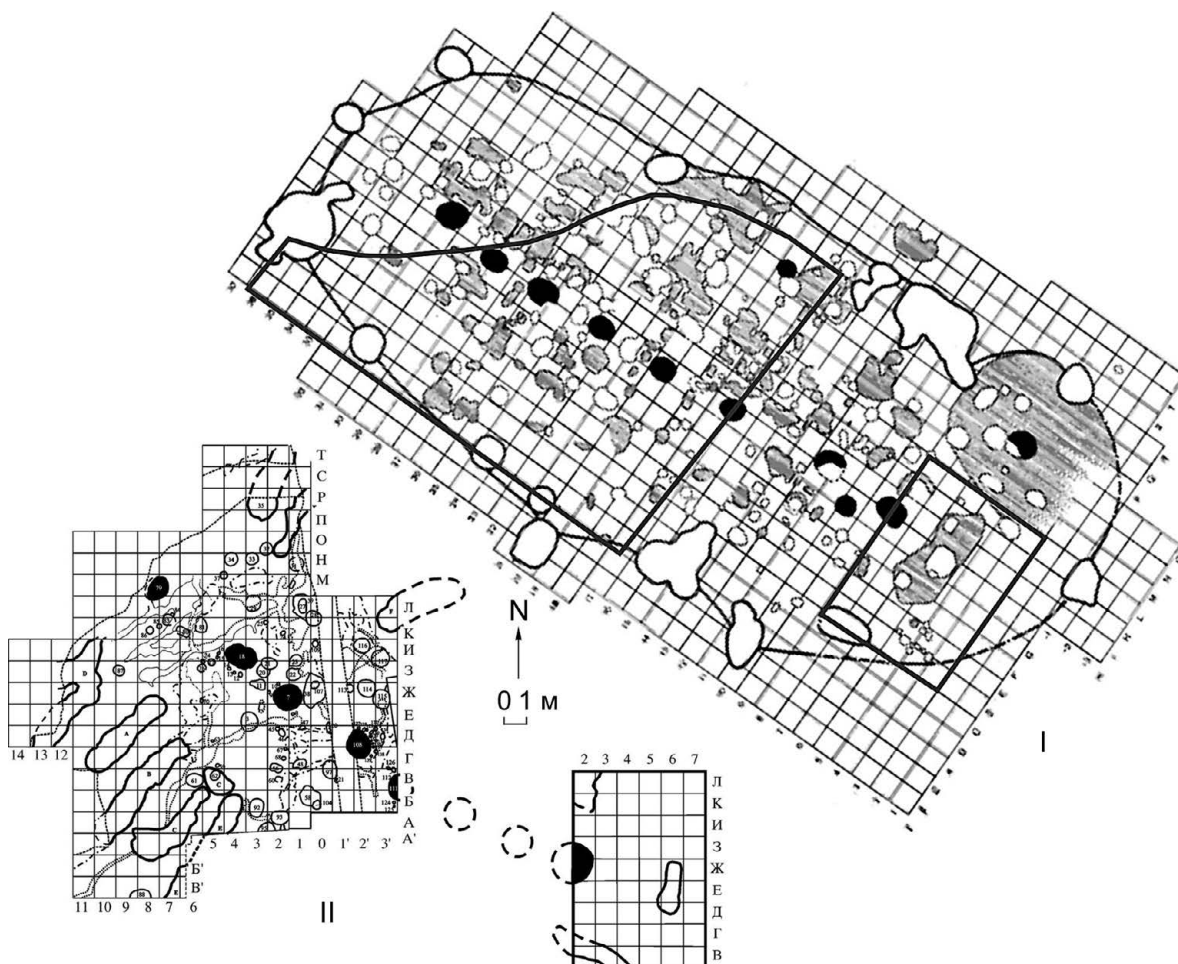

Рис. 1. Сравнение схематических планов Костенок 1, слой 1, комплекс 1 (I) и Зарайска, слой 2, второй этап накопления культурных отложений (II)

щиеся к третьему этапу (т.е. ко времени после образования данной системы трещин), ложатся в отрезок времени примерно 19100–19000 тыс. л. н.

Важность приведенных выше общих характеристик памятника (особенно стратиграфических) станет ясной, если заметить, что все известные до настоящего времени для Зарайской стоянки произведения искусства происходят из горизонта, определяемого геоархеологически как второй этап накопления культурных отложений (рис. 2). В палеоэтнологическом смысле то же самое можно назвать вторым уровнем обитания. Именно с этим же самым уровнем обитания связаны и названные выше объекты культурных отложений, которые составляют планировочную структуру жилищно-хозяйственного комплекса, типичную для костенковской культуры.

Если оставить в стороне орнаментальную гравировку, то зарайская палеолитическая коллекция произведений искусства и украшений состоит из трех статуэток, одного скульптурного изображения метаподия зайца или песка из бивня мамонта, одного многофигурного гравированного изображения мамонтов на фрагменте ребра мамонта, одного ожерелья, составленного из 41 зуба песка и разрозненных зубов песка с прорезанными в корневой части отверстиями. Ставшая уже известной благодаря своей исключительной выразительности и хорошей сохранности статуэтка бизона с Зарайской стоянки опубликована монографически (Амирханов, Лев, 2004). Из произведений искусства, доставленных старыми раскопками, до сих пор неопубликованным остаются ожерелье из зубов песка и названный метаподий. Остальные изделия (две статуэтки и два фрагмента ребер мамонта с гравировками) обнаружены в раскопе № 4 в ходе работ 2005 г.

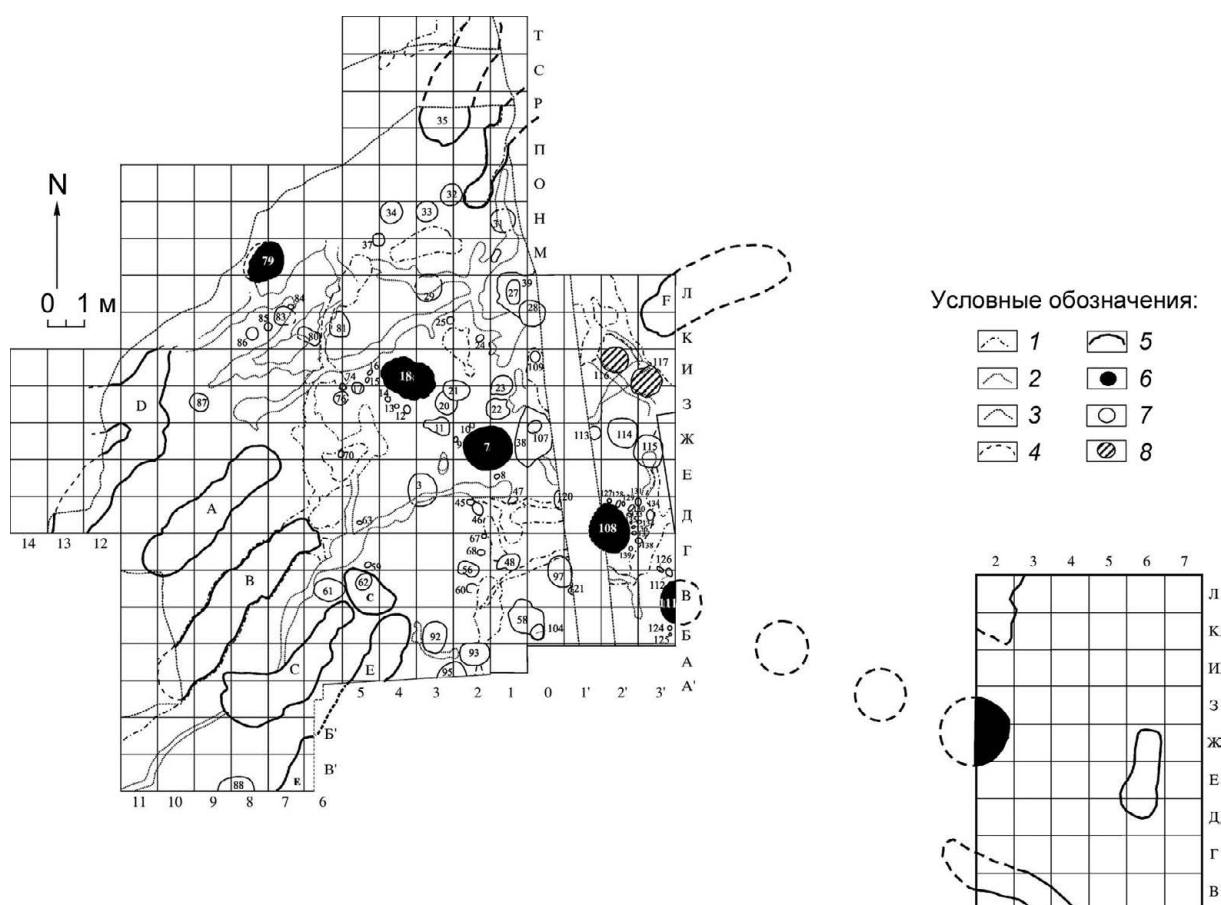

Рис. 2. Зарайская стоянка. Второй этап накопления культурных отложений. Схематический совмещенный план раскопов 4 и 1.

Условные обозначения: 1 – мерзлотная трещина первой генерации; 2 – мерзлотная трещина второй генерации; 3 – траншеи, повредившие слой; 4 – предположительные границы объектов; 5 – границы больших ям (землянок); 6 – очаг; 7 – яма; 8 – ямы 116 и 117 со статуэтками

После работ 2005 г. Зарайская стоянка становится в один ряд с памятниками Русской равнины, которые знамениты богатством произведений палеолитического искусства – такими как Костенки 1, Авдеево, Гагарино, Хотылево. С одной стороны, это не должно удивлять, так как в культурном отношении Зарайск входит в круг перечисленных памятников. Однако при всем этом в материалах рассматриваемой стоянки мы фиксируем специфику и даже наличие исключительно редких для памятников данной культуры проявлений, относящихся как к составу видов произведений искусства (например, наличие фигуративной гравировки), так и технологии обработки кости (использование техники сверления). Отмеченное своеобразие материала Зарайска представляет особый интерес. Данные памятника предоставляют основания для уточнений и дополнения обобщений, касающихся стилей и видов первобытного искусства на Русской равнине в среднюю пору верхнего палеолита. Обратимся далее к описанию конкретного материала.

Женская статуэтка № 1 (рис. 3) обнаружена в яме-хранилище № 116 (кв. И-2'), расположенной примерно в средней части большой жилой площадки костяковоского типа и относящейся ко второму этапу формирования культурных отложений памятника. Эта площадка реконструируется на основе совокупности уже раскопанных объектов стоянки. Яма находится в пространстве между центральной линией очагов и внутренним контуром овала (рис. 2, 4), образуемого крупными углублениями – «полуземлянками». Край

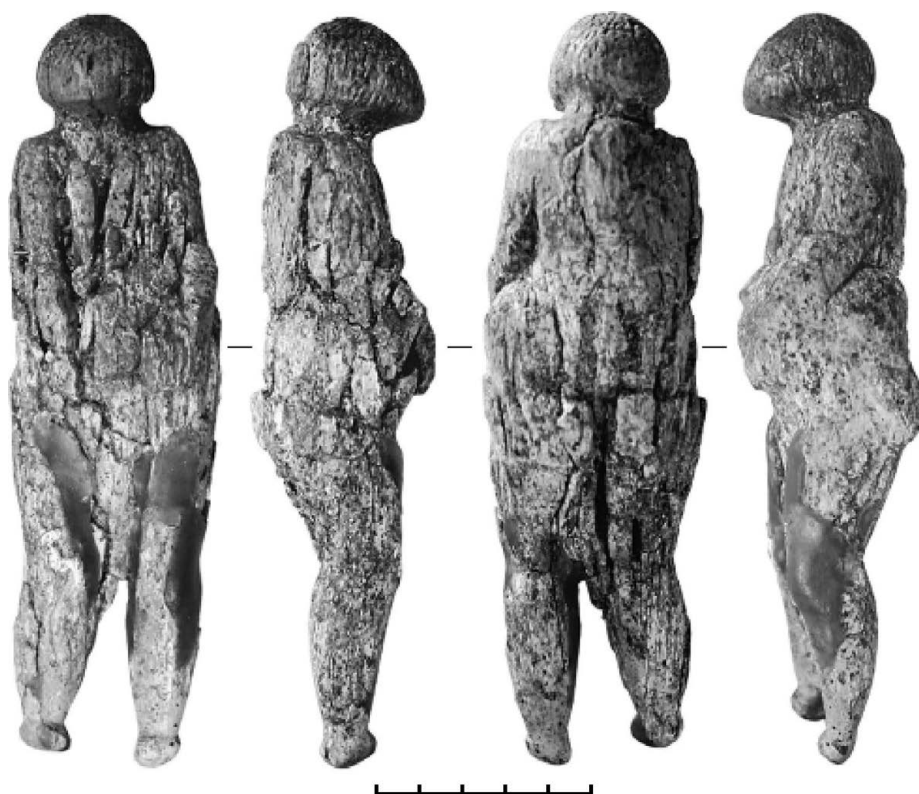

Рис. 3. Женская статуэтка из бивня мамонта из ямы 116

описываемой ямы № 116 зафиксирован на уровне -106 см от условной нулевой горизонтали. Форма ямы в плане круглая; диаметр – 173 см. Глубина ямы от уровня фиксации – 114 см (220 см от условной нулевой горизонтали). Стенки ямы извилистые – следствие мерзлотных явлений (?); дно – близкое к горизонтальному.

Верх юго-западной части ямы на глубину до -150 от условной нулевой горизонтали разрушен под воздействием мерзлотных процессов. Интересно наличие в верхней части заполнения ямы-хранилища лопатки мамонта с круглым отверстием в центре. Лопатка обнаружена стоящей круто наклонно вдоль северо-восточной стенки (нивелировочная отметка низа -145). При этом суставная ее поверхность опирается непосредственно на край ямы. Это позволяет, во-первых, установить реальный уровень впуска ямы и, во-вторых, утверждать, что статуэтка изначально была перекрыта лопаткой мамонта. Впоследствии лопатка обрушилась в яму, к этому моменту яма была заполнена культурными наслоениями примерно на одну треть глубины.

Заполнение ямы выглядело следующим образом (рис. 5). Нижнюю часть его (до уровня отметки -190 см от дна) составляла темная серовато-оливковая мелкозернистая супесь с внедрениями оливкового песка (слой 8). Ее перекрывала темно-коричневая, интенсивно прокрашенная охрой супесь с содержанием мелких костных угольков и включением линз мелкозернистого песка (слой 7). В этом слое наблюдалась относительно неплохая сохранность костных остатков. Здесь обнаружен, в частности, крупный фрагмент ребра мамонта со следами продольного расчленения. Тут же найдены две пальцевые фаланги мамонта, а ниже – небольшой фрагмент тонкого костяного острия. Именно в подошве этого слоя обнаружена описываемая статуэтка. Ее контуры проявились на глубине -186 от условной нулевой горизонтали. При расчистке кистью стало понятно, что это изделие из бивня мамонта, так как четко проявилась внутренняя конусовидная структура предмета. Последняя подверглась сильному разрушению – пластины конуса частично расслоились и сместились.

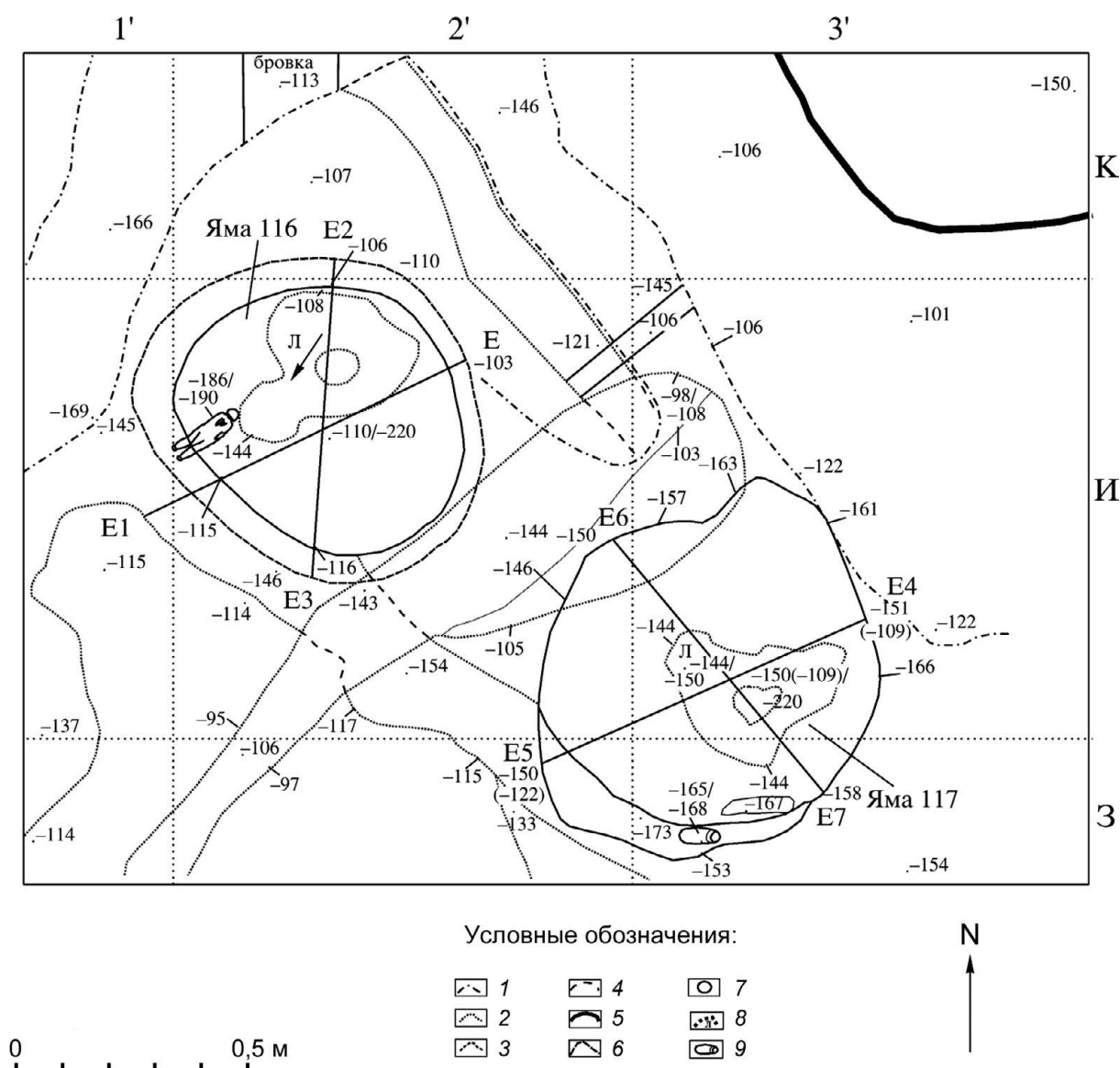

Рис. 4. Зарайск – 2005. Общий план ям 116, 117 на кв. И, 3–2', 3'

Условные обозначения: 1 – мерзлотная трещина первой генерации; 2 – мерзлотная трещина второй генерации; 3 – траншеи, повредившие слой; 4 – предположительные границы объектов; 5 – границы больших ям (землянок); 6 – очертания ям на уровне дна; 7 – яма; 8 – лопатка мамонта; 9 – женская статуэтка

Если нижние слои заполнения ямы (слои 7 и 8) достаточно мощные, однородные и имеют спокойное горизонтальное залегание, то выше по разрезу заполнение ямы становится пестрым, нерегулярным по цвету, плотности и литологическому составу. Здесь заметно увеличивается количество костных угольков. Некоторые линзы насыщены углями особенно сильно (линза 5). Вдоль восточного края ямы на глубину до поверхности слоя 7 опускается вертикальная прослойка желтоватого мелкозернистого песка. На Зарайской стоянке такие прослойки представляют собой обычно затеки в сезонные мерзлотные трещины отжатия, пролежавшие по границе плотных материковых стенок и относительно рыхлого заполнения ямы.

Судя по взаимному стратиграфическому соотношению лопатки мамонта и указанной вертикальной прослойки, первая перекрывала яму еще какое-то время после образования и заполнения мерзлотной трещины (повторяющихся трещин) отжатия. После этого материал в яму поступал хаотично и нерегулярно, возможно в виде эпизодических замывов. Затем

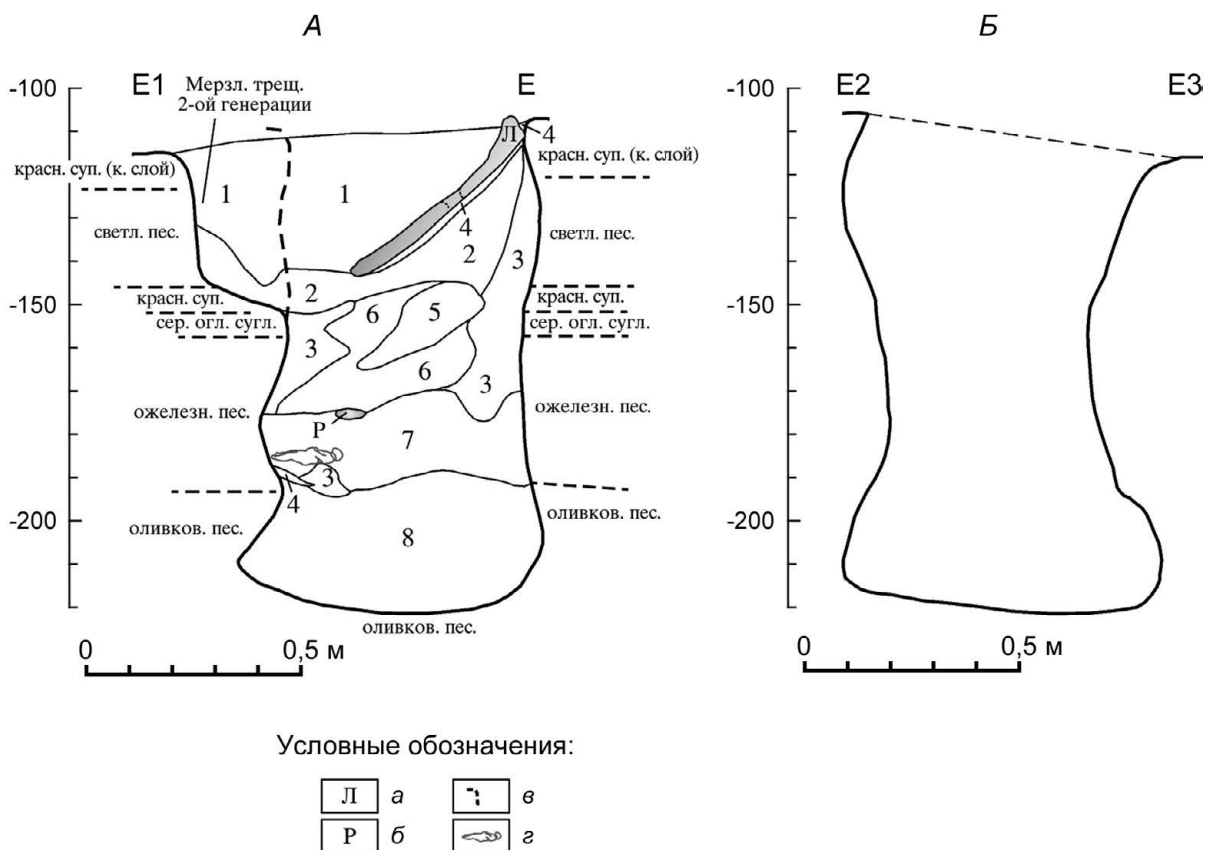

Рис. 5. Зарайск – 2005. Яма № 116. А – Разрез Е–Е1 (ЮЗ–СВ) на кв. И-2'. Вид с Ю–В; Б – Профиль Е2–Е3 (СВ–ЮЗ) на кв. И-2'. Вид с С–З

Условные обозначения: а – лопатка мамонта; б – ребро мамонта; в – предположительный контур борта ямы, разрушенный мерзлотной трещиной; г – женская статуэтка
Слои: 1 – коричневатая-серая супесь с мелкими угольками; 2 – красноватая супесь с мелкими угольками; 3 – желтоватый мелкозернистый песок; 4 – углистость; 5 – коричневатая супесь с углями; 6 – зеленоватый мелкозернистый песок с редкими угольками; 7 – темно-коричневая, интенсивно прокрашенная охрой супесь; 8 – темная серовато-оливковая рассыпчатая супесь с внедрениями оливкового песка

произошла частичная деформация верхней части ямы в связи с появлением системы масштабного мерзлотного растрескивания (возникновение второй, по зарайской схеме, генерации трещин). Судя по стратиграфическим показателям, перекрывавшая яму лопатка мамонта обрушилась в яму или в ходе указанных мерзлотных явлений, или, вероятнее, непосредственно перед их началом. Порода заполнения выше уровня, отбиваемого низом обрушившейся в яму лопатки, представляет собой однородный слой коричневатой-серой супеси с редкими включениями мелких костных угольков (слой 1). В стратиграфии Зарайска такие признаки более всего характерны для заполнения мерзлотных трещин второй генерации и отчасти литологического содержимого третьего этапа накопления культурных отложений.

В заполнении ямы обнаружены кремневые изделия (всего чуть менее 40) и мелкие фрагменты костей. Они включены в рассеянном виде в массу заполнения более или менее равномерно, не образуя скоплений. В типологическом отношении среди кремневых изделий преобладают заготовки-пластины и отщепы, и их фрагменты, орудий всего пять – три ножа костенковского типа, один из которых комбинирован с резцом и еще два резца, а также сколы с них.

Сама фигурка обнаружена в заполнении западной части ямы на глубине 186 см от условной нулевой горизонтали (73 см от реконструируемого края ямы). Она лежала

горизонтально на спине, соприкасаясь ногами со стенкой и головой, направленной в сторону центра ямы.

В 3–4 см к северу от головы статуэтки на ее уровне залегания наблюдалась линза охры бордового цвета размерами 11 см в длину и до 4 см в ширину. Под фигуркой, а также к югу от нее фиксировалась линза светлого мелкозернистого песка. Статуэтка лежала на 2–3 см выше этого песка в окрашенной охрой коричневатой супеси (слой 7).

Таким образом, основываясь на рассматриваемых данных, можно утверждать, что статуэтка была намеренно уложена в яму на этапе, когда эта яма примерно на одну треть глубины заполнилась оплывшим в нее грунтом. Судя по всему, именно в этот момент яму покрыли (скорее всего, в последний раз) лопаткой мамонта. Не ради ли описываемой статуэтки была перекрыта яма? Ведь к тому времени, когда в нее была положена статуэтка, яма уже не представляла собой то, чем она изначально являлась – крупным вместилищем, предназначенным для хранения утвари, материалов и припасов.

Сохранность фигурки плохая. Сама расчистка, изъятие предмета из слоя и дальнейшее сохранение составляли нелегкую задачу. В районе груди и живота произошло расслоение бивня по естественным пластинам. Со стороны спины статуэтки материал как бы растворился. Глубина разрушения здесь не равномерная, максимально – 5 мм. С лицевой стороны в области груди и живота имеются глубокие (до 0.7 мм) трещины по границе расслоения пластин бивня. В этих трещинах отмечались вросшие туда корешки современных растений. Произошла и общая деформация, проявляющаяся особенно в том, что левая часть статуэтки ниже пояса разбухла и выглядит заметно толще правой. Лучше сохранились голова и ноги. На них имеется даже залощенность, которая характерна для поверхностей большинства костяных изделий из палеолитических стоянок. Наличие залощенности свидетельствует о том, что последней операцией в технологии изготовления статуэтки было лощение поверхности мягким материалом. Выявить следы воздействий других орудий в ходе изготовления предмета невозможно из-за плохой сохранности изделия.

Тщательнее всего у статуэтки оформлена, пожалуй, голова. На этой части статуэтки можно видеть обычную для костенковских фигурок попытку передать прическу и/или головной убор (Soffer et al., 2000. P. 511–525; Демещенко, 2006. С. 5–17). Сделано это с использованием коротких ритмичных вертикальных насечек. Насечки образуют узкие кольцевые пояски, сужающиеся от основания головы к макушке. Аналогичное оформление головы женских статуэток хорошо известно в собственно костенковских материалах (статуэтка № 3 по Ефименко, 1958). В коллекции статуэток Костенок 1 (слой 1) отмечается сочетание гравировки описанного характера с нанесением рядов насечек, которые образуют линии, распространяющиеся пунктирно от макушки головы к основанию (статуэтка № 50 по Ефименко, 1958).

Плечи описываемой статуэтки существенно уже относительно области бедер; резко выделенные, прямые. Руки сложены в нижней части живота. Они четко выделены глубокой гравировкой, как с лицевой стороны, так и со стороны спины. Кисти рук не показаны. Живот акцентирован, выдается вперед, но не нависает. Бедра массивные, слегка гипертрофированные. Ноги вместо ступней имеют копытообразное завершение.

Размеры фигурки следующие: высота – 16.6 см; ширина у плеч – 4 см, у пояса – 5.1 см, у бедер – 5.5 см; толщина у плеч – 3 см, у пояса – 4.3 см, у бедер – 4.4 см. Соотношение длины туловища к длине ног равно 8.6: 7.6 см.

Зарайская фигурка № 1 полностью соответствует общим канонам антропоморфной скульптуры малых форм, типичной для виллендорфско-костенковской культурной общности. Особенности изделия позволяют дать ей и более узкое типологическое определение. Статуэтка относится к той разновидности изделий этого рода, которая характеризуется безликостью, наклоненной вперед и вниз головой, стоячей позой при относительно вертикальной спине и раздельным изображением ног до уровня колен. В специальной литературе этот стиль обозначается как авдеевский (рис. 6).

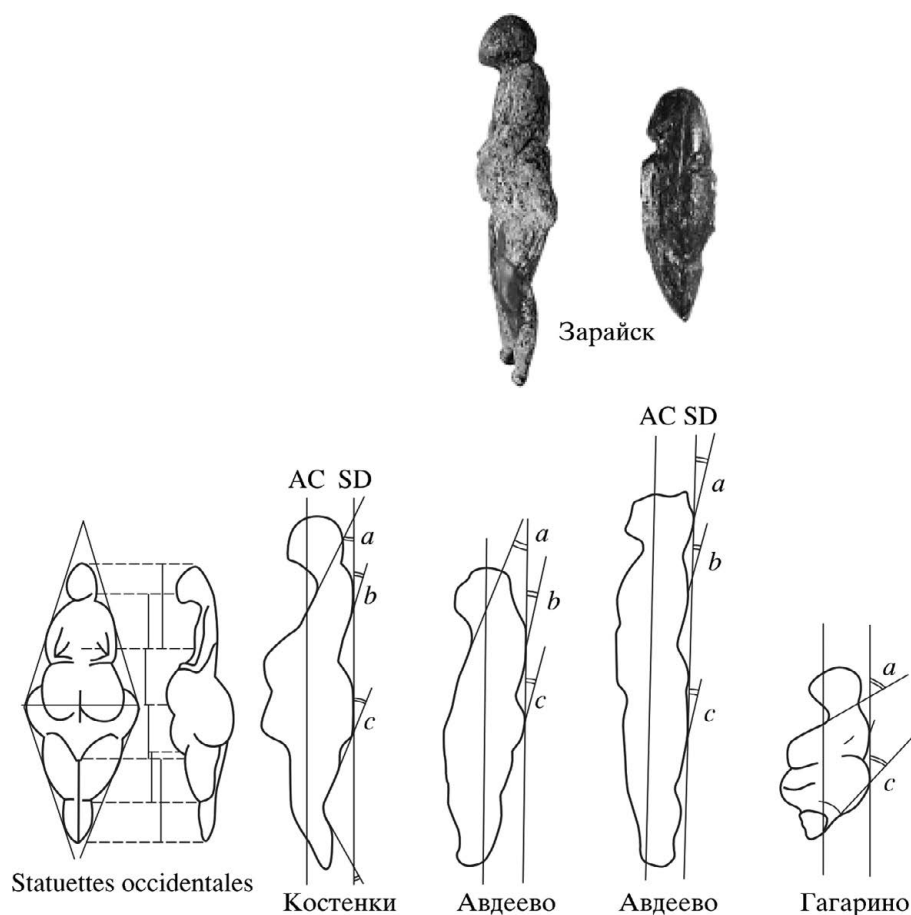

Рис. 6. Зарайские статуэтки в типологии (по М.Д. Гвоздовер) палеолитической антропоморфной скульптуры малых форм

Статуэтка № 2 (рис. 7) представляет собой незаконченную фигурку, предположительно женскую. Обнаружена она, как и предыдущая, в стандартной яме-хранилище (яма № 117) костяного типа. Эта яма захватывает различные части квадратов 3, И – 2, 3' и расположена в непосредственной близости от ямы, содержащей большую статуэтку. Она также была изначально покрыта лопаткой мамонта.

Стратиграфически описываемый объект относится ко второму этапу формирования культурных отложений стоянки. Реконструируемый уровень впуска ямы -109 см от условной нулевой горизонтали. Форма ямы округлая с диаметром 73–78 см. Первоначальная глубина составляла 108 см. Верх ямы (выше уровня залегания лопатки мамонта, перекрывавшей яму, т.е. выше отметки -144 от условной нулевой горизонтали) сильно деформирован мерзлотными явлениями. Стенки ямы расширяются к низу (следствие деформации); дно – более или менее горизонтальное.

Многочастное заполнение ямы четко отбивалось от стенок. Заполнение предстает пестрым и косошлестным в той части, которая в наибольшей степени затронута мерзлотными процессами (рис. 8). Таков характер заполнения на глубину до 35 см от уровня впуска. На этом уровне лежит запавшая в яму и лежащая здесь горизонтально лопатка мамонта. Далее вглубь идет слой красновато-желтого мелкозернистого песка с мелкими костными угольками – слой 1). На контакте этого слоя с подстилающим слоем 2 (слабоохристая темновато-коричневая супесь, насыщенная костными угольками), на уровне -165 от условной нулевой горизонтали или на глубине 56 см от уровня впуска ямы и залегала описываемая статуэтка. Ниже по разрезу залегают оливковые сеноманские пески в чистом виде (слой 7) или в разной степени перемешанные с красноватой супесью (слои 5, 6). Находки в виде

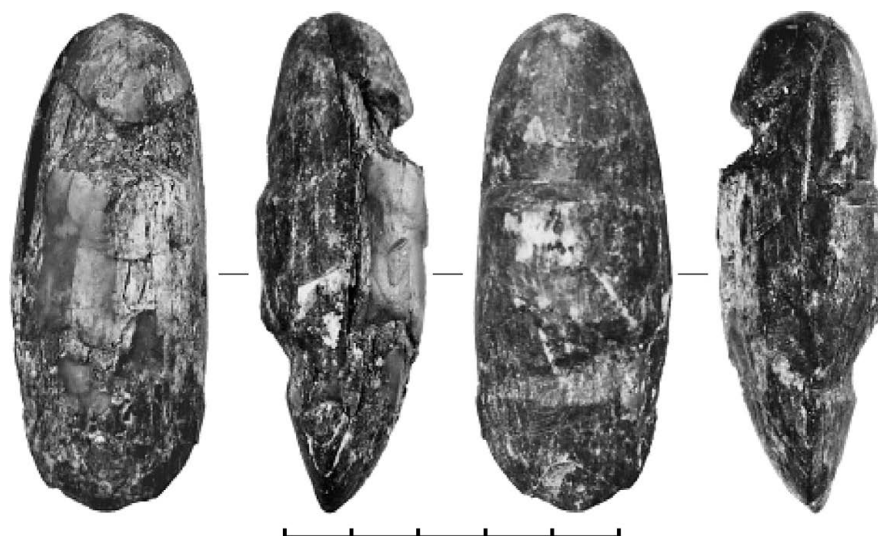

Рис. 7. Женская статуэтка из бивня мамонта из ямы 117

мелких фрагментов костей, костных угольков и разрозненных кремней встречались преимущественно в слоях 2 (в большей степени), 5 и 6. Слой же 1, в котором залегала статуэтка, был почти лишен находок, за исключением мелких костных угольков.

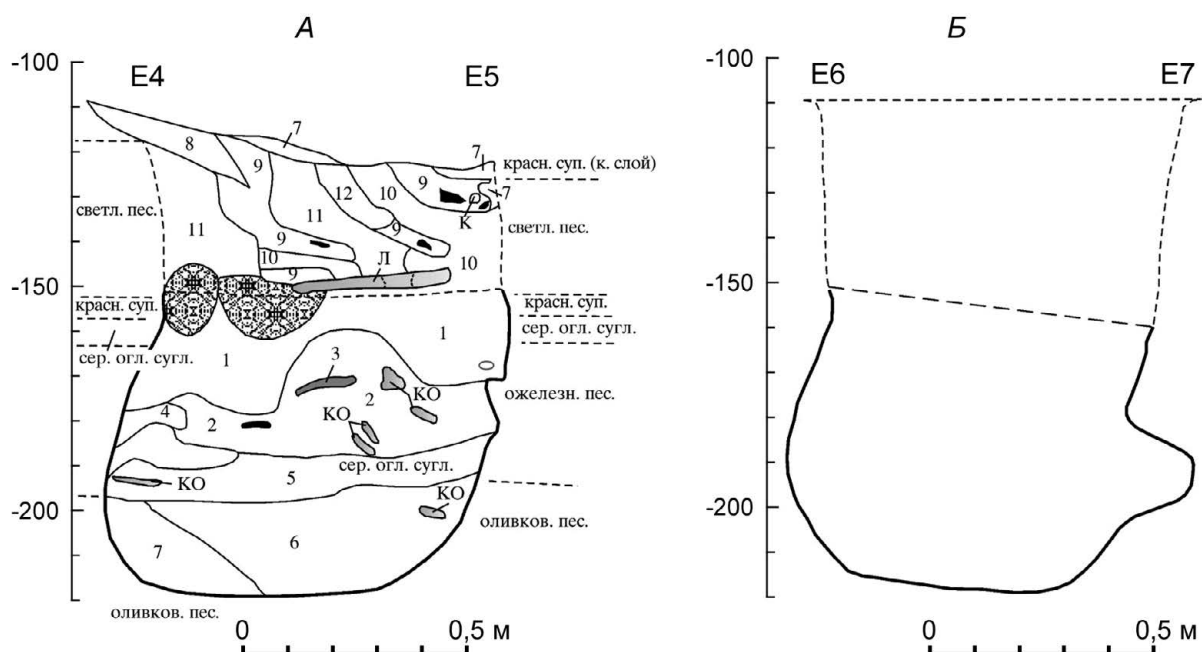
Фигурка лежала горизонтально в западном секторе ямы. Головой она была ориентирована в сторону центра ямы; ноги соприкасались со стенкой. В 3–4 см к северу от головы статуэтки зафиксировано залегающее горизонтально пятно минеральной краски бордового цвета размерами 11×4 см. Под фигуркой и немного южнее от нее отмечалась тонкая линза светлого мелкозернистого песка, не распространявшаяся далее. Статуэтка лежала на 2–3 см выше этой линзы песка.

Сохранность этой фигурки с внешней поверхности была лучше, чем у первой. Однако структура материала оказалась разрушенной. В момент обнаружения, предмет имел консистенцию пластилина, но с той разницей, что легкое прикосновение привело бы к его разрушению на мельчайшие, почти бесструктурные фрагменты. Другой тип изменений материала проявился в некотором разбухании одной из краевых частей и незначительном горизонтальном смещении внешней пластины дентина. Это смещение произошло, когда структура строения бивня еще сохранялась в заготовке прочной, и процессы мелкоструктурных внутренних изменений не зашли сколько-нибудь далеко. Об этом красноречиво говорит полное отсутствие на смещенной пластине каких бы то ни было трещин.

Материалом для изготовления статуэтки послужил продольный фрагмент внутренней части бивня. На основе наблюдений над характером расщепления бивня мамонта на Зарайской стоянке можно предположить, что, скорее всего, это был массивный отщеп. Заготовка доведена до той стадии, когда отчетливо выделены голова, торс и область ног. Голова выделена двумя полукольцевыми глубокими желобами, располагающимися с лицевой и затылочной сторон. Такой же, но несколько более широкий желоб сделан со стороны спинки на уровне, который соответствует (если бы статуэтка была завершена) участку от низа бедер до сгиба колен. Далее вниз от этого желоба заготовка утончается и приобретает в профиль клиновидные очертания.

Обработка бивневой заготовки осуществлялась с использованием таких приемов, как резьба, строгание и скобление. Следы указанных операций отчетливо сохранились на поверхности предмета.

Давать бесспорную стилистико-типологическую атрибуцию незаконченного изделия такого рода непросто. Однако профиль и пропорции фигурки склоняют к тому, чтобы признать фигурку в морфологическом и художественном отношениях наиболее близкой к статуэткам авдеевского стиля.

Условные обозначения:

	а		д
	б		е
	в		ж
	г		з

Рис. 8. Зарайск – 2005. Яма № 117. А – разрез Е4–Е5 (СВ–ЮЗ) на кв. 3, И-2',3'. Вид с С–З; Б – профиль Е6–Е7 (СЗ–ЮВ) на кв. 3, И-2',3'. Вид с Ю–З

Условные обозначения: а – кремень; б – камень; в – кость; г – кротовина; д – лопатка мамонта; е – ребро мамонта; ж – проекция женской статуэтки; з – охристая линза

Слои: 1 – красновато-желтый мелкозернистый песок с мелкими угольками; 2 – темно-коричневая супесь, насыщенная углями, со слабой охристой окраской; 3 – охра; 4 – зеленовато-бежевый песок; 5 – темная серовато-оливковая супесь; 6 – серовато-оливковый песок с внедрениями красноватой супеси; 7 – оливковый песок с редкими угольками; 8 – серовато-коричневая супесь; 9 – сиреневатая супесь, окрашенная охрой; 10 – оливковый песок с примазками красноватой супеси; 11 – желтовато-серая супесь с угольками; 12 – сероватая супесь

Называя эту статуэтку незаконченной, мы, конечно, имеем в виду изобразительную сторону. Такое определение предмета оправдывает наличие в данной коллекции фигурки, которая по своей отделке подходит полностью под канон законченных произведений этого рода. Однако если исходить не только с эстетической точки зрения, но и учитывать почти не известную нам функциональную сторону этих изделий, то рассматривать данный предмет как незаконченный, возможно, будет неправильно. Женские статуэтки, которые можно было бы назвать незаконченными, довольно заметно присутствуют и в костяных материалах. При этом контекст их залегания в слое (связь с конкретными объектами поселенческой структуры) и тафономия ничем не отличаются от положения и окружения самых совершенных произведений такого рода. Помня о том, что контекст находки неясного назначения часто говорит о функции предмета больше, чем характеристики самого предмета, мы должны допускать, что с утилитарной стороны данная фигурка могла рассматриваться как вполне законченная с точки зрения той цели, для которой она предназначалась.

Рис. 9. Предмет из бивня мамонта в виде усеченного конуса с посверленным в центре узким сквозным вертикальным отверстием

Переходя к другим видам изобразительной деятельности обитателей Зарайской стоянки, следует остановиться на находках предметов с гравировкой. В обобщенном виде использование техники гравировки на памятниках верхнего палеолита Восточной Европы представлено следующими тремя разновидностями: орнаментальная, функциональная и фигуративная. Первые два вида встречаются довольно широко. Иногда их трудно разграничить, поскольку не всегда легко определить какая сторона главенствует в том или ином изображении – эстетическая или утилитарная.

Третья из названных разновидностей – гравировка фигуративная в культурном массиве «восточного граветта» Русской равнины до настоящего времени оставалась практически не известной. Лишь в материалах первого комплекса Костенок 1 в качестве «совсем особой категории вещей изобразительного характера» (Ефименко, 1958. С. 408) отмечалось наличие единичных гравированных изображений трудноопределимых фигур животных на фрагментах ребер мамонта. Одна из таких гравировок была обозначена предположительно как изображение овцебыка (Ефименко, 1958. Рис. 200).

Останавливаться на характеристике изделий с гравировками из первых лет раскопок Зарайской археологической экспедиции Института археологии РАН нет необходимости, поскольку они уже опубликованы (Амирханов, 2000). Рассмотрим лишь предметы описываемого рода, обнаруженные раскопками последнего времени. В их перечне обращает на себя внимание мелкий фрагмент тонкой трубчатой кости предположительно птицы с гравировкой (яма № 117). Орнамент изготовлен рассчитанными движениями, которые можно было сделать острым угловатым выступом кремневого орудия. Гравировка относится к разновидности «косого крестика». Предмет, к которому относился описываемый фрагмент, был украшен орнаментом в продольном направлении. В материалах костенковской культуры орнамент данного типа отмечается в украшении рукоятей и верхних краевых частей лопаточек, игольников из трубчатых костей птицы, браслетов, зооморфных «фибул» («заколов») и иногда крупных костяных наконечников.

Зарайская стоянка дает пример использования орнамента в декорировке еще одной, не известной ранее для костенковской культуры, категории изделий. Речь идет о предмете из бивня мамонта в виде усеченного конуса с просверленным в центре узким сквозным вертикальным отверстием (рис. 9). Вершина этого усеченного конуса имеет в диаметре 22 мм; диаметр основания – 37 мм. По кромке круглой площадки, формирующей вершину изделия, нанесен орнамент в виде «косого крестика». Орнамент мелкий и плотный; крестики большей частью соприкасаются друг с другом.

Назначение описываемого орнаментированного предмета остается для нас неясным. Прямые аналогии ему в палеолитических материалах неизвестны. Более всего он похож на так называемые грузики дьяковского типа, функция которых также остается загадкой.

Рассматриваемый костяной предмет имеет и исключительную для материалов костенковской культуры технологическую особенность. Она заключается в использовании

при его изготовлении приема сверления. Изделие просверлено на всю толщину (14 мм). Техника сверления – встречная. Учитывая, что диаметр сверлины остается практически неизменным на всю длину, нужно признать знакомство палеолитических зарайских мастеров с техникой сверления в ее довольно развитом виде.

Единственный пока для Зарайской стоянки образец фигуративной гравировки обнаружен в средней части заполнения ямы-хранилища (яма 117) на глубине -167 см от условного нуля. Он залегал в темно-коричневой супеси, насыщенной углями, со слабой охристой окрашенностью (слой 2) в непосредственной близости от статуэтки, найденной в той же яме (рис. 4). Напомним, что статуэтка была обнаружена ближе к борту ямы на контакте красновато-желтого мелкозернистого песка с мелкими костными угольками (слой 1) с подстилающим слоем 2 на уровне -165 от условной нулевой горизонтали. Изделия лежали на расстоянии 7 см друг от друга. Возникает вопрос, является ли случайностью совместное расположение столь неординарных и, судя по всему, очень значимых в культовом отношении объектов?

Предмет, о котором идет речь, представляет собой фрагмент ребра мамонта длиной 18 см. Резьбой затронут лишь небольшой участок плоской поверхности этого обломка – это площадь размерами всего 3 см в длину и 2,5 см в ширину. Резьба очень тонкая, неглубокая; сразу ее трудно даже заметить. Тем не менее основные линии изображения четкие, не рваные, проведенные уверенными непрерывными движениями. В степени выраженности линий присутствует определенная иерархия. Линии, отбивающие контуры изображения, шире и глубже. Те же, которые относятся к деталям, – менее заметны.

В описываемой гравировке можно увидеть изображение трех перекрывающих друг друга фигур мамонтов, направленных слева направо (рис. 10; 11). Все фигуры показаны частично. Изображаются внешние контуры хоботов и голов, переход к спине и, по-видимому, бивни. Наиболее выразительным является первое – дальнее изображение. Здесь хорошо передан мясистый хобот и акцентирована шишковатая голова мамонта. Отчетливо показана челка, выполненная короткими и гораздо более тонкими линиями.

В правильной пространственной соотнесенности фигур можно усмотреть определенный композиционный порядок. Наличие композиции предполагает передачу перспективы. Действительно, при взгляде на изображение возникает ощущение того, что перспектива существует, но перспектива обратная. Мамонт на дальнем плане показан более крупно, чем фигуры на переднем плане, и он выглядит идущим впереди остальных.

В стилистико-художественном отношении описываемое изображение, бесспорно, относится ко второму стилю палеолитического изобразительного искусства по А. Леруа-Гурану (Leroi-Gouran, 1995). Этот стиль («второй примитивный») связывают с граветтом – началом солютре. Изображение животных оформляется, как правило, «синусоидной» линией, которая обрисовывает шею и спину. Рога показываются в профиль или в фас в искаженной перспективе. Ноги часто отсутствуют или только обозначены. В некоторых случаях ноги не редуцированы и оформлены на всю длину. В полном соответствии с каноническим описываемого стиля показан мамонт на гравировке из родственного Зарайску памятника Дольни Вестонице. Все изображение здесь ограничивается одной линией, передающей контур головы и спины. Хронологически данный стиль относят к периоду женских скульптурных изображений, называемых «палеолитическими венерами».

Зарайская стоянка уже представила ранее возможность редкой по убедительности реконструкции смысла и назначения одного конкретного произведения искусства. Речь идет об использовании статуэтки бизона в ритуале охотничьей магии (Амирханов, Лев, 2004. С. 299–321). В качестве одного из важных элементов этого ритуала выделялся момент нанесения статуэтке преднамеренных сильных повреждений, имитирующих убийство зверя. Еще одним редким по яркости образцом использования художественных изображений в магических обрядах выступает многофигурное гравированное изображение мамонтов из Зарайской стоянки.

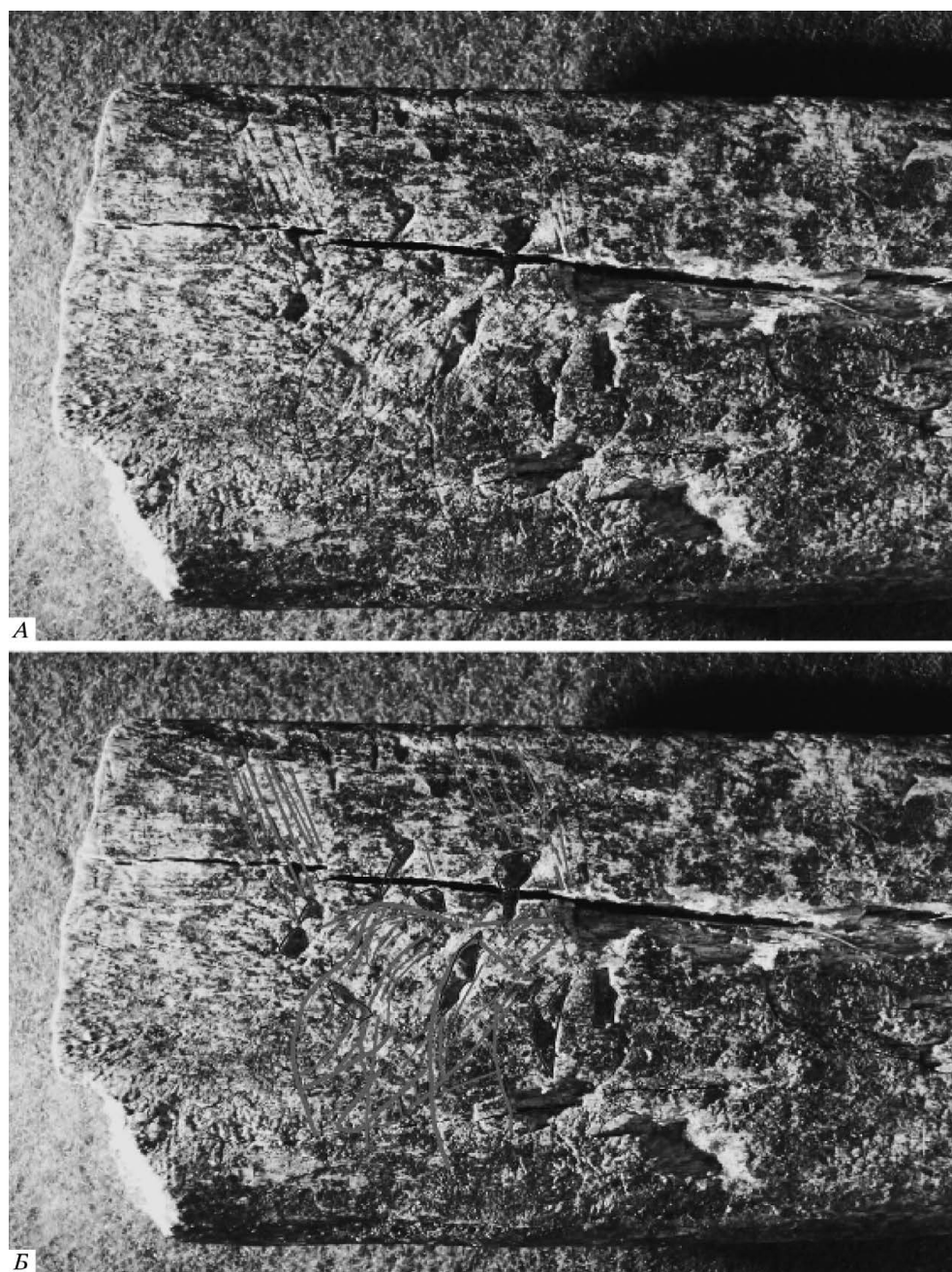

Рис. 10. Ребро мамонта с гравированным изображением

А – фотография части ребра с гравировкой; Б – прорисовка гравированного изображения поверх фотографии

Помимо фигуративной части на гравировке имеются два пучка линий. Оба этих пучка направлены в головы двух из трех изображенных мамонтов. В семантическом плане этот факт можно было бы поставить в один ряд с известными образцами наскальной палеолитической живописи, изображающими животных с направленными в них «стрелами». Однако существует известная слабость в интерпретациях, которые относят эти изображения к имитации поражения животных в магических ритуалах. Здесь трудно исключать и другие толкования.

Другое дело – случаи, подобные рассматриваемому. Поверх изображения мамонтов из Зарайской стоянки наблюдаются явные повреждения. Они имеют характер лунок с рваными краями, которые могли образоваться только вследствие прямого удара

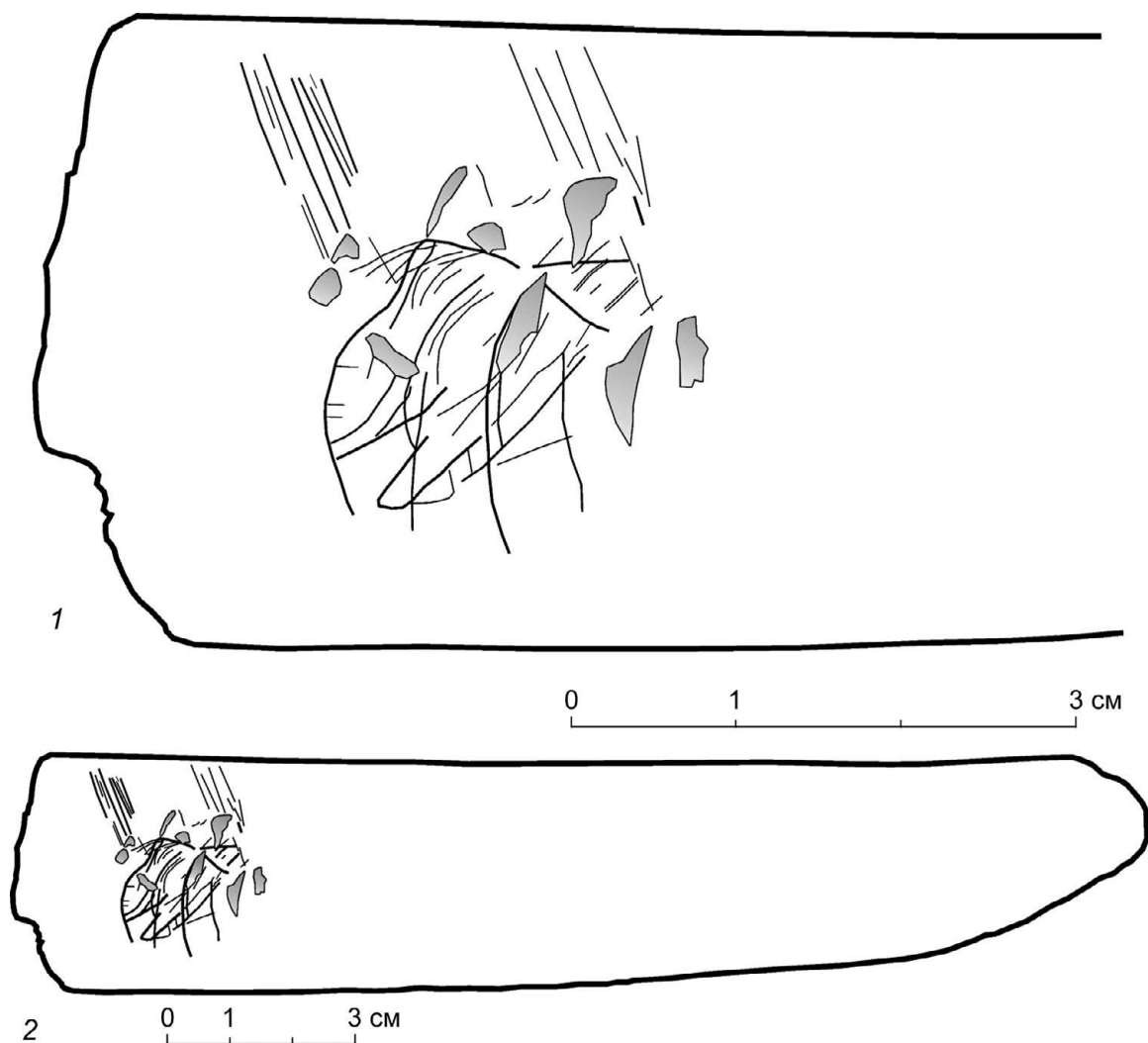

Рис. 11. Соотношение участка с гравировкой (1) к полной длине сохранившегося фрагмента ребра мамонта (2)

острым предметом. Связь этих повреждений с участком с гравировкой, и только с ним не вызывает сомнений. По гравированному изображению мамонтов было нанесено не менее десяти ударов. О нацеленности этих ударов говорит то, что на остальной поверхности обломка ребра, которая превышает область, занятую гравировкой в шесть раз, нет ни одного следа удара. Необходимо было приложить определенные усилия для того, чтобы удары были столь акцентированными. Напомним, что гравировка занимает площадь равную лишь 3×2.5 см (рис. 11).

Таким образом, гравированное изображение из Зарайской стоянки наряду с фигуркой бизона предоставляет еще один факт использования обитателями этого поселения произведений изобразительного искусства в магических целях. В охотничье-промысловом характере этих религиозных действий вряд ли приходится сомневаться. Кстати, описываемый факт является чуть ли не единственным положительным аргументом из области изобразительного искусства палеолита Восточной Европы в пользу того, что палеолитический человек охотился на мамонта или нет.

Описанные выше новые находки обогащают общую коллекцию скульптуры малых форм палеолита Восточной Европы и расширяют географию конкретных типов художественных произведений. В Зарайске пока раскопана примерно половина площади жилищно-хозяй-

ственного комплекса костенковского типа. Но уже сейчас можно сказать, что по богатству и разнообразию предметов искусства этот памятник становится в один ряд с такими знаменитыми памятниками, как Костенки 1, Авдеево, Гагарино, Хотылево. Соответственно и бассейн р. Ока на полных основаниях может быть включен в область распространения культуры средней поры верхнего палеолита Европы, характеризующейся наивысшими проявлениями духовной культуры, нашедшими отражение в палеолитическом искусстве.

Рассмотренный выше материал поднимает и собственно археологические проблемы, имеющие отношение к более глубокому пониманию всего феномена искусства виллендорфско-костенковской культурной общности, уточнению общих характеристик последнего, а также выяснению места и роли произведений искусства в установлении археологических единств различных рангов.

С точки зрения общих вопросов археолого-искусствоведческого анализа палеолитической скульптуры малых форм и с учетом материалов Зарайска мы должны констатировать, что не совсем верно относить искусство средней поры верхнего палеолита Восточной Европы к какому-либо одному стилю – реализму, натурализму или схематизму. Для указанного культурного явления мы обнаруживаем и первое, и второе, и третье. Однако в различных памятниках или группах памятников проявления эти выражены далеко не равномерно, и если рассматривать совокупность источников в самом общем виде, то нельзя не признавать более или менее выраженное доминирование одного из этих стилей. Для рассматриваемой стадии верхнего палеолита и Западной Европы (Leroi-Gouran, 1995), и Восточной Европы (в частности, Русской равнины) в качестве последнего выступает реализм (Kozłowsky, 1992) с элементами стилизации и даже схематизма.

Произведения искусства, как и каменная индустрия, позволяют выявлять между памятниками общее сходство. В отличие от первых, в еще большей степени они способны улавливать отличия самого мелкого плана между конкретными памятниками. Это свойство рассматриваемой категории источников имеет неопределимую важность для палеоэтнологических реконструкций. Так, например, наличие в Зарайске только одного (авдеевского) из трех типов женских статуэток, известных для Центральной и Восточной Европы (Gvozdover, 1995) могло бы и не рассматриваться как особо значимое, если бы не было других очень важных аналогий этого же плана. Можно указать, например, на то, что из всех памятников «восточного граветта» имитации метаподий животных, изготовленных из бивня мамонта, встречаются только в Авдеево и Зарайске. Указанное изделие, отражающее, по всей видимости, особые религиозно-магические представления, настолько специфично, что невозможно объяснить простой случайностью наличие его в одних памятниках и отсутствие в других.

Ритуалы и обряды охотничьей магии создателей узких археолого-культурных общностей, например носителей костенковской культуры, скорее всего, в своей основе не сильно отличались. Однако их материальное воплощение, судя по всему, было неодинаковым. Широко распространенную во все времена и у разных народов охотничью традицию отпазничивания (отрезание лапки добытого на охоте животного), возможно, мы фиксируем на всех памятниках «восточного граветта» – находки костей лапок волка, зайца, песка в анатомическом порядке обычны для культурных слоев памятников указанного круга. Однако материализация магической идеи в такой изощренной форме, как изготовление скульптурного изображения метаподия одного из обычных объектов охотничьего промысла, не может быть выражена с одинаковой силой на всех, даже «родственных» памятниках, и она действительно не выражена.

Обычно одни только общие характеристики каменного и костяного инвентаря рассматриваются как достаточные для заключения о поразительном сходстве культуры Костенок и Авдеево. Это сходство объясняли даже принадлежностью людей, оставивших данные памятники людям одной и той же общины (Рогачев, 1957). Но насколько более тесным должно было быть родство обитателей Зарайской и Авдеевской стоянок, если в дополнение к общности их материальной культуры это население было привержено единому и сокровенному для них миру религиозно-мистических представлений?

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН (Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям) и гранта РФФИ № 05-06-80074.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х. А. Зарайская стоянка. М., 2000.
- Амирханов Х. А., Лев С. Ю. Статуэтка бизона с Зарайской стоянки // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004.
- Демещенко С. А. Особенности украшений костенковско-авдеевской культуры // РА. 2006. № 1.
- Ефименко П. П. Костенки 1. М.; Л., 1958.
- Рогачев А. Н. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // Палеолит и неолит. МИА. 1957. № 59. Т. 3.
- Шилова Г. Н. Заключение о результатах споровопыльцевого анализа образцов из зарайской верхнепалеолитической стоянки // Амирханов Х. А. Зарайская стоянка. М., 2000.
- Gvozdozer M. Art of the Mammoth Hunters. The Finds of Avdeevvo // Oxbow Monograph. 1995. № 49.
- Soffer O, Adovasio J. M, Hyland D. C. The Venus Figurines: Textiles, Basketry, Gender, and Status in the Upper Palaeolithic // Current Anthropology. 2000. V. 41. № 4.
- Kozlowsky J. K. L'art de la Préhistoire en Europe orientale. CNRS éditions. 1992.
- Leroi-Gouran A. Préhistoire de l'art occidental. Nouvelle edition revue et augmentée par Brigitte et Gilles Delluc. Paris, 1995.

New finds of Paleolithic art from Zarsk

H. A. Amirkhanov, S. Yu. Lev

Summary

The article is devoted to works of art discovered in the course of excavations at the site of a mammoth-hunter camp which is being investigated by the RAS Institute of Archeology expedition in Zarsk (Moscow region) since 1994. The art collection consists of three figurines, one sculpture of a hare or polar fox metapodium carved from mammoth tusk, one multi-figure image of mammoths on a mammoth rib fragment, one necklace of 41 polar fox teeth, and separate polar fox teeth with holes at the root. Most of the finds are published for the first time, part of them was discovered during the 2005 season. The finds allow to compare the Zarsk site to other monuments of the Russian plain which are famous for the abundant works of art discovered there (Kostyonki 1, Avdeevvo, Gagarino, Khotylioovo).

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТАТУЭТКИ БИЗОНА С ЗАРАЙСКОЙ СТОЯНКИ¹

ВВЕДЕНИЕ

Благодаря исследованиям, проводившимся особенно активно в 90-х гг. истекшего века, Зарайская верхнепалеолитическая стоянка получила широкую известность как памятник исключительной научной значимости. Расположена она на правом берегу р. Осетр (правый приток р. Оки) в исторической части современного города Зарайска Московской области. Толчком для открытия и целенаправленных исследований послужили кремневые материалы, собранные на разрушаемом участке культурного слоя у северной стены зарайского кремля главным хранителем Зарайского городского музея Л. И. Максимовой. В 1980 г. эти материалы были переданы А. В. Трусову, который в том же году заложил шурф и установил наличие здесь культурных отложений. В дальнейшем раскопки велись в 1982–1983 и 1989 гг. [Трусов, 1994]. Консультационную помощь в этих работах оказывала Л. В. Грехова.

Исследования возобновились в 1994 г. Поводом для начала новых раскопок послужило то, что отложения стоянки оказались существенно потревоженными в результате рытья траншеи для газификации строений на территории кремля. Именно на этом участке небольшой экспедицией Отдела археологии каменного века Института археологии РАН, возглавляемой А. В. Трусовым, был разбит раскоп 4 размерами 5×5 м.

С 1995 г. непрерывные и интенсивные работы на стоянке ведутся Зарайской археологической экспедицией под руководством Х. А. Амирханова [Амирханов, 2000]. К настоящему времени исследовано 265 м площади стоянки, из которых 100 м² приходится на раскоп 4, являющийся основным. Это весьма скромная часть общей площади распространения культурных отложений памятника.

Комплекс данных по различным видам стратиграфии (археологическая, литологическая, палеокриологическая, палинологическая) позволяет выделять на стоянке не менее четырех разновременных уровней обитания. По коррелирующей со стратиграфическими показателями серии радиоуглеродных дат (22 даты) первый (наиболее древний) из этих уровней относится ко времени 23–22 тыс. л. н., наиболее поздний сформировался около 17 тыс. л. н. Статуэтка бизона, которой посвящена данная статья, была обнаружена в типичной для памятников костенковской культуры «яме-хранилище», связанной здесь с первым уровнем обитания.

По каменному инвентарю, характеру объектов культурного слоя (разнотипные ямы, очаги), а также особенностям структуры и планировки элементов жилищно-хозяйственных комплексов (в той части, которая нам известна) Зарайская стоянка обнаруживает максимальное сходство с памятниками костенковской культуры. Имеющиеся костяной инвентарь, украшения (ожерелье и отдельные зубы песка и волка с прорезями в корневой части), а также известные приемы орнаментации (гравировка в виде сетки, «косо-го креста») дополняют указанное сходство. До последнего времени ничего определенного нельзя было сказать об искусстве древних обитателей Зарайской стоянки, при том что этот элемент культуры является весьма важной и специфичной составляющей в археологических остатках однокультурных с Зарайском стоянках Костенки-1 (слой 1) и Авдеево.

Первое произведение искусства на Зарайской стоянке обнаружено в ходе раскопок 2001 г. Находка представляет собой скульптурку бизона, вырезанную из бивня мамонта. В сравнении с известными образцами палеолитической скульптуры Восточной

¹ Амирханов Х. А., Лев С. Ю. Сравнительная характеристика и стилистический анализ статуэтки бизона с Зарайской стоянки // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (11). С. 22–31.

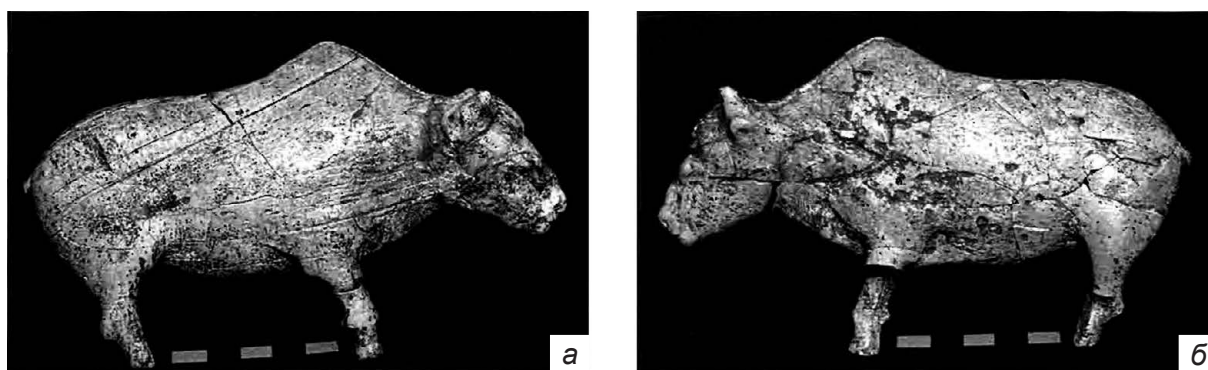

Рис. 1. Статуэтка бизона с Зарайской стоянки. Фото авторов
а – левая сторона, б – правая сторона

и Центральной Европы – это изделие обладает столь выразительной спецификой по объекту изображения, мастерству исполнения, художественной выразительности, стилистическим особенностям, отчасти по размерам и контексту залегания, что ставит вопросы, выходящие далеко за рамки проблематики костяноковской культуры. Проблемы эти лежат в историко-искусствоведческой, археолого-культурологической и палеоэтнологической плоскостях. Особый интерес представляет то, что имеются хорошо документированные и предельно убедительные факты, указывающие на действия, связанные с намеренным нанесением изделию повреждений, частичной окраской его красной охрой и последующим ритуальным погребением данной фигурки.

Ввиду ограниченности объема статьи мы затрагиваем здесь лишь два аспекта темы: сравнительный (в контексте палеолитического искусства Европы) и стилистический анализ статуэтки. За рамками работы остаются сюжеты, касающиеся подробных художественных и эстетических характеристик рассматриваемой скульптурки, техники ее изготовления, тафономии находки, смысла и назначения данного предмета.

ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТАТУЭТКИ

Выполненная в рамках искусства малых форм, зарайская статуэтка формально реализует в себе суть и идею произведений обычной скульптуры. Это настоящая круглая скульптура, предназначенная для осмотра ее со всех сторон (рис. 1). Фигурка имеет следующие размеры: длина 16,4 см, высота 10,4 см, максимальная толщина (в средней части живота) 3 см. Соотношение высоты (в крупе) и длины туловища составляет 1,6: 1, что идеально совпадает с пропорциями тела взрослой особи бизона. Передняя часть туловища выглядит существенно более массивной, чем задняя.

Голова поставлена низко. Она массивная и короткая. Рога расходящиеся, короткие и толстые. Концы рогов не загибаются, что в реальности характерно для молодых особей бизона. Грива передана в виде невысокого валика, гравированного частыми поперечными нарезками, которые перечеркиваются короткими косыми линиями. В результате получается орнамент в виде «косого креста». Начинается грива от затылочной части и заканчивается чуть ниже вершины горба. В верхней, зауженной, части крестообразный характер орнамента более регулярный. Здесь он воспроизводится двумя косыми перекрещивающимися резными линиями. Подобный орнаментальный мотив характерен для предметов искусства костяноковской культуры. В Зарайске он был встречен ранее на рукояти колотушки (концевой фрагмент бивня с орнаментом на утолщенной части).

Жировой горб изображен акцентированно. Он показан как продолжение загривка и достаточно резко возвышается над спиной. Наиболее высокая точка приходится на центральную часть горба. За счет ограниченности участка, занятого горбом (не бо-

Рис. 2. Статуэтка бизона с Зарайской стоянки (деталь). Фото авторов

лее трети длины спины), круп не выглядит сколько-нибудь заметно срезанным к задней части. Непосредственно за горбом линия спины имеет незначительный прогиб. Хвост изображен обобщенно в виде небольшого (0,5 см) округленного и направленного вниз выступа.

Волосной покров не показан, за исключением челки и участков бороды в нижней части шеи. Волосы передаются здесь гравированными линиями – тонкими, регулярными и параллельными друг другу (рис. 2).

Одной из выразительных особенностей скульптуры является наличие у нее четырех отдельных, а не «сросшихся»

попарно тумбообразных ног. Статуэтка могла стоять на ногах, но не очень устойчиво, поскольку расстояние между ними не слишком велико.

Вырезаны ноги с соблюдением пропорций и особенностей их строения. Подчеркнуты резкие выступы пяточных костей, а также место сочленения локтевой и плечевой костей передней ноги. Очень тонко отделано место соединения ног с туловищем. Здесь нет ничего от обобщения или схематизма. Проработка детализирована до передачи рельефа мышц. Этого не скажешь об изображении окончания ног – не видно даже попытки показать раздвоенность копыт.

На первый взгляд несколько недоработанным выглядит участок живота возле задних ног. Здесь плавная линия живота переходит в небольшую выпуклость, занимающую все пространство между ногами. По мнению палеозоолога Е. Н. Мащенко, таким образом показано вымя. Основываясь на этом, и особенно на характере рогов, исследователь считает, что изображена самка. У авторов нет оснований оспаривать данное заключение.

КОГО ИЗОБРАЖАЕТ ЗАРАЙСКАЯ СТАТУЭТКА?

В связи с изображаемым статуэткой образом возникает вопрос о том, насколько он похож именно на бизона. Вопрос этот связан с тем, что имеются некоторые различия в экстерьере американского и европейского бизонов (зубров). По описаниям зоологов, современный настоящий зубр² отличается от бизона следующими признаками: а) голова меньше и поставлена выше; б) остистые отростки грудных позвонков, образующие горб, более короткие, и, соответственно, сам горб не столь крупный; в) круп менее срезан; г) тело и ноги длиннее, однако максимальный вес зубра меньше. Относительно рогов в описаниях имеются разночтения. Таким образом, наиболее показательными внешними признаками, отличающими бизона от зубра, являются величина горба и степень срезанности крупа. Если судить по этим признакам, то в нашей скульптуре просматриваются характерные особенности как бизона (явно массивная и низко поставленная голова, подчеркнуто большой горб), так и зубра (меньшая срезанность крупа).

Возможно, рассмотрение того, что изображает скульптура – бизона или зубра, достаточно схоластично. Все-таки в данном случае более уместно сравнение не с совре-

² Речь идет о собственно зубре – европейском бизоне (*Bison bonasus*), – которого в настоящее время уже не существует в чистом виде. Современный зубр, обитающий в заповедниках, в действительности является гибридом американского и европейского бизонов. Вообще «зубр» – это известное с XIV в. русское название бизона. В близком звучании оно есть и в других восточнославянских языках (украинском, польском, чешском и др.). В романо-германских языках Европы ему соответствует «bison» (лат., фр.), «bisonte» (исп.), «wisent» (нем.).

менными представителями рода бизонов, а с их ископаемыми сородичами, которых наблюдал первобытный художник. Известное нам самое раннее графическое изображение бизона относится к XVI в. [Герберштейн, 1988, с. 193]. Это гравюра, выполненная с натуры в королевской пуще в Мазовии по просьбе Сигизмунда Герберштейна для его книги «Записки о Московии» издания 1556 г. Изображенный на гравюре зверь похож на американского бизона больше, чем на современного зубра. То же самое можно сказать об изображениях зубра в палеолитическом наскальном искусстве Европы.

Если судить об ископаемом зубре Европы по костным остаткам, то он заметно отличался от современного. Так, по мнению Н. М. Ермоловой, изучавшей кости бизона со стоянки Кокорево-1 на Енисее, ископаемый зубр был значительно крупнее современного (см.: [Абрамова, Гречкина, 1985, с. 44–45]). С другой стороны, не столь единообразны и современные представители бизонов и зубров. По современной систематике, и американский бизон (*Bison bison*), и европейский, или зубр (*Bison bonasus*), разделяются на подвиды. Первый представлен разновидностями, характерными для прерий (*Bison bison bison*) и горно-лесных пространств (*Bison bison athabaskae*), а второй – беловежским или литовским (*Bison bonasus bonasus Linnaeus*), кавказским (*Bison bonasus caucasicus Satunin*) и трансильванско-карпатским (*Bison bonasus hungarorum Kretzoi*) подвидами. Впрочем, некоторые исследователи различия на уровне подвидов считают не столь значимыми.

Ископаемый бизон в существующей систематике определяется как вид *Bison priscus* с двумя подвидами – *Bison priscus occidentalis* (был распространен в позднем плейстоцене на территории Сибири, Аляски и Канады) и *Bison priscus mediator* (территория обитания в позднем плейстоцене – Европа, Западная Азия). На основании изучения фаунистических остатков и с учетом изображений палеолитического наскального искусства биологи делают уверенное заключение о том, что «позднеплейстоценовые бизоны Европы (*Bison priscus mediator*) были очень близки к одновременным бизонам Восточной Сибири и Северной Америки» [Зубр..., 1979, с. 74]. Таким образом, зарайская скульптурка изображает бизона вида *Bison priscus* и лишний раз подтверждает приведенное заключение о близости ископаемых бизонов Европы и Америки. Наиболее показательным в этом смысле является отражение в данной статуэтке характерных экстерьерных признаков древнего американского бизона (*Bison priscus occidentalis*). Они описываются следующим образом: «Горб очень велик, самая высокая его точка находилась посередине, линия спины сильно прогнута позади горба... Крестец высокий, задние конечности длинные, поэтому спина не имеет пологого спуска назад к хвосту» [Там же, с. 77].

СКУЛЬПТУРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ БИЗОНА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Как известно, бизон идет вторым после лошади по частоте изображения в палеолитическом наскальном искусстве. Что же касается памятников со скульптурами бизона, то в палеолите Западной и Центральной Европы их относительно немного. На юго-западе Германии известны две пещерные стоянки, в материалах которых имеются статуэтки бизона, – Фогельхерд и Гайсенклёштерле с ориньякскими культурными слоями, датируемыми в интервале 32–30 тыс. л. н. Каменный и костяной инвентарь этих памятников в техническом и типологическом отношении практически идентичен. К одному стилю – реалистическому с большой долей обобщения образа – относятся и образцы мелкой пластики (скульптурки бизона, льва, лошади, мамонта), однако художественная выразительность и манера изображения довольно заметно разнятся.

Весьма оригинальна выразительная в художественном отношении статуэтка бизона из бивня мамонта со стоянки Фогельхерд (рис. 3, 2) [Adam, 1980. S. 22–23; Loscomienzos..., 1989, p. 29–34; Bosinski, 1990, p. 67]. В ней просматривается применение своеобразного технического приема в передаче экстерьера животного. В частности, здесь реализуется редкая для палеолитической скульптуры попытка передачи волосяного по-

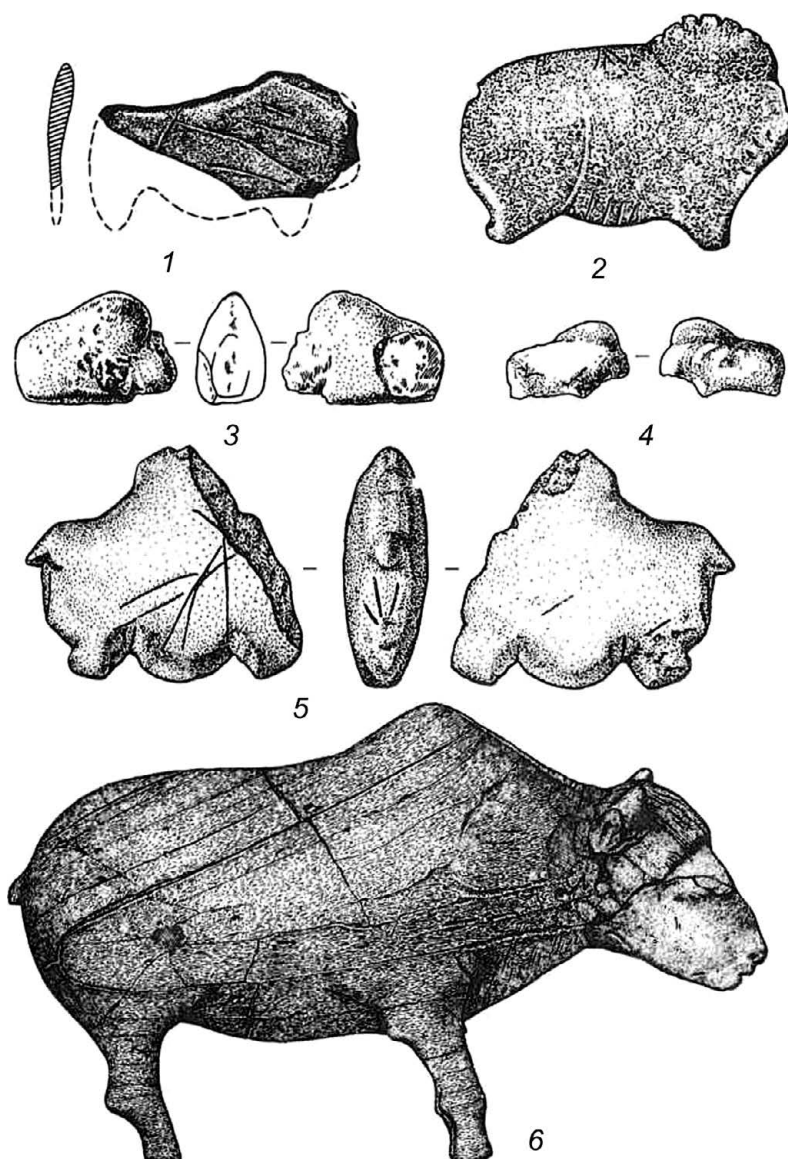

Рис. 3. Стилистические особенности скульптурных изображений бизона в памятниках Восточной и Центральной Европы

1 – Сунгирь (по: [Бадер, 1976]); 2 – Фогельхерд (по: [Kozłowsky, 1992]); 3, 4 – Костенки-4, горизонт 1 (по: [Абрамова, 1962]); 5 – Косауцы (по: [Borziak, Chirica, 1996]); 6 – Зарайск (рис. А. Е. Кравцова)

1, 6 – кость; 2, 4 – бивень мамонта; 3, 5 – мергель

крова. Сделано это, правда, не пластическими средствами, а с помощью орнаментального приема – нанесением на поверхность скульптуры частых точечных углублений. Вообще орнаментализм играет большую роль в оформлении статуэток Фогельхерда. Грива животного изображается, как это характерно для реалистического и натуралистического искусства палеолита, в виде слегка возвышающегося валика, украшенного крестовидным орнаментом (лошадь) или частыми поперечными нарезками (лев, бизон). Регулярный крестовидный орнамент покрывает иногда ограниченные участки бока (мамонт) или окаймляет морду зверя (лев).

Говоря о скульптуре бизона из Фогельхерда, нельзя не отметить, что она производит впечатление повторения в твердом материале пластической манеры, более свойственной для мягкого, вязкого материала. Изображение более или менее уплощенное,

как бы вылепленное. Сильно стилизованная клювовидная голова не отделена от туловища. Неразделенные грива и горб начинаются непосредственно от головы и показаны также стилизованно, в виде выпуклого петушиного гребня. Борода выделена в манере лепки (в глине это достигается простым зажимыванием пальцами) утончением протяженного участка под шеей, подчеркнутого несколькими параллельными и направленными вниз линейными нарезками. Последние, по-видимому, изображают свисающие длинные волосы. Ноги короткие, незначительно выступающие вниз от туловища. Длина скульптурки 7,5 см.

На фоне описанного контрастно выглядит скульптурка бизона (если это бизон, а не овцебык) из Гайсенклёштерле. Она тяжелая, массивная, приземистая. Здесь видна не очень успешная попытка реалистического изображения зверя. Голова и морда не детализированы. При такой манере моделирования, естественно, не показаны уши и хвост. Туловище имеет округлую в поперечном сечении форму. «Сросшиеся» попарно ноги выглядят, как короткие отростки от туловища. Волосной покров на туловище не показан в том виде, как это сделано в условной манере на вышеописанной фигурке. Примечательным является то, что, как и у скульптурки из Фогельхерда, голова не отделена от туловища и невысокий горб начинается непосредственно от макушки едва намеченной головы. В рассматриваемых изображениях хорошо видно единство художественного стиля при резких различиях в способах моделирования фигуры, манере передачи и орнаментальной проработке частей тела.

Если перейти к рассмотрению более поздних скульптурных изображений бизона, то прежде всего следует остановиться на материалах пещеры Истюриц в Пиренеях, где в двух залах в среднемадленском слое обнаружено более 180 мергелевых и костяных образцов мелкой пластики, как собственно статуэток (целых и фрагментов), так и слегка подработанных или гравированных более тонко мелких обломков камня. Целые изделия имеют различную степень завершенности. Некоторые изображения хорошо идентифицируются. В других случаях видовое и даже родовое определение изображенных зверей затруднительно. В количественном отношении наиболее представлена лошадь – 70 фигурок, следом идут бовиды (бизоны, быки и др. (?)) – 45. Изображения человека крайне редки. Большинство находок представлены фрагментами. Столь уникальная концентрация предметов скульптуры дает исследователям основания считать материалы мадленского слоя пещеры Истюриц остатками мастерской по изготовлению преимущественно каменных статуэток [L'art préhistorique..., 1996, p. 236].

Если говорить об изображениях бизона, то наряду с барельефными и гравированными здесь есть и скульптурные: несколько хорошо определимых фигурок, выполненных в форме круглой скульптуры, и одна плоская [ibid, p. 238]. Последняя представляет собой костяную пластину в виде контурного изображения бизона, на которой гравировкой с использованием элементов резного орнамента весьма искусно показаны наиболее характерные для этого зверя экстерьерные признаки: массивная передняя часть тела, грива и мощный загривок, борода, очень высокий жировой горб. В реалистическом стиле неглубокой резьбой оформлены глаза, выпуклое переносье, ноздри, рот. Изображение хвоста абсолютно такое же, как у зарайской статуэтки, – условное, в виде короткого, слегка закругленного и направленного вниз выступа. Длина скульптуры 22 см.

Описываемая плакетка фрагментирована в древности. Она найдена в виде двух крупных обломков, располагавшихся вне жилища на расстоянии более 150 м один от другого. Линия излома проходит через область груди. Более мелкие обломки, относящиеся к нижним частям груди и брюха, не обнаружены. Характер повреждений (особенно контур излома) указывает на то, что их возникновение связано с несколькими акцентированными сильными ударами.

По крайней мере две наиболее определимые круглые скульптуры бизона (одна – с подогнутыми ногами) из пещеры Истюриц также представлены обломками (задние части туловища). Поперечная линия излома проходит в области груди. Наличие отчетливой

точки удара на линии излома на одном из экземпляров и контекст находок, указывающий на хранение фигурок, после того как они были фрагментированы, позволяет предполагать, что эти изделия были разбиты в древности преднамеренно. Стилистически статуэтки укладываются в характерный для среднего мадлена ранний стиль 4 («классический»).

Пример использования иного материала и применения иной техники изготовления демонстрируют известные изображения бизонов из пещеры Тюк д'Одубер [Абрамова, 1980], относящиеся к тому же стилю 4. Два бизона представлены здесь в виде уплощенных крупных глиняных фигур (длина 61 и 63 см), прислоненных к скальным блокам. Фигуры моделированы лепкой, но борода и грива показаны резными линиями, т. е. так, как они передаются на твердом материале (камень, кость). В этих изображениях можно распознать самца и самку. У первого гораздо более выпуклый горб, голова массивнее и выразительнее борода. Ноги у обеих фигур «сросшиеся» попарно, вероятно, уже в момент изготовления предусматривалось, что фигуры будут прислонены к скале. Еще одна уплощенная глиняная скульптурка бизона обнаружена несколько в стороне от двух указанных.

Стилистическое сходство со скульптурой Тюк д'Одубер обнаруживает выполненная также из глины фигура бизона (длина 12 см) из пещеры Лабуиш.

К позднему стилю 4 относится скульптурное изображение «бегущего бизона» (длина 11 см, ширина 8 см, толщина 2 см) из Мае д'Азиля [L'art préhistorique..., 1996, p. 265]. Этот предмет изготовлен из рога оленя. Он относится к несколько иному, чем собственно скульптура, типу изделий, являющихся навершиями орудий, которыми столь богата завершающая стадия мадлена. Данный предмет рассматривается как основание удлинителя дротика. Фигурка сломана в области шеи; голова отсутствует. Туловище оформлено в натуралистичной манере. Наличие знака пола, изображенного легким рельефом, указывает на то, что это самка. Горб выделен узким орнаментированным вертикальными насечками пояском в виде валика, который тянется от загривка до хвоста, и таким же валиком по внешнему контуру. На левом боку имеются три длинные вертикальные нарезки. Сохранились следы окраски фигурки в красный цвет. Изображен бизон в экспрессивном беге.

Два крупных фрагмента мергелевой скульптуры бизона найдены в мадленском слое пещеры Энлен в Пиренеях [Clottes, 1979]. Фрагмент передней части фигурки имеет длину 7,2 см, задней – 5,2 см. По детальности и тщательности отделки сохранившихся частей эта фигурка стилистически примыкает к предыдущей, хотя животное изображено здесь статично.

Рассмотренными образцами мелкой пластики практически исчерпываются находки, которые можно бесспорно отнести к скульптурным изображениям бизона в палеолите Западной и Центральной Европы.

СКУЛЬПТУРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ БИЗОНА В ПАМЯТНИКАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

По количеству палеолитических памятников с произведениями мелкой пластики Восточная Европа не уступает Западной и Центральной. Тем не менее и здесь скульптурных изображений бизона не так много (рис. 3, 1, 3–6), хотя единичными их тоже нельзя назвать. Помимо Зарайской, известны лишь две стоянки, в материалах которых имеются достоверные фигурки бизона. Это Костенки-4 (горизонт 1) [Рогачев, 1955, с. 77; Рогачев, Аникович, 1982, с. 76–80], откуда происходят четыре мергелевые скульптурки бизона, и Косауцы в долине Днестра, где в слое 2а найдена одна фигурка (также из мергеля; скорее всего, изображение самки бизона) [Borziak, Chirica, 1996, p. 399]. По нашему мнению, с достаточной долей вероятности к изображениям бизона можно отнести некоторые из считающихся неопределенными мергелевых фигурок из Костенок-1 (слой 1) и 11 (Аносовка-2) [Абрамова, 1962, табл. XIV, 4, 9; XXIII, 20]. Предположительно в качестве изображения бизона определяется один обломок плоской костяной фигурки со стоянки Сунгирь [Бадер, 1976, с. 18].

Таким образом, бесспорные фигурки бизона на Восточно-Европейской равнине обнаруживаются только в граветтоидных и одном постграветтском памятнике. Хронологический разброс находок примерно от 23 до 17 тыс. л. н. Если принимать во внимание, реконструируемое как бизонье контурное плоское изображение из Сунгиря, то можно говорить о встречаемости этих фигурок и в стрелецкой культуре. Будучи схематичными изображениями, в стилистическом отношении все они резко отличаются от зарайской статуэтки. Кроме того, фигурки из Костенок-4 и предполагаемые скульптурки бизонов из Костенок-1 (слой 1) и 11 несопоставимо мельче по размерам. Наиболее характерную из них (длина 3,5 см, высота 2,4 см, толщина 1,3 см) З.А. Абрамова описывает следующим образом: «Высокий выпуклый горб круто снижается назад. Плоская маленькая головка как бы увенчана рогами. Основание фигурки срезано горизонтально. Фигурка частично повреждена широкими плоскими сколами спереди на правой стороне и сзади на левой» [Абрамова, 1962, с. 24]. По стилю, размерам, изобразительному канону и материалу скульптурки бизонов из Костенок-4 тождественны фигуркам мамонтов из слоя 1 Костенок-1. А одно из этих изображений со сплюснутым и смещенным к голове горбом напоминает статуэтку бизона из пещеры Фогельхерд.

В Косауцах скульптурка бизона обнаружена в постграветтском (эпиграветтском) слое, датируемом временем 18–17 тыс. л. н. Ноги у этого изображения «сросшиеся», короткие, тумбообразные. И фигура в целом, и части тела переданы в обобщенном, стилизованном виде. Статуэтка фрагментирована в древности. Голова и шея отсутствуют, и в слое они не обнаружены. Линия излома приходится на область груди. С правой стороны на животе и груди отмечается шесть гравированных линий. Четыре из них пересекаются в области груди. При явных стилистических различиях с зарайской статуэткой (как и с некоторыми из указанных выше костенковскими) это изделие объединяет наличие значительных повреждений. Говорить сколько-нибудь определенно о том, что данный предмет был поврежден намеренно, сложно, тем более при отсутствии детальных сведений о контексте его залегания в слое. Но и исключать такую возможность трудно, так как отрицание также требует аргументации.

Среди отмеченных выше восточноевропейских находок зарайская статуэтка занимает совершенно особое место. Это касается прежде всего ее стилистических характеристик.

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Основной целью археолого-искусствоведческого изучения произведений палеолитического искусства является классификация исследуемых объектов. Частные, служебные классификации могут основываться на таких признаках, как материал, техника изготовления, тема изображений. Главной же является классификация, которая подчинена выявлению и упорядочению художественных стилей. Именно определение стиля в системе существующих типологий мы и рассматриваем здесь в качестве основной задачи при анализе художественно-стилистических особенностей зарайской статуэтки.

Как известно, для палеолитического искусства Западной Европы имеются претендующие на универсальность базовые классификационные системы А. Брейля [Breuil, 1974] и А. Леруа-Гурана [Leroi-Gouran, 1995]. Применительно к Восточной Европе, общая схема, перекликающаяся с указанными, разработана Я. Козловским [Kozlowsky, 1992]. Исходным для концептуальных систем французских исследователей было положение об однолинейном поступательном и эволюционном развитии палеолитического искусства. Согласно схеме А. Брейля, выделяется два последовательных цикла в развитии наскального искусства Европы – ориньякско-перигордский и солютрейско-мадленский. В сформулированных позднее (к середине 60-х гг. XX в.) и основанных на структурном анализе изображений обобщениях А. Леруа-Гурана совокупность произведений изобразительного искусства палеолита Западной Европы подразделяется на более дробные

составляющие. Выделяются четыре стиля, последовательно сменяющие друг друга. Характеристики их, естественно, описываются с опорой главным образом на наскальное искусство, которое для Западной Европы, где оно богаче, чем скульптура, гораздо более показательны. Однако принципы выделения этих стилей в основном применимы и к произведениям искусства малых форм.

Стиль 1 («первый примитивный»), по А. Леруа-Гурану, соответствует ориньяку и началу граветта. Главной его особенностью является нечеткая обрисовка контуров и незавершенность фигур животных. В тематике искусства явно выделяется знаковое изображение женских признаков пола.

Стиль 2 («второй примитивный») связан с граветтом – началом солютре. Изображение животных оформляется «синусоидной» линией, которая обрисовывает шею и спину. Рога показываются в профиль или в фас в искаженной перспективе. Ноги часто отсутствуют или только обозначены. Это период женских скульптур, называемых «палеолитическими венерами».

Стиль 3 («архаический») относится к концу солютре и началу мадлена. Изображения животных этого периода характеризуются объемностью тела. Часто передняя часть тела преувеличена, а ноги укорочены.

Стиль 4 («классический») соотносится со средним и поздним мадленом. Он подразделяется на две стадии – раннюю и позднюю. Уже на ранней стадии отмечается исключительная согласованность деталей изображаемого объекта и большее соответствие пропорций фигур морфологическим соотношениям реального животного, но в изображениях сохраняется скованность; фигуры как бы висят в воздухе. Грива всегда передается штриховкой, показывается волосяной покров на различных участках тела. К концу периода реализм в передаче экстерьера усиливается [Leroi-Gouran, 1995, p. 284].

Изображение бизона описываемого стиля имеет свои особенности. Использование штрихованных деталей отражается на оформлении контура спины, который передается в двух видах. В первом неразделенные грива и горб гипертрофированы, располагаются за головой, уподобляясь петушину гребню. Во втором виде грива и горб меньше и разделены. Последняя разновидность изображения представляется А. Леруа-Гурану более поздней по времени. На этом этапе появляется возможность распознавать в изображениях пол животного, даже если половые признаки прямо не показаны. У самцов в отличие от самок грива больше и особенно подчеркнута [Ibid].

С открытием наскальной живописи в пещерах Шове [Chauvet et al., 1995] и Коскер [Clottes, Courtin, 1994] и получением серий дат для некоторых групп изображений (особенно наиболее древних рисунков в пещере Шове) возник вопрос об обоснованности заключений, согласно которым первобытное искусство развивается по однолинейной схеме с последовательной сменой одних художественных стилей другими. Однако чрезмерный скепсис здесь вряд ли уместен. Необходимы дальнейшие исследования по датированию новых объектов и более детальной стилистико-хронологической разбивке изображений в пещере Шове. Но даже если они будут противоречить эволюционной схеме А. Леруа-Гурана, не следует спешить с упразднением стилей, указанных выше. Речь в таком случае могла бы идти лишь о корректировке представлений о наборах стилей и установлении несколько иных хронологических и территориальных соотношений между ними.

Стилистическая характеристика отдельных произведений палеолитического искусства имеет смысл лишь тогда, когда она осуществляется в какой-либо общей системе. Использование для этой цели схемы А. Леруа-Гурана оправданно хотя бы тем, что не существует других разработок, которые могли бы сравниться с ней по детальности и масштабу охвата источников.

Основными понятиями стилистического анализа и наскальной живописи, и предметов мелкой пластики палеолита являются: «схематизм», «реализм», «натурализм». Главной стилистической характеристикой зарайской статуэтки в системе этих понятий явля-

ется натуралистичность изображения. Манера передачи как тела целиком, так и большинства его частей здесь предельно реалистична. Каждая деталь дополняет остальные, и ни одна из них не акцентирована настолько, чтобы другие части скульптуры оттеняли именно ее. Анатомические пропорции тела выдержаны правильно, и поза стоящего животного естественна. Впрочем, говорить о полном отсутствии какого бы то ни было обобщения было бы неверным. Как уже отмечалось, в условной манере показаны хвост, вымя, не детализированы копыта. Не передается волосяной покров на туловище, при том что челка, грива и борода на шее выделены. Весьма примечательной особенностью является раздельное изображение ног. Важно отметить, что это не неуверенная попытка показать их разделенными, при том что каждая нога сохраняет «тумбообразность», характерную для палеолитических скульптур со «сросшимися» ногами. В этом смысле данная статуэтка демонстрирует несопоставимо большее художественное совершенство по сравнению с образцами мелкой пластики из ориньякских пещер Фогельхерд и Гайсенклёштерле (34–30 тыс. л. н.) на юго-западе Германии, где впервые отмечается такая тенденция. Очень показательно сравнение с наиболее выразительной в этом смысле скульптурой мамонта из пещеры Гайсенклёштерле [Los comienzos..., 1989, p. 28].

Исходя из отмеченного выше, особенность зарайской статуэтки можно сформулировать как сочетание натурализма в изображении объекта в целом со стилизованной передачей отдельных, второстепенных для идентификации изображаемого объекта, деталей экстерьера. Другая, более общая черта – включение орнаментальных приемов в арсенал художественных средств собственно скульптуры. Эти характерные для других форм изобразительного искусства элементы (орнамент, гравированные изображения) используются для выделения деталей, которые важны для передачи образа (борода, грива), но не могут быть переданы мастером собственными средствами пластики. Указанный изобразительный синкретизм дополняется частичным раскрашиванием фигуры. Впрочем, делается это не для усиления художественной выразительности произведения, а с целью имитации поражения зверя и истекания его кровью, что важно при использовании статуэтки в качестве ритуального атрибута.

Таким образом, согласно классификациям, созданным на материалах палеолитического искусства Западной Европы, рассматриваемое произведение следует относить без оговорок ко второй («солютрейско-мадленской») стадии, по А. Брейлю, или к раннему стилю 4 («классическому»), по А. Леруа-Гурану. Если же основываться на аналогичной схеме, разработанной применительно к палеолитическому искусству Центральной и Восточной Европы, то столь же уверенно можно говорить о стадии натуралистического искусства эпиграветта Восточной Европы. Какой бы из этих классификаций мы ни придерживались, оказывается, что зарайская статуэтка на несколько тысячелетий опережает время, когда получает широкое распространение художественный стиль, к которому она относится.

В связи с ярким своеобразием рассматриваемой фигурки на фоне образцов мелкой пластики из других одновременных и близких к Зарайску в культурном отношении памятников Восточной Европы (см. рис. 3) встает вопрос о причине этих различий и о степени отражения в произведениях первобытного искусства специфики конкретных археологических культур. Объясняются ли стилистические различия между рассматриваемой статуэткой и скульптурой, например, однокультурных с Зарайской стоянок Костенки-1 (слой 1) и Авдеево разницей в материале и, соответственно, влиянием свойств исходного сырья на моделировку фигуры и совершенство отделки изделия? Имеющиеся материалы этого не подтверждают.

Если говорить не только об изображениях бизона, но о скульптуре рассматриваемых памятников целиком, то мы обнаружим независимость детализации и изобразительной точности в передаче экстерьера зверя или формы человеческого тела от используемого материала. Каменные женские статуэтки из Костенок не менее совершенны, чем костяные. Выполненные в глине и затем обожженные изображения животных из граветтоидных памятников Центральной Европы ничем существенным не отличаются от изделий,

выполненных из кости или бивня. Мергелевый мамонт с Авдеевской стоянки гораздо более реалистичен, чем изображение этого же зверя, выполненное из кости, хотя, казалось бы, кость, как более пластичный материал, предоставляет большие технические возможности для моделировки фигуры.

При всей их кажущейся внешней непохожести фигурки мамонта, а также других животных из Костенок-1 и Авдеева, несомненно, едины по стилю независимо от материала, из которого они изготовлены. Главным элементом здесь является линия головы и спины. Пропорции тела весьма приблизительные. Ноги или не показаны вовсе, или лишь слегка намечены. Попытка изобразить ноги не выводит фигурку (предположительно лошади) из бивня со стоянки Авдеево за пределы общего изобразительного канона искусства Костенок – Авдеева. Ноги здесь «сросшиеся», «тумбообразные» и укороченные; детализация элементов экстерьера, как правило, отсутствует. Когда в редких случаях она имеет место, например, в изображении льва из слоя 1 Костенок-1 [Абрамова, 1962, табл. XIV, 3], то фигура зверя передается лишь частично. Нетрудно заметить, что все эти характеристики полностью подпадают под определение стиля 2, по А. Леруа-Гурану, хотя (и это представляется весьма существенным с точки зрения проблемы развития изобразительного искусства) оно было сформулировано для палеолита Западной Европы и к тому же главным образом на основе наскальных изображений.

Об иных, чем различия в материале, причинах возникновения и сохранения стилистических особенностей искусства малых форм палеолита свидетельствуют и материалы Сунгиря. Здесь в распоряжении мастеров были и бивень, и кость, и рог оленя. На высоком уровне была и техника резьбы. Тем не менее круглая скульптура в противоположность граветтоидным памятникам Русской равнины здесь не представлена. Этот, отнюдь не частный, факт говорит о существовании связи стилистических особенностей и даже форм изобразительного искусства с определенными культурными общностями и/или хронологическими подразделениями палеолита. Но с другой стороны, пример зарайской статуэтки (и не только он) свидетельствует о том, что в стилистическом отношении могут существенно различаться и предметы искусства в памятниках, относящихся к одной археологической культуре палеолита (если брать за образец костенковскую).

Подтверждения приведенному выше заключению можно найти в материалах памятников разных отрезков верхнего палеолита и разных культур. Так, стилистически гораздо ближе друг к другу фигурки хищников с восточнограветтской стоянки Павлов [Pavlov I..., 1997, р. 274] и ориньякской Фогельхерд, чем скульптурные изображения бизонов из двух однокультурных и одновременных ориньякских памятников Фогельхерд и Гайсенклёштерле. Если бы близость всех трех памятников определялась только на основе названных произведений искусства, то полученный результат явно противоречил бы их реальному археолого-культурному статусу. Подобных примеров можно привести много. Ограничимся двумя фактами. Так, по изобразительному канону в пределах единого стиля скульптуры стоянки Павлов и Дольни Вестонице оказываются ближе к указанным ориньякским памятникам, чем к родственным им восточнограветтским. Или фигурка бизона из горизонта 1 Костенок-4 не только стилистически, но и по более частным особенностям исполнения (уплощенный горб в виде петушиного гребня) несопоставимо ближе аналогичному изображению из того же Фогельхерда, чем статуэтке с Зарайской стоянки, при том что последнюю с Костенками-4 (горизонт 1) объединяют общая граветтоидная традиция и сравнительно одинаковый возраст.

Таким образом, произведения искусства малых форм не всегда отражают археолого-культурную специфику того или иного памятника. Это особенно справедливо для тех случаев, когда их отдельные образцы мы рассматриваем вне общего контекста культуры. Сказанное можно отнести и к зарайской статуэтке. По стилистике и в некоторой степени по теме изображения она не характерна для костенковской культуры, к которой относится Зарайская стоянка. Однако при всем своеобразии статуэтки есть один частный, казалось бы, элемент, указывающий на ее принадлежность костенковской культуре.

Речь идет об уже описанном орнаменте в виде «косого креста», которым выделена грива на изображении животного. Но опять-таки, как уже отмечалось, этот элемент в строгом смысле не является средством самой скульптуры как формы изобразительной деятельности. Он относится к знаковой и орнаментальной сфере, существует относительно самостоятельно и используется для декорирования различных объектов, а отнюдь не только скульптурных изображений. Отсюда возникает еще один вопрос: не является ли орнамент, с точки зрения культурных идентификаций в палеолите, более показательным, чем произведения мелкой пластики? Примеры яркой специфики в орнаментальных системах разнотипных памятников Восточной Европы (Костенки – Авдеево, Елисеевичи, Мезин и др.) склоняют к положительному ответу на этот вопрос.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фигурка бизона с Зарайской стоянки уникальна тем, что является древнейшим на сегодняшний день образцом натуралистического стиля в искусстве малых форм. Если перенести типологию художественных стилей, разработанную А. Леруа-Гураном для палеолитического наскального искусства, на мелкую пластику, то рассматриваемый объект должен быть отнесен к стилю 4, появившемуся на семь-восемь тысячелетий позже, чем время, к которому относится зарайская фигурка. Это несоответствие подтверждает сомнения в существовании строгой последовательности и жестких хронологических привязок стилей в палеолитическом искусстве. Однако считать их достаточными для пересмотра основ концепции А. Леруа-Гурана не представляется оправданным, так как это означало бы отрицание какого бы то ни было развития палеолитического искусства.

Из рассмотренных в статье данных вытекает и другой общий вывод. Он касается степени отражения в произведениях палеолитического искусства культурной специфики конкретных памятников. Сравнительный анализ материалов показывает, что произведения искусства из однокультурных памятников, как правило, относятся к одному и тому же стилю, но могут и весьма существенно различаться в стилистическом отношении. Степень сходства и различий между памятниками, оцениваемая по предметам утилитарного назначения (особенно каменные орудия) и объектам, имеющим отношение к духовной сфере жизни, неодинакова. Приоритет при выделении археологических культур остается за каменным инвентарем. Однако выделенные на базе последнего культуры будут далеко не полностью отражать этнокультурные характеристики населения, оставившего отдельные группы памятников.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова З. А.** Палеолитическое искусство на территории СССР. – М.; Л.: Наука, 1962. – 86 с., 63 табл. – (САИ; Вып. А4-3).
- Абрамова З. А.** В пещерах Арьежа // Звери в камне. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 62–95.
- Абрамова З. А., Гречкина Т. Ю.** Об охоте и охотничьем вооружении в позднем палеолите Восточной Сибири // КСИА. – 1985. – Вып. 181. – С. 44–49.
- Амирханов Х. А.** Зарайская стоянка. – М.: Научный мир, 2000. – 246 с.
- Бадер О. Н.** Раскопки на Сунгире в 1973 г. // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. – М.: Наука, 1976. – С. 11–20.
- Герберштейн С.** Записки о Московии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 431 с.
- Зубр:** Морфология, систематика, эволюция, экология. – М.: Наука, 1979. – 495 с.
- Рогачев А. Н.** Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону. – М.: Наука, 1955. – 164 с. – (МИА; № 45).
- Рогачев А. Н., Аникович М. В.** Костенки-4 (Александровская стоянка) // Палеолит костенковско-боршевского района на Дону. 1879–1979. – Л.: Наука, 1982. – С. 76–88.
- Трусов А. В.** Культурный слой Зарайской верхнепалеолитической стоянки // Тр. ГИМ. – 1994. – Вып. 88: Древности Оки. – С. 94–116.

- Adam K. D.** Eiszeitkunst im siideutschen Raum. – Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 1980. – 161 S.
- Borziak I., Chirica C.-V.** Pièces de marne du paléolithique supérieur de la vallée du Dnestr // Préhistoire Européenne. – 1996. – Vol. 9. – P. 393–401.
- Bosinski G.** Les civilisations de la préhistoire. Les chasseurs du Paléolithique supérieur (40 000–10 000 av. J.-C.). – R: Edition Errance, 1990. – 281 p.
- Breuil H.** Qatre cents siècles d'art pariétal / Ed. by M. Fourni. – P.: Art et industrie, 1974. – 416 p.
- Chauvet J.-M., Deschamps E. B., Hillar C.** La grotte Chauvet àvallon Pont-d'Arc. – P.: Seuil, 1995. – 120 p.
- Clottes J.** Eléments sur Part rupestre paléolithique en France // Prehistoire ariégeoise: Bulletin de la Société préhistorique Ariège-Pyrénées. – 1979. – T. 35. – P. 79–111.
- Clottes J., Courtin J.** La grotte Cosquer: Pentures et gravures de la caverne engloutie. – R: Seuil, 1994. – 199 p.
- Kozlowsky J. K.** L'art de la Préehistoire en Europe orientale. – R: CNRS éditions. 1992. – 224 p.
- L'art préhistorique** des Pyrénées. – R: Edition de la réunion des musées nationaux, 1996. – 375 p.
- Leroi-Gouran A.** Préhistoire de Part occidental / Nouvelle edition revue et augmentee par Brigitte et Gilles Delluc. Preface de Yves Coppens. – R: Citadelles & Mazenod, 1995. – 623 p.
- Los comienzos** del arte en Europa central / Eds. C. Cacho, G.-C. Weniger. Museo argueoloogico national, 1989. – 123 p.
- Pavlov I** – Northwest: The upper palaeolithic burial and its settlement context / Ed. by J. Svoboda. – Brno: Institute of archaeology. Academy of Sciences of the Czech Republic, 1997. 472 p.

СТАТУЭТКА БИЗОНА С ЗАРАЙСКОЙ СТОЯНКИ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ¹

Зарайская верхнепалеолитическая стоянка, расположенная на юге Московской области и исследуемая с 1980 г. (Трусов, 1994; Амирханов, 2000), хорошо известна специалистам как памятник исключительного научного значения. Продолжающиеся здесь раскопки приносят новые важные данные, существенно расширяющие представления о содержании и характере развития культуры средней поры верхнего палеолита на Русской равнине. Так, в ходе работ 2001 г. было обнаружено первое для этого памятника произведение искусства. Находка представляет собой скульптурку бизона, вырезанную из бивня мамонта. В сравнении с известными образцами палеолитической скульптуры Восточной и Центральной Европы это изделие обладает выразительной спецификой как самого объекта изображения, мастерства исполнения, художественной выразительности, стилистическим особенностям, отчасти по размерам, так и, что не менее важно, по контексту залегания. Проблемы, связанные с изучением этой уникальной находки, лежат в историко-искусствоведческой, археолого-культурологической и палеоэтнологической плоскостях. В данной работе ввиду ограниченности ее объема мы останавливаемся лишь на рассмотрении собственно археологического и знаково-символического аспектов этого уникального произведения первобытного искусства. Темой специальной публикации станут вопросы сравнительного изучения и стилистического анализа предмета.

КОНТЕКСТ НАХОДКИ

Статуэтка бизона обнаружена в яме 71 раскопа 4 (рис. 1). Всего в этом раскопе на настоящее время насчитывается 72 ямы всех разновидностей и всех четырех этапов накопления культурного слоя. Рассматриваемая яма 71 расположена на кв. Ж-9, 10. В планиграфическом и стратиграфическом отношении этот участок примыкает к центральной линии очагов жилищно-хозяйственного комплекса первого (наиболее раннего) уровня обитания (рис. 2). По радиоуглеродным данным этот уровень датируется временем, примерно, 23–22 тыс. л. н. (Амирханов, 2000). Объект, в котором найдена статуэтка, относится к типу обычных для памятников костенковской культуры глубоких ям-хранилищ с круглыми в плане очертаниями. Глубина ямы – 60 см; диаметр по верхнему краю 55–70 см, по дну 87–90 см. К придонной части яма неравномерно расширяется. На одном из участков это расширение выражено в виде достаточно глубокого (до 16 см) подбоя с относительно низким сводом (до 11 см от поверхности дна) (рис. 3).

Яма впущена с уровня светлого мелкозернистого песка, представляющего собой поверхность («пол»), на которую заселились люди на первом этапе освоения стоянки (первый уровень обитания). Выше уровня впуска яму перекрывает тот же светлый мелкозернистый песок с редкими включениями мелких угольков. Данный стратиграфический признак характерен практически для всех объектов культурных отложений стоянки, относящихся к первому уровню обитания. Выше залегает коричневатая супесь с включениями в виде пятен светлого мелкозернистого песка и средне насыщенная мелким костным углем. Эта супесь представляет собой заполнение крупного углубления, отмечаемого с уровня третьего этапа накопления культурных отложений. Размеры и характер данного углубления остаются неясными, так как оно уходит в стенки раскопа и требует доисследования. Пока понятно, что оно перекрывает ямы-хранилища 71 и 72 и дно его приходится примерно на уровень впуска указанных объектов. Наиболее убедительным подтверждением этому является тот факт, что лопатка мамонта, использованная для перекрытия ямы 72, осталась непо потревоженной. Следовательно, края данной ямы не нарушены более поздним углублением. Яма 71, в ко-

¹ Амирханов Х. А., Лев С. Ю. Статуэтка бизона с Зарайской стоянки: археологический и знаково-символический аспекты изучения // РА, № 1. 2003. С. 14–28.

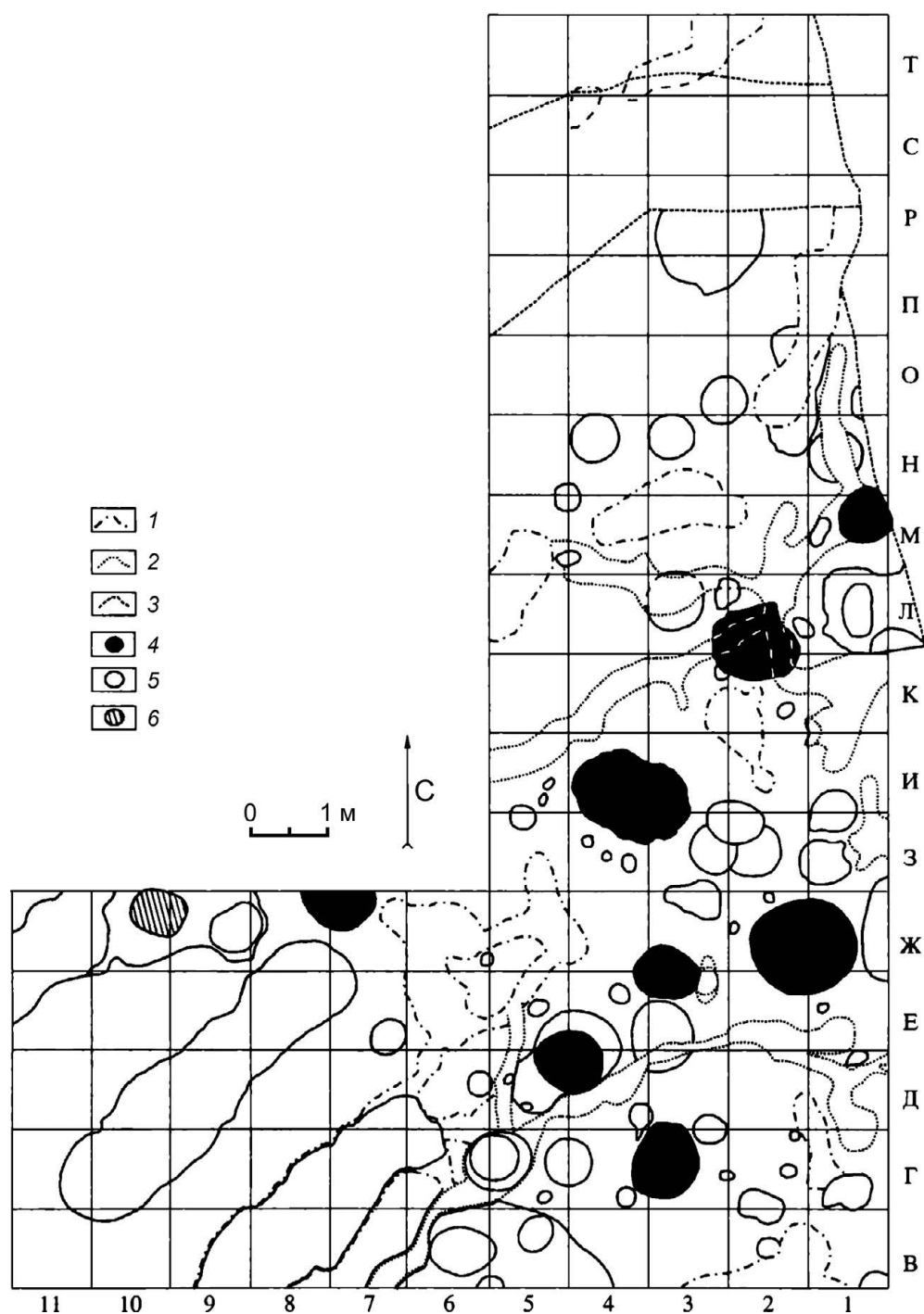

Рис. 1. Зарайская стоянка. Совмещенный план объектов всех хронологических этапов

Условные обозначения: 1 – мерзлотная трещина первой генерации; 2 – мерзлотная трещина второй генерации; 3 – траншеи, повредившие слой; 4 – очаг; 5 – яма; 6 – яма 71

торой обнаружена статуэтка бизона, не была перекрыта лопаткой, однако уровень, на котором зафиксированы ее края, такой же, как и у ямы 72. Этот уровень у ям 71 и 72 составляет соответственно -170 и -173 см от условной нулевой горизонтали.

Заполнение интересующей нас ямы на 4/5 (вверх от дна) однородное. Оно представляет собой окрашенную (местами сильно) красной охрой супесь с содержанием мелких костных угольков и неструктурированным включением светлого и зеленоватого песка.

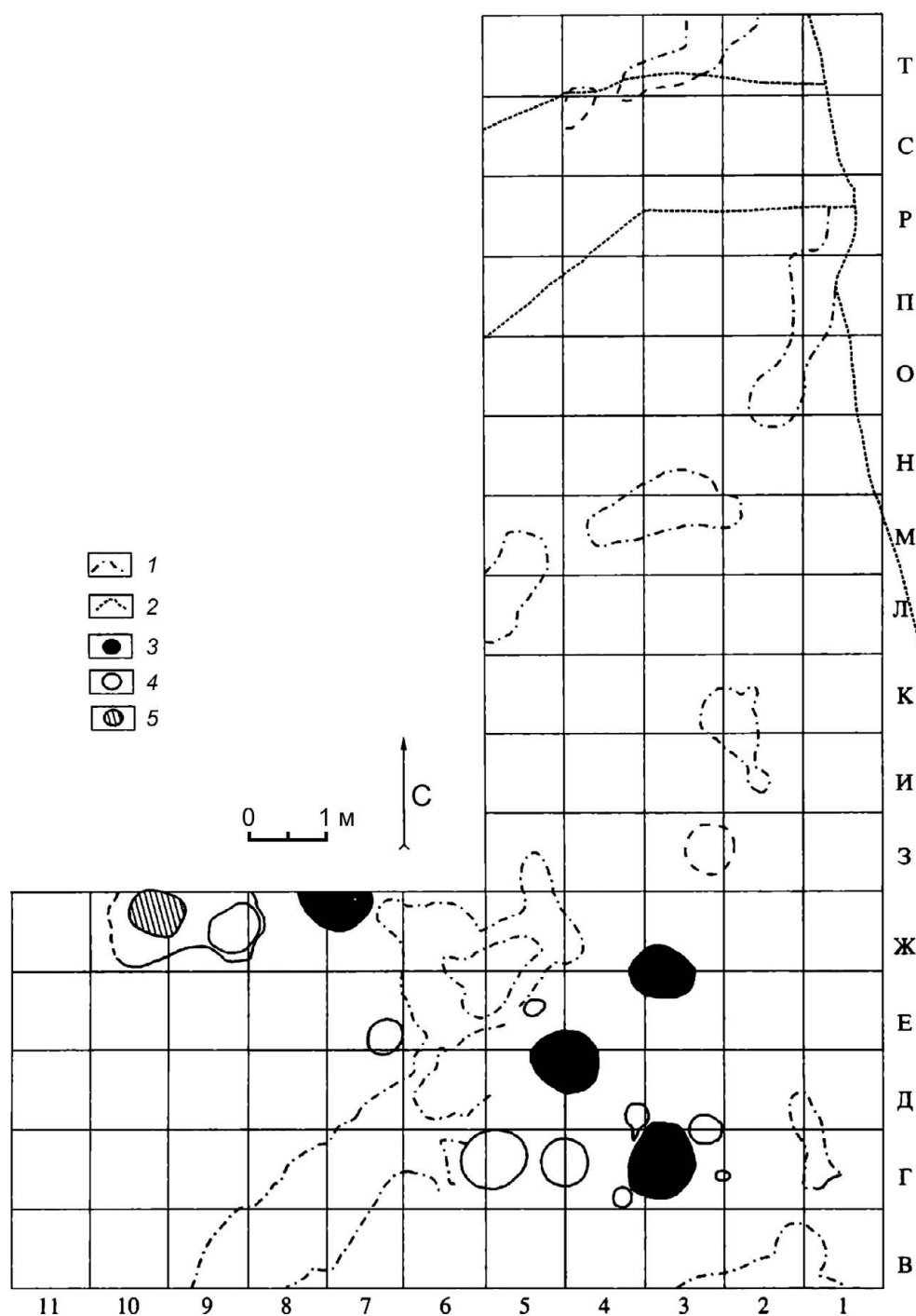

Рис. 2. Зарайская стоянка. План объектов первого хронологического этапа
Условные обозначения: 1 – мерзлотная трещина первой генерации; 2 – траншеи, повредившие слой; 3 – очаг; 4 – яма; 5 – яма 71

Эта часть заполнения довольно сильно источена ходами грызунов. Исключая темное заполнение этих ходов, данная часть заполнения выглядит довольно однородной. Заполняющая порода не отмечена в культурном слое непосредственно рядом и вокруг краев данной ямы на уровне ее впуска. Кроме того, состав включенных в нее археологических находок также отличается от характера находок близлежащих участков культурного слоя. В яме найдены лишь редкие кремневые продукты дебитаж, тогда как в окружающем яму слое наблюдается обычное для стоянки распределение разнородного категориального

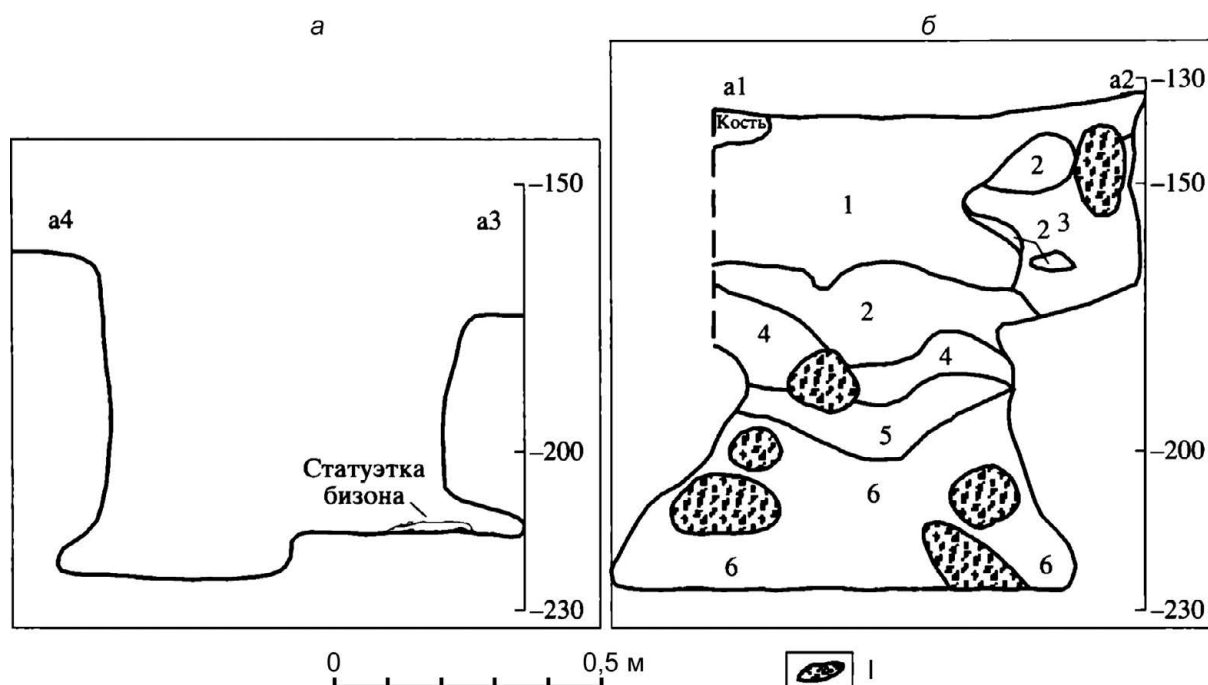

Рис. 3. Яма 71 на кв. Ж-9, 10. а – а4–а3 (3–В). Вид с Ю; б – разрез а1–а2 (С–Ю) на кв. Ж-9, 10. Вид с 3

Условные обозначения: I – кротовина

Слои: 1 – коричневатая супесь с включением светлого песка и костного угля; 2 – светлый песок; 3 – красновато-коричневая супесь; 4 – красноватая супесь с включением светлого и зеленоватого песка; 5 – светлый местами коричневатый мелкозернистый песок; 6 – супесь сильно окрашенная охрой с включениями светлого и зеленоватого песка

состава каменных изделий. Все это исключает образование основной части заполнения путем естественного замыва в яму породы с непосредственно окружающих ее участков. Единственным объяснением остается ее разовая намеренная засыпка человеком в момент, когда дно ямы не было еще занесено никакими естественными наносами.

Иная картина наблюдается выше по разрезу заполнения рассматриваемой ямы. Над описанным слоем засыпки залегает песок, перемешанный с обычной для культурного слоя коричневатой супесью, затем сама эта коричневатая супесь и, наконец, светлый мелкозернистый песок, являющийся переотложенной породой «материка». В этой последовательности нетрудно заметить картину, характерную для обратной стратиграфии, образующейся при естественном перемещении отложений с окружающих участков вглубь ямы.

Яма 71 обладает весьма интересной конструктивной деталью, насколько нам известно, не отмечавшейся раньше для подобных объектов в памятниках костенковской культуры. Речь идет о специальном ступенчатом возвышении, оставленном на дне ямы в виде сектора. В данном случае такое возвышение оформлено в восточной части объекта и занимает примерно пятую часть площади дна. Пересекающиеся в центре округлого дна радиальные стороны сектора практически прямые. Своей вершиной сектор ориентирован на запад. Существенно, что возвышение получено не насыпкой грунта на дно ямы, а оставлено в процессе углубления ямы и окончательного оформления придонной части. Высота уступа составляет 8 см. Поверхность его, так же, как и поверхность остальной – более углубленной части дна – горизонтальная. Края возвышения близки к вертикальным. Сложено возвышение светлым песком, характеризующим стратиграфию естественных отложений на данном уровне врезания ямы. Естественная окраска песка на поверхности уступа не была нарушена каким-либо антропогенным воздействием. Обращает на себя внимание то, что наибольшее расширение придонной

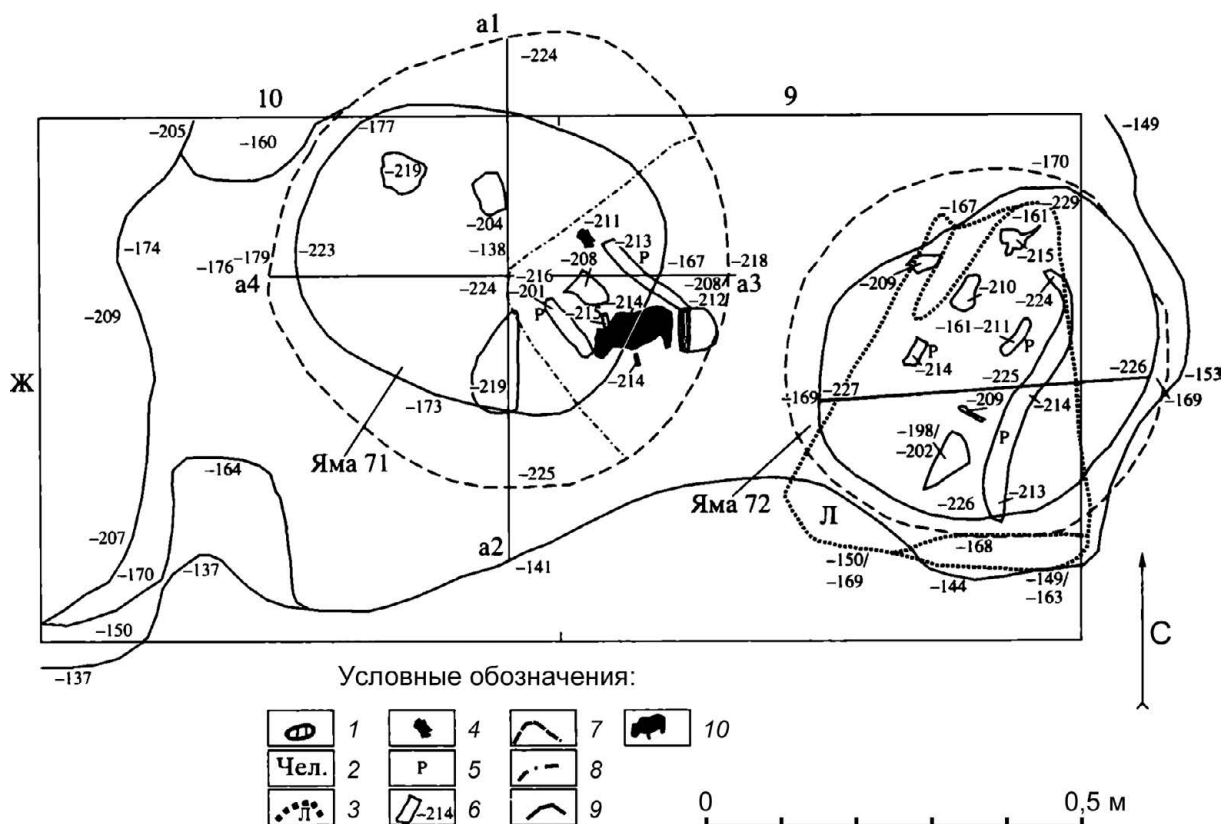

Рис. 4. Общий план ям № 71, 72 на кв. Ж-9, 10

1 – зуб мамонта; 2 – челюсть мамонта; 3 – лопатка мамонта; 4 – лапка песка; 5 – ребро мамонта; 6 – кости неопределимые; 7 – очертания ям на уровне дна; 8 – границы возвышения из песка на дне ямы; 9 – очертания верхних уровней (краев) ям; 10 – статуэтка бизона (уровень залегания -214 см от усл. нулев. гориз.)

части ямы (или глубина подбоя) приходится именно на участок описываемого сектора возвышения. Высота этого подбоя в передней части достигает 9–10 см.

Рассмотренный уступ на дне ямы заслуживает столь подробного описания потому, что статуэтка бизона была обнаружена непосредственно на его поверхности (-214 от условной нулевой горизонтали) почти в центральной части сектора (рис. 4). Изделие лежало горизонтально на правом боку головой на запад. При этом больше чем наполовину статуэтка покоилась в глубине подбоя. На этом же уровне (-215 от условной нулевой горизонтали) непосредственно под шеей фигурки бизона в направлении С–Ю лежал обломок (длина его 47 мм) трубчатой кости мелкого животного (с большой вероятностью песка) с кольцевыми следами поперечного расчленения. От игольников из птичьих костей этот предмет отличает очень узкая внутренняя полость (не более нескольких мм). Непосредственно за статуэткой в самой глубине подбоя располагался небольшой (на ширину до нескольких пластин) обломок зуба мамонта (по заключению палеонтолога Е. Н. Мащенко: М1 верхний левый (dP4?)). Он лежал на боку и был направлен жевательной поверхностью в сторону центральной части ямы. В северной части поверхности возвышения почти на уровне статуэтки и в 14 см в стороне от нее обнаружена группа костей стопы песка в анатомическом порядке (-211 от условной нулевой горизонтали). Наконец, с придонной частью рассматриваемого участка связан один обломок ребра не крупного животного (-213 от условной нулевой горизонтали). Вне сектора возвышения непосредственно на дне ямы костей или их фрагментов не обнаружено. Четыре небольших обломка неопределимых костей найдены в рассредоточенном виде в нижней части заполнения ямы. Этим исчерпывается состав костных останков, содержащихся в яме со статуэткой.

ОСОБЕННОСТИ ТАФОНОМИИ

Как уже отмечалось выше, статуэтка обнаружена лежащей горизонтально на поверхности песчаного возвышения на дне ямы, заходя большей частью в подбой. Сохранность предмета в момент его вскрытия в слое внешне представлялась удовлетворительной. Какие-либо сквозные изломы или явные механические деформации не отмечались. Очевидный дефект состоял лишь в том, что обе левые ноги были обломаны. Характер поверхности изломов, а также отсутствие в яме отломившихся фрагментов говорит о том, что эти повреждения случились ранее времени помещения фигурки в яму.

Несмотря на кажущуюся хорошую сохранность, извлечь статуэтку из слоя без ущерба для нее оказалось невозможно из-за сильной размягченности кости. После полной расчистки предмета он был извлечен из ямы с использованием лотка. Дальнейшая работа по окончательной расчистке и консервации продолжалась в камеральных условиях. На этом этапе тафономические характеристики изделия выявились гораздо лучше, чем тогда, когда оно покоилось в плохо освещаемом подбое ямы. Прежде всего, проявились трещины двух типов: а) как мелкие, так и протяженные, не образующие какой-либо системы, и не связанные с естественной структурой заготовки; б) трещины начавшегося расслоения пластин по естественной структуре бивня. Первые больше выражены на верхней стороне предмета, а вторые – на нижней (т.е. той, на которой лежал в яме). Характер локализации трещин связан не с особенностями окружения, с которым соприкасалась та или другая сторона изделия, а с различиями структуры бивня в разных частях исходной заготовки. Наиболее глубокие бессистемные трещины приходятся на область шеи и головы фигурки.

Следующий вид повреждений является весьма специфическим. Речь идет о множественных углублениях с рваными краями, расположенных в области груди с левой стороны. Их характер свидетельствует о нанесении на этот участок сильных ударов твердым предметом. Удары были настолько сильными и предмет, которым они наносились был настолько острым, что от бивневой поверхности отлетали мелкие отщепки. Эти следы ударов разительно отличаются от следов, характерных для предметов, которые определяются обычно как наковаленки или ретушеры.

Наконец, отмечается еще одна разновидность изменения первоначального вида поверхности предмета. Это неглубокие, круглые в плане углубления цилиндрической формы с диаметром несколько миллиметров или лунки с близкими размерами и формой. В отличие от описанных выше, они не сосредоточены только в области груди, отмечаются большей частью на той стороне статуэтки, которая перекрывалась заполнением ямы. Два из мелких углублений такого типа образованы поверх крупных рваных повреждений. Последнее служит указанием на то, что рассматриваемые цилиндрические углубления образовались, скорее всего, уже после того, как статуэтка была помещена в яму. А очертания, форма, более или менее единообразные размеры, а также приуроченность данных углублений преимущественно к той поверхности, которая соприкасалась с грунтом заполнения ямы, позволяют считать их сверлинами каких-то остеофагов.

Очень значимыми являются характеристики окрашенности различных участков поверхности предмета. Прежде всего, бросается в глаза окрашенность красной охрой области груди с правой стороны. Напомним, что статуэтка лежала именно этой – правой стороной вниз, т.е. на поверхности не пигментированного светлого мелкозернистого песка. Следовательно, объяснить указанную окрашенность контактом предмета с окрашенным заполнением ямы невозможно. Такая картина могла бы иметь место на левой стороне статуэтки, которая перекрывалась охристым заполнением. Однако здесь этого не наблюдается. Данный факт служит дополнительным подтверждением тому, что статуэтка попала в яму в том частично окрашенном виде, какой мы ее и видим.

Вторая разновидность окрашенности – черный неравномерный пигмент, распространенный в виде мелких и мельчайших пятен по всей поверхности предмета. На стороне, перекрывавшейся заполнением ямы, такая окраска выражена более интенсивно.

На части поверхности указанной стороны можно усмотреть даже полосчатый характер окрашенности.

Происхождение этого типа окрашенности следует связывать с выпадением солей марганца. Убедительным доказательством этому служит то, что черный пигмент проникает в трещины, образовавшиеся по наметившимся от времени границам пластин бивня, и окрашивает поверхности нижних (глубинных) пластин, от которых верхние частично разошлись, но полностью не отслоились. Упомянутая же полосчатость могла появиться, в частности, оттого, что в первое время контакт поверхности статуэтки с заполнением ямы не был непосредственным. Здесь возможно допущение, что в момент закладки в яму статуэтка была накрыта или обернута в мягкий материал и складки этого материала способствовали полосчатому осаждению марганцевых солей на поверхность изделия.

Высказанным соображениям о природном характере черной окрашенности и возникновению ее после попадания описываемого предмета в яму не противоречит стратиграфическое соотношение черной и красной красок на статуэтке. Черная краска (марганцевые соли) в обычном для нее пятнистом виде отчетливо перекрывает красную краску.

ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ

Обработка кости на Зарайской стоянке занимала довольно большое место (Амирханов, 2000). Об этом говорит наличие здесь разнообразных костяных изделий и множества заготовок для них, а отчасти и то, что резцы в инвентаре памятника составляют ведущую категорию орудий. Конкретные данные свидетельствуют об использовании здесь древними мастерами таких приемов и способов обработки кости, как вертикальное и поперечное расчленение бивня, получение крупных костяных отщепов ударным раскалыванием (оббивкой), глубокая резьба и гравировка, скобление, абразивная обработка и полировка, выпрямление кости и, возможно, другие. Большинство этих приемов нашли отражение и при изготовлении описываемой статуэтки.

Заготовкой для изделия послужила массивная пластина бивня мамонта с размерами длиной не менее 17 см шириной не менее 11 см и толщиной не менее 3,5–4 см. В поперечном разрезе данная пластина представляла собой сегмент круглого сечения бивня. Судя по ее ширине, она происходила от средней, достаточно утолщенной части бивня. Первоначально пластина должна была иметь плоско-выпуклые очертания. На плоской стороне отражалась внутренняя структура бивня (по типу «конус в конусе»), а выпуклая сторона представляла собой обычную поверхность бивня. Эти различия в характере поверхностей заготовки сохранились (и от воздействия времени проявились еще четче) на самой статуэтке в ее законченном виде.

Что же касается исходного поперечного сечения бивневой заготовки, то оно полностью изменено в ходе оформления статуэтки и не наложило никакого отпечатка на результат моделировки изображения зверя.

Мастер не приспособлялся к особенностям формы заготовки. Напротив, он видоизменил заготовку в той степени, какой это было необходимо для его цели. Последнее потребовало в ходе оформления фигурки отсечения от исходной заготовки достаточно большой массы бивневого материала.

Следы орудий, использовавшихся при изготовлении скульптурки, представлены характерными признаками легкого скобления и абразивной отделки. В более грубом виде скобление должно было представлять собой прием тонкого строгания, без которого невозможно было обойтись на стадии оформления контуров изображаемого зверя. Использование резца отмечено в виде короткого продольного следа на внутренней стороне одной из ног. На подошвах ног отчетливо видны следы абразивной обработки. Очевидно, они связаны с пришлифовкой, которая осуществлялась при выравнивании основания копыт. Заложенность основания живота на фигурке может свидетельствовать

о том, что при окончательной доработке могла использоваться и полировка отдельных частей скульптурки каким-либо мягким материалом.

Относительно тонкие приемы обработки использовались для изображения гривы, густой длинной шерсти на лбу в виде челки, а также шерсти (в реальности – продолжение бороды) в нижней части шеи. Гравировкой в сочетании с резьбой выполнены и уши, как бы стоящие и направленные вдоль рогов, выпуклости глаз, бугор переносья, ноздри, рот и основание хвоста.

При изучении статуэтки не остается сомнений в том, что технических средств и мастерства изготовителя было достаточно для выполнения любой операции для передачи резьбой самых тонких деталей изображения. Однако эти детали изображены не во всех случаях. Например, никак не передан волосяной покров на туловище зверя.

КОГО ИЗОБРАЖАЕТ СТАТУЭТКА?

В связи с изображаемым статуэткой образом возникает вопрос о том, насколько он похож именно на бизона. Вопрос этот связан с тем, что имеются некоторые различия в экстерьере американского и европейского бизонов (зубров). По описаниям зоологов современный настоящий зубр² отличается от бизона следующими признаками: а) голова меньше и поставлена выше; б) ребра, образующие горб, менее короткие и соответственно сам горб не столь крупный; в) круп менее срезан; г) тело и ноги у зубра длиннее, однако максимальный вес меньше. В отношении характеристики рогов в описаниях имеются разночтения. Наиболее показательными внешними признаками, отличающими бизона от зубра, являются, таким образом, величина горба и степень срезанности крупа. Если судить по этим признакам, то в нашей скульптуре просматриваются характерные особенности как бизона, так и зубра. Бизоньи признаки проявляются в явно массивной и поставленной низко голове и подчеркнуто крупном горбе. С зубром же ее сближает меньшая срезанность крупа.

Возможно, рассмотрение того, что изображает скульптура – бизона или зубра – достаточно схоластично. Все-таки в данном случае более уместно сравнение не с современными представителями рода бизонов, а их ископаемыми сородичами, которых наблюдал первобытный художник. Известное нам самое раннее графическое изображение зубра относится к XVI в. (Герберштейн, 1988. С. 193). Это гравюра, выполненная с натуры в королевской пуще в Мазовии по просьбе Сигизмунда Герберштейна для его книги «Записки о Московии» издания 1556 г. По внешнему впечатлению изображенный на гравюре зверь похож на американского бизона больше, чем на современного зубра (рис. 5). То же самое можно сказать об изображениях зубра в палеолитическом наскальном искусстве Европы (рис. 6).

Если судить о древних зубрах Европы по костным остаткам, то, как указывают исследователи, есть заметные отличия между ними и их современными потомками. Так, по мнению Н. М. Ермоловой, изучавшей кости бизона из стоянки Кокорево 1 на Енисее, ископаемый зубр был значительно крупнее современного (Абрамова, Гречкина, 1985. С. 44, 45). С другой стороны, не столь единообразны и современные представители бизонов и зубров (рис. 7). По современной систематике и американский бизон (*Bison bison*), и бизон европейский, или зубр (*Bison bonasus*), сами разделяются на подвиды. Первый представлен разновидностями, характерными для прерий (*Bison bison bison*) и горно-лесных пространств (*Bison bison athabaskae*), а второй – беловежским или литовским (*Bison bonasus bonasus* Linnaeus), кавказским (*Bison bonasus caucasicus* Satunin) и трансильванско-карпатским

² Речь идет о собственно зубре – европейском бизоне (*Bison bonasus*), которого в настоящее время уже не существует в чистом виде. Современный зубр, обитающий в заповедниках, в действительности является гибридом американского и европейского бизонов. Вообще «зубр» – это известное с ХTV в. русское название бизона. В близком звучании это слово известно и в других восточнославянских языках (украинском, польском, чешском и др.). В романо-германских языках Европы ему соответствует «bison» (лат., фр.), «bison» (исп.), «wisent» (нем.).

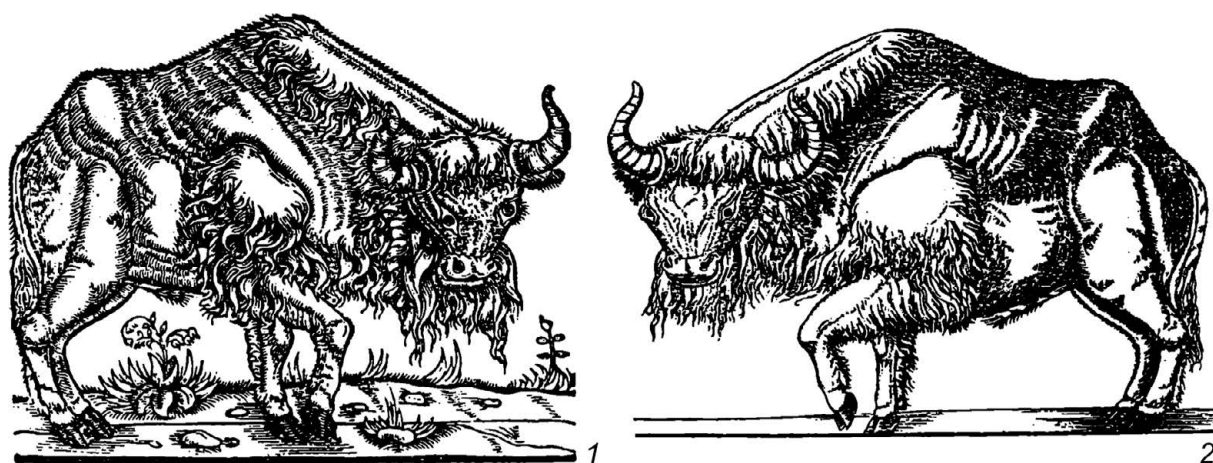

Рис. 5. Зубр. Гравюра XVI в. По: Герберштейн, 1988

Рис. 6. Изображение бизона в палеолитической наскальной живописи. Пещера Альтамира.
По: Breuil, 1974

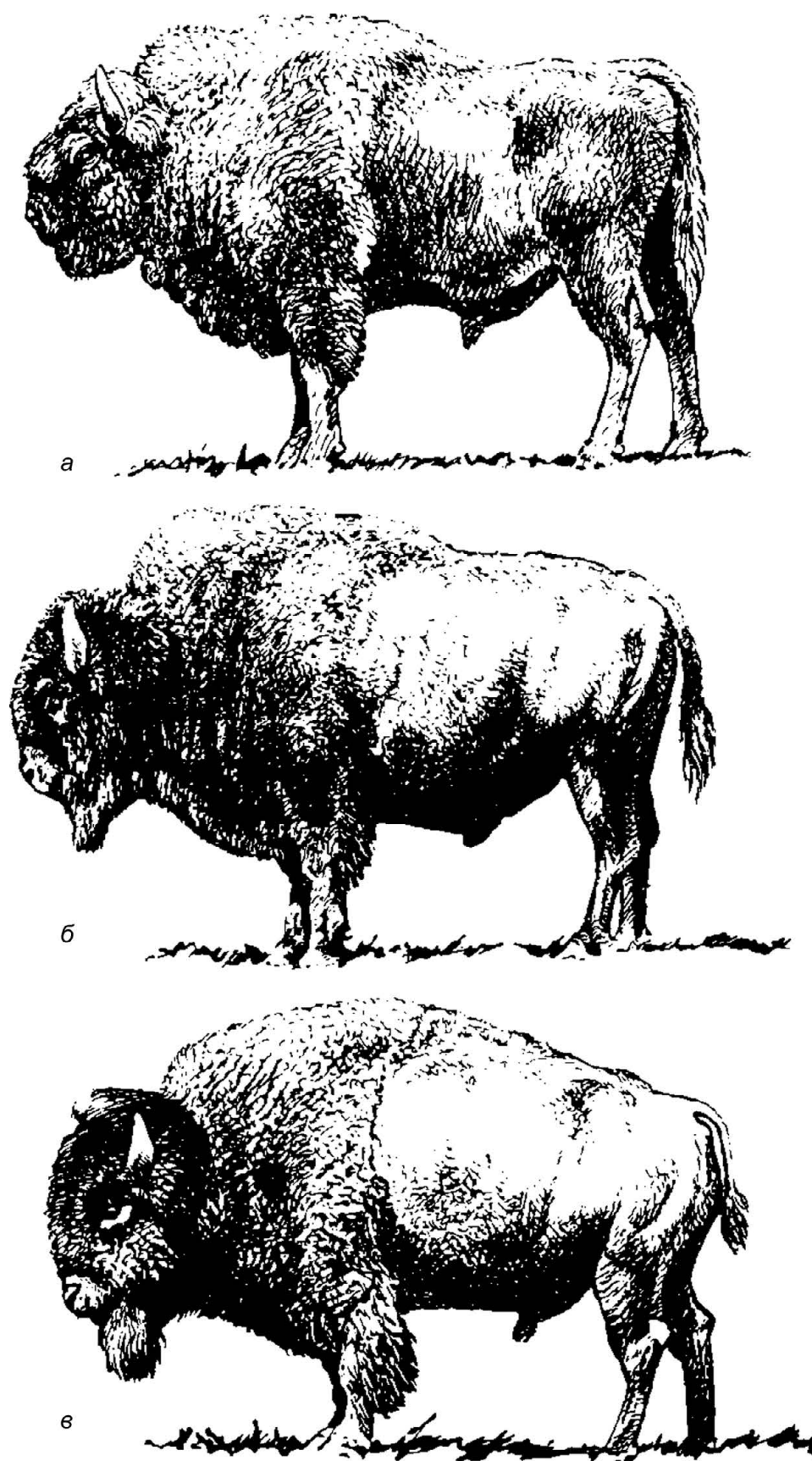

Рис. 7. Основные морфоэкологические типы современных представителей вида *Bison*:
а - *bison bison bonasus*; б - *bison bison athabaskae*; в - *bison bison bison*. По: Зубр..., 1979

(*Bison bonasus hungarorum Kretzoi*) подвидами. Впрочем, некоторые исследователи различия на уровне подвидов считают не столь значимыми.

Ископаемый бизон в существующей систематике определяется как единый вид *Bison priscus* с двумя подвидами – *Bison priscus occidentalis* (был распространен в позднем плейстоцене на территории Сибири, Аляски и Канады) и *Bison priscus mediator* (территория обитания в позднем плейстоцене – Европа, Западная Азия). На основании изучения фаунистических остатков и с учетом изображений палеолитического наскального искусства биологи делают уверенное заключение о том, что «позднеплейстоценовые бизоны Европы (*Bison priscus mediator*) были очень близки к одновременным бизонам Восточной Сибири и Северной Америки» (Зубр..., 1979. С. 74). Таким образом, говоря формально, зарайская скульптурка изображает бизона вида *Bison priscus* и лишней раз подтверждает приведенное заключение о близости ископаемых бизонов Европы и Америки. Наиболее показательным в этом смысле является отражение в данной статуэтке характерных экстерьерных признаков древнего американского бизона (*Bison priscus occidentalis*). Они описываются следующим образом: «Горб очень велик, самая высокая его точка находилась посередине, линия спины сильно прогнута позади горба... Крестец высокий, задние конечности длинные, поэтому спина не имеет пологого спуска назад к хвосту» (Зубр..., 1979. С. 77).

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Выполненная в рамках искусства малых форм, зарайская статуэтка формально реализует в себе суть и идею произведений обычной скульптуры (рис. 8, 9). Это настоящая круглая скульптура, предназначенная для осмотра ее со всех сторон. В законченном виде фигурка имеет следующие размеры: длина – 16,4 см; высота – 10,4 см; максимальная толщина (в средней части живота) – 3 см. Пропорции тела зверя переданы здесь предельно реалистично. Соотношение высоты (в крупе) к длине туловища составляет 1,6:1. Это идеально совпадает с пропорциями тела взрослой особи бизона. Передняя часть туловища выглядит более массивной, чем задняя.

Голова поставлена низко. Она массивная и короткая. Рога расходящиеся, короткие и толстые. Концы рогов не загибаются, что в реальности характерно для молодых особей бизона. Грива передана в виде невысокого валика, гравированного частыми поперечными нарезками, перечеркнутыми короткими косыми линиями. В результате получается орнамент в виде «косого креста» (рис. 8). Начинается грива от затылочной части и заканчивается чуть ниже вершины горба. В верхней, зауженной, части крестообразный характер орнамента более регулярный. Здесь он воспроизводится двумя косыми перекрещивающимися резными линиями. Подобный орнаментальный мотив характерен для предметов искусства из памятников костенковской культуры. В Зарайске он был встречен ранее на рукояти колотушки (фрагмент бивня с орнаментом на концевой части).

Жировой горб изображен акцентированно. Он показан как продолжение загривка и достаточно резко возвышается над спиной. Сгорбленная часть занимает не более трети длины спины. Наиболее высокая точка приходится на центральную часть горба. За счет ограниченности участка, занятого горбом, круп не выглядит сколько-нибудь заметно срезанным к задней части. Непосредственно за горбом линия спины имеет незначительный прогиб. Хвост показан обобщенно в виде небольшого (0,5 см) округленного и направленного вниз выступа.

Волосистой покров не показан, за исключением челки и участков бороды в нижней части шеи. Волосы передаются здесь гравированными линиями, тонкими, регулярными и параллельными друг другу.

Одной из выразительных особенностей скульптуры является наличие у нее четырех отдельных, а не двух «сросшихся» и тумбообразных ног. Статуэтка могла стоять на ногах, но не очень устойчиво, поскольку расстояние между ногами не слишком велико.

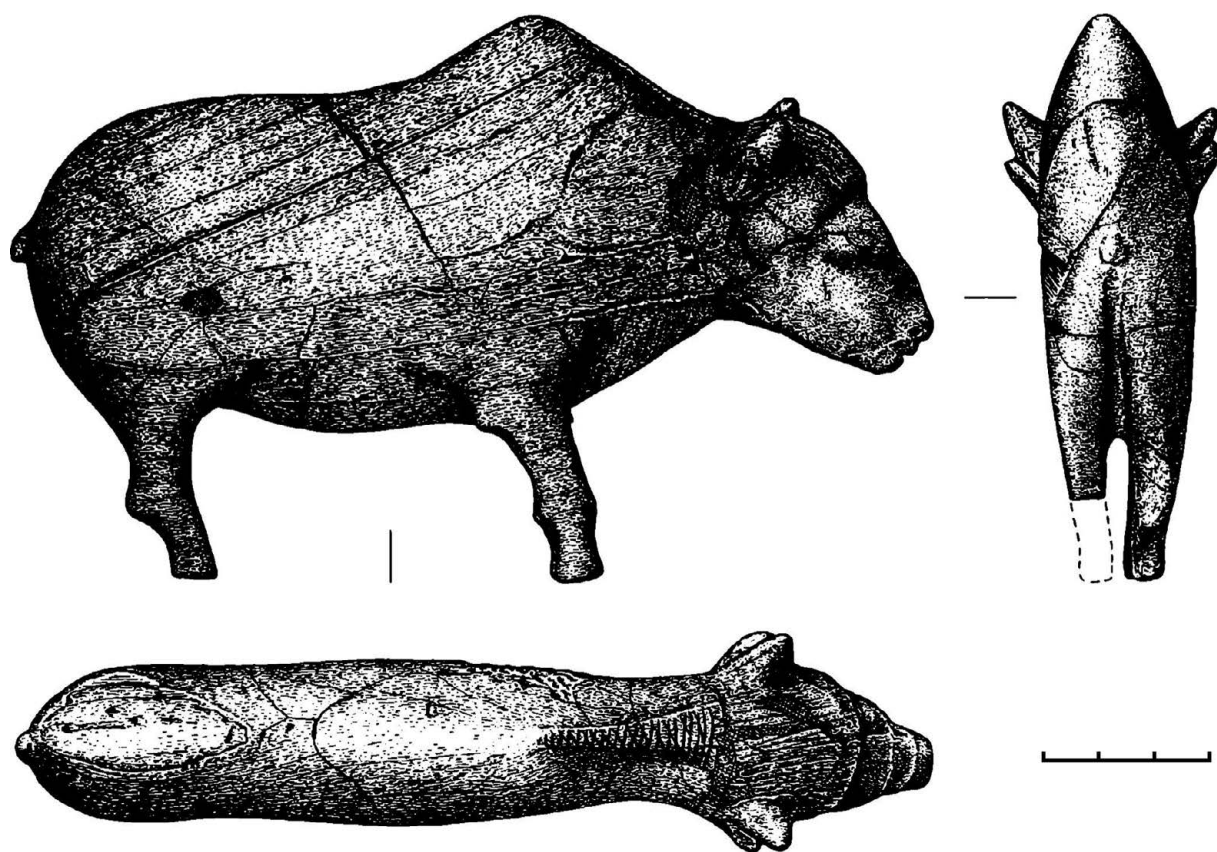

Рис. 8. Зарайская стоянка. Статуэтка бизона из бивня мамонта, вид: справа, сверху, сзади (рис. А. Е. Кравцова)

Вырезаны ноги с соблюдением пропорций и особенностей их строения. Подчеркнуты резкие выступы пяточных костей, а также место сочленения локтевой и плечевой костей передней ноги. Очень тонко отделано место соединения ног с туловищем. Здесь нет ничего от обобщения или схематизма. Проработка детализирована до передачи рельефа мышц. Этого не скажешь об изображении окончания ног – не видно даже попытки показать раздвоенность копыт.

На первый взгляд несколько недоработанным выглядит участок в конце живота у основания задних ног. Здесь плавная линия живота переходит в небольшую выпуклость, занимающую все пространство между ногами. Палеозоолог Е. Н. Мащенко полагает, что таким образом показано вымя. Основываясь на этом, и особенно на характере рогов, исследователь определяет пол изображенного животного как самку. У авторов нет оснований оспаривать это заключение.

Рассматриваемое произведение показывает бизона статично и даже как бы в застывшем виде. Не видно усилия показать какое бы то ни было проявление экспрессии, или выражение специфических свойств, характерных для природы этого могучего зверя. Если рассматривать данное произведение вне его археологического контекста и без учета его предназначения, то может сложиться впечатление даже об отсутствии в нем особой художественной образности. При таком отстраненном взгляде у зрителя почти не возникает эстетических эмоций, отражающих отвлеченные ассоциации, связанные с изображаемым объектом. Складывается впечатление, что все усилия художника подчинены лишь передаче максимального внешнего сходства произведения с изображаемым объектом. Соответственно и эмоциональное восприятие ограничивается восхищением мастерством художника и отчасти – большой выразительностью моделировки некоторых деталей.

Однако на этот предмет можно посмотреть и с другой стороны. Во-первых, в том, что изображается не абстрактный бизон, а именно самка, причем молодая, можно усматривать авторское предпочтение. Во-вторых, эта фигурка изготавливалась, о чем будет говориться ниже, для использования в конкретном магическом ритуале, связанном с овладением желанной охотничьей добычей. И с этой точки зрения изображение в качестве «заместителя» реального объекта не могучего и опасного на охоте самца бизона, а менее защищенной, но достаточно крупной и при этом молодой самки выглядит вполне рациональным выбором. Вполне вероятно, что воплощением этого выбора и является художественная форма или образ данного изображения. В самом деле, странно было бы наделять охотничий объект, который предполагается магическими действиями поразить, обездвижить и затем убить, такими чертами, как физическая мощь, агрессия, защищенность и недоступность. Таким образом, здесь можно усматривать осознанное стремление избежать придания изображению признаков доминирования. А поскольку доминантность у любого древнего общества ассоциируется с мужским полом, то объясним и выбор мастера в пользу изображения именно самки. Сказанное выше относится к рациональной и психологической сторонам данного конкретного акта художественного творчества. У предпочтения, о котором идет речь, существует, по-видимому, и религиозная подоснова. Религиозное отношение людей к ритуальным погребениям, жертвоприношениям и другим подобным актам никогда не было индифферентным с точки зрения выбора объекта, вокруг которого эти обряды осуществлялись. Если в качестве такого объекта выступал человек или животное, то не на последнем месте оказывались такие признаки, как возраст и пол.

Религиозно-магическая основа предпочтения, о котором идет речь, по-видимому, заключается в наличии стойкой связи представлений древних о восполнении и умножении рода с женским началом. Причем это касается рода животных так же, как и человеческого рода, и представления эти распространяются и на потусторонний мир, который в восприятии первобытного человека существует нераздельно с миром реальным или, во всяком случае, не является непроницаемым.

Итак, только на первый взгляд кажется, что в устремлении древнего мастера к точности изображения отсутствует образное обобщение. Только при отстраненном восприятии и беглом анализе может сложиться впечатление о наличии здесь лишь одного содержания изображения и отсутствии особого смысла, которому подчинена данная конкретная скульптура. Смысл этот в действительности существует, и признаки, его раскрывающие, особенно явственно выступают в тех характеристиках предмета, которые носят внехудожественный характер. Они выражены в проявлениях, связанных не с изготовлением, а с использованием предмета, и отражают производившиеся с ним манипуляции (нанесение повреждений на левую сторону груди (рис. 9), поломка двух ног, покраска красной охрой правой стороны груди). Указанные действия, направленные по существу на уничтожение данного предмета, предполагались еще до завершения скульптуры и, тем не менее, это ни в малейшей степени не отразилось на стремлении мастера к приданию своему изделию максимально возможного совершенства. Символический, знаковый смысл внешне не подчиняет себе художественную форму произведения и не подчеркивается каким-нибудь специальным образом. Это свидетельствует, в частности, о том, что эстетическая составляющая имеет здесь относительно самостоятельное значение. В художественном восприятии данного коллектива, как в этом, так, по-видимому, и других случаях, она проявлялась без обязательного переплетения с символической стороной произведения искусства.

Как уже отмечалось, технические возможности резчика, изготовившего скульптурку, были обширными и мастерства его было вполне достаточно для того, чтобы реализовать изображаемый образ не в какой-то одной заданной художественной форме. Если здесь и были ограничения, то они могли проявляться только в стремлении соответствовать традиционному изобразительному канону. Но независимо от того, следовал художник

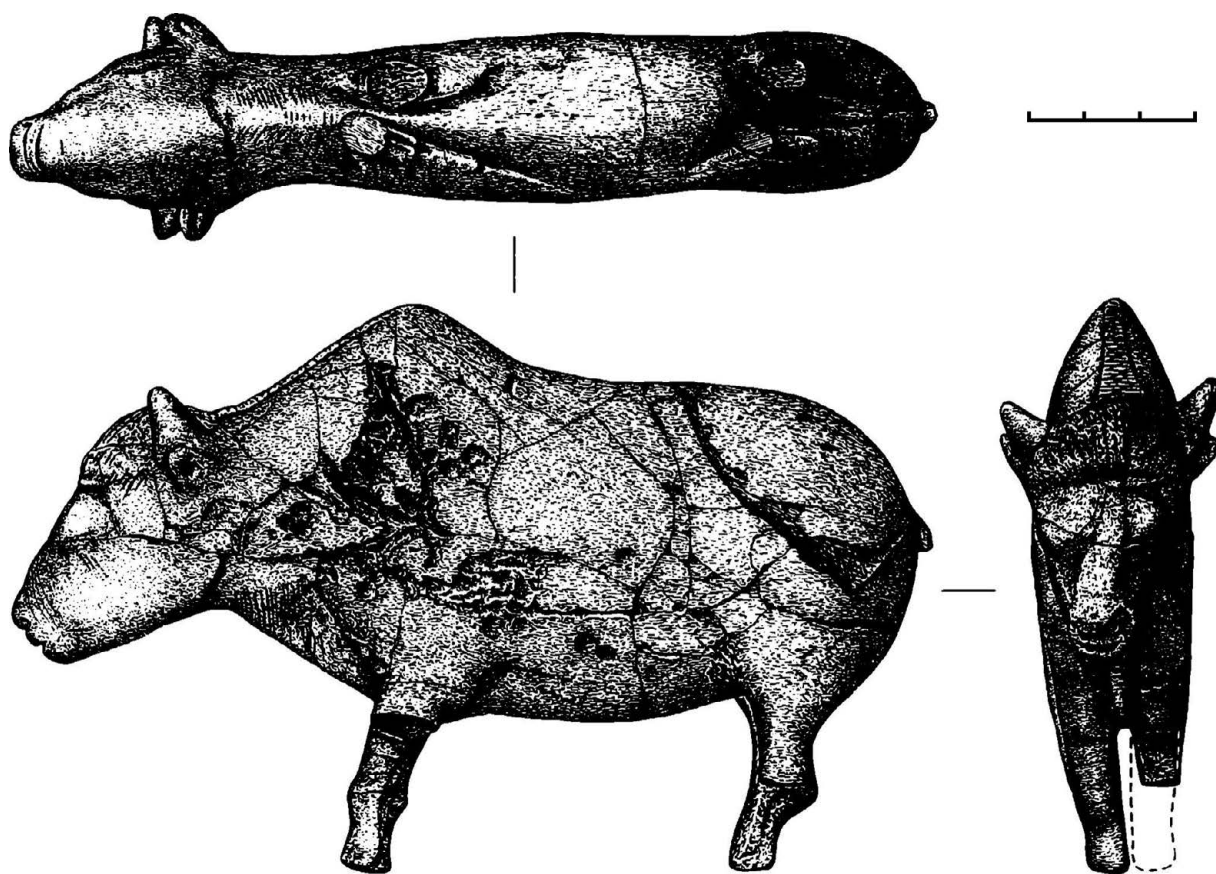

Рис. 9. Зарайская стоянка. Статуэтка бизона из бивня мамонта, вид: слева, снизу, спереди (рис. А. Е. Кравцова)

этому канону или нет, в качестве критериев успешности своей работы, судя по рассматриваемому произведению, он избрал «похожесть» и «красивость» (впрочем, два этих признака в данном случае не могли рассматриваться отдельно). Учитывая символическое, а точнее, ритуально-магическое назначение статуэтки, это вряд ли можно рассматривать как случайность. С точки зрения участников обряда, успех ритуальных действий будет тем более результативным, чем больше сходства между реальным объектом, на которое направлены эти действия, и используемым в обряде его «заместителем». Сходство при этом, разумеется, означает предельную конкретность изображения, так как магический ритуал связан с объектами и явлениями, воспринимаемыми в их непосредственном виде. Даже в тех случаях, когда эти действия направлены на погодные явления или ирреальные зловредные силы, участниками ритуала имеются в виду данная погода или данные проявления злых духов в конкретном месте и в связи с конкретными интересами людей, участвующих в обряде. Бизон, воспроизводимый зарайской статуэткой, с этой точки зрения является не воплощением отвлеченного художественного образа, а репликой вполне конкретного (но не индивидуального) зверя, с которым в определенный момент связаны жизненные интересы определенного коллектива людей. Таким образом, художественная форма и эстетическая норма, отразившиеся в зарайской статуэтке, в решающей степени обусловлены особенностями реальной хозяйственной практики древних обитателей стоянки. Что касается отражения в фигурке знакового, символического значения, то это было осуществлено не в *абстрактном*, а предельно конкретизированном виде. Первый из этих двух подходов, скорее всего, предполагал бы схематизацию изображения. Здесь же мы имеем *конкретно-знаковое* воплощение магического символа.

СМЫСЛ И НАЗНАЧЕНИЕ СТАТУЭТКИ

В ходе изучения памятников палеолитического искусства выработано два подхода к установлению смысла и назначения изобразительных объектов. Первый, его можно назвать палеоэтнологическим, основан на «разгадывании» содержания изображений и последующих интерпретациях с опорой на этнографические параллели. Вторым, собственно археологическим, опирается преимущественно на изучение контекста находки, отводя этнографическим данным второстепенное значение.

Образцом, как представляется, успешного применения первого из указанных подходов является объяснение содержания барельефных изображений из ориньякского памятника Лоссель, осуществленное С. Н. Замятниным. Уместно будет привести его здесь. «На трех отдельных плитах известняка было вырезано три изолированных женских изображения, причем каждая фигура держала в одной поднятой руке рог бизона. Плиты были поставлены полукругом, причем одна, средняя фигура, имела голову, обращенную в фас, а две другие, в профиль, обращенные к средней, – одна направо, а другая налево. Перед этими плитами была поставлена плита с изображением охотника, мечущего дротик, а перед охотником – также поставленная на ребро плита с изображением оленьей самки. Около последней была насыпана красная охра, указывающая, что дротик, брошенный охотником, успешно попал в цель и поразил оленюху, которая истекает кровью» (Замятнин, 1961. С. 58). В этом описании, сделанном не без определенной доли обобщения, ключевыми являются три основных элемента: поражение зверя, истечение крови и обрядовое сопровождение осуществляемого действия. В сочетании друг с другом, а чаще по отдельности, эти элементы выступают смысловой основой сюжета сколь угодно сложных изобразительных композиций на протяжении всего верхнего палеолита.

Подобные вышеуказанному сложно организованные объекты в первобытном искусстве встречаются нечасто. Сталкиваясь с мелкой пластикой, исследователь в каждом отдельном случае имеет дело, как правило, с единичными предметами. В данном случае контекст находки может дать больше для раскрытия смысла произведения искусства, чем внешние характеристики самого предмета. Если говорить в этой связи о зарайской стоянке, то здесь статуэтка включена в контекст экстраординарный по яркости, смысловой насыщенности и структурной организации. При этом весьма важно, что он документирован с предельной детальностью.

Подробное описание условий и места обнаружения, тафономии, а также внешних характеристик статуэтки выше уже приводилось. Обобщение всех этих данных не оставляет сомнений в том, что основным назначением фигурки было ее использование в религиозно-магических целях, а археологический контекст, в который она включена, является материализованным выражением какого-то отрезка охотничьего ритуального обряда. Последовательность действий, отразившаяся в указанных археологических остатках, предстает следующим образом. В момент включения статуэтки в обрядовое действие, которое, по-видимому, наступило спустя не слишком много времени после ее изготовления, у статуэтки были обломаны две ноги и на левую сторону груди несколькими сильными ударами нанесены повреждения, символизирующие раны. С противоположной стороны на область груди была нанесена красная минеральная краска (охра), которая, как нетрудно предположить, имитировала вытекающую кровь. После этого фигурку, изображающую убитого и истекшего кровью бизона, весьма заботливо уложили в боковую нишу, устроенную в придонной части подготовленной для этого заранее глубокой ямы. Причем уложили не на дно, а на сооруженное специально небольшое возвышение. Символическая церемония погребения статуэтки, а по смыслу – бизона, была завершена засыпкой ямы землей доверху.

Этнографически зафиксированные религиозные обряды североамериканских охотников на бизонов отличаются разнообразием внешнего выражения и достаточной сложностью своей рефлексивной и психологической подосновы. Они не ограничиваются отдельными и какими то разовыми действиями, а представляют собой систему, в которую

включаются охотники и другие члены общины, предметы, имитирующие или заменяющие объект охоты, т.е. своего рода обрядовый инвентарь, и растянутые во времени коллективные действия, связанные с подготовкой к охоте, ее проведением и «выходением» из охоты. Каждая из указанных составляющих имеет свой особый смысл. Начальные действия магического характера направлены на «приманивание» зверя на доступное расстояние или «принуждение» его появиться в месте охоты. Второй этап обряда призван обеспечить поражение животного. Наконец, третий связан с выходом из успешной охоты так, чтобы избежать мести или наказания со стороны обобщенно-абстрактного родового духа убитого зверя.

По своей форме указанные действия представляют собой одновременно «изобразительно-знаменательное, или символическое, значение, являясь драматическим выражением религиозной мысли, или пантомимным языком религии» (Тайлор, 1989. С. 458) и средство общения с духами. То есть, они сочетают вместе догмат (вера в духов) и часть обрядовых действий (поклонение, умилоствление). Анимистическая окрашенность веры при этом имеет более конкретное, тотемистическое выражение, поскольку поклонение относится к конкретному духу определенного родового зверя.

С точки зрения обрядовой стороны живописно одно из описаний приготовлений индейцев к охоте на бизонов в форме ритуального танца. «Приблизительно 5 или 15 манданов сразу принимают участие в пляске. У каждого из них на голове шкура, снятая с головы бизона (или изображающая ее маска) с рогами. В руке туземец держит лук или копье, оружие, которым он обычно пользуется в охоте на бизонов... Танец продолжается без перерыва до тех пор, пока не появляются бизоны: иногда танец затягивается на две или три недели, не прекращаясь ни на минуту... Танец изображает охоту, ловят и убивают бизона... Когда один из туземцев устает, он дает об этом знать другим, наклоняясь телом вперед и делая вид, что он падает; тогда другой туземец выпускает в него из лука стрелу с притупленным кончиком. Первый падает как бизон, присутствующие вытаскивают его из круга за пятки, размахивая над ним ножами и жестами изображая обдирание и свежевание бизона. Затем его отпускают, а место в кругу занимает сейчас же другой, который, наряженный в маску бизона, также вступает в танец... Так продолжается до тех пор, пока не появляются бизоны» (Цит. по: Леви-Брюль, 1999. С. 179).

Разумеется, мы не можем восстановить в желаемой полноте обряд охотничьей магии, практиковавшийся на Зарайской стоянке. Однако, можно говорить о сходстве его сути и структуры с аналогичными ритуалами у охотников на бизона исторического времени. В этом смысле захоронение фигурки бизона на стоянке можно отнести к заключительному этапу религиозно-магического обряда. Этот этап должен быть подчинен ниспращиванию доброго расположения к охотникам и их родичам у духа-прародителя бизона, «который (по представлениям североамериканских индейцев начала XVII века – Х.А.) служит началом и корнем всех других особей...» и «...одушевляет всех животных этого вида» (Тайлор, 1989. С. 388).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фигурка бизона из Зарайской стоянки уникальна, в частности, тем, что является древнейшим на сегодняшний день образцом натуралистического стиля в искусстве малых форм.

Зарайская статуэтка предоставляет редкие для палеолита по своей доказательности данные для реконструкции религиозно-обрядовой стороны жизни обитателей конкретного поселения. Она не предназначалась для повседневного использования, а служила очень недолго и, судя по всему, использовалась один-единственный раз. Фигурка была изначально изготовлена для применения в религиозномагическом ритуале, направленном на облегчение овладения охотничьей добычей.

На основании имеющихся данных можно уверенно говорить о существовании у древних обитателей стоянки религиозных обрядов, связанных с охотой на бизона. Этот обряд предполагал, в частности, манипуляции, связанные с имитацией поражения, забоя бизона и одновременно с этим действия, выражающие умиловительное отношение к нему. В случае с рассматриваемой фигуркой последнее выразилось в ритуальном погребении скульптурного изображения зверя. В этом контексте сам факт погребения указывает на наличие сложных мифологических представлений. Частью их должна являться вера в продолжение жизни погребенного (в данном случае бизона, замещаемого его скульптурным изображением) в «ином мире» и в ином виде, а также сохранение связи между ним и живыми (по-видимому, не только с людьми, но и бизонами). В основе подобных действий и представлений в первобытном мышлении всегда стоит понятие родства и рода. Следовательно, нельзя исключить того, что за умиловительным отношением к изображаемому фигуркой животному стоит не просто аморфный анимализм или зоолатрия вообще (в данном случае – культ бизона), а вполне конкретные верования тотемического характера, существование которых невозможно вне общинной организации, основанной на принципе кровного родства.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова З. А., Гречкина Т. Ю. Об охоте и охотничьем вооружении в позднем палеолите Восточной Сибири // КСИА. 1985. Вып. 181.
Амирханов Х. А. Зарайская стоянка. М., 2000.
Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.
Замятнин С. Н. Очерки по палеолиту. Л., 1961.
Зубр: морфология, систематика, эволюция, экология. М., 1979.
Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999.
Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989.
Трусов А. В. Культурный слой Зарайской верхнепалеолитической стоянки // Древности Оки. Тр. ГИМ. 1994. Вып. 88.
Breuil H. Quatre cents siècles d'art pariétal. Paris, 1974.

The Statuette of Bison from the Zaraisk Camp Site: Archaeological and Semantic Aspects of Study

H. A. Amirkhanov, S. Yu. Lev

Summary

In the paper the figurine of bison manufactured of mammoth tusk is considered. The statuette undoubtedly represents a masterpiece of the Palaeolithic sculpture. It was discovered in 2001 in the cultural deposits of the Zaraisk camp site. The statuette dates from around 22 000 BP and constitutes at present the earliest piece of naturalistic style in figurative art. The statuette was initially designed to be employed in the religious and magic rite aimed at successful capture of hunter's prey. Finally it was ritually buried. This is interpreted as the evidence of various magic ceremonies practised by the inhabitants of the Palaeolithic site that ensued from their beliefs and related rites, basically determined by totemism. Thus it is evident that the Palaeolithic man had worked out in his world-view rather a complicated system of mythological ideas.

**ЛИНГВИСТИКА:
АВАРО-АНДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ**

Linguistics: Avar-Andi languages

ГРУППА «ДИН» И ГРУППА «ДЕН»

**Некоторые диалектологические и археолингвистические данные
к этнической истории андийцев***

Академик Г. Г. Гамзатов сделал очень много для поддержки изучения языков, фольклора и истории малых народов Дагестана. Возглавляя Институт истории, языка и литературы, затем Институт языка, литературы и искусства, а также в должности председателя Дагестанского научного центра РАН он приложил много организационных усилий для того, чтобы данное направление исследований было поднято до уровня востребованной и необходимой части академического дагестановедения. Эти изменения совпали и с общей тенденцией исторических наук к повышению интереса к «микроистории», утверждению в исследованиях конкретно-исторического метода анализа. Предлагаемую статью можно рассматривать отчасти как отражение этой тенденции в области изучения древней и древнейшей истории андийцев как одной из групп дагестанских народностей.

Основой для данной работы послужили наблюдения автора над различиями в андийском и гагатлинском говорах¹ андийского языка. Анди – исконное место обитания андийцев² и самое крупное из пунктов, заселенных носителями андийского языка. Гагатль – второе по величине андийское село, отстоящее от первого на 3–4 км. Села расположены в глубокой, горной части Дагестана на высоте 1700–1800 метров над уровнем моря, на северо-западной окраине ареала дагестанских языков. Некоторые части экономически осваиваемой территории этих достигают абсолютной высоты 2300 м. Жители двух сел всегда имели тесное общение друг с другом – одна из главных для с. Гагатль дорога во «внешний мир» проходит через с. Анди. По преданиям с. Гагатль, подтверждаемым названиями местных тухумов, значительную часть населения составляют здесь выходцы из с. Анди. Хозяйственные занятия жителей обоих сел одинаковы. В основе их – земледелие и скотоводство.

По приведенным выше данным можно было бы сделать вывод о том, что язык, культура и весь уклад жизни должны быть тождественными. В действительности ситуация иная. В языке, имея в виду и лексику, и фонетику, и даже некоторые грамматические нормы, мы обнаружим довольно существенные различия. При внимательном рассмотрении выявляются различия и в некоторых элементах этнической культуры (например, в сфере брачных обычаев). Последние выглядят, на первый взгляд, как частные и малозаметные проявления. Однако, обычные для одного села, они будут неприемлемы для этнической самохарактеристики для другого села. В случае формирования оппозиции по принципу «мы – они» такие, казалось бы, мелкие признаки определенно перевесят по значимости сходство в сфере материальной культуры между жителями соседних сел. Названные и неназванные моменты того рода, о которых идет речь, несомненно, являются указанием на сложность этнической истории наблюдаемой общности. Они служат как бы подсказкой к пониманию того, что история данной общности в этнографическом отношении является многокомпонентной, а в философском смысле – процессом, не подчиняющимся парадигме однолинейного, равномерного и исключительно эволюционного развития.

Применительно к палеоисторическим реконструкциям, относящимся к дописьменным эпохам, ведущая роль языка, наряду с археологическими источниками, неоспорима. Однако этот драгоценный по своей информативности пласт материала, поддающийся анализу средствами археолингвистики и сравнительно- исторического языкознания, к сожалению, далек еще от того, чтобы быть включенным в необходимой мере в арсенал полноценных источников для общеисторических исследований.

Обращаясь к конкретному материалу, в котором выражаются различия в сравниваемых говорах собственно андийского, возьмем из основного словаря, например, слово «жи-

* Амирханов Х. А. Группа «дин» и группа «ден». Некоторые диалектологические и археолингвистические данные к этнической истории андийцев // Горизонты современного гуманитарного знания: Сборник статей. Москва: Наука; Собрание, 2008. С. 383–393.

вот». В андийском диалекте это будет «*гъвагъвачи*», в гагатлинском – «*река*». Если посмотреть в других андийских языках, то слово «*гъвагъвачи*» мы найдем в чамалинском и каратинском в значении «желудок» (животного), а «*река*» (живот человека) – в каратинском, ботлихском, годоберинском языках в том же значении, что и в гагатлинском диалекте.

Логично предположить, что слово «*гъвагъвачи*» возникло не случайно в андийском говоре собственно андийского языка и чамалинском в едином смысловом значении. Объяснить это заимствованием сложно. Во-первых, нет примеров прямого заимствования между указанными языками слов такого рода (впрочем, как и других). Во-вторых, при семантическом единстве слова значение его в рассматриваемых языках разное. Как представляется, здесь мы имеем дело со случаем, когда без всяких натяжек можно распознать одно из слов общеандийского уровня. Ясно также, что это слово не могло бы исчезнуть из языка с. Гагатель, если бы ее жители изначально существовали и развивались в едином и неразрывном историческом и языковом массиве с жителями соседнего с. Анди. Объяснений отсутствию этого слова в гагатлинском говоре может быть два. Первое – язык-предок современного гагатлинского говора изначально не составлял единой общности с андийским языком и проник на территорию современного расселения андийцев позже, чем здесь уже утвердился язык с. Анди. Второе – какая-то волна носителей не андийского, но близкородственного ему языка в какой-то момент частично наложилась на собственно андийский субстрат. Из этих двух объяснений более правдоподобным представляется второе. Трудно представить, чтобы на протяжении сколько-нибудь протяженного времени на основной части современной этнической территории андийцев одиноко существовало бы только одно с. Анди. Существуют свидетельства в пользу того, что в железном веке, и в частности в средневековье, в андийской долине существовали и другие, скорее всего небольшие, поселения.

О том, что пришлой является гагатлинская, а не собственно андийская часть образовавшегося позже этнического (языкового) единства, говорит уже одно то, что общине только с. Анди принадлежит примерно две трети всей территории традиционного расселения андийцев. Сюда входит лучшая часть как пахотных, так и сенокосных и пастбищных земель, составляющих так называемую андийскую котловину, и значительная часть окружающих ее водораздельных территорий. При этом доля жителей с. Анди в отношении всего андийского населения в пропорциональном отношении гораздо ниже доли земли, приходящейся на общину этого села. Такой собственностью община могла обладать по праву первовладения, захвата с использованием силы или приобретения. Исторические свидетельства или даже легенды о завоеваниях или сколько-нибудь значительных приобретениях земель общиной с. Анди в виде покупки, компенсаций, дарений и т.д. не имеется. Остается, следовательно, обладание территориями по праву первовладения.

Экономическая территория селения должна была сложиться естественным образом уже в начале этапа активного хозяйственного освоения долины. Это должно было быть не просто заселение данной территории, а окончательное закрепление конкретной общины на определенной территории. Начало процесса перехода к прочной оседлости на территории Дагестана в целом относится (по современному состоянию источников) к раннему неолиту, т.е. ко времени не позже середины 6-го тысячелетия до н.э. Когда этот процесс затронул территорию бассейна Андийского Койсу и кем были в узком языковом отношении первопоселенцы андийской долины, сказать нельзя, и вряд ли когда-либо это удастся установить сколько-нибудь точно.

При всей очевидной трудности палеоисторических реконструкций применительно к рассматриваемой территории наука все же располагает для этого некоторыми достаточно основательными археологическими источниками. Так, с определенностью можно утверждать о непрерывности заселения данной территории со времени начального этапа эпохи бронзы, т.е., по крайней мере, с 3-го тысячелетия до н.э. Имеются несомненные свидетельства существования в андийской долине в это время долговременных поселений с относительно развитым домостроением. Хозяйство обитателей этих поселений основывалось в зна-

чительной степени на *пашенном земледелии*. Следовательно, для них уже давно остался позади этап одомашнивания животных и окультуривания диких злаков. Земледелие в это время сочеталось с *комплексным скотоводством*, что предполагает наличие мясного и молочного стада, а также выращивание рабочей скотины. Наконец, анализ археологических данных позволяет выявить в некоторых случаях черты местной специфики в проявлениях археологических культур, распространяющихся на андийскую долину.

Археологические замечания приведены здесь не для доказательства того, что современная этнолингвистическая картина андийской долины сложилась в бронзовом веке (хотя языковые процессы, идентичные условиям Дагестана в историческое время, могли происходить и тогда). Просто само их существование является, с одной стороны, средством против нигилистического отношения к палеоисторическим реконструкциям, а с другой – предостережением от эвристического оптимизма и упрощенных построений.

Итак, если мы принимаем тезис, что «гагатлинский компонент» андийской общности является пришлым, то возникают вопросы о том, когда он распространился в андийскую долину и кем были в узком этноязыковом отношении жители этого компонента? Ответить сколько-нибудь точно на первый вопрос чрезвычайно сложно. Определенно можно сказать, что с. Гагатль уже существовало период «монгольского эпизода» истории рассматриваемой части Дагестана. А.А. Агларовым систематизированы основательные сведения о том, как отразились на с. Гагатль последствия похода Тимура на Западный Дагестан³. Имеются данные, опирающиеся на исторические предания и ономастику, которые говорят о существовании селения в период собственно монгольских походов. Эти же данные свидетельствуют о том, что с. Гагатль разрослось рядом с ранее существовавшим здесь с. Бичонни. Следует сказать, сказать, что село с этим названием («маленькое село» – в переводе с андийского) существует в качестве окраины с. Гагатль и в настоящее время.

Хронологическое предшествование Бичонни с. Гагатль подтверждается и набором названий местных родов (тухумов). Собственно гагатлинским (в смысле исконности) в довольно представительном списке местных тухумов является только «Бичоннал». Остальные роды происходят от тухумов с. Анди, или частично основаны переселенцами из более отдаленных, в том числе и неандийских, территорий. Из родов, имеющих корни в с. Анди, здесь лучше всего представлен тухум Щамхваладул. В генеалогии андийских тухумов этот – не самый ранний. Не ранний хотя бы потому, что название Щамхваладул не могло возникнуть раньше, чем имя (и/или титул) Шамхал, от которого оно происходит. Указанное имя именно в такой форме вряд ли было известно в Дагестане ранее XV века⁴, хотя глубинные истоки его выводят предположительно из старотюркской социальной номенклатуры⁵. Если говорить о тех андийских родах, древность которых не может вызывать споров, то они или совсем не представлены в с. Гагатль (Абичол), или их присутствие здесь практически не заметно (Херчилал). И это понятно. Условия существования представителей этих исконных андийских тухумов в тот конкретный период не вынуждали их покидать село в поисках лучшей доли. Таким образом, рассмотрение состава тухумов на этот вопрос не дает ответа более определенного, чем тот, который основывается на данных общеоисторического контекста, но и не противоречит ему. География тухумов в данном случае говорит о том, что к моменту проявления в с. Гагатль тухумов, происходящих из с. Анди, языковые отличия в гагатлинском говоре должны были уже существовать. Пришлые поселенцы из Анди адаптировались к этому говору (диалекту). Если бы было иначе, то рассматриваемые различия в языке двух сел просто исчезли бы.

Обратимся к рассмотрению вопроса о времени появления в андийской долине «гагатлинского языкового компонента» с точки зрения лингвистических данных. В андийском и гагатлинском диалектах различными являются, например, слова, обозначающие самые разнородные понятия. Из их большого количества рассмотрим для примера слова: «котел» и «карман». В андийском диалекте котел обозначается как «гунгул», а в гагатлинском – «хьаги». Слово «гунгул», как показывают исследования специалистов, является заимствованием из тюркского⁶, а «хьаги» в гагатлинском диалекте

является несомненным аварским заимствованием. Могли ли произойти одновременно столь разнонаправленные заимствования, если среда, в которую они проникают, является монолитной, одноэтничной и географически компактной? Вероятность этого ничтожно мала (напомним, что расстояние между селами Анди и Гагатль не превышает 3–4 км). Предки современных носителей гагатлинского говора заимствовали из аварского слово, обозначающее «котел», в момент их обитания вне основной части современной этнической территории андийцев. И произойти это могло, скорее всего, во временном отрезке от V до XIII веков. Нижняя граница этого хронологического промежутка указывает время, когда на территорию Дагестана наиболее активно распространился тюркский этнический компонент, т. е. время, раньше которого андийцы не могли заимствовать слово «котел» из тюркского. Верхнюю границу помогает отбить наличие данных о том, что к этому времени с. Гагатль уже существовало на месте своего современного расположения.

Противоположным по характеру заимствования, но идентичным по сути является пример со словом «карман». Тюркским заимствованием⁷ это слово («*кисай*») является уже не в андийском, а в гагатлинском диалекте. В андийском ему соответствует «*туххун*». Возможно, оно является исконным (ср.: *тиххи-ду* (анд.) – потянуться (за чем-либо), потянуть, запустить (руку за чем-либо)). В таком же звучании это слово известно еще в ахвахском – одном из андийских языков с выраженной архаикой. Во всех других андийских языках, как и в гагатлинском говоре, оно имеет тюркское происхождение. Возможно, данное заимствование было вторичным, т. е. произошло через посредство аварского. Но если говорить об интересующем нас моменте, то в любом случае проникновение в гагатлинский говор этого слова могло иметь место лишь в условиях относительной языковой изоляции друг от друга «протоандийцев» и «протогагатлинцев». Вопрос о времени данного заимствования решается точно так же, как и в случае с предыдущим примером – оно произошло до того, как предки носителей современного гагатлинского диалекта поселились в андийской долине.

Различия между андийским и гагатлинским говорами не менее выразительно обнаруживаются в фонетическом строе и отдельных грамматических нормах рассматриваемых языковых явлений. Наиболее зримо они выражены в следующем:

1) в гагатлинском говоре имеется звук *ъ*, являющийся в сочетании с *л* в середине слова соответствием архаичному смычно-гортанному краткому *къ* в аварском. В сочетании с другими фактами обращает на себя внимание то, что в других андийских языках (кроме гагатлинского говора) этот звук в форме *л'* (сочетание *ъ* с *л*) в середине слова встречается в тукинском, рачабальдинском, анчикском и арчойском говорах каратинского языка. В андийском говоре и годоберинском языке этот звук преобразуется в *л*, в ботлихском – *ъ*, в тиндинском и чамалинском – в начале и середине слова – *л*, в конце слова – *ъ*. В ахвахском языке и мунинском диалекте андийского языка сохраняется исходный для указанных выше звук *къ*⁸. Интересно, что в гагатлинском говоре звук *къ* заместился и *ъ*, и *л* одновременно, тогда как в других языках и говорах – только одним из последних;

2) в сравнении с андийским гагатлинский говор можно отнести к «джокающим» (по аналогии с обозначением некоторых тюркских языков);

3) андийскому, в отличие от гагатлинского, присуща лабиализация («*гъвобгъво*» (анд.) – «*гъобгъо*» (гаг.), а гагатлинскому, в противоположность андийскому, свойственна назализация согласных: «*зиву*» (анд.) – «*зинву*» (гаг.));

4) местоимения первого и второго лица единственного числа в андийском, в отличие от гагатлинского, не изменяются в форме актива;

5) окончания глаголов в форме будущего времени и в словах в вопросительной форме в андийском говоре, в отличие от гагатлинского, всегда смягчаются;

6) для образования инфинитива двухсложных слов в андийском говоре используется флексия *ду*, а в гагатлинском – *у*;

7) между говорами имеются различия в склонении (например, в дательном падеже).

Специалисты-языковеды найдут в сравниваемых диалектах немало других различий, но и среди отмеченных есть такие, которые с собственно лингвистической точки зрения

являются отнюдь не второстепенными для проблемы онтогенеза двух рассматриваемых языковых явлений. Основываясь на приведенных данных, можно сказать, например, что основы андийского и гагатлинского составляющих андийского языка (так же как и другие андийские языки) переживали процесс формирования общей аваро-андийской фонетической системы (если исходить, как принято, из того, что она существовала) не вместе, а порознь. Иначе не было бы столь выраженной вариативности в новых воплощениях в разных языках одного и того же исходного звука. Отсюда же следует, что специфика в системе склонения в каждой из двух (андийская и гагатлинская) линий сложилась раньше, чем га- гатлинский языковой компонент вошел в андийский язык. Объяснить появление особенностей, о которых идет речь, дивергенцией ранее уже существовавшего языкового единства невозможно. Трудно себе представить, как единый языковой ствол мог бы расщепиться в условиях, когда две общины (два села) существуют в ближайшем соседстве и связаны друг с другом самыми тесными связями экономического, родственного, дружеского характера – связями, закрепленными к тому же единством норм обычно-правового кодекса. Логичным в данном случае будет объяснение отмечаемых различий тем, что мы фиксируем определенный хронологический срез процесса конвергенции двух языковых элементов. При этом один из них, называемый здесь «гагатлинским языковым компонентом», правильно рассматривать в качестве адаптирующегося к андийскому языку или, может быть, точнее – ассимилируемого андийским языком.

Как уже говорилось выше, возможные временные рамки, когда гагатлинский языковой компонент распространился на современную этническую территорию андийцев, составляют от V до XIII веков. Что касается направления, откуда исходил этот импульс, то кроме общих предположений на этот счет имеются и достаточно красноречивые лингвистические факты. Говоря «откуда», конечно будет некорректно рассматривать вопрос, исходя из современной географии расселения носителей андийских языков. Поскольку историческая география последних не разработана, данный вопрос правильнее будет формулировать следующим образом: к какому из современных языков андийской языковой группы обнаруживает наибольшую близость гагатлинский говор собственно андийского языка? Отмечавшиеся выше данные фонологии и некоторые элементы грамматики указывают в этом отношении на группу восточных андийцев (ботлихцы, каратинцы, годоберинцы). Уточнить ответ на данный вопрос помогает рассматриваемый ниже лексический материал.

Приведем в виде сравнительной таблицы некоторые примеры из каратинского языка в сравнительном рассмотрении с андийским и гагатлинскими говорами андийского языка.

<i>Русский</i>	<i>Каратинский</i>	<i>Гагатлинский говор</i>	<i>Андийский говор</i>
Я (муж.)	Ден	Ден	Дин
Я (жен.)	Ден	Ден	Ден
Ты (муж.)	Мен	Мен	Мин
Ты (жен.)	Мен	Мен	Мен
Губа	Сункла	Сункла	Сим
Нога, ступня	Ціекла	Чіекла	Чукла
Месяц	Пурціці	Порціці	Борціці
Змея	Берка	Берка	Берча
Рубашка	Горди	Гордо	Кванно
Карман	Кисай	Кисай	Туххун
Котел	Хьаге	Хьаги	Гун гул
Крепость	Щеба	Щебу	Сангар
Беречь, хранить	Ціанну (тукиг.)	Ціенну	Джиргиду
Кушать, есть	Кіам	Кіамму	Икунну
Сделать	Джигьайду	Джигьиду	Иду
Свадьба	Бертен	Бетин	Нухьвор
Теленок	Кьиниквар	Кьинквом	Гьайчла

В приведенных сравнениях в гагатлинском и каратинском обнаруживают тождество слов, как исконных, так и заимствованных из тюркского и аварского.

Рассмотрим в качестве одного из примеров важности проводимых сопоставлений слово «*къинком*» – «*къиниквар*» (букв, «съевший лето», «отъедавшийся в течение одного лета»). Это двухсоставные слова в основе которых один корень праавароандийский (?) – «*икв*» (есть, кушать), а второй – андийский «*къин*» (лето) (обнаруживает семантическую связь в аваро-цезском пласте со словами в значении «солнце», «день»). Интересно, что в рассматриваемом слове корень «*икв*» в каратинском языке и гагатлинском говоре андийского языка передает его древнее значение «есть», «кушать». В настоящее же время в гагатлинском говоре и каратинском языке это слово («есть», «кушать») передается как «*к/амму*» (этимология – «жевать» при «*к/*», заменившем «*ч/*»). Андийский говор, в противоположность гагатлинскому, сохранил в данном значении древнюю форму – «*икунну*».

Рассмотрение конкретного материала из аваро-андийской специализированной животноводческой лексики приводит к заключению, что некоторые заимствования в андийские языки из аварского в этой отрасли осуществлялись порознь уже после распада праандийского состояния. Например, каратинское «*гъарк/клен*» (овца от одного до двух лет) фонологически ближе к аварскому «*г/орк/клен*», чем к андийскому «*гъорч/ч/ин*». «Гъорч/ч/ин», возможно, является исходной, прааваро-андийской формой. Этимология здесь настолько ясна, что не приходится прибегать к расшифровке. В андийском языке это слово имеет адекватное обозначаемому объекту значение «самочка» (от «*гъорч/ч/ин*» – самка, жена). Приводимый пример возможного заимствования из аварского в каратинский можно обоснованно оспорить. Фонетические изменения в разных андийских языках протекали по-разному. В каких-то случаях сходство в этих процессах в аварском и одном из андийских языков могло быть более тесным, чем между двумя андийскими. Однако сказанное не относится к изменениям, касающимся геминированных аффрикат *к/к/* и *ч/ч/* – корневых частей сравниваемых слов. Считается общепринятым, что эти звуки аварского и андийских языков отражают сохранившуюся до настоящего времени архаику, восходящую к фонетической основе общедагестанского праязыкового состояния⁹ и замена одного из них другим в ходе исторического развития в названных языках не наблюдается.

Комплекс данных, относящихся к рассматриваемому сюжету, свидетельствует, как уже отмечалось выше, о возможности распространения «гагатлинского языкового компонента» андийского языка на территорию андийской долины в период раннего средневековья. Однако, наверное, будет ошибкой считать, что отношения андийского и каратинского языков исчерпываются рассмотренным, достаточно эпизодическим, фактом частичной инфильтрации второго в первый. Реальным представляется вариант, при котором независимо от указанной вероятной инфильтрации и задолго до нее – на одном из этапов распада общеандийского языка они составляли единство, или формировали собой вместе с ботлихским языком одну из близкородственных подгрупп. Помимо других данных к этой мысли подталкивает то, что именно в каратинском и андийском языках мы наблюдаем наличие в каждом из них по паре диалектов, которые противостоят друг другу по наличию или отсутствию классного показателя в оформлении местоимений первого и второго лица единственного числа. В каратинском это – собственно каратинский и туцитинский диалекты, а в андийском – рассматриваемые здесь андийский и гагатлинский. Гагатлинский в данном случае аккумулирует в себе и специфику т.н. нижеандийского или мунинского диалекта, который традиционно выделяется в андийском именно как диалект, а не в качестве говора, как гагатлинский.

Особое значение при дифференцированном археолингвистическом анализе приобретают личные местоимения. Рассмотрение специфики функционирования местоимений в языках и диалектах, о которых идет речь, выводит нас отчасти уже к другой проблеме. Обозначенный аспект языкового материала дает возможность наметить подход к реконструкции одной из универсальных сторон социальной организации древнейшего

населения Дагестана. В общем виде проблему можно обозначить как установление роли системы межобщинных брачных связей в формировании ареальных языковых особенностей. Продуктивным для рассмотрения этой проблемы будет обращение к особенностям использования личных местоимений в языках и говорах андийской группы народностей.

Исследователи уже давно обратили внимание на существование в говоре с. Анди мужской и женской форм личных местоимений¹⁰. В трактовке этих особенностей («...частичное реликтовое сохранение былой специфики мужской и женской речи, унаследованных из языка-основы аварской группы языков»¹¹) правильным представляется указание на их возникновение в глубокой древности. Однако простая ссылка на проявления социальной практики древнего общества не объясняет сути рассматриваемого феномена и не раскрывает его познавательной значимости. Важно выяснить по возможности, в чем конкретно выражаются эти проявления, каковы истоки и «механизм» их формирования.

Итак, обратимся к конкретному материалу. В говоре с. Анди личное местоимение первого лица единственного числа в мужской форме звучит «дин», в женской – «ден». Местоимения второго лица – соответственно «мин» и «мен». В говоре же села Гагатль (как и других остальных андийских сел) в использовании местоимений нет различий по принадлежности к полу. И для мужчины, и для женщины в первом лице существует одна и та же форма «ден». Для второго лица – соответственно «мен». Таким образом, основываясь на использовании мужчинами той или другой формы личного местоимения первого лица, мы можем разделить всю совокупность жителей андийских сел или носителей андийского языка на группу «дин» и группу «ден».

В группе «ден» существует «мужская» эргативная форма местоимения первого лица единственного числа – «денни». Аналогичная «женская» форма в данной группе отсутствует. Ее не существует и во всей группе «дин», причем ни в «мужском», ни в «женском» вариантах. Здесь для личных местоимений первого и второго лица единственного числа не существует грамматически выраженного эргативного падежа.

«Женскость» (с точки зрения группы «дин») языка группы «ден» не ограничивается лишь сферой местоимений, хотя одно уже это с определенной точки зрения возводит непреодолимую психологическую пропасть между данными группами. К местоимениям в рассматриваемом смысле можно добавить женские (с точки зрения группы «дин») формы таких числительных, как «шесть», «восемь» и все производные от них. Общеизвестно, что простые числительные относятся к наиболее архаичному пласту лексики. Они, как и местоимения, способны унаследовать и, как видно в этом случае, унаследовали от древности важные особенности, имеющие этносоциальное содержание. К этому же ряду слов древнейшей лексики относятся и фиксируемые в андийском говоре андийского языка некоторые «женские» глагольные формы, например, «к/квабду» – убивать («мужская» форма – «дджабу»).

Говоря об особенностях рассматриваемой группы местоимений в эргативе, можно представить себе картину, при которой женщины некоей группы икс после брака переходят в группу «ден» и приносят с собой соответствующую грамматическую норму, свойственную для группы, из которой они происходят и где данное местоимение не имеет склонения в эргативе. Для рассматриваемого случая эта исходная группа может быть реконструирована не иначе, как группа «дин», поскольку именно для нее указанное «несклонение» является нормой. Тут может возникнуть вопрос о том, почему в таком случае эти же женщины группы «дин» не приносят вместе с собой в новую группу и местоимение первого лица в форме «дин»? Ответ может быть простым. В исходной группе женское местоимение имеет свою – женскую форму «ден», совпадающую с аналогичным местоимением группы «ден», в которую женщина переходит. Женщины приходят в группу «дин» со своим женским местоимением (в данном случае «ден») и сохраняют его. Поколение женщин, происходящее от этих женщин, воспринимает данную форму местоимения и сохраняет его при переходе после брака в другую группу (это может быть группа как «дин», так и «ден» – не важно какая именно, важно, что другая).

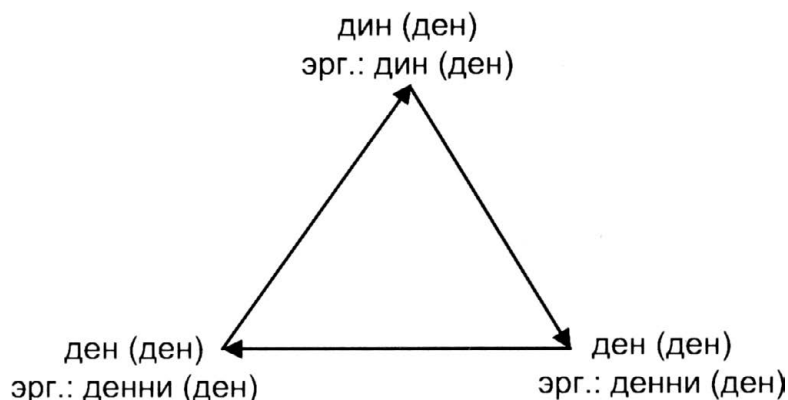

Рис. 1. Графическое изображение системы брачных связей, состоящей из трех общинно-родовых групп — двух групп «ден» и одной группы «дин». (Стрелки указывают направление перехода женщин в иную группу при экстралокальном браке.)

Если бы был прямой, устоявшийся, неизменный и ограниченный только двумя взаимодействующими группами обмен женщинами между группой «ден» и группой «дин», то картина рассматриваемых местоимений в данных двух группах, с точки зрения мужских и женских форм, должна была бы быть зеркальной. Однако в действительности этого нет. Возможно по причине отрывочности картины, сохранившейся до настоящего времени. Но вполне допустимо и другое объяснение. Суть его состоит в том, что система брачных отношений в древности не обязательно должна была быть дуалистической, т. е. состоять из двух и только двух жестко связанных друг с другом брачных групп. Логически гораздо убедительнее картина, когда групп, которые составляют систему брачных отношений больше, чем две. В качестве вполне вероятного варианта можно рассматривать схемы, состоящие из трех (рис. 1), четырех или большего количества общинных групп, объединенных системой брачных связей. Такая форма отношений кажется даже более вероятной, чем жестко регламентированная дуальная система. Во всяком случае, она больше соответствует тому конкретному материалу, который может в настоящее время служить источником для решения рассматриваемых проблем.

Представленный выше пример зависимости формирования языковых ареалов от особенностей социальных отношений, характерных для первобытности, претендует на реконструкцию гораздо более конкретной и менее механистической картины, чем та, которая возможна при безраздельно господствующей «праязыковой» теории в ее радикальном выражении. Речь, конечно, не идет о необходимости отказа от этой теории. Однако нельзя не сожалеть об отсутствии такой формы, которая позволяла бы сочетать реальные возможности последней с перспективами, представляемыми гипотезой «первобытной лингвистической непрерывности» или теорией «диалектного континуума». Разумеется, это большая и сложнейшая проблема, которая должна рассматриваться специально и решаться желательными совместными усилиями лингвистов, этнологов и археологов.

¹ Рассматриваемые различия оцениваются обычно на уровне «говора», хотя различия здесь примерно такие же, как между русским и белорусским языками. Для рассматриваемого вопроса, однако, это большого значения не имеет.

² Андийцы — этнографическое и этнолингвистическое понятие, которое в географическом смысле отражает три различных содержания. Под этим словом понимаются, во-первых, жители Анди — одного из древних и наиболее крупных сел Дагестана; во-вторых, все люди, говорящие на андийском языке, т. е. люди, населяющие в настоящее время девять собственно андийских сел (Анди, Гунха, Гагатль, Риквани, Ашали, Зило, Муни, Кванхидатль, Чанко), а также два крупных хутора — Цибильда (относится к с. Анди) и Руцуха (относится к с. Муни). Наконец, в-третьих, андийцы — научный термин, обозначающий совокупность людей, являющихся по традиционной общелингвистической классификации носителями языков андийской подгруппы аваро-андо-цезской группы дагестанской ветви кавказско-иберийской языковой семьи (в современном ва-

рианте – к аваро-андо-цезской группе нахско-дагестанской ветви северокавказской семьи). Насчитывается восемь андийских народностей. По последним данным (*Набиева У.Н.* Культурная география Дагестана. М.: Институт наследия, 2004), численность андийских народностей выглядит следующим образом: андийцы (самоназвание – куаннал; численность – около 30 000), ахвахцы (самоназвание – ашвадо; численность – около 6500), ботлихцы (самоназвание – буйхади; численность – около 6000), багулалы (самоназвание – багвалал; численность – около 5000), годоберинцы (самоназвание – гибдиди; численность – около 3000), каратинцы (самоназвание – кирди; численность – около 6400), тиндинцы (самоназвание – идари; численность – около 10 000) и чамалалы (самоназвание – чамалал; численность – около 7200).

³ *Агиаров М. А.* Андийцы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2002.

⁴ *Магомедов Р. М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVII – начале XIX в. Махачкала, 1959.

⁵ *Кадыраджиев К. С.* Структура и генезис соционима «шамхал» // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989. С. 52–65.

⁶ *Климов Г. А., Халилов М. Ш.* Словарь кавказских языков. М.: Восточная литература, 2003. С. 171.

⁷ Там же. С. 115.

⁸ *Бокарев Е. А.* Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961. С. 38.

⁹ *Бокарев Е. А.* Сравнительно-историческая фонетика восточнокавказских языков. М.: Наука, 1981. С. 55.

¹⁰ *Дирр А. М.* Краткий грамматический очерк андийского языка. Тифлис, 1906.

¹¹ *Сулейманов Я. Г.* Местоимение в североандийских говорах андийского языка // Местоимение в языках Дагестана. Махачкала, 1988. С. 152.

НАЗВАНИЯ ЛОШАДИ И ОСЛА В АВАРО-АНДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ¹

Резюме. Рассматривается возникновение в аvaro-андийских языках названий эквидов – лошади и осла. Выявляется взаимодействие исконного и заимствованного из праиндоевропейского лексических компонентов в истории утверждения данных названий в указанных и других дагестанских языках.

Abstract. The author considers the question of origin of the Avar-Andi names for “horse” and “donkey”. Interaction between the aboriginals and the loanwords from parent Indo-European during the process of getting used in the above-mentioned and other Daghestan languages is described.

Ключевые слова: эквиды, исконная лексика общедагестанского языкового уровня, заимствования из праиндоевропейского.

Keywords: equidae; the aboriginals common in all Daghestan languages; the loanwords from parent Indo-European.

Понятие, обозначающее лошадь, в кавказских языках является заимствованием из индоевропейского. Это признается как приверженцами существования единой кавказско-иберийской языковой семьи [1, с. 31], так и сторонниками самобытности северокавказской группы языков [2, с. 31]². Его производят от праиндоевропейского (ПИЕ) *ek̑us*, приобретшего в дагестанских языках формы: в аварском – *чу*, лакском – *чу*, лезгинском – *шив*, даргинском – *урчи*, андийском – *ича* (кобыла) и т.п. То, что в указанных языках это слово обнаруживает очевидное сходство, было отмечено давно, и соответственно возникновение этого слова традиционно относили ко времени существования предполагаемого общедагестанского языкового единства [3, с. 224].

На рассматриваемом фоне интересным выглядит факт существования в андийских языках понятия лошадь в формах, отличных от других дагестанских языков – *klomy* (анд.), *klamy* (ахв., ботл.), *klam* (тинд.), *clam*, *klam* (багв.) *clam*, *clamy* (чам.) [4]. Это, конечно, не оставалось вне поля зрения исследователей. Данный факт казался настолько значимым, что приводился даже в качестве аргумента в пользу наличия переднеазиатских истоков в этногенезе андийцев (подробнее см.: [5, с. 18]). Представляется, однако, что детальное рассмотрение вопроса способно раскрыть более многоплановую и гораздо более содержательную историко-лингвистическую картину.

Лошадь является одной из самых важных реалий, сыгравших выдающуюся роль в истории всех народов, имевших отношение к процессу одомашнивания животных. Знакомство с лошадью и ее широкое использование в качестве источника пищи, транспортного средства, а также включение лошади как персонажа в разнообразные мифологические сюжеты, оставили глубокий отпечаток в материальной и духовной культуре различных народов. Сам образ этого животного неразрывно связан с представлением о движении, перемещении. На протяжении нескольких эпох первобытности лошадь была одним из основных объектов охотничьего промысла и, по крайней мере, четыре последних тысячелетия служила средством передвижения, благодаря которому покрывались расстояния, разделяющие большие территории, устанавливались близкие и дальние контакты между народами. В этом смысле и само понятие лошадь относится

¹ Амирханов Х. А. Названия лошади и осла в аvaro-андийских языках // Вестник ДНЦ РАН, № 40. Махачкала, 2012. С. 64–70.

² Первоначально С. А. Старостин писал о северокавказско-праиндоевропейском направлении заимствования этого и других слов [6]. Впоследствии об этом уже не говорилось. Возможно, не в последнюю очередь потому, что это допущение пришло в противоречие со значительно изменившимися к концу 80-х годов XX века представлениями о содержании и динамике развития культур Кавказа и Ближнего Востока от мезолита к эпохе бронзы. К указанному времени радикально изменились представления о времени зарождения производящего хозяйства на Северном Кавказе и культурной подоснове местного неолита и энеолита. При личном общении с С. А. Старостиным у меня не складывалось впечатления, что в этом вопросе он придерживался своей старой точки зрения. Существует, однако, мнение, что С. А. Старостин всегда считал «...северокавказское происхождение этимона наиболее вероятным» [7, с. 82].

к тому кругу культурной лексики, который применительно к древности способен демонстрировать наибольший территориальный охват своего распространения.

В диком виде лошадь на разных этапах геологического прошлого являлась типичной для фауны юго-востока Европы, в том числе и Предкавказья. Если говорить о времени начала геологической современности, то в предгорьях Северо-Западного Кавказа вся стратегия жизнеобеспечения населения основывалась на охоте на дикую лошадь. Так, например, в материалах долговременной стоянки Сатанай, расположенной в ущелье реки Губс (приток р. Лаба; бассейн р. Кубань), в богатой коллекции фаунистических остатков, представленной в виде пищевых отходов, кости дикой лошади занимают 97% [8, с. 183].

К концу 80-х годов прошлого века у археологов, этнологов и палеозоологов преобладающим было мнение о возможности domestikации лошади примерно в IV–III тыс. до н.э. На основании имеющихся к тому времени данных отмечалось, что одомашнивание лошади произошло впервые в IV тыс. до н.э. на пространствах Северного Причерноморья [9], а в IV–III тыс. до н.э. домашняя лошадь была известна в Зауралье [10], Северном Прикаспии [11], на Балканах и Подунавье [12]. Считалось, что в III тыс. до н.э. домашняя лошадь использовалась на Кавказе и в Передней Азии [11, 13].

В последние годы происходит переосмысление основных аспектов проблемы одомашнивания и использования лошади в первобытности. Анализируя старые материалы, большинство археологов не исключают возможности одомашнивания лошади в III тыс. до н.э., но склоняются к мнению, что активное использование лошади в качестве транспортного средства произошло во II тыс. до н.э. (см. [14]).

У северных границ Китая домашняя лошадь становится известной не ранее I тыс. до н.э. [15]. Таковы хронологические рубежи domestikации лошади и ареал данного животного в одомашненном виде в пределах Евразии. Одновременно это и территория активных межрегиональных культурных взаимодействий на протяжении энеолита и бронзового века.

Переходя к собственно языковому материалу, следует отметить, что в андийских языках лошадь по количеству существующих для нее обозначений стоит рядом животными, которые являются наиболее значимыми для представителей этого народа. Приведем ниже перечень этих обозначений у носителей андийского говора собственно андийского языка: а) общие названия: *klomtu*, *хъвани*, *алача*; опозитизированные возвышенные названия: *айгъир*, *гоур-klomtu*, *тулпар*; названия мифологической лошади – *буракъи*. Названия по половозрастным отличиям: жеребец – *чор*; кобыла – *ича*; жеребенок – *тай*. В приведенном наборе мы видим прямые и, возможно, опосредованные заимствования, в основном из тюркских языков (*алача*, *айгъир*, *тулпар*, *тай*). Имеется по одному определенному заимствованию – из арабского (скорее всего, опосредованное) *буракъи* и чеченского *гоур* в словосочетании *гоур-klomtu*. Обозначения лошади, имеющие тюркское оформление, у андийцев известны и в виде имен собственных (*Барти*, *Дулдулае*). При этом сейчас они не воспринимаются как производные от названия животного.

Очевидным заимствованием среди приведенных названий не выглядит слово *klomtu*. Действительно, имеется достаточно материала для того, чтобы развить версию исконности данного слова. Чрезвычайно интересен тот факт, что в андийском языке имеется также слово *токлу-щи*, представляющее собой метатезу от *klomtu* с добавлением некорневой частицы – *щи* и обозначающее «осленок». То же самое животное обозначается еще и словом в форме *доги-на*. В этом варианте обе глухие согласные заменяются на соответствующие им звонкие и так же, как и в первом случае, добавляется частица, не несущая корневой нагрузки.

Основываясь на приведенном выше наблюдении, можно констатировать, что в андийском языке одно из названий лошади и осла представлено изначально единым словом, которое со временем раздвоилось благодаря образованию метатезы. Возникает вопрос о том, какая из основ первична в этих двух словах – *klomtu* или *токлу (доги)*. Сравнительное рассмотрение показывает, что первично *токлу (доги)*. Доказательством служит встречаемость этого слова в других, относительно далеких от андийского, дагестанских языках в значении «осел». Например, в лакском – *ттукку*, арчинском – *доги*, агульском – *даги*.

Это слово в очень близком к современному звучанию (варианты: *dHoqwa; tūgV) и именно в значении «осел» реконструируется уже для правосточнокавказского (ПВК) уровня родства языков [16]. Таким образом, вторичным, претерпевшим метатезу в андийском языке оказывается слово *klomu*, обозначающее в наше время лошадь.

При сравнительном рассмотрении выясняется, что описанная метаморфоза со словом, обозначающим осла, не является исключительной только для андийского языка. Аварское слово *klepm* (*kle-p-m*) «осленок» является тем же самым *klomu* при восприятии *p* как окаменелого классного показателя в срединной позиции. Здесь также фиксируется метатеза слова, близкого к *догу*, *туку* (*mtukku*), в *klomu*. Только в отличие от андийского здесь новообразование закрепляется как название осленка, а не лошади. Общее же название лошади в аварском остается целиком за *чу*, являющегося заимствованием из ПИЕ. Последнее охватывает то же смысловое поле, что и *klomu* в андийском.

Перенесение в измененном виде названия осла на лошадь или определение лошади описательно, с использованием слова, обозначающего осла, не является редкостью. Так, например, в шумерском языке название лошади имело этимологию «осел из другой страны». Или для пратюркского трудно определить значение слова *taki* – это дикая лошадь или самка дикого осла [17, с. 89]. Приведенные примеры характерны для территорий, где лошадь вошла в практику хозяйственной деятельности человека позже, чем осел.

Сказанного выше, казалось бы, достаточно для соответствующих обоснований. Однако нельзя не замечать существования и другого подхода к рассмотрению вопроса о времени и направлениях рассматриваемых заимствований. Дело в том, что очень близкие к андийским названия лошади можно найти в языках, отдаленных как друг от друга, так и от дагестанских языков и не связанных (по крайней мере, внешне) друг с другом; например: в пумпокольском (группа енисейских языков) – *kuti* западноханьском диалекте китайского – *kwjāt-dhe*. Объединяет эти и множество других подобных совпадений то, что они являются заимствованиями из единого пратюркского источника [17, с. 88]. Во многих современных тюркских языках понятия «стадо», «гурт», «табун» передаются словами *ketü* (чув.), *kūdū* (алт.), *kōtū* (татар.) [17, с. 88]. При наличии у части исследователей тенденции удревнять пратюркский язык и продвигать его ареал значительно дальше на запад от Алтая, указанные совпадения, вероятно, могут быть приняты в расчет. Хотя на сегодняшний день трудно представить себе возможность прямого или косвенного взаимодействия пратюркского языка с синхронными ему восточнокавказскими. К тому же сложно будет объяснить осуществление такого заимствования одними только андийскими из дагестанских языков.

Таким образом, почти во всех дагестанских языках одно из названий лошади в формах *чу* (ав., лак.), *ича* (анд.) (кобыла), *урчи* (дарг.) и др. является заимствованием из ПИЕ *eḱuo* (*aḱva* – древнеиндийское). Как правило, оно используется как общее наименование вида. В андийских же языках, где эту роль выполняет слово *klomu*, содержание заимствованного понятия сужено и ограничено значением «кобыла» (*ича*). Важно, однако, то, что само это слово тут представлено. Это дополняет картину широкого в рамках региона характера рассматриваемого заимствования.

Заслуживает внимания тот факт, что среди андийских языков имеется один – годоберинский, в котором отсутствует обозначение лошади в виде *klomu*, при том что относящееся к заимствованию слово *ича* в значении «кобыла» в нем содержится. Если это наблюдение не объясняется огрехом в соответствующем словаре, то из него может следовать заключение о дезинтегрированном состоянии групп андийских языков во время возникновения в их языках слова «лошадь». Вряд ли могло быть так, чтобы саму лошадь каждая из указанных групп знала, а название ее из языка какой-то из них исчезло. С другой стороны, слово *klomu* в нескольких группах, конечно, не могло сформироваться одновременно и независимо в виде унифицированной метатезы, о которой говорилось выше. Если бы данное слово в рассматриваемых языках в настоящее время было и морфологически, и фонетически едино, то отсюда мог бы следовать вывод о полном единстве языкового сообщества в момент возникновения рассматриваемого слова. Обоснованным, однако,

представляется заключение о том, что, во-первых, древние андийцы не представляли собой во время возникновения слова *klomy* полностью гомогенной и единой этнолингвистической группы. Они членились на родственные группы с различиями на уровне языков [18], и, во-вторых, распространение данного слова в указанных андоязычных группах было связано с внутренними межгрупповыми заимствованиями.

Как отмечено выше, слово «жеребец» звучит по-андийски *чор*. В словарях других дагестанских языков найти сопоставимое слово не удалось. Любопытным представляется сходство с грузинским *ჭორი* в значении мул. Отметим, что в подавляющем большинстве кавказских, в том числе и дагестанских (за исключением аваро-андо-цезских, лакского и арчинского) языков, мул обозначается иранским по происхождению заимствованием *katir* (в сакском языке *khaḍara* – «мул» > *ха-тара* – «ослоподобный») [19, с. 88].

По всей видимости, схожесть андийского *чор* и грузинского *ჭორი* носит случайный характер. С точки зрения лингвоморфологического анализа, гораздо убедительнее возвести *чор* к видоизмененному варианту заимствованной общедагестанской формы *чу*. В качестве андийского аналога этого заимствования мы уже указывали на слово *ича* в значении «кобыла». Противоречия, однако, здесь нет. *Чор* можно рассматривать как результат процесса дробления исходного понятия по принципу как половозрастных, так и других биологических, соматических, экстерьерных, функциональных особенностей животного. При таком взгляде *чор* можно представить в виде сужения понятия «лошадь» до понятия «жеребец». Осуществляется это добавлением классного показателя *p* к сохраненной корневой основе исходного слова. Правомерность такой трактовки подтверждается наличием в чеченском и ингушском языках такой формы, как *гоур* (*goy-p*) – «лошадь».

Развитие семантического куста понятий, связанного с лошадью, должно было занять немало времени, и шло оно, конечно, не в схематической форме – в виде одновременных и единообразных по содержанию актов словообразования или заимствований в различных рассматриваемых языках. Синхронные срезы разновременных языковых единств и направлений преимущественных межъязыковых контактов совсем не обязательно должны сходиться даже в столь ограниченных пространственно ареалах, как занимаемый аваро-андийскими или даже только андийскими языками. Вполне реальной представляется картина, когда в какой-то отрезок истории, условно говоря, современные андийский и чамалинский языки могли составлять вместе некое единство, которое взаимодействовало с другим аналогичным единством, являющимся, к примеру, предком современных каратинского и ботлихского языков. Затем подобные единства могли распадаться на совсем иные языковые единицы или, наоборот, объединяться в некие еще более крупные родственные образования с другим составом входящих в них единиц. Эти вопросы одними только языковедческими методами решены быть не могут. А древние исторические источники для этого практически отсутствуют. Поэтому мы часто попадаем в тупик при рассмотрении конкретного языкового материала.

Вот пример в связи с вышесказанным и рассматриваемой в данной работе проблемой. Слово, обозначающее гриву, в андийском звучит *йал*, а в чамалинском – *жали*. Что это – пример того, что названные близкородственные языки заимствовали данное слово из разных тюркских источников? Может быть, это зеркальное отражение в инородной для тюрков среде их собственной картины деления на «йокающие» и «джокающие» языки и диалекты? Или же это выражение специфики, свойственной самим заимствующим языкам? А если нет, то не будет ли это означать, что заимствование двумя данными языками осуществлялось независимо друг от друга? И когда это заимствование осуществлялось? Насколько позже времени возникновения единого (при всем этом) для обоих языков слова «лошадь»³ (*klomy*), которое не является тюркским по происхождению? Неужели в диапазоне между двумя этими событиями в рассматриваемых языках не было понятия «грива»? Конечно, его не могло не быть. Слово должно было быть общим аваро-андийским «*гъал*» (коса, грива; *гъалбацI* – лев (букв. «гривастый волк»). Но оно вряд ли могло трансформироваться в указанные выше чамалин-

³ Само русское слово «лошадь», как известно, имеет тюркское происхождение.

ское и андийское названия. Это опровергало бы представление о возможностях фонетических переходов, в данном случае *гъ* в одном близкородственном языке в *й*, а в другом – в *ж*.

К подобным вышеперечисленным могут быть отнесены и вопросы о том, являются ли одновременными и независимыми, например, в лакском и андийском языках заимствованные из иранского названия пряжки конского снаряжения *чалпаз* (лак.) [20], *чар-ласси* (анд.), или конской плетки *чляпмлу* (лак.), *члартул* (анд.), или название процесса чистки лошади *тимар* (лак., анд.). От не всегда достижимой ясности ответов на многие подобные вопросы зависит обоснованность этнолингвогеографических реконструкций.

Определенным для современного состояния изученности рассматриваемого вопроса можно считать тот факт, что в разнородном составе заимствованных в дагестанские языки индоевропейских слов *medhu* – «медовый напиток», *kuer* – «сосуд», *baitā* – вид одежды, **ʔōncw* – «дверь», *klāu* – «ключ, крючок для запора», **gwirwdwV* – рубаха и мн. др. [21, 22], «лошадь» занимает бесспорное место. Естественно поэтому, что в указанном ряду обнаруживаются и слова, которые прямо связаны с этим понятием. К ним можно отнести, например, слово «колесо» (*huerk*) как главный элемент повозки.

Нельзя исключить, что к сопутствующим заимствованиям отмеченного выше типа относится также обозначение мула. В отношении последнего высказано предположение о вероятности заимствования слова шумерским из восточнокавказского языка «лезгинского типа» [23, с. 164]. Вряд ли может вызвать сомнение родство слова *<*ʔenču* (осел), на которое указывается в этой связи, с названиями мула в ряде дагестанских языков: *glorçlen* (ав.); *кълурцлм* (анд.); *вилцлун* (лак.); *ъоцлuno* (ахв.) и др.

Таким образом, правомерно допустить, что у индоевропейского слова с основой *asinus* (осел) не меньше оснований быть производным для андо-аварских и шире – дагестанских названий мула, чем у слова *еқио* для обозначения лошади в тех же языках. Если были возможны столь очевидные метаморфозы в названиях лошади и осла, то представляются допустимыми взаимные переходы при заимствованиях и в обозначениях осла и мула.

Заимствование указанной выше лексической группы языковеды датируют IV тыс. до н.э. То есть временем, когда, по их представлениям, ПСК язык уже распался на ПВК и празападнокавказский (ПЗК)⁴. Привлечь для подтверждения или опровержения этой датировки прямые археологические данные невозможно. В археологической панораме Дагестана указанный период предстает как время существенных культурно-хозяйственных изменений, время появления на Северо-Восточном Кавказе феномена куро-аракской культурной общности и проявления признаков дальних культурных связей, достигающих, прямо или косвенно, Ближнего Востока. В процессе этих динамичных перемен большие массивы носителей различных культурных массивов, конечно, не могли не приходить во взаимное соприкосновение. Такие контакты предполагают возникновение различного рода отношений, включающих варианты партнерства, господства-подчинения, эпизодических меновых отношений, брачных связей и т.п. Естественно, что это не может не сопровождаться и языковыми заимствованиями. Таким образом, можно утверждать, что косвенные археологические данные не противоречат возможности датирования лексических заимствований, о которых идет речь, второй половиной IV тыс. до н.э. Если принимать этот ход мыслей, то следует признать южную, закавказско-ближневосточную локализацию источника заимствования.

Следует, однако, учитывать, что в древности существовали и другие, не менее выразительные примеры внедрения извне на территорию горного Дагестана инोकультурного массива. Следующий подобный эпизод, после указанного выше, относится ко времени первой половины II тыс. до н.э. Для этого времени фиксируется продвижение вдоль реки Сулак до слияния рек Андийское и Аварское Койсу и, возможно, дальше вдоль уже этих рек носителей материальной культуры, характерной для степных пространств Предкавказья.

⁴ Остается неясным, каким образом можно выводить прасеверокавказскую форму данного слова, если оно заимствованное, а заимствование в правосточнокавказский произошло, согласно указанному мнению, после того, как прасеверокавказский уже распался на правосточнокавказский и празападнокавказский языки.

Территория севернее Дагестана в данный отрезок времени считается *apriori* занятой культурами индоевропейского круга. Отмеченное может рассматриваться как один из вариантов решения вопроса о времени и направлении рассматриваемых языковых заимствований.

Учитывая существование других, гораздо более широких языковых аспектов сравнительно-исторического характера, связанных с данной проблемой, автор склоняется к первому из указанных вариантов. Заимствования относятся, скорее всего, ко времени ранее II тыс. до н. э. Следовательно, в это же время существует и собственно андийское название лошади – *klomy*. В отличие от того, как это произошло в аварском, в андийских языках оно не было вытеснено новым заимствованием.

В заключение коснемся вопроса о названии осла в рассматриваемых языках. Выше уже отмечалось, что название это сохранилось во многих дагестанских языках в виде *ттукку* (лак.), *доги* (арч.), *даги* (аг.), *даджи* (таб.), *доги-на* (осленок) (анд.). Праоснова данного слова, реконструируемая как **dHoqwa*; *tūgV*, несомненно, относится к общедагестанскому уровню языкового родства. В настоящее время основное понятие «осел» звучит в аварском как *хлама*, а в андийских – *гьамо-р-о-хи* (верхнеанд. диал. анд. яз.), *глама* (кар., багв.), *амо-хи* (нижнеанд. диал. анд. яз.), *ама-х* (чам.). Эта лексема является еще одним вариантом рассматриваемого понятия и также относится к ПВК языковому единству⁵ [24]. Именно в этом варианте дошло до нас слово в авароандийских языках, тогда как в других дагестанских языках (лакский, агульский, табасаранский и др.) оно сохранилось в альтернативной форме.

Из всего сказанного выше можно сделать следующие заключения. Слово **dHoqwa* (*tūgV*) в ПВК, по всей видимости, значило обобщенное название эквидов (осел, лошадь). При распаде ПВК языковой общности в одних языках (например, лакском) это слово с незначительными фонетическими изменениями сохраняется или с неизменным смыслом, или с сужением его значения до понятия «осел». В других языках (например, аваро-андийская общность) при сохранении того же самого семантического поля исходное слово *tūgV* претерпело метатезу и приобрело форму, близкую к современному звучанию слова *klomy*. Возможно, оно обозначало только «лошадь», но не исключено, что сохранило свой прежний общий смысл «эквиды».

В дальнейшем при распаде ПАА общности значение слова *klomy* в аварском языке в трансформированном виде *клерт* сузилось до значения «осленок». В этом же значении как в аварском, так и в андийском языках существовало и слово *доги* – не подвергшаяся метатезе, но испытывавшая закономерные фонетические изменения форма первоначального ПВК слова **dHoqwa* (*tūgV*). В андийском языке в этот же период слово *klomy* закрепилось за названием лошади, тогда как в аварском языке в этом значении оно оказалось полностью вытесненным праиндоевропейским, или более общо, индоевропейским заимствованием. При этом новое индоевропейское слово андийским языком также было освоено, но с сужением смысла («кобыла»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Климов А. Г. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков / отв. ред. Г. В. Гамкрелидзе. М., 2009. 249 с.
2. Николаев С. Л., Старостин С. А. Севернокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии // Лингвистические реконструкции и древнейшая история Востока: тез. и докл. конф. Ч. 3. Языковая ситуация в Передней Азии в X–IV тыс. до н. э. М., 1984. С. 26–34.
3. Мейланова У. А. К истории терминов животного мира в лезгинском языке // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1975. С. 222–228.
4. Саидова П. А. Названия животного мира в языках аваро-андийской подгруппы (домашние и дикие животные, насекомые, пресмыкающиеся) // Отраслевая лексика дагестанских языков: названия животных и птиц. Махачкала, 1988. С. 126–139.

⁵ Иногда говорится, что в этом варианте слово «осел» является заимствованием из арабского. Представляется, однако, что тут имеет место случайное совпадение, объясняемое тем, что в обоих случаях центральной (и с фонетической, и со структурной точки зрения) в слове является фонема *xl*, выступающая в качестве звукоподражательного элемента имитации крика данного животного.

5. *Агларов М. А.* Андийцы. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2002. 304 с.
6. *Старостин С. А.* Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Древний Восток. Этнокультурные связи. М.: Гл. ред. вост. литер., 1988. С. 112–163.
7. *Кулланда С. В.* «Лошадь» в праиндоевропейском // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010. 372 с.
8. *Амирханов Х. А.* Адаптация и некоторые аспекты культурогенеза (на примере раннеголоценовых памятников Кавказа) // Археологические вести. 1995. № 4. С. 181–187.
9. *Бибикова В. И.* К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы // Бюл. МОИП. Отд. биологии. Т. 72. Вып. 3. М., 1967.
10. *Зайберт В. Ф.* Поселение Ботай и задачи исследования энеолита Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985. С. 3–17.
11. *Кузьмина И. Е.* Млекопитающие Северного Прикаспия в голоцене // Археологические культуры Северного Прикаспия: межвузовск. сб. науч. тр. Куйбышев, 1988. С. 173–188.
12. *Кузьмина Е. Е.* Распространение коневодства и культ коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
13. *Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н., Магомедов Р. Г.* Восточный Кавказ и проблема кавказско-месопотамских связей в IV–III тыс. до н. э. // Исследования первобытной археологии Евразии. Махачкала, 2010. С. 316–334.
14. Кони, колесницы и колесничие степей Евразии.
15. *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства. М.: Наука, 1980.
16. *Николаев С. Л., Старостин С. А.* Указ. соч. С. 400.
17. *Дыбо А. В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М., 2007. 224 с.
18. *Амирханов Х. А.* Проблема дивергенции аварского и андийского языков в свете археолингвистического рассмотрения // Вестн. Ин-та ист., археол. и этнограф. 2009. № 3 (19). С. 3–12.
19. *Дыбо А. В.* Указ. соч. С. 88.
20. *Абдуллаев И. Х., Маммаева Н. Ц.* Названия вьючных животных и связанных с ними понятий в лакском языке // Отраслевая лексика дагестанских языков: названия животных и птиц. Махачкала, 1988. С. 126–139.
21. *Старостин С. А.* Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. М.: Гл. ред. вост. литер., 1985. С. 74–94.
22. *Старостин С. А.* Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы. С. 112–163.
23. *Дьяконов И. М., Старостин С. А.* Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток. Этнокультурные связи. М.: Гл. ред. вост. литер., 1988. С. 164–207.
24. *Николаев С. Л., Старостин С. А.* Указ. соч. С. 518.

СЛОВАРИ

- Климов А. Г., Халилов М. Ш.* Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики. М., 2003. 512 с.
- Магомедова П. Т.* Чамалинско-русский словарь. Махачкала, 1999. 437 с.
- Магомедова П. Т., Халидова Р. Ш.* Каратинско-русский словарь. Махачкала, 2001. Магомедова П. Т., Абдуллаева И. А. Ахвахско-русский словарь. Махачкала, 2007. 728 с.
- Саидова П. А.* Годоберинско-русский словарь. Махачкала, 2006. 458 с.
- Халилов М. Ш.* Бежтинско-русский словарь. Махачкала, 1995.
- Халилов М. Ш.* Цезско-русский словарь. Махачкала, 1999.

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

ав. – аварский	диал. – диалект	ПЗК – празападнокавказский
алт. – алтайский	кар. – каратинский	ПИЕ – праиндоевропейский
анд. – андийский	лак. – лакский	таб. – табасаранский
арч. – арчинский	нижнеанд. – нижнеандийский	татар. – татарский
ах в. – ахвахский	ПА – праандийский	тинд. – тиндинский
багв. – багвалинский	ПАА – праавароандийский	чам. – чамалинский
верхнеанд. – верхнеандийский	ПВК – правосточнокавказский	чув. – чувашский
дарг. – даргинский		

**ПРОБЛЕМА ДИВЕРГЕНЦИИ АВАРСКОГО И АНДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ
В СВЕТЕ АРХЕОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО РАССМОТРЕНИЯ¹**

Проблема, которой мы касаемся, в том или ином виде рассматривалась во многих общих и специальных работах ряда авторитетных исследователей дагестанских языков (Бокарев Е. А., 1961; Гугинейшвили Б. К., 1977; Николаев С. Л., Старостин С. А., 1984. С. 3–26; Nikolaev S. L., Starostin S. A., 1994; Амаев Б. М., 1997. С. 57–60). Существующие по данному вопросу представления в обобщенном изложении (Амаев Б. М., 2005) выглядят следующим образом. В конце III тысячелетия до н. э. происходит распад протодагестанского языкового единства на протолезгинскую, протолакскую и протодаргинскую составляющие. Разделение протоаваро-андо-цезской общности на две ветви – протоаваро-андийскую и протоцезскую относят к началу I тысячелетия до н. э. Дивергенция протоаваро-андийского языка определяется началом новой эры. И, наконец, распад протоандийского языкового единства на восемь современных андийских языков устанавливается в рамках раннего средневековья.

Указанные заключения относительно времени распада одних и формирования других языковых единиц сопровождаются обычно ссылками на то, что они «подтверждаются данными археологии». Так, например, создание концепции северокавказской языковой семьи основано на том, что «земледельческо-скотоводческий комплекс проник на Северный Кавказ вряд ли ранее III тысячелетия до н. э.» (Старостин С. А., 1985. С. 74–94). Опирается это утверждение на археологическое исследование, опубликованное в 1953 г. (Мунчаев Р. М., 1953), хотя выводы этой работы были существенно скорректированы ее же автором во множестве последующих публикаций, в том числе и в трудах, вышедших и тридцать (Мунчаев Р. М., 1982. С. 100–164), и сорок (Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 2003) лет спустя.

К сожалению, не только указанные, но и многие другие построения кавказского сравнительно-исторического языкознания до настоящего времени основываются на безнадежно устаревших данных о культурно-историческом развитии различных регионов Кавказа в первобытности. В них почти не учитываются археологические материалы, которые стали известны после начала шестидесятых годов прошлого века. К сожалению, и новые языковедческие работы создаются в рамках той же системы взглядов, которая покоится на источниковой базе, являющейся анахроничной для современного состояния археологических знаний. Сами археологи к построениям сравнительно-исторического языкознания (в том числе кавказского) обращаются крайне редко и, как бы, вскользь. И обращение это (Мерперт Н. Я., 1988. С. 7–36; Черных Е. Н., 1988. С. 37–57; Магомедов Р. Г., 1998) обнаруживает недостаточную готовность большинства лингвистов к учету и активному восприятию постоянного растущего состава археологических источников.

Исследователи часто обосновывают свои разработки, исходя из убеждения, что вопросы исторического развития языка и особенно проблемы датирования можно решать, опираясь на одни только возможности глоттохронологии. Но как быть в случаях, когда результаты глоттохронологического датирования резко расходятся с данными о возрасте тех или иных археологических реалий? Очевидно, что в сравнительно-исторических разработках предпочтение должно отдаваться датам археологическим. Для этого имеется, по крайней мере, две причины. Во-первых, датировка археологических объектов проверяема – она верифицируется совокупностью данных нескольких научных дисциплин. Во-вторых, основы самой глоттохронологической датировки изначально во многом базируются на тех же археологических данных. И если со временем меняется характер археологических источников или появляется необходимость в существенной

¹ Амирханов Х. А. Проблема дивергенции аварского и андийских языков в свете археолингвистического рассмотрения // Вестник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала, 2009. № 3 (19).

корректировке (например, калибровке), значений традиционных радиоуглеродных дат, то естественно, что и прежние глоттохронологические построения не могут оставаться неизбыточными (если даже изначально они казались безупречными).

Весьма настораживающим является то, что современная глоттохронологическая датировка реконструируемых «пра-состояний», например, северокавказских языков, у авторов этих реконструкций не входит в противоречие с их давней исходной установкой, согласно которой возникновение производящего хозяйства на Северном Кавказе относится к 3 тысячелетию до н.э. Это вызывает серьезные сомнения в основательности, по крайней мере, части данных глоттохронологических датировок, поскольку указанная общая установка не только не подтверждается археологическими источниками, но явно противоречит им.

Осуществление археолингвистического анализа, отвечающего современному уровню знаний о развитии материальной культуры Кавказа на протяжении последних восьми-десяти тысяч лет, является настоятельной необходимостью. Оно способно пролить новый свет на ряд вопросов, имеющих фундаментальное значение для кавказского языкознания. Это касается, в частности, проблемы времени и места формирования самой северокавказской семьи языков.

Предлагаемая работа, конечно, не претендует на решение поставленных выше общих вопросов. Ее задача ограничена рассмотрением вопроса о времени расхождения аварского и андийского (андийских) языков. Представляется, однако, что используемый в ней подход может иметь определенный интерес при рассмотрении аналогичных вопросов применительно к другим группам восточно-кавказских языков.

Археологическая часть, на которой основываются выводы данной работы, состоит из общепризнанных и отраженных уже в учебниках представлений о том, что земледелие и скотоводство на Северо-Восточном Кавказе возникает в 6 тысячелетии до н.э. Для рубежа 5–4 тысячелетий до н.э. здесь фиксируется прочная оседлость и функционирование относительно развитого земледельческо-скотоводческого уклада жизни. В 3 тысячелетии до н.э. продолжается поступательное развитие указанного типа хозяйства. Есть основания говорить о том, что в это время практиковалось пашенное земледелие и стойловое содержание животных. Соответственно и лексика, связанная с орудиями, приспособлениями, продуктами, материалами и занятиями земледельческой и скотоводческой направленности, в своей основной части сформировалась не позднее 3 тысячелетия до н.э. Возможность уверенно датировать этот лексический пласт средствами археологии (с опорой на радиоуглеродный анализ) открывает возможность не гипотетических, а обоснованных сравнительно-исторических реконструкций.

Приведем ниже таблицы (табл. 1–2), в которых отражена определенная часть лексики рассматриваемого рода.

Обобщение данных, заключенных в таблицах, показывает, что природа сходства аварских и андийских слов животноводческого и земледельческого содержания там, где оно имеет место, не одинакова. В животноводческой лексике сходства меньше, чем в земледельческом словаре. Но там, где оно наблюдается, сходство это более органично с точки зрения генетического родства лексики, чем во второй словарной группе. Большое количество общих для аварского и андийских языков слов животноводческого содержания обнаруживает близкие параллели в других дагестанских языках. Эта лексическая группа оказывается восходящей к уровню прадагестанского языкового состояния.

Некоторые из рассматриваемых слов (например, общие понятия и отдельные названия животных по возрастам), строго говоря, спорно относить к лексике животноводческой. Они должны были возникнуть еще в эпоху присваивающего хозяйства, т.е. до одомашнивания животных. Поэтому неудивительно, что обнаруживаемое в этих словах родство шире круга только аваро-андо-цезских языков. Оно восходит к коренной генетической северо-восточнокавказской общности и имеет корни в очень глубокой древности – вплоть до эпохи мезолита (примерно до 10–9 тысяч л. н.).

Таблица 1. Понятия специализированной лексики аварского, андийского и чамалинского языков, связанной со скотоводческим укладом хозяйства.

Понятия	Языки		
	аварский	андийский	чамалаинский
Овечья шкура (обработанная)	тlехь	ххуча	хоша
Шерсть весенней стрижки	квас	михи	мух
Шерсть осенней стрижки	цlцlира	хурши	гъара ^а
Масло	нах	лъlурлъlа	лъиль
Молоко	рахь	щи ^в	ссинв
Кизяк от кр.рог. скота	тlинцlи	бара	чилвбе
Кизяк от мелк.рог.скота	тlинцlи	цlцlипила	бусси
Корзина, плетенная для сена, мякины	гъегъ, чlеп	гиза	инча
Пасти	кваназаризе	ещоллу	бегъвабал, иквāна
Содержать (скот)	хъихъизе	бицlцlоллу	
Кастрировать	ссверизабизе	ссордоллу	гъабигъла
Трепать (шерсть)	самизе (квас)	лъlирду (михи)	
Сенокосное угодье	раци	ххання	
Трава	хер	кlвордо	бес
Сено	хер	гъунчlа	гъу ^а чlа
Солома	хъутl, сум	ситlа	ситlа, хоха
Косить	бецlизе	хханну	хāна
Коса	харицел	ничо	лlихъгъла
Грабли	къохорхо	лъаблъал	хохалъадаб, ха ^а хади
Вилы	лъен	кlонкъа	кlо ^а къа
Гребень для шерсти	гъоркъо	гъокъу	гъакъу
Хлев	бокъ	бекъи	
Загон	ручун, лол	чали	квел, чал
Ясли, (стационарная кормушка в хлеву)	руссун	орссин	асалъв
Стричь	къунцlизе	кълрду	къила
Доить	бечlчlизе	берчlчlиду	цанна
Сыворотка	риди	къерцlцlи	гъецlи
Простокваша	бетарахь	джебу	с'ара
Сметана	тlорахь	лел	кl ^в аб

Если говорить не о сходстве, а о различиях в скотоводческой части рассматриваемой лексики, то наиболее выразительно они проявляются в словах, обозначающих продукты животноводства (масло, сметана, сыворотка, шерсть и т.д.), и понятиях, связанных с уходом за животными и их эксплуатацией (пасти, стричь, выращивать и т.д.). Этот языковой пласт, конечно, не может быть древнее времени формирования развитого скотоводства. Вероятность того, что он образовался сколько-нибудь позже указанного времени, тоже трудно допустить.

Обращаясь к анализу другой – земледельческой – части лексики, мы приходим к заключению о ее более выраженном единстве в аварском и андийских языках. С точки зрения общих представлений о глоттогенезе дагестанских языков это выглядит нелогичным. Ведь, казалось бы, чем дальше по времени от прааваро-андийского языкового единства, тем языки должны быть более разошедшимися друг от друга. Однако в реальности картина иная, и здесь нет противоречия не только с исторической, но и с лингвистической точек зрения.

Таблица 2. Понятия специализированной лексики аварского, андийского и чамалинского языков, связанной с земледельческим укладом хозяйства.

Понятия	Языки		
	аварский	андийский	чамалаинский
Борозда	рахъ	рохъи	йехъи (рехъин – <i>заквар. диал.</i>)
Борона	гъари	гъари	ханхади
Гумно	гъоцъу	гъинцъиу	гъинсцъив
Молотильные доски	лулби (лит.); бологъби (<i>чадаколобск. диал.</i>)	белимол	белми
Мотыга	хъинцъи, хъерсекъо	цел	мала
Мякина	накку	никку	ани, никв
Серп	хъандеро; ниль	хъандиру	ххарисал
Ярмо	рукъ	рукъо	вукъ
Сошник	къеб	къебу	къоб
Соха	пуруц	ребццу	реси (<i>заквар. диал.</i>)
Вареное зерно	гъуд	гъуди	
Жареное зерно	чъер	къиму	къим
Отруби	тлахъди	кудилоп	лъулъул
Сноп	гул	к ^о л	к ^е ели
Колос	тлор	рола	ара (<i>заквар. диал.</i>)
Хлеб	чед	гъан	гъа ^и
Тесто	глат ^и , роль	гъат ^и	гъат ^и
Мука	глат ^и	ленщур	гъат ^и
Толокно	тлех	гун	гуни
Хинкал	хинк ^и	къиннил	хинч ^и
Сеять	бекъизе	бекъиду	гъа ^и гъвна (<i>заквар. диал.</i>)
Сорняк	члах ^и	члаха	члах ^и
Веять	лал бахъизе	лоли шамму	рали чибила (<i>заквар. диал.</i>)
Молотить	лал тламизе	лоли тламму	йал игъила
Просеивать	цлалклизе	куду	сусуклула
Молоть	ххине	их ^о охъиду	кохъила
Жать	лъилъизе	рокуду	акула
Пахать	бекъизе	бекъиду	бекъла

«Неолитическая революция» повсеместно (там, где коснулись ее последствия) привела к возникновению мощного пласта культурных новаций. Наибольшее значение имело становление земледелия и появление связанных с ним орудий, средств и технологий. Последние, чаще всего, изобретались в одном месте и затем распространялись волнообразно вширь (в том числе и «эстафетным» способом). Северо-Восточный Кавказ, конечно, не был в стороне от этих процессов. Об этом красноречиво говорят материалы неолитических (Амирханов Х. А., 1987) и энеолитических памятников Дагестана (Мунчаев Р. М., 1982. С. 100–164; Гаджиев М. Г., 1991).

Лингвистическая сторона указанного кажущегося противоречия снимается тем, что в словарном составе земледельческого содержания общими в рассматриваемых языках в большинстве своем оказываются заимствования из аварского в андийские языки. В отличие от упоминаемой выше части слов животноводческого содержания, их невозможно определить как восходящих к единому (протоаваро-андийскому, протоаваро-андо-цезскому или прадагестанскому) генетическому корню. Данная лексическая совокупность почти целиком и более или менее одновременно переходит из одного языка (аварского) в другие (андийские).

Рассмотрим далее представительные примеры проявлений аграрной лексики в аварском и двух андийских языках – собственно андийском и чамалинском.

Ра ш (молоко) – в таком звучании слово до настоящего времени сохранилось в кутлабском диалекте (Бокарев Е. А., 1981. С. 50) (в североаварском диалекте – рахь). Его можно прямо сопоставлять с андийским **щц**² (в том же значении). В аварском варианте, в отличие от андийского, присутствует «окаменелый» классный показатель «**р**». С точки зрения интересующей нас проблемы важно отметить то, что наблюдаемые отличия двух рассматриваемых лексических форм вряд ли могут быть моложе времени возникновения в конкретной культурной среде самой реалии «молоко». Теоретически о позднем характере этих различий можно было бы говорить, если бы слово **раш** содержалось, например, в хунзахском (максимально близком к литературному), а не в таком архаичном, как кутлабский, диалекте аварского языка. Впрочем, датирование слова «молоко» временем возникновения животноводства можно обоснованно оспорить – нельзя забывать о молоке материнском. Но в этом случае мы должны относить возникновение различий в рассматриваемых лексических единицах к еще более раннему времени.

Ре б л ь а (ягненок от 6 месяцев до 1,5 года, ярка) – относится к специализированной животноводческой лексике; слово исконно андийское. Исходным в андийском языке для него выступает понятие «весна». В протоаваро-андийском словаре ему соответствует слово «лето». Андийское **рейбу** (весна) с переходом значения эквивалентно аварскому **риу** (лето). В андийском варианте присутствует классный показатель «б». В аварском слове **риу** «**р**» является корневой основой. Таковым же остается «**р**» и в андийском **рейбу**. Считать, что во втором случае «**р**» является грамматическим показателем класса, сложно по двум причинам. Во-первых, исходя из семантического единства (со смещением значения) аварского **риу** и андийского **рейбу**, место классного показателя в собственно андийском варианте занимает не начальное «**р**», а «**б**» в форме суффикса, и, во-вторых, названия всех остальных времен года в андийском (а в аварском – всех без исключения) представлены без классного показателя.

Смысловое смещение в сочетании с существованием классного показателя в андийском варианте указывает на то, что трансформация исходного для обоих (аварского и андийского) языков слова (соответственно и его значения) произошла именно в андийском языке. Таким образом, теоретически семантика слова **ребльа** связана с собственно андийским **рейбу** и буквально должна означать «весеннее»². Именно так (как приплод от весеннего окота – ярка) и понимается андийцем смысл андийского **ребльа** – названия ягненка возрастом в промежутке от 6 месяцев до 1,5 года.

Возрастная градация особей мелкого рогатого скота у носителей рассматриваемых языков единая. Следовательно, и соответствующие названия должны были возникнуть в этих языках если не одновременно, то без какого-либо значительного временного разрыва. Тем интереснее обнаружить, что рассматриваемое слово отличается не только в андийских и аварском, но внутри андийских языков. Сравним: аварское **гlopiklen**, андийское **ребльа** и чамалинское **йельаб**. В чамалинском мы обнаруживаем замену «**р**» – оказателя грамматического класса в андийском, на соответствующий формант чамалинского («**й**»). Существенно, что это происходит в согласии с отличными от собственно андийского языка фонетическими и/или грамматическими особенностями чамалинского. В связи с этим возникает вопрос – были ли андийский и чамалинский языки чем-то слитным в момент возникновения анализируемого и других подобных ему слов, учитывая особенно то, что замены указанного выше характера в чамалинском достаточно регулярно?

² Аналогичное сопоставление годоберинского «**ребльа**» (яловая) с ботлихским «**реб**» (весна) делал Т. Е. Гудава (1958). П. Т. Магомедова (1988. С. 83–101) считает данное сходство случайным совпадением. Я не считаю этот скепсис оправданным, поскольку речь тут идет не только о внешнем сходстве, но и о семантической связи понятий.

Т I о р (колос) – слово очень показательное для рассматриваемого вопроса. С историко-фонологической точки зрения в нем мы видим реализацию известного правила, согласно которому аварское «**ml**» в определенных позициях находит соответствие андийскому «**ъ**» (см. в таблице **mlop** (ав.); **ъара** (гаквар. диал. чам. яз.). Согласно этому же правилу в диалектах собственно андийского языка аварское «**ml**» должно находить соответствия в «**ъ**», «**л'**» и «**л**». Рассмотрим классический пример: **pamla** (лапа; ав.) – **ре'а** (рука; мунинский диал. анд. яз.) **рел'а** (рука, гагатлинский говор анд. яз.) – **рела** (рука; андийский говор анд. яз.). Этот пример показывает, что в гакваринском диалекте чамалинского языка аварское **ml** усвоено прямо с реализацией специфического именно для этого диалекта фонетического перехода. В андийском данное слово предстает так же с ассимиляцией к фонетическим особенностям данного языка, но в дополнение к этому еще и с метатезой (рола). То есть, если бы переход осуществлялся из аварского в собственно андийский язык (в варианте современного говора с. Анди) без метатезы, то указанное слово должно было бы звучать «**лора**». Даже если бы трансформация ограничивалась только указанным, то отмеченного было бы достаточно, чтобы считать это слово заимствованным из аварского. А когда вдобавок к фонетической трансформации происходит еще и метатеза, в заимствованном характере данного слова сомнений не остается.

Почти идентичны в аварском и андийских языках слова, обозначающие орудия, средства и процессы аграрного уклада хозяйства: *серб, молотильные доски, сошник, соха, ярмо, гребень для шерсти, борозда, молотьба, пахать, жать* и т.д. При этом существенные отличия обнаруживаются в словах, которые менее подвержены миграции.

Словарный состав, относящийся к названиям продуктов переработки скотоводческой и земледельческой продукции, в аварском и андийском языках обнаруживает существенные различия. В большей степени это характерно для скотоводческой части лексики: *травы, сено, корзина для сена, кизяк, шкура, шерсть, масло, сметана, сыворотка, простокваша, пастух* и др. Оно заметно и в лексике, связанной с земледельческими продуктами: *хлеб, хинкал, толокно, жареное зерно* и др. И в том, и другом случаях наблюдается следующая закономерность – указанные слова не относятся к той части лексики, которая подвержена быстрому и легкому заимствованию. Такие, например, понятия, как *сено, кизяк, шерсть, сыворотка* и т.п., не являются изобретениями или плодом интеллектуальных усилий, доступных немногим. Не существуют эти слова и отдельно одно от другого. Отсюда понятно, что и географическая вариативность их морфологии будет несравненно более разнообразной, чем у слов, служащих для наименования орудий, технических приспособлений и технологий.

Если обратиться к земледельческой части словаря, с лингвистической точки зрения наиболее убедительным доказательством именно заимствованного характера слов этой лексики из аварского в андийский являются случаи метатезы в заимствующем языке. Например, **пуруц** (ав.) – **ребциу** (анд.) (*соха*), или **лул-би** (ав.) – **бели-мол** (анд.) (*молотильные доски*). Причем, существенно отметить, что видоизменение этих заимствованных слов в разных андийских языках осуществляется совсем не единообразно – сравним, например, андийское **ребциу** и ахвахское **глебецце** (*соха*). Эти моменты различий вместе с некоторыми другими, о которых говорилось выше, являются указаниями на то, что процесс заимствований, о которых идет речь, имел не линейный, а кустящийся характер. То есть, заимствующей стороной уже в глубокой древности выступал не единый андийский язык, а группа близких друг другу андийских языков.

Из слов «строительного» содержания показательным для рассматриваемой проблемы является, например, **руссун** (*ясли*) в аварском и **орссин** (*ясли*) в андийском. И в грамматическом, и в семантическом смыслах это слово бесспорно аварское. Смысловое содержание, семантика данного слова – «место возвращения». В грамматической структуре слова – **р** является префиксом-указателем грамматического класса во множественном числе; **сс** – корень семантической основы со значением «возвращение» и **н** – аф-

фикс отглагольной именной формы. В андийском слово, образованное строго по этой модели, должно было бы иметь форму **ришор**.

Трансформация органичного в грамматическом и смысловом отношениях аварского **руссун** в андийское **орссин** красноречиво свидетельствует о заимствовании данного слова из аварского. Наличие этого и других однородных заимствований предполагает раздельное существование и взаимодействие данных языков, по крайней мере, в момент, когда у носителей андийского языка утверждается стойловое содержание домашних животных. Согласно археологическим данным для всего Внутреннего Дагестана этот рубеж относится ко времени не позднее 3-го тысячелетия до н. э.

Для рассматриваемой проблемы очень показательны и примеры того, как в данных языках материализовались слова, которые были в глубокой древности заимствованы из иного, но единого внешнего источника. Интересным в этом смысле является слово «ключ» – заимствованное в восточнокавказские языки из праиндоевропейского.³ Как проявились в этих случаях механизмы оформления слов в заимствующих языках? В аварском звучании (*к/ул*) слово остается максимально близким к заимствуемому источнику (праиндоевропейское **klēu*). В андийском (*рек/у*) и чамалинском (*йек/у*) оно представлено уже со своими специфическими для каждого из них префиксами, которые служат для маркирования в разных видах одного и того же грамматического класса, к которому относится слово «ключ» в двух рассматриваемых языках. Таким образом, очевидно, что данное слово в ходе заимствования демонстрирует три разных варианта адаптации к разным грамматическим нормам словообразования в заимствующих языках. Отмеченное возможно лишь в том случае, когда три языковые единицы уже существуют порознь. И это утверждение сохраняет силу даже в том случае, если рассмотренное и другие подобные слова заимствуются каждым из трех языков не по отдельности, а опосредованно.

Еще одно из слов, заимствованных аварским и андийскими языками (*Nikolaev S. L., Starostin S. A., 1994, P. 449*) на протовосточнокавказском уровне из того же протоиндоевропейского источника, – *gwīrdwV* («одежда», «рубашка»). Это слово присутствует в аварском («горде»), но не во всех андийских языках. Его нет, например, в диалекте с. Анди собственно андийского языка, а также, судя по словарям, в годоберинском (*Саидова П. А., 2006*), ахвахском (*Магомедова П. Т., Абдуллаева И. А., 2007*), чамалинском (*Магомедова П. Т., 1999*), тиндинском (*Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., 1990. С. 124*). В тех же андийских языках, где оно имеется (мунинский диалект собственно андийского языка, каратинский, ботлихский языки), это слово, по всей видимости, заимствовано уже из аварского. Не являются ли этот и другие подобные примеры показателем раздельного взаимодействия аварского и андийского (андийских) языков с внешним языковым миром уже на этапе существования реконструируемой протоиндоевропейской языковой общности (т. е. не позднее 3 тысячелетия до н. э.)?

Приведенные выше материалы и основанные на них заключения представляются достаточными для того, чтобы поставить вопрос о гораздо более раннем, чем принято считать, времени расхождения аварского и андийских языков. По археолингвистическим данным, это относится ко времени не позднее третьего тысячелетия до н. э. Однако, исходя из этого, неверно было бы делать вывод о том, что в указанное время в границах древнего аваро-андийского ареала существовали порознь и взаимодействовали два и только два консолидированные каждый внутри себя языка – протоаварский и протоандийский. И грамматические, и лексические данные свидетельствуют о более сложной картине, которая подходит под определение «диалектный континуум» или «первобытная лингвистическая непрерывность» внутри двух (протоаварской и протоандийской) языковых общностей.

³ Мнение С. А. Старостина об обратном направлении заимствований большого ряда слоев культурной лексики базируется не на собственно лингвистических основаниях, а на представлениях о характере историко-культурного развития в ареалах предполагаемого расселения в древности носителей северокавказских и индоевропейских языков (*Старостин С. А., 1988*). Как отмечалось выше, эти представления нуждаются в существенных корректировках в свете современных данных археологии.

Применение предложенного подхода к анализу соответствующего лексического материала в широком плане может служить выработке альтернатив при рассмотрении ряда общих проблем сравнительно-исторического изучения языков Восточного Кавказа. Это будет касаться, прежде всего, проблем времени и места формирования как самих языков, так и их групп, а также характера развития и взаимодействия последних на протяжении нескольких тысячелетий доисторической эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х. А., 1987. Чохское поселение. М.
- Атаев Б. М., 1997. К вопросу об общей аваро-андо-цезской лексике // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. ГУ. М.
- Атаев Б. М., 2005. Аварцы. Язык, история, письменность. Махачкала.
- Бокарев Е. А., 1961. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала.
- Бокарев Е. А., 1981. Сравнительно-историческая фонетика восточно-кавказских языков. М.
- Гаджиев М. Г., 1991. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. (Эпоха энеолита и ранней бронзы). М.
- Гигинейшвили Б. К., 1977. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси.
- Гудава Е. Т., 1958. Историко-сравнительный анализ консонантизма дидойских языков. Тбилиси.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., 1990. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.
- Магомедов Р. Г., 1998. Гинчинская культура. Махачкала.
- Магомедова П. Т., 1988. Термины овцеводства в чамалинском языке // Отраслевая лексика дагестанских языков: названия животных и птиц. Махачкала.
- Магомедова П. Т., 1999. Чамалинско-русский словарь. Махачкала.
- Магомедова П. Т., Абдуллаева И. А., 2007. Ахвахско-русский словарь. Махачкала.
- Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 2003. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. М.
- Мерперт Н. Я., 1988. Об этнокультурной ситуации IV–III тысячелетий до н. э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток: этнокультурные связи. М.
- Мунчаев Р. М., 1953. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана. Автореф. канд. дисс. М.
- Мунчаев Р. М., 1982. Памятники культуры энеолита Кавказа // Энеолит СССР // Археология СССР. Ответ. ред. тома: В. М. Массон, Н. Я. Мерперт. М.
- Николаев С. Л., Старостин С. А., 1984. Северокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии // Лингвистические реконструкции и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Часть 3. Языковая ситуация в Передней Азии в X–IV тысячелетиях до н. э. М.
- Саидова П. А., 2006. Годоберинско-русский словарь. Махачкала.
- Старостин С. А., 1985. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. М.
- Старостин С. А., 1988. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток. Этнокультурные связи. М.
- Черных Е. Н., 1988. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: этнокультурные связи. М.
- Nikolaev S. L., Starostin S. A., 1994. A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow.

НАЗВАНИЯ АНДИЙСКИХ СЕЛ: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ¹

В данной работе делается попытка специального рассмотрения вопроса об этимологии и семантике названий сел и хуторов, населенных собственно андийцами. Список этих населенных пунктов следующий: Анди, Гунха, Гагатль, Риквани, Ашали, Зило, Муни, Кванхидатль, Чанко, Цибильда, Руцуха. Сюда можно включить и название – Бичонни, обозначающее сейчас одну из окраин с. Гагатль, а в прошлом самостоятельное поселение. Все названные села, за исключением Муни, Кванхидатля и Чанко, расположены компактно в пределах обширной межгорной впадины, называемой андийской котловиной. Ее с севера окаймляет Андийский хребет, с востока – хребет Буцрах, с запада – хребты Речол и Гагудитлюры. Днище андийской котловины представляет собой долину р. Онсатлен (Унсат-лен), протекающей в направлении, близком к С–Ю, и впадающей в Андийское койсу в виде его левого притока. Перейдем далее к предметному рассмотрению материала.

Анди (анд. *куанну*) – самое крупное андийское село, от названия которого и происходит сам этноним «андийцы» (самоназвание *куан*). Этимология данного названия недавно предложена М. А. Магомедовым (*Мухамадов М.*, 2009. С. 24–27). Значение рассматриваемого ойконима выводится из аварского слова «*глонода*», что семантически восходит к понятию «на склоне». Однако возникает вопрос – не является ли такой подход к расшифровке примером распространенной ошибки, когда для объяснения значения слова одного языка используется сходное по звучанию иноязычное слово? Наш подход к выяснению этимологии рассматриваемого названия другой. Он основывается на широком сравнительном и диахронном анализе слова с опорой на собственно андийскую лексическую основу.

Андийское звучание слова в русской транскрипции – *куанну* (*куан* – основа; *-ну* – суффикс локатива). Зиловцы (жители андийского с. Зило) произносят это слово как *уанну*; муницы (жители андийского с. Муни) – *уанду*; аварцы – *гланди*, или *гландиб*. Этимология представляется поддающейся расшифровке. Название можно возвести к правосточнокавказской (ПВК) форме *GwinV* «селение», которая семантически и фонетически сближается с празападнокавказским (ПЗК) *Gl'əna* в значении «дом» (*Nikolaev S. L., Starostin S. A.*, 1994. Р. 471). Близкое к исходному звучание слова помимо андийского сохранилось и в других современных восточнокавказских языках: цезском – *q^win*, гинухском – *q^wen*, в хваршинском – *q^wan*, инхокваринском диалекте чамалинского – *qon*, бежтинском и гунзибском – *qun*, в лезгинском (с метатезой) – *muǵ:l*, рутульском (с метатезой) – *muq:l* (*Nikolaev S. L., Starostin S. A.*, 1994. Р. 471). В современном ареале андийских народностей села со сходным с *куанну* названием имеются также на этнических территориях ахвахцев (*Куан-кери*) и по соседству с ними (*Коани*), а также у хваршинцев (название с. Хварши у самих хваршинцев звучит как «*хуану*»).

Таким образом, значение рассматриваемого названия – «селение». Такая расшифровка, на первый взгляд, выглядит неожиданной, но удивления она не должна вызывать. Можно вспомнить, что такое же значение имеет, например, название современного с. Ахвах в его собственно ахвахском звучании («*гъанлъи*» – село)², или то, что множество даргинских сел имеют окончание – *ши*, *-ша*, что означает «село», так же, как некоторые аварские села – *росу*, что вместе восходит к одному из ПВК названий села с вариациями – *š:i* (в даргинском), *ši* (диалект хошар-кота бежтинского языка), *š:e* (чирагский диалект агульского языка). В протоандийском варианте это слово, по-видимому, можно

¹ Амирханов Х. А. Названия андийских сел: этимологический и семантический аспекты // Вестник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. № 2 (18), Махачкала, 2009.

² «Гъанлъи» – происходит от общеандийского «*hon*» – слова, по всей видимости, более позднего, чем название «*Аш-ва*», с тем же, что и первое, значением «село».

реконструировать близко к *аš*. Вспомним названия таких сел, как *Аш-оллу* (в ареале собственно андийцев), *Аш-ино* (в ареале ботлихцев), *Аш-ва* (в ареале ахвахцев), *Аш-ильтла*, в среднем течении Андийского койсу – территории, для которой характерна исконная андийская топонимика. Существование такого же принципа образования ойконима можно отметить и у цезов (например, с. *Аль-ель*, притом что *аль* является смысловым аналогом андийского *аš*). Семантически и отчасти фонетически цезское *аль* близко цезскому же *š(:)* в значении «гнездо».

Гунха (анд. *гъунха*) – небольшое село между сс. Анди и Гагатль. На территории села обнаруживаются археологические находки, относящиеся к раннему железному веку и средневековью. Располагается на заметно возвышающемся и относительно изолированно холме. Последнее может служить очевидным объяснением этимологии названия села, как «у холма», от андийского *гъун* – холм. Может возникать соблазн рассматривать его в одном ряду с названиями аварских сел *Гъуниб*, *Хунзахъ* и искать другое смысловое содержание. Такой подход не кажется продуктивным. Спорной кажется, прежде всего, сама возможность объединения двух указанных ойконимов. *Гъун-иб*, как и рассматриваемое нами *Гъун-ха*, имеет явные признаки пространственной атрибуции («у холма»). Различия здесь выражены лишь в особенностях суффиксов локативов аварского и андийского языков. Что же касается названия *Хунзахъ*, то велика вероятность того, что оно имеет этнонимическую («у хунов»), а не пространственно-маркирующую природу.

Гагатль (в гагатлинском говоре андийского языка – *гъагъоль/и*) является вторым по величине после Анди селом в ареале расселения андийцев. Если судить по составу его тухумов, которые или являются производными от андийских, или образованы «подселившимися» к ним выходцами из других, не андийских сел, то это село нельзя отнести к числу древнейших в андийской котловине. Ключом к этимологии названия *гъагъоль/и* может служить то, что историческая часть села покоится на эродированной скальной поверхности известнякового склона. В естественном виде такая поверхность всегда усыяна рыхлым щебнем – продуктом естественного разрушения коренной породы. Исходя из этого, выведение искомой этимологии из андийского *гъогъу* – «щебень» с добавлением суффикса локатива *-лъ/и* и определение ее как «на щебне», «среди щебня» представляется оправданной.

Бичонни (анд. *бичлонни*). Этимология является очевидной. Название происходит от андийского «*мич/и гъон*» – маленькое село (Агларов М. А., 2002. С. 118). Для гагатлинского говора андийского языка обычны переходы *м* в *б* в начале слова перед гласными: например, машина – башина, Мугъаммади – Бугъаммади, мастер – бесидир и др.

Наличие в составе данного названия в значении «село» слова *гъон*, а не основы, близкой к *ĠwinV*, *qon* или *аš*, говорит о том, что, судя по своему названию, данное село не относится к коренным в собственно андийском ареале. При этом его древность относительно с. Гагатль убедительно доказывается данными, подробно рассмотренными М. А. Агларовым в одной из своих монографий (Агларов М. А., 2002).

Риквани (анд. *рик/к/луна*). Этимология не ясна.

Зило (анд. *зилур*). Зила на андийском означает «дикий», «одичавший», «не одомашненный», «не освоенный», «пришедший в запустение». Возникновение названия села от одного из понятий указанной семантической группы в значении «на пустоши» (учитывая наличие в названии *зилур* суффикса локатива *-ур*) представляется возможным.

Муни (в верхнеандийском диалекте андийского – *беннур*, в нижнеандийском – *меннур*). По структуре слова (*мен-н-ур*) слово должно означать «умен». Но что значит здесь «мен» или «бен», остается загадкой.

Кванхидатль (анд. *кеоххидоль/и*). Представляется, что по его структуре и содержанию название может быть разбито на две лексемы – *кво* («ручка»; в древнем значении – «рука») и *инххи* («сильный поток», «паводок» «стремнина», «река»). Конечное *-лъ/и* является суффиксом локатива. Село расположено у резкого сужения долины р. Андийское койсу, где река делает крутую излучину. Возможно, именно эта особенность

каким-то образом отражена в первой части названия села. Что касается второй части, то правомерность ее этимологизации подтверждает повторяемость морфемы *инх* в названиях сел верхней (т.е., той же, где расположено и с. Кванхидатль) части долины Андийского койсу. Всего в нескольких километрах вверх по течению реки расположено каратинское с. Инхело (этимология из каратинского³ – «у реки»), а примерно в 15 км вниз по течению – аварское с. Инхо с той же андийской этимологией «у реки».

Руцуха (анд. *руцуха*). Для этого названия может быть предложена этимология «у леса». Достоверность предлагаемого происхождения доказывается тем, что хутор расположен у небольшого участка соснового леса, единственного для всей андийской котловины. Можно предположить, что настолько значимый по своей уникальности признак не мог не отразиться на названии возникшего здесь поселения. С лингвистической точки зрения доказательством этому служит то, что по-андийски «лес» звучит как *решу*. Возможность изменения со временем *решу-ха* («у леса») на *руцу-ха* с ассимиляцией первой гласной и геминированием *ш* вряд ли может вызывать серьезные сомнения.

Чанко (анд. *чохъур*). В названии вычленяется суффикс локатива *-р*, но значение основы *чохъ* остается неясным.

Цибилда (анд. *Цицлибилла*). Нельзя не признать удачной мысль о происхождении этого названия от андийского «*цли*^е бил», что буквально значит «новая гора», а по смыслу – «новое угодье». На такой вариант этимологии со ссылкой на жителя данного хутора – учителя Наджиюллы указывает М.А. Агларов (*Агларов М.А.*, 2002. С. 118). Возможность возникновения названия именно с этим значением представить можно, если учесть, что как один из самых окраинных, хутор Цибилда действительно мог быть основан на земле, освоенной общиной с. Анди значительно позже относительно своей остальной экономической территории.

Но есть и другой путь этимологизации. М.А. Агларов высказал мнение, что искомая этимология в действительности может восходить к имени древнего общего аваро-андийского верховного божества Цюб. Это предположение кажется верным. Присвоение такого имени одной из самых высоких гор, окаймляющих андийскую котловину, не выглядело бы удивительным. Учитывая особенно то, что хорошо выраженные признаки обожествления горных вершин или включения их в древние культы и обряды этнографически хорошо зафиксированы у андийцев. Если принять эту линию рассуждений, то изначально название рассматриваемого пункта могло звучать как «*Цюбоб бил*» (Божья гора). Это выглядит как андийская калька аналогичного аварского топонима «*Цюбол гохл*» (Божья вершина). Близким к рассмотренному является и такой пример, когда андийское название Полярной звезды «*Цюбор ццла*» (Божья звезда) в настоящее время звучит как «*Цюборццли*».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Названия тех андийских сел, происхождение которых удастся выяснить, по их семантической нагрузке делятся на две части – одни отражают особенности ландшафта или другие географические характеристики места, к которому приурочены населенные пункты, а вторые заключают в себе смысл «село» или «маленькое село». К первым относятся Гунха, Гагатль, Зило, Кванхидатль, Руцуха, Цибилда и, возможно – Риквани и Муни. Второй тип отразился в названиях сс. Анди, Ашали и Бичонни. В смысловом отношении первые имеют пространственно-атрибутивный, а вторые – преимущественно социально-атрибутивный характер.

Образование названий населенных пунктов в древности должно было быть связано не только с необходимостью пространственной маркировки. Оно представляло собой также естественный процесс формирования своего рода социальной терминологии.

³ Напомним, что каратинский язык относится к андийским.

Возникновение поселений при переходе к прочной оседлости нельзя представлять как единовременное становление на определенной территории некоего множества равнозначных пунктов, с равномерным сосредоточением обитателей. Эти поселения неизбежно должны были отражать не только их функциональные (место добычи ресурсов, место переработки продуктов, место сезонных выпасов скота или охотничье-промысловых стоянок, долговременные круглогодичные поселения и т.п.), но и социальные особенности. На начальном этапе правомерно представить подразделение поселений, по крайней мере, на две разновидности: а) ординарные; б) выполняющие, помимо прочих, значимые для нескольких поселений общественные, меновые и культовые функции. Впоследствии происходила сегментация более крупных населенных пунктов. Возникновение дочерних поселений, а иногда и компактное оседание по соседству новопоселенцев извне должны были сопровождаться некоторым усложнением межпоселенческих социальных регуляторов. Иерархичность поселений и различие статусов каждого в этой иерархии (большое село, малое село, однодворное поселение и т.п.), конечно же, определенным образом отражалось на названиях конкретных населенных пунктов.

Из вышеотмеченного следует, что чем более древним является село (особенно если оно исторически крупное), тем больше вероятность того, что этимология его названия будет сводиться просто к понятию «село» – понятию, которое выражает высокий статус данного населенного пункта. «Село» должно было быть населенным пунктом такого рода, которое объединяло вокруг себя более мелкие поселения, и вместе с ними представляло собой исходный, дискретный субъект социальных, языковых, этнических и политических процессов первобытности – процессов, которые существовали синкретично и протекали во многом неразрывно друг от друга.

Если говорить о древности ойконимов применительно к названиям современных сел, то возраст их не может находиться в прямой зависимости от величины того или иного населенного пункта. Вероятность сохранения до наших дней древнего названия, типичного для относительно крупного села, наверное, не выше, чем для соответствующего наименования поселения иного типа. Упомянутые выше сс. Ашали, Ашино, Ашильта не относятся к крупным, однако глубокая древность самих их названий – древность, которая охватывает несколько тысячелетий⁴, сомнений не вызывает. Они отражают определенный тип наименований, но социальное содержание этого типа наименований нам не известно.

Ойконимы с основами *ġwinV* и *aš* существовали одновременно. Они оба имеют одинаковую этимологию – «село» и оба возводятся к ПВК языковому уровню. Возможно, два этих названия изначально были характерны для различных ареалов ПВК языкового пространства, а впоследствии на одной из окраин указанного ареала они совместились.

Выяснение значений названий сел – это интересная проблема, которая может рассматриваться как самостоятельное историко-лингвистическое исследование. Однако, если ставить задачу ономастической реконструкции, одной этимологической расшифровки будет недостаточно. Наиболее интересная и значимая информация, относящаяся, в частности, к социальной стороне номинаций, содержится в семантике рассматриваемых названий. При всей сложности этой стороны исследований обращение к ней представляется весьма перспективным. Этому, конечно, должно быть посвящено специальное исследование. Здесь же ограничимся лишь попутными замечаниями.

Можно рассматривать как правило то, что наиболее общая поселенческая терминология земледельческих обществ отражает идеологию родства, выражаемую в виде и кровной, и хозяйственной (экономической) общности. Обычно понятия «семья» и «род» объединяются с понятиями «поселение» и «жилище». Андийские языки не составляют исключения. Например, в собственно андийском языке *ɣʌkʷu* имеет значение «дом»,

⁴ Здесь речь идет о древности именно названий сел, а не самих этих современных сел. Надо помнить о «миграции» топонимов.

а также «семейство, фамилия». У андийцев же *къай* – «домашний скarb», «хозяйство» переводится и как «стойбище», «двор». Производным от общеаваро-андийского *къай* у ботлихцев является *гъай* в значении «стойбище», «квартал (часть) села», и, что особенно интересно, – как синоним понятия *тухум*. Эти и другие данные подталкивают к мысли о том, что изначально основной формой перехода к прочной оседлости было образование родовых (если использовать возникший относительно поздно термин «тухум», то «однотухумных») поселений. Применительно к горному Дагестану археологическим подтверждением этому может служить раскопанное почти полностью Чохское неолитическое поселение, состоящее из двух изолированных больших жилищ (Амирханов Х.А., 1987).

Естественной формой первичной иерархии (в момент возникновения этой иерархии) поселений должно было быть разделение их на однородовые и состоящие более чем из одного рода. Естественно, это должно было отразиться и в первичных наименованиях данных поселений.

Семантическая группа понятий, обозначающая поселение и жилище, во множестве языков включает в себя, кроме упомянутых выше, такие слова, как «корень», «племя», «гнездо» и другие. Поскольку процессы, о которых идет речь, типологически едины, не вызывает удивления обнаружение сходных фактов в традиционной ономастике Дагестана. Например, *š(:)* в цезском (и близкие ему формы в других дагестанских языках) означает одновременно «село» и «гнездо» (Nikolaev S. L., Starostin S. A., 1994. P. 471).

Или название с. Цада («у огня», «на огне») на Хунзахском плато перекликается с древнерусскими названиями «огнище», «печище», которые типичны для древнейшего пласта ойконимов Русского Севера (Куркина Л. В., 2008. С. 322–341) и характерны преимущественно для некрупных поселений большесемейного типа.

Постановка и рассмотрение затронутых вопросов на более широком в масштабах территории Дагестана материале может послужить созданию весьма информативной базы для палеоисторических реконструкций регионального и локального охвата, «оживлению» конкретно-исторических реалий прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

- Агларов М. А., 2002. Андийцы. Историко-этнографическое исследование. Махачкала.
 Амирханов Х. А., 1987. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.
 Куркина Л. В., 2008. К истокам славянской социальной терминологии // Славянское языкознание. XIV международный съезд славистов. М.
 Мухамадов М., 2009. БакI-бакIалъул цIаразул къучIалда халкъазул гIорхъабиги мацIазаул тIиритIиги чIезариялъул КъагIидаби // ХIакъикъат, № 13. Т. 1. МахIачхъала.
 Nikolaev S. L., Starostin S. A., 1994. A North Caucasian Etymological Dictionary. М.

ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ

Ethnoarcheology

**СТРУКТУРА ТРАДИЦИОННОГО СТОЙБИЩА БЕДУИНОВ МАХРЫ:
АРХАИЗМ ЭЛЕМЕНТОВ ЖИЛИЩНО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА¹**

Современное полукочевое население махрийских нагорий – полукочевники с комплексным экстенсивным скотоводством (коза, овца, верблюд), не могло не унаследовать культурную традицию, выработанную предками в глубокой древности. Хозяйство, образ жизни и характер адаптации к окружающей среде у этого населения таковы, что нет никаких оснований предполагать какие-либо качественно иные характеристики их культуры на протяжении последних двух-трех тысячелетий. Находки культурных отложений неолитического времени перед навесами и пещерами, многочисленные граффити, петроглифы и наскальные рисунки времени южноаравийской городской цивилизации, обнаруживаемые в навесах и пещерах Махры, не оставляют сомнений в том, что эти местонахождения были обитаемы как до возникновения культуры мощеных площадок, так и во время функционирования последней. В этом смысле наблюдаемая и сейчас традиционная бедуинская культура является продолжательницей традиций постнеолитической культуры. В самом деле, последним наиболее кардинальным событием бедуинского образа жизни нужно считать одомашнивание верблюда, относимое ко второму тысячелетию до н. э.

Конечно, бедуины, населяющие ныне Махру, являются в культурном и интеллектуальном отношении людьми современными в полном смысле слова. Они живут заботами и интересами свойственными для человека двадцать первого века. Однако если исключить из их повседневного обихода японский транзисторный приемник, французский гель для волос, российский автомат калашникова и что-нибудь еще из этого же ряда, то изменения, происшедшие в культуре остались бы незамеченными, если бы даже эти изменения произошли вообще. Для контраста можно представить, что может произойти с его культурой если лишить навсегда городское аравийское (и не только аравийское) население одного только электричества и транспорта. Исходя из этого, изучение быта современных бедуинов может явиться основательным фундаментом для реконструкции образа жизни постнеолитического и отчасти неолитического населения Южной Аравии.

Результативность этноархеологического изучения бедуинского стойбища всегда будет находиться в прямой зависимости от исходной методической основы исследования. В качестве такой основы здесь используется метод, который можно назвать структурно-функциональным. Одним из его особенностей является его некоторый интерпретационный подход уже на стадии описания отдельных элементов жилищно-хозяйственного комплекса. Для чисто археологического изучения поселения или иного подобного объекта применение такого метода было бы неоправданным. В подобных случаях функциональное назначение того или иного элемента поселения нужно доказывать. В нашем же случае назначение таких элементов или очевидно, или может быть выяснено через непосредственное общение с обитателями, живущими на данном «памятнике» или недавно покинувшими его. С другой стороны, это и не чисто этнографический метод, так как основная информация добывается здесь не опросным путем, а изучением материальных остатков жизнедеятельности с использованием археологической методики изучения «мертвых» поселений. Когда такие исследования осуществляются чисто этнографическими методами, мера их успеха напрямую зависит от полноты полученной информации. При археологическом же изучении этнографического объекта формально выпадающая из поля исследования, но способная быть восстановленной неархеологическим методом, информация интересна настолько же, насколько информация документированная строго археологически.

Элементами структуры стойбища при структурно-функциональном изучении будут комплексы, связанные с тем или иным родом деятельности, понимая под деятельностью

¹ Амирханов Х.А. Структура традиционного стойбища бедуинов Махры: архаизм элементов жилищно-хозяйственного комплекса // Arabia Vitalis. Сборник трудов в честь 60-летия В. В. Наумкина. М., 2005.

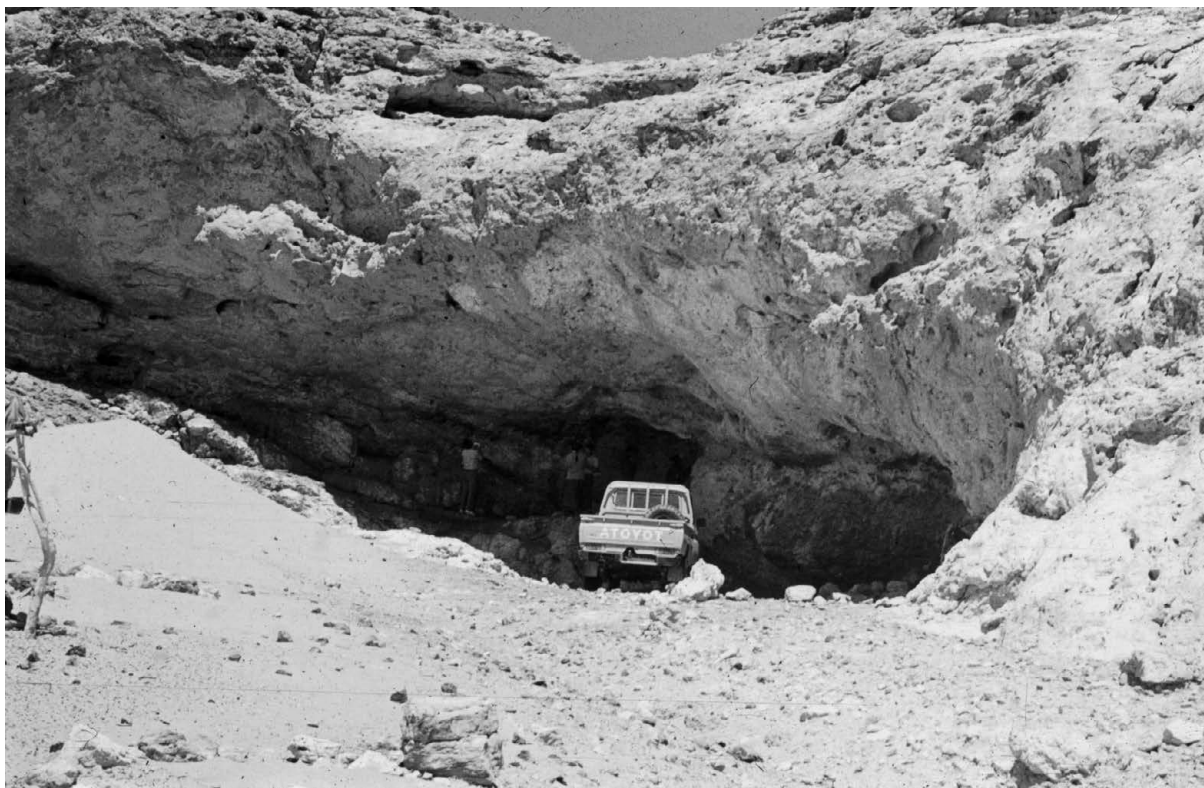

Рис. 1. Пещера Тейе. Общий вид

все стороны жизни человека. При этом выделяются элементы по их материальным остаткам, а интерпретация их осуществляется не столько через археологическую «расшифровку» наблюдаемых предметов и структур, сколько основываясь на свидетельствах людей, оставивших данные объекты.

В качестве примера для рассмотрения структуры бедуинского стойбища Махры мы избрали пещеру Тейе, расположенную в средней части вади Сона. Подробное описание пещеры и происходящих из нее находок было приведено выше в разделе, посвященном памятникам Махры. Наиболее ранние свидетельства заселения пещеры относятся к неолиту. Затем отмечены следы освоения ее в эпоху раннегородской южноаравийской цивилизации. Наконец, в настоящее время здесь имеются выразительные остатки современного бедуинского стойбища. Судя по рассказам местных жителей, пещера периодически заселяется различными семейными группами бедуинов одного и того же племени. Последние два года до изучения ее нашей экспедицией пещера оставалась необитаемой и только посещаемой эпизодически.

Задачи этноархеологического исследования пещеры предполагали, прежде всего, максимально полную планиграфическую фиксацию как структурных элементов, так и отдельных предметов, встречающихся на территории стойбища. В результате получена картина, указывающая на существование здесь современных культурных остатков двух видов. Один из них относится к деятельности людей, связанной с кратковременным пребыванием в пещере, а второй, основной, является сложным структурным образованием, связанным с полнокровной и относительно продолжительной жизнью бедуинской семьи. Остатки от эпизодических посещений пещеры просты и малоинтересны. Они сосредоточены в западном углу пещеры непосредственно под навесом и представляют собой остатки двух маленьких очагов с круговой каменной выкладкой. Кстати, на время работ в пещере именно это место, как наиболее удобное, было выбрано и нами для разведения костра с использованием старого очага и приготовления пищи.

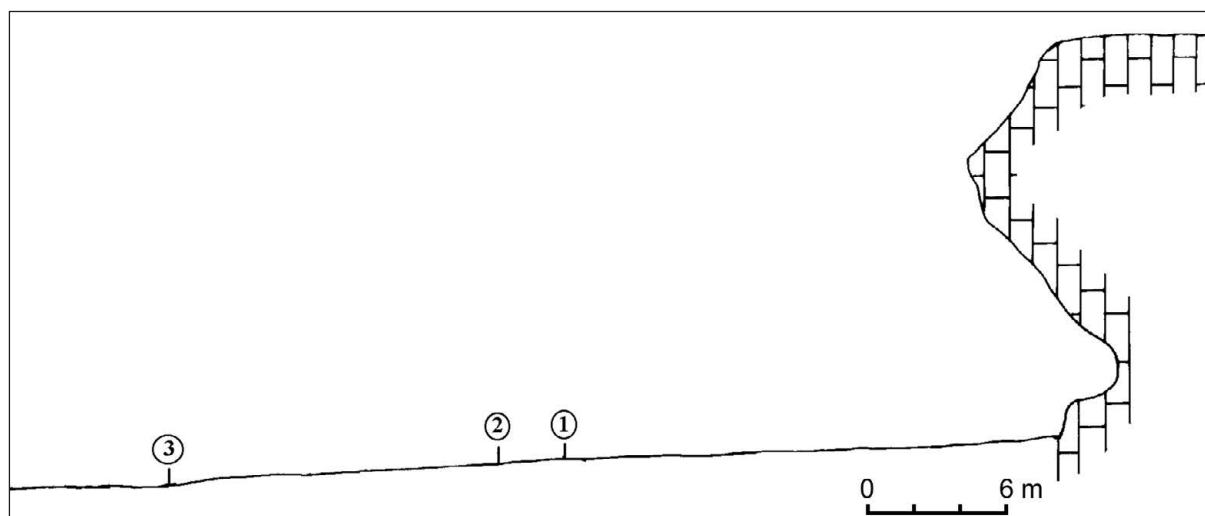

Рис. 2. Пещера Тейе. Поперечный профиль

Условные обозначения: 1 – расположение места отдыха и приема пищи; 2 – край активно обживаемой площадки

Говоря об основных культурных остатках, которые относятся к жизни собственно стойбища, следует прежде всего отметить, что они разделяются на две компактные и планиграфически почти не связанные друг с другом части – бытовую вместе с культовой и хозяйственную. Хозяйственная включает в себя основной загон для скота, загоны и ограждения для молодняка и расположена непосредственно под навесом, т.е. в той части пещеры, которая, казалось бы, является наиболее удобной для обитания, а потому должна использоваться людьми для собственных нужд. Бытовая часть удалена от свода пещеры на 17 метров (до очажного участка). Край активно обживаемой площадки находится на удалении 43 метров по продольной оси пещеры и предпещерного пространства. Компактно расположенная часть бытовых объектов занимает площадь размерами 20×20 метров.

В структурном отношении хозяйственная часть стойбища исчерпывается двумя элементами – основного загона для скота и мелкими загончиками и ограждениями для молодняка коз и овец. Для загона используется, как уже отмечено, основная часть площади пещеры, а под загончики и ограждения используются небольшие естественные углубления в скальной стене пещеры, к которым на высоту до 75 см пристраиваются стены однорядной сухой кладкой из камня. Образованное таким образом «помещение» не превышает площади в 2 кв. м. Эти загончики используются для отдельного содержания ягнят и козлят на то время, когда за ними требуется особый уход. В пещере Тейе отмечено пять таких объектов. Нужно заметить, что однозначная функциональная идентификация этих сооружений была бы практически невозможной, если бы мы обнаружили их в частично раскопанном памятнике доисторического времени. Точно так же, трудно было бы предположить, что непосредственно под сводом пещеры располагается не жилая, а хозяйственная часть раскапываемой стоянки.

Непосредственно жилая часть стойбища состоит из трех функционально разнородных элементов, включающих в себя семь объектов. Эти три основных элемента включают в себя: а) место приготовления пищи и отдыха; б) спальные места; в) место хранения пищевых припасов и кухонной утвари.

Место приготовления и приема пищи, а также отдыха при всей своей конструктивной простоте представлено наиболее выразительными остатками. Оно состоит из единственного очага с круговой каменной выкладкой и тремя крупными камнями в центре, выполняющими роль очажной опорной треноги. Внутренний диаметр очага составляет

один метр. В полутора метрах к северу от этого очага находится дугообразная основательная однорядная каменная выкладка, полностью повторяющая округлые очертания очага, но представляющая собой лишь сегмент круга длиной три метра. Выпуклой, то есть, тыльной стороной этот сегмент обращен к пещере, будучи ориентирован, таким образом, в открывающееся за стойбищем открытое пространство долины. Относительно других элементов жилой площадки очаг занимает самое глубинное и, как бы самое удобное, защищенное место обитаемого пространства.

Подобная описанной конструкция и планировка очага и приочажного пространства является типичной для ныне функционирующих бедуинских стойбищ, расположенных при пещерах и навесах. Сегментовидная каменная выкладка вокруг очага иногда имеет характер стены высотой до 60–70 см, то есть на высоту, достаточную для того, чтобы опираться спиной сидящему рядом с очагом человеку. Очаг и непосредственно окружающее его пространство являются местом, где обитатели стойбища проводят самую приятную часть своего времени, когда они свободны от повседневных забот и труда. Здесь готовят пищу и едят; здесь под яркими тропическими звездами проводят за разговорами долгие вечера, попивая для разнообразия после козьего парное верблюжье молоко, здесь принимают гостей и объявляют о важных решениях – одним словом, очаг является центром семейной («социальной») жизни стойбища, хотя при отсутствии жилища в привычном понимании понятие «центра» и «периферии» в планиграфическом отношении определить для жилой площадки стойбища трудно.

Место хранения пищевых припасов и кухонной утвари на описываемом стойбище находится в шести метрах к югу от очага. Здесь оно представлено простой перекинутой, сооруженной из трех жердей, две из которых вкопаны в землю, а третья перекинута между ними на высоте 180 см. Продукты питания и предметы кухонной утвари подвешиваются в мешках на этой перекладине. Для стойбищ, расположенных при пещерах и навесах, характерны именно такие сооружения для хранения продуктов. Если же говорить о стойбищах на открытом пространстве, то здесь чаще можно увидеть построенные с той же целью деревянные навесы, покоящиеся на четырех жердях. В этом случае крыша навеса используется в роли «кладовки», площадка под навесом служит местом, где люди и скот могут укрыться от дневной жары. В случае же, когда стойбище расположено под деревом, а такое встречается нередко, место хранения припасов заменяют ветки, на которые подвешиваются те же мешки с разнообразным содержимым. Иногда и в скальных навесах можно видеть вбитые в расселины палки, на которых висят сумки или мешки с провизией и посудой. Общим во всех этих случаях является то, что здесь сохраняется принцип хранения продуктов и бытового скарба в воздухе на расстоянии от грызунов, насекомых, диких зверей и домашних животных. Хозяйственные ямы или иные углубленные в землю кладовые, столь привычные для средних и высоких широт, здесь, по-видимому, не воспринимаются как места достаточно защищенные или, что вернее, пригодные с учетом местных условий для цели, которой они должны служить.

Спальные места стойбища в пещере Тейе подразделяются на индивидуальные и основное семейное.

Семейное спальное место предназначено для ночлега основного ядра семьи: супругов и детей младшего возраста. Располагается оно в 6 метрах к востоку от очага и представляет собой площадку размерами 4×2,5 метра. С южной стороны контур площадки обозначен линией однорядной прерывистой каменной выкладкой, образующей прямую линию. Остальная часть угадывается по специфической уплотненности, затоптанности поверхности площадки. Обычно на функционирующих стойбищах семейное спальное место бывает выделено круговой прерывистой выкладкой из камней в один ряд.

Индивидуальных спальных мест на стойбище в пещере Тейе отмечено четыре. Три из них расположены компактно, частично перекрывая друг друга, в восьми метрах к югу от очага. Контур каждого из них обозначены овальной разреженной выкладкой из камней. Площадь самого большого из них – 1,5×3 м, меньшего – 1,4×1,8 м. Четвертое

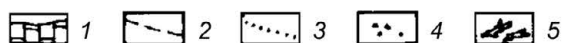
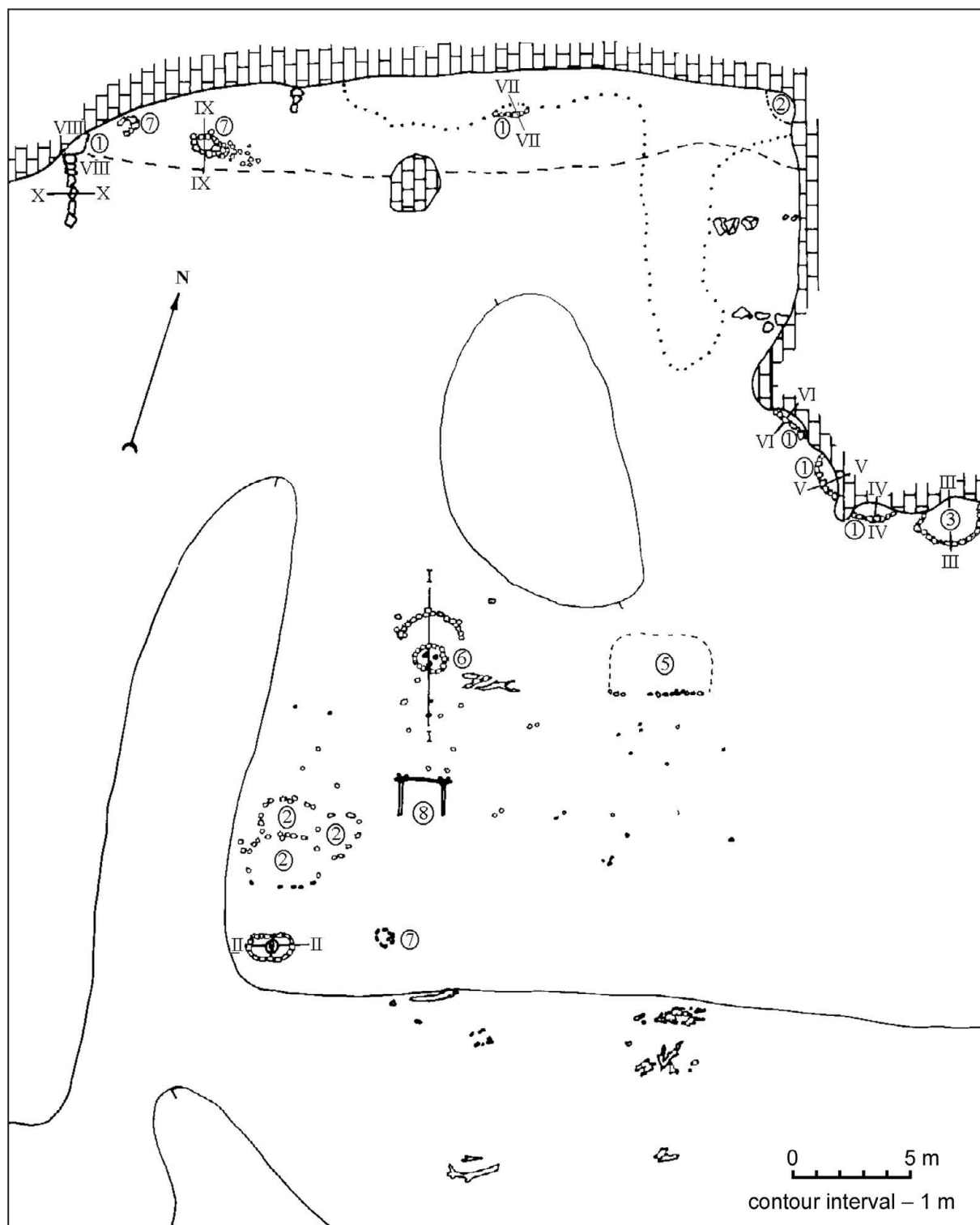

Рис. 3. Пещера Тейе. План стойбища

1 – загончики для молодняка коз; 2 – индивидуальные спальные места; 3 – ритуальное (молельное) место; 4 – индивидуальное спальное место; 5 – основное (семейное) спальное место; 6 – место отдыха и приема пищи; 7 – кострища – места эпизодического разведения костров; 8 – место хранения припасов (перекладина-вешалка)

Условные обозначения: 1 – коренная скала; 2 – капельная линия; 3 – выступ скалы на уровне 1 м высоты от уровня пола; 4 – камни; 5 – дрова

индивидуальное спальное место площадью 1×1,5 м располагается в нише северо-восточного угла самой пещеры. Индивидуальные спальные места обычно не привязаны жестко к какому-либо определенному участку стойбища. Ими пользуются дети подросткового возраста, не состоящие в браке люди молодого возраста, а также старики, если они есть в семейной группе, обитающей на стойбище. Выбор спального места осуществляется, исходя лишь только из соображений удобства и безопасности. Что касается устройства его, то оно предельно простое. По-существу, это земляное спальное гнездо на открытом воздухе, благоустройство которого ограничивается использованием подстилки и матраса. Со спальным местом не связан какой-либо иной род деятельности обитателей стойбища, если не считать, что на территории семейного спального места проводят значительную часть времени дети младшей возрастной группы.

Объекты культового назначения или **культовые места** мы объединили выше с бытовой частью стойбища. Но при структурно-функциональном анализе правильнее будет выделять их в качестве отдельного элемента места обитания. В данном случае имеется два объекта подобного рода, которые можно обозначить как моленные места – индивидуальное и коллективное. Индивидуальное моленное место расположено в 12 метрах строго к югу от очага, и связано с внешней – открытой к долине частью обитаемого пространства. Оно представляет собой удлиненно-овальную площадку, ориентированную на запад (в сторону Мекки) размерами 0,9×1,6 и уложенную по контуру сплошной однородной каменной выкладкой.

Коллективное моленное место также связано здесь с окраиной обитаемой площадки. Оно расположено в 20 метрах к востоку от очага и, естественно, ориентировано в сторону Мекки. От индивидуального моленного места его отличает большая площадь, позволяющая осуществлять здесь коллективную молитву и наличие выдвинутого вперед участка, предназначенного для предстоятеля молитвы. Площадь этого объекта составляет 1,9×2,6 м. Коллективные молитвы осуществляются по торжественным случаям, а также когда стойбище посещают гости.

Помимо описанных выше участков и на стойбище в пещере Тейе, и на функционирующих стойбищах можно наблюдать место, где складывают топливо для очагов (дрова и кустарник). Обычно это периферийный участок активно обживаемой площади. В нашем случае он приходится на внешнюю окраину стойбища. Здесь же можно видеть и скопление пустых металлических бочек для воды и бензина, что также является обычным для современных бедуинских стоянок.

Частью этноархеологических наблюдений на стойбище в пещере Тейе явились сборы всех предметов, оставшихся от предыдущего пребывания здесь людей. Состав находок обобщен в следующей таблице.

N	Находка	Количество	Место изготовления
1	Железные банки из-под сухого молока «Nido»	3	Голландия
2	Железные банки из-под прохладительного фруктового напитка	3	ОАЭ Оман под эгидой фирмы «Pepsico»
4	Алюминиевый флакончик из-под духов	1	?
5	Железная банка из-под тормозной жидкости	1	Япония
6	Железные банки из-под томатной пасты	8	Италия
7	Железная баночка из-под крема для волос	1	Франция
8	Лоскут поролонового матраса	1	?
9	Железные банки из-под рыбных консервов	7	Япония
10	Железная банка из-под напитка манго	3	Саудовская Аравия
11	Железные банки из-под пальмового масла	3	Оман
12	Железная банка из-под автомобильного моторного масла	1	ОАЭ
13	Железные банки из-под томатной пасты	2	Йемен

14	Алюминиевый таз раздавленный	1	Йемен?
15	Железная банка из-под говядины	1	?
16	Бумажная упаковка из-под апельсинового напитка	2	Оман
17	Пустые спичечные коробки	2	Йемен
18	Сандалии резиновые рваные	2	Йемен
19	Обрывок пояса матерчатого	1	?
20	Обломок железного игрушечного пистолета	1	?
21	Обломок фарфоровой кофейной чашки	1	Япония

Кроме приведенных в таблице находок обнаружены куски пальмовой веревки, обрывки полиэтиленовых мешков и линолеума, мелкие лоскуты материи и несколько кремневых отщепов. Связь последних с деятельностью последних обитателей стойбища проблематична, хотя эпизодическое использование каменных орудий практикуется бедуинами.

Особенностью планиграфического распределения находок является то, что подавляющее большинство их обнаружено за пределами основной части жилой площадки (очаг, спальные места) и пространства между жилой площадкой и самой пещерой.

В целом, находки отражают реальную картину качественного состава предметов, встречающихся на современных стойбищах. Здесь мы имеем группы вещей, относящихся к быту, приготовлению и потреблению пищи, а также хранению и транспортировке продуктов и других предметов. Естественно, отсутствуют находки, которые сохраняют свою утилитарную ценность, а также украшения и престижные предметы. Полностью отсутствуют орудия, служащие для производства, как нет и каких-либо иных данных, указывающих на изготовление здесь же на месте чего бы то ни было из списка обнаруженных изделий. Инвентарь стойбища не позволяет установить, основываясь только на нем, этническую и даже точную географическую идентификацию населения, оставившего его. Исходя только из его данных, мы не могли бы также определить род хозяйственных занятий людей изучаемого стойбища. Если исключить из состава находок предметы, произведенные максимум в последние десять лет, то у нас не останется данных и для датировки данного памятника даже в широких рамках археологических эпох.

Рассмотренные данные особенно интересны с точки зрения двух существенных аспектов исследования: методического и историко-реконструктивного. Методическая сторона заключается в признании объектов, подобных рассмотренным выше, пригодными для выработки подходов к описанию жилищно-хозяйственного комплекса памятников доисторического времени и интерпретации его структурных элементов. Такой, проверяемый этнографическими данными, способ археологического анализа стоянки неоседлого неземледельческого населения с его «природосообразными» бытом и хозяйством позволяет выделить или уточнить минимально *необходимые функционально-структурные элементы* любого поселения людей любой эпохи и рассматривать их далее уже применительно к конкретному исследуемому объекту. Такой метод структурно-функционального анализа обеспечивает одновременно и необходимую строгость собственно археологического анализа, и получение интерпретаций, не выходящих за рамки возможностей исследуемого источника.

Применительно к данной работе второй аспект состоит в том, что изложенные выше наблюдения позволяют реконструировать в основных чертах первобытные поселения Южной Аравии. Если говорить о древности, к которой можно относить эти реконструкции, речь, вероятно, может идти о постнеолитическом времени, когда скотоводство как самостоятельный тип хозяйства, а вместе с ним и кочевой пастушеский образ жизни, уже окончательно утвердились в пустынных районах Аравийского полуострова. Конечно, и в предшествующее – неолитическое время структурно-функциональные элементы стоянок не были принципиально иными. Различия могли быть в количестве этих

элементов за счет отсутствия на неолитических стоянках хозяйственных сооружений, связанных со скотоводством, в выборе места для жилой площадки (в неолите, при наличии пещер и навесов, – под их сводами, а в постнеолите – за пределами самих пещер), также в степени конструктивной сложности отдельных элементов (например, мест хранения продуктов и кухонной утвари или мест приготовления пищи и отдыха).

В целом, при вполне объяснимом отсутствии конкретных материальных данных, способных свидетельствовать о не прерывающейся до настоящего времени постнеолитической культурной традиции, горные бедуинские стойбища Махры, пожалуй, могут в определенной степени компенсировать недостаток прямых источников об образе жизни и основных чертах хозяйственной жизни кочевников, уходящих здесь вглубь тысячелетий.

**ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОЙ АРАВИИ
В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИИ ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА
(К постановке проблемы)¹**

Исследователи относительно недавно обратили внимание на феномен многоязычия, отмечаемый в восточной части Южной Аравии. На относительно небольшой территории между восточной окраиной пустыни Руб аль-Хали и побережьем Аравийского моря (исторические области Махра, Дофар, часть территории Оманского полуострова), а также на острове Сокотра группируются племена, говорящие на нескольких самостоятельных языках, более или менее близких друг к другу, но резко контрастирующих с арабским языком, окружающим их с материковой стороны сплошным массивом. К ним относятся такие языки, как мехри, джиббали, батхари, харсуси и сокотри. Благодаря динамично развивающейся научной дисциплине – афразийскому языкознанию – считается установленным, что эти языки не являются диалектами арабского. Больше того, высказано предположение, что «живые языки Южной Аравии и Сокотры не только не являются потомками эпиграфического южноаравийского... но образуют группу, классификационно противопоставленную всем остальным семитским языкам» (Милитарев 1984:7). Время отделения этой, «южносемитской» по терминологии А. Ю. Милитарева, группы от «пращеверносемитского» языка датируется А. Ю. Милитаревым временем не позднее рубежа 5–4 тысячелетий до н.э. Согласно разработкам, осуществляемым в этом направлении, одной из определяющих особенностей исторического развития южносемитской группы языков является то, что она развивается без существенных трансформаций до рубежа нашей эры, тогда как общесеверносемитский язык за это же время претерпевает несколько масштабных изменений, связанных, в частности, с дроблениями и филиациями. Учитывая значительные отличия в содержании самого исторического процесса первобытности (хозяйство, техника и технология, политическая история, степень интенсивности и направления внешних контактов) в южной Аравии и на территории северносемитской группы языков нетрудно представить существование и других, прежде всего, собственно языковых, особенностей, накапливавшихся и все более отличавших две названные группы языков. Вместе с тем, учитывая историческую географию неолитической культуры Аравийского полуострова, современные языки южносемитской группы вряд ли исчерпывают собой всю совокупность аналогичных им языков древности. Предположение, что «мехришхаури-сокотри – лишь одна, остаточная, из языковых групп, занимавших на протяжении не менее трех тысячелетий (имеется в виду 4–2 тыс. л. до н.э. – Х.А.) обширный ареал в Аравии и явившихся тем мощным субстратом, на который наложился арабский и, отчасти другие языки» (Милитарев 1984:19) с археологической точки зрения (при подходе, согласно которому археологические общности первобытности сопоставляются с соответствующими языковыми общностями) является логически оправданным. Ранний неолит Аравии (середина 8-го – 6-е тысячелетие до н.э.) со своей специфической культурой развивался параллельно культуре докерамического неолита В (PPNB), который унаследовал и расширил территорию предполагаемой прародины афразийской языковой семьи. Эта специфика собственно аравийского неолита, определяемая нами как «южноаравийский культурный комплекс», на территории Махры, Дофара и прилегающих районах не ослабевает и на последующем этапе неолита, как бы пронизывая собой время от восьмого до предположительно 3 тысячелетия до н.э.

Начиная с пятого тысячелетия до н.э. на большей части территории Аравии наблюдается существенная культурная трансформация, которая достигает апогея в четвертом тысячелетии и указывает на установление нового определяющего направления культурных контактов этого времени в сторону Африки (Нубийская, Ливийская

¹ Амирханов Х.А. Языковая специфика на территории Южной Аравии в свете археологии позднего каменного века. (К постановке проблемы) // Изучение раннего палеолита Старого света. СПб, 1998. С. 38–41.

пустыни и Сахара). Доминирующим в этих контактах, судя по сравнительному изучению материалов «пустынного неолита» Аравии, неолита суданской традиции Сахары и Ливийской пустыни и неолита капсийской традиции Северной Африки, являлся именно аравийский импульс.

С четвертого тысячелетия начинается существенное сокращение территории, на которой продолжается бытование элементов южноаравийского культурного комплекса, сформировавшегося в предшествующее время. В наиболее чистом виде эта территория ограничивается районами Махры, Дофара и территориями их ближнего окружения.

В посленеолитическое время – в 3–2 тысячелетиях до н.э. на указанной территории культура развивается без сколько-нибудь заметного воздействия на нее со стороны культур бронзового века, имеющих различное происхождение и получивших распространение на Йеменском нагорье (De Maigret 1984) и Оманском полуострове (Cleuziou 1981; 1989).

В период существования южноаравийской раннегородской цивилизации мы также наблюдаем такую специфику культурной географии, которая демонстрирует особое место Махры, Дофара, части Оманского полуострова и острова Сокотра на исторической карте Аравии. Тут следует упомянуть, прежде всего, культуру мощеных площадок («трилитов»), территория распространения которой примерно покрывает районы, в которых сохранились до настоящего времени языки, относимые к «южносемитской» группе.

Можно не быть сторонником прямых сопоставлений археологических общностей древности с общностями языковыми, но систематичность перечисленных совпадений, основывающаяся на большом количестве конкретных материалов (Амирханов 1997), требует своего объяснения, и объяснение это приводит к выводу о правомерности данного сопоставления. И при позитивном восприятии этого заключения, мы должны допустить наличие на современной географии языков Южной Аравии общего отпечатка, унаследованного от, возможно, гораздо более сложной этнолингвистической картины, имевшей здесь место в позднем каменном веке.

ЛИТЕРАТУРА:

- Амирханов Х. А. 1997. Неолит и постнеолит Хадремаута и Махры. М: Научный мир.
- Милитарев А. Ю. 1984 Современное сравнительно-историческое афразийское языкознание: что оно может дать исторической науке? // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Часть 3. Языковая ситуация в Передней Азии в X–IV тысячелетиях до н.э. М. С. 3–25.
- Cleuziou S. 1989. Oman peninsula in the early second millennium BC // *South Arabian Archaeology*. Berlin. Ed.: H. Haertel. P. 279–293.
- Cleuziou S. 1981. The chronology of protohistoric Oman as seen from Hili // *Oman Studies. Serie Orientale Roma*. LXIII. Ed.: Paolo M. Costa and Maurizio Tozi. Roma. P. 47–78.
- Maigret A. (de). 1984. A Bronze Age for Southern Arabia // *East and West*. IsMEO. N 34. P. 5–36.

ОЙКОНИМЫ И ЭТНОНИМЫ В ДАГЕСТАНЕ¹

Ключевые слова: Дагестан, малые народы, протоэтноты, ойконимы, этнонимы

Резюме. Анализ этнонимов ряда «малых народов» Дагестана приводит к выводу об их образовании от названий сел, являющихся «главными» для данной этнической общности. При этом этимология названий сел во всех рассматриваемых случаях сводится к понятию «село». Таким образом, этническое название со смыслом, ныне не ясным для самих носителей разных этнонимов, имеет в рассматриваемой модели одно и то же значение – «сельчане». В одних случаях образование этнонаименований по такой модели реализовалось явно, в других же этимология не поддается столь ясному толкованию. Как бы то ни было, рассматриваемый факт свидетельствует о том, что на стадии возникновения самих этносов (протоэтноты) одна из моделей образования древних этнонаименований предполагала трансформацию ойконимов, значимых для данного социума, в его этноним. Велика вероятность, что эта модель была определяющей для обществ (союзов общин) раннеземледельческого типа с глубокими традициями оседлой жизни. Не случайно данный факт обнаруживается именно в Дагестане, традиционная культура которого в сочетании с непрерывностью его исторического развития существенно отличалась от других регионов Северного Кавказа.

Универсальность магистральной линии исторического процесса предполагает, в частности, существование в древности каких-то более или менее общих моделей образования этнодифференцирующих наименований. Для рассмотрения этого вопроса на региональном уровне благодатный материал предоставляет Северо-Восточный Кавказ. Соответственно, историко-лингвистический анализ древних этнонимов дагестанских народов, как представляется, позволяет обосновать региональные (а в чем-то, может быть, и всеобщие) модели реализации рассматриваемого явления.

Для первобытного человека естественной являлась потребность чувствовать себя частью совокупности людей, близких ему по крови и связанных общей социокультурной практикой (единый язык, единые религиозные догмы, обряды, культы, а также общая хозяйственная деятельность). Формой объединения людей, связанных этими характеристиками, были относительно небольшие группы, существовавшие в виде родовой общины. Такая форма самоорганизации содержит в себе зачатки основных социальных институтов, развившихся в ходе исторического процесса в политическую, экономическую, государственную, религиозную, языковую составляющие этносоциума (Тишков 2003).

Этнос в сложившемся виде, как принято считать, – это совокупность людей, объединенных чувством своей исторической и культурной общности. На догосударственной стадии этноса в этом смысле слова не существует. Существует лишь его предтеча в виде союзов обитателей небольших поселений (союзы сельских общин), близких друг другу по ряду признаков и, прежде всего, в языковом отношении. Конечно, такое сообщество не является сугубо этническим. Его основные характеристики (социальные, политические, экономические и собственно этнические) синкретичны. Они неразрывны и не проявляются порознь. В бесконечном процессе этнических изменений такие сообщества в стадийном отношении будут соответствовать понятию протоэтноты. Через это состояние, длившееся многие тысячелетия, прошли все современные народы. В некоторых регионах мира с экстремальными условиями и сохранившимися традиционными формами жизнеобеспечения такое положение остается практически неизменным и в наши дни.

Территориальная «малоформатность» социальных образований, присущая общинно-родовому укладу, на первых порах продолжала проявлять себя и после возникновения раннегосударственных институтов. Один из популярных государственно-правовых постулатов даосизма гласит, к примеру, что хорошим является государство, просыпаясь в котором, слышишь утром лай собак из государства соседнего. Это не что иное, как метафорическое определение идеала политического устройства. Идеал лишь потому, что именно таковой (и поэтому казавшейся естественной) была сама практика ранне-

¹ Амирханов Х. А. Ойконимы и этнонимы в Дагестане // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 173–183.

государственной стадии или историческая память о таком недавнем прошлом, сохранившаяся у современников Лао Цзы в VI в. до н.э. Само отражение этого факта в письменной традиции древнего Китая лишний раз говорит об универсальности для оседлых народов того явления, о котором идет речь.

Уже на самых ранних стадиях родовой общины существует необходимость в различении представителей разных общин друг от друга и наличии внешних названий и самоназваний дискретных сообществ. Наименования мелких, относительно замкнутых образований, соответствующих союзу указанных территориальных общин, можно назвать первичными этнонимами. В связи с этим привлекает внимание то, что на Северо-Восточном Кавказе эндоэтнонимы современных так наз. «малых народов» обнаруживают совпадение с названиями наиболее крупных сел, в которых проживают данные народности, а этимология самих этих сел восходит ни к чему иному, как понятию «село». Жителями соответствующих сел последнее не осознается. Не был этот факт и предметом специального научного рассмотрения.

Что же первично в совпадающих названиях «малых народов» и их центральных, доминирующих населенных пунктов? Детальное рассмотрение приводит к заключению, что первичным здесь являются названия крупных, «главных» для данной народности пунктов обитания. Но суть заключается не только в том, что название малого этноса (в исходной форме протоэтноса) совпадает с наименованием его основного исторического поселения, а этноним в случаях, подобных описываемым, является производным от ойконима. Гораздо важнее то, что сам ойконим, от которого образуется тот или иной этноним, во всех рассматриваемых в данной работе случаях имеет одну и ту же этимологию – «село». И, следовательно, этническое название со смыслом, ныне не ясным для самих носителей разных этнонимов, имеет в рассматриваемой модели одно и то же значение – «сельчане». В каких-то случаях образование этнонаименований по такой модели реализовалось явственно, а в каких-то этимология не поддается столь ясному толкованию. Но и там, где воплощение такой модели не очевидно, сама тенденция к этому, несомненно, имела место. Приведем ниже несколько примеров, подтверждающих существование модели, суть которой состоит в том, что местный ойконим со значением «село» трансформируется в название обитающего там этноса (протоэтноса).

Андийцы – самоназвание *кы^баннал*; название основного села андийцев – *Кы^банну*. Анди – самое крупное андийское село, от названия которого и происходит сам этноним «андийцы». Зиловцы (жители андийского селения Зило) произносят это название как *уанну*; муинцы (жители андийского селения Муни) – *уанду*; аварцы – *г¹анди¹*, или *г¹андиб*. Этимология представляется поддающейся расшифровке. Название можно привести к правосточнокавказской (ПВК) форме *кы^бин^б* («селение»), которая семантически и фонетически сближается с празападнокавказским (ПЗК) *кы^бена* в значении «дом» (Nikolayev, Starostin 1994: 471). Близкое к исходному звучание слова помимо андийского сохранилось и в других современных восточнокавказских языках: цезском – *кы^бин*, гинухском – *кы^бен*, хваршинском – *кы^бан*, инхокваринском диалекте чамалинско-го – *кы^бон*, бежтинском и гунзибском – *кы^лун*, в лезгинском (с метатезой) – *мух^ъи*, рутулском (с метатезой) – *мук^ъли* (Там же).

Ниже остановимся подробнее на этимологии рассматриваемого названия. Структура ойконима *кы^банну* (Анди) предстает в следующем виде: *кы^б* – корень; *а* – связующая гласная между корнем и суффиксом; *нн* – суффикс; *у* – окончание.

Морфологический разбор является необходимым условием для этимологического анализа. Предпринимая попытку этимологии этого и подобных ему названий, мы разделяем собственно этимологию и семасиологию. Этимология раскрывает историю самого слова, выявление его изначальной формы, семантика же служит объяснению его смысловой основы. В нашем случае задача состоит именно в раскрытии этимологии рассматриваемого названия. Таков принимаемый нами подход к аналитической процедуре.

Следует прежде всего отметить, что опора в народной этимологизации на аварское звучание названия села – *Ганди*, вместо собственно андийского *Кы^банну*, на первый взгляд

кажется некорректной. Прежде всего, в андийском языке отсутствует звук *ɣl*, выступающий в качестве корневого в аварском названии *Гланди*. В андийском этот звук или опускается (когда за ним следует гласная), или передается в виде *a*, *a^H*, *y^{sa}*. Однако при более углубленном анализе выясняется, что в словах, общих для уровня аваро-андийского языкового единства, аналогом аварскому *ɣl* выступает андийское *къл*. Насколько нам известно, этот момент ранее не отмечался специалистами, изучавшими аваро-андийскую историческую фонологию. Приведем ниже примеры соответствия аварской фонемы *ɣl* андийской *къл*:

ав.	анд.
<i>ɣланди</i> (с. Анди)	<i>къл^{sa}анну²</i>
<i>ɣлорцлен</i> (мул)	<i>къл^{sa}урцим</i>
<i>шаɣl</i> (керамика, обожженная глина)	<i>щокъл^{sa}</i>
<i>маɣlu</i> (слеза, песня-плач)	<i>мокъл^{sa}о</i>

Таким образом, опора как на аварское *ɣланди*, так и на собственно андийское *къл^{sa}анну* в этимологизации названия села Анди с учетом высказанных выше соображений о взаимных звуковых соответствиях оказывается одинаково правомерной. Помимо прочего, отмеченное делает весьма значимым такой факт, как существование названий сел с корнем *ɣлан* (*ɣлон*) и в самой аварской ономастике. Такое название сохранилось, например, в качестве старинного ойконима в современном Гунибском районе (*Глон-о-да*). Отразилось оно и в названии обитающего в этом же районе субэтнуса аварцев *ɣланда-лал³* (андалалцы). По аналогии со своим андийским эквивалентом *къл^{sa}ан* аварское *ɣлон* (*ɣлан*) должно означать «село». Соответственно андийское *къл^{sa}аннал* и аварское *ɣланда-лал* (*ɣланда-лал*) означают одно и то же – «сельчане», «односельчане».

Фонетические варианты *ɣлон*, *ɣьон* в аварском и *къл^{sa}ан*, *ɣьон* в андийском в смысловом отношении тождественны. То, что в рассматриваемых языковых группах эти пары обнаруживаются именно в таком виде, может объясняться только одним – процессом фонетического развития, в течение которого произошла однонаправленная замена в рассматриваемых словах аварского *ɣl* и андийского *къл* на общее *ɣь*. Может быть, это произошло не во всем ареале языков, но магистральная линия, видимо, была именно такой.

Итак, аваро-андийские фонетические конструкции *ɣьон=ɣлан=къл^{sa}ан* являются этимологическими аналогами. Слово *ɣьон* в значении «село» сохранилось в андийском. Тогда как предковая для этого слова андийская форма *къл^{sa}ан* не вызывает в настоящее время никаких очевидных смысловых ассоциаций.

В аварской же живой речи утеряно слово *ɣьон*. Отголосками существования его в далеком прошлом являются современные названия сел в различных районах ареала аварского языка, т.е. в бассейне рек Аварское койсу и Кара-койсу (*ɣьон-охъ*; *ɣьанд-ихъ*; *ɣьон-о-да*). Этимология этих названий («село»), относящихся ко времени существования аваро-андийского языкового единства, понятна благодаря сохранению данного слова с вполне ясным его значением в современных андийских языках.

Одним из важных моментов в приведенном рассмотрении является то, что отмеченное выше название одного из фрагментов аварского этноса – *ɣланда-лал* (андалалцы) по форме идентично названию андийцев – *къл^{sa}аннал* (андийцы) – при том что на первый взгляд слова эти разные.

В описанном выше факте виден один из примеров проявления модели формирования на Северо-Восточном Кавказе древнейших этнических структур (протоэтносов) и возникновения их наименований. В рассматриваемом случае реализации данной модели не препятствовало то, что две относительно замкнутые внутри себя совокупности населения двух географически не соприкасающихся друг с другом регионов принадлежали одному и тому же аваро-андийскому языковому единству. Здесь реализуется общая закономерность, согласно которой древнейшие образования, имеющие этническую окраску, т.е. протоэтносы, в качестве своей главной характеристики демонстрируют локальность,

т.е. такие протоэтнические образования были чрезвычайно ограничены территориально и состояли из нескольких поселений, образующих единую агломерацию.

Принадлежность к одной и той же языковой общности, существовавшей в виде диалектного континуума, в формировании границ указанных протоэтносов, судя по всему, не была решающей. Для функционирования описываемых социальных структур достаточно было факторов, которые служили как минимум поддержке их численности через обеспечение относительного экономического благополучия. Понятно, что осуществлялось это естественным образом, без присутствия каких-либо институтов, способных регулировать данные показатели. Следовательно, и оптимальная социальная структура, ощущающая свою самостоятельность, максимальную «особость» по сравнению с окружающими, у первобытного оседлого населения могла состоять из всего нескольких родственных поселений. Это и были те самые протоэтны, названия которых, судя по рассматриваемому здесь материалу, сводились к понятию «односельчане». У разных общин слово это звучало по-своему, но смысл его был один и тот же.

Попутно можно остановиться на вопросе о том, что в андийском языке слово, обозначающее «село», сохранилось до наших дней в варианте *зьон*, а в аварском в этом значении используется слово *росо*. Последнее имеет совсем иную лексикографическую историю.

Слово *росо* с точки зрения семантики уже привлекало внимание лингвистов. Первым вопроса о его этимологии коснулся П.К. Услар (Письма 1890). Он рассматривал данное слово как отглагольную форму, имеющую семантическую связь с понятиями «взятое», «перенесенное с места на место». Эта версия основывалась на представлении о том, что в древности аварцы были кочевниками и тип жилища у них был приспособлен к подвижному укладу жизни. То есть жилища представляли собой юрты, с которыми при необходимости можно было сняться с одного места и переместиться на другое. Для подкрепления этого объяснения отмечалось, что другое семантически близкое аварское слово *рукъ* (дом, комната) имеет отношение к глаголу *рукъизе* (шить). Основанием устанавливаемой семантической близости считалось то, что изготовление юрты требует сшивания нескольких кусков войлока.

Указанная выше этимология слова *росо* в настоящее время рассматривается как приемлемая (Климов 1990; Хангереев 2004) или не отвергается – по крайней мере в отношении слова *росо* (Алексеев, Атаев 2006). Нельзя, однако, не признать, что аргументация в пользу приведенной этимологии носит сугубо эвристический характер и достоверность приведенного мнения не может быть установлена с привлечением возможностей строгого лингвистического разбора.

На наш взгляд, ключом к этимологической разгадке рассматриваемого слова является структурный анализ данной лексемы. Слово *росо* (*р-о-с-о*) состоит из следующих морфем: *р* (окаменевший показатель грамматического класса), *о* (связующая гласная при классном показателе), *с* (продуктивная, корневая морфема), *о* (окончание, образованное по принципу редупликации гласного первого слога в двухсложном слове, сформированном по схеме СГСГ).

Таким образом, в слове *росо* корнем является морфема *с*. Известно, что в других дагестанских языках (по крайней мере даргинском и лакском) в слове «село» это место занимает *ш*. Совпадение этих морфем, имеющих по данным истории общей дагестанской фонологии закономерные соответствия, не является случайным. Здесь мы видим наличие древнего, если не общедагестанского, то определенно общецентрально-дагестанского слова. В рассматриваемом случае оно имеет морфологические особенности, которые присущи именно аварскому.

В связи с данным сюжетом возникает вопрос – существует ли соответствие слову с указанным корнем *ш* в андийских языках. На него можно ответить утвердительно, но с уточнением, что оно существовало в далеком прошлом и сохранилось в виде названий некоторых современных сел бассейна Андийского койсу. Среди последних можно привести названия андийского села Ашоллу (*А-ш-оллу*), села, в котором проживали бот-

лихцы, – Ашино (*А-ш-и-но*), современного авароязычного села с субстратовым андийским ойконимом Ашильта (*А-ш-и-ль-мла*) и др. Общим с рассматриваемым словом в аварском варианте здесь является корневая *ш*. Она совпадает в андийских языках с аналогичной морфемой данного слова в даргинском и лакском. И так же, как и в двух последних, данная морфема представляет собой закономерное соответствие аварской *с*. То, что она в данном андийском слове обнаруживает свое полное совпадение не с аварским, а даргинско-лакским вариантом, не вызывает удивления, если придерживаться мнения об относительно ранней дивергенции аваро-андийского языкового единства (Амирханов 2009).

Таким образом, к рассмотренным выше собственно аваро-андийским вариантам обозначения слова «село» (*гьон=глан=кь^ван*) добавляется еще одно слово – *росо*. Оно отсутствует в живом андийском, но существует в современном аварском в качестве единственного для обозначения понятия «село». В связи с этим интересен такой факт. В Западном Дагестане имеется несколько «обществ», а, строго говоря, традиционных союзов сел и хуторов очень древнего происхождения. Интересно, что в наименованиях каждого из трех таких союзов, расположенных на территории современного Тляртинского района, присутствует по одному населенному пункту с названием, означающим буквально «в селе». Так, в обществе Таш (*Таш*), состоящем из 21 мелкого села и хутора, одно из поселений называется Роста (*Росмла*). В обществе Кособ (*Кособ*), в которое входит 9 сел, одно из последних называется Росно (*Росно*). И в обществе Тлебел (*Льебел*), объединяющем также 9 сел, одно село носит название Росноб (*Росноб*).

Несмотря на наличие в каждой из рассматриваемых агломераций по одному пункту с вариациями названий, восходящих к *росо*, здесь (как и где-либо еще в ареале расселения аварцев) приведенное звучание не стало основой для какого-либо этнического или субэтнического наименования. Таковым стало, в частности, аварское *глан* – соответствующее андийскому *кь^ван*. Иное дело в андийских языках. Здесь в этнонимобразующей роли выступают и *кь^ван* (в языке собственно андийцев), и *аш* (в языке ахвахцев). Почему же в аварском ареале слово *росо* не выступает прото-этнонимобразующей основой так же, как в этом качестве выступает слово *гьон* («село») в вариантах *глан*, *кь^вон*? Ответ, возможно, кроется в том, что слово *росо* в таком виде в аварском языке утвердилось относительно поздно, по крайней мере после распада аваро-андийской, не говоря уже об общедагестанской языковой общности. Об этом говорит, в частности, сложное морфологическое строение слова. Обращает на себя внимание, что слово это в аварском варианте двусложное, тогда как в остальных дагестанских языках слово «село» односложное и не имеет никаких наращений или приращений к корню. Соответственно, ко времени возникновения в аварском слова *росо* основные этнонаименования протоэтносов должны были уже существовать. Сказанное не противоречит тому, что сам корень слова *росо*, скорее всего, не в аварском варианте *с*, а в более древнем – *ш*, относится ко времени теоретического существования общецентральнодагестанского языкового единства.

Арчинцы – самоназвание *аршиттиб*; название основного села арчинцев – *Арша*. Название села сводится к корневому *ш*, как в лакском, даргинском, андийском, ахвахском и других вариантах. Структурный состав слова видится следующим образом: *а* – гласная при окаменевшем классном показателе; *р* – окаменевший классный показатель; *ш* – продуктивный формант, корень. Интересно, что в структуре слова «село» в арчинском присутствует *р* в качестве окаменевшего классного показателя, как в аварском варианте того же слова (*росо*), но в сочетании с корневым *ш*, как в лакском и даргинском. Таким образом, этноним *арчинцы* является производным от древнего (по-видимому, общецентральнодагестанского) слова «село» и означает по своему смыслу «сельчане», «односельчане».

Ахвахцы – самоназвание *ашвадо*. Собственно ахвахское название основного села – *Гьанлы*, что значит «село» или «в селе». Официальное название представляет аварскую кальку с ахвахского значения данного слова с добавлением прилагательного «большое». Звучит это как *Кудияб росо* («Большое село»).

Таким образом, значение современного собственно ахвахского ойконима *гъанлъи* – «в селе» (*гъан* – «село»). На первый взгляд, между этим ойконимом и названием этноса, населяющего его, нет ничего общего. Однако дело предстает сложнее и интереснее, если рассмотреть этимологию самоназвания ахвахцев *ашвадо*. Корневой морфемой здесь является *ш*, и само это слово, оформленное в общеандийском варианте с начальным *а*, означает «в селе» (см. выше). Соответственно, название *ашвадо* (корень – *аш*⁶), предшествовавшее современному ойкониму *гъанлъи* (что тоже, как отмечено, означает «в селе»; корень – *гъан*) и явилось основой для возникновения современного этнического самоназвания *ашвадо* – ахвахцы.

Этноним *ахвахцы* в русском звучании происходит от аварского *ахвалал* (*глахъвалал*). В этом названии по данным исторической фонологии звук *хъ* является закономерным аварским соответствием ахвахскому (шире – общеандийскому *ш*). Соответственно, до теоретического расхождения указанных языков в аварском звучании этот этноним должен был иметь вид *ашвалал* (*глашва-лал*). В корневой части это практически идентично по звучанию современному ахвахскому самоназванию.

Таким образом, мы явственно видим здесь переслаивание двух одновременных, но одинаковых по значению элементов лексики, выраженных в слове «село». Важно и то, что здесь можно говорить о последовательности возникновения этих слов – слово «село» в варианте с корнем *ш* (*аш*⁶), по всей видимости, предшествовало времени образования лексемы *гъан*.

Приведенные выше примеры представляются достаточными для того, чтобы наметить направление решения проблемы в отношении названий и других «малых народов» Восточного Кавказа (например, народов шахдагской группы).

Интересно, что выступающая типичной для Дагестана модель образования названий малых этносов, субэтносов (изначально протоэтносов) от понятия «село» не предстает универсальной для всего Кавказа. Мы не находим ее, например, в соседней с Дагестаном Чечне, на Центральном и Западном Кавказе. Можно было бы объяснить это отсутствием там этнической пестроты, о которой идет речь. Однако наличие столь выраженного этнического многообразия (там, где оно существует, например в Дагестане) тоже требует своего объяснения. Дагестан в этом отношении отличается от остальных областей Северного Кавказа тем, что культурное развитие в протоисторическую эпоху шло здесь по переднеазиатскому типу, тогда как в остальной части Северного Кавказа оно протекало в большей степени по евразийскому (в современном политико-географическом понимании Евразии) образцу. Но при этом процесс развития раннеземледельческого общества, имевший результатом возникновение городов, государства, полного набора признаков древней цивилизации, не получил на Северо-Восточном Кавказе того продолжения, которое имело место в плодородных долинах рек Южной Азии и Северной Африки. В одном на территории Дагестана данный процесс воплотился целиком. Речь идет об очень раннем (не позднее VI тыс. до н.э.) сложении прочной оседлости (Амирханов 1987). Это было результатом столь же раннего возникновения и непрерывного функционирования на протяжении многих тысячелетий земледельческого типа хозяйствования. Именно этим объясняется сложение и сохранение стабильных общественных структур, масштаб и потенциал которых ограничивались лишь имеющимися ресурсами и возможностями их использования.

Эти достаточно замкнутые и связанные системой брачных отношений, обязательствами всех видов взаимопомощи, а также единым культом и обрядами объединения были прообразом будущих этносов. На своей начальной стадии протоэтносы должны были организовывать сообщества, состоящие из двух, как минимум, и до нескольких самостоятельных поселений. Дальнейшее развитие данных образований в направлении расширения их ареала и увеличения численности их членов в условиях Северо-Восточного Кавказа не могло предполагать существенного прогресса. Это, разумеется, при условии действия только внутренних факторов. Но в ходе развития вступали в действие разнообразные внешние факторы. Иногда они проявлялись в виде военных конфликтов, менявших культур-

ные ареалы. Возникали средние, а то и дальние по протяженности торговые контакты, складывались новые локальные политические, экономические и оборонительные союзы и т.п. Все это определяло превращение изначально аморфных протоэтносов в относительно сформировавшиеся этносы. Если же внешние факторы воздействия отсутствовали, то это гарантировало функционирование протоэтносов в существующем виде неограниченно долго. На одних частях исторической карты Северо-Восточного Кавказа просматриваются результаты реализации одного из указанных направлений развития событий, а на других, например, в Дагестане, в рассматриваемом аспекте можно видеть практическое отсутствие существенных трансформаций на протяжении тысячелетий.

Процесс перехода типично общинных форм социальной организации в формат государственных вел в Дагестане к образованию относительно крупных этнических общностей, соответствующих современному значению понятия «народ». Интересно, что возникающие при этом новые экзоэтнонимы повторяли модель образования эндоэтнонимов, свойственную прежде для протоэтносов. Например, аварцы именовали даргинцев *цудахарцами* или *акушинцами* по названиям соответствующих крупных даргинских сел, которые были в Средневековье культурными, религиозными и экономическими центрами формирующегося общедаргинского этноса. Андийцы же именовали лакцев *кумухцами* (*гъумекидирал*) по названию села Кази-Кумух – исторического центра этого народа.

Следует, однако, отметить, что на указанном выше этапе в Дагестане намечается появление и нового пути образования этнических названий. Главное в нем то, что он отражает качественно более широкий, чем на стадии протоэтноса, пространственный масштаб, который был положен в основу этнодифференциации и образования экзоэтнонимов. Теперь крупные экономико-культурно-политические общности Восточного Кавказа отражают в своих названиях не узколокальную приуроченность к месту их обитания, а широкую ландшафтно-географическую локализацию того или иного народа. Например, аварцы называют себя *маарулал*, что переводится с аварского как «горцы». Лакское название аварцев – *ярусса* – буквально значит «верхние», т.е. обитающие в высокогорье. Кумыкское название аварцев – *таулу* – является тюркской калькой с того же аварского *магларулал*, т.е. «горцы». В свою очередь, аварское название кумыков звучит как *тляраал* (*лъарагIал*). Название это происходит от аварских слов *тлел раал* (*лъел рагIал* – букв. «край воды»), т.е. «обитатели побережий», «прибрежные». Если говорить об этимологии самоназвания кумыков – *къумукъ*, то из существующих на этот счет версий наиболее убедительной представляется этимология «обитатели песков». Последнее также служит подкреплению высказываемой мысли о широком «ландшафтно-географическом» принципе образования этнонимов относительно крупных народов Восточного Кавказа. Впрочем, это характерно не только для указанного региона. Вспомним, например, названия древних славянских этносов и субэтносов: поляне, древляне, поморы и т.п.

Другой путь образования этнонима на этапе формирования народов Дагестана связан с использованием понятия «человек», как это представлено у лакцев. Вполне обоснованной кажется точка зрения, согласно которой самоназвание лакцев *лакку* возводится к общедагестанской основе *лег* («человек») (Абдуллаев, Микаилов 1971; Абдуллаев 1915; Алиев 2017).

От того же древнего понятия *лег* с метатезой формы его множественного числа (*лезз* – *лезе*) происходит этноним «лезгин». Интересно, что еще в первой половине XIX в. ни предки современных лезгин, ни народы, окружающие их, не использовали такого этнонаименования. Подтверждением служит хотя бы такой факт, что свой труд, посвященный языку современных ему лезгин, П.К. Услар назвал не «Лезгинский язык», а «Кюринский язык» (Услар 1896). Аналогично даргинский (в современном понимании) язык назван им «хюркалинским» (Услар 1892), хотя, если судить по часто цитируемому его письму академику А. Шифнеру («...займусь языками Даргя, из которых самый чистый есть – ураклинский») (Письма 1890), П. Услару было известно понятие *дарго*. И тем не менее не говорит ли это об отсутствии в то время общепринятых сейчас, спустя полтора века, этнонимов «даргинцы» и «лезгины»? Особенно учитывая, что языки табасаранцев,

лакцев, аварцев названы сообразно с существовавшими тогда и сохранившимися неизменно до наших дней этнонимами.

Вероятно, можно говорить о существовании и третьего варианта образования названий относительно крупных народов Дагестана, находившихся еще на стадии своего формирования. Он относится к определению особенностей социально-политического устройства, которому привержено данное этническое сообщество. Это отмечал знаток традиционной социальной антропологии Дагестана М.А. Агларов (Агларов 2013). По его мнению, смысл названия «даргинцы» имеет этимологическую нагрузку социально-политического характера.

Сюжет о *дарго*, конечно, представляет особый интерес. Не зря он стал предметом специального рассмотрения историков (Агларов 2013; Алиев, 2017). Дарго – название этноса, этимология которого восходит, по сути, к понятию «государство»⁴. Именно этот смысл (букв. – «порядок», «справедливость») заключен в названии конфедерации союзов сельских общин Акуша-дарго, возникшей вокруг с. Акуша и функционировавшей как политическое образование раннегосударственного типа. Данный случай представляет собой хороший пример появления новой тенденции этнической самоидентификации на стадии перехода от общинной к раннегосударственной форме социально-политической организации и возникновения соответствующего принципа образования этнонаименования. Данный случай, по-видимому, не является исключительным. Судя по всему, он отражает более широкую тенденцию образования этнонимов. Имеется древнетюркское многозначное понятие *эль*, обозначающее народ с определенным типом государственной (раннегосударственной) формы политической организации (Гумилев 1994). Можно предположить, что именно это понятие является частью названия этнической территории современных марийцев – Марий Эл. То, что марийцы являются финно-уграми, конечно, не может противоречить отмеченному, т.к. их история на протяжении многих столетий была тесно переплетена с историей поволжских тюрков.

* * *

Этнолингвистический анализ дает возможность зафиксировать в этнической истории Северо-Восточного Кавказа проявления процесса становления протоэтнотипов и их последующего развития в этносы.

Морфолого-лингвистическое и этимологическое рассмотрение приводит к выводу, что названия по крайней мере некоторых современных разноэтничных «малых народов» Северо-Восточного Кавказа происходят от названий этнонимобразующих населенных пунктов – «главных» сел того или иного этноса (протоэтнотипа). Последние же во всех рассмотренных случаях имеют одну и ту же этимологию – «село».

Общеисторический смысл развития протоэтнотипа в собственно этнос (в современном понимании) в регионе Северо-Восточного Кавказа состоит в том, что он отражает трансформацию территориально-общинного устройства в социально-политические нормы раннегосударственного типа.

Примечания

¹ Все фонетические транскрипции даются в соответствии с современным кириллическим аварским алфавитом. Используемый в дополнение к этому знак *кь* обозначает звук, близкий к *кь*, но отличающийся тем, что он звонкий и лишен абруптивности.

² Здесь удвоенное анд. *нн* является аналогом *нд*. в ав.

³ Ср.: андийцы – *гландал*.

⁴ Бытует и народная этимология понятия *дарго* в значении «внутренние», т.е. располагающиеся внутри горной территории. Но нет уверенности в том, что данное слово исконно даргинское. Варианты слова *дарго* присутствуют и в других языках Дагестана в значении «блюститель порядка». Это не подтверждает указанный вариант народной этимологии.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Письма 1890 – Письма П. К. Услара к А. А. Шифнеру // Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Вып. IV. Лакский язык. Тифлис: Издание Управления Кавказского Учебного Округа, 1890.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев И. Х., Микаилов К. Ш. К истории дагестанских этнонимов Лезг и Лак // Этнография имен. М.: Наука, 1971. С. 13–26.
- Абдуллаев И. Х. Междагестанские и межкавказские языковые контакты: историко-этимологические, ареальные и ономастические исследования. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН; Алеф, 2015.
- Агларов М. А. Этногенез в свете политантропологии и этнонимии в Дагестане. Махачкала: МавраевЪ, 2013.
- Алексеев М. Е., Атаев Б. М. Аварские этимологии // Кавказский лингвистический сборник / Отв. ред. М. Е. Алексеев. М.: Academia, 2006. С. 5–11.
- Алиев Б. Г. К вопросу о названиях «община», «союз общин» и об этнотерминах в языках народов Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2017. № 1 (49). С. 16–27.
- Амирханов Х. А. Проблема дивергенции аварского и андийских языков в свете археолингвистического рассмотрения // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2009. № 3 (19). С. 3–12.
- Амирханов Х. А. Чохское поселение: человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.: Наука. 1987.
- Гумилев Л. Н. Возникновение российского пространства. Тяга к истории // Арабески истории. Кн. I. Русский взгляд / Сост. А. И. Куркчи. М.: ДИ-ДИК, 1994. С. 280–293.
- Климов Г. А. Основы лингвистической компаративистики. М.: Наука, 1990.
- Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Вып. V. Хюркалинский язык. Тифлис: Издание Управления Кавказского Учебного Округа, 1892.
- Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Вып. VI. Кюринский язык. Тифлис: Издание Управления Кавказского Учебного Округа, 1896.
- Хангереев М. Д. Словообразование в аварском языке. Махачкала, 2004.
- Nikolayev S. L., Starostin S. A. (eds.) A North Caucasian Etymological Dictionary. M.: Asterisk, 1994.

Keywords: Dagestan, numerically small peoples, proto-ethnic groups, oikonyms, ethnonyms.

Abstract. Studying the ethnonyms of numerically small peoples of Dagestan testifies to the conclusion that these ethnonyms must have been derived from names of the villages that played an important part in the life of a given ethnic group. Etymologically, names of villages themselves appear to be derivatives of the word denoting “village”. Therefore, ethnonyms, which may bear a meaning unclear to members of the corresponding ethnic group, carry the same denotation of “villagers”. This pattern is evident in some cases and less so in others. Still, this indicates that the origin of early ethnic designations in early ethnic (or proto-ethnic) groups may be related to the process of transformation of oikonyms into ethnonyms. At any rate, this model appears to be applicable to early agricultural sedentary societies, such as those found in Dagestan where the continuity of historical development and traditions constituted a case significantly different from those in other regions of the North Caucasus.

**ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ
И ДРУЗЕЙ**

**In memory of the teacher
and friends**

СЛОВО О ПАТРИАРХЕ

ВАСИЛИЙ ПРОКОФЬЕВИЧ ЛЮБИН (1918–2018)
(Статья, написанная к 90-летию юбилею В.П. Любина)

Обширным сообществом исследователей первобытной археологии Евразии в январе 2008 года будет отмечен 90-летний юбилей доктора исторических наук, профессора Василия Прокофьевича Любина. Одной только неординарной солидности юбилея было бы достаточно для того, чтобы он не прошел мимо внимания друзей, коллег и учеников В.П. Любина. Но дело, конечно же, в том, что неординарен сам юбиляр. Его судьба богата крутыми жизненными поворотами; очень необычна его яркая научная биография. Романтика юности, героическая молодость и наполненные радостью научного творчества десятилетия зрелого возраста формировали черты его незаурядной личности. Кажется, что он не был похож на своих сверстников ни в одном из возрастов. В его нынешнем возрасте уж точно не похож. Несмотря на весьма почтенный возраст, его невозможно представить мудрецом, созерцающим мир с высоты прожитых лет, возвышаясь над учениками и последователями. Уже без малого девяносто, а ежегодно по две экспедиции в весьма неблизкие края, регулярные научные командировки, доклады на конференциях и симпозиумах, статьи и книги. Такой портрет не слишком характерен для образа патриарха. Он больше подходит для человека, только вступившего в научную жизнь – жадного до новых материалов, одержимого страстью открытий и самоотверженного в работе. Но когда представляешь то, что сделано Василием Прокофьевичем для археологии палеолита и что значит для молодых и не уже очень молодых коллег возможность тесного общения с ним – как его еще определить?

В. П. Любин – выдающийся ученый, классик палеолитического кавказоведения, основатель заметной в профессиональном сообществе собственной научной школы. Уже первые его шаги в области профессиональных занятий археологией были отмечены экстраординарным открытием, которое можно было бы назвать простой удачей, если бы за ним не было воли, знаний, целенаправленного интереса ... тут просится на бумагу «молодого аспиранта». Но Василий Прокофьевич поступил в аспирантуру позже, чем многие другие – в 32 года. За спиной была Великая Отечественная война, в которой он участвовал, как офицер-артиллерист и где был награжден боевыми орденами и медалями. Довелось служить и на германском, и на японском фронтах. Как офицера его ценили и уговаривали остаться в армии. Пришлось проявить твердость в желании заняться после войны своей гражданской профессией преподавателя истории. Судьба распорядилась так, что учительствовать ему пришлось в неведомом ему ранее крае – в городе Цхинвали в Закавказье. Здесь у него укрепился интерес к серьезным занятиям археологией и, понятно, определилась география будущих полевых исследований.

Активный поиск новых палеолитических памятников и их раскопки всегда оставались в центре научной деятельности В. П. Любина. Но особенно активными они были, пожалуй, в 50-е и 60-е годы. Было много заметных открытий и в Закавказье, и на Северном Кавказе. Но наиболее значимым тогда, конечно, было обнаружение палеолита в группе кударских пещер.

На втором году аспирантуры В. П. Любин вернулся в Ленинград из экспедиции в Южную Осетию с находками не только по теме своей кандидатской диссертации, посвященной бронзовому веку Южной Осетии. Каменные орудия, найденные им в Кударо, были восприняты специалистами как сенсация. До этого времени наиболее ранние свидетельства культуры на тогдашней территории страны были представлены лишь ашельскими находками в Сатанидаре и Яштухе – местонахождениях с залеганием материала на современной поверхности. Кударские же находки говорили о первых стратифицированных памятниках раннего палеолита с богатым и ненарушенным археологическим и палеонтологическим материалом. Эти несколько каменных предметов определили дальнейшую, думается, счастливую научную судьбу В. П. Любина. А тогда аспиранту В. П. Любину срочно поменяли тему диссертации на палеолитическую.

По масштабности проблем, многосторонности анализа, академической строгости изложения, выверенности аргументации, а также взвешенности основных заключений наиболее значимые из трудов В. П. Любина остаются непревзойденным образцом научных публикаций по палеолиту Кавказа. Думаю, они еще долго будут оставаться таковыми.

В. П. Любин всегда был новатором в том, что касается внедрения в исследования новых методов и подходов. Это особенно ярко отразилось в настоящем прорыве, который был осуществлен возглавляемой им Кавказской палеолитической экспедицией в области методики раскопок палеолитических памятников пещерного типа. Раньше, методичнее и эффективнее, чем где-либо еще в стране здесь были введены в практику междисциплинарные исследования. Причем, дело не сводилось только к приглашению к участию в работах ученых-естественников. Роль археолога в таких работах определялась как координирующая, центральная. В. П. Любин сам внедрялся глубоко в проблемы палеонтологии, палеоботаники, геологии в той мере, какой он считал это необходимым для конкретных археологических исследований. Иногда он всерьез увлекался и начинал углубляться в тот или иной раздел, например, палеонтологии, уже независимо от конкретных археологических задач. В работу коллег-естественников прямо не вмешивался, но и не довольствовался просто получением выводов по тем или иным вопросам. Для него всегда было важно понять логику, аргументацию и степень обоснованности полученных заключений.

В ходе раскопок кударских пещер активно применялся микростратиграфический подход к анализу культурных отложений. Это, к сожалению, не стало в свое время темой специальной публикации методического характера. А жаль, потому что в разных экспедициях к подобной практике шли многие, но по-разному и иногда слишком долго. Тем

не менее методика полевых исследований культурных отложений палеолитического памятника, складывавшаяся в Кавказской палеолитической экспедиции получила широкое распространение. Она воспринималась студентами кафедр археологии, специалистами из разных научных учреждений и республик страны, а также зарубежными исследователями, участвовавшими в разные годы в раскопках в Кударо. Результаты, достигнутые в области полевых исследований были признаны и высоко оценены профессиональным сообществом. Мне запомнилось выступление руководителя делегации французских археологов, известного ученого А. Де Люмлея во время полевого семинара в Кударо, проходившего в 1982 году в рамках Советско-Французского научного симпозиума. Под впечатлением от увиденного он – сам маститый исследователь пещерного палеолита Франции – говорил, что снимает шляпу и признает эти раскопки образцом для археологов-палеолитоведов всего мира.

Внедрение и распространение любинской методики раскопок пещерных памятников приводило к пониманию реальной информативной значимости культурного слоя. Основательность фактов, добываемых с использованием этой методики, была несопоставимо большей, чем прежде. Работы, проводившиеся в этом ключе, привели к необходимости пересмотра источников, накопленных десятилетиями предшествующих работ и радикальной замене существовавших схем историко-культурного развития даже в тех разделах каменного века Кавказа, которыми В. П. Любин сам непосредственно не занимался.

В Средней Азии для людей почтенного возраста существует понятие «аксакал». На Кавказе не существует такого особого понятия для человека, достигшего даже очень глубокой старости. Наверное, потому, что старость здесь понятие относительное и измеряется она, если и годами, то совсем не малыми. Василий Прокофьевич не кавказец ни по рождению, ни по мировосприятию. Тем не менее, он работал на Кавказе и работал вдохновенно многие десятилетия. И, наверное, именно Кавказ в ответ одарил его в избытке энергией полнокровной жизни. И хочется пожелать Василию Прокофьевичу сохранить этот щедрый дар в его полноте на многие годы вперед.

ПАМЯТИ В. П. АЛЕКСЕЕВА

ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ АЛЕКСЕЕВ
(1929–1991)

7 ноября 1991 г. скоропостижно скончался Валерий Павлович Алексеев, академик, директор Института археологии АН СССР. Эта весть потрясла своей неожиданностью всех, кто его знал. До последних дней Валерий Павлович сохранял колоссальную работоспособность, жажду новых начинаний и такую полноту жизни, что трудно примириться с мыслью о его кончине. Масштабность самобытной и удивительно талантливой личности В. П. Алексеева была очевидна и тогда, когда он жил еще среди нас, а сейчас она ощущается так же остро, как и невозвратимость постигшей с его уходом потери. Жизнь Валерия Павловича была примером благородного и самоотверженного служения науке. Она не богата юбилейными датами, но вместила столько научных свершений, что их хватило бы на несколько иных жизней. Творческая деятельность В. П. Алексеева была наполнена радостью открытий, достойных его щедрого таланта и беззаветного труда. Валерий Павлович одаривал окружающих душевной теплотой и творческой энергией. И сам он испытывал со стороны коллег чувства дружбы, доверия, уважения. Он был далек от мыслей о подведении итогов своей жизни, нелегко делать это, думая о Валерии Павловиче, и тем, кто близко знал его и был связан с ним работой.

Валерий Павлович Алексеев родился 22 августа 1929 г. в Москве. Здесь прошли его школьные годы, пришедшиеся на военную пору, здесь же в 1947 г. он поступил на даль-

невосточный факультет Московского института востоковедения. В. П. Алексеев окончил институт в 1952 г. по специальности «страноведение по Китаю» и в том же году был зачислен в аспирантуру Института этнографии АН СССР. Валерий Павлович сделал выбор нетипичный для выпускников Института востоковедения. Питомцы этого вуза становились обычно историками, экономистами, лингвистами, политологами и дипломатами. Он же выбрал довольно редкую для того времени специальность – антропологию. В 1955 г. им была защищена кандидатская диссертация на тему «Палеоантропология Южной Сибири». Уже в этой работе проявилась ярко выраженная историческая направленность антропологических изысканий В. П. Алексеева, его особый интерес к проблематике расогенеза и этнической антропологии.

Заметным событием в науке стала защита в 1966 г. докторской диссертации «Краниология народов Восточной Европы и Кавказа в связи с вопросами их происхождения». Вскоре вышли в свет книги В. П. Алексеева «Происхождение народов Восточной Европы» и «Происхождение народов Кавказа». Эти труды как бы завершили собой становление этнической антропологии как особого направления науки и оказали большое влияние на существенное расширение этноисторических исследований в нашей стране. Сам Валерий Павлович не прекращал работы в этом направлении до конца жизни. География его этногенетических исследований была чрезвычайно широка и включала территории Юго-Восточной, Центральной и Северной Азии, Кавказа, Балкан и Восточной Европы. Принципиальные итоги 30-летних научных занятий в этом направлении были подведены в вышедшем в 1989 г. фундаментальном труде «Историческая антропология и этногенез».

Другим направлением антропологии, в которое В. П. Алексеевым был сделан выдающийся вклад, было расоведение и расогенез. Мировую известность получили такие его капитальные труды, как «География человеческих рас», «Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас». В них и ряде других работ по-новому поставлены проблемы происхождения больших рас населения Земли, рассмотрены типология и номенклатура малых рас, разработаны соотношения расовых типов с особенностями географии расселения, хозяйственной деятельности, материальной культуры и языкового группирования. Особое место в этом научном направлении занимает разработанная В. П. Алексеевым целостная теория очагов расообразования. Показательно, что многие принципиальные положения этой теории находят подтверждение в новейших исследованиях из смежных областей науки.

Большое место в научной деятельности Валерия Павловича занимала проблематика антропогенеза. Новым в подходе к решению проблемы происхождения человека являлась, прежде всего, сама постановка вопроса, предлагавшая разработку этой темы в триединстве философского, антропологического и археологического анализа. Внесенные В. П. Алексеевым в теорию антропогенеза коррективы касаются самих основ этой отрасли – систематики, морфологической эволюции и таксономии гоминид.

Признанием выдающегося вклада В. П. Алексеева в науку явилось его избрание членом-корреспондентом Академии наук СССР в 1981 г. и действительным членом Академии в 1987 г. Это был редкий пример того, как представитель гуманитарной сферы науки достиг высших академических званий, не имея еще обычного для патриархов науки почтенного возраста, не занимая никаких административных должностей и не будучи к тому же членом КПСС.

Валерий Павлович работал в Институте этнографии АН СССР с 1952 по 1987 г. и там прошел последовательно все ступени научной карьеры от младшего до главного научного сотрудника. Опубликовав более 500 статей и 20 книг, он тем не менее не стал обладателем высоких государственных наград. Заслугой и наградой Валерия Павловича были его неоспоримый авторитет в среде научной общественности и его место в науке, которое вряд ли может быть заменено кем-либо другим. В. П. Алексеев обладал присущими в такой мере только ему творческими чертами. Для него были характерны мас-

штабная постановка задач, разработка общетеоретических проблем с использованием данных собственного, чрезвычайно кропотливого анализа источников, устремленность поиска на стыках естественных и гуманитарных наук с максимальной интеграцией их результатов, сосредоточенность на наименее изученных, а потому и особенно сложных направлениях науки, смелость суждений и научная интуиция.

Человек со столь плодотворной научной деятельностью ассоциируется обычно с образом отрешенного от жизни кабинетного ученого. Валерий Павлович был, однако, полной противоположностью этому. Он участвовал в десятках экспедиций в самых разных уголках страны – на Дальнем Востоке, Сибири, Средней Азии, Кавказе, Прибалтике и многих областях России. Его полевые исследования проходили и во многих зарубежных странах – Монголии, Индии, Йемене, Кубе, Вьетнаме, Канаде. Работа в экспедициях осуществлялась всегда в сотрудничестве с археологами, историками культуры и не ограничивалась просто сбором материалов. Валерий Павлович выступал автором программ и проектов многих экспедиционных изысканий и стимулировал комплексный, междисциплинарный характер исследований.

В экспедиционных поездках Валерий Павлович обретал и много новых друзей, с которыми поддерживались теплые отношения в течение десятков лет.

В отношениях с коллегами и друзьями он был терпелив, чуток, мудр и предан. Но Валерий Павлович умел быть и бескомпромиссным, если случалось ему столкнуться с нечестностью, грубостью, двуличием. В сложных жизненных ситуациях Валерий Павлович делал решительный и безошибочный нравственный выбор.

В последние годы жизни перед В. П. Алексеевым открылись новые перспективы деятельности, связанные с тем, что в 1988 г. он стал директором Института археологии АН СССР. Предложенная им программа научной работы института не оставляла равнодушным никого. Многих она воодушевляла, а некоторых и настораживала – программа была составлена со свойственным для Валерия Павловича размахом и масштабной перспективой. Подход В. П. Алексеева к планам работы института был пронизан глубоким пониманием особенностей современных задач археологии. Он нацеливал на модернизацию исследований, выход за пределы традиционной проблематики, комплексный характер изысканий и экологизацию археологического знания. У Валерия Павловича оказался слишком малый срок, да и время наступило не самое благоприятное, чтобы спокойно и планомерно воплощать долгосрочные программы. Но несмотря на все, многое из задумывавшегося им пустило свои корни, потому что эти замыслы соответствовали уровню современного состояния науки.

Научно-организационная работа В. П. Алексеева не ограничивалась Институтом археологии. Он был заместителем академика-секретаря Отделения истории АН СССР, членом редколлегий нескольких академических журналов, руководителем многих научных комиссий и проектов Академии наук СССР.

Много усилий Валерий Павлович уделял воспитанию научных кадров. Он является одним из авторов основного учебника для университетов по истории первобытного общества. Его ученики работают в разных уголках страны, а теперь вернее уже будет сказать, в разных странах, составлявших еще недавно СССР. Их объединяет принадлежность к «алексеевской» школе антропологов, этнографов, историков первобытности.

В. П. Алексеев был известен не только научной общественности страны, но и широким кругам читателей независимо от их специальности и образования. Этому способствовала его работа по популяризации достижений нашей науки о древности. Такие, например, книги, как «В поисках предков», «Происхождение человека», несмотря на их массовые тиражи, расходились с полок книжных магазинов за считанные дни. Научные и научно-популярные книги и статьи В. П. Алексеева переведены на многие языки мира и изданы в ряде зарубежных стран. Выражением признания научного авторитета В. П. Алексеева являлись, в частности, и получаемые им приглашения выступить с лекциями в ведущих университетах и научных центрах Европы, Азии и Америки.

В обычной, человеческой стороне жизни Валерий Павлович был разнообразен в такой же мере, как и в своих научных занятиях. Обширность его знаний и колоссальная эрудиция распространялись на живопись, музыку, литературу. Общение с ним обогащало людей. Оно было овеяно доброжелательностью, радушием, открытостью его щедрой и богатой натуры.

Валерий Павлович Алексеев ушел из жизни, оставив в науке свой фундаментальный вклад непреходящего значения. Его имя будет занимать достойное место среди имен, олицетворяющих высшие достижения и гордость отечественной науки.

МИША АНИКОВИЧ: КАРТИНКИ ЖИВОЙ ПАМЯТИ О ДРУГЕ

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ АНИКОВИЧ
(1947–2012)

В августе 2012 г., меньше чем за неделю до дня археолога, мне в Махачкалу позвонил Миша Аникович. Звонил из Костенок, где он находился в экспедиции.

– Не можешь приехать – отметим вместе праздник?

– Да, о чем ты говоришь, Миша? Занят так, что в свою-то экспедицию не могу выехать.

– А знаешь, мне приснилось, что я умер и нахожусь в раю.

– Ну и как там в раю, наверное, скучно?

– Не-е-ет, там светло и празднично!

– Пиво хоть дают?

– Там оно не нужно...

Так, немного подурачились в разговоре. Договорились, что встретимся осенью в Петербурге и пообщаемся.

Но Миша все-таки заставил меня приехать к себе – и именно ко дню археолога. На высоком берегу Дона тело Михаила Васильевича Аниковича опускали в могилу, выкопанную в меловой горе его учениками. На свежий земляной холмик ложились цветы от родных, друзей, коллег, жителей Костенок. В минуты прощания с Мишей я вспоминал, что именно здесь, в Костенках, я познакомился с ним. Оказалось, что и проститься было суждено здесь же, спустя сорок лет.

Впервые я приехал в Костенки в 1973 г. в экспедицию А. Н. Рогачева. Вид у меня был важный. На лацкане пиджака – едва ли не единственного тогда в моем гардеробе – поблескивал еще не потертый университетский значок. Знаний о палеолите имелся самый минимум, но здесь их было от кого перенимать. Была у меня и привычка, не всеми практикуемая, – приставать к окружающим с «непонятными» вопросами. Все из «комсостава» экспедиции показались мне – человеку, который чуть ли не в первый раз выехал за пределы Дагестана, – удивительно деликатными. Но аспирант Аникович был среди них, пожалуй, единственным, который не отвлекался на срочные дела после моего пятого-шестого вопроса.

Вопросы не предполагали особых умственных изощрений в ответах. Мне нужны были объяснения простейших терминов. Например, «пластинка с притупленным краем», «орудие с подтеской» и т. д. Ну а словосочетание «подживляющий скол с края площадки нуклеуса» казалось мне требующим нечеловеческого напряжения мысли для понимания. Все эти непонятные слова были мною аккуратно выписаны из прочитанных ранее книг и собраны в одной большой тетради. В ходе ежедневного общения с Мишей против каждого усвоенного термина ставились галочки.

Довелось мне под руководством Миши приобщиться и к практике вскрытия шурфа на палеолитическом памятнике. А. Н. Рогачев выделил двух физически крепких парней для вскрытия старого шурфа на Костенках 12. Одним из этих ребят был я. Пришлось на время расстаться с Таней Шевчук, с которой мы, под руководством З. А. Абрамовой, расчищали землянку «А» второго жилого комплекса Костенок 1.

Начальником Миша оказался жестким. Фамильярность допускалась, но поблажек – никаких. День за днем мы с напарником углубляли шурф, и нехилая фигура Аниковича, стоящего на краю раскопа, с каждым днем выглядела снизу все величественнее. Монументальность фигуры усиливал стиль «military» в наряде начальника – офицерская плащ-палатка и полевой планшет на длинном ремешке.

На этом шурфе я усвоил до мозолей на руках фундаментальные основы костенковской проблематики – стратиграфическую схему, ключевую для палеолита этого района. Верхняя и нижняя погребенные почвы, прослойка вулканического пепла, горизонты чередующихся суглинков – все это стало для меня уже не книжными абстракциями, а реальностью. Через несколько месяцев, сдавая вступительный экзамен в аспирантуру, я с благодарностью вспомнил «строгую Мишу»: вопрос мне попался как раз по стратиграфии Костенок. Члены комиссии, включая приехавших по этому случаю из Москвы М. Д. Гвоздовер и О. Н. Бадера, были весьма удивлены бойким ответом неизвестного им молодого человека из далекого Дагестана. Миша, ожидавший в коридоре конца экзамена, мог быть за меня спокоен.

Да, тогда Михаил Васильевич просто подтягивал меня, абитуриента, до нужного уровня знаний. А спустя годы он стал тем, на кого легло бремя ответственности за научный уровень знаменитой костенковской школы палеолитоведения. Он соответствовал этому высокому предназначению и достойно нес свое бремя до конца.

Семидесятые годы прошлого века – так называемая «эпоха застоя» – были годами вызревания тех социальных и политических потрясений, которым все мы стали свидетелями 15–20 лет спустя. Однако в ту пору они казались непредставимыми. Общежитие аспирантов Академии наук на Яковской улице, 8, рядом с Площадью Мужества, можно было назвать Ноевым ковчегом тогдашней академической поросли СССР. В двух корпусах общежития проживали аспиранты и стажеры из всех уголков страны – от Прибалтийских республик до Дальнего Востока, от Крайнего Севера до южных окраин. За годы нашей с Мишей учебы через это общежитие прошло около трех десятков молодых людей, готовивших диссертации по археологии. Отдельную группу составляли аспиранты и стажеры, специализировавшиеся по археологии каменного века. Миша Аникович и Галя Ложникова из Томска, Анатолий Кузнецов и, кажется, Валерий Лынша из Владивостока, Илья Борзьяк из Кишинева, Тенгиз Мешвелиани и Заал Кикодзе из Тбилиси, Рубен Казарян из Еревана, Асадулла Джафаров из Баку, Валя Артемова из Саранска, Уткур Исламов и Ташназар Оманжулов из Самарканда, Бакыт Аманбаева из Фрунзе (она занималась бронзовым веком, но держалась с палеолитчиками).

Нашему тесному кругу, пожалуй, больше всего подходило понятие «содружество». Ранжирования в нем не было. На почетное место мог претендовать, и то негласно, лишь тот, кто был более продвинутым в профессиональном отношении. Таким был Миша Аникович. Когда я появился в Ленинграде, Миша уже был аспирантом второго года обучения. Это добавляло ему авторитета в глазах аспирантов-первогодков. Но самое главное: он поступил в целевую аспирантуру, фактически окончив Ленинградский университет.

Официально считаясь студентом Томского ГУ, Миша на четвертом и пятом курсах больше времени проводил в Ленинграде, чем в Томске, и умудрился прослушать и сдать на кафедре археологии все специальные курсы. Это обеспечило ему высокую базовую подготовку по археологии палеолита – настолько высокую, насколько вообще было возможно в те годы в нашей стране – да и не только в нашей (интересно, какова она сейчас: кажется, палеолит там преподает наша с Мишей однокашница по аспирантуре Валя Беляева?).

Миша был неординарным и как аспирант, и просто как личность. В нем была видна особая одаренность, характерная для очень немногих людей. Я говорил ему, что археологом он стал лишь благодаря расположению звезд в день его рождения. Он родился под знаком Козерога, а Козерога каменистые тропы часто приводят в археологию. Из людей, хорошо знавших М.В. Аниковича, вряд ли кто будет спорить, что пойдя он другой стезей – он мог бы стать выдающимся литературоведом или философом. Уже в его аспирантские годы не просто было найти человека, который оказался бы эрудирован в литературе или в современном литературном процессе в такой же степени, как он. К тому же он обладал огромной, феноменально цепкой памятью на литературные произведения.

Очень часто наши аспирантские вечеринки затягивались до глубокой ночи, а иногда и до утра. Большая часть этого времени бывала заполнена чтением Мишей стихов. Гумилев для него, по-моему, был целиком своим поэтом. Эту любовь он сумел передать и некоторым своим друзьям. Стихи таких не похожих друг на друга поэтов, как Андрей Вознесенский, Николай Рубцов, Эдгар По, Редьярд Киплинг, тоже всегда бывали у Миши наготове. В любой момент он мог переключиться на Блока, которого знал, как своего любимого поэта, практически целиком и наизусть. Казалось, нет ни одного сколько-нибудь значимого в литературе имени, чьи стихи Миша не мог бы воспроизвести по памяти. Причем касалось это как поэтов прошлого, так и современников.

К людям творческим Миша относился с особенным уважением, а к большим поэтам – с благоговением. Гордился своей дружбой с творческими людьми. Часто рассказывал о своем друге и однокашнике из Томска поэте Викторе Петрове, который в юности подписывался псевдонимом Ант. Хранил самодельную карманную книжку с его стихами, сделанную фотографическим способом в виде «раскладушки».

Миша много рассказывал о Томске. Он очень любил свой родной город. Искал в нем сходство с Ленинградом. В рассказах о близких и друзьях чаще всего фигурировали Ант, Шипулин, его тетушки. Особое место занимал в них его кот. Из многих рассказов я помню тот, который можно было бы назвать: «Как мы с Шипулиным везли труп в анатомичку на городском троллейбусе». Мы, конечно, не верили, но Миша не признавался, что разыгрывает нас.

Тогда, в аспирантские годы, он не говорил, что и сам пишет стихи. Потом, спустя много времени, открылся и начал очень ненавязчиво, между другими, читать свое. Кстати, профессиональными литераторами и поэтами они были оценены потом весьма высоко.

Спустя почти тридцать лет после аспирантуры у меня был случай поразиться тому, что память Миши на литературные произведения с годами не ослабела. Как-то, во время одной из поездок к коллегам на Алтай, на археологическую базу в долине р. Ануй, я прочел повесть Ф.М. Достоевского «Двойник», раньше остававшуюся мной не прочитанной. Находясь под большим впечатлением от нее, я позвонил Мише в Петербург.

– Я завидую тебе, – сказал Миша.

– Чему завидуешь?

– Тому, что ты читаешь эту повесть в первый раз.

Потом он спросил, докуда я дошел, и с этого места вдруг стал читать на память большие куски текста. Данное произведение не относится к тем, которые «осваивают» и заучивают ради моды, для поддержания интеллектуального статуса. Тем удивительнее было, что Миша так естественно для себя и, главное, точно по тексту воспроизводил

отрывки повести. Я слышал о людях с подобными способностями, но в жизни наблюдал это только у моего друга.

Наверное, мало кто знал литературные места Петербурга так хорошо, как Миша. Впрочем, памятные места Москвы, связанные с литературными именами, он знал тоже – лучше большинства москвичей. Наше общение в каждый его приезд в Москву предполагало разные «тематические» прогулки по городу и, по возможности, посещение театров. Когда после окончания аспирантуры я уже жил в Москве, именно Миша показал мне дворик на Никитском бульваре, где стоит старый памятник Н.В. Гоголю, а заодно и особняк в центре города, где жила семья Цветаевых.

Мишу действительно хватало на многое. Он любил и хорошо знал живопись, особенно современные течения искусства. У него имелась большая коллекция художественных альбомов. Увлечение это было разорительным. До сих пор помню, как мы вскладчину купили за 25 рублей (для нас это были большие деньги – выше четверти аспирантской стипендии) даже не альбом, а всего-навсего диапозитивные копии с альбома Сальвадора Дали, популярного тогда у «продвинутой» интеллигенции.

В театре вкусы Миши склонялись то к классике, то к модернизму. Помню, в каком восторге был он от двух постановок, которые нам удалось посмотреть в Москве в театре на Таганке с участием Владимира Высоцкого. Запомнился спектакль «Дальше – тишина» в театре им. Моссовета – с Ростиславом Пляттом и Фаиной Раневской, а также «Царская охота» в театре им. Вахтангова. Конечно, в аспирантские годы мы с Мишей часто «стреляли» билеты в театры Ленинграда.

На музыку разносторонние способности Миши никак не распространялись. Однако комплексов по этому поводу у него не было. Как ни странно, не имея музыкального слуха, он все же любил и неплохо знал классическую оперу и балет. Но собственное исполнение его бывало устрашающим. Когда градус наших аспирантских посиделок доходил до определенного уровня, Миша по нашей просьбе затягивал арию индийского гостя из «Садко». Все слабонервные и утонченные натуры покидали помещение немедленно. Обычно к такому приему, как пение Миши, мы прибегали в тех случаях, когда надо было разрядить возникшую вдруг пафосную атмосферу вечеринки или приземлить какого-нибудь чрезмерно умничающего приятеля.

В отличие от многих из нас, Миша мог позволить себе некоторые удовольствия, в нашем аспирантском быту рассматривавшиеся как сибаритство. Помню, в те годы он употреблял в непомерном количестве шоколад. Обертки серебряной фольги не выбрасывал, а скатывал их в шар. Когда последний достигал такой величины, что очередная обертка на его поверхности уже не держалась, шар выставлялся как завершенное произведение, рядом с другими «серебряными шарами» на книжную полку.

Для многих тогда были роскошью американские сигареты. Миша добывал их у фарцовщиков, крутившихся перед Гостиным двором. На стене у Мишиной кровати место коврика с оленями в деревенской избе занимал другой своеобразный кич – наклеенные на большое полотно бумаги пустые пачки от выкуранных им сигарет различных табачных фабрик мира. Вряд ли кто-то еще обладал такой необычной и обширной коллекцией.

В винах Миша был весьма разборчив. Но тут у него находились достойные соперники. Например, наш общий друг Илья Борзьяк. И неудивительно: ведь Илья родился и вырос в Молдавии. Иногда мы устраивали во время застолий соревновательную дегустацию – конкурс по угадыванию марки вина на вкус. В нем участвовали не только признанные знатоки, но и «любители», каким, например, был тогда я. Кстати, нужно сказать: шансы «любителей» вовсе не были нереальными – ведь у мастеров глаз часто «замыливается». И вкус тоже.

А выбирать нам было из чего. Может быть, в обычном гастрономе близ нашего общежития не было всего, чего хотелось бы, зато к винному ассортименту претензий быть не могло. На прилавках стояли грузинские, абхазские, молдавские, дагестанские, крымские, краснодарские, азербайджанские, болгарские, румынские, венгерские и даже ал-

жирские вина. Наш взыскательный вкус не отличался постоянством, но выше других мы ставили молдавский сухой херес, который, кстати, бывал в продаже не часто.

Мы с Мишей любили ходить вдвоем в кафе «Погребок» на Невском, рядом с Казанским собором. Здесь привлекало сочетание простоты с претензией на особый стиль. Кафе было известно тем, что тут подавали «лучший в городе» эскалоп. При каждом посещении мы исполняли всегда один и тот же застольный ритуал. Все бывало выдержано в стиле комильфо. К эскалопу заказывали красное сухое вино, к десерту маленькую рюмку коньяка. Трапезу заканчивали чашкой ароматного кофе с маленькой рюмкой сливового ликера. Наш бюджет это позволял. Повышенная аспирантская стипендия составляла 100 рублей при зарплате молодого специалиста с высшим образованием 120 рублей. Мише к тому же регулярно помогали деньгами родители, и в случае чего у него можно было перехватить «до стипендии».

Разумеется, наши беседы во время подобных посиделок касались не только научных проблем. Непонятным мне образом Миша в ту пору совмещал в себе сознательную приверженность марксизму в историческом анализе с ненавязчивым диссидентством на грани антисоветизма. В отличие от него, я был в политическом смысле вполне «правоверным», хотя и не воплощением идеологического целомудрия. Тем не менее (в то время я сам не заметил, как это случилось!) благодаря Мише я незаметно приобщился к общей волне интеллигентской фронды, захватившей в те годы Ленинград. В этом кругу Миша был своим. Поэты, прозаики, художники, а в обычной жизни – просто дворники, сторожа, студенты или нигде не работающие. Все молодые, все не сомневающиеся в собственном таланте и исключительности... Миша никогда не демонстрировал такой самооценки, однако стесненным в их обществе он себя не чувствовал.

Один из таких неформальных клубов молодых талантов собирался на квартире у Феликса. У Феликса было смуглое широкое лицо, заросшее густой и длинной черной бородой, никогда не знавшей расчески и ножниц. Работал он кровельщиком, ради служебной квартиры от жилищной конторы, а окружением его были вольнодумствующие интеллигенты. Казалось, в его квартире никогда не переводятся гости. В конце недели возникали широкие стихийные вечеринки. Чтобы показать их атмосферу, мало способностей бытописателя, тут необходим талант незаурядный. Не возможно было знать заранее, кто именно придет на этот раз и сколько будет народу. Но сколько бы ни пришло, случайным себя не считал никто. Многие из пришедших могли прочесть собственные стихи, новые куски своей прозы, рассказать о работе над начатой картиной. При этом в одном углу большого помещения могло идти застолье с песнями под гитару, а в другом в это время плакал ребенок в детской кроватке.

Вечеринки завершались далеко за полночь. Часть многочисленной компании, где многие даже не были знакомы друг с другом, устраивалась спать как придется, здесь же, в помещении, безнадежно прокуренном и пропитанном алкогольным духом. Другие разбредались пешком по домам – по безлюдным улицам спящего города. Знакомства завязывались легко, так же легко они и забывались. Обязательства отвергались в любом их проявлении. Требований к окружающим не было никаких. Была отстраненность от государства, которое не оценило по достоинству их талант и мешало развитию творчества. Было и безразличие к обществу как таковому.

Спустя много лет, когда у нас зашел разговор о ставшем к тому времени знаменитым Сергее Довлатове, Миша спросил меня: «Ты помнишь, у Феликса виделась?..» Вполне могло быть. Представители ленинградского андеграунда, кто не эмигрировал и сохранил себя в творчестве, впоследствии нашли признание на родине. С некоторыми из них Миша поддерживал отношения всю жизнь. Особенно любил и уважал он петербургского художника Юрия Козлова.

Однажды в сезон встречи белых ночей мы с Мишей всю ночь гуляли по центру города. В общежитие вернулись к шести часам утра. В этот день проходили какие-то выборы депутатов. Помню, я сказал Мише: «Давай пойдем проголосуем. Наверное, мы будем

первыми, по крайней мере в Выборгском районе, кто проголосует сегодня...» Дальше не помню точно, но, видимо, я продолжал говорить что-то оптимистическое о будущем – и нашем, и всей страны. В ответ Миша неожиданно спросил меня: «А ты что, веришь в коммунизм?»

Действие было такое, будто через мой мозг прошел светящийся разряд. Я вдруг поставил себе, что именно верю в коммунизм, не задумываясь никогда о том, на чем же эта вера основана. Далее философствования на эту тему уже не требовались. В этот самый момент «марксист» Аникович подрубил во мне один из столпов (видимо, к тому времени изрядно подгнивший) моего юношеского мировоззрения. Для меня это действительно было потрясением, почему тот случай и запомнился.

Много лет спустя в биографической статье о своем учителе А. Н. Рогачеве Миша так описал свои тогдашние взгляды:

«В те годы я сам был убеждённым марксистом, правда, марксистом ярко выраженного ревизионистского толка. Главная суть моих идей заключалась в следующем: конечно, в СССР социализма нет и в помине, и никакой приход коммунизма в обозримом будущем нам не грозит. Революция 1917 г. была не социалистической, а империалистической. Империализм же, с огосударствленной собственностью на средства производства и чиновничьим засильем, есть не что иное, как зеркальное отражение "азиатского способа производства". Ни пролетариату, ни, тем более, крестьянству коммунистические идеалы не нужны. Партийным чиновникам – тем паче. Они нужны интеллигенции. Переход к коммунизму станет возможным тогда, когда интеллигенция из класса в себе станет классом для себя, займёт ведущее положение в производстве и осознает это положение. Современная научно-техническая революция показывает реальность такого процесса...»

Приверженец таких взглядов не мог иметь непреодолимых идеологических противоречий с первоисточником марксизма – самим К. Марксом. Сейчас многим покажется странным, но Миша был единственным (и, думаю, не только в нашем общежитии!) аспирантом, который на стипендию купил и держал у себя в комнате на полке полное собрание сочинений Маркса. Спустя много лет я попрекал Мишу тем, что заработал мой радикулит именно тогда – когда вместе с ним тащил этот кладёзь философской мысли из букинистического магазина.

У Миши всегда была склонность к философии истории. Она сложилась еще в томский период его жизни, на первых курсах университета. Уже к тому времени им были освоены основные труды по методологии исторического познания, гносеологии, культурологии и в целом философии истории. Неудивительно, что к концу аспирантуры М. В. Аникович был активным участником заметных тогда в научной жизни баталий археологов-теоретиков. Мне эти споры казались тогда по большей части схоластическими. Миша кипятился. По ходу разговора он прямо на лестнице мог разразиться монологом:

– Ты что, не понимаешь? – тут у него проступала рогачевская патетика. – Нельзя же заниматься археологией, не определившись в ее основных теоретических вопросах!..

– Почему нельзя? – отвечал я. – Ведь занимается же Александр Николаевич Рогачев. Никто не замечал, чтобы он мучился вопросами предмета и объекта археологии. А если он и говорит часто о важности материалистического метода в истории, то его практическая научная работа и все достижения никак не связаны с приверженностью той или иной методологической платформе.

Впрочем, на деле мы оба прекрасно понимали, что даже собственное диссертационное исследование невозможно выполнить на приличном уровне без того, чтобы не определиться в базовых проблемах. В начале 70-х годов наиболее актуальными проблемами такого рода для отечественных палеолитоведов выступали: стадиялизм и культурализм в объяснении исторического процесса; социальный и природный факторы в культурогенезе; гносеологические возможности понятия «археологическая культура» и онтологическая природа археологической культуры как реалии. К числу самых обсуждаемых

относилась проблема места археологии в системе гуманитарных дисциплин. Весьма актуальным был вопрос формирования строгого научного языка археологии. Ну и, конечно, вечная тема археологов – проблемы типологии.

В эмпирической археологии в те годы начала завоевывать себе пространство неопозитивистская методология анализа. Общепринятым стал комплексный характер полевых исследований с привлечением максимально возможного количества специалистов биологических, геологических и географических дисциплин. Само палеолитоведение весьма заметно отодвигалось от комплекса гуманитарных наук в сторону естественных. Даже в такой, казалось бы, нейтральной к методологии сфере, как «вещеведческая» типология, явственно проявлялось порой невольное и не всегда осознаваемое самим исследователем (особенно молодым) воздействие тенденций, витавших тогда и в европейской, и в советской археологии. Неудивительно, что М. В. Аникович, которого большинство названных проблем глубоко волновало, очень рано продемонстрировал не только готовность, но и способность стать одним из тех, кто формировал научную атмосферу в теоретической области археологии.

Кандидатская диссертация М. В. Аниковича была посвящена стрелецкой культуре. Поскольку вопрос о культурной дифференциации костенковских памятников в то время считался в целом решенным, то тема казалась вполне обыденной. Достаточно было просто дать подробную типологическую характеристику культуры, установить ее хронологические рамки, очертить географическое распространение, по возможности рассмотреть вопросы генезиса и определить культурнотипологическое соотношение с другими синхронными культурами Восточной Европы. Однако на самом деле в ходе работы над этой диссертацией у М. В. Аниковича вырабатывалась, по существу, программа и главная линия всей его дальнейшей научной работы. Именно тогда он начал формулировать подходы к решению проблемы хронологии и механизма становления верхнего палеолита на Русской равнине, которые были изложены спустя много лет. Путь к решению этих проблем лежал через новые полевые исследования, в ходе которых, в частности, Мишей были предложены неожиданные для многих уточнения общей костенковской стратиграфической схемы («пятичленка» А. Н. Рогачева). Эти и другие данные легли в основу сформулированного им нового взгляда на хронологию и периодизацию верхнего палеолита Восточной Европы.

Конечно, сейчас еще не время давать оценку результатам научной деятельности М. В. Аниковича, да и не это главное в моих сегодняшних заметках. Не сомневаюсь, что спустя какое-то время его научное творчество во всех своих гранях станет предметом специального изучения.

Мне кажется, А. Н. Рогачев как учитель был Мишей доволен. Во-первых, ученик не являлся, как он считал, его идеологическим антиподом – а для А. Н. Рогачева это имело большое значение. Во-вторых, Михаилу Васильевичу была присуща творческая заряженность, отвергавшая всякий талмудизм и догматику в интерпретации археологических реалий. А приверженность тому или иному направлению проверялась легко. Теоретические дискуссии, переходившие часто в острые полемики по конкретным вопросам текущих исследований, были нередки в Отделе палеолита ЛОИА. Сейчас они даже представляются чрезмерно острыми. Многие вопросы теперь кажутся настолько очевидными, что невольно думаешь: «А стоило ли из-за них ломать копья?» Помню, какие непримиримые бои велись по поводу датировки верхнего слоя Костенок 1 и костенковской культуры в целом. Н. Д. Праслов (выражавший тут и точку зрения А. Н. Рогачева) считал правильными новые датировки верхнего слоя Костенок 1 в рамках 20–22 тыс. л. н. Против этого резко возражал Г. П. Григорьев. Он не видел достаточных оснований для пересмотра привычных датировок, установленных в рамках примерно 17 тыс. л. н. Главным аргументом поначалу был такой: «Одна дата – не дата». Однако в данном случае разрешение споров было делом времени. Увы, далеко не все археологические проблемы могут легко находить свое решение с помощью методов, основанных на законах физики.

Показателем того, как высоко ценил А. Н. Рогачев своего ученика, является его предложение Мише стать соавтором в написании раздела по верхнему палеолиту Русской равнины в томе «Палеолит СССР» многотомной серии «Археология СССР». Во время подготовки этого тома А. Н. Рогачев уже тяжело болел. Основная работа по подготовке раздела легла на плечи М. В. Аниковича. Авторство в этом томе было очень почетно. Речь шла, по сути, о подведении итогов исследований палеолита на территории страны за всю историю его изучения. Как эксперты в своей области авторы получали право представлять акценты и давать личностные оценки, которые в условиях советского менталитета приобретали в научном сообществе почти канонический статус.

Знаю хорошо, что Миша испытывал глубочайшее уважение к А. Н. Рогачеву, но образцом для себя и даже идеалом (именно так он говорил мне) долго считал Н. Д. Праслова. Окружающие замечали, что даже внешне, своими жестами, речью он пытается походить на Праслова. Но с некоторых пор отношения между ними стали прохладными. В середине 90-х гг. в костенковской экспедиции накопилось немало проблем – и объективных, и субъективных, что привело к полной остановке ее работ. Возможность дальнейшей работы Миши в Костенках оказалась проблематичной. В это же время у него произошел разлад в семье и фактический разрыв с Таней Ярославской (Т. Н. Дмитриева). Между тем на дворе были «лихие девяностые» – тяжёлое время для научной интеллигенции. Каждый, кто не уехал в поисках лучшей доли за границу, вынужден был искать хоть какой-нибудь приработок на стороне. Только это давало возможность заниматься дальше своими научными изысканиями. Занятия наукой стали делом скорее личным, чем государственным. Для Михаила Васильевича в это время все беды сошлись вместе.

Все это усугублялось для него ощущением своего одиночества в огромном городе и тревогой за маму, забота о которой целиком лежала на нем. Рассказывая о том, как ему приходилось в тот период, Миша вспоминал, что иногда, навещая маму, не мог из-за безденежья купить ей даже плитку шоколада. То, с какой любовью Михаил Васильевич относился к своей маме, думаю, искупило все его грехи.

У меня же в описываемое время, а именно в 1995 г. начался совершенно новый проект – исследование Зарайской верхнепалеолитической стоянки в Подмосковье. Я исходил из того, что в полевых работах нужно учитывать опыт раскопок близких в культурном отношении стоянок, но не копировать его. Считал необходимым скорректировать методику разборки культурного слоя, использовать дифференцированный стратиграфический и планиграфический анализ раскапываемых объектов. Было ясно, что надо уделять естественным факторам накопления и проявлениям постпозиционных трансформаций культурного слоя такое же пристальное внимание, как и объектам собственно археологическим.

Мне удалось привлечь к работам в экспедиции Л. М. Тарасова с его опытом раскопок стоянки Гагарино, а также Е. В. Булочникову – многолетнюю участницу авдеевской экспедиции. Работала с нами и М. В. Александрова, которая ранее никогда не вела самостоятельных раскопок, но зато написала строгую статью с критикой того, как П. П. Ефименко раскапывал Костенки 1. Естественно, Миша с его костенковским опытом оказался самым желанным помощником. Миша с радостью согласился приехать. Я радовался не меньше. Кроме всего прочего, у меня появилась возможность ежедневно общаться с ним. А он смог на время отвлечься от житейских невзгод и спокойно обдумать дальнейшие планы – в частности, по налаживанию новых полевых исследований в Костенках.

Раскопки начались довольно бойко. Но очень скоро пришлось замедлить темпы. Прояснялись особенности геологического строения изучаемых слоев. Были выявлены разнотипные проявления нарушений культурного слоя, переслаивание псевдоморфоз, наложение друг на друга остатков рукотворных объектов слоя и т. п. Становилось ясно, что ни один из методических приемов, применявшихся ранее в раскопках других памятников, не может быть применен в Зарайске в неизменном виде. Постепенно это стало понятно всем. Но некоторые из тех, кто высказывался на данную тему, вовсе не виде-

ли в этом беды и считали возможным вести работы в форсированном темпе. Я гнул свою линию и копал настолько медленно, насколько было возможно. Боялся лишь одного – что мотивы медлительности станут понятными рядовому составу экспедиции. Это могло стать «деморализующим фактором». С Мишей у нас разногласий не было: его исследовательская мысль шла примерно в том же направлении. Поэтому и в интерпретации раскопанных объектов у нас, по большей части, расхождений не возникало.

Занявшись проблематикой виллендорфско-костенковской культуры, я вызвал удивление одних и недовольство других. Ведь эта область считалась у наших палеолитоведов чуть ли не уделом избранных. Попытки привнести хоть сколько-нибудь заметные коррективы в утвердившиеся схемы воспринимались как разрушение устоев и неприкрытый вызов продолжателям и наследникам традиций. В этой ситуации мне была важна любая поддержка. Однако Мишу мне даже не надо было убеждать в своей правоте – он сам был участником раскопок и видел воочию все, что являлось предметом обсуждения, – и в Костенках, и в Зарайске.

Безусловно, позицию Михаила Васильевича в тогдашних дискуссиях можно рассматривать как естественное выражение профессиональной точки зрения по конкретному вопросу. Он ведь был не из тех, кто в ущерб истине промолчит в принципиальном споре – из осторожности, из страха разонравиться кому-то или тем более из-за сиюминутной выгоды. Для М. В. Аниковича такое было бы непредставимо. Тем не менее мне те дискуссии вспоминаются с какой-то личностной окраской. Нет, даже не потому, что Миша на практике пришел к убеждению, что я прав, а потому, что он был искренне рад тому, что я прав. И я храню в памяти чувство благодарности Мише, который и здесь остался безупречным в верности долгу дружбы. Хотя, разумеется, соображения чисто научного характера имели для него очень большое значение. Особо сентиментальным он не был даже в последние годы жизни. Многие знают, что в вопросе выбора между научной истиной и личными отношениями предпочтение он отдавал первой – твердо и без колебаний.

Жизнь в Зарайской экспедиции протекала совсем не так, как в Костенках. Конечно, Зарайску тоже были присущи некоторый провинциализм и серость. Но последняя здесь отнюдь не определяла сути городской жизни. Главное чувство, которое вызывал Зарайск, – ощущение покоя, прозрачной и благостной атмосферы.

Герой В. Пелевина из повести «Омон Ра» свое минутное впечатление о городе передал так:

«Помню город Зарайск. Точнее, нельзя сказать ни что я его помню, ни что я его забыл, – настолько в нем мало того, что можно забыть или помнить. В самом его центре высилась белокаменная колокольня, с которой когда-то давно прыгнула на камни княгиня, и хоть прошло уже много веков, ее поступок в городе помнили. Рядом стоял музей истории, а неподалеку от него – отделения связи и милиции».

Стиль текста, откуда взята эта цитата, хорошо передает настроение, которое Зарайск может навеять равнодушному проезжему. Но настоящего портрета города здесь нет. Вряд ли сумею создать его и я. Утверждаю только, что в Зарайске был и, думаю, есть настоящий, живой, поистине «культурный слой» города. Его составляют художники, музейщики, священнослужители, учителя, краеведы. Казалось удивительным, что в разлуке и безвременье тех лет в городе активно работает детская художественная школа, силами местных художников организуются двухнедельные общероссийские пленэры в окрестностях города, в городском музее проводятся литературные и исторические вечера и конференции. Могли ли мы, и особенно Михаил Васильевич, оставаться в стороне от всего этого? Конечно нет. У каждого из нас образовался свой круг общения в городе. Многие знакомые и друзья оказались общими. Миша тогда очень сблизился с Володицей Пименовым – народным художником России. Их связывала, в частности, любовь к Ф. М. Достоевскому. У Володи были очень интересные работы на тему «Достоевский и Зарайск». Ведь именно здесь, в нескольких километрах от Зарайска, располагается

известная многим деревня Даровое – имение Достоевских, где писатель провел в отрочестве немало времени.

Миша и Володя многим делились друг с другом, высказываясь доверительно по всем вопросам и личной, и общественной жизни. Зимой, в экспедиционное межсезонье, связь между ними не прерывалась. Они общались старомодным способом – обычной почтовой перепиской. Это позволяло вести на расстоянии обстоятельные, осмысленные, неторопливые беседы. Интересно, сохранились ли эти письма? Знаю, что они касались очень важных вопросов, волновавших тогда Мишу.

Начало экспедиции складывалось не скучно. Был необыкновенный энтузиазм, был интерес к проблематике предстоящих исследований; были энергия и целеустремленность. Не было только денег на раскопки. Первый сезон раскопок в 1995 г. мы кое-как отработали. Наша неординарная экспедиция отличилась тем, что стала героем репортажа общероссийской новостной программы «Вести». В один прекрасный день с экранов всех телевизоров страны было сообщено, что в центре Зарайска ведет раскопки экспедиция Российской Академии наук. А финансирование ее настолько плохое, что сотрудникам приходится собирать у прохожих деньги на продолжение работ. При этом показывали картонную коробку у края нашего раскопа с надписью: «Пожертвования на проведение археологических раскопок Зарайской стоянки – палеолитического памятника мирового значения».

Конечно, в мире вряд ли кто догадывался тогда о существовании этого самого памятника – ведь он даже не упоминался в общих обзорах по России. Однако мы были уверены, что Зарайск получит мировую известность. Этим и объяснялась наша дерзость со способом сбора пожертвований на раскопки. Репортаж, естественно, стал известен в Президиуме РАН. Реакция могла быть двоякой: либо «выпороть» меня по полной, либо воспользоваться этим новым фактом информационной и общественной поддержки в пользу лучшего финансирования науки... В конце концов меня лишь слегка пожурили.

На второй год раскопок надо было искать более надежный и, главное, более щедрый источник дополнительного финансирования, чем взносы прохожих в нашу коробку из-под какао. Активистам пришла идея, казавшаяся авантюрной: воспользоваться знакомством с американским палеолитоведом Брюсом Бредли и предложить ему организовать приезд в Зарайск группы его сограждан – волонтеров. Мы бы предоставили им возможность участвовать в раскопках, а они оплатили бы свое пребывание в экспедиции и наши услуги по тренингу.

И вот в июле 1996 г. в Зарайск в распоряжение экспедиции прибыло четырнадцать американских граждан, из которых одиннадцать были пенсионерами в возрасте от 60 до 80 лет, а двое – индейцами. В городе начался переполох. Со времен Лжедмитрия и польско-литовских захватчиков в этих краях никогда не видели так много иностранцев одновременно. Особенно волновалась женщина – начальник паспортного стола. Спрашивала меня: «А у вас самого-то какое гражданство (видимо, ее смущала моя фамилия)? А лицензия на использование иностранной рабочей силы у Вас имеется?..»

Михаил Васильевич радовался приезду американцев больше всех. Америка была его любимой страной с детства, точнее – с просмотра в детстве кинофильма «Великолепная семерка». И вот он получил возможность реально пообщаться со столькими посланцами милой его сердцу страны. Английский он знал прилично. А я как начальник строил планы использования этого в интересах работы. Ведь всех волонтеров, многие из которых не имели и представления о культурном слое, предстояло хоть раз «посадить» на этот самый слой и даже позволить им его разбирать. Сей процесс требовал неотступного внимания и регулирования. И тут Мишин английский, конечно, был просто необходим.

Он очень подружился с американскими старушками (такими нам казались тогда эти симпатичные, доброжелательные женщины). Через год, именно с подачи старушек, бывшие волонтеры скинулись и устроили Мише поездку в Америку, в Колорадо, в научно-образовательный археологический центр «Кроу-Кэньон», где в ту пору работал наш друг Брюс Бредли. Догадывались ли они, насколько ценным был для него их подарок?

По возвращении Миши в Москву именно я встречал его в аэропорту. Впечатление от встречи было сильным. Навстречу мне шел мужчина в джинсах, плотной фетровой шляпе с очень широкими, загнутыми полями и коричневых ковбойских сапогах с тисненым узором по верху и голенищам. На следующий день мы условились пойти с ним в Исторический музей. Миша как ни в чем не бывало облачился с утра в тот же самый ковбойский наряд и был готов к походу. Говорю ему: «Ты иди по этой стороне Тверской, а я пойду по другой. На Манежной площади поблизости от музея встретимся. Там много людей в разных чудных нарядах – смешаемся в толпе».

Миша был страшно доволен поездкой. Ведь однажды у него уже сорвалась очень важная с профессиональной точки зрения и фантастически интересная поездка в США. В 1991 г. в рамках советско-американского симпозиума, организованного большей частью усилиями Ольги Соффер, была организована поездка группы наших палеолитоведов в Америку. Все складывалось как нельзя лучше. В делегацию была включена вся наша троица – я, Миша и Илья Борзияк. Но перед самым выездом Миша потерял в метро документы. Все ему очень сочувствовали. Кстати, уже в поездке меня удивил Г.П. Григорьев. Всякий раз, когда мы чем-нибудь там восторгались, он вспоминал Мишу и говорил: «Почему Миша? Было бы понятно, если бы потерял документы я». Именно Г.П. Григорьев собирал сувениры и мелкие подарки, полагавшиеся выбывшему члену делегации М.В. Аниковичу, в местах наших запланированных встреч с американцами и привез их в Петербург (кстати, официальное переименование города пришлось именно на время этой нашей поездки). До этого случая я не знал, что Геннадий Павлович был способен на такие проявления чувств.

Однако вернемся в Зарайск. Описанный выше способ зарабатывать деньги на археологические раскопки был трудным и рискованным. Визы, регистрации, медицинские страховки, которые для нас тогда были еще в новинку, устройство волонтеров, при том что у экспедиции еще не было своей базы, каждодневные заботы о качестве пищи, чтобы, не дай бог, не случилось отравления, и т.д. – все это требовало очень больших хлопот и нервов. Но выбора не было. На следующий год мы принимали новую группу, состоявшую из студентов Лондонского института. А через год у нас проходила полевую практику группа студентов кафедры археологии Университета Болоньи. Разумеется, практика была платной.

Миша был свидетелем и активным участником становления Зарайской экспедиции. Он видел, что, при минимуме стартовых возможностей, на новом, неосвоенном месте все-таки можно наладить полноценные экспедиционные работы. Необходимы только инициатива и изобретательность. Миша, хотя он и пребывал в кризисе личной и профессиональной жизни, не был безучастен к происходящему. Он стал заговаривать о необходимости возобновления своих раскопок в Костенках. Это в конечном счете оказалось возможным лишь при условии создания новой экспедиции, с новым местом базирования и новым научным проектом, который мог бы быть поддержан российскими и иностранными научными фондами.

Так вызрела идея создания Костенковско-Борщевской археологической экспедиции. Была определена общая тема – переход от среднего к верхнему палеолиту на Русской равнине. Проект был поддержан Российским фондом фундаментальных исследований. Вскоре нашелся и иностранный партнер со своей долей финансирования. Начинался новый этап жизни Михаила Васильевича.

Наладилась и семейная жизнь Миши. И еще как наладилась! В конце 2001 г. он женился на своей коллеге по ИИМК Надежде Игоревне Платоновой и стал похож на молодого влюбленного. Теперь это был уже не растрепанный мужчина в летах с видом холерического разnochинца. Миша постепенно стал превращаться в стареющего бонвивана, авторитетного археолога и писателя, ухоженного и степенного интеллигента. Однажды я заговорил при Наде, как много она сделала для Миши, и услышал в ответ: «Это ничто по сравнению с тем, что дал мне Миша». Многие знали, сколько внимания и заботы требовалось Мише в его последние годы, и после такого ответа я проникся еще большим уважением к Наде.

До последних дней друг для друга мы, конечно же, оставались теми же Мишей и Хизри, которыми были в общежитии на Яковской, 8. Но вот не стало рядом нашего Ильи Борзияка. А через год с небольшим ушел и Миша. Пройдут годы, уйдут все наши сверстники. И, наверное, после каждого из нас останется что-то, что действительно значимо. О Мише мы уже можем сказать, что он жив не только в памяти многих, но и в итогах своих трудов.

Еще молодым я в течение трех сезонов вел раскопки в пещере Аль-Гуза в Южной Аравии. Все три сезона два раза в день – утром и вечером, по дороге на работу и назад, я пересекал пешком небольшое деревенское кладбище. В мою раскаленную аравийским солнцем голову приходили неожиданные мысли о собственной смерти. Никто ведь не гарантирован от укуса змеи, отравления пищей или другого несчастья. И удивительно, при этой мысли меня не охватывал ужас от сознания, что смерть может настигнуть в чужой стране, почти на краю земли, вдалеке от родных и друзей. Я думал, что мог бы быть похоронен вот на этом самом кладбище, рядом с изучаемым мною памятником. Ведь эти раскопки составляли тогда смысл моей жизни и, наверное, делали сколько-нибудь значимым само мое существование на земле.

Хочется думать, что в село Костенки и дальше будут приезжать экспедиции, чтобы продолжить изучение уникальных памятников. Работы там необозримо, на сотни лет. И каждый год пятнадцатого августа на могилу русского археолога Михаила Васильевича Аниковича на высоком берегу Дона будут приносить цветы его ученики, последователи и все те, кто выбрал своей профессией изучение первобытных древностей. Вечером в экспедиционном лагере они будут праздновать День археолога, и Миша, конечно же, будет незримо присутствовать среди живых. И так – из года в год, из десятилетия в десятилетие.

ПАМЯТИ МАМАЙХАНА АГЛАРОВИЧА АГЛАРОВА

МАМАЙХАН АГЛАРОВИЧ АГЛАРОВ
(1935–2017)

В возрасте 82 лет 14 марта 2017 г. ушел из жизни Мамайхан Агларович Агларов – выдающийся этнограф-кавказовед, ученый, который вместе с лучшими представителями своего поколения олицетворял этап становления и стремительного взлета гуманитарной академической науки в Дагестане. В человеческом измерении это невосполнимая утрата для родных, друзей и близких покойного. Но это и огромная потеря для дагестанской и российской исторической науки.

М.А. Агларов родился в с. Ашали Ботлихского района 27 марта 1935 г. в известной у андийцев семье учителей – Аглара и Байджат. После окончания средней школы в с. Ботлих Мамайхан оказался в числе немногих одноклассников-выпускников, знаний и упорства которых оказалось достаточно для продолжения учебы в университете. В студенческие годы началось его профессиональное становление и приобщение к тому поколению дагестанцев, которые должны были олицетворять собой новую, послевоенную гуманитарную интеллигенцию республики. Завидная судьба лучших студентов исторического факультета, выучившихся в эти годы, предназначала их для возведения современного здания академической исторической науки в Дагестане. М.А. Агларову в этом была предуготовлена одна из первых ролей.

С того курса исторического факультета Дагестанского университета, на котором учился М.А. Агларов, вышла когорта видных ученых. В историю дагестанской науки вошли имена профессоров Магомеда Гаджиевича Гаджиева, Мурада Ибрагимовича Абакарова, Магомеда Шигабуудиновича Шигабуудинова, члена-корреспондента РАН Ахмеда Ибрагимовича Османова. Каждый из них – индивидуальность, личность неповторимая по характеру, влечениям, темпераменту. Но и объединяло их многое – талант, раннее

взросление, целеустремленность, ответственность, верность избранному пути. Мамайхан не потерялся и не растворился в таком окружении. Его отличали исследовательская страсть, умение мыслить нестандартно, большая эрудиция, внимание к деталям и способность к синтезу. При этом в жизни он не был восторженным созерцателем или отшельником, ищущим творческого уединения. Не только в молодости, но и в зрелые годы оставался в гуще, а чаще в центре научных и общественных событий, если они не были дежурным «церемониальным» действием.

Трудовая книжка Мамайхана Агларовича не пестрит множеством записей. В ней обозначена дата поступления его на работу в 1961 г. в Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР (ныне Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН). А вторая дата – день его тихой кончины, после которой он будет продолжать жить только в доброй, уважительной памяти всех, кто его знал. Между этими двумя датами поместился жизненный путь, который был пройден от аспиранта до руководителя научного направления, и на любой дистанции этого курса он оставался блестящим ученым и достойным дагестанцем.

В начале 60-х гг., на заре научной деятельности М. А. Агларова основным трендом дагестанской этнографии было изучение материальной культуры. Одна за другой выходили монографии, посвященные описанию поселений, жилищ, домашней утвари, одежды, пищи, культуры хозяйствования народов Дагестана. Какая-то из этих тем казалась интереснее других, и исследователи, конечно, имели свои предпочтения, но выбор не всегда был за ними. Приходилось считаться с «производственной необходимостью». Мамайхану попадались разделы, представлявшие малоинтересными и даже бесконечно далекими от его предпочтений и навыков – например, раздел «пища». Казалось бы, от малоопытного еще сотрудника можно ожидать не более чем простого описания национальных блюд и способов их приготовления. Но уже в этих работах М. А. Агларов проявил свойственный ему многосторонний подход и рассмотрел предмет исследования как часть чего-то большего, что имеет свое определенное место в структуре общей культурно-исторической характеристики народа. В изучении и пищи, и сельскохозяйственной утвари, и способов традиционного земледелия, и других подобных объектов им демонстрировался метод анализа, присущий для еще не вошедших тогда у нас в моду структурализма и новых веяний культурной антропологии. В этих работах на конкретных примерах демонстрировалось, как через изучение названных выше, казалось бы, приземленных проблем можно выйти на освещение важных сторон многопланового этнического портрета народа.

Направление изучения материальной культуры и хозяйства по инерции оставалось доминирующим в дагестанской этнографической науке еще долгие годы. При этом оставались практически не изученными интереснейшие аспекты, имеющие отношение к социальной и политической антропологии народов Дагестана. Спектр этой тематики, конечно, гораздо сложнее дескриптивной этнографии. А обращение к ней давало возможность проникновения в самую суть специфики исторического процесса на территории региона. И не удивительно, что в центр этих проблем с азартом погрузился именно Мамайхан Агларович. Многолетняя работа в данной области привела исследователя к пониманию того, что в горном Дагестане можно наблюдать наличие глубокой взаимосвязи между спецификой социальной организации, формами политических институтов, традиционными устоями экономики и этногенезом. В переплетении множества факторов исследователю предстояло выявить ключевой элемент, который можно было бы использовать как основу для раскрытия всей картины в целом. В качестве такого инструмента была признана сельская община горного Дагестана.

Выбор указанного направления исследований и, как результат этого выбора – современное состояние социальной антропологии традиционного горно-дагестанского общества, являются несомненной научной заслугой М. А. Агларова. Защита в 1987 году докторской диссертации по этой теме и выход в свет монографии «Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX вв.» стали признанием поистине экстраорди-

нарной научной значимости проведенных исследований. Названное сочинение вошло в число тех, которые составляют ядро тематики такой универсальной социокультурной категории, как община. Недаром эта книга является, по данным РИНЦ (российский индекс научного цитирования), одним из двух самых востребованных изданий, когда-либо вышедших из стен Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, и она включена в список трудов, отнесенных к достижениям Российской академии наук. В 2015 г. работа была выдвинута на Государственную премию Республики Дагестан в номинации, относящейся к науке. Но соответствующая комиссия, к сожалению, предпочла ей какой-то краеведческий опус.

После изучения горской общины кажутся наивными принимавшиеся раньше характеристики тухума и джамаата – базовых социальных институтов традиционного дагестанского общества. Романтизированными и сильно упрощенными становятся и прежние интерпретации понятия «вольное общество». М. А. Агларов показал место этих общественных структур не в локальном рассмотрении, а в общеисторическом контексте. Содержание и роль этих институтов перестали выглядеть искаженными образами, преломленными призмой дагестанской социальноисторической экзотики. Применительно к горному Дагестану, по сути, была поставлена проблема сосуществования (и иногда борьбы) двух тенденций в формировании разнонаправленных типов государственного устройства – демократического «республиканского» и деспотического абсолютистского. «Вольные общества» – сельские общины и их союзы в этом исследовании были представлены в качестве политических образований с признаками государственности. Совокупность этих признаков была признана достаточной для того, чтобы рассматривать данное социальное устройство в качестве гражданской общины, или, другими словами, некоего прообраза республиканского государственного уклада. Излишне говорить, насколько велик контраст между существовавшими ранее оценками общественного строя большей части традиционного горнодагестанского социума как патриархально-родового и теми концептуальными установками, которые вытекали из исследований М. А. Агларова.

Много внимания М. А. Агларов уделял проблемам этногенеза народов Дагестана. Нельзя не заметить то, насколько тонко он чувствовал современные тенденции в восприятии содержания самого понятия «этнос» и методологических подходов к изучению исторической реалии, стоящей за этим понятием. Он не был сторонником географической обусловленности этнического многообразия населения Дагестана. В формировании столь выраженной мозаичности языков, быта, традиций, древних верований чуть ли не решающую роль он отводил политическому и экономическому факторам. При таком взгляде на проблему этнос предстает не статичной этногеографической единицей, а изменчивым в своем историческом протяжении сообществом, бытие которого определяется взаимодействием политического фактора с экономическим и, косвенно, географическим. Под действием тех же факторов этнические образования не предстают в виде унылой однообразности и в любом синхронном срезе. Эти сюжеты особенно интересовали М. А. Агларова на позднем этапе его научной деятельности. Его последней большой работой было написание труда, посвященного характеристике этнической специфики обитателей горных долин (хиндалал) Центрального и Западного Дагестана. Эта работа была близка к завершению, и при необходимой редакторской подготовке рукопись может быть опубликована. Помимо всего прочего, и в этой последней работе М. А. Агларова видна свойственная этому большому ученому способность увидеть особенное и важное в том, что кажется обыденным и малозначимым. В данном случае из размеренного и, казалось бы, простого описания материальной культуры обитателей определенной географической области возникает портрет некоей большой совокупности людей, которая подходит под понятие одного из самых крупных субэтносов аварцев. Вместе с тем, более рельефно предстают органическая полиморфность и историческая неразрывность самого этноса в целом.

Мамайхана Агларовича, конечно, хорошо знали и относились к нему с пиететом коллеги из соседних республик. Он с радостью помогал начинающим ученым из Чечни и Ин-

гушетии. Кавказоведы-этнографы из Петербурга, Москвы, Тбилиси и других городов, включая столицы европейских стран, прислушивались к его авторитетному мнению. Сам он был в курсе наиболее важных научных событий в области этнографии, происходивших в нашей стране и за рубежом. Ни одна сколько-нибудь значимая работа, выходящая в свет, не оставалась вне поля его внимания. По поводу наиболее актуальных из них он откликался рецензиями, и они бывали отнюдь не дежурно-комплиментарными. Эта часть его научной жизни, как и все его творчество, способствовала утверждению высокой репутации научного сообщества республики в целом.

Весьма плодотворной была научно-педагогическая деятельность М. А. Агларова. Он готовил авторские курсы по направлению культурологии и многие годы читал их студентам Дагестанского государственного университета. Под его руководством выросли кандидаты и доктора наук, успешно осуществляющие свою деятельность в Дагестане и за его пределами. Научные доклады и лекции, читавшиеся им во время командировок, пользовались одинаково большим вниманием как в российских, так и зарубежных научных собраниях, и студенческих аудиториях.

Благородство – это понятие в наибольшей степени подходило для характеристики Мамайхана Агларовича как личности. В близком общении с ним от окружающих это требовало особой «подтянутости». Он ставил чувство собственного достоинства выше других в шкале нравственных приоритетов. В его «ближний круг» не входили те, кому были свойственны приспособленчество и малодушие, не говоря уже о большем. Он бывал бескомпромиссным, когда сталкивался с отклонением от норм традиционного кодекса чести дагестанца. Был нетерпим к нарушениям профессиональной этики, делая ставку в науке, переживал общее снижение в последние два-три десятилетия профессиональных стандартов и престижа науки.

Не сомневаюсь, что М. А. Агларов разделял мысль другого кавказца из другой эпохи – выдающегося ученого-гуманитария XIX в. Аббаса Кулиага Бакиханова, который писал: «...богатство и власть подвержены потере, высокое происхождение без личных достоинств в чужой земле останется незамеченным, а в своей причиняет стыд и одна только наука, проявляясь в умственных произведениях, может доставить нам счастье на земле и продлить наше существование после смерти». Думаю, Мамайхан Агларович ощутил это счастье при жизни, и как никто другой вправе рассчитывать на благодарную посмертную память о себе. В конце своей книги «Андийцы: историко-этнографические очерки» он поместил собственный перевод на андийский язык стихотворения А. С. Пушкина «Памятник». Перевод приводится для того, чтобы продемонстрировать, как будет выглядеть на андийском языке стихотворный текст. Но, чтобы написать этот текст, необходимо было, ни много ни мало – создать для этого языка алфавит! Пусть это было сделано на основе имеющихся других дагестанских алфавитов, но это было сделано! Поэтому и некоторую пафосность в выборе именно данного стихотворения легко объяснить теми чувствами, которые не могли не владеть пылким, творческим человеком в момент, когда он закончил научный труд, посвященный народу своей малой родины. Такие чувства испытывает человек, который воспринимает свою работу и жизнь как служение.

И в своем коллективе, и в сообществе ученых Дагестана в целом Мамайхан Агларович воспринимался не только как профессионал с истинным научным авторитетом, но и как человек, являвшийся эталоном высокой нравственности. Хочется думать, что и новое поколение ученых, идущее на смену М. А. Агларову и его научному окружению, будет черпать вдохновение из чистых и нераздельных научных и нравственных истоков. А наши ушедшие из жизни старшие друзья-наставники будут светить нам приветным мерцанием далекой звезды.

Научное издание

Хизри Амирханович Амирханов

**Первобытные древности Западной Евразии:
статьи разных лет**

Дизайн и верстка: В. Б. Степанов

Подписано в печать 31.07.2020
Формат 60×84/8. Печать офсетная
Уч.-изд. л. 46,1
Тираж 250 экз. Заказ № ...

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Буки Веди»
117246, г. Москва, Научный проезд, д. 19, этаж 2, ком. 6Д, оф. 202
Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

ISBN 978-5-94375-312-1

9 785943 753121